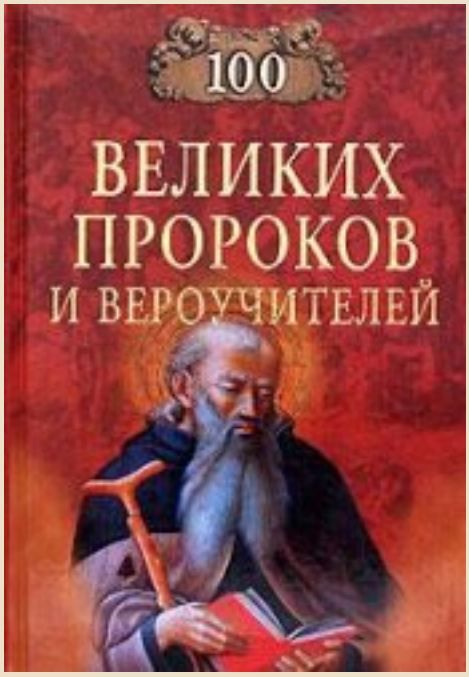

Очередная книга из серии "100 великих" рассказывает о жизни и деятельности самых выдающихся пророков и вероучителей мира от "великих посвященных" древности до создателей надконфессионных течений XX века. Во все времена религиозные представления и религиозные учения играли огромную роль в жизни человеческого общества. Да и в нынешний ядерно-космический век из 6 миллиардов землян открыто объявляют себя неверующими или безразличными к религии только 850 миллионов человек. Несомненно, ярчайшие личности в истории человечества — это основоположники религии (Иисус Христос, Будда, Мухаммад, Моисей, Заратуштра, Конфуций). Однако изучение жизни и деяний видных миссионеров, великих реформаторов и замечательных богословов также позволяет понять эволюцию духовно-нравственных исканий рода людского.

Сто великих пророков и вероучителей

Константин Владиславович Рыжов
Елена Викторовна Рыжова

100 великих пророков и вероучителей

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной том популярной серии «Сто великих» посвящен увлекательной и безграничной теме — истории религиозных исканий человечества. Известно, что во все времена религиозные представления и религиозные учения играли огромную роль в жизни человеческого общества. Нынешний «рациональный», «ядерно-космический» век не является исключением по оценкам некоторых статистиков, из 6 миллиардного населения Земли открыто объявляют себя неверующими или безразличными к религии только 850 миллионов человек.

Наша книга позволит читателю в какой-то мере оценить пестроту и разнообразие различных проявлений религиозного мышления, религиозного чувства и религиозной жизни Принципы, которыми мы руководствовались при ее построении, ни в коей мере не обусловлены какими-либо религиозными пристрастиями. То, что половина героев очерков христиане, объясняется только менталитетом наших потенциальных читателей, традиционно ориентированных на европейскую, христианскую культуру.

Задачу, которую мы ставили перед собой, можно сформулировать примерно так: показать историю христианства на фоне других мировых религий Читателю судить, насколько нам удалось ее реализовать.

Заметим также, что слово «вероучитель» используется нами в самом широком значении. В первую очередь, конечно, оно относится к тем, кого принято называть «основоположниками религии» (Иисусу Христу, Будде, Мухаммаду, Моисею, Нанаку, Заратуштре и др.), а также богословами (Нагарджуне, аль-Газали, Блаженному Августину, Григорию Богослову, Максиму Исповеднику и др.)

Однако не в меньшей мере этого наименования заслуживают миссионеры и создатели религиозных концепций, позволивших по-новому взглянуть на ту или иную сторону традиционного учения Такие люди, как ев Мефодий, ев Антоний Великий, ев Франциск Ассизский, Паисий Величковский, Израиль Бешт и другие им подобные, несомненно были великими вероучителями.

Следует помнить также, что исторический путь развития любой религии отмечен появлением многочисленных ересей и до конца понять его можно лишь тогда, когда принимаешь во внимание весь спектр мнений по тому или иному догматическому вопросу. В связи с этим в книгу вошли жизнеописания некоторых великих ересиархов (Ария, Нестория, Сильвана и др.)

Важный след в истории многих религий (и прежде всего христианства) оставили реформаторские течения. Об этой стороне «вероучительства» рассказывается в жизнеописаниях Ибн Абд

аль-Ваххаба, Уиклифа, Лютера, Кальвина, патриарха Никона, протопопа Аввакума и некоторых других.

Мы также посчитали возможным включить в список «великих» имена таких исторических деятелей, как древнеегипетский фараон Эхнатон, Ездра, папа Григорий VII, аятолла Хомейни, Томас Торквемада, Игнатий Лойола, — пусть неоднозначных, но несомненно выдающихся личностей.

В заключение разобраны некоторые надконфессиональные религиозные и мистические учения (жизнеописания Рамакришны, Блаватской, Штейнера, Хаббарда, Кастанеды и др.). Кто знает, быть может, некоторые из них лягут в основу великих религиозных систем будущего.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Осирис

Согласно представлениям древних египтян, изначально миром правил Ра — бог солнца и творец Вселенной. Однако утомленный земными хлопотами и людским непослушанием он удалился на небеса, оставив свое место сперва сыну — богу воздуха Шу, а затем внуку — богу земли Гебу. Осирис, о котором дальше пойдет речь, принадлежал к четвертому поколению богов. О его рождении миф повествует следующее. Геб вступил в тайную связь со своей сестрой богиней неба Нут, но связь эта была открыта ревнивым Ра, который проклял Нут и объявил, что она не сможет разрешиться от бремени ни в одном из месяцев года. Однако бог мудрости Тот, тоже влюбленный в богиню, в награду за ее благосклонность к нему стал играть в шашки с Луной и каждый раз выигрывал 1/70 часть ее света. Эти части, сложенные вместе, составили пять дней, которые он и добавил к 360 дням прежнего года. В первый из этих дней Нут родила Осириса, и в момент его прихода в мир некий голос возвестил, что «родился властелин всей земли». Во второй день родился Хор. На третий день в мир пришел Сет. (Он не появился, как положено, в свое время, а вышел из бока матери через рану, которую нанес ей.) На четвертый день в болотах Дельты родилась Исида, а в последний — Нефтида. (Что касается их отцов, то первые двое были зачаты Ра, Исида — Тотом, а Сет и Нефтида — Гебом.) Позже Сет взял в жены Нефтиду, а Осирис — Исиду.

Происходившие от богов дети Нут поначалу должны были жить на земле среди людей как простые смертные, хотя и заняли здесь далеко не последнее положение. Осирис стал первым царем Египта, а также первым просветителем и вероучителем человечества. Он был мудрый правитель — следуя его наставлениям, народ вышел из нищеты и варварства. Осирис научил египтян земледелию, садоводству и виноделию, врачебному искусству и строительству городов, дал им основной свод законов. Он также обучил их почтительности к богам, которой они раньше не имели, и культовому служению. Когда Египет благодаря ему стал процветающей и преуспевающей страной, брат Сет задумал лишить Осириса власти и при помощи хитрости убил его. Это злодеяние он усугубил новым — разрубил тело несчастного и разбросал его куски по всей стране. Однако жена Осириса, его сестра Исида, сумела разыскать их. Ра, сжалившись над ней, послал на землю шакалоголового бога Анубиса. Тот собрал члены Осириса,

набальзамировал тело и запеленал его. После этого Исида в виде соколицы опустилась на труп мужа и, чудесным образом зачав от него, родила сына Гора.

Вероломный Сет долго разыскивал племянника, чтобы убить, но так и не нашел.

Исида вскормила и воспитала сына, скрываясь от всего мира в болотах Дельты.

Когда же Гор вырос и возмужал, он вызвал обидчика на суд богов и потребовал вернуть ему наследство Осириса. После длительной тяжбы, продолжавшейся 80 лет, боги признали иск Гора справедливым и удовлетворили его. Гор стал новым царем Египта и сумел воскресить отца, дав ему проглотить свое волшебное око. Однако, Осирис не пожелал возвращаться на землю — он остался в Преисподней царем мертвых, предоставив Гору царствовать над живыми.

Таков в общих чертах миф об Осирисе. Его содержание известно нам по книге греческого историка Плутарха, по нескольким египетским папирусам и по бесчисленным изображениям. Древние египтяне могли и непосредственно видеть страсти Осириса во время священных мистерий. Можно понять, почему его судьба так волновала их. Ведь Осирис воплощал в их глазах идею существа, бывшего одновременно богом и человеком, испытавшего во время жизни на земле страдания и гибель и потому способного сочувствовать им в их болезнях и смерти. Если поначалу в Осирисе видели бога умирающей и воскресающей природы, то в дальнейшем на первый план в нем выступили черты бога, дарующего бессмертие. Египтяне верили в то, что и они, признававшие учение Осириса, разделят с ним его победу над смертью, вновь ожив для загробного бытия. С каждым поколением значение обожествленного Осириса становилось все больше и больше. Уже в XXV в. до Р.Х. его почитали во всех уголках Египта, а спустя тысячу лет Осирис сделался чем-то вроде национального бога — ему приписали атрибуты великих космических богов старших поколений, и он считался теперь не только богом и судией умерших, но также создателем мира и всего сущего. Будучи, согласно мифам, сыном Ра он оказался теперь во многих отношениях более великим и занял место рядом с отцом на небесах. В позднейшие времена Осириса стали считать источником и началом богов, людей и вещей. Так в одном из гимнов мы читаем: «Слава тебе, Осирис, Благой Бог, великий Бог, царь вечности, владыка постоянства…» В другом месте: «Хвала тебе, Осирис, владыка вечности, чьи обличия разнообразны, чьи свойства величественны…». И в третьем: «Сущность твоя, Осирис, темнее (чем всех других богов), ты — луна, находящаяся на небе, ты делаешься юным, когда ты желаешь, ты делаешься молодым, когда ты хочешь, и ты Нил великий на берегах в начале нового года; люди и боги живут влагой, которая изливается из тебя, и я нашел также, что твое величество — это царь преисподней». Как видим, в некоторых своих ипостасях Осирис отождествлялся с Нилом, Ра и другими богами. Но прежде всего вокруг фигуры Осириса кристаллизовались все представления египтян о загробном, потустороннем мире. Мы имеем достаточно точное понятие о них благодаря сборнику заупокойных текстов, имеющих условное название «Книга мертвых» (С глубокой древности эти тексты записывали на стенах

пирамид или гробниц, но в своем законченном виде сборник сложился только в VII–VI вв. до Р.Х., когда был составлен канон из 165 изречений.)

Согласно верованиям египтян, человек помимо физического тела (оно называлось хат — этим словом обозначали все то, чему присуще разложение) обладал еще и несколькими душами. Хат помещали в гробницу после мумификации и предохраняли от смерти с помощью амулетов, магических церемоний, молитв и формул. С телом особым образом был связан ка — духовный двойник человека, его жизненная сила. Ка рождался и рос вместе с человеком, имел его недостатки и достоинства. Он мог существовать и независимо от физического тела, свободно перемещаться по земле или возноситься на небо и там беседовать с богами. Египтяне полагали, что он мог есть, пить, наслаждаться ароматами благовоний. Наконец существовало еще ба, или высшее сознание в человеке, вместилище его чистых идей. Ба обладало способностью становиться телесным или бестелесным, однако считалось, что оно было эфирной субстанцией. Ба могло оставить гробницу и подняться на небеса, где, согласно верованиям египтян, наслаждалось вечным существованием во всем его великолепии. В некотором роде оно являлось вместилищем жизни. Когда ба возвращалось в тело, человек оживал. Египтяне верили, что после смерти человека тело его пребывало в преисподней у Осириса, ба — на небе, куда оно отлетало, стремясь воссоединиться с первоисточником жизни — Солнцем-Ра, а дух ка жил в гробнице. («Твоя душа (ба) живет на небе Ра, — читаем мы в одном из текстов, — твое ка божественно перед богами, твое тело пребывает в преисподней у Осириса».)

Основной целью заупокойного ритуала было магическое воскрешение хат умершего. Для этого было необходимо, во-первых, сохранить тело в таком состоянии, чтобы ба и ка могли с ним соединяться; во-вторых, обеспечить существование ка в гробнице, а, в-третьих, найти душу ба, вернуть ее в тело и оживить последнее. Все это достигалось мумификацией трупа, строительством гробницы, жертвоприношениями и особыми погребальными ритуалами. В древности посмертная судьба человека определялась главным образом состоянием гробницы и заупокойным культом. Поэтому строительство гробницы было главной заботой тех египтян, которые имели средства на сооружение вечного дома. Фараоны начинали строить гробницы с первых дней правления, а многие вельможи в древнеегипетских документах указывали на сооружение усыпальницы как на важнейшее событие своей биографии. В связи с этим надо помнить, что гробница для египтян была не саркофагом, не склепом в нашем смысле слова, а — домом. Художники и скульпторы изображали на ее стенах покойника в лучшие годы его жизни, в расцвете сил. Его окружали портреты жены, детей, слуг, красочные картины пиров, плясок, жертвоприношений; нарисованные виллы и зернохранилища, камыши и птицы, стада коров и овец. Все это, по глубокому убеждению египтян, в известные моменты оживало, и покойник, попадая в привычную обстановку, мог наслаждаться вечным счастьем в своей гробнице-доме.

Позже возникло представление о посмертном воздаянии. Судьба умершего ставилась в зависимость от того, какой приговор вынесет ему Осирис и другие боги, участвовавшие в суде Особую проблему

представляла дорога на это судилище. Путь умершего пролегал через множество областей подземного мира и через многие чертоги, двери которых охранялись враждебными существами. Ему также необходимо было переправляться в ладье через подземные реки, получать помощь от богов и властителей разных областей. «Книга мертвых» обеспечивала его текстами и формулами, которые следовало повторять вслух для достижения цели. Но эти формулы оказывались бессильными перед очами всезнающего судии Тут защитой умершему служила только праведно прожитая жизнь. 125-я глава «Книги мертвых» содержит длинный Шречень грехов, за которые следовало наказание. Покойный соответственно лжен был уверить судий в том, что он их не совершал. Он говорил: «Я не делал зла… Я не лгал никому… Я не ловил в силки птиц богов… Я не отводил течение воды… Я не крал… Я не уменьшал жертв. Я не восставал… Я не говорил зла против царя… Я не презирал богов…» Слова его, впрочем, не принимались на веру. На одном из египетских рисунков мы можем видеть изображение загробного суда- Осирис сидит на троне, в короне, с жезлом и плетью царя. Наверху изображены 42 бога различных областей Египта, которые образуют судилище. В центре зала суда стоят весы, на которых боги Гор и Анубис взвешивают сердце покойного. На одной чаше весов находится сердце, на другой — статуэтка богини правды. Если сердце и правда весили не одинаково, покойника пожирало страшное чудовище Амамат. Но если чаши весов уравновешивались, покойный признавался оправданным и его душа могла вознестись на небо и разделить с богами небесные наслаждения. (Причем она не просто пребывала вместе с Ра в его ладье, но и сливалась с ним. В главе 42 «Книги мертвых» умерший говорит: «Нет членов моего тела, которые бы не были членами бога. Бог Тот соединил мое тело, и я есть Ра день за днем».) Следует подчеркнуть, что по мере расширения представлений о могуществе Осириса, его культ становился все более демократичным. Если в древности Осирис являлся по преимуществу царским богом (и каждый фараон, умирая, уподоблялся Осирису, а его наследник — Гору), то в дальнейшем каждый египтянин, обращаясь с молитвой к своему умершему отцу, называл его Осирисом, а себя- Гором. В позднейших заупокойных текстах любой умерший объявлялся тождественным с Осирисом Это отождествление имело мистический смысл — в плане причастности всех людей к природе божества. Таким образом, осирическое учение пришло к очень важному представлению о всеобщем равенстве людей перед нелицеприятным судией мертвых.

Эхнатон

Трагическая фигура царя-реформатора Аменхотепа IV (или, как он сам себя называл — Эхнатона) стоит особняком не только в египетской, но и в мировой истории.

Проведенная им религиозная реформа настолько необычна, что до сих пор вызывает к себе острый интерес. Однако отношение к нему среди историков разное. Многие считают Аменхотепа непрактичным идеалистом, другие — ослепленным изувером, третьи — боговдохновенным пророком, а иные — властным диктатором. Вероятно, в какой-то степени правы все.

Несомненно, что в правление Аменхотепа процветающее и великое Новое царство стало быстро ослабевать и приходить в упадок.

Аменхотеп взошел на престол в 1364 г. до Р.Х. пятнадцатилетним юношей.

Блистательная египетская империя находилась в это время в зените своего могущества. Предки молодого царя, происходившие из Фив и основавшие за двести лет до его рождения XVIII династию, имели в глазах египтян огромные заслуги. Они освободили Египет от владычества завоевателей-гиксосов, объединили страну, подчинили египтянам Нубию и Сирию. При них Египет превратился в огромное многонациональное государство и сделался на несколько столетий самым сильным государством Передней Азии. Царская столица — Фивы была тогда одним из самых многолюдных и богатых городов Востока. Как это всегда бывало раньше в египетской истории, с возвышением нового города возросло значение его бога-покровителя — фиванского бога Амона. Еще в эпоху Среднего царства этот местный бог, олицетворявший тайную силу, поддерживающую существование Вселенной, был отождествлен жрецами с богом солнца Ра. Фараоны XVIII династии щедро одаривали его храмы; во славу Амона были воздвигнуты исполинские колоннады святилищ Карнака и Луксора. Они наглядно демонстрировали могущество фиванского бога.

Торжественные процессии со статуей Амона превратились в национальные праздники.

Господство культа этого бога, с которым связывали все успехи страны, казалось незыблемым. Жизнь всей страны, каждого человека, от фараона до последнего крестьянина или раба, была проникнута его духом. И никто не мог ожидать, что мятеж против бога-триумфатора поднимется в самом царском дворце, в доме «возлюбленного сына Амона».

Подробности религиозных преобразований Аменхотепа нам не известны, но мы можем судить о них по многочисленным изображениям той эпохи. Уже с первых лет царствования Аменхотепа ощущается пристрастие молодого фараона к культу солнца, причем не в древних его формах поклонения солнечным богам Амону и Ра, а в горячем почитании третьестепенного и до той поры почти неизвестного бога «видимого солнца» Атона. На первых порах фараон пошел по пути, проложенному жрецами, отождествив Атона со старыми солнечными богами. На памятниках того времени мы читаем: «Да живет Ра-Гор небосклона, ликующий на небосклоне в имени своем как Шу, который есть Атон». Таким образом, Атон оказывается тождественным древнему Ра, и царскому богу Гору, и божеству воздушного сияния Шу. Впрочем, никаких признаков отрицания старых богов в это время еще не было заметно. Никто не возбранял придворным изображать и призывать в гробницах любые древние божества и даже представлять фараона и его мать, почитающими их. Однако Аменхотеп значительно умерил свои пожертвования храмам других богов, в то время как жречество Атона получало неисчислимые подношения.

Следующий шаг к религиозной реформе был сделан около 1360 г. до Р.Х., когда Аменхотеп провозгласил Атона-Ра «царствующим фараоном». В повседневную жизнь двора были включены многочисленные религиозные церемонии в честь Атона, в добровольного жреца и пророка которого

превратился сам фараон. Вслед за «воцарением» солнца резко изменилось его изображение. Прежний образ человека с головой сокола, увенчанной солнечным кругом, заменился новым: это был круг с солнечной или царской змеей спереди и множеством устремленных вниз лучей с кистями человеческих рук на концах. Такой способ изображения солнца при полном отказе от его очеловечивания наглядно свидетельствовал, что за своим божеством фараон признавал только один облик — зримого солнца. Около 1358 г. до Р.Х., в шестой год своего правления, Аменхотеп объявил о намерении построить новую столицу. Одновременно он убрал из царской титулатуры все, что напоминало о прежней столице и ее боге, а взамен ввел наименования в честь солнца и нового города. Вместо прежнего личного имени «Аменхотеп» (то есть «Амон доволен») фараон принял имя Эхнатона (то есть «Полезный Атону»). Место для новой столицы было выбрано в Среднем Египте, на правом берегу Нила, где горы, отступая полукругом от реки, образовывали просторную равнину (ныне это место известно под названием Эль-Амарна). Город получил название Ахетатон (что значит «Небосклон солнца»). Его центром стал грандиозный храм Атона — величайшее сооружение древности, длиной около 800 м, а шириной — 300 м.

В последующие годы заметны первые проявления неприятия старого фиванского бога Амона. Чиновники и сподвижники Эхнатона вслед за ним переиначивают свои имена, удаляя из них имя Амона. А потом следуют еще более радикальные меры. Имя отверженного Амона начинают уничтожать везде: на стенах храмов, на вершинах колонн, в гробницах, на изваяниях, на погребальных плитах, на предметах дворцового обихода и даже на клинописных посланиях иноземных властителей.

Выскабливают не только имя Амона, но и слово «боги». Таким образом, речь шла уже не просто о замене одного верховного бога другим. Реформа носила более кардинальный характер и была первой попыткой ввести в Египте единобожие. Древняя египетская религия с ее многобожием, мифами, магией, сложнейшими заупокойными церемониями была отметена с радикализмом, свойственным молодости. Осирис и другие популярные боги были отвергнуты. Старых богов перестали чтить, а величайший из них — Амон — стал подвергаться прямому преследованию.

Государственную поддержку отныне получил культ единственного бога — бога «видимого солнца» Атона, в честь которого во всех городах воздвигались величественные храмы. Что касается храмов старых богов, то, лишившись царских субсидий, они стали быстро приходить в упадок. Уже после смерти Эхнатона его преемник Тутанхамон писал: «Храмы богов и богинь, начиная от Элефантины и кончая болотами топи в Низовье… были близки к забвению, их святилища были близки к гибели, превратившись в развалины, они поросли растительностью, их обители стали как то, чего не было, их двор стал дорогой для пешехода».

Религиозный переворот завершился около 1352 г. до Р.Х. К этому времени был положен конец многовековому господству Фив. Столица переместилась в выросший со сказочной быстротой Ахетатон. В новом городе не было приверженцев старых культов, здесь безраздельно царил Атон, а фараон был его первым и преданнейшим слугой. По всему видно, что Эхнатон ощущал себя настоящим пророком солнца, проповедником

новой истинной религии, ее верховным жрецом. Именно он сложил Гимн Атону, который является единственным дошедшим до нас символом веры атонизма:

Великолепно твое появление на горизонте, Воплощенный Атон, жизнетворец! На небосклоне вечном, блистая, Несчетные земли озаряешь своей красотой, Над всеми краями, Величавый, прекрасный, сверкаешь высоко, Лучами обняв рубежи сотворенных тобою земель, Ты их отдаешь во владение любому сыну. Ты вдалеке, но лучи твои здесь, на земле, На лицах людей твой свет, но твое приближение скрыто.

Это вступление провозглашает три основных положения религии Эхнатона. Атон — универсальный мировой Бог. Это не бог какого-либо города или какой-то одной страны, а создатель всех земель. Атон воплощается в солнечном диске, хотя сущность его сокрыта от человека. Избранником Атона является Эхнатон, его «возлюбленный сын».

Эхнатон не строил богословской системы и отвлеченной аргументации. Он только показал в своем гимне, что без солнца жизнь замирает, а при его восходе — оживает. В этом — свидетельство его всемогущества:

Когда исчезаешь, покинув западный небосклон,
Кромешною тьмою, как смертью, объята земля.
Очи не видят очей.
В опочивальне спят, с головой закутавшись, люди.
Из-под их изголовья добро укради — и того не заметят!
В отсутствие солнца освобождаются все враждебные силы.
Творческая сила Атона не знает границ.

От величественных явлений мирозданья до незаметных и таинственных — все подвластно Атону:

Жизнью обязан тебе зарожденный в женщине плод,
В жилы вливаешь ты кровь.
Животворишь в материнской утробе младенца,
Во чреве лежащего ты насыщаешь его.
Даром дыхания ты наделяешь творенья свои…
Даже птенцу в скорлупе дыханье даруешь…
Нет числа разноликим созданьям твоим.
Многообразье их скрыто от глаз человека.
Ты — единый творец, равного нет божества!

С Атоном не связана никакая космогоническая мифология. В отличие от Амона, который родился из Нуна — Хаоса, Атон пребывал вечно. Он единый живой Творец

Вселенной, любящий Отец земли, растений, животных, людей:
В единстве своем нераздельном ты сотворил…
Все, что ступает ногами по тверди земной,
Все, что на крыльях парит в поднебесье.

В Палестине и Сирии, в Нубии золотоносной, в Египте
Тобой предназначено каждому смертному место его…

Эхнатон отверг представления своих предков о том, что только египтяне — настоящие люди, а прочие — «сыны дьявола». Он пришел к мысли о том, что Бог объемлет своей любовью все земли и все племена.

Каждое око глядит на тебя,
Горний Атон, с вышины озаряющей землю.
Но познал тебя и постиг
В целом свете один Эхнатон, твой возлюбленный сын,
В свой божественный замысел ты посвящаешь его,
Открываешь ему свою мощь…

Эхнатон объявил себя единственным носителем истины. Во имя нее он стремился создать новый уклад жизни, отличный от прежнего. Его божественность должна была отныне проявляться с такой же благодатью, с какой солнце живит землю. Эхнатон стал открыто пренебрегать традиционной помпезностью, сопровождавшей прежних фараонов при публичных появлениях, и даже не одевал старого фетиша — двойной короны. Обоих Земель, которую издревле носили все без исключения египетские фараоны. Он хотел, чтобы все в его городе было иначе, чем в Фивах. Художники, украшавшие дворцы и храмы в Ахетатоне, получили право не считаться с омертвевшими канонами старых школ. Сначала в своем стремлении к «истине» они доходили почти до карикатуры. Не колеблясь, они изображали малоизящную фигуру царя, его большой живот, отвислую челюсть. Но уже в этих стилизациях удивительно передано величие духа Эхнатона, которое не может скрыть его уродливаявнешность.

Постепенно сложилась новая художественная школа, создавшая изумительные по красоте творения: галерею портретов царя, его жены Нефертити и их дочерей, картины природы, как бы иллюстрирующие гимн солнцу. Искусство Ахенатона нельзя рассматривать вне религии Атона. Ее любовное, бережное отношение к миру, ее восхищение каждым проявлением красоты одухотворяют произведения художников солнечного города.

Однако все эти положительные сдвиги в культурной и духовной сферах проходили на фоне быстрого падения египетского могущества. Захваченный своими религиозными преобразованиями фараон забросил остальные дела. А они шли все хуже и хуже. Хотя об особе Эхнатона говорили и писали в духе его предков, царей-завоевателей, именуя его «властителем всех народов», реальное положение вещей имело мало общего с подобными притязаниями. Отношения с крупными государствами Ближнего Востока расстроились, так как Эхнатон не желал отправлять их правителям золото с отцовской щедростью. Между тем хетты стали постепенно распространять свою власть на Сирию. Не получая действенной поддержки от Египта, верные ему сиро- палестинские царьки гибли в борьбе с враждебными властителями и собственными подданными. О своем тяжелом положении они постоянно писали Эхнатону, но фараон оставался глух к их мольбам и не отправлял на помощь даже небольших

отрядов египетских солдат.

Последние годы жизни царя-реформатора покрыты мраком. Умер он около 1347 г. до Р.Х. сравнительно молодым, на восемнадцатом году своего царствования. Его погребли в пустыне среди скал, замыкавших долину, рядом с его любимым городом. Прошло совсем немного времени, как в место его вечного успокоения ворвались осквернители. Пришел конец его династии и, следовательно, его учению. Уже ближайшие наследники Эхнатона, его зятья Сменхкара, Тутанхамон и Эйе, разрешили отправление старых культов. В 1333 г. до Р.Х. к власти в Египте пришел молодой и энергичный военачальник Харемхеб, который завершил полную реставрацию старых порядков в стране. Имя Эхнатона было предано проклятью, его изображения разбивались на куски. Прекрасный Ахетатон был заброшен и больше никогда не возродился.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

Орфей

Греческий мир не создал ни одной значительной религиозной системы. Однако некоторые вероучения, зародившиеся здесь, достойны того, чтобы задержать на них внимание, так как они в значительной степени подготовили умы европейцев к восприятию христианства. Речь прежде всего должна пойти об орфиках, пифагорейцах и герметиках, которые, отталкиваясь от традиционных религиозных представлений, предложили и развили целый ряд глубоких богословских идей. Что касается собственно народной религии греков, то (если не брать во внимание удивительно яркую и тщательно разработанную мифологию) она не содержала в себе ничего оригинального. У греков никогда не было ни священных книг, ни богословия, ни религиозно-нравственных заповедей. Жрецы не составили здесь могущественной корпорации и не играли значительной политической роли, как это было, например, в Египте. Если египетское духовенство являлось средой, в которой культивировалась богословская мысль, медицина, математика, если израильское духовенство боролось за нравственное воспитание народа, то греческие жрецы были только совершителями ритуалов, произносителями заклятий и устроителями жертвоприношений. Поэтому многие религиозные представления были оформлены здесь не богословами в подлинном смысле слова, а поэтами — прежде всего Гомером и Гесиодом. Геродот впоследствии писал, что до Гомера греки не имели ясного представления о богах, их жизни, отношениях и сферах деятельности.

Можно таким образом говорить о своеобразном феномене — «гомеровской религии», для которой поэмы ионийского певца послужили чем-то вроде священной книги.

Действительно, в «Илиаде» и «Одиссее» содержится очень много сцен, рисующих жизнь и отношения семейного клана Олимпийских богов. Возглавлял его, как известно, Зевс, деливший власть с двумя своими братьями — владыкой моря Посейдоном и правителем преисподней Аидом. Большую роль наряду с ними играли жена-сестра Зевса Гера, его дети Аполлон, Гермес, Гефест, Арес, Афродита, Артемида, а также некоторые другие божества (например, богиня плодородия Деметра). Рисуя богов,

Гомер в качестве образца для них брал людей. В этом был огромный шаг вперед по сравнению, например, с древнеегипетскими звероподобными богами. Но одновременно такой взгляд на богов таил в себе большую опасность — угадывая в божественном разумное начало, греки вкладывали в него все многообразие чисто человеческой ограниченности и чисто человеческих слабостей.

По большому счету гомеровские боги не несли в себе фактически ничего сверхчеловеческого. Прежде всего, они не были подлинно духовными существами, так как обладали телом пусть особым, исполинским, но все же телом. Они нуждались в сне и отдыхе, любили веселые пиршества и охотно предавались любовным играм.

Кроме того, боги были жадны до приношений, завистливы, коварны, ревнивы и мелочны. Единственное принципиальное отличие олимпийцев от людей заключалось в их бессмертии, но и оно было не изначально присуще их природе, а поддерживалось принятием волшебного напитка нектара. Особенно чувствительным недостатком Зевсова пантеона стало отсутствие в нем ясных этических принципов. С первобытной древности этика шла рука об руку с религией. Нравственный же идеал олимпийцев был настолько шаток, что уже через несколько поколений вызывал протесты и насмешки у самих греков.

У Гомера мы находим также сложившееся представление о загробном мире — оно было мрачным и безнадежным. Яркое описание его содержится в «Одиссее». Поэт наделяет сонное царство Аида чертами кошмарного сновидения. Это — обиталище полубессознательных теней, блуждающих в черных подземных безднах, вход в которые окутан вечной ночью. В этом скорбном мире ревут адские реки, в которых отражаются голые мертвые деревья и бледные цветы. Здесь пребывают чудовища и казнятся преступные титаны. Безысходным отчаянием проникнуто сетование духа Ахилла:

Лучше б хотел я живой, как поденщик работая в поле, Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный, Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать…

Однако это унылое представление не могло быть всеобщим и долгим. Было слишком очевидно, что у всех людей не могут быть одинаковые посмертные жребии.

Постепенно появились первые робкие представления о загробном воздаянии за зло.

Муки Тантала и Сизифа, описанные Гомером, — это первые символы посмертного возмездия в античном мире.

Помимо поэм Гомера религиозные представления древних греков были суммированы в «Теогонии» Гесиода. Поэт собрал в ней сказания и мифы, касающиеся происхождения богов и мира. Мы не будем подробно говорить об этом творении добросовестного мифографа — в нем нет никаких особенных религиозных откровений. Как и многие восточные народы, греки не знали единого творческого начала, стоящего у истоков бытия. В начале мироздания они видели только слепую безликую громаду, которую называли хаосом. Божественное начало, растворенное в ней, проявлялось лишь в результате акта рождения. Поэтому Гесиод начинает свое сказание с хаоса и вечной матери-земли. Дальше огромную роль в

устройстве мироздания играет сексуальный элемент — боги вступают друг с другом в браки и рождают других богов. Так Земля породила своего супруга — блещущего звездами Урана, который осенил ее. Их связала сила Эроса — предвечного начала любви животворящей и плодящей. Потом идет рассказ о смене поколений богов — как Уран был оскоплен и свергнут своими детьми-титанами во главе с Кроном, а те, в свою очередь, после тяжелой битвы оказались побеждены богами-олимпийцами.

С тех пор миром начал править Зевс.

Наряду с олимпийской религией Гомера и Гесиода, в Древней Греции существовали другие религиозные культы, лишь отчасти связанные с ней поздними мифами.

Совершенно особенным по своему духу и очень древним был культ Диониса, оказавший глубокое влияние на все эллинское сознание. Его яркой отличительной чертой являлись дионисии — разнузданные женские оргии. В определенные дни почтенные матери семейства, женщины и девушки уходили в глухие леса и здесь, опьяненные вином, предавались диким иступленным пляскам. Считалось, что в эти минуты они всецело принадлежали божеству производительной силы природы — Дионису или Вакху.

Культ Диониса не был связан с каким-то особым вероучением или ритуалом, а являлся, по определению Вяч. Иванова, «психологическим состоянием по преимуществу». Отдаваясь власти Диониса, человек стряхивал с себя путы повседневности, освобождаясь от общественных норм и здравого смысла. Опека разума исчезала, вакханка как бы сливалась с потоком божественной жизни и включалась в стихийные ритмы мироздания. Позже буйное божество было введено в семью олимпийцев — его объявили сыном Зевса и смертной женщины Семелы.

В классическую эпоху, когда древние примитивные представления перестали удовлетворять пытливую греческую мысль, появились новые религиозные учения.

Наиболее ранним из них был орфизм, названный так по имени своего основателя Орфея — легендарного провидца и музыканта, олицетворявшего собой гармонию божественного духа. По свидетельству мифов, этот пророк был выходцем из Фракии и жил в ахейскую эпоху. Матерью его считалась муза Каллиопа. Игра и пение Орфея были настолько совершенны, что им покорялись даже стихии; когда он путешествовал с аргонавтами, волны и ветер смирялись, зачарованные его дивной музыкой. Самый знаменитый миф об Орфее повествует о том, как, пытаясь вернуть свою горячо любимую жену Эвридику, погибшую от укуса змеи, он спустился в Преисподнюю. И даже там его лира творила чудеса: чудовища, услышав его дивную музыку, закрывали свои пасти, успокаивались злобные эринии, сам властитель Аида был покорен Орфеем. Он согласился отдать ему Эвридику, но с тем условием, чтобы певец шел впереди и не оглядывался на нее. Но Орфей не смог преодолеть беспокойства и обернулся. Из-за чего Эвридика опять была увлечена в бездну на этот раз навсегда. Безутешный певец после этого долгое время скитался по земле, не находя покоя. Однажды, во Фракии он встретил толпу безумствующих вакханок, которые в припадке исступления растерзали его.

Такова, если верить преданиям, была судьба основателя орфизма, погибшего в глубокой древности, еще до начала Троянской войны. Однако у современных историков есть все основания считать, что учение это появилось гораздо позже.

Главным источником для знакомства с ним служат так называемые «Орфические гимны». Полагают, что их записи относятся к V в. до Р.Х., а окончательно они сложились не ранее II в. до Р.Х. Сами греки были уверены, что Орфей научился тайной мудрости в Египте.

Согласно космогоническим и теогоническим положениям орфизма в основе мироустройства лежат два начала: женское материнское естество и оплодотворяющая сила Диониса:

Два начала в мире Суть главные. Одно — Деметра-мать (она же Земля как хочешь называй)… Ее дары дополнил сын Семелы.

Но, в то же время, в орфизме имела место идея верховного единства, заключавшаяся в некой божественной стихии, предвечном мировом лоне. В некоторых текстах оно именовалось Хроносом, Временем. Хронос породил светлый Эфир неба и клокочущий Хаос. Из них родилось космическое яйцо, которое содержало в себе все зародыши Вселенной: богов, титанов и людей. Когда гигантское яйцо раскололось, из него вышел сияющий Протогонос, то есть Первородный — бог, объемлющий собой все природное многообразие. Один из орфических гимнов обращается к нему в таких торжественных выражениях: Могучий Первородный, зов услышь, Двойной, яйцерожденный, ты сквозь воздух Блуждающий, могучий ревом бык, На золотых крылах своих пресветлый, Живой родник племен богов и смертных. Неизреченный, скрытый, славный, власть, Цвет всех сияний, всех цветов и блесков. Движенье, сущность, длительность и самость, Ты ото тьмы освобождаешь взор, Протогонос, могучий, Первородный, Всемирный свет, небесно-осиянный, Ты, вея, чрез Вселенную летишь.

В некоторых чертах орфическая теогония следовала поэме Гесиода: из земли вышло племя титанов, которым правил Крон, против него поднялись его дети-олимпийцы под предводительством Зевса. Но это было не главное. Орфей учил, что Зевс, поглотив Первородного, стал тождественным ему. Зевс в религии орфиков — единственное мировое божество, являющееся во многих ликах:

Зевс — первый, Зевс же и последний громовержец. Зевс — глава, Зевс — середина, из Зевса лее все создано… Зевс — основатель земли и звездного неба… Зевс — корень моря, он — солнце и вместе луна. Зевс — владыка, Зевс сам — всему первородец. Единая есть Сила, единое Божество, всему великое Начало. Но этим история богов не заканчивается. Громовержец вступает в союз с Преисподней и от ее царицы Персефоны родит сына — Диониса-Загрея. Появление этого божества не означает отказа от веры в единую силу, пронизывающую космос. Дионис-Загрей для Орфея был как бы ипостасью Зевса — его мощью, его «одождяющей силой». Таким образом, Дионис есть Зевс, а Зевс — ни кто иной, как Первородный.

Наиболее оригинальной частью орфической доктрины было учение о человеке. Миф повествует, что однажды титаны ополчились против Диониса, который, пытаясь ускользнуть от них, принимал различные

облики. Когда он обернулся быком, враги настигли его, растерзали и пожрали. Нетронутым осталось лишь сердце — носитель Дионисовой сущности. Принятое в лоно Зевса, оно возродилось в новом Дионисе, а небесные громы спалили мятежников. Из оставшегося пепла, в котором божественное было перемешано с титаническим, возник человеческий род. Это означает, что человек имеет двойственную природу — божественную и титаническую. Последняя приводит людей к озверению, и она же безжалостно ввергает их в темницу тела.

Душа в учении Орфея считалась высшим началом. Подавленная телом и заключенная в него как в гробницу, она принуждена влачить в его границах жалкое существование.

Даже смерть не приносит освобождения от тисков титанической природы. Орфей учил, что после смерти душа — эта дионисова искра — под гнетом низменной природы вновь возвращается на землю и вселяется в другое тело. Цель человеческой жизни состоит в том, чтобы освободить душу из плена материального мира — выйти из бесконечной цепи перевоплощений и вновь вернуться к божеству. Для этого человек должен развивать в себе божественную сторону бытия — Дионисово начало. Этому служили особые мистерии орфиков и весь их образ жизни. Прежде всего от вступающего на путь просвещения требовалось блюсти заветы добра. Орфик был обязан вести неустанную борьбу с титанизмом в своем сердце. И мысли и дела его должны были оставаться чистыми. Были и другие правила поведения. Так, Орфею приписывался запрет употреблять в пищу животных. Были отвергнуты кровавые жертвы. Вся жизнь орфиков проходила в сложных магических обрядах.

Отдельные идеи орфизма были близки многим грекам. В VI–V вв. до Р.Х. это вероучение, по-видимому, было широко распространено, однако подлинно народным оно так и не стало. Общины орфиков — маленькие замкнутые кружки — существовали вплоть до начала нашей эры.

Пифагор

Пифагора считают первым религиозным мыслителем и наставником Эллады, создавшим законченное вероучение. По происхождению он был иониец и родился около 580 г. до Р.Х. на острове Самос. С раннего детства Пифагор, как свидетельствует его биограф Порфирий, показал большие способности ко всем наукам. В юности он обучался в Тире у халдеев и овладел всей их мудростью. Потом он учился у нескольких ионийских мудрецов, в том числе у известного натурфилософа Анаксимандра из Милета, а для того, чтобы изучить математику и высшую богословскую мудрость, специально ездил в Египет. Пишут, что самосский тиран Поликрат, который был большим другом египетского царя Амасиса, дал Пифагору рекомендательное письмо к гелиопольским жрецам. Кроме Гелиополя Пифагор побывал в Мемфисе, а потом поселился в Диосполе. Тамошние жрецы очень неохотно открывали чужаку свое тайное учение.

Чтобы отпугнуть Пифагора от его замыслов, они при посвящении подвергали его тяжелым испытаниям, назначая ему задания, противные эллинским обычаям. Однако он исполнял их с такой готовностью, что они разрешили ему участвовать и в жертвоприношениях и в богослужениях,

куда до этого не допускался никто из чужеземцев. Диоген сообщает, что Пифагор хорошо знал египетский язык и мог читать египетские тексты, причем не только обычные, но и такие, смысл которых понятен лишь посвященным. Возможно, в Египте Пифагор почерпнул одно из главных положений своего будущего вероучения: каждый должен стремиться к тому, чтобы внутренне и внешне сделаться достойным человеком и стать нравственным произведением искусства. Ведь египетские жрецы в то время, в отличие от греческих, не только составляли нечто вроде сословия и получали соответственное образование, но также вели особый, нравственный образ жизни, придерживаясь определенных правил поведения. Поэтому вполне вероятно, что именно в Египте у Пифагора зародилась мысль о его будущем союзе, представляющем собой прочное сожительство людей, объединившихся вместе для целей умственной и нравственной культуры.

Возвратившись в Ионию, Пифагор устроил у себя на родине училище, но, когда ему исполнилось сорок лет, он, тяготясь тиранией Поликрата, навсегда переселился в южную Италию, в город Кротон. Здесь он стал пользоваться глубоким уважением граждан как человек, много странствовавший, опытный и дивно одаренный судьбой.

Вместе с тем он обладал красивым голосом, благородной внешностью и манерами.

Сперва он взволновал своими речами городских старейшин; потом, по просьбе властей, обратил свои увещания к молодым; и, наконец, стал говорить с мальчиками, сбежавшими из училища, и даже с женщинами, которые тоже собрались на него посмотреть. Все это умножило его славу и привело к нему многочисленных учеников, как мужчин, так и женщин. По словам Никомаха, первыми слушателями его были около двух тысяч человек. Пифагор так пленил их своими рассуждениями, что ни один из них не вернулся домой, а все они вместе с детьми и женами устроили огромное училище, поселились при нем, а созданные Пифагором законы и правила соблюдали ненарушимо, как божественные заповеди. Из этого училища вырос в дальнейшем знаменитый пифагорейский союз. По духу и своей организации он более всего походил на религиозный орден, имевший свою иерархию, обрядность и эзотерическую доктрину, а его члены были также связаны строгой дисциплиной и послушанием.

Целью этого сообщества было нравственное совершенствование его членов, которые в результате должны были стать такими же завершенными произведениями искусства, такими же достойными, пластическими натурами, каким был сам Пифагор.

Жизнь в союзе регулировалась раз и навсегда установленными правилами. Все его члены носили одинаковые белые льняные одежды и имели определенный распорядок дня, в котором для каждого часа была своя работа: утром, тотчас же после пробуждения ото сна, им вменялось в обязанность вызывать в памяти историю вчерашнего дня, так как то, что они должны делать сегодня, было тесно связано с тем, что они делали вчера. (Им вменялось также в обязанность в качестве вечернего занятия критическое осмысление своих поступков, совершенных в течение дня.) Сойдясь на восходе солнца, пифагорейцы пели торжественный гимн Аполлону, исполняя священный дорийский танец, одновременно

мужественный и торжественный.

После омовений совершалась в полном молчании прогулка по храму. Затем в тени деревьев или под портиком начинались занятия. В полдень произносилась молитва героям и доброжелательным гениям. Послеобеденное время посвящалось гимнастическим упражнениям, урокам, медитациям и внутренней подготовке к следующему уроку. На заката солнца возносилась общая молитва космогоническим богам и воскурялась на алтаре бескровная жертва. Все трапезы пифагорейцев были совместными. Хлеб и мед являлись главной их пищей, а вода — единственным напитком. Обучение дополнялось правильной гигиеной и строгой дисциплиной, так как побеждать свои страсти было первым долгом посвященного. Пифагор учил, что суть вещей ускользает от обычного человека, который воспринимает лишь проходящие явления этого мира. Постигнуть вечное и бесконечное возможно лишь тогда, когда между человеком и остальным миром устанавливаются гармония и единение. Тот, кто не привел свою собственную природу в гармонию, тот не может отражать гармонию божественную. Это, впрочем, не означало, что Пифагор проповедовал аскетизм.

Напротив, брак, к примеру, рассматривался пифагорейцами как нечто священное, но любовь, которая сводилась к одной чувственности, они однозначно осуждали.

Сладострастие, по словам Пифагора, можно сравнить с пением сирен, которые, как только приблизишься к ним, исчезают, а на месте, откуда раздавалось пение, оказываются поломанные кости и куски тела.

По прошествии нескольких лет, когда школа обрела громкую славу, туда стали принимать не всех желающих и не сразу. Прежде чем получить в нее доступ, нужно было пройти трехлетний испытательный срок. При этом исследовались его образованность и способность к послушанию; собирались также справки о его поведении, склонностях и делах. Затем, будучи допущенным в число учеников, он первые пять лет проводил в молчании, только внимая речам Пифагора, но не видя его. Прежде чем открывать ученику высшую мудрость, Пифагор преподавал ему математику, так как математические предметы лежат на грани телесного и бестелесного. С помощью такого приема он подводил людей к созерцанию истинно сущего. Наряду с математикой много внимания уделялось музыке. (Пифагор утверждал, что музыка обладает способностью поднимать душу по ступеням восхождения и открывать высший порядок, скрытый от взоров невежд. Священные мелодии должны были настраивать душу ученика и делать настолько гармоничной, чтобы она могла ответно вибрировать на каждое дуновение истины.) В качестве регулярных занятий были введены также гимнастические упражнения. Особое значение придавалось углубленным размышлениям — медитациям.

Лишь усвоив необходимые предварительные знания, ученик допускался к непосредственному общению с Пифагором. Тогда он получал возможность видеть учителя, разговаривать с ним и мог приобщиться к его тайному эзотерическому учению. О самом этом учении мы имеем теперь лишь приблизительное представление. Доподлинно известно только одно — сущность всех вещей и основу организации Вселенной Пифагор искал в числах и их гармонических отношениях Он учил, что в природе есть две

силы. Лучшую он называл Единицею, светом, правостью, равенством, прочностью и стойкостью; а худшую — Двоицей, мраком, левизной, неравенством, зыбкостью и переменностью. В самом общем смысле под Единицей он понимал божественную, деятельную, мужскую природу, заключающую в себе всю полноту гармонии, а под Двоицей — пассивную, женскую, материальную (ее отождествляли также с Деметрой-Землей). Божественная Единица осуществляет себя лишь посредством Двоицы и, Сходя через нее, становится реальной, воплощаясь в Троице, то есть в физисом мире. Проявленный мир — тройственен, и потому Тройка — есть первое совершенное число, образующее закон вещей и истинный ключ жизни. Вся видимая Вселенная определяется Тройкой, ибо Тройка содержит в себе все. Примеров проявления этой троичности огромное количество: человек состоит из тела, души и духа; каждый материальный объект существует в трех измерениях — то есть имеет длину, высоту и ширину; Вселенная делится на три концентрические сферы — мир божественный, мир естественный и мир человеческий; тела могут находиться в трех состояниях — твердом, газообразном и жидком; семья включает в себя трех индивидуумов — мужчину, женщину и дитя; предметы могут отталкиваться, притягиваться или находиться в равновесии и т. д. и т. п. Во всех этих проявлениях троичности можно всегда выделить: а) член активный; б) член пассивный; в) член средний, вытекающий из действия двух первых друг на друга. Но все они восходят к Высшей триаде: божественной Единице, принимающей ее в себя Двоице и родившейся в результате этого Троице. Далее Пифагор вводил понятие священной Тетрады, которое заключало в себе глубокую идею синтеза и развития. Согласно его учению, Вселенная, возникшая под воздействием божественной Единицы, вновь возвращалась и заключалась в ней, образуя живой божественно-материальный космос. В высшем смысле Тетрада олицетворяла собой единство Бога и Вселенной: Вселенную, существующую по божественным законам, или Божество, проявляющееся словно в теле в материальной Вселенной (то есть Тетрада есть высшее единство — та же Единица, но на более высоком качественном, проявленном уровне). В частной, обыденной жизни Пифагор тоже видел бесчисленные проявления Тетрады. Например, тело, душа и дух дают в своем слиянии четвертый член — человека; семья есть единство отца, матери и ребенка и т. д.

Эта изощренная, отвлеченная, тяготеющая к монотеизму теогония не вступала у Пифагора в противоречие с общепринятой. Рассуждая о божественной Единице, он вместе с тем требовал уважения к богам традиционной греческой религии. Однако они не были для него высшими существами, а только олицетворяли ту или иную сторону мироздания. Своим ученикам он говорил, что боги, различные с виду и по именам, в сущности, одни и те же у всех народов, потому что они соответствуют тем разумным силам, которые действуют во всей Вселенной. Более того, он говорил о целой иерархии превышающих человека существ, называемых героями и полубогами, которые служат посредниками между человеком и Божеством, и учил, что как раз через них, проявляя героические качества, человек может приблизиться к Богу. Что касается этого Верховного Божества, то Пифагор представлял его как некое огненное Единство,

пребывающее в самом средоточии космоса. Впитывая потоки пустоты, окружающей Центр, это пламенное Целое образует множественность миров, состояний и качеств. (По словам Аристотеля, он учил, что в центре Вселенной находится огонь, вокруг которого вращаются в определенном порядке десять сфер: сфера неподвижных звезд, сферы Земли, Сатурна, Юпитера, Марса, Венеры, Меркурия, Солнца, Луны и еще одного невидимого тела — Противоземли При движении каждая из сфер издает особый звук, соответствующий ее величине и скорости. Последняя определялась различными состояниями, находившимися в гармоническом отношении друг к другу, вследствие чего возникает гармонический мировой хор).

Большой заслугой Пифагора следует считать подробно разработанное им учение о душе, воспринятое потом и другими греческими философами. Душа, говорил он, есть отщепившаяся частичка божественного эфира; она разделяется на три части: ум, рассудок и страсть. Ум и страсть есть и у других животных, но рассудок — только у человека. Власть души распространяется от сердца и до мозга, та часть ее, которая в сердце, — эго страсть, а которая в мозге — рассудок и ум; струи же от них — наши чувства. После смерти человека его душа скитается в воздухе, подобная телу Попечителем над душами является Гермес, который чистые души возводит ввысь, а нечистые ввергает в преисподнюю. Пробыв там определенное время, душа вновь ввергается в материальный мир и заключается в тело человека или животного. Таким образом, вслед за орфиками (или одновременно с ними) Пифагор проповедовал учение о переселении душ. О себе он говорил, что помнит все свои прежние рождения, и многим из тех, кто приходил к нему, рассказывал о их прошлой жизни. (Вспоминал он и об Аиде, и между прочим рассказывал о том, как казнятся там Гесиод и Гомер за то, что распространяли лживые россказни о богах. Душа Гесиода, говорил он, стонет, прикованная к медному столбу, а душа Гомера подвешена на дереве среди змей.)

Очень похожее учение проповедовалось при жизни Пифагора в Индии. Точно так же, как индийские брахманы, Пифагор считал бесконечную вереницу перевоплощений злом для души Этическое учение, которое он исповедовал, имело главной своей целью вызволить и освободить душу из мира материального и привести ее к окончательному слиянию с божественным Разумом. Он считал, впрочем, что душа, став чистым духом, не теряет своей индивидуальности и, соединяясь со своим первообразом в Боге, припоминает все свои предшествующие существования, которые ей кажутся ступенями для достижения той вершины, откуда она охватывает и постигает Вселенную. В этом состоянии человек уже перестает быть человеком, а становится полубогом и навечно остается в духовном мире. Пифагор говорил, что главное на этом пути заключается в том, чтобы направить душу к добру, ибо только это приближает людей к богу.

Поэтому он предписывал своим последователям особый уклад жизни, который требовал просветленности, гармоничности и меры в поступках, чувствах и мыслях. Пифагореец должен был воспитывать в себе целомудрие, сдержанность, миролюбие, уважение к древним учениям.

Каждый ученик был обязан строго следить за собой, заглядывая в свою душу и проверяя совесть. Сам Пифагор, по словам Евдокса, очень заботился о своей чистоте: он, например, не только совершенно отказался от животной пищи, но даже сторонился поваров и охотников За завтраком он ел сотовый мед, за обедом — просяной или ячменный хлеб, вареные или сырые овощи. Бобов он запрещал касаться, все равно как человеческого мяса. Причину этого, говорят, он объяснял так когда нарушилось всеобщее начало и зарождение, то многое в земле вместе сливалось, сгущалось и перегнивало, а потом из этого вновь происходило зарождение и разделение — зарождались животные, прорастали растения, и тут-то из одного и того же перегноя возникли люди и проросли бобы. Кроме бобов он запрещал принимать в пищу и некоторые другие продукты — крапиву, рыбу-триглу и многое из того, что ловится в море. Одежда его была всегда белая и чистая.

Следует отметить, что нравственная проповедь Пифагора вовсе не подразумевала отрешенности от политических дел. Напротив, в своем стремлении воспитать гармоничного человека, пифагорейцы много внимания уделяли вопросам общественного устройства. Пишут, что, поселившись в Италии, Пифагор также увидел, что многие города здесь и в Сицилии находятся в рабстве друг у друга, и употребил свой огромный авторитет на то, чтобы вернуть им вольность. Через своих учеников, которые были в каждом городе, он внушил их жителям помышления о свободе. В конце концов ему удалось изменить политическое устройство в Кротоне, Сибарисе, Регии, Гимере, Акраганте, Тавромении и некоторых других городах.

Повсюду здесь было введено умеренное аристократическое правление, причем ведущую роль в управлении имели члены пифагорейского союза. Пифагор пользовался в Италии таким почтением, что целые государства вверяли себя его ученикам. Но в конце концов против них скопилась зависть и сложился заговор. Недовольные вскоре нашли себе предводителя в лице богатого кротонца Килона. Ненависть его к Пифагору возникла из-за того, что тот категорически отказался принять его в число своих учеников, с первого взгляда разгадав в нем злого и порочного человека.

Разгневавшись, Килон стал строить козни пифагорейцам и настраивать против них горожан. Однажды, когда ученики Пифагора собрались в доме атлета Милона, враги подожгли этот дом, так что все собравшиеся в нем (всего сорок человек) погибли Другие пифагорейцы были перебиты порознь в городе. О том, был ли на этой встрече сам Пифагор или нет, сохранились различные свидетельства Большинство все-таки сходится на том, что он остался жив и переехал из Кротона в другой южноиталийский город Метапонт. Тут он и умер около 500 г до Р.Х., то ли уморив себя голодом, толи от тоски. Вместе с ним погибло и его божественное учение, поскольку книг он не писал, а из посвященных в его мудрость в живых не осталось никого Уцелевшие от расправы пифагорейцы сумели сохранить, по словам Порфирия, лишь немногие искры его философии, смутные и рассеянные. Тем не менее, пытаясь спасти от забвения хоть это, они постарались записать то, что знали, и таким образом ознакомили мир с общими положениями пифагорейства.

Несмотря на то, что это учение оказало большое влияние на античную философию и христианскую теологию, как религия оно никогда не имело широкого распространения, хотя отдельные пифагорейские кружки существовали вплоть до первых веков нашей эры. Наряду с абстрактными математическими богами, божественные почести в них воздавались также и самому Пифагору. Многие считали его богом еще при жизни. Сохранились рассказы о многих его чудесах. Пишут, например, что в один и тот же день его могли видеть беседующим с учениками в италийском Метапонте и в сицилийском Тавромении, хотя их отделяет друг от друга несколько дней пути по суше и по морю. Сообщают также, что Пифагор мог останавливать повальные болезни, отвращать ураганы и градобития, укрощать реки и морские волны, а также предсказывать землетрясения. Некоторые уверяли также, что учитель имел золотое бедро и по этому признаку безошибочно судили о том, что он был не кто иной, как сам Аполлон Гиперборейский.

Гермес Трисмегист

Через тысячу лет после смерти Эхнатона Египет был завоеван Александром Македонским и широко открылся влиянию греческой культуры. Новая столица страны — Александрия — вскоре превратилась в один из важнейших центров античной философии и просвещения, затмив в этом отношении даже греческие Афины. Все стороны жизни египтян оказались тогда под сильным иноземным влиянием. Не избежала новых веяний даже их традиционная древняя религия — наряду с почитанием старых богов утверждались новые культы, древние мифологические и религиозные представления сменялись другими. Именно в эту эпоху в Египте возникает и распространяется своеобразное религиозно-философское учение герметиков. История его зарождения и развития остается во многом неясной. Известно только, что с первых веков нашей эры, если не раньше, в Египте стали появляться небольшие трактаты на греческом языке, в которых главную роль, то ли в виде автора этих трактатов, то ли в виде источника новой мудрости, играл Гермес Трисмегист («Трижды великий»). Из множества ходивших в то время «герметических» сочинений до нашего времени дошло лишь 18 трактатов. Содержание их весьма пестрое. Среди книг религиозного и морального содержания есть несколько раскрывающих чисто философские темы.

Наиболее важен для понимания герметизма как религиозного учения первый трактат — «Поймандр», в котором сам Мировой Разум (называемый здесь Поймандром, то есть «Пастырем мужей») беседует с неким пророком Гермесом, а этот пророк — с другими людьми. Книга начинается с описания того, как Божество является автору, чтобы преподать ему высшую мудрость. «Однажды, — пишет Гермес, — когда я начал размышлять о сущем, мысль моя витала в небесах, в то время как мои телесные ощущения были притуплены, как в тяжелом сне, который наступает вслед за пресыщением пищей или большой усталостью. Мне показалось, что Некто Огромный, без определенных очертаний предстал передо мной, окликнул меня по имени и сказал мне: «Что желаешь ты

услышать и увидеть, постигнуть мыслью и знать?» «А кто ты? — спросил я. «Я, Поймандр, Высший Ум. Я знаю, чего желаешь ты, и повсюду Я с тобой». «Я желаю, — сказал я, — изучить вещи, понять их природу и постигнуть Бога — вот о чем я хотел бы услышать». «Прими же в свою мысль все то, что ты желаешь знать, — сказал Он мне, — Я тебя научу»…».

И далее Поймандр раскрывает перед Гермесом величественную картину мироустройства. Прежде всего, речь идет о сотворении мира. Гермесу в его видении открывается, что от Бога, который представляется ему как «Свет, мягкий и приятный, пленяющий взгляд», отделяется тьма «жуткая, мрачная, завивающаяся в спирали, подобно змеям». Эта тьма, как разъясняется дальше, есть неорганизованная материя. На следующем этапе в эту материю из Света опускается Святое Слово — Сын Божий. «Ум, Бог, объединяющий мужское и женское начала, который есть жизнь и Свет, — поясняет Поймандр, — сотворил Своим Словом иной созидающий Ум — Демиурга, бога огня и дыхания, который создал затем семь Управителей, объемлющих в своих кругах мир чувственный и управляющих им с помощью того, что называют Судьбой». Усилиями этих Управителей «вода и земля были отделены друг от друга по воле Ума, и земля выпустила из своего лона тварей, которых она в себе содержала: четвероногих, пресмыкающихся, животных диких и домашних». Венцом миротворчества является создание Человека. Гермес пишет: «Ум, Отец всего сущего, который есть жизнь и Свет, породил Человека, подобного Ему Самому, и возлюбил его, как Собственное дитя. Своею красотою Человек воспроизводил образ Отца; Бог действительно полюбил Свое подобие и отдал Человеку все Свои творения».

Этот Первочеловек был существо настолько совершенное, что вполне равнялся самому Богу. Но когда он познал красоту породившего его света, ему тоже захотелось творить. Для этого он обратился к тому материальному миру, который был создан Демиургом. И это желание стало причиной его падения. О том, как это случилось, Гермес говорит очень кратко и неясно. Увидев в Природе прекрасный образ Бога, который был всего лишь только его отражением, Человек воспылал к ней любовью и пожелал поселиться в ней. «И в то же мгновение, как он этого возжелал, — пишет Гермес, — он это и совершил… Природа заключила его в объятия, и они соединились во взаимной любви. Вот почему единственный из всех существ, живущих на земле, Человек двояк: смертен телом и бессмертен по своей сущности…».

На этом положении строилась этика герметизма: если любовь лишила человека бессмертия, то он может обрести его вновь лишь путем отвращения от любви и всего того, что с нею связано. Отсюда шла проповедь отвлечения от чувственности и проповедь аскетизма. Богу совсем небезразлично, как человек проживает свою жизнь. После кончины различных людей ожидают различные судьбы. Поймандр говорит: «Что касается неразумных, порочных и злых, завистливых и алчных, убийц и безбожников, Я далек от них и предоставляю их демону мстителю, который, применяя к заслужившему это человеку огненную иглу, изливает в его органы чувств всепроникающий огонь, все больше и больше толкает его (человека) на зло, дабы усугубить его наказание, и непрерывно разжигает его страсти ненасытными желаниями, питает их и раздувает в

грешнике неугасимое пламя, поглощающее его».

Что касается людей праведных, то, расставшись со своим телом, они возносятся через семь небесных сфер к восьмой сфере и восходят к самому Богу, но не просто сливается с ним, а как бы рождается в Боге. «Таково конечное благо тех, кто владеет Знанием, — говорит Пойманд, — стать Богом».

В этом суть Откровения Божественного Разума Гермесу, преподанное ему для просвещения человечества. «И я начал проповедовать людям красоту религии и Знания», — пишет далее Гермес. Трактат заканчивается его страстным обращением к ближним: «О народы, люди, рожденные на земле, погрязшие в пьянстве, сне и незнании Бога, отрезвитесь, встряхнитесь от вашего беспутства и чувственного оцепенения, пробудитесь от вашего отупления!.. Почему, о люди, рожденные из земли, вы предаете себя смерти, когда вам позволено обрести бессмертие. Раскройтесь, вернитесь к себе самим, вы, блуждающие, чахнущие в невежестве, отдалитесь от света сумрачного, приобщитесь к бессмертию, раз и навсегда отвергая порок».

В других трактатах дополняются и проясняются положения первого. Так, трактат № 6 развивает мысль о том, «что благо только в Боге, а кроме Его — нигде». Бог, мир, человек — такова герметическая троица. Причем Бог — безусловно благ; мир — безусловно зол, а человек, исходящий из обоих, — и благ и зол. С Богом он общается путем разума и мышления, с миром — посредством чувствования. Если человек сумел отрешиться от чувствований и отдать себя разуму, то он восходит к Богу и воссоединяется с ним. Если же он отдает себя чувствованиям, то его душа остается на земле, переселяясь все в новые и новые человеческие тела.

Хотя история изучения герметических текстов насчитывает несколько столетий, многое в них остается для нас загадкой. Прежде всего встает вопрос: как могло случиться, что хорошо известный из мифов Гермес, занимавший в греческой религии пусть важное, но все же служебное положение, смог приобрести такое большое значение для египетских греков, что стал главной фигурой в новом вероучении?

Считается, что произошло это лишь после того, как александрийские и киренаикские греки объединили в своих представлениях греческого Гермеса с египетским Тотом, основателем письменности, счисления и вообще наук и искусств. Как и греческий Гермес этот ибисоголовый бог сопровождал души умерших в преисподнюю. Видимо, это сходство функций послужило поводом к их сближению. (В некоторых герметических трактатах Тот выступает как сын и ученик Гермеса).

Судя по большому количеству упоминаний о нем разных авторов, герметизм имел много сторонников среди ученых эллинов как в Египте, так и в Греции. Но массовой религией он никогда не был. Сложная символика и холодная аллегоричность не позволила ему распространиться в народе. Кроме того, ему явно не доставало той пламенной веры в непреложность Откровения, которая обеспечила победу возникшему в то же время христианству. Авторы поздних герметических трактатов жили в ту эпоху, когда христианство стало широко распространяться по Римской империи. И, хотя прямых выпадов против него в «Герметическом корпусе» нет,

скрытая полемика между двумя вероучениями имеет место. Что касается христиан, то они относились к герметизму с уважением, так как находили в нем много общего с собственными представлениями. Так, в Святом Слове они видели Бога Сына, а в Уме-Демиурге находили много общего с Богом Духом Святым. Действительно, герметическая троица очень походила на христианскую. Поэтому книги Гермеса Трисмегиста пользовались большим авторитетом на протяжении первых веков существования христианской церкви. Потом они вышли из оборота и пребывали в забвении вплоть до эпохи Возрождения.

Впрочем, влияние Гермеса не исчерпывалось областью религии и философии. Помимо боговдохновенных книг, в которых шла речь о важнейших вопросах бытия и мироздания, в древности ходило множество трактатов по магии, астрологии и алхимии, также приписываемых этому пророку. Этот так называемый «низкий герметизм» был очень популярен в Средневековье как на Востоке, так и на Западе.

Все позднейшие сочинения алхимиков, астрологов и разного рода оккультистов были основаны на трактатах Гермеса.

КИТАЙ

Лао-цзы

Религиозные учения Древнего Китая отличались большим своеобразием. Если религии Древнего Египта и Древней Греции были насквозь мифологичны, то китайцы фактически не имели своей мифологии (ее место заняли исторические легенды о мудрых правителях) Жрецов в буквальном смысле этого слова в Древнем Китае тоже не существовало, точно так же, как не было персонифицированных богов и храмов в их честь Жреческие функции выполнялись обычно государственными чиновниками, а роли высших божеств выполняли умершие предки шан-ди и различного рода духи, олицетворяющие силы природы. Важное место занимал культ духов земли, с которыми у крестьян были связаны все надежды на хороший урожай. В их честь регулярно приносили жертвы, сопровождаемые просьбами-молитвами (обычно их писали на бараньих лопатках и панцирях черепах) Общение с божественными предками сопровождалось особыми ритуалами. Вообще ритуалы считались в Китае делом государственной важности и обставлялись весьма тщательно и серьезно.

Религиозные идеи обладали высокой степенью философской абстракции. Так, с глубокой древности китайцы имели представление о некоем Высшем Начале, которое называлось Тянь (Небо) или Шан-Ди (Господь), но воспринимали они его рассудочно и отстранено — как верховную всеобщность, холодную и строгую. Ее нельзя было любить, с ней нельзя было слиться, ей невозможно было подражать, как и не было смысла ею восхищаться. Считалось, что великое Небо карает недостойных и вознаграждает добродетельных, то есть является высшим олицетворением разума, целесообразности, справедливости и добродетели. Император назывался «сыном Неба» и находился под его особым покровительством. Однако он мог править Поднебесной лишь до тех пор, пока сохранял добродетель (дэ). Теряя ее, он терял и право на власть. Культ Неба стал главным в Китае, причем отправлять его мог лишь

сам сын Неба. Еще одним древнейшим принципом китайского религиозного мышления было деление всего сущего на два начала — инь и ян. Каждое из этих понятий было многозначно, но в первую очередь ян олицетворяло мужское начало, а инь — женское Ян связывалось со всем светлым, ярким, твердым и сильным и считалось в самом общем смысле началом положительным. Женское инь было связано с луной, со всем темным, мрачным и слабым. Оба начала были тесно взаимосвязаны и гармонично взаимодействовали, причем результатом этого взаимодействия была вся видимая Вселенная.

Несколько позже в Китае начала разрабатываться концепция даосизма, под которой стали понимать Всеобщий Закон, Высшую Истину и Справедливость. Основателем даосизма был философ Лао-цзы, живший в конце VI века до Р.Х. В источниках о нем нет сведений биографического характера, поэтому некоторые современные исследователи считают его фигурой легендарной. Согласно древнекитайскому историку Сыма Цяню, Лао-цзы был уроженцем царства Чу и носил сначала фамилию Ли. Первое имя его было Эр, второе Дань. В течение многих лет он исполнял обязанности главного хранителя архива царского двора, но, видя всеобщий упадок нравов, подал в отставку и «ушел на запад». О его дальнейшей судьбе больше ничего не известно. Переходя китайскую границу, Лао-цзы любезно согласился оставить смотрителю пограничной заставы свое единственное сочинение — Дао-дэ цзин, в котором и были изложены основы даосизма.

Несмотря на глубокую древность, этот небольшой трактат по сей день поражает силой своей философской мысли.

В центре доктрины Лао-цзы стоит учение о великом Дао Понятие это настолько многогранно, что почти невозможно дать ему определение. «Есть бытие, — говорил Лао-цзы, — которое существует раньше, нежели небо и земля. Оно недвижимо, бестелесно, самобытно и не знает переворота. Оно идет, совершая бесконечный круг и не зная предела. Оно одно только может быть матерью неба и земли. Я не знаю его имени, но люди называют его Дао». В буквальном переводе Дао означает «Путь», но в китайском языке это слово имело такой же многогранный смысл, как греческий термин «Логос». Им обозначали правило и порядок, смысл и закон, высшую духовную Сущность и жизнь, пронизанную этой Сущностью.

Итак, Дао есть источник всего и стоит надо всем. Оно бестелесно, туманно и неопределенно. И поскольку Дао — духовное начало, его невозможно постичь ни зрением, ни слухом, ни осязанием. Все видимое бытие бесконечно ниже его. Поэтому философ осмеливается назвать Дао — Небытием. Оно не существует так, как существуют горы, деревья, люди. Его реальность превосходит реальность земного и чувственного. «Смотрю на него и не вижу, а потому называю его Невидимым, — пишет Лао-цзы. — Слушаю его и не слышу, поэтому называю его Неслышимым. Пытаюсь схватить его и не постигаю, поэтому называю его Мельчайшим… Оно бесконечно и не может быть названо. Оно снова возвращается в Небытие. И вот называют его формой без формы, образом без существа… В мире все вещи рождаются в бытие, а бытие рождается в Небытие».

Дао — не удаленная от мира запредельная сущность. Оно пронизывает все мироздание своими незримыми токами, оно проявляется

как некая незримая энергия «Дао растекается повсюду. Оно может быть направо и налево». Дао — «начало всех вещей», «оно рождает вещи» Возвышаясь над Вселенной, Дао созидает ее. «Дао — пусто, но, действуя, оно кажется неисчерпаемым. О, Глубочайшее! Оно кажется праотцем всех вещей». Оно есть «естественность», основа миропорядка. Оно регулирует извечную игру двух полярных начал космоса: ян и инь. «Все существа, — пишет Лао-цзы, — носят в себе инь и ян, наполнены ци и образуют гармонию». Ци, по толкованию древних комментаторов, — это нечто вроде жизненной силы, великая первосубстанция, которая делает живым все живое и сущим все сущее. Равномерное и гармоничное сочетание ян и инь обусловлено законом Дао Оно управляет всеми существами и «ведет их к совершенству». Совершенство же заключается в обретении конечной цели — Покоя «Возвращение вещей к своему началу и есть Покой».

Постижение Дао, говорит Лао-цзы, должно стать главным смыслом человеческой жизни. Но постичь его нельзя ни путем исследования, ни внешним наблюдением Мудрец созерцает Дао, не выходя из дома, «не выглядывая из окна». Условием постижения Дао является самоуглубление и духовное очищение. Только тот, «кто свободен от страстей», видит «его чудесную тайну» Вся природа стремиться к этому Покою и Гармонии, ибо мир есть лишь видимое проявление сокровенного духовного истока. Нет более достойной цели для человека, чем жить с Дао, жить по его законам. Но человек извращает природу, он уклонился от истинного пути. Через все творение Лао-цзы проходит мысль о том, что человечество отпало от Истины, заменив естественный закон Дао своими измышлениями Люди терзаются алчностью, завистью, честолюбием. Правители угнетают народ, соперничают друг с другом, поднимают войска, чтобы захватить чужие земли. Они создают искусственные рамки для человека и только еще дальше уводят его от святой естественности. Уже одно то, что потребовалось создание этих правил и церемоний, доказывает отдаленность от Неба. «Добродетель», — писал Лао-цзы, — появляется после утраты Дао, «гуманность» — после утраты добродетели, «справедливость» — после утраты гуманности, «почтительность»- после утраты справедливости. «Почтительность» — это признак отсутствия доверия и преданности. Она начало смуты». Вся человеческая деятельность представлялась Лао-цзы бесплодной суетой. Люди торопятся, мятутся, а Дао пребывает в божественной безмятежности. И, взирая на него, истинный мудрец отметает от себя соблазны земных забот Его величие непостижимо для низменных душ, он поистине совершает великую миссию — утверждает на земле царство Дао. В этом — истинная добродетель, в отличие от фальшивой «гуманности» и «порядочности». Пусть дети мира смеются над мудрецом, считают его жалким и беспомощным. В действительности, погруженный в созерцание, могущественнее тех, кто кичится своей силой.

Все, что в наше время принято называть прогрессом, только уводит человека от постижения Дао. Человеческие знания, науку и просвещение, обычаи и социальные нормы цивилизации — все это Лао-цзы безоговорочно отрицал. Народ не нужно ни просвещать, ни обременять, людей надо предоставить самим себе и отдаться течению естественного хода вещей. Высшей целью мудреца, по учению Лао-цзы, было уйти от

страстей и суетности жизни к первобытности прошлого, к простоте и естественности. Сама природа должна привести к благоденствию и блаженству Мудрости следует искать не у древних, не в ритуальных правилах, а у самого Дао и у человека, духовно соединившегося с Ним. Такой человек стоит выше земных желаний, он сохраняет покой в своей душе, возвышаясь надо всем.

Такова в очень сжатом и упрощенном виде суть учения Лао-цзы. С точки зрения европейца оно едва ли может считаться религиозным откровением. Нужно было обладать китайским рационализмом, чтобы обратить эту высокую философию в народную религию. Но тем не менее это произошло. (Подробнее о религии даосов смотри далее в жизнеописании Чжан Даолина). В первых веках нашей эры сам Лао-цзы был обожествлен его последователями и стал восприниматься ими как олицетворение самого Дао. Под именем «Высочайшего владыки Лао» (Тайшан Лао-цзюнь) или «Желтого Владыки Лао» (Хуан Лао-цзюнь) он стал одним из высших даосских божеств. В конце II в появилась «Книга о превращениях Лао-цзы».

О Лао-цзы здесь говорилось как о существующем до возникновения Вселенной, он именуется «корнем Неба и Земли», «властителем всех божеств», «праотцем инь и ян» и т. п. Таким образом, Лао-цзы считался первоначалом и жизненным принципом всего сущего Далее рассказывается о трансформациях этого божества Мы узнаем, что кроме 9 «внутренних» превращений Лао-цзы претерпевал и «внешние», в которых являл себя миру Несколько раз он воплощался как советник мудрых государей древности. Одно из самых важных его рождений произошло в VI в до Р Х в качестве Ли Даня, служителя архива и советника чуского вана (то есть собственно Лао-цзы).

После этого он являлся миру еще несколько раз, причем не только в Китае (Так одним из воплощений Лао-цзы в Средние века считался Будда, с идеями которого его учение действительно имеет много общего).

Конфуций

Конфуций открывает собой эпоху непревзойденного расцвета мысли, ту эпоху, когда были заложены основы китайской культуры. Вопреки распространенному мнению, его нельзя считать основателем религии в строгом смысле этого слова. Хотя его имя часто упоминают рядом с именами Будды и Зарауштры, на самом деле вопросы веры занимали в мировоззрении Конфуция незначительное место. В его облике также не было ничего сверхчеловеческого, и он сохранился в источниках без всяких мифологических прикрас — в жизни Конфуций был удивительно прост и даже прозаичен.

И, тем не менее, этот человек наложил неизгладимую печать на всю культуру и дух своей страны и авторитет его среди соотечественников всегда был непоколебим. Чем же можно объяснить удивительную силу и обаяние его учения?

Конфуций жил за три с лишним столетия до объединения страны, в эпоху, когда Китай занимал лишь незначительную часть современной территории. В традиционной историографии считается, что в это время

страной управляла династия Чжоу (1122–249 гг. до Р.Х.), но на самом деле чжоуский ван, носивший титул «сын Неба», обладал авторитетом, но не властью. Он лишь исполнял ритуальные функции как священное лицо, которому Небо доверило управление Поднебесной. В действительности Китай был разделен на множество царств и княжеств, как крупных, так и совсем незначительных. В одном из них — небольшом царстве Лу, на востоке Китая — Конфуций родился и провел почти всю жизнь. Согласно преданиям, отцом его был воин Шулян Хэ, уже имевший девять дочерей, рожденных ему первой женой, и калеку-сына от второй жены. Не оставляя надежды заполучить полноценного потомка мужского пола, чтобы было кому приносить поминальные жертвы предкам, Шулян Хэ в 70 лет взял третью жену, 16-летнюю Чжэнцзай. 22 сентября 551 года до Р.Х., в день осеннего равноденствия, у нее родился мальчик — здоровый, но не очень пригожий на вид. Как писал во II в до н э историк Сыма Цянь «на макушке у него была выпуклость и поэтому его прозвали Цю («холм»)». В двухлетнем возрасте маленький Цю лишился отца, а через 14 лет умерла его мать. Вскоре после ее смерти он был приглашен на службу в дом аристократа Цзи. Первой должностью Конфуция стала служба мелким чиновником при зерновых амбарах. Затем он поступил в другой аристократический дом, где, по его словам, «разводил скот и смотрел за тем, как он плодится». В 27 лет, благодаря знанию ритуалов и музыки, он был принят на службу в главную кумирню помощником при совершении жертвенных церемоний. «В тридцать лет я встал на ноги», — говорил позже Конфуций. Постепенно, благодаря своей учености, он стал заметной фигурой в царстве Лу, правитель которого Чжао-гун приблизил его к себе и стал приглашать на приемы. Совершенствуя свое образование, Конфуций все время стал посвящать систематизации чжоуских ритуальных танцев, сбору народных песен, составлению и редактированию исторических рукописей, а главное, любимому делу — преподаванию.

Перешагнув сорокалетний рубеж, он решил, что имеет моральное право учить взрослых людей. «В сорок лет, — вспоминал Конфуций, — я перестал сомневаться». Набирая себе учеников, Учитель руководствовался принципом «ю цзяо у лэй» («образование не признает различий по происхождению»), но это не означало, что каждый мог стать его учеником, так как Конфуций отказывался тратить время и силы на недоумков. «Давай наставления только тому, кто ищет знаний, обнаружив свое невежество. Обучай только тех, кто способен, узнав один угол квадрата, додуматься до трех остальных», — говорил Конфуций. В школу приходили люди разного положения и возраста, часто это были отцы вместе с сыновьями. Занятие это не приносило Конфуцию больших доходов бедные ученики иногда расплачивались только связкой сушеного мяса. Но слава Учителя росла с каждым годом. Многие ученики Конфуция стали занимать видные государственные посты в различных царствах Вспоминая о Конфуции, они писали «Учитель был ласков, но тверд, преисполнен достоинства, но не высокомерен, почтителен, но спокоен». Как знак особой, необыкновенной судьбы воспринимали они внешность Учителя массивный лоб, длинные уши, вздернутую верхнюю губу, выпученные, чуть белесые глаза. В своих воспоминаниях ученики всегда подчеркивали приверженность Учителя повседневным ритуалам, так «будучи один у себя в доме, он не сидел там,

где обычно располагались гости», не отвечал поклоном на подарки, которые не были предписаны церемониалом, даже если ему дарили целый экипаж. Всего же Конфуций точно исполнял 300 обрядов и 3000 правил приличия.

Приступая к обучению, Конфуций не обещал дать своим ученикам какое-то высшее сокровенное знание. Все, о чем он говорил, не выходило за границы литературы, истории и этики. Иногда у учеников даже возникала мысль, что наставник скрывает от них какие-то тайны. Но Конфуций решительно отвергал такие предположения и не раз повторял, что высказал все, о чем размышлял. Когда его называли проповедником какой-то новой доктрины, он горячо протестовал против этого и говорил: «Я толкую и объясняю древние книги, а не сочиняю новые. Я верю древним и люблю их». И это была правда. Практические земные задачи занимали Конфуция прежде всего. Он не забрался вопросами о смысле жизни, о Боге, о бессмертии. Его не волновали тайны природы и трагичность человеческого существования. Главным для него было найти путь к спокойному процветанию общества. Впрочем, это не означало, что Конфуций отрицал высшее начало. Оно его просто мало интересовало, ибо казалось чем-то далеким и абстрактным. «От учителя, — говорится в книге «Лунь Юй», — можно было слышать о культуре и о делах гражданских, но о сущности вещей и Небесном Пути от учителя нельзя было услышать». Вся его религиозность сводилась к требованию соблюдения обрядов.

Однако этим обрядам он не придавал никакого мистического значения. Конфуций сторонился всякой таинственности, всего непонятного. Молитвы он не считал необходимыми, потому что представлял себе Небо в виде некой безликой Судьбы. «Небо безмолвствует», — говорил он. Этими словами констатировалась очевидная для него истина, что Небо никак не проявляет себя в жизни людей. Точно так же он не любил упоминать о духах и тайных силах. На вопрос, существует ли бессмертие, Конфуций уклончиво отвечал: «Мы не знаем, что такое жизнь, можем ли мы знать, что такое смерть?» И, тем не менее, культ имел в его глазах первостепенное значение, так как он видел в нем часть всеобщего нравственно-политического порядка.

Подобно Пифагору и Сократу Конфуций не оставил письменного изложения своего учения. Но друзья и последователи мудреца записали его высказывания в книге «Лунь Юй» — «Суждения и беседы». Она представляет собой сборник отдельных афоризмов Учителя, составленный без всякой системы. Слова Конфуция перемежаются в нем со словами учеников, которых в трактате упоминается 22, но Сыма Цянь сообщает о том, что их было «свыше трех тысяч». Наиболее прилежные обычно фиксировали высказывания учителя, чтобы в беседе выяснить непонятное, тем более что на вопросы, многократно повторяющиеся, Учитель почти всегда давал различные ответы. В трактате постоянно ощущается работа мысли, бьющейся над решением основных вопросов человеческой жизни и отношения к людям, к ним Конфуций подходит вновь и вновь с разных сторон, каждый раз предлагая новый аспект решения. В последующие века «Лунь Юй» был необычайно популярен в Китае, его текст, вплоть до каждого иероглифа, знал каждый мало-мальски образованный человек.

Трактат сыграл огромную роль в формировании национального характера китайцев.

Все проблемы, к которым обращался Конфуций, касались человека и человеческих отношений. Он учил, что люди могут осуществить свои высокие стремления, если будут неуклонно следовать Дао — вездесущему Пути. (В понятие Дао Конфуций, в отличии от Лао-цзы, вкладывал комплекс идей, принципов и методов, с помощью которых он собирался направить человека на путь истинный, а также управлять им и воздействовать на него.) Это означало, что каждый человек независимо от его происхождения должен стремиться стать благородным мужем, которому дано постичь Дао. А благородный человек обязательно должен быть наделен началом «вэнь», под которым Конфуций понимал культурность. Но одной культурности недостаточно.

Помимо «вэнь» Конфуций, разрабатывая свое учение, впервые вводит в китайскую этику понятие «жэнь» — гуманность, или человеколюбие, которому суждено было стать центральной концепцией его учения. Гуманность, согласно Конфуцию, не есть условность, это выражение подлинной природы человека. Каждый, кто захочет, может ее достигнуть, ибо сущность гуманности проста. Она сводится к тому, чтобы не делать другим того, чего не желаешь себе. Этот всеобщий нравственный закон Конфуций не связывал ни с какими сверхчеловеческими истоками. Для него он являлся не столько божественной заповедью, сколько отражением естественных свойств человека. Он верил в то, что человек по природе больше склонен к добру, чем ко злу, и надеялся победить зло силой своей проповеди. Благородный человек не расстается с человечностью «жэнь» ни в спешке, ни в минуты опасности. «Если же он откажется от человечности, то как можно считать его благородным?» — говорил Конфуций. Усовершенствуя себя, человек должен обуздывать свои страсти и порывы, живя в согласии с принципами Порядка и Середины (чжун-юн). Середина — это идеальное состояние общества и его членов. Она достигается умеренностью во всем, обдуманностью поступков, неторопливостью и педантичным исполнением правил.

На основании концепции благородного человека Конфуций строил свою модель общества и человеческих отношений. Чтобы сосуществовать вместе, говорил он, люди должны усвоить общую для всех мораль, которую он обобщил в пять добродетелей: мудрость, гуманность, верность, почитание старших и мужество. Отношения в обществе должны строиться по принципу семейных. В то время в Китае зарождалась политическая философия, которая привела к созданию школы Законников (в западной литературе их обычно называют легистами). Согласно их доктрине, возродить государство можно лишь при помощи законов, соблюдение которых необходимо поддерживать жестокими репрессиями. Конфуций хорошо понимал, что такой чисто внешний подход никогда не приведет к улучшению общества. «Если руководить народом посредством законов, — говорил он, — и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он (народ) и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда». Конфуций, напротив, считал очень важным, что человек должен научиться без всяких наказаний следовать установленным правилам поведения. В его собственной модели построения общества законам не было места.

Управление государством, говорил он, будет успешным только тогда, когда оно строится на правилах этикета — «ли». Каждый человек, по его мнению, обязан был вести себя в строгом соответствии с занимаемым положением. «Государство процветает, — говорил он, — когда государь бывает государем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном». Конфуций обещал каждому осязаемое земное счастье, но взамен требовал от человека, чтобы он добровольно признал себя лишь частью исправного государственного механизма. В таком обществе не могло быть конфликта, ибо каждый исполнял в нем свой долг. Значение «ли» имело сложный и всеобъемлющий характер; в него входили: человеколюбие (жэнь), сыновняя почтительность (сяо), честность и искренность, постоянное стремление к внутреннему самосовершенствованию, вежливость и т. д. Принцип сыновней почтительности «сяо» выносился Учителем за рамки семьи и вводился в модель государства. Конфуций постоянно подчеркивал, что государство — это та же семья, только большая. Человек, изучающий правила «ли», должен был незаметно воспринять заложенную в них идею естественного перехода от отношений младших и старших к отношениям низших и высших. Правителю, соблюдающему «ли», Конфуций обещал легко управляемый народ: «Когда верхи чтят ритуал, никто из простолюдинов не посмеет быть непочтительным. Когда верхи чтят долг, никто из простолюдинов не посмеет быть непокорным. Когда верхи любят доверие, никто из простолюдинов не посмеет быть нечестным». Но где найти образец для такого общества? Разумеется, в древних писаниях. Если люди станут подражать древним во всем: и в одежде, и в обычаях, и в нравственности, — то цель будет достигнута. Конфуция можно назвать певцом древности, ибо он был первым, кто фактически создал не только культ древности, но и ориентировал свою модель государства в прошлое. По замыслу Конфуция, выраженному в книге «Шу цзин», идеальное прошлое должно играть роль идеального будущего. Учитель не разрабатывал четкой и подробной схемы управления государством, этим занялись впоследствии легисты. Но ряд принципиальных идей Конфуция стали в дальнейшем фундаментом китайской государственности.

Когда Учителю исполнилось 50 лет, он счел, что пришло время проверить на практике свои наблюдения и теоретические разработки, и решил попытать счастья на административном поприще «Лишь в пятьдесят познал я веление Неба», — вспоминал Конфуций. Луский князь поставил Конфуция управлять территорией Чжунду. Всего за один год он навел там порядок, за что получил титул да соу — высший чиновник.

После этого в его ведение попали все уголовные и политические преступления, фактически же он стал ближайшим политическим советником правителя. Когда в 499 г. до Р.Х. состоялась важная встреча луского князя с правителем царства Ци, организатором церемониала выступил Конфуций. Благодаря его советам во время длительных и упорных переговоров правитель Ци вернул многие из захваченных прежде земель. Видя политические и административные способности Конфуция, князь назначил его сян го — первым советником. На этом посту он проявил себя как человек очень справедливый, поступающий всегда соответственно своим убеждениям.

Однако, когда Конфуцию исполнилось 60 лет, он отказался от должности и покинул царство Лу, так как был оскорблен легкомысленным поведением правителя. (Получив в подарок от царства Ци восемьдесят юных танцовщиц, тот все свое время стал проводить в их обществе, забросив дела и не принимая сановников.) Об этом времени Конфуций сказал: «Лишь в шестьдесят я научился отличать правду от неправды».

Следующие 13 лет Конфуций вместе с учениками провел в постоянных путешествиях, объехав 10 царств Китая, но нигде не смог занять высоких постов. За годы скитаний его учение приобрело законченность, но ни один из правителей не решился использовать его на практике. Вернувшись в Лу, Конфуций еще некоторое время преподавал в своей школе. Последние годы его жизни были омрачены смертями единственного сына Бо Юя и любимого ученика Янь Юаня, преемника и главной надежды Учителя. По легенде, незадолго до своей кончины Конфуций призвал ученика Цзы-Гуна и сказал ему: «Все кончено! Никто в целом мире так и не понял меня..

Кто после моей смерти возьмет на себя труд продолжать мое учение?» Скончался Учитель в возрасте 73 лет (в 479 году до Р.Х.).

Он умер за 350 лет до того, как конфуцианство стало государственной идеологией централизованной китайской империи. Процесс этот занял много времени. Сначала необходимо было детально разработать учение, добиться его распространения в стране, что и было с успехом исполнено последователями Конфуция. Немало способствовало росту авторитета конфуцианства его борьба с легизмом. В середине III столетия до Р.Х. Китай был объединен императором Цинь Шихуанди, который в своей деятельности стал руководствоваться учением Законников.

Он создал мощную империю, управление которой осуществлялось огромной армией чиновников, подотчетных центральной власти. Были проведены земельная реформа, реформа письменности, военные преобразования. Повсюду вводился строгий порядок.

Все уравнивались перед грозным сводом законов, беспощадно каравшим за малейший проступок. Историк Сыма Цянь так характеризует порядки, установившиеся в империи Цинь: «Преобладали твердость, решительность и крайняя суровость, все дела решались на основании законов, считалось, что только жестокость и угнетение без проявления человеколюбия, милосердия, доброты и справедливости могут соответствовать пяти добродетельным силам. До крайности усердствовали в применении законов и долго никого не миловали». Жестокие порядки встретили порицание со стороны конфуцианцев. Их проповеди гуманности и человечности, их постоянная апелляция к старине, где они находили много примеров для осуждения жестокости Цинь Шихуанди, раздражали императора. И в 213 г. до Р.Х. он издал указ о сожжении всех старинных хроник за исключением циньских анналов. Было приказано подвергать публичной казни всех тех, кто на примерах древности осмелится порицать современность. Всех, у кого обнаруживали запрещенные конфуцианские книги, отправляли на каторжные работы. На основании этих указов только в столице было казнено 460 видных конфуцианцев. Многие другие кончили

свою жизнь, не выдержав тяжелого труда на строительстве Великой китайской стены.

Однако империя Цинь не пережила своего создателя. Тотчас после его смерти в стране началось мощное восстание. С приходом в 206 г. до Р.Х. к власти новой Ханьской династии учение Конфуция опять возродилось. В 174 г. до Р.Х. сам император принес жертву на могиле Учителя, и с тех пор Конфуций был официально провозглашен величайшим мудрецом нации и посланником Неба. При императоре У-ди (140–87 гг. до Р.Х.) конфуцианство сделалось официальной государственной идеологией и оставалось таковой вплоть до 1911 года. Впрочем, следует отметить, что конфуцианство, ставшее господствующей догмой китайской империи, существенно отличалось от проповеди Конфуция. К этическим положениям были добавлены космологические спекуляции, восходившие к даосизму и некоторым другим натуралистическим учениям, и всей этой смеси были приданы черты религии. Небо стало фигурировать как божество, обладающее моральным сознанием и внимательно следящее за всем, что происходит на земле. Последним шагом к оформлению конфуцианства как религии стало обожествление Конфуция. В честь «совершенного мудреца» начали строить храмы, читать молитвы, святыней стала его гробница. В 59 году до Р.Х. император Минди издал декрет об официальном жертвоприношении Конфуцию во всех учебных заведениях страны.

Чжан Даолинь

Философия Лао-цзы оказала огромное влияние на все области китайской культуры — науку, литературу, искусство, политические учения, астрономию. Наконец, спустя восемь веков после смерти самого Лао-цзы, она легла в основу новой религии китайцев — даосизма. Основателем вероучения считается проповедник Чжан Даолин (Чжан Лин). Согласно легенде, в 145 г. Лао-цзы явился Чжан Даолину на горе Хэминшань, провозгласил его своим «наместником» на земле и открыл учение о новом миропорядке. Считается, что с этого времени Лао-цзы как бы перепоручил Чжан Даолиню и его потомкам все земные дела и более никогда не будет возрождаться в образе смертного.

Религия даосов сложна и многогранна. В основе ее лежит вера в то, что мир населен и пронизан множеством злых и добрых духов, над которыми (если знаешь их имена) можно получить власть, совершая определенные магические действия. В сообщении этих имен и состояла важная часть «откровения» Лао-цзы Чжан Даолину.

Вселенной, согласно представлениям первых даосов, управляли три «пневмы» — «Сокровенная» (стань), «Изначальная» (юань) и «Первоначальная» (ши), которые порождали Небо, Землю и Воду. Поскольку каждая из этих сфер управлялась небесным чиновником, то и вся триада, возглавлявшая «небесную бюрократию», получила название «трех чиновников». Секта Чжан Даолина была организована по тому же образцу. Она получила название «Пути истинного единства», но именовалась также «Пять мер риса» (так как для принятия ее учения необходимо было внести ритуальный взнос в пять мер риса). Секту возглавляли Три Наставника, или три поколения Небесных наставников из

рода Чжан. Это были сам Чжан Даолин, его сын Чжан Хэн и его внук Чжан Лу. Они управляли 24 округами (чжи) на территории современной провинции Сычуань, во главе каждой из них стоял «виночерпий» (цзи цзю) и 24 чиновника. 12 из них были мужчинами, 12- женщинами. Дети вступали в общину в возрасте семи лет и после этого назывались «новичками реестра» (лу шэн). Они должны были исполнять 5 заповедей: «не убивать, не воровать, не прелюбодействовать, не пить вина и не лгать». Им запрещалось поклоняться предкам и домашним богам или частным образом молиться каким-либо иным божествам. Через несколько лет дети проходили первую ступень посвящения, когда им давался «Реестр десяти генералов» с именами десяти важнейших духов (каждому духу-генералу подчинялось 10 духов-офицеров и 100 духов-солдат). Таким образом, прошедший первую ступень посвящения обретал определенное магическое могущество. Становясь взрослыми, члены общины проходили третью ступень посвящения, когда им давался реестр с именами 75 генералов, причем женщины и мужчины получали свои особые реестры. Вступая в брак, они могли открыть их друг другу и обрести власть над 150 генералами, что являлось высшей степенью посвящения для мирян. Женатые даосы назывались «учениками истинного единства» и должны были следовать 72 заповедям.

Если человек желал стать духовным лицом, то он проходил еще одно посвящение и становился наставником (ши), обязанным следовать 180 заповедям, часть из которых предполагала заботу об окружающей природе. По мере прохождения всех ступеней посвящения, ему открывались имена других генералов, полный перечень которых содержался в особом «Реестре 24 округов».

Центральной доктриной даосизма как религии было учение о бессмертии. Надо сказать, что в древнекитайской народной религии отсутствовало сколько-нибудь развитое учение о бессмертии души. В раннем Средневековье этому вопросу стали уделять больше внимания. Считалось, что человек наделен двумя душами — материальной, или животной, (по) и духовной, или разумной, (хунь). Верили, что после кончины человека хунь превращается в духа (шэнь) и некоторое время продолжает существовать после смерти тела (причем, чем более интенсивной духовной жизнью жил человек, тем дольше сохранялся и его дух), но потом все равно растворяется в небесной пневме ян. Что касается по, то она становилась «демоном», «призраком» (гуй) и через некоторое время или уходила в подземный мир теней, к «желтым источникам», где ее призрачное существование могло поддерживаться жертвами потомков, или растворялось в земной пневме инь. Тело выступало единственной нитью, связывающей души воедино. Смерть тела приводила к их разделению и гибели. Это положение послужило основой учения даосов о бессмертии. Причем поначалу, со свойственным китайцам рационализмом, они говорили не о каком-то туманном загробном существовании души, то есть о бессмертии после смерти, а о бесконечном продлении земного, физического существования человека. Физическое бессмертие, утверждали даосы, не есть что-то особенное или из ряда вон выходящее. Тело человека являет собой микрокосм, который следует уподоблять макрокосму, то есть Вселенной. Подобно тому как Вселенная

функционирует в ходе взаимодействия Неба и Земли, сил инь и ян, имеет звезды и планеты, организм человека — это тоже скопление духов и божественных сил, результат взаимодействия мужского и женского начал. Макрокосм (окружающая нас Вселенная) и микрокосм человека находятся между собой в тесной связи и во многом подобны друг другу. А поскольку макрокосм является вечным, то вечным должен быть и микрокосм, то есть тело человека. То, что на самом деле человек смертен, объясняется только тем, что он «отступился от Дао». Если же связь с Дао будет восстановлена, человек станет полным подобием космоса и обретет бессмертие.

Стремящийся к достижению бессмертия должен постараться создать для всех духов тела (их 36 тысяч) такие условия, чтобы они не пожелали его покинуть. Еще лучше — специальными средствами усилить их позиции, дабы они стали преобладающим элементом тела, вследствие чего тело дематериализуется и человек становится бессмертным. Но как достичь этого? Прежде всего Даосы предлагали ограничение в еде. Ищущий бессмертия должен был вначале отказаться от мяса и вина, а потом вообще от любой грубой и пряной пищи (поскольку духи не выносят запаха крови и вообще никаких резких запахов), затем от овощей и зерна, которые все же укрепляют материальное начало в организме. Следовало научиться обходиться совсем немногим — легким фруктовым суфле, пилюлями и специальными снадобьями, которые изготовлялись по строгим рецептам, так как их состав определялся магической силой ингредиентов. Другим важным элементом достижения бессмертия были физические и дыхательные упражнения. Кроме того, важное значение придавалось моральным факторам. Чтобы стать бессмертным, человек должен был совершить 1200 добродетельных поступков, при этом даже один безнравственный поступок сводил все на нет. На завершающем этапе должно было произойти слияние дематериализованного организма с великим Дао. Сам акт перевоплощения почитался настолько священным и таинственным, что никто не мог его зафиксировать.

Эти представления в том или ином виде существовали до Чжан Даолина, но достижение бессмертия являлось тогда индивидуальным делом отдельных мудрецов, посвятивших свою жизнь постижению Дао. В отличие от них деятельность Небесных наставников была направлена на обретение спасения всеми членами секты, которые должны были помогать и поддерживать на этом пути друг друга. Это позволило ей быстро расширить число своих последователей и стать с течением времени настоящей даосской церковью. Когда в Китай стал проникать буддизм, даосы оказались наиболее восприимчивыми к новому учению и многое позаимствовали из него. Со временем сложился даосский пантеон божеств и духов. Почетное место в нем занял сам основатель учения Лао-цзы (а также главы других религиозных доктрин Конфуций и Будда). В эпоху Хань возникло представление, что Дао периодически воплощается на земле для спасения мира в виде великих пророков. (К их числу относили прежде всего Лао-цзы, но он был не единственным таким воплощением.)

Широкое распространение получил культ святых. Любой незаурядный исторический деятель, даже просто добродетельный чиновник, оставивший по себе хорошую память, мог быть после смерти обожествлен и включен в пантеон. Среди важнейших божеств числились

родоначальник китайцев, легендарный император Хуанди (его рассматривали как самое раннее из известных воплощений Дао), богиня Запада Сиванму, первочеловек Паньгу, а также божества-категории типа Тайчу (Великое начало) или Тайцзы (Великий предел). В честь божеств и великих героев строились храмы, в которых ставились соответствующие идолы и собирались подношения. Особой категорией даосских богов были бессмертные, особенно восемь ба-сянь — самые великие из них. Согласно верованиям даосов, эти восемь святых, обретших бессмертие, теперь путешествуют по земле, вмешиваются в людские дела, защищая право и справедливость.

Бурный расцвет даосизма пришелся на правление династии Тан (618–907). В эти годы даосское вероучение широко распространилось не только в Китае, но и в сопредельных странах, особенно в Корее. Тогда же возникает множество даосских монастырей. (Идея монашества проникла в даосизм из буддизма. Первоначальный даосизм не содержал в себе никаких аскетических идей, а напротив, всячески подчеркивал важность брака и семьи. Но постепенно стала утверждаться идея, что целомудрие необходимо для «духовного брака» с «небесным бессмертным». Тогда многие даосы стали покидать свои семьи и уходить в монастыри, однако институт монашества никогда не приобрел здесь такого значения, как в буддизме.) В 1275 г. 36-й Небесный наставник Чжан Цзунъянь был официально провозглашен главой китайской даосской церкви. Его резиденцией была объявлена гора Лунхушань в провинции Цзянси, ставшая вместе с прилегающим районом автономным центром даосизма (автономия сохранялась до 1947 г.).

В V в. в общих чертах сложился канон даосских сочинений — Дао цзан. Выдающийся мыслитель Лу Сюцзин разделил все написанные к этому времени сочинения на три «Вместилища»: «Вместилище истинного», «Вместилище сокровенного» и «Вместилище духовного». Каждое «Вместилище» было разделено на 12 разделов. Эти разделы носили названия: основные письмена; духовные формулы; генеалогии и описания; заповеди и предписания; правила этикета и т. п. Они охватывали всю духовную и повседневную жизнь даоса. Однако этот канон не исчерпал всех сочинений. В VI в. к нему было добавлено четыре приложения (фу). В дальнейшем канон расширялся и пополнялся и принял свой современный вид только в 1445 г. при династии Мин. Это издание было осуществлено под руководством 43-го патриарха школы «Небесных наставников» Чжан Юйчу и с него делались все позднейшие переиздания Дао цзана. (К этому времени он включал в себя 1432 произведения. В 1607 г. 50-й патриарх школы Небесных наставников Чжан Госян дополнил его еще 56 сочинениями, так что в настоящее время канон включает в себя 1488 произведений.)

Впрочем, последователи учения «Небесных наставников» в настоящее время не единственная и даже не самая многочисленная даосская церковь. Большая часть современных даосских школ восходит к секте «Учение Совершенной Истины» («Цюань чжэнь цзяо»), основанной в XII в. проповедником Ван Чунъяном.

ИНДИЯ

Яджнявалкья

Самая ранняя из известных нам религиозных систем Индии была создана переселившимися на полуостров белокожими арийскими племенами. Их проникновение в Пенджаб началось в XIII в. до Р.Х. В следующие четыре столетия арии расселились в долине Ганга, вытеснив на юг страны чернокожих аборигенов-дравидов. Пришельцы были пастухами. Они не имели больших городов, не строили дворцов и храмов, не носили изысканных одежд. У них не было ни идолов, ни жрецов Дым костров и лай собак, походные хижины и мычание стад — таков был обычный фон их простого, почти первобытного уклада жизни. Арии имели тягу к мечтательности, сладостным грезам, созерцанию и научились погружаться в фантастические миры, созданные воображением. Развитие их миросозерцания проходило по сложному и запутанному пути. Самый ранний этап его отмечен грандиозным собранием религиозных текстов, которое получило название Веды.

Индусы и до настоящего времени считают Веды своим священным писанием.

Складывался этот цикл на протяжении 1000 лет, примерно с 1500 до 500 г. До Р.Х. Древнейшую часть Вед составляют четыре священные книги: Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа. Ригведа — Веда гимнов — самая ранняя из них. Гимны, а их более тысячи, различны по величине и стихотворным размерам. Их создатели прославляют богов, а также обращаются к ним с просьбами о даровании побед над врагами, жизненных благ и благополучия. В том виде, в каком она дошла до нас, эта книга, по-видимому, существовала уже в конце II тысячелетия до Р.Х., причем большинство содержащихся в ней религиозных гимнов сложились еще ранее. Три других сборника имеют другое содержание: Самаведа — это Веда песнопений, Яджурведа — Веда жертвенных формул, Атхарваведа — Веда магических формул. Религию, основанную на этих священных текстах, принято называть ведической.

Многими своими чертами религиозные представления древних индусов были схожи с египетскими или греческими. Арии обожествляли явления природы, наделяя божества человеческим обликом. Боги, какими они представлены в Ведах, имеют все человеческие желания и прихоти. Они едят и пьют, живут в небесных дворцах, носят роскошные одежды, оружие, ездят на колесницах. Их развлекают небесные танцовщицы и музыканты. Боги имеют жен-богинь, которые рожают им детей и сами были рождены как люди. Всего в Ригведе упомянуто около 3000 богов. Древнейшие из них — мать богов Адити, бог неба Дьяус и богиня земли Притхиви — в период, когда складывалась Ригведа, уже не были самыми почитаемыми. Их затмили три других божества — бог огня Агни, бог грозы Индра и бог солнца Сурья. За всеми проявлениями бытия арии видели божественную силу и готовы были преклоняться перед ней. Создателями Вселенной также считались боги (в разных мифах роль творца мира приписывалась разным богам, но в поздних Ведах эта роль отводилась Праджапати). Он создал ее из частей тела принесенного в жертву титана Пуруши. Но как появились сами боги и Пуруша? На этот счет в Ригведе

высказывалось смутное предположение о существовании какой-то изначальной субстанции, в которой зародилось желание (кама). Оно и явилось причиной возникновения всего существующего.

Обряд играл в ведической религии исключительно важную роль. Он требовал невероятной точности и изощренности. О том, чтобы простой человек мог правильно принести жертву, нечего было и думать. Культ превратился в сложнейшее искусство: «вызывать» божество умел только особый жрец «вызыватель», прославлять бога в гимнах — только специальный жрец-песенник, а возложить жертву по уставу мог лишь «жертвоприноситель». При отправлении культа произносилось множество молитв и заклятий, которых никто не понимал, так как они были сложены на древнем языке.

Уже в глубокой древности в Индии образовалась особая варна (замкнутое сословие) жрецов-брахманов. (Кроме этой варны были еще три: правителей и воинов — кшатриев, земледельцев, ремесленников и торговцев — вайшья, неполноправных и рабов — шудр. Две первые варны занимали в обществе ведущее положение.)

В таком виде ведическая религия просуществовала несколько веков. Но около VIII в. до Р.Х. индийское общество пережило своего рода нравственный и религиозный надлом. Старые религиозные догмы все меньше удовлетворяли людей, ищущих духовности. Проявлением истинного благочестия стал считаться отказ от мирских радостей. Внешне это выразилось в движении муни. Не порывая открыто с традиционной религией, муни бросали свои дома, имущество, семьи и уходили в джунгли, чтобы вести жизнь отшельников-аскетов. Уединившись там, отшельники надеялись молитвами и умерщвлением плоти достичь высшей силы духа. Постепенно в их среде выработалось глубоко философское учение о Брахмане. Понятие о нем дают Упанишады. Само слово «Упанишад» означает «сидение подле» (имеется в виду сидение слушателей вокруг учителя), но уже с древних времен под Упанишадами стали понимать сокровенное знание о Божественном начале. В этих мистических поэмах разрабатывались глубочайшие религиозные и философские вопросы. Понять их могли лишь те люди, которые прошли известную подготовку и глубоко осознали, что жизнь и материальные утехи — все это суета, не заслуживающая серьезных усилий и трудов. Хотя авторы Упанишад признавали значение старых Вед, они называли их «низшим знанием». В «Катхе-Упанишаде» прямо говорится, что Высшее нельзя постичь ни при помощи Вед, ни при помощи обычной человеческой мудрости. Таким образом, авторы Упанишад обещали путь к высочайшему, единственно истинному знанию.

Согласно Упанишадам, весь мир явлений — это всего лишь иллюзия, «майя». Жизнь, прожитая ради земных, чувственных благ — растрачена попусту. Древние чтили сотни богов, которые, как им казалось, наполняли пространство, горы, джунгли и дома. В противоположность им творцы Упанишад пытались пробить дорогу к Единому Существу.

Когда мудреца Яджнявалкья, которого традиция изображает выдающимся мастером проповеди и философского спора (жил он, как считают, в VII в. до Р.Х.), спросили, сколько существует богов, он сначала назвал каноническую цифру ведийской мифологии: три тысячи триста три.

Но потом, когда ученик, чувствуя, что наставник не сказал ему всей правды, продолжал спрашивать, Яджнявалкья ответил: это — только проявления, богов же — тридцать три. А в конце концов, уступая настойчивым просьбам, он признал, что в сущности Бог только один. Если боги и существуют, то они — лишь отдельные волны единого моря Божества. «Он — единственный, не имеющий цвета, многоразлично прилагающий свою силу, создающий много цветов для скрытой цели, в нем, как в конце и начале, растворена Вселенная…» Истинный мудрец не поддается соблазнам материального, он ищет «Того, Кого многие слышат, но не знают», Того, кто «невидим, неосязаем, не имеет ни рода, ни варны, ни слуха, ни рук, ни ног». Это Единственное, обладающее реальностью, есть Брахман — мировой дух, безличная и бесконечная божественная субстанция, лежащая в основе всего сущего, источник жизни, принцип единства, сокровенное «я» Вселенной. Каждая индивидуальная душа — Атман — является его частью. По сути дела, Атман — это тот же Брахман, такой же великий и непостижимый. Яджнявалкье говорил, что Атман не рожден, а существует извечно.

Будучи тождественен Брахману, он предстает как вселенский правитель. «Он — властитель всего, он повелитель существ, он хранитель существ… — писал Яджнявалкья. — Знающий это сам становится Брахманом».

Конечная цель любого мудреца состоит в слиянии с Брахманом. Но как достичь этого состояния? Яджнявалкье учил, что душа постоянно переходит из одной телесной оболочки в другую, следуя карме — закону о посмертном воздаянии человеку за его дела при жизни. («Подобно тому как гусеница, достигнув конца былинки и приблизившись к другой былинке, подтягивается к ней — говорил Яджнявалкья, — так и Атман, отбросив это тело, расееяв незнание и приблизившись к другому телу, подтягивается к нему».) Если человек точно придерживался при жизни дхармы — линии поведения, определенной Брахманом для людей каждой варны, то после смерти его душа могла возродиться в теле человека более высокого общественного положения, вплоть до брахмана. Душа грешника, напротив, деградировала и могла вселиться только в тело человека более низкой общественной категории, или даже в тело животного, вплоть до самого нечистого и презренного.

Однако спасение (мокша) состоит не в том, чтобы стремиться к лучшим воплощениям.

Оно в том, чтобы навсегда уйти из этого нереального мира, соединиться с Брахманом, раствориться в Нем и таким образом достичь полного освобождения — нирваны (буквальный смысл этого слова означает «полное безветрие», «абсолютное затишье»). Для этого человек должен отстраниться от всего внешнего, отбросить все, что связывает его с миром, и полностью погрузиться в свое внутреннее «я», в свой Атман. «Как текущие реки исчезают в море, теряя имя и облик, так и мудрец, отрешенный от имени и облика, приходит к божественному Духу, что выше высокого».

Те, кто не в состоянии сделать этого, обречены вновь и вновь возвращаться в поток бытия. «Тот, кто имеет желания и думает о них, вновь рождается здесь и там из-за желаний. Но все желания того, у кого

совершенный Атман и чье желание исполнилось, исчезают в этом мире». Свобода от желаний — вот истинная свобода, отказ от мира — это и есть подлинное бессмертие. Через свое «я», через свой Атман, человек приближается к мировому Брахману. Но до тех пор, пока он опирается на внешний опыт, человек не замечает Бога, который совсем рядом с нами. Лишь наше «я» соприкасается с космическим Брахманом и нужно войти в себя, чтобы познать Его Ибо «Его облик невозможно увидеть. Никто не видел его глазами.

Его воспреемлют сердцем, умом, мыслью. Тот, кто знает это, становится бессмертным» Но и этого мало. Нужно побороть не только чувства, но и саму мысль, чтобы обрести единение со всемирным «я». Лишь в состоянии, когда бездействует рассудок, человек может пережить слияние с Брахманом, победить смерть и возвыситься над тлением. «Не рождается и не умирает знающий Брахмана, он не происходит ни от кого и не становится никем. Не рожденный, постоянный, вечный, изначальный, он не гибнет, когда погибает тело». Он оказывается там, где невозможно найти ни одно из свойств мира, природы и духа; там нет ни добра, ни зла, ни света, ни тьмы, ни движения, ни покоя. Там царит нечто, превосходящее самую глубокую мысль человека, превосходящее само бытие. Там — страшная, непереносимая тайна, «владыка молитв» — Брахман, но в нем нет личности, какой мы ее знаем. Брахман — сверхличность, сверхсознание. Он есть и его нет, ибо он стоит выше даже этих категорий. Говоря о Нем, можно лишь отрицать качества.

Однако как из этой субстанции, о которой можно говорить лишь в отрицательных терминах, мог возникнуть пестрый мир существ и явлений? Единого ответа на этот вопрос Упанишады не давали. Но при всей запутанности брахманских космогонии их роднила одна общая идея: в творении они видели не что иное, как рождение, излияние мира из недр Абсолюта. «Как паук выпускает из себя и вбирает в себя паутину, как растение возникает из земли, как волосы возникают на голове человека, так из Непреходящего возникает все в этом мире». То есть Абсолют и мир оказываются в конце концов в чем-то тождественны. Бог в конечном итоге есть все, и материальный мир есть одно из проявлений его природы. По какой же причине Абсолют из области идеального переходит в материальное? В отличие, к примеру, от христианства, где настойчиво проводится мысль о том, что причиной творения была Любовь и что бытие есть создание любви Сущего, брахманы отрицали в этом акте какое бы то ни было этическое или нравственное начало. Миротворчество для Брахмана не более чем игра, он входит в рожденный им мир, стремясь испытать низшие виды существования и насладиться неведомыми ощущениями. Материальный мир- всего лишь сон, греза Брахмана. Испытав этот сон, он в конце концов ощущает жажду покоя и стремится уйти в свое исконное безмятежное существование. Таков вечный и неизменный круговорот космоса, в котором он то выплескивается из Брахмана, то вновь утопает, растворяется в Бездне. Вселенная, таким образом, есть что-то недолжное и даже бессмысленное. Упанишады представляли явление мира как добровольное самоограничение Божества. Но в этой «жертве» нет никакой любви и вообще ничего возвышенного — это, как уже говорилось, всего лишь божественная игра — Лила.

Нельзя не согласиться, что Упанишады являют собой высочайший взлет человеческого духа. Об их создателях — Яджнявалькья, Уддалаке, Катхе и других — кроме имен, почти ничего неизвестно, но они безусловно принадлежат к числу величайших мудрецов Индии и всего человечества. Упанишады первыми провозгласили единство Божественного Начала и признали вторичность внешних обрядов. Еще более значимым был их шаг в постижении природы Божественного. В то время, когда человек наделял богов не только низменными страстями, но и телом, Упанишады впервые провозгласили, что Абсолют превосходит все тварное, зримое, мыслимое. Однако спасение предлагалось здесь на таких суровых условиях, которые едва ли могли быть приняты обычным человеком. Да и отношение к Брахману могло быть только чисто умозрительным, его нельзя было любить, ему бесполезно было молиться.

Поэтому брахманская религия, хотя и имела огромное влияние на умы, не вышла за пределы отшельнических скитов.

Махавира

Страх перед будущими дурными воплощениями, желание обрести блаженство по ту сторону жизни толкали многих индусов на крайние формы аскетизма. Топас, самоумерщвление, было признано высшим идеалом, причем не только брахманизмом, но и некоторыми другими религиозными учениями Индии. Никаких послаблений тут не допускалось. Настоящий аскет в полном смысле слова должен был поставить себя выше жизни. «Ему не следует иметь огонь в жилище, — читаем мы в одном из древних трактатов, — он Может ходить в деревню за пищей, сохраняя молчание, равнодушный ко всему, твердый в намерениях, сосредоточенный в мыслях. Глиняная чаша, корни Дерева, лохмотья, одиночество и одинаковое отношение ко всему — таков Признак освобожденного».

До крайних пределов учение о топасе было доведено джайнами. Секта эта окончательно сложилась в середине VI в. до Р.Х., когда у нее появился идейный вождь — Махавира, сформулировавший ее теоретические основы. Сами джайны считают, что этому великому пророку предшествовали 23 других тиртханкары («нашедших брод», то есть основателя веры). Первый из них — Ришабху жил тогда, когда люди еще не умели приготавливать пищу, не знали письменности и гончарного дела. Ришабха научил всему этому древних людей; он же учредил браки, ввел обряды захоронения мертвых, поклонения богам. Двадцать третий тиртханкара — Паршвантах жил за 250 лет до Махавиры. Он считается основателем религиозного учения джайнов и создателем древнейших монашеских джайнских общин. Что касается Махавиры, то он придал этому учению тот вид, в котором оно дошло до нашего времени.

Настоящее имя Махавиры было Вардхамана. Согласно традиционной биографии, он происходил из семьи знатного кшатрия Джнятрипутры. Еще в юности он пленился аскетическими идеями, а в 30 лет покинул родительский дом и стал отшельником.

Двенадцать лет он бродил по стране, ведя суровую жизнь аскета, а на тринадцатом году достиг высшего знания и стал Джиной —

Победителем, поборовшим земные страсти и нашедшим путь к спасению. После этого он еще тридцать лет проповедовал свое учение на территории современного Бихара и обратил в свою веру многих людей. Годом его смерти обычно считают 527 г. до Р.Х.

В некоторых своих положениях джайнизм близок брахманизму. Так в джайнизме, как и в брахманизме, признается переселение душ и закон кармы, а спасение человека видится в прекращении его возрождений. Но на этом сходство заканчивается. Прежде всего, джайнизм отрицает понятие Единого Бога, или Абсолюта, в том смысле, в каком о Нем говорят Упанишады. Мир, по учению Махавиры, состоит из двух вечных несоздаваемых и неисчезаемых категорий — дживы (души, духовного начала, активного агента существования) и аджива (неживого, неодушевленного, материального начала). В своей изначально естественной форме джива совершенна; именно в этой форме она являет собой тот идеал, к которому должен стремиться каждый джайн. Но в окружающем нас мире джива всегда связана с адживой, заключена в нее и порабощена ею. Соединяясь с грубой материей, джива обретает тело и появляется в форме живых существ, будь то растение, животное, человек или божество. Причем в этой иерархии высшее ключевое звено — человек, ибо только он в состоянии дать освобождение дживе, которая словно некий страждущий дух, скована темной и косной материей.

Сама по себе джива не в состоянии вырваться из цепких объятий адживы.

Бесконечное количество джив находится в нескончаемом процессе кругооборота живых тел, регулируемых кармой — законом о посмертном воздаянии. Едва освободившись после смерти какого-либо существа, она, подчиняясь карме, опять оказывается в плену другого тела. Очевидно, обрести свободу нельзя, если не преодолен закон кармы. Но связи джив с кармой сложны. Освободиться от кармы очень нелегко, ибо карма не просто опутывает каждого, но и притекает к нему вновь и вновь. Задача правоверного джайна состоит в том, чтобы остановить этот приток, что достигается путем соблюдения сложных норм поведения. Но это только первый шаг. Следующий — добиться истощения и отпадения оставшейся кармы, после чего душа-джива подчиняет себе материальное тело и обретает освобождение.

Из сказанного видно, чем джайнизм отличен от брахманизма. Если последний первостепенное внимание уделял Абсолюту-Брахману, то джайны главным образом размышляли об индивидуальной человеческой душе. Как и его оппоненты-брахманы, Махавира признавал вечность души. Однако, нирвана, по его учению, заключалась не в том, чтобы совершенно обезличиться и раствориться в Абсолюте, но в том, чтобы вырваться из бесконечной цепи перерождений и достигнуть вечного блаженства в потустороннем мире. Путь к спасению, открытый Махавирой, определяется тремя «драгоценностями»: во-первых, ратнатраей — совершенной верой (верой в Джину; смысл этого положения в том, что ищущий должен отбросить все блуждания, сомнения и с помощью веры стараться оградить себя от ложных путей и дурных советчиков); во-вторых, совершенным знанием (знанием учения Джины о душе-дживе, карме, а кроме того, знанием своего «я») и, в-третьих, совершенным поведением (соблюдением

установленных Джиной правил).

Каким же должно быть поведение правоверного джайна? Этот вопрос был глубоко разработан основателем вероучения. Прежде всего, надо сказать, что Махавира пренебрежительно относился к Ведам и священной письменности брахманов, резко отрицал жертвоприношения, жречество и религиозное освящение системы варн. Он учил, что только личные качества людей и их усилия определяют их благочестивость и право на спасение. К нирване ведет исключительная способность человека подняться над миром ограниченности — над миром зла и добра, над миром материи.

Происхождение, божественное вмешательство или соблюдение обрядов не играют на этом пути никакой роли. Поэтому в жизни для джайна работа над собой важнее религиозных обязанностей (последние сводятся в основном к почитанию божеств, посещению храмов и принесению даров). Главное заключается в самом стиле жизни — соблюдении определенных норм поведения и запретов, которые и составляют едва ли не основную суть учения. Так все джайны строго следуют ахинее, то есть стараются ни в коем случае не причинить вреда живым существам (многие даже носят на лице особую повязку, чтобы при дыхании не проглотить какое-нибудь крошечное насекомое), и исполняют заповеди, предписывающие им быть праведными в речи, воздерживаться от присвоения чужого, сохранять целомудрие, быть свободным от прочных привязанностей к жизни и т. п. Всего заповедей 12, но правила их исполнения для мирян легче, чем для монахов. Последние призваны вести жизнь, полную лишений. Это и понятно — поскольку именно желания и страсти по закону кармы вовлекают человека в новые воплощения, важнейшим признаком превращения в Джину является полная победа над своими страстями путем беспощадного самоистязания. Джайнские монахи (ниргрантхи — отрешившиеся от уз) имеют право жить в монастырях и получать пропитание от членов общины — мирян только во время сезона дождей. В остальное время года они должны собирать милостыню и постоянно скитаться по стране. Им предписывается также до предела ограничивать свой сон (с четырех часов утра монах уже на ногах) и питание (принимать пищу можно только два раза в сутки; обязательно соблюдение постов, часто весьма длительных). Однако, поскольку аскетизм всегда считался в джайнизме религиозным подвигом, многие монахи, не довольствуясь этими суровыми правилами, принимают на себя другие изнурительные обеты (например, абсолютное молчание, пребывание на холоде или на солнце, многолетнее стояние на ногах и т. п.). Самым благочестивым концом для джайна всегда считалась смерть от долгого поста, но самоубийство осуждается.

Впоследствии, уже после смерти Махавиры, джайны разработали элементы своей собственной философии и космогонии. По их представлениям, Вселенная состоит из мира и не-мира. Не-мир — это пустое пространство, акаша, недоступное для проникновения и восприятия и отдаленное от мира. Мир делится на нижний, средний и верхний. Нижний — это нечто вроде преисподней — состоит из семи слоев, наивысший из которых населен божествами, а остальные шесть — грешниками ада, живущими среди гнили и нечистот, страдающих от мучений и пыток.

Верхний мир подразделен на 10 или 11 слоев и имеет 62 или 63 уровня. На каждом из них размещено множество дворцов-виманов, где обитают боги и освободившиеся от кармы джайны-сидхи Средний мир лишь отчасти совпадает с нашим земным, но, вообще говоря, он значительно обширнее. Вся Вселенная, сверху донизу, заселена богами и демонами, которым несть числа. Кроме тех, кто обитает в среднем мире вместе с людьми (божества гор, рек, мест и т. п.), выделяются четыре класса божественных персон. К низшему из них относятся обитатели верхнего слоя преисподней, подразделяющиеся на десять категорий и частично выполняющие функции демонов. Ко второму — божества, живущие в том же верхнем слое нижнего мира, а частично в рощах и на островах мира среднего. Это тоже полубожества-полудемоны. Третий класс — божества светил (в их число включается не только солнце и луна нашего земного мира, но и множество других светил, освещающих различные части среднего мира). Наконец, четвертый, высший, класс божеств — это те, которые живут в небесных дворцах верхнего мира. Однако выше всех божеств джайны ставят 24 тиртханкара, обитающих на самом верху верхнего мира. В своих храмах они помещают изваяния «Победителей», которым воздают божественные почести. (Как правило, это обнаженные фигуры колоссальных размеров.) Почетное место в их пантеоне занимает сам Махавира. Ему поклоняются как божеству, а 11 его учеников — ганадхаров — считаются первыми джайнскими святыми.

Первоначально вероучение джайнов передавалось изустно от учителя к ученику.

Канонизация в письменной форме доктрины джайнизма произошла на Вселжайнском соборе в Паталипутре, состоявшемся в IV или III в. до Р.Х. Джайнский канон содержит 50 сочинений. Основные из них приписываются самому Махавире, хотя их окончательная редакция была осуществлена только через тысячу лет после его смерти — в V в. (Одно из важнейших сочинений джайнизма — Кальпасутра, в которой описывается праведная жизнь 24 тир-тханкаров и излагаются основы поведения аскетов.)

Джайнизм имел много последователей в период раннего Средневековья, особенно в Западной Индии, но массовой религией он никогда не был. Сейчас в Индии насчитывается около 2 миллионов джайнов.

Кришна

В настоящее время господствующей религиозной доктриной в Индии является индуизм.

Он развился из старой ведической религии, но под сильным влиянием Упанишад. При этом высокая религиозная философия этих поэм или осталась скрытой от массы верующих, или была воспринята ими в упрощенной, даже вульгарной форме. В народную религию перешли представления о карме, о переселении душ, о Брахмане, но все это было до предела упрощено и опоэтизировано. Огромную роль в формировании новых религиозных представлений сыграл эпос, особенно две великие поэмы — «Рамаяна» и «Махабхарата». Во многом под их влиянием произошла трансформация пантеона. Хотя Веды остаются для индуистов

священным писанием, старые боги — Агни, Сурья и Индра постепенно отошли на задний план. Главную роль стала играть другая триада — Брахма, Шива и Вишну. Три этих бога как бы поделили между собой основные присущие верховному богу функции — созидательную, разрушительную и охранительную. Первым из всех считается Брахма — творец Вселенной. Это наиболее рассудочное и отвлеченное божество, восходящее к Брахману-Абсолюту Упанишад. И хотя он возглавляет пантеон, культ его никогда не был широко распространен. Гораздо привлекательнее для индусов два других бога верховной триады. Шива считается воплощением грозных и разрушительных сил природы. Он воплощает в себе ее вечное умирание и вечное рождение. Он сам и его жена Кали (богиня жизни и смерти) обычно изображаются как многоликие и многорукие человеческие фигуры черного цвета, обвитые змеями, гирляндами черепов и т. п.

Вишну считается олицетворением вечно живой благодетельной природы. Он миролюбив, но склонен к проказам. В нем, прежде всего, воплощены мессианские мотивы индуизма.

В исключительных обстоятельствах — потери благочестия людьми или возникновения опасности, угрожавшей религии и богам — Вишну воплощается на земле в каком-либо телесном (но не обязательно человеческом) облике и своим вмешательством исправляет положение. Таких воплощений (аватар) указывается много, но всего упоминается десять. В первых четырех он выступает в облике животных: в качестве рыбы он спас легендарного царя Ману от потопа; в качестве черепахи он научил богов приготовлять из вод первобытного океана напиток, дарующий бессмертие; в качестве вепря извлек из вод земли; в облике человека-льва помог поразить царя-демона. Это же он делает в своем пятом обличье карлика-великана. Этой аватаре посвящен один из гимнов Вед. В нем рассказывается о том, как в облике карлика Вишну явился к грозному демону Бали и попросил у него клочок земли — столько, сколько он сможет отмерить тремя шагами. Бали не отказал карлику, но как только Вишну стал мерить землю, то превратился в великана, причем первыми двумя шагами он охватил весь мир, а третьим вдавил под землю самого Бали. В шестой раз Вишну явился на землю в виде воина Парашурамы. Его седьмой аватарой было рождение в облике Рамы — сына царя Айодхьи, для того чтобы погубить жившего на Цейлоне царя демонов-ракшасов, оскорблявших богов и благочестивых отшельников. Восьмой аватарой Вишну называют его перевоплощение в Кришну — царя Ядававов, девятой — его явление в качестве Будды, а десятой — его будущее рождение в виде мессии Калки, приход которого ожидается.

Наиболее любимые в Индии аватары Вишну это Рама и Кришна, которые в представлении индусов почти целиком заслонили собой самого Вишну. Рама является героем эпической поэмы «Рамаяна», Кришна — героем другой эпической поэмы «Махабхарата». Культ Кришны настолько популярен, что приобрел в Индии самостоятельное значение. Согласно мифическим преданиям, дядя Кришны царь Камса был предупрежден о том, что его ждет смерть от рук сына его сестры Деваки.

Деваки с мужем заключили в темницу, а их сыновей убивали после рождения. Только одного удалось спасти, это и был Кришна, которого

воспитали пастухи. Маленький Кришна в детстве был знаменит своими шалостями и проказами. Он крал у своей приемной матери масло, пел песни, играл на флейте, а повзрослев, начал сводить с ума окрестных пастушек, сбегавшихся послушать его чарующую музыку. Щедро одаривая всех их своей любовью, Кришна особо выделял среди своих подружек Радхарани. Став взрослым и научившись владеть оружием, Кришна исполнил то, что ему было предназначено, — убил своего дядю-тирана. В эпических сказаниях образ Кришны намного сложнее. Прежде всего он колесничий и мудрый советник одного из главных героев «Махабхараты» — воина Арджуны. (Эта поэма, как известно, рассказывает о жестокой междоусобной войне в племени бхаратов между пандавами и кауравами.) Но в определенные моменты его божественная сущность выступает из-за смертной оболочки, и тогда оказывается, что устами Кришны говорит могущественный Бог (Вишну или даже сам Брахман), явившийся на землю и раскрывающий перед Арджуной высший смысл небесного и этического закона. Это знаменитое толкование Кришны (которое мы с полным основанием можем считать Божественным Откровением) вошло в состав «Махабхараты» в виде небольшой вставной поэмы «Бхагавад-Гиты», то есть «Песни Господней». Уже в древности ее справедливо почитали как одно из величайших религиозных произведений всех времен и народов.

В чем же суть религиозного учения Кришны? Гита начинается с того момента, когда борьба за власть среди владетельных бхаратов достигла кульминационной точки и многолетнее соперничество пандавов и кауравов вылилось в истребительную войну.

На равнине Куру встретились «братья и отцы», чтобы в жестокой схватке решить вопрос о царском наследии. Незадолго до начала битвы Арджуна выезжает на середину поля, чтобы в последний раз окинуть взглядом враждебные армии. Вид бойцов, готовых к атаке, приводит его в уныние: ведь здесь, обнажив мечи и натянув луки, сошлись дети одного предка, «товарищи, братья, сыновья и внуки». Эта картина готовящегося братоубийства ставит перед совестью князя вопрос: как ему поступить? Имеет ли он право проливать кровь соплеменников? И Арджуна обращается за советом к своему возничему Кришне.

Отвечая на конкретный вопрос Арджуны, Кришна начинает издалека и заводит разговор о смысле бытия, о Высшем Начале, о мироздании и о том, какое место занимает человек во Вселенной.

Согласно учению Кришны, в мире нет ничего поистине вечного, кроме Брахмана, кроме высочайшего духа. Воплощаясь в каждом человеке, он составляет бессмертную сущность смертного. Убивая человека, можно убить только тело. Но не в нем сущность человека. Бессмертная душа человека потом воплощается вновь и вновь.

Действительность материального мира лишь иллюзия, только Брахман есть единственная действительность в полном смысле этого слова. Есть два пути избежать множественности рождений и приобщиться к истине: философское мышление (санхья) и мистическое самоуглубление (йога). Во всем этом Кришна следует за авторами Упанишад, однако, взгляд его на взаимоотношения Бога и мира, Бога и человека совсем другой. Он говорит, что не только мистическая отрешенность ведет к совершенству, но и бхакти — любовь, благоговение, вера. Всякий, кто с

доверчивым сердцем прибегает к Богу, не погибнет, кем бы он ни был. Любовь человека не тщетна, молитва его не бессмысленна, упование его не ложно. Для Неба, как бы не существует земных различий и условностей. Члены разных каст, мужчины и женщины, все призываются в чертог высшей Любви. Гита указывает, что проникнуть в духовные сферы позволяет не заносчивое умствование, а сердце, полное благоговения. Даже ложная вера, если она искренняя, ведет к спасению. Мудрый человек чтит единого Бога — Господа неба и земли. Люди, обуреваемые страстями, более склонны к почитанию многих богов. И все же Господь не остается равнодушным к этим заблудшим. Кришна говорит: «Какие бы образы с верой ни почитал поклонник, его нерушимую веру Я ему посылаю. Он ищет образ милости, укрепясь этой верой, от него получает желанные блага, хотя они даются Мной». Таково великое снисхождение Бога к человеческому невежеству и слабости.

Отношение Кришны к Абсолюту и к акту миротворчества также совершенно иное, чем в религии брахманов. На вопрос: как мог Абсолют быть и Творцом, Кришна отвечает: мир есть результат творчества, результат действия, но действует не сам по себе Брахман, а Его «частица». Она созидает миры и вливается в них живительной силой, духовной энергией. Таким образом Сверхличное Божественное Начало превращается в личное — в творящего Бога. И даже более того — Бог опускается в саму природу, становясь Душой мира. «Войдя в землю, — говорит Кришна, — Я существа поддерживаю силой. Я взращиваю все растения… став огнем… в тела живых входящим, Я перевариваю четверовидную пищу. Сияние от солнца исходит и весь мир озаряет, так же от луны, от огня. Знай, это мое сияние. В сердце каждого Я пребываю… Я — вкус воды… Я — блеск луны и солнца, Я — во всех ведах живоносное слово, Звук в эфире, человечность в людях, Я — чистый запах в земле, в огне сиянье, жизнь во всех существах. Я — подвижников подвиг, я — вечное семя существ… Ибо не Я в них, а они во Мне постигли это». В отличие от Абсолюта брахманов, Кришна не только одушевляет мир, но и активно участвует в историческом процессе. Во все периоды истории, когда человечество оказывается в духовном кризисе, когда слабеет закон и воцаряется беззаконие, Бог «создает Себя Сам для спасения праведных и для гибели злодеев». Так приходит он к людям «из века в век». В то время как Упанишады считали всякое земное дело в сущности ненужным и бесполезным, Гита призывает к действию. Человек должен быть активным, ибо и сам Господь действует. «Не совершай Я дел, эти миры исчезли бы», — говорит Кришна. У человека всегда перед глазами его повседневные обязанности, порожденные жизнью, которые он должен исполнять. Но, совершая свои дела, человек, как и Божество, должен стоять выше страстной привязанности к ним.

Подобно тому, как Бог творит бескорыстно, должен трудиться и он, не думая о последствиях своего труда. «Действия совершая, привязанность к ним оставь». Это отрешение от заинтересованности придает каждому акту человека характер богослужения. В соответствии со сказанным, Кришна дает ответ на вопрос Арджуны.

Долг человека, говорит он, заключается в добросовестном исполнении своей дхармы.

Долг кшатрия — сражаться. Поэтому Кришна не только не одобряет скорби Арджуны по поводу убийства сородичей, а призывает его смелее идти на битву. Этим выводом заканчивается «Бхагавад-Гита». Кришна рассеивает сомнения Арджуны и возвращает ему утерянную уверенность. Но понятно, что значение проповеди Кришны далеко выходило за пределы этого конкретного случая. По сути дела, изложенное учение было попыткой найти к Богу иной путь, нежели тот, который предлагали брахманы.

Учение об Абсолюте, для достижения которого нужно утратить свое «я», многих пугало и отталкивало; люди хотели не только стоять у врат божественного молчания, но и услышать голос Божий. Как ответ на это стремление родилась «Бхагавад-Гита». Большинство исследователей относит создание поэмы к VI в. до Р.Х. Кто был ее автор — не известно. Вероучение, вложенное в уста Кришны, теперь неразрывно связано с его образом. И нельзя не признать, что образ этот необычайно притягателен. Каждый может найти в Кришне что-то свое. Кто-то видит в нем веселого и страстного любовника, прекрасного шаловливого мальчика. Кто-то — мужественного и сурового воина. Кто-то — глубокомысленного философа. Но, являясь во всех этих образах, он вместе с тем есть великое и милосердное Божество, способное сострадать человеку, быть его другом, спутником и наставником. Не случайно культ Кришны широко распространен в современной Индии и храмы его никогда не пустуют.

Патанджали

С тех пор как мудрецы Индии осознали непрочность и мимолетность всего земного, они постоянно отыскивали то, что называли мокшей — истинным освобождением и подлинным благом. Один из способов вырваться из-под власти перевоплощений предложила школа йоги, сконцентрировавшая тысячелетний опыт самоуглубления и психотехники, не имеющий себе равных в древности. Важнейшие ее принципы сформулировал гуру Патанджали, автор «Йога-сутры», первого классического руководства по йоге. Предания отождествляют его с великим индийским грамматиком, носившим это имя и известным своими трудами по санскриту (кроме того, Патанджали приписываются труды по философии, медицине, теории поэзии, а также составление руководства для актеров «Нати-сутра»). Он жил во II в. до Р.Х. Правда, некоторые исследователи считают, что «Йога-сутра» написана двумя веками раньше, но точная хронология здесь не так уж важна, поскольку йога в широком смысле существовала задолго до Патанджали. «Йога-сутра» обобщает идеи и правила гораздо более древние, чем Упанишады, уходящие корнями в далекое прошлое. (Само понятие «йога» не имеет точного перевода. Чаще всего это слово производят от корня «иудж», что значит «прилагать усилие, упражняться».)

Уже на древних печатях, которые датируются III тысячелетием до Р.Х., изображались фигуры, сидящие в йогической позе «лотоса»; это доказывает, что йога зародилась в доарийские времена. Первые упоминания о практике йоги содержатся в Ведах, а в Упанишадах о ней говорится довольно часто. Однако там она выступает не в виде

обособленной доктрины, а как практическая сторона богопочитания. Размышляя о Божестве, человек не мог не задавать себе вопрос: почему Оно недоступно людям как явления видимого мира или движения мира внутреннего. Как уже говорилось, ответ на этот вопрос дал брахманизм. Упанишады учили, что Священное близко, Оно рядом, Оно во всем, Оно в человеке, но человек не в состоянии созерцать Его, так как весь погружен в ложное и бренное.

Непосредственное восприятие Бога должно было предваряться подготовкой, которая делала человека способным к постижению тайн Единого и Вечного. Этой цели и служила йога. В «Майтри-Упанишаде» говорилось, что йога есть священный путь, «стезя Брахмана», и на нее нельзя вступать человеку, который не посвятил себя целиком поиску познания. А в «Катха-Упанишаде» сообщалось о йоге как о способе покорить чувства, рассудок и в конечном счете — саму мысль, то есть о высвобождении чистой, не выразимой словами интуиции. Согласно Упанишадам, йог должен стремиться растворить себя в Запредельном, ибо, только слившись с Ним, можно его познать. В «Шветашватаре» мы читаем: «Те, кто, предаваясь размышлениям, занимались йогой, видели самосущую Силу, сокрытую ее свойствами».

В этом трактате уже были намечены технические приемы созерцания. В нем говорилось о положении тела, задержке дыхания, о необходимости для йога контролировать чувства, «подобно тому, как он впрягал бы строптивых коней в колесницу». Отрешенный от всего происходящего, он созерцает «единственного Бога, сокрытого во всех существах, всепроникающего, внутреннего Атмана всех существ, следящего за действиями, живущего во всех существах, всевидящего, знающего, одного-единственного и лишенного свойств».

В последующие века практика йоги все больше соединяется с философской Школой санкхьи и превращается в особенное религиозное учение. Ранняя санкхья мало чем отличалась от учения Упанишад. Она также учила о Брахмане как о единой реальности, уподобляя его ожерелью, вернее — нити, на которую нанизаны золото, жемчуг, кораллы или глиняные украшения, то есть все многообразие проявленного мира. Умение отличать нить от нанизанных на нее предметов и составляло сущность санкхьи. Основатель этого учения мудрец Капила исходил из того, что физическая Вселенная не может быть излиянием духовного Начала — Пуруши. (Пуруша понимался не как некий Абсолют, вроде Брахмана, а как совокупность бесчисленного количества индивидуальных душ; это было сознательное, но инертное начало.) Мир материальный обособлен от мира духовного и не порождается им. Более того, он способен развиваться по своим внутренним законам.

Все бессознательные, стихийные изменения во Вселенной возникают как следствие процессов в первоматерии — Пракрити. Пракрити, по учению Капилы, обладает неисчерпаемой творческой энергией, но лишена сознания. Воздействие Пуруши на Пракрити можно уподобить воздействию магнита на металл: духовное начало как бы намагничивает лишенную сознания материю, придает ей форму и духовную субстанцию.

Соединившись, два плана бытия порождают действительность, столь несовершенную, что она вся оказывается пронизанной болью и страданием. Основной смысл философии санкхьи сводится к тому, как помочь пуруше освободиться из плена материи, избавиться от состояния сансары (земной жизни и перерождений) и кармы, покинуть тела, в которых он заключен, и обрести состояние блаженства и освобождения (мокша).

При этом, не отрицая ведических обрядов, санкхья-йога рассматривала их как низшую ступень очищения духа. Ведь обряды связаны с верой в небесную помощь, а истинный мудрец ждет ее не свыше, он сам, следуя определенным правилам, срывает с себя тленные оболочки. В «Мокша-Дхарме» мы читаем: «Никакой человек или бог не поможет счастья достигнуть; кто сам себя обуздал, тому оно достается». Обуздав плоть воздержанием, подавив в себе «страх, тоску, изнурение, всякие человеческие страсти… похоть, сон, труд, непреодолимую дрему», йог «сам собой» достигает высшего состояния: он не только «превосходит всех смертных», но и сливается с божественной природой, «претворяет себя» в бога. Таким образом, согласно «Мокша-Дхарме», йога определяется как путь к спасению через самообожествление.

Из концепции Капилы и исходил Патанджали. Он обоготворял человеческий дух, рассматривая его как царственного пленника, попавшего в силки Пракрити Йога в данном случае представляла собой практическую сторону науки различия истинного от иллюзорного. По словам Патанджали, подвижник должен отвратиться от «жажды предметов видимых и слышимых». Человек, не осознавший своего природного величия, остается в рабстве у материи «Неведение, — говорит Патанджали, — есть принятие того, что неверно, нечисто, мучительно и не является Я, за вечное, чистое, блаженное, Атмана». Только достигнув полного очищения, йог может в гордом одиночестве вкушать никем не замутненное блаженство мокши. Учение Патанджали, в отличие от йоги ранних Упанишад, представляет собой уже не путь слияния с Абсолютом, а — порыв, усилие отдельного духа в его стремлении освободиться от материальных уз. Путь подвижника к высшему блаженству был сложным и распадался, согласно «Йога-сутре», на несколько этапов.

Первый этап — яма (воздержание) — представлял собой обычную аскезу. Приступающий к йоге должен был призвать на помощь все силы своей нравственной воли и прежде всего отказаться причинять вред живым существам. Кроме этого, он должен был быть правдив, бескорыстен, терпелив и целомудрен. Ибо никакой духовный рост невозможен без предварительного упражнения в добродетели.

Вторая ступень — нияма (чистота) — была сходна с первой и включала в себя дисциплину сердца, ума и тела. Ее основа заключалась в размышлении над священными текстами, телесной и духовной чистоте, овладении желаниями и тапасе — контроле над стихийной силой, присущей человеку. (Это понималось не в смысле простого подавления жизненной энергии, но в претворении ее в созидательную активность. «Самообуздание, — читаем мы в Мокша-Дхарме, — развивает мощь».)

Третий этап — асана тесно связан с Хатха-йогой, то есть йогой, относящейся к телесной жизни человека. (Асаны — это положения тела, в которых упражняющийся пребывает некоторое время, как правило,

неподвижно. Позднейшие йоги разработали около 840 000 асан, впрочем, они уже не относятся непосредственно к Раджа-йоге, а преследуют преимущественно медицинские, оздоровительные цели. Сам же Патанджали и его предшественники имели в виду лишь добиться власти над физическими процессами, которые, предоставленные сами себе, могли стать помехой для духовного восхождения. Самопроизвольная каталепсия, неуязвимость в состоянии транса, ограниченность пищи до ничтожного количества, исчезновение пульса — все эти явления у йогов показывают, насколько велика власть духа, укрепленного тренировкой, и какое большое влияние способен он оказать на тело.)

Четвертая ступень — пранаяма целиком посвящалась правильной постановке дыхания, которое играет в йоге огромную роль. (Само слово «прана» не означает дыхание.

Это название энергии, пронизывающей всю Вселенную.) С помощью дыхания человек должен был научиться «управлять жизненными токами», овладевал способностью воспринимать и удерживать в себе космическую силу, которая приобщала его к ритму, созвучному ритму Вселенной. Это помогало замедлить естественные процессы и освободиться от разъедающего воздействия времени. Таким образом, пранаяма приводила все существо человека в состояние полной гармонии.

На пятой ступени — пратьяхара — йог овладевал способностью обуздывать свои чувства. Он отвращался от всего внешнего и всего, что мешало самоуглублению и словно собирал дух в фокусе своего внутреннего мира. Это достигалось способностью отключать свои чувства от внешних впечатлений. В «Мокша-Дхарме» говорится: «Знающий йогу не должен воспринимать звука ухом, чувствовать касаний кожей, воспринимать образ глазом, а языком — вкус. Глубоким размышлением он должен отогнать все запахи».

Овладевший всеми этими приемами, мог переходить к высшей йоге — самьяме, которая имела три ступени: дхьяну, или концентрацию сознания, дхарну, или созерцание, и, наконец, сверхпознание — самадхи. Концентрация сознания достигалась посредством многих приемов. Например, длительным сосредоточением на какой-либо фразе, части тела (на кончике носа, языка или на небе). При переходе на уровень дхарны йог учился удерживать свою мысль на каком-нибудь определенном предмете. Постепенно и этот предмет становился лишним, и йог достигал полной прострации, самого сознания в чистом виде, когда лишь тонкая нить удерживала его в царстве Пракрити. Для Патанджали это был последний рывок перед полным уходом из мира материального, когда окончательно спадает пелена и истинное «я» подвижника, его пуруша, парит, разобщенное со временем, отягощавшим его. Так завершался путь йога, который достигал единения с богом — Ишварой. Признавая, в отличие от мудрецов сакхьи, существование Бога, Патанджали не разделял многих расхожих идей о нем, например, идею сотворения мира Ишвара — это не создатель Вселенной, и вообще вопрос о создании в йоге не поднимается. Но, тогда, что такое Ишвара? «В нем становится бесконечным всеведение, которое у других — в зачатке, — говорит Патанджали. Он — Учитель самых древних учителей, Существо, не ограниченное временем». Можно поэтому утверждать, что Ишвара — это неограниченное знание Ишвара пребывает

в вечном покое и бездействии и потому не в силах спасти человека, но он ободряет ищущего примером своего блаженного бытия. В дальнейшем последователи Патанджали отказались от учения об Ишваре (которое действительно очень мало давало человеку) и вновь связали свою доктрину с мистикой Упанишад.

Конечной целью йоги, как и в древние времена, было объявлено слияние с Мировым Духом. Но и после этого число сторонников йоги оставалось незначительным, ибо большинство людей не могло принять основное положение этого вероучения, заключавшееся в том, что Бог открывается лишь одиночкам-аскетам, достигшим абсолютного бесстрастия и навсегда порвавшими с земной жизнью.

Нанак

Основатель религии сикхов гуру Нанак, чье вероучение представляет собой замечательный синтез мусульманской и индусской культур, родился в октябре (или апреле) 1469 г в Пенджабе, в небольшом местечке Тальванди, близ Лахора. Его отец был патвари (чиновник, занимавшийся сбором поземельного налога) и, видимо, принадлежал к касте кшатрий. В Пенджабе в то время можно было встретить представителей многих религий. С XI в. в этом районе стал распространяться ислам, и в XVI в мусульмане составляли около половины всего местного населения. Это оказало огромное влияние на формирование мировоззрения Нанака (Считается, что именно из ислама в форме распространенного в то время в Пенджабе суфизма Нанак заимствовал одну из основополагающих идей своего вероучения, что Бог — это добро и любовь).

В семь лет Нанак поступил в деревенскую школу. От природы он был наделен незаурядными качествами — острым умом, наблюдательностью и здравым смыслом. Как свидетельствует легенда, он уже в детстве проявил удивительные способности. Так, когда учитель захотел объяснить детям, что такое алфавит, Нанак, хотя никогда раньше не учился грамоте, объяснил значение всех букв. Последователи сикхизма верят, что это было первое Божественное Откровение, полученное будущим гуру. На его современников это чудо тоже произвело большое впечатление Потрясенный учитель поклонился мальчику, затем отвел его домой и сказал отцу «Мехтаджи, ваш сын — пророк, пришедший освободить узников эпохи тьмы. Ему суждено стать Учителем для всего мира, а мне нечему его учить». Однако в дальнейшем Нанак все-таки прошел обучение в индуистской и мусульманской школах и, прежде чем начать проповедовать свое учение, хорошо изучил Веды и Коран. Считается, впрочем, что вдохновение пришло к нему не от этих священных книг, а от самого Бога.

Были и другие чудесные знамения, свидетельствующие о богоизбранности юного сына патвари. Рассказывают, что однажды, когда Нанак пас буйволов, он задремал под деревом и стадо потоптало всходы на соседнем поле. Хозяин увидел, что его урожай уничтожен, пришел в ярость и подал жалобу начальнику местной управы. Тот послал за Нанаком и его отцом, чтобы рассудить спор. В ответ на предъявленные ему обвинения,

Нанак возразил, что всходам не было причинено никакого вреда, скорее на них простерлось благословение Господа. Послали осмотреть поле, и ко всеобщему удивлению, не нашли на нем никаких следов нанесенного ущерба. Напротив, всходы были вдвое пышнее, чем раньше. В другой раз Нанак был послан пасти буйволов и снова заснул под деревом. Когда солнце поднялось выше, тень сместилась. И тут большая кобра выползла из своего гнезда, поднялась над лицом Нанака, отбрасывая на него тень от своего капюшона, и стояла так до тех пор, пока мальчик не проснулся.

Когда Нанак подрос, он стал избегать общества и стремиться к уединенным размышлениям. Отец, не понимавший его духовного величия, считал, что сын попусту теряет время, и хотел, чтобы Нанак занялся торговлей. Однажды он дал ему 20 рупий и послал в ближайший город купить таких товаров, которые потом можно выгодно продать. По дороге Нанак встретил группу аскетов, уже несколько дней не вкушавших пищи. Он купил им еды, истратив на это все деньги. Узнав, как были потрачены его 20 рупий, отец сильно досадовал на сына, но тот отвечал, что более выгодной сделки заключить было просто невозможно. Тогда отец решил женить Нанака (которому тогда еще не было 18 лет) и подыскал ему жену в соседнем селении. Она родила будущему гуру двоих сыновей, однако Нанак не сделался от этого ни домовитее, ни предприимчивее. Наконец, муж его старшей сестры устроил юношу на должность кладовщика государственного зернохранилища. Нанак очень добросовестно исполнял свои обязанности, и никто из страждущих не уходил от него без помощи. Начальство вскоре заподозрило, что он чересчур щедро раздает государственное зерно (так оно и было на самом деле ибо Нанак отпускал нуждающимся хлеб без всякой меры).

Устроили проверку, но оказалось, что документация у него в полном порядке и никакой недостачи нет. Это также было расценено как чудо. Впрочем, Нанак не долго оставался на своем месте. Вскоре он сам подал прошение об отставке, так как понял, что пришла пора приступить к выполнению своей божественной миссии.

Говорят, что к этому его подтолкнуло следующее важное событие. Однажды Нанак купался в реке Баин и внезапно исчез в воде. Не появлялся он три дня. В этот период таинственного отсутствия ему было видение Всемогущего Бога, который велел ему оставить все дела и идти проповедовать миру Божественное имя (НАМ). По свидетельству самого Нанака, Господь сказал ему:

«Привет тебе, о Нанак, погрузившийся в НАМ!
Теперь иди и делай то, для чего ты рожден.
Дела людей кали-юги страшны, духом они опустились до предела.
Они поклоняются множеству богов, позабыли Имя и погрязли в грехе.
Иди, проповедуй любовь и преданность Имени, и облегчиться бремя жизни.
Иди, восславь Имя Господа, уничтожь лицемерие».
В другом месте Нанак говорит:
«Поэтому праздному мне Бог доверил Свою работу:
День и ночь мне говорил Всемогущий: иди воспевай мне хвалу…»

Господь открыл ему тогда и другие важные истины, так что, когда Нанак вновь появился из воды, он был уже призванным пророком Божьим — гуру, и с этого мгновения началось его служение Богу. Бросив дом и торговлю, он вместе с мусульманином по имени Мардана отправился в 1499 г. в странствие по Индии. В своих скитаниях по стране, которые продолжались более 20 лет, Нанак обошел все святыни индуистов, мусульман, буддистов, джайнистов, йогов, встречался с людьми различных исповеданий, представителями различных культур и рас. Со всеми он вступал в разговоры и всех старался приобщить к своей вере.

Проповедуемое им вероучение, опиравшееся на некоторые догматы ислама и брахманизма, было ярким и цельным. Нанак не признавал поклонения богам и богиням, камням, статуям, идолам, животным, изображениям или! гробницам. Он говорил, что прославлять следует только Единого Бога, Не имеющего форм. Основой всех основ, началом всех начал он провозгласил Бога-Создателя, Бога-Абсолюта, Бога-Истину, лишенного каких-либо признаков «очеловеченного божества».

«Невидимый, Бесконечный, недосягаемый, Непостижимый Бог
Неподвластен смерти или предопределению.
Он не принадлежит ни к какой касте, не рожденный,
Он существует сам по себе, не знающий страха или сомнения…!
Он не имеет формы или очертаний;
Он являет Себя через истинное слово.
Он не имеет ни матери, ни отца, ни сына, ни родственников…
Он — чистый, нескончаемый и беспредельный, всякий свет — Твой, о Господи…»

Бог одновременно имперсонален и личностей. Имперсональный Бог не имеет формы и недосягаем для человека. Он существовал извечно прежде всего.

«Не было ни ночи, ни дня,
Не было ни океана, ни луны,
Ни солнца, ни воды, ни воздуха —
Всюду был Бог.
Не было богов, живущих высоко на небесах,
Ни Брахмы, ни Вишну, ни Шивы.
Был только Он, — вечный, — и ничего более…»

До сотворения мира Бог пребывал Абсолютно Сам по Себе, будучи Не имеющим форм.

Становясь проявленным, Он сначала придал Себе форму НАМ (Божественного имени), а затем сотворил Природу. После сотворения Природы, Он не отделился от нее, напротив, Он поддерживает Свое творение собственным присутствием в нем и наслаждается этим. Окружающий нас мир — не иллюзия Он вполне реален, он — порождение непостижимой Божественной Воли.

Когда Бог являет Себя в Своем творении, он становится личностным и доступным.

Исток не имеет форм, а весть мир есть Его личностная форма. Однако никакая форма, сколь бы универсальна она ни была, не является независимой от Него.

Бесконечный Бог может проявить Себя в неисчислимом множестве вещей, но ни одно множество конечных вещей не может быть эквивалентно Бесконечному.

Бог — вездесущ, Он в поле и в мастерской ремесленника, так же как и в святилище.

Он в самом человеке. («Бог сокрыт в каждом сердце, — учил Нанак, — свет Его — в каждом сердце…»). Для того чтобы молиться Богу, незачем ходить в храм или мечеть. (Нанак во время проповедей неоднократно подчеркивал своими речами и своими поступками эту важнейшую для него мысль. Пишут, например, что во время путешествия в священный город мусульман — Мекку — ему пришлось заночевать в мечете, и он лег спать, вытянув ноги в сторону Каабы. Служитель храма, толкнув его, воскликнул: «Кто этот неверный, спящий ногами к дому Господа?» Нанак ответил ему: «Ты думаешь, что если я сплю ногами к дому Бога, то проявляю непочтительность? Но попробуй повернуть их в ту сторону, где бы не обитал Бог…»)

Цель человеческой жизни, учил Нанак, состоит не в том, чтобы избежать ада или попасть в рай, но в искании Бога и обретении единства с Ним. Человеческую жизнь он рассматривал как возможность достижения этой цели, и если эту возможность упустить, человек возвращается к циклу рождений и воплощается вновь. Положение человека в нынешней жизни предопределено его прошлыми рождениями и прошлыми жизнями. В этом смысле взгляды Нанака восходили к традиционному догмату индуизма о карме. Он писал: «Вся жизнь создана по Его предопределению, Его предопределением один занимает высокое положение, другой — низкое.

Радость и наказание — все дается по Его предопределению».

Но в отличие от индуистов Нанак был далек от признания кармы как рока, против которого человек беспомощен. Он твердо верил в возможность ее изменения. Бремя наших прошлых грехов, основа кармы, может быть разрушено и разрушается милостью Бога Средством избавления от кармы (и это было очень важно!) Нанак объявлял единение с Богом, достигаемое человеком благодаря беспредельной вере и преданности Ему, благодаря полному растворению своего «я» в любви к Всевышнему.

Любовь к Богу не совместима с себялюбием. Нанак писал:

«Там, где есть «я»,
Там Бога нет.
Там, где есть Бог,
«я» там нет…»

Искренняя вера — вот что заменяет и подвижничество, и служение идолам, и паломничества. Нанак полностью отвергал представления о том, что спасения можно достигнуть при помощи каких-либо постов, ритуалов или Церемоний. Он отрицал принципы йоги, умерщвление плоти,

самоистязание, покаяние и аскетизм. Он говорил:

«Вера — не латанная одежда, не посох йога, не пятна грязи на теле Вера — не ношение серег, не обритая голова, не игра на флейтах.

Будь чистым среди нечистоты мира; так ты найдешь путь веры».

Вместо сложного мусульманского или индуистского ритуала, при котором между человеком и Богом обязательно присутствует посредник в лице брахмана или муллы, Нанак утверждал прямое и необремененное внешней обрядностью общение человека и Бога. Любой человек, вне зависимости от своего вероисповедания, может обратиться к Богу и будет услышан Им. Так Нанак никогда не предлагал мусульманину или индуисту отречься от своей религии ради того, чтобы стать его учениками.

Напротив, он говорил, что для обретения спасения мусульманин должен стать истинным мусульманином, а индуист — истинным индуистом. Однажды его спросили. «Кто выше — индуист или мусульманин?» «Без добрых дел, — отвечал Нанак, — и то и другое — тщета. Превосходство состоит в делах, а не в вере». Он часто повторял: «Нет ни индусов, ни мусульман, есть только люди». Главное, чтобы их молитва шла из самой глубины души. Пишут, что один знакомый Наваб сказал ему однажды: «Если нет никакой разницы между индуистами и мусульманами, почему ты не присоединяешься к нам во время совершения намаза (исламской молитвы)?» Нанак согласился принять участие в совершении намаза, возглавлявшегося кази. Когда намаз начался, кази и Наваб, молясь, падали на колени и совершали поклоны, а Нанак стоял неподвижно. После окончания намаза кази спросил Нанака: «Почему ты не принимал участия в молитве?» Нанак на это ответил: «Я-то участвовал в молитве, а вот вы оба не участвовали». Затем он объяснил: «Во время молитвы кази внезапно вспомнил, что во дворе у него есть колодец, и все его сознание сосредоточилось на опасении, как бы его новорожденный жеребенок не свалился туда. Иными словами, сознание кази не участвовало в молитве. Точно так же сознание Наваба, в то время как он намеривался молиться, было поглощено размышлениями о покупке лошади в Кабуле». Кази и Наваб со стыдом должны были признаться, что Нанак совершенно прав, и Наваб воскликнул, обращаясь к кази: «Разве ты не видишь, что это Бог говорит с нами устами Нанака?»

Нанак с негодованием отвергал учения, согласно которым одни люди, в силу своего высокого общественного положения или богатства, оказываются ближе к Богу, чем другие. Нет, Бог принимает во внимание только личные заслуги, выражающиеся в вере, любви и преданности Ему, в чистоте помыслов и поступков Вера и любовь к Богу делают людей одинаково угодными Господу, а потому они одинаково достойны Его милости. Эта вера так чиста и благородна, что снимает с человека позор рождения в низшей касте, очищает его от прегрешений, возвышает низких и убогих.

Нанак говорил:

«Знатное происхождение и великая слава,
Подобно праху, не имеют цены.
Человек может хвастать перед людьми своей добродетелью,

Но истина откроется ему только при познании Бога.
Только тот, кого Господь возвысит, и есть возвышенный».

Господь Нанака могуч, но не беспощаден, Он велик в своей беспредельной доброте ко всем людям, потому что все они в равной мере его творения, вне зависимости от пола, национальности, профессии, касты или вероисповедания. Каждый человек воистину Сын Божий, а различия между людьми создают они сами. Нанак говорил:

«Вера — не просто слова
Тот верует, кто всех людей видит равными…»

В своих проповедях гуру Нанак резко выступил против затворничества и неравноправия женщин, против многоженства и самосожжения вдов.

В свое первое путешествие, на которое он затратил 8 лет, Нанак обошел всю Южную Индию. В августе 1507 г. он ненадолго вернулся домой и вновь двинулся в путь — на этот раз на восток. Всюду, куда бы он ни приходил, Нанак выступал против предрассудков и ложных ритуалов, поклонения кумирам и местным божествам, учил, что следует прославлять только Единого Бога, не имеющего форм. Его проповедь не была бесплодной. Многие с благоговением принимали учение Нанака. Уходя из какого-нибудь города, он, как правило, оставлял там небольшую общину своих последователей сикхов (то есть «учеников»). Однако главным центром новой религии стал основанный им в 1516 г. неподалеку от Пакхоки на берегу реки Рави город Картарпура («Город Создателя»). Оставив здесь большую общину, Нанак отправился в третье путешествие на север, а потом предпринял четвертое большое путешествие на запад. Считается, что именно тогда он посетил священные города мусульман — Мекку и Медину. В 1521 г., когда Нанак находился в Саидпуре (Эминабаде), этот город был взят войсками знаменитого Бабура. Сохранилась легенда, что основатель империи Великих Моголов долго беседовал с Нанаком и проявил интерес к его вероучению.

Вернувшись вскоре после этого из своего последнего путешествия, Нанак поселился в Картарпуре. Здесь, уже признанным патриархом новой церкви, в окружении многочисленных учеников и последователей, он провел свои последние годы.

Основные положения религиозной жизни общины сикхов были разработаны гуру именно в это время. Нанак учил, что Бог не требует от человека ничего, кроме искренней любви. Никаких самоограничений, превышающих сил обычного человека — не нужно.

Служение Богу вполне может сочетаться с повседневными домашними и общественными обязанностями. И вообще, добродетель состоит не в бегстве от жизни, а в том, чтобы жить в этом мире, познавая и улучшая его. В связи с этим правила и требования сикхской религии были одновременно просты и трудны. Первостепенное значение имела честная жизнь на средства, заработанные усердным трудом. (Нанак сам подавал этому пример и вплоть до самой смерти собственноручно обрабатывал свое поле.) Каждый член общины должен был сам зарабатывать себе на жизнь и

отдавать часть своих средств на содержание бесплатной столовой, которая называлась гуру Калангар. Все посетители — будь то брахман или шудра, царь или простолюдин, мусульманин или индуист — должны были сидеть здесь бок о бок и есть одинаковую пищу. Гуру отвергал аскетизм, но проповедовал ахимсу в мыслях (нельзя желать зла ближнему), в речи (нельзя грубо разговаривать) и действиях (нельзя разрушать то, что создано трудом). Правоверный сикх должен был не только не причинять зла кому бы то ни было, но и быть готовым всегда оказать помощь любому страждущему «даже ценой своей жизни».

В 1539 г. Нанак провозгласил своим преемником и новым гуру любимого ученика Бхаи Лехна и объявил, что скоро умрет. Те из его последователей, которые исповедовали ислам, хотели после смерти учителя похоронить его тело, а те, что исповедовали индуизм, хотели его сжечь. Возник спор. Когда умирающему гуру рассказали об этом и спросили, какого будет его решение, он ответил: «Пусть индуисты положат цветы с правой стороны моего тела, а мусульмане — с левой. Чьи цветы наутро окажутся свежими, те и могут по праву распорядиться моим телом». С этими словами он прикрылся покрывалом. На следующее утро покрывало подняли, но тела под ним уже не оказалось. Однако цветы с обоих сторон оказались свежими. Индуисты и мусульмане разрезали покрывало надвое. Первые сожгли свою половину, а вторые — захоронили. Это произошло в Картарпуре 22 сентября 1539 г.

После Нанака сикхскую церковь последовательно возглавляли еще девять великих гуру, развивавших и дополнявших его учение. В 1708 г. Десятый учитель — гуру Гобинд Сингх заявил об окончании периода поклонения личности и провозгласил, что отныне и навеки последним гуру для сикхов будет гуру Грантх Сахиб — священная книга, начатая Нанаком и законченная другими гуру. В настоящий момент сикхскую религию в Индии (в основном в Пенджабе) исповедуют более 10 миллионов человек.

Это одна из самых могущественных и влиятельных сект. Сикхи подчеркивают равенство всех людей перед Богом и, как первое следствие этого, полную свободу от кастовых различий и ограничений, выступают против брахманских и мусульманских ритуалов, против аскетизма, за широкое участие мужчин и женщин в активной общественной жизни.

Шри Чаитанйа

Среди вероучений, опирающихся на ведическую традицию и получивших в последние десятилетия на Западе широкое распространение, важное место занимает кришнаизм.

Как уже говорилось, в индуизме Кришна считается одним из воплощений (аватар) бога Вишну, в связи с чем кришнаиты относят себя к вайшнавам (движению преданных Господу Вишну). Однако, между индуистским вайшнавизмом и тем кришнаизмом, который имеет сейчас очень большое число последователей, существуют расхождения в расстановке акцентов. Если в древних мифах и эпосе Кришна рассматривается как земное воплощение Вишну, то в более поздних произведениях индуистской литературы Кришна предстает уже полным воплощением Вишну. Многие кришнаиты вообще считают Кришну высшим

проявлением Бога, а Вишну — лишь одной из Его бесчисленных инкарнаций. Отчасти такое представление было уже у автора «Бхагавад-Гиты». Но со всей определенностью оно выражено в более поздней поэме «Шримад-Бхагаватам», создание которой традиция приписывает мудрецу Вйасадеве. Кришнаиты считают эту поэму наряду с «Бхагавад-Гитой» своим важнейшим Священным Писанием, раскрывающим сущность всех Вед. Окончательно кришнаизм как религия оформился в учении знаменитого бенгальского проповедника Чаитанйи Махапрабху, которого его последователи считают земным воплощением Кришны.

Считается, что Махапрабху родился в феврале 1486 г. в селении Майапура, неподалеку от города Нандии, в семье бедного брахмана. В детстве он был очень красивым ребенком, и женщины со всей округи приходили с подарками посмотреть на него. Когда Махапрабху подрос, то превратился в своевольного и резвого мальчика.

Едва начав учиться, он за очень короткое время освоил бенгали. На восьмом году Махапрабху приняли в толу в Ганганагаре, где он в течение двух лет изучал грамматику и риторику. В дальнейшем он сам продолжал занятия дома и прочитал все отцовские книги. Пишут, что с детских лет он был очень религиозен, впадал в транс от одного имени Кришны и под воздействием своих религиозных переживаний вел себя как боговдохновенный человек. Когда Махапрабху было 14 или 15 лет, его женили на девушке родом из Нандии. К этому времени он уже считался в Нандии (признанной столицы философии и санскритской премудрости) одним из лучших ученых города и неизменно побеждал во всех диспутах. Будучи женатым человеком, он отправился в Восточную Бенгалию на берега Падмы, чтобы разбогатеть. Там Махапрабху продемонстрировал свою ученость и заработал порядочную сумму денег. Возвратившись домой и узнав, что его жена умерла, он женился во второй раз. К этому времени, несмотря на молодость, он сделался очень знаменитым и имел учеников. В возрасте 16 или 17 лет Махапрабху отправился в путешествие в Гайу и там принял духовное посвящение.

По возвращении в Нандию, он сам начал проповедовать и вместе со своим искренним последователем Шривасой Пандитом открыл школу киртаны (прославления Верховного Господа). Там он проповедовал, пел, танцевал и проявлял различные религиозные чувства.

Учение его отличалось от традиционного вайшнвизма. Махапрабху утверждал, что Господь Кришна является Верховной Личностью Бога и повторение Его священного имени Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе (Харе означает «энергия Господа») гораздо важнее всех прочих религиозных обрядов и ритуалов. Первое распоряжение, которое он отдал двум своим ученикам, было таково: «Идите, друзья, идите по улицам города, знакомьтесь со всяким у дверей его дома, просите его петь имя Харе и вести святую жизнь, а потом приходите ко мне и каждый вечер сообщайте о результатах своей проповеди». Вооруженные этим наставлением ученики пошли в Нандию и встретили двух отвратительных типов — известных всему городу отъявленных мерзавцев. Услышав повеление, переданное им Махапрабхой, они стали насмехаться над проповедниками и оскорблять их. Но спустя короткое время под влиянием бхакти (преданности), внушенной

им Господом, были обращены в вайшнавов, сделались достойными и благочестивыми людьми. Это обращение привело в изумление все население Нандии. После этого последователи Махапрабхи стали ежедневно петь святое имя Харе на улицах и базарах города.

Вплоть до 24-летнего возраста Махапрабху проповедовал свои взгляды только в окрестностях Нандии. Число его последователей росло с каждым днем. Брахманы, завидовавшие его успеху, обвинили Махапрабху в том, что его учение противоречит принципам и догматам индуизма. Тогда молодой проповедник решил порвать связи с кастой и вайшнавами и принял сан санниаси (то есть дал обет отречения от мира).

С этого времени его стали звать Кришной Чаитанйей (Чаитанйа значит «жизненная сила»). Оставив семью, он отправился странствовать по Индии. За годы скитаний он много проповедовал и многих обратил в свою веру. Пишут, что его личность обладала каким-то удивительным, божественным очарованием. Общение с ним никого не оставляло равнодушным и у всех вызывало страстное желание духовного совершенства. По своей природе Чаитанйа был в высшей степени благожелателен, а его прекрасная наружность приносила радость всякому, кто встречался с ним. Некоторое время он жил в Бенаресе и сумел обратить в вайшнавизм всех его жителей. Когда ему исполнился 31 год, Чаитанйа поселился в Пурде и жил безвыездно до самой смерти, последовавшей в 1534 г.

Жизнь его в эти годы была постоянным подвигом любви и благочестия. Его окружало множество последователей, которые все без исключения были вайшнавами высшего уровня. Спал он очень мало, все время посвящая прославлению Кришны. Он постоянно пел и танцевал и находился в состоянии непроходящего духовного блаженства.

Каждый, кто приходил к нему, начинал верить, что Чаитанйа — это всепрекрасный Бог, сошедший в этот мир, чтобы принести благо человечеству.

Сам Чаитанйа ничего не писал и оставил после себя только 8 стихов. Однако его ученики на основании его слов составили многочисленные сочинения, подробно раскрывающие суть его учения. Развивая идеи «Шримад-Бхагавадам» Чаитанйа утверждал, что Кришна — единый Бог, а все остальные ведические боги лишь его воплощения. Бог существовал извечно и будет существовать всегда. Материальные элементы, материальная природа и живые существа вышли из Него, и в Нем они покоятся после своего уничтожения. Вообще, все элементы мироздания существуют только потому, что Господь поддерживает их с помощью Своих энергий. Всего видов энергий три. Вся материальная природа составляет низшую энергию Господа. (Другое название этой низшей энергии — майя, или иллюзия.) Над этой низшей энергией стоит более высокая (ее называют также пограничной) энергия — кшетраджна. Ее проявлением являются живые существа, которых в этом материальном мире великое множество. Все они по своей конституции являются составными частицами Верховного Господа. Если Господа можно сравнить с солнцем, то живое существо — с частицей солнечного света. Каждое из них обладает чистым духовным бытием, чистой духовной привязанностью, а также чистой умственной деятельностью, которые, вообще говоря,

находятся вне этого материального космического проявления. Однако когда живое существо попадает в материальный мир, его изначальные ум, интеллект и тело покрываются материальной энергией.

Целью любого живого существа должно стать освобождение от низших материальных энергий и восстановление утраченных отношений с Верховным Господом Кришной.

Раньше уже говорилось о философии Упанишад, согласно которой индивидуальность каждой личности утрачивается после освобождения и приобщения к Богу. Чаитанйа неоднократно оспаривал это положение ученых брахманов. Поскольку каждое живое существо является вечной составной частицей Господа, освобождаясь, оно, напротив, оживляет свою вечную изначальную индивидуальную природу. Человек может считать себя материей, но в освобожденном состоянии он понимает, что он не материя, но «духовная душа» — частица бесконечного целого.

Третьим видом энергии является пара-энергия — высшая, или внутренняя, энергия Самого Верховного Господа. Посредством нее Господь существует в Себе Самом вместе со всем Своим духовным окружением.

Итак, Господь проявляет себя трояко. Посредством Своей внешней энергии- в виде материального мира, а посредством Своей пограничной энергии — в виде живых существ. Но только внутренняя потенция Господа реальна. Что касается этого материального мира, то он есть всего лишь отражение духовного мира и кажется реальным только оттого, что подлинная реальность существует в духовном мире, там, где вечно пребывает Личность Бога. Однако проявления Бога и Сам Бог не одно и то же. Господь и един со Своими творениями и отличен от них.

Ничто не может быть во всех отношениях равным Ему, но и ничто не является независимым от Него. Нельзя ставить на один уровень энергии и их Источник. Хотя Бог и излучает постоянно беспредельные энергии, Он от этого не меняется и всегда остается той же самой Высшей Абсолютной Истиной. Непосредственно Сам Главный Создатель мира не принимает участия в его создании. Это осуществляется бесчисленными полубогами, каждый из которых есть более низкая инкарнация Верховного Господа. Так материальная вселенная проявляется Кришной, принимающего для этого форму Маха-Вишну. Подобно тому, как муж и жена соединяются, чтобы зачать потомство, Маха-Вишну соединяется со своей женой Майей, или материальной природой. Маха-Вишну есть изначальный властелин всех вселенных. И хотя Вишну равен Кришне, Кришна является для него первоисточником, то есть Вишну есть часть, а Кришна — целое. Все бесконечное множество материальных вселенных возникает во время одного выдоха Маха-Вишну. А во время его вздоха они уничтожаются. В каждой из этих вселенных Господь присутствует в виде своей второй инкарнации — Гарбходакшайи-Вишну, который поддерживает эту вселенную и заботится о ее нуждах. В начале творения из его пупка вырастает стебель лотоса, и на этом лотосе рождается первое творение — Брахма. Брахма — покровительствующее божество каждой вселенной. Несмотря на свое беспредельное могущество, он смертен и живет только в течение одного выдоха Маха-Вишну.

Продолжительность существования каждой вселенной составляет 100 лет Брахмы, при том, что один день Брахмы (калиюга) насчитывает 4

миллиарда 320 миллионов земных лет. За один этот день во Вселенную являются 14 Ману, от каждого из которых ведет свое происхождение человечество в соответствующий мировой период — манвантару («период Ману»). Каждая манвантара содержит в себе приблизительно 71 махаюгу (всего в калиюге 1000 махаюг; каждая из них делится, в свою очередь, на четыре юги: критаюгу, во время которой люди наделены всевозможными достоинствами, третаюгу, когда появляются пороки, но строго соблюдаются религиозные обязанности; двапараюгу, когда в мире начинают преобладать зло и пороки, и калиюгу — время полного упадка нравственности).

При всех своих грандиозных размерах материальный мир составляет лишь незначительная часть всего творения Кришны. За космическим проявленным небом находится духовное небо — Вишнулока. И там и здесь существуют обширные планетарные системы. Каждая вселенная включает в себя нижние (демонические) планеты, средние планеты, где обитают люди (к их числу относится Земля), и, наконец, райские планеты — места обитания полубогов. Обитель Брахмы находится на Брахмалоке — высшей материальной планете данной вселенной. Над материальным небом располагается духовное небо. В его духовном сиянии царят излучающие свет планеты Вайкунтхи, на которых живут вечно освобожденные души. А на самом верху — высшая планета Кришналока (Врндавана), где Господь в Своей изначальной форме наслаждается играми со своими ближайшими спутницами — богинями процветания гопи.

Все они — возлюбленные Кришны, а Кришна — единственный возлюбленный всех этих гопи, с которыми и для которых он танцует божественный танец раса. Деревья, растущие в этом краю, называются калпаврккша — деревья желания, и от них можно получить все, что только пожелаешь. Земля там из философского камня, а вода — нектар. В том краю, что ни слово — то песня, что ни шаг — то танец, а его обитатели никогда не разлучаются с флейтой. Там все излучает свет подобно солнцу в этом материальном мире. Так как ни одно мгновение в этой стране не тратится зря, там нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего.

В своей высшей форме Кришна находится на Кришналоке — центре всех Вайкунтх.

Однако бесчисленные формы Кришны в то же время распределены по всем вселенным и присутствуют в том числе и на Земле. Эти формы воплощаются для того, чтобы восстанавливать преданное служение и совершать другие деяния, которые насущно необходимы Верховной Сущности Бога. Аватарам (инкарнациям) Верховного Господа нет конца, так же как нет конца волнам в океане. Когда Господь Кришна желает непосредственно сойти в ту или иную вселенную, Он сначала посылает сюда своих отца и мать, которые являются Его преданными, а затем сходит Сам в виде инкарнации или приходит лично. Все Его деяния одновременно проявляются в бесчисленных вселенных, хотя реально Он вечно пребывает в Своей изначальной обители на Кришналоке.

Господь, бесконечно отдаленный от человека беспредельными пространствами, может сделаться ему ближе всех его близких. Чаитанйа говорил, что есть три различных метода, с помощью которых можно познать Кришну: метод философских рассуждений, метод медитации

(соответствующий системе йоги) и метод сознания Кришны, или преданного служения. Однако посредством философских рассуждений можно постигнуть лишь безличный аспект Кришны — Брахмана Упанишад. Но этот безличный Брахман есть не сам Кришна, а только Его сияние. С помощью медитации (йоги) можно продвинуться дальше и постигнуть Сверхдушу (Праматму). Таким образом, человек соприкасается с всепроникающим аспектом Бога, находящегося в теле каждого, поскольку Кришна есть душа всех душ. Но только преданное служение в полном сознании Кришны дает возможность постичь изначальную Личность Бога в ее полном совершенстве. Именно этот путь есть самый верный. В «Шримад-Бхагаватам» утверждается, что, оставляя путь преданного служения и просто занимаясь поисками знания, человек не обретает ничего, кроме беспокойства. Он может, прилагая огромные усилия, совершая суровые аскезы и покаяния, возвыситься до стадии освобождения, но без любовного служения Верховному Господу он вновь неизбежно впадает в материальную скверну. Только преданное служение очищает сердце преданного и возвышает его до конечного знания. Душа может выйти из-под власти кармы, покинуть «сансарический круг» вечных перерождений и получить полное освобождение только через преданное служение Кришне. Кришна в «Бхагавад-Гите» говорит Арджуне: «Оставь все виды религии и просто предайся Мне. И Я освобожу тебя от всех последствий твоих грехов». Истинная цель преданного служения — не материальное благополучие, а любовь к Богу. Преданное служение настолько прекрасно и чисто, что оно очищает преданного.

Итак, единственным способом спасения Чаитанйа считал путь сознания Кришны — то есть развитие в себе любви к Кришне, Верховной Личности Бога. Человек, сознающий Кришну и полностью посвятивший себя деятельному служению Господу, развивает в себе все хорошие качества полубогов. Совершенствуя свое преданное служение, человек постигает, что все живые существа являются составными частицами Всевышнего. В каждом живом существе он может увидеть Верховную Личность, и потому он достигает высот в сознании Кришны. Тогда любовь к Богу поднимается до уровня личных взаимоотношений с Ним — према-бхакти На начальной стадии према-бхакти преданный относится к Верховному Господу как к своему господину, а себя считает Его вечным слугой. На более высокой ступени страхи и сознание превосходства Верховного Господа уходят и является чувство доверия.

Взаимоотношения с Господом Кришной становятся дружественными, братскими. Когда братские дружеские чувства усиливаются, они переходят в родительскую любовь, и тогда к Кришне начинают относиться как к своему ребенку. Но в максимальном своем развитии эти отношения обретают форму супружеской любви.

Высшим проявлением такой супружеской любви может считаться безграничная любовь к Кришне гопи Врндаваны (Кришналоки). Любовные отношения, в которых находятся Кришна и гопи, могут показаться обычными сексуальными отношениями этого материального мира, но на самом деле между ними лежит пропасть. Любовь в материальном мире столь же временна, как само материальное тело, которое ее вызывает. Но любовь, исходящая от Вечной Любви и являющаяся Ее духовной энергией,

вечна. И Господь, пребывая в ней, пребывает в вечном наслаждении. Это погружение Бога в бесконечное состояние влюбленности символизируется образом Радха-Кришны. Уже в древних легендах о Кришне Радхарани — одна из самых страстных его возлюбленных — играла важную роль. В сказаниях кришнаитов Радхарани превращается в важнейший символ всего вероучения. Считается, что никто не способен на такую беспредельную любовь к Кришне, как Радхарани. Сам Кришна всегда поражался силе ее любви и задавался вопросом: кто Он такой в глазах Радхарани, раз способен вызвать чувство такой силы? И чтобы постичь эту любовь, Кришна стал Радхарани и попытался понять Сам Себя. Это состояние Радха-Кришны — когда Господь есть в одно и то же время Источник и Цель любви — есть высшее и самое полное состояние Божественной Любви.

Но каким образом обычный человек может настроить свою душу на любовь к Всевышнему? Чаитанйа учил, что самореализация любви к Богу проявляется повторением имен Кришны, пением и танцем. Вообще достичь совершенства самореализации в каждой из мировых эпох (юг) можно разными способами. Но в нынешнюю калиюгу это достигается только с помощью повторения имени Кришны. Ибо звуковой образ или имя Верховного Господа- это то же, что и Сам Верховный Господь, и оно столь же чисто, абсолютно и свободно, как сам Кришна. Повторяющий мантру Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе и вошедший в ее вечную и высшую звуковую вибрацию достигает того же, к чему другие идут путем долгого и трудного изучения философии или путем упорной аскезы- он постигает Верховную Сущность Бога. Эта мантра способна нравственно очистить душу от материального осквернения. А в век Кали больше ничего не может привести к такому результату.

Привязанность к Кришне, которая возникает в результате совершенного понимания того, что личность Кришны и Его имя тождественны друг другу, называется бхавой.

Тот, кто достиг состояния бхавы, безусловно не осквернен материальной природой.

Состояние бхавы приносит ему истинное наслаждение, и когда бхава усиливается — это называется любовью к Богу. Чаитанйа учил, что святое имя Кришны дает возможность каждому, кто повторяет его, достичь бхавы. Такая любовь к Богу — конечная потребность человека, а все остальные потребности по сравнению с ней ничтожны. Когда человек поглощен временным существованием, он жаждет чувственного наслаждения. Однако вечной природой души является любовь к Богу.

Она неизменна и не имеет ни начала, ни конца. Сердце человека, когда он достигает такой вечной любви, переполняет желание обрести личное общение с Господом. Переживая такие эмоции, человек то смеется, то плачет. Часто, охваченный любовью к Господу, он начинает танцевать, и такие танцы погружают его в океан нектара и любви к Кришне.

Раммохан Рай

Общественная и религиозная деятельность Раммохаиа Рая была настолько многогранной, что ее трудно определить одним словом. Он был

реформатором религии, общественных нравов, реформатором системы образования и родного бенгальского языка. По своим делам и своему влиянию он был для Индии тем же, чем люди вроде Петрарки, Эразма, Бэкона и Лессинга были для Европы в различные периоды ее истории. В оригинальности и ясности мысли, в высоком гуманизме, в способности выражать свои идеи изысканным языком Рай не уступал никому из этих великих европейцев. Он родился в мае 1772 г. в деревне Радхнагор в Бенгалии, в богатой семье, принадлежавшей к одной из брахманских каст. До этого члены рода Раев на протяжении нескольких поколений занимали видные посты при дворе навабов — могольских наместников Бенгалии. (С XVII в. Бенгалия номинально входила в состав мусульманской империи Великого Могола, но фактически со второй половины XVIII в. всеми делами здесь распоряжалась английская Ост-Индийская компания.)

По существовавшему среди служилой верхушки обычаю, Раммохан еще в детстве изучил персидский язык, а в ранней юности был отправлен для обучения в город Патну в Бихаре — один из центров средневековой мусульманской науки в Индии. Там он овладел арабским языком, изучил Коран, ознакомился с трудами философов мусульманского Востока и Аристотеля. Возвратившись в возрасте 16 или 17 лет домой, Раммохан поссорился с отцом (пишут, что причиной разлада послужили религиозные идеи юноши, который уже тогда склонялся к единобожию). Раммохан оставил родной дом и в течение нескольких лет скитался по стране. По настоянию матери, ортодоксальной индуистки, он отправился на учебу в Веранаси (Бенарес), где изучил санскрит, Веды и индуистскую философию.

По возвращении в Бенгалию, Рай в 1803 г. поступил на службу в английскую Ост-Индийскую компанию и около 10 лет служил в должности дивана — старшего фискального чиновника, занимавшегося сбором налогов. По долгу службы он был тесно связан с двором Моголов и английской колониальной администрацией. В 1810 г., после смерти сводного брата, Рай получил большое наследство. В 1814 г. он вышел в отставку, а в 1815 г. богатым и независимым человеком поселился в Калькутте — столице Британской Индии. Следующие 15 лет его жизни были наполнены разнообразной литературной деятельностью, принесшей ему широкую известность не только в Индии, но и в Европе. Кроме многочисленных статей на самые разнообразные темы он издал в эти годы несколько глубоких религиозных трактатов, сочинял гимны Брахману, делал переводы с древнего санскрита на современный бенгальский и английский языки, составлял учебники на бенгальском языке по грамматике, геометрии и астрономии.

Наиболее значительным в его наследии считаются религиозные сочинения. Еще в 1803 или 1804 гг. Рай опубликовал трактат на персидском языке под названием «Дар верующим в Единого Бога» — первое систематическое изложение своих религиозных взглядов. В 1816–1819 гг. он выпустил переведенные на бенгальский язык пять важнейших Упанишад. Эта книга развивала идеи «Дара верующим» и, в сущности, являлась не столько переводом, сколько оригинальным богословским произведением.

В предисловии Рай писал, что современная индуистская религия представляет собой извращение подлинного индуизма, истинные принципы

которого изложены в Ведах и Упанишадах. Чтобы подтвердить эту далеко не бесспорную мысль, Рай в своих переводах весьма вольно обращался с подлинными текстами Упанишад: смещал акценты, вставлял отдельные предложения, изменяющие первоначальный смысл, и просто пропускал те места, которые противоречили его религиозным идеям. То, что получилось в результате такой обработки, весьма условно можно назвать Упанишадами. Скорее, это изложение вероучения самого Рая. Однако он искренне считал свой текст более соответствующим духу Древнего индуизма. Он писал, что исповедует «первоначальную» религию Вед, очищенную от «позднейших» наслоений, и что он лишь «объясняет» «подлинный дух индуистского священного писания». Такой подход к традиционному вероучению имел много общего с тем, что существовал в Западной Европе в эпоху Реформации. Рай сознавал это и однажды признался шотландскому миссионеру Александру Даффу:

«Будучи еще молодым человеком, я приобрел некоторые знания английского языка, прочитав о возникновении и успехе христианства в апостольские времена, о его порче в последующие века, а затем о христианской Реформации, которая отбросила эти извращения и восстановила христианство в первоначальной чистоте, я стал думать, что нечто подобное могло бы произойти и в Индии и подобные же результаты могла бы принести реформация народного идолопоклонства».

Интерес Рая к христианскому вероучению не был поверхностным. Чтобы лучше понять его, он изучил греческий и древнееврейский языки, а в 1820 г издал на английском языке Новый Завет в своей редакции.

Здесь он следовал тем же принципам, что и при переводе Упанишад, то есть убрал из текста все то, что противоречило его взглядам. В книгу не вошли такие эпизоды, как искушение Христа дьяволом, вступление в Иерусалим, изгнание менял из храма, Тайная вечеря, предательство Иуды, отречение Петра, распятие и воскресение Христа. Исключены были и все чудеса — изгнание бесов, чудо с хлебом, хождение по воде и почти все исцеления. В том же 1820 г году Рай опубликовал «Обращение к христианской публике», в котором сформулировал свои представления о христианстве. Так же, как в индуизме, он находил здесь много позднейших искажений и наслоений «Очищая» и «исправляя» христианство, он, по существу, отверг все важнейшие догматы этой религии об искуплении Христом грехов человеческих, догмат о Троице, о божественности Христа, о его единосущности с Богом-Отцом, а также будущее воскресение из мертвых и Страшный суд Христос в изложении Рая предстал обычным человеком, ничем ни отличающимся от других пророков древности.

Однако, Рай полностью принимал этическое учение христианства и считал его очень полезным для Индии. Определенное влияние оказал на Рая также ислам, из которого он взял идею последовательногомонотеизма.

Уже в своих ранних работах он писал, что все вероучения «верны», поскольку они признают «единое Высшее Существо», и «ложны», поскольку они настаивают на определенном боге или богах, на строгом исполнении установленных обрядов. Свое «религиозное кредо» Рай сформулировал в 1823 г следующим образом:

«В соответствии с заповедями нашей древней религии, которые содержатся в священной Веданте, хотя ими, как правило, пренебрегают наши современники, мы обращаемся к Единому Существу, видя в Нем одушевляющий и регулирующий принцип всего сущего во Вселенной и первоисточник всех индивидуальных душ, которые примерно сходным образом оживляют свои отдельные тела и правят ими. Мы отвергаем идолопоклонство в какой бы форме и под каким бы покровом оно не проявлялось Дань, которую мы приносим Божеству, состоит исключительно в осуществлении дайя, или благорасположения, по отношении ко всем другим, а не в надуманной вере и не в определенных движениях рук, ног, головы, языка или других движениях на кафедре или перед храмом».

Подношениям, жертвам, паломничествам, посещениям «святых мест», магическим формулам, наконец, поклонению статуям и изображениям богов — всему этому Рай не придавал значения. Взамен выдвигалась идея духовной религиозности и внутренней сосредоточенности. Почитание Бога, писал Рай, должно выражаться в постоянном размышлении о Его могуществе и в никогда не исчезающем чувстве благодарности за то, что Он сотворил человека и дал ему возможность жить в этом мире Бог в его учении не только един, но также неописуем и непознаваем. Он отрицал существование личного Бога, но считал его безличной первопричиной мира и потому непримиримо выступал против почитания Бога под тем или иным именем Создание мира он рассматривал не как акт творения, а как момент организации вечной материи Рай писал:

«Все предметы относятся либо к материи, либо к духу. Каждый материальный предмет берет свое начало из всеобщей материи под надзором Верховного Духа и вновь возвращается к своему источнику Безусловно, материальной причиной мира являются мельчайшие частицы, которые, очевидно, нельзя уничтожить они называются ану, или атомами. Нельзя полагать, чтобы нематериальное Божество могло быть материальной причиной этих частиц, как нельзя считать, что они вышли из ничего. Следовательно, эти частицы должны существовать вечно, и они складываются в различные формы в различных местах и в различное время по воле Божьей».

Бог в его вероучении — только создатель Разрушительный аспект, игравший важную роль в индуизме, у Рая отсутствовал совершенно. Точно так же отвергал он веру в чудеса, в чудодейственную силу молитвы, религиозного обряда или жертвоприношения, он выступал против принципа кармы и не верил в переселение душ. Моральная сторона учения Рая в значительной мере основывалась на христианских нормах. Он писал:

«Тот, кто стремится к вечному блаженству, должен относиться к другим точно так же, как к самому себе, и считать их счастье или несчастье своим собственным».

Ибо все люди равны перед Богом, вне зависимости от вероисповедания, нации или касты.

Через все работы Рая красной нитью проходила мысль о том, что многие установления индуистской религии не только не соответствуют первоначальному учению Вед, но и вредны для жизни общества. В реформированной религии Рая не было места многочисленным пережиткам

прошлого, отягчавших жизнь правоверного индуиста.

Он выступал против каст, религиозных запретов, против сложной регламентации быта, множества религиозных обрядов и базовых правил, несовместимых с новыми условиями жизни. Рай писал, что все это обрекает индийцев на «полную изоляцию от остального мира, а также друг от друга и причиняет им постоянные неудобства и невзгоды». Особенно непримиримо боролся он с варварским средневековым обычаем самосожжения вдов (этому были и личные причины — в 1811 г жена брата Рая сожгла себя на могиле умершего мужа). В 1829 г, во многом благодаря его выступлениям, самосожжение вдов было запрещено английскими властями.

Венцом религиозной и просветительной деятельности Раммохана Рая стало создание им в 1828 г «Брахмо самадж» — Общества Брахмана, единого Бога, в поклонении которому должны были слиться все религиозные потоки Индии, включая ислам и христианство. Кроме самого Рая в общество вошли его близкие друзья и единомышленники. Почти все они принадлежали к богатым брахманским сектам, хорошо владели английским, имели представление о достижениях европейской мысли, а некоторые находились на службе у англичан. Целью общества было объявлено поклонение «Вечному, единому, неисповедимому Существу, творцу и хранителю Вселенной, которому нельзя давать никаких названий или имен». Особо отмечалось, что «всякого рода изображения или подобия Существа не допускаются, отменяются также всякого рода жертвоприношения, религиозные обряды и церемонии». «Брахмо самадж» стало своего рода реформаторским сектантским движением внутри индуизма, в некоторой степени даже вышедшим за пределы «материнской религии».

Члены общества собирались каждую субботу в специально арендованном помещении (храме), открытом в январе 1830 г. Как такового ритуала в первое время не существовало. Богослужение состояло в том, что зачитывались специально отобранные тексты из Вед и Упанишад, после чего произносились проповеди (большая часть их была написана самим Раем). Движение это поначалу было немногочисленным — собрания общества редко посещали более 60–70 человек. К тому же сам Рай возглавлял его только первые два года.

В ноябре 1830 г. он отправился в Англию, куда уже давно мечтал попасть. В эту далекую страну его послал сам Великий Могол — падишах Акбар II, который поручил Раю ходатайствовать перед английским королем об увеличении своего денежного содержания. (По этому случаю Раю даже был пожалован титул «раджа».) Хотя официальный статус его посольства не был признан администрацией Британской Индии, в Англии Раю был оказан восторженный прием на самом высоком уровне. По словам одного англичанина-современника, «едва в Лондоне стало известно, что приехал великий брахман-философ, то самые выдающиеся люди страны поспешили выказать ему свое уважение». Обратно в Индию Рай больше не вернулся. В Лондоне он принимал участие в обсуждении нового акта об Ост-Индийской компании, издавал свои сочинения, выступал с речами и даже подумывал о том, чтобы выставить свою кандидатуру в парламент. В 1832 г. он посетил Францию, где его принял король Луи-Филипп. В сентябре 1833 г., находясь

в Бристоле, Рай неожиданно заболел и умер. Здесь он и был похоронен без соблюдения каких-либо обрядов.

В отсутствие Рая общество «Брахмо самадж» на некоторое время захирело и утратило свое значение, правда, не распалось. Второе рождение общество пережило после того, как в 1842 г. в него вступил Дебендранат Тагор (отец знаменитого писателя). Именно он придал отвлеченному учению Рая черты религии. Каждый новообращенный при вступлении в общество стал проходить обряд посвящения. Все члены «Брахмо самадж» должны были собираться в храм на ежедневную утреннюю молитву. Позднее Тагор разработал и другие обряды, в том числе поминальный и свадебный. Небольшие общины самаджистов появились в других городах. Впрочем, «Брахмо самадж» никогда не было массовым религиозным течением (число его членов даже в лучшие годы не превышало 10 тысяч) и ограничивало свою деятельность в основном Бенгалией. Однако его влияние на умственную и духовную жизнь Индии оказалось огромным. В 1847 г. на соборе самаджистов было принято решение отвергнуть один из важных догматов индуизма о непогрешимости и богодухновенности Вед. Было объявлено, что учения текстов могут быть приняты лишь постольку, поскольку «они гармонируют с нашим внутренним светом». В 1848 г. Тагор разработал специальный молитвенник для нужд общины — компиляцию из Упанишад, «Законов Ману» и «Махабхараты», который стали читать на собраниях общества вместо Вед и Упанишад. Книга эта получила название «Брахмо дхарма грантха». Она включала в себя и символ веры самаджистов, состоявший всего из четырех пунктов:

1) Вначале не было ничего, кроме Высшей Сущности, создавшей этот мир.

2) Это — Бог Единый, Бог Истины, Бесконечности, Свободы, Добра и Мощи, Вечный и Вездесущий, Один без подобного Ему.

3) В почитании Его лежит наше спасение в этом мире и вследующем.

4) Любить Бога и делать богоугодные дела означает почитать Его.

Понятия «карма», «майя», доктрины о переселении душ и аватарах, составлявшие философское ядро индуизма, самаджистами были проигнорированы.

В 1857 г. в общество вступил Кешобчондро Сен, который вскоре стал одним из его идейных руководителей. Под его влиянием «Брахмо самадж» превратилось в общество социально-бытовых реформ. Главным его делом стала борьба против кастовых различий. Кроме того, самаджисты выступили за право вдов второй раз выходить замуж. Радикальные идеи Сена вскоре стали казаться Тагору чересчур смелыми, и в 1865 г. он вместе со своими умеренными сторонниками вышел из общества. В 1869 г. Сен основал новый храм и разработал собственное священное писание — компиляцию из Вед, Корана, Авесты и Библии. Благодаря его выступлениям английские власти должны были согласиться на некоторые важные реформы. В 1872 г. были официально разрешены гражданские, а потом и межкастовые браки. Вскоре последовало разрешение на вторичное замужество вдов. Этот успех совпал с самым значительным периодом влияния самаджистов, когда они в полном смысле слова были властителями дум всех прогрессивных бенгальцев. Но это влияние было недолгим. В 1878 г. «Брахмо самадж» распалось. Умеренные

противники Сена, объединившиеся вокруг Шиванатха Шастри, образовали общество «Садхаран Брахмо самадж». Эта индуистская секта существует до сегодняшнего дня, но имеет незначительное число последователей. Сторонники Сена основали в 1880 г. «Церковь нового общественного установления», находившуюся под сильным влиянием идей Рамакришны. Вероучение «Церкви» было эклектической смесью различных религий. Сразу после смерти Сена она прекратила существование.

Свами Прабхупада

Религиозные идеи, высказанные в начале XVI в. Кришной Чаитанйей, всегда имели в Бенгалии сторонников, однако количество их оставалось незначительным. На протяжении пяти веков его последователи, исповедующие сознание Кришны, составляли небольшую секту, едва заметную в общем течении вайшнавизма. Но во второй половине XX в. положение разительно изменилось — движение сознания Кришны расширило границы своего влияния, распространилось далеко за пределы Индии и в настоящее время имеет большое число последователей во многих странах мира, в особенности в США и Европе.

Это удивительное само по себе явление тем более замечательно, что своим успехом на фоне общего упадка религиозности в западном мире кришнаизм, по сути Дела, обязан всего одному человеку — знаменитому миссионеру и проповеднику Абхаю Чарину Де (больше известному под своим ритуальным именем Свами Прабхупада), судьба которого представляет собой пример твердости, целеустремленности и преданного служения Богу. Заслуги его в распространении сознания Кришны по всему миру настолько велики, что Прабхупаду справедливо называют не только миссионером, но и подлинным основателем всемирной кришнаитской церкви. Между тем на первых порах ничто, казалось, не предвещало такого результата. Начало проповеднической деятельности Прабхупады в далекой Америке было очень трудным. Он приехал в эту страну уже стариком, накануне своего 70-летия, не имея ни денег, ни связей.

Абхай Чарин Де родился в сентябре 1896 г. в Калькутте. Его отец был торговец тканями и принадлежал к аристократической купеческой касте суварна-ваник. По вероисповеданию он был чистым вайшнавом и воспитывал сына так, чтобы он рос в сознании Кришны. Еще до того, как Абхай научился ходить, отец часто брал его с собой в храм Радхи и Кришны. Позднее Прабхупада часто вспоминал, как они с отцом «часами стояли у входа в храм и молились… Изображения божеств с их миндалевидными глазами были необыкновенно красивы». Отец хотел, чтобы Абхай стал слугой Радхи и Кришны, проповедовал «Шримад-Бхагаватам» («толкование учения Кришны» — основное священное писание бенгальских вайшнавов) и научился традиционному вайшнавскому искусству игры на мриданге. Свой замысел он начал осуществлять, когда Абхай был еще маленьким ребенком. Едва ему исполнилось шесть лет, отец подарил мальчику пару маленьких божеств Радхи-Кришны. С тех пор, что бы ни ел маленький Абхай, он сначала предлагал это Радхе и Кришне. На ночь он укладывал их спать.

В школу Абхай ходил не очень охотно, и его матери пришлось даже нанять специального человека, который отводил его на уроки. Когда Абхай учился в колледже, отец устроил его брак с Радхарани Датта, дочери торговца, с которым он вел дела. Но в течение нескольких лет после женитьбы Абхай по-прежнему продолжал жить со своими родителями, а она со своими, поэтому ответственность за содержание семьи легла на него не сразу. В 1920 г, окончив четвертый курс колледжа, Абхай отказался от дальнейшей учебы и получения диплома. Он сделал это под влиянием речей Мохандаса Ганди, который призывал индийских студентов уйти из английских школ и колледжей, вырабатывавших в них рабскую психологию. Это, впрочем, не помешало его карьере. Отец устроил Абхайя на фармацевтическую фабрику, где тот вскоре стал начальником отдела. Впоследствии он завел собственное дело и стал хозяином небольшой фармацевтической компании.

Важнейшим событием в своей жизни Прабхапуда всегда считал встречу со своим духовным учителем Бхактисиддхантой Сарасвати Тхакуром, которая произошла в 1922 г. Бхактисиддхантха был сыном Бхактивиноды Тхакура — другого великого вайшнава, учителя в цепи ученической преемственности, восходящей к Кришне Чаитанйе. Именно Бхактисиддханта отвлек Абхая от политической борьбы за независимость Индии и внушил мысль посвятить себя исключительно Кришне. Он сказал молодому Абхаю:

«Сознание Кришны не зависит от того, кто стоит у власти… Ни одна из созданных людьми политических систем не способна помочь человечеству. Если мы действительно заботимся о всеобщем благе, то должны подняться над преходящим и готовить людей к последующей жизни, помогая им восстановить свои вечные отношения со Всевышним».

В 1932 г. Абхай с семьей переехал в Аллахабад. Здесь он получил духовное посвящение и стал учеником Бхактисиддхантхи Сарасвати. В 1936 г. его духовный учитель умер. Незадолго до смерти он сказал Абхаю: «Я совершенно уверен, что, владея английским, ты сможешь донести наши идеи до людей, которые не знают языка (бенгальского и хинди)… Это принесет благо и тебе и твоим слушателям. Я очень надеюсь, что ты сможешь проповедовать на английском языке». Абхай воспринял эти слова учителя как завет, но прошло много лет, прежде чем он сумел исполнить последнюю волю Бхактисиддхантхи. Вскоре началась мировая война, которая породила в Индии голод — один из самых страшных за последние полтора столетия. Затем, в 1947 г., страна обрела долгожданную независимость. Однако всеобщее ликование почти сразу сменилось ужасом: сотни тысяч людей погибли в вооруженных столкновениях, последовавших за разделом страны на Индию и Пакистан.

В последующем Прабхупада писал:

«В 1947 г. мы стали свидетелями индо-мусульманских столкновений. На одной стороне сражались индусы, а на другой — мусульмане. В этих столкновениях гибло множество людей. А после смерти уже невозможно было отличить индуса от мусульманина — муниципальные службы собирали тела в одну кучу и вывозили их за город». Все эти ужасы окончательно убедили Абхая, что ни одна политическая система, ни одна религия не может дать людям мира. Пока люди одержимы корыстолюбием

и стремятся к чувственным наслаждениям, они не перестанут воевать. Подлинное единение возможно только на основе понимания духовной природы всего сущего и служения Всевышнему. В эти годы он ощутил настоятельную и глубокую потребность проповедовать идеи Кришны Чаитанйи и стал издавать на свои средства английский журнал «Бэк ту Годхед» («Обратно к Богу»). Тогда же он начал писать большую работу — комментарий к «Бхагавад-Гите».

Но по мере того как проповедническая деятельность все больше захватывала Абхая, его бизнес и семейные дела шли все хуже и хуже. Он воспринимал это спокойно, так как всегда помнил один из стихов «Шримад-Бхагаватам», в котором Кришна говорит: «У того, к кому Я особенно благосклонен, Я постепенно отнимаю все, чем он владеет. Тогда друзья и родственники отворачиваются от него, нищего и убогого — и у него не остается ничего, кроме Кришны». В конце 1940-х гг. фармацевтическое предприятие Абхая обанкротилось. В 1952 г. он решил, что не может больше откладывать исполнение завета своего духовного учителя. Передав дела сыну, он решил всецело сосредоточиться на проповеднической деятельности, создать общество преданных учеников и начать проповедовать сознание Кришны по всему миру. Одному из своих знакомых он сказал: «Весь мир живет в ожидании духовной революции». И он начал ее готовить.

Может показаться почти невероятным, что он приступил к этому грандиозному делу в возрасте 56 лет (когда многие уже склонны подводить итоги прожитой жизни), почти не имея денег и какой-либо поддержки. И, тем не менее, он твердо верил в успех своего предприятия. Решив посвятить себя всецело служению Кришне, он сложил с себя семейные обязанности. (Между ним и женой никогда не было духовной близости. Проповеди Абхая, его мысли о Боге ее никогда не занимали. Когда он собирал у себя дома друзей, чтобы рассказывать им о «Бхагавад-Гите», она пила чай в соседней комнате. Позже Прабхупада вспоминал: «Я делал все возможное, чтобы привлечь ее к проповеднической деятельности, чтобы она помогала мне распространять сознание Кришны. Но она была непреклонна. В конце концов, через тридцать лет я понял, что она мне не помощница».)

Следующие пятнадцать лет были для Абхая очень трудными. Он начал с того, что приобрел в Джаханси право на владение заброшенным храмом. Но открыть его он не успел — губернатор отобрал у него помещение и отдал под женский клуб. Лишенный крова, Абхай переехал в Дели и повел жизнь странствующего садха, переезжая из одного храма в другой или останавливаясь в домах благочестивых людей, готовых оказать ему гостеприимство. В это время он нуждался буквально во всем — в пище, одежде и крове, но более всего угнетало Абхая полное одиночество. Он делил время между литературной деятельностью и поиском богатых покровителей, которым проповедовал «Бхагавад-Гиту». Он обращался к богатым людям, заходил в их конторы или дома, знакомил со своими рукописями и рассказывал о своей миссии. Но откликались немногие. Не имея денег на приличную одежду, Абхай ходил по холодному зимнему Дели без пальто. Все деньги, какие ему удавалось добыть, он тратил на издание своего журнала «Бэк ту Годхед». Забрав тираж из типографии, он ходил

потом по городу и сам продавал его в чайных. Часть издания он бесплатно рассылал по почте как в пределах Индии, так и за рубеж — в иностранные библиотеки, университеты и правительственные учреждения Таким образом он едва сводил концы с концами.

Убедившись некоторое время спустя, что шумный Дели не дает ему возможности сосредоточиться, Абхай решил переехать в Вриндаван — священное место вайшнавов, поскольку именно здесь в далеком прошлом воплотился на земле Господь Кришна.

Абхай снял простую и очень дешевую комнату в храме Вамши-Гопаланджи и продолжал упорно работать. Тогда же он принял санньясу (сделался монахом) и получил имя Бхактиведанта (преданный Господу ученый) Свами. По зрелым размышлениям он решил оставить издание журнала, который требовал огромных усилий, и начать писать книги. (Сделать это посоветовал ему один библиотекарь, который сказал, что книги остаются надолго, а газету или журнал люди, прочитав, тут же выбрасывают.)

Первым делом он решил перевести на английский язык «Шримад-Бхагаватам» — самое значительное и авторитетное вайшнавское писание, в котором это учение излагается глубоко и подробно. Его нимало не смущал огромный объем этого сочинения. (Двенадцать песен «Бхагаватам» содержат 18 000 стихов; общий объем всего труда вместе с подробным подстрочным комментарием должен был составить 60 толстых томов.) «Если Бог даст мне здоровья, — писал Бхактиведанта, — я смогу закончить этот труд и исполнить волю Бхактисиддханты Сарасвати».

Работа целиком захватила его. День и ночь он печатал при тусклом свете свисавшей с потолка лампочки, сидя прямо на полу и поставив пишущую машинку на сундучок.

Спал он урывками. Огромная важность взятой на себя задачи поддерживала в нем силы. Он был твердо убежден, что такая книга, как «Шримад-Бхагаватам», совершенно необходима для Запада, что она должна произвести переворот в сбившейся с пути цивилизации. Однако перевести книги было только половиной дела. Их нужно было еще и напечатать. Между тем издателей не интересовала 60-томная «Бхагаватам».

Бхактиведанта обратился за поддержкой к известному издателю религиозной литературы Хануману Прасаду Поддару, и тот дал ему 4000 рупий на выпуск первого тома. Бхактиведанте пришлось самому читать и править гранки. Наконец, в 1962 г. издательство «О. К. Пресс» выпустило первый том его книги. Она сразу обратила на себя внимание. Появились развернутые рецензии, в которых отмечалась «большая эрудиция автора и глубокое знание излагаемого предмета». Хотя продажа издания шла плохо и медленно, сам успех предприятия окрылил Бхактиведанту. К тому же, используя благоприятные отзывы в качестве рекламы, он теперь мог успешней добывать деньги у потенциальных меценатов. За два с небольшим года, не имея фактически никаких средств, Бхактиведанта сумел выпустить три объемистых тома своего перевода.

Наконец он решил, что положенного основания достаточно для того, чтобы перенести свою проповедническую деятельность на Запад. Знакомые старались всячески отговорить его от переезда в Америку.

Казалось безумием, что человек в таком преклонном возрасте (Бхактиведанте Свами исполнилось тогда 69 лет), не отличающийся крепким здоровьем, никогда до этого не покидавший пределов Индии, решиться ехать в далекую страну для того, чтобы проповедовать практичным и вечно занятым своим бизнесом янки отвлеченное учение Кришны. Однако, Бхактиведанта упорно стоял на своем и сумел преодолеть все трудности. Через одного своего знакомого — Гопала — он получил официальное приглашение из США, достал немного денег и в августе 1965 г отправился в далекую Америку. С собой он вез 200 комплектов своего трехтомника, рекламные буклеты «Шримад-Бхагаватам» и 500 брошюр со стихами Кришны Чаитанйи. Из личных вещей при нем были только маленький чемоданчик, зонтик и запас крупы (чтобы не питаться мясом).

Морское путешествие далось Бхактиведанте тяжело. Почти всю дорогу его донимала морская болезнь, и он перенес несколько сердечных приступов. В конце сентября судно прибыло в Нью-Йорк. Бхактиведанта сошел на берег, имея в кармане всего 40 рупий и 30 долларов, вырученных от продажи одного комплекта «Бхагаватам». Как он сам потом вспоминал, он чувствовал себя в чужой стране совершенно беспомощным и не знал, куда идти. К счастью, Гопал, устроивший ему приглашение, встретил его, привез в Батлер (штат Пенсильвания) и приютил на некоторое время в своем доме.

Он же помог Бхактиведанте дать объявление в газете о цели своего приезда. Это вызвало интерес. Свою проповедническую деятельность в США Бхактиведанта начал с того, что прочел несколько лекций в местном «Лайон клубе», в Христианском союзе молодежи и в духовной семинарии Фиделиса в Германе. Проведя месяц в Батлере и несколько освоившись в чужой стране, Бхактиведанта стал предпринимать более далекие поездки и, наконец, решил перебраться в Нью-Йорк. Деньги на жизнь ему давала продажа привезенных книг и небольшие гонорары за лекции. Он сумел снять небольшую комнату за 70 долларов в месяц и объявил, что будет читать лекции три раза в неделю для всех, кто желает получить истинное знание. Первыми его слушателями стали завсегдатаи ресторанчика «Парадокс» на Седьмой улице. В большинстве своем это были молодые хиппи. Бхактиведанта сумел найти для них нужные слова, и они неожиданно потянулись к нему. Вскоре новые друзья предложили ему переехать в центр города, в район Нижний Ист-Сайд. Знакомые, которыми успел обзавестись общительный Бхактиведанта, отговаривали его от этого шага. Говорили, что Ист-Сайд пользуется дурной репутацией из-за своих богемных нравов (здесь жило много молодых непризнанных музыкантов и художников; кроме того, это была настоящая вотчина хиппи, которые чувствовали себя здесь на своей земле; наркомания процветала в Ист-Сайде как больше нигде в Нью-Йорке). Однако, Бхактиведанта не пожалел, что переехал именно сюда. Его соседям пришлись очень по вкусу его сольные бхаджаны (пение молитв под аккомпанемент маленьких бронзовых тарелочек — каратал). Они с удовольствием пели киртан (то есть прославление Бога путем произнесения Его имен). Заодно они слушали его лекции и постепенно проникались философией «Шримад-Бхагаватам».

Когда у него появились более или менее постоянные последователи, Бхактиведанта решил осуществить свою давнишнюю мечту — учредить «Международное Общество Сознания Кришны». Собрав 200 долларов, он снял и отремонтировал небольшое помещение на Второй авеню и в 1966 г устроил там храм. Поблизости ему удалось снять крошечную квартирку, где он мог жить и работать над переводами. В том же году его общество было официально зарегистрировано. И вообще, семидесятый год в жизни Бхактиведанты оказался в полном смысле слова переломным. Молва о новом свами быстро разнеслась по Ист-Сайду. На его богослужения и лекции стало собираться все больше народу. В основном это были все те же хиппи, бунтующие против идеалов западной цивилизации. Учение, которое проповедовал Бхактиведанта, поражало их своей новизной и необычностью. К тому же все в этом пожилом, благообразном индусе, одетом в чистые домотканые одежды с вайшнавскими стреловидными знаками на руках и на теле, вызывало изумление. Он был прост, но мудр, умел найти ответы на самые трудные вопросы и обладал огромной силой убеждения. Часы, которые они проводили с ним, участвуя в его молитвах, были самыми чарующими в их жизни. Спустя несколько месяцев некоторые из слушателей Бхактиведанты согласились принять посвящение. Получавшие его, давали обязательство исполнять четыре правила: не есть мяса, не вступать во внебрачные половые связи, не употреблять наркотиков и не играть в азартные игры. Фактически это означало, что хиппи должны полностью изменить свой образ жизни, но Бхактиведанту это не смущало. Он говорил, что секс необходим только для зачатия детей. Ему указывали на то, что эти слова отпугнут от него хиппи, проповедующих культ свободной любви «Я не могу менять древнюю философию ради того, чтобы угодить американцам», — отвечал Бхактиведанта. Своим слушателям он говорил, что секс — это что-то вроде чесотки. От того, что чешешься, зуд только усиливается.

Поэтому нужно терпеть зуд и молить Кришну о помощи. К наркотикам он относился еще более непримиримо. И это при том, что Бхактиведанта начал свои проповеди в самом центре наркотической культуры. Вокруг него жило множество молодых людей, отчаянно пытавшихся изменить свое сознание наркотиками или чем-нибудь другим.

Любые средства были хороши. Обращаясь к ним, Бхактиведанта обещал, что, повторяя мантру Харе Кришна, они с легкостью обретут высшее сознание, к которому так стремятся. При этом он старался убедить их, что сознание Кришны гораздо выше наркотического «кайфа».

«Вы думает, что ЛСД может вызвать экстаз и расширить ваше сознание? — спросил он однажды у собравшихся в храме.

— Тогда представьте себе эту комнату целиком заполненную ЛСД. Таково сознание Кришны».

Постичь Бога нельзя, приняв таблетку или накурившись. Повторение Харе Кришна — это единственный очистительный процесс, который позволяет удалить пелену материальной скверны, застилающую чистое сознание человека. Наркотик делает эту пелену еще плотнее и мешает человеку достичь самосознания.

«Тот, кто хочет увидеть Бога, — говорил он, — сначала должен обрести качества, необходимые для этого Он должен очиститься. Когда

облако закрывает солнце, люди говорят, что солнце скрылось, но оно на своем месте, просто наши глаза не видят его».

Когда количество учеников увеличилось и у Бхактиведанты появились средства, он приобрел два старых печатных станка и возобновил издание журнала «Бэк ту Годхед».

Но теперь он уже не писал все статьи, а поручал работу своим помощникам. Границы его проповеди расширились за пределы Нижнего Ист-Сайда. В 1967 г. двое учеников Бхактиведанты открыли кришнаитский храм в Сан-Франциско и пригласили его приехать к ним, ибо здесь также были прекрасные возможности для начала движения Харе Кришна. (Действительно, квартал Хейт-Эшбери в Сан-Франциско был как бы второй столицей хиппи, куда они тысячами стекались со всей страны.) Бхактиведанта откликнулся на призыв, и его проповедь в Сан-Франциско имела большой резонанс. Количество его последователей сразу многократно увеличилось. Один из учеников Бхактиведанты вспоминал позже:

«Храм Радхи-Кришны был для хиппи чем-то вроде духовной гавани. Подростки это чувствовали. Они бесцельно слонялись по городу, жили на улице, им некуда было пойти и негде было отдохнуть, не боясь того, что люди причинят им зло… Я думаю, наш храм многим спас жизнь. Число жертв и несчастных случаев было бы гораздо больше, если бы не Харе Кришна. Это было все равно, что открыть храм на поле боя. Более неподходящего места для храма, пожалуй, было не найти, но здесь храм был нужнее, чем где бы то ни было еще. И хотя раньше Бхактиведанта ни с чем подобным не сталкивался, он пришел туда с мантрой Харе Кришна, и его мантра творила чудеса».

Движение сознания Кришны стало разрастаться на глазах. В 1967 г. отделения общества появились в Лос-Анджелесе и Бостоне, а количество основанных храмов достигло 21. Когда число учеников сделалось значительным, Бхактиведанта стал именовать себя Свами Прабхупада (буквально это имя означает «вместо Бога»; в ведических религиозных кругах этот титул означает высшую степень почтения, так обращались к великим святым, перед которыми преклонялись другие святые). В 1969 г. он отправил нескольких своих учеников основать отделение общества в Лондоне и проповедовать там Харе Кришна. Здесь они получили поддержку от Джорджа Харрисона из группы «Битлз» и с его помощью сняли в центре Лондона пятиэтажное здание. В сентябре 1969 г в Лондон прилетел сам Прабхупада. Его встречали как знаменитость телеоператоры и корреспонденты многих газет. На вопрос одного из корреспондентов: «Чему вы пытаетесь учить, сэр?» Прабхупада ответил:

«Тому, что Бог существует. Одни из вас говорят, что Бога нет. Другие утверждают, будто Он умер. А третьи заявляют, что Бог является чем-то безличным или представляет собой пустоту. Все это чушь. Я хочу убедить всех нормальных людей в том, что Бог существует. В этом заключается моя миссия».

Открытие в Лондоне великолепного храма Кришны и Радхи стало переломным событием в истории общества. После этого дела его пошли лучше. Прабхупада, которому к этому времени уже исполнилось 73 года, почувствовал, что может переложить большую часть административной

работы на своих учеников и сосредоточиться на переводах. Структура общества окончательно сложилась в 1970 г., когда существовало уже 34 его отделения. Каждая храмовая община, по мысли Прабхупады, должна была действовать самостоятельно и быть самоокупаемой. Во главе всего общества стоял Руководящий совет Весь мир был разделен на 12 зон, каждой из которых руководил его представитель. Сам он стал разъезжать со своими учениками из одной страны в другую, всюду проповедуя сознание Кришны. В 1970 г. со множеством учеников он прибыл в Индию. На индийцев (которые именно в эти годы усиленно старались подражать Западу и с пренебрежением относились к собственной древней культуре) произвело сильное впечатление множество американцев и европейцев, которые отреклись от мира, стали вайшнавами и славят Кришну. В 1971 г. Прабхупада совершил свое первое длительное кругосветное путешествие, побывав в Англии, Индии, Малайзии, Австралии, СССР и Кении.

Всего за десять лет, с 1966 по 1975 г., он совершил восемь кругосветных путешествий, посетив все важнейшие столицы мира.

За всей этой хлопотливой и многосторонней деятельностью Прабхупада не забывал о главном — переводе книг Он считал, что книги о сознании Кришны должны распространяться по всему миру, быть во всех домах, во всех школах и во всех университетах. Продолжая перевод «Шримад-Бхагаватам», он одновременно работал над другими сочинениями перевел на английский «Бхагавад-Гиту», затем взялся за перевод одного из главных писаний бенгальских вайшнавов — «Чаитанйя-чаритамриты», повествующей о жизни Кришны Чаитанйи и излагавшей его учение. Поскольку весь день был заполнен делами, Прабхупада переводил в основном по ночам, вставая для этого в час ночи. В последние десять лет жизни он отдавал сну всего лишь несколько часов.

Усилия его не пропали даром. В 1967 г. компания «Макмиллан» заинтересовалась публикацией его перевода «Бхагавад-Гиты». Затем появились первые американские издания его книг. В 1972 г. Прабхупада основал собственное издательство «Бхактиведанта Бук Траст». Поначалу это было крошечное предприятие, оснащенное всего двумя ручными станками. Но всего за несколько лет оно превратилось в мощную компанию, оснащенную по последнему слову техники, где работал целый штат квалифицированных менеджеров, редакторов, корректоров, художников, фотографов, дизайнеров и фототехников. Едва Праубхада сдавал перевод очередного тома, как он тут же переводился с английского на основные европейские языки и распространялся по всем странам. Вся прибыль должна была делиться на две части: 50 % — оставалось издательству, 50 % шли на нужды общества, то есть на покупку земельных участков и строительство храмов. Прабхупада видел в распространении книг основу экономики общества. Это было в одно и то же время и проповедью и источником дохода.

Президенту одного из храмов он писал: «Меня очень обрадовало твое сообщение о том, как хорошо идет распространение наших книг. Это наш главный бизнес во всех странах мира. Уделяя ему должное внимание, вы никогда не будете испытывать недостатка в средствах». Так оно и оказалось на самом деле. В 1974 г. было продано 387 000 книг в твердом переплете и 4 000 000 экземпляров журнала «Бэк ту Годхэд». В 1975 г. эти

результаты были утроены, а в 1976 г общий тираж книг и журналов на 23 языках составил 55 314 000 экземпляров. Общий доход от издательской деятельности составил миллионы долларов, так что к концу жизни Прабхупада сделался очень состоятельным человеком. Впрочем, его личные потребности всегда оставались скромными. Все заработанные деньги тратились на нужды общества, деятельность которого принимала все более грандиозные размеры.

Новые храмы строились во многих странах, но Прабхупада решил, что самые величественные и богатые храмы общества должны находиться в трех индийских городах — Вриндаване, Майяпуре и Бомбее. Эти грандиозные строительные работы стали венцом его деятельности. В 1971 г. началось возведение огромного храма Майяпур-Чандродаямандир в Майяпуре. По желанию Прабхупады в центральном куполе храма должна была разместиться трехмерная модель Вселенной, в основе которой лежали описания из Вед и «Шримад-Бхагаватам». Внутри храма предполагалось расположить миниатюрный дворец, где среди шелков и колонн, украшенных золотом, серебром и драгоценными камнями находились бы изображения Радхи и Кришны. Рядом начали возводить гостиницу на 500 мест с огромным на несколько тысяч человек залом для принятия прасада (прасад — собственно ритуальный прием пищи; во время прасада прихожанам предлагаются разнообразные вегетарианские блюда, изготовленные по специальным рецептам и с соблюдением особых церемоний), большой гоишлой для коров, которые должны были пастись на окрестных лугах. Просторные, хорошо проветриваемые комнаты должны были быть оборудованы туалетами, душевыми, вентиляторами. Весь проект был оценен в десятки миллионов долларов. Своими масштабами он поразил и учеников Прабхупады, и архитекторов. Ничего подобного никто из них не видывал. Однако по планам Прабхупады этот храм должен был стать только началом. Он мечтал о тех временах, когда в Майяпуре возникнет образцовый трансцендентный город с населением 50 тысяч человек, с особыми кварталами для брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр, который будет духовной столицей мира.

Возведение Майяпура, по его мысли, как бы открывало новую эру в истории мира — эру сознания Кришны.

Претворение в жизнь этих планов Прабхуда завещал своим последователям. Он умер в ноябре 1977 г. Пишут, что он скончался так, как хотел — в священной Вриндаване в окружении множества любимых учеников. Смерть он встретил величественно и безупречно.

БУДДИЗМ

Будда

Судьба основателя буддийского вероучения разукрашена многочисленными легендами, за которыми порой нелегко разглядеть черты реальной личности. Предания подробно повествуют о том, как боги решили послать на землю нового пророка, причем Будда сам избрал себе время появления и часть света — Индию, а также конкретную страну — маленькое княжество с главным городом Капилавасту (находящееся у подножья Гималаев на границе современной Индии и Непала). Выбрал он

себе и мать — жену раджи Шуддходана Гаутамы добродетельную Майю, которой накануне его рождения приснился вещий сон, будто в ее правый бок вошел белый слон. Родился Будда около 563 г. до Р.Х. в прекрасной роще под деревом у селения Лумбини, невдалеке от столицы княжества (и доныне тут сохранился памятник с надписью: «Здесь родился Возвышенный»). При появлении на свет ему было дано имя Сиддхартха. Майя умерла через несколько дней после рождения сына. Раджа, безумно ее любивший, перенес все свое чувство на ребенка и сделал все, чтобы окружить его красотой, роскошью и великолепием. Когда Сиддхартха начал учиться, его способности приводили в изумление всех учителей. Пишут, что с самого детства в его присутствии совершались многие чудеса и знамения. Так, например, однажды перед мальчиком склонились все изображения богов в храме.

Сиддхартха любил предаваться грезам и мечтам. Отдыхая в тени деревьев, он погружался в глубокое созерцание, переживая моменты необыкновенных просветлений. Как гласит предание, боги с самого рождения незримо окружали Возвышенного и внушали ему любовь к мистической жизни. Отец всеми силами старался отвлечь сына от его мыслей и настроений. «Для меня, — вспоминал впоследствии Будда, — во дворце родителя моего были устроены пруды, где цвели в изобилии водяные лилии, водяные розы и белые лотосы; благовонные одежды из тонкой ткани носил я; из тонкой ткани был тюрбан мой и верхнее и нижнее платье; днем и ночью осеняли меня белым зонтиком из опасения, как бы прохлада, или зной, или пылинка, или капля росы не коснулись меня. И было у меня три дворца: один для зимнего житья, другой — для летнего и третий для дождливой погоды года. И в последнем пребывал я четыре дождливых месяца безвыходно, окруженный женщинами — певицами и музыкантшами». Отец женил Сиддхартху на дочери владетельного шакийца красавице Яшодхаре, избавил его от всех забот, не обременяя даже обычными среди молодых кшатриев гимнастическими упражнениями. В тех редких случаях, когда царевич покидал свои дворцы и сады, по приказанию Шуддходаны с его пути прогонялись все нищие и больные. В присутствии юноши никогда не вели разговоров о смерти и страданиях людей. Но этим раджа добился только обратного результата.

Легенда рассказывает, что однажды царевич, гуляя со своим возницей Чанной, неожиданно увидел дряхлого старика и, пораженный его видом, стал расспрашивать слугу о старости. Он был потрясен, когда узнал, что это общий удел всех людей.

Еще более глубокое впечатление произвели на Сиддхартху встречи с больным, изуродованным проказой, с погребальной процессией и с погруженным в глубокие размышления аскетом. Именно тогда он ощутил жизнь как область безысходных страданий, как темницу. С этого дня мучительные раздумья уже не покидали царевича. Он не мог чувствовать себя счастливым до тех пор, пока не объяснит для себя причины человеческих страданий и не найдет способа избавиться от них.

Найти ответы на эти вопросы в прекрасной, но искусственной обстановке царского дворца было невозможно, и Сиддхартха решил коренным образом изменить свою жизнь.

На тридцатом году он ушел из дома и в сопровождении единственного слуги отправился в странствие. Ангел вручил уходящему царевичу восемь вещей: три одежды (верхнюю, нижнюю и рясу желтого цвета), чашу для подаяния, бритву, иглу, пояс и сито (чтобы не проглотить с водой какое-нибудь насекомое). Первые, к кому Сиддхартха обратился в поисках ответа на вопрос о сущности жизни, были мудрецы школы санкхьи. С их помощью он изучил Упанишады и овладел основами брахманистской философии. Однако, она не увлекла его. Сиддхартху не интересовали сложные отвлеченности и богословские споры. Он мучился над другим вопросом: как спастись от безысходного круговорота жизни, где все объято пламенем страдания.

Он стал искать ответ на него в другом месте, но ни одно из существовавших тогда религиозных или философских учений также не удовлетворило его. В конце концов, он решил, что лучше всего «быть свободным от обаяния любого учения». «Я испытал все учения, — говорил он позже, — и нет ни одного из них, достойного того, чтобы я принял его. Видя ничтожество всех учений, не предпочитаю ни одного из них, взыскуя истину, я выбрал внутренний мир». Однако, следы обучения в философских школах навсегда остались в миросозерцании Гаутамы. Его собственное вероучение стало естественным завершением философии брахманизма.

Покинув мудрецов санкхьи, Гаутама некоторое время провел среди йогов Урувелы, но покинул их и ушел в джунгли, чтобы самому вести жизнь аскета. (При жизни он более всего был известен под прозвищем Шакьямуни, что означает «отшельник из племени шакья».) Шесть лет он прожил в лесу, отдавая все время духовным упражнениям и предаваясь самому суровому аскетизму. С величайшим терпением он переносил жар полуденного солнца, холод тропических ночей, бури и дожди, голод и жажду. Однако, ожидаемое просветление все не приходило. Тогда Гаутама отказался от крайнего аскетизма и в дальнейшем признавал полезными лишь умеренные его формы. И вот однажды, сидя под деревом Бодхи (познания) и, как обычно, предаваясь глубокому самопознанию, Гаутама вдруг прозрел. В одно мгновение ему открылись тайны и внутренние причины кругооборота жизни. С этого времени Сиддхартха Гаутама стал именоваться Буддой, что значит «осененный истиной», «просветленный знанием», «умудренный».

Несколько дней после этого он просидел под священным деревом, не будучи в силах сдвинуться с места. Этим воспользовался злой дух Мара, который начал искушать Будду, призывая его не возвещать истины людям, а прямо погрузиться в нирвану. Но Будда стойко вынес все искушения и продолжал свой великий подвиг. Придя в Сарнатх близ Бенареса, он собрал вокруг себя пятерых аскетов, ставших его первыми учениками, и прочел им свою первую проповедь. В ней были уже вкратце, в виде четырех тезисов, изложены основы его учения. Этот буддийский «символ веры» получил название «арья сатьи» — благородные истины. Слух о новом пророке стал быстро распространяться по Индии. Его идеи оказались очень привлекательны. Как красочно повествует легенда, путь Будды был триумфальным шествием, особенно после того, как он сумел обратить в свою веру знаменитого мудреца и отшельника Кашьяпу и 600 его учеников. Даже многие известные брахманы отказывались от своего

учения и становились проповедниками буддизма. Но наибольшее число последователей Будда имел в варнах кшатриев и вайшьев.

В чем же заключалась суть нового вероучения? Первая благородная истина гласила: «Все в мире полно зла и страдания». Будда не жалел сил для того, чтобы рассеять многовековую иллюзию, которая туманит ум человека: иллюзию самодавлеющей ценности этого мира и его благ. Никто до него не находил таких сильных выражений, таких беспощадных оценок для временной жизни. Он безжалостно отбрасывал все земные утешения, призывая смотреть правде в глаза. Развивая старые мотивы Упанишад, он изощрялся в поношении телесных удовольствий и самого тела и сурово осуждал людей, которые способны веселиться, забывая о всеобщей скорби. «Что за смех, что за радость, когда мир постоянно горит? Покрытые тьмой, почему вы не ищите света? Взгляните на сей изукрашенный образ, на тело, полное изъянов, составленное из частей, болезненное, исполненное многих мыслей, в которых нет ни определенности, ни постоянства. Изношено это тело, гнездо болезней, бренное, эта гнилостная груда разлагается, ибо жизнь имеет лицом своим — смерть». Анализируя все существующее, Будда приходит к мысли о призрачности мира: все непрочно, все разрушается, все уносится неведомо куда. Демон смерти царит во Вселенной. Все дороги жизни ведут в мир страданий. Все суетно, все исчезает как туман, вся Вселенная охвачена непрестанным умиранием. Само существование ее бессмысленно.

Все непрерывно течет и изменяется, пребывая в бесцельном беге. Куда бы мы ни бросили взгляд, повсюду томление, неудовлетворенность, неустанная погоня за собственной тенью, разрушение и новое созидание, которое, в свою очередь, несется навстречу гибели.

Когда же и почему возникло это всемирное кружение, составляющее сущность бытия?

Будда не давал ответа на этот вопрос. Его последователи утверждали лишь, что с безначального времени шесть типов существ (добрые духи, демоны, люди, животные, адские жители и суетно томящиеся души) заблудились, «как спящие во сне». От этой затерянности в бытии не возникает ничего, кроме иллюзий и мук. Но, что же породило все страждущие существа и где корни самого их бытия? Бытие, отвечал Будда, есть лишь извечное волнение дхарм. Что это такое? Определение этого понятия затруднено и может быть только отрицательным. Дхармы — это не частицы и не духи, но из них слагается все — и материальный мир и духовно-душевный. Они различаются между собой по типу своего проявления. Поэтому позже буддийские философы разделили их на категории и пытались даже определить число этих категорий. С неуловимой для обычного восприятия быстротой вибрации дхарм летят друг за другом, порождая образ преходящего существования. Поэтому нет ничего неизменного в мире. Нет постоянного тела, не существует души, как нет и постоянного «я». Таким образом, в своей философии отрицания Будда шел гораздо дальше брахманов, которые тоже признавали мир суетным и иллюзорным, но все же считали человеческое «я» причастным к Вечному и Непреходящему.

Вторая благородная истина Будды провозглашала, что «причина страдания открыта».

Он объявил, что страдание происходит от жажды бытия, наслаждений, созидания, власти и тому подобных пустых земных привязанностей и стремлений, символом которых служило Бхава Чакка, или Колесо Бытия. Будда учил, что еще в утробе матери, с самого момента зачатия, у будущего человека вспыхивает первоначальное, недифференцированное, смутное сознание. Это сознание образует вокруг себя намарупу (психофизическую сферу в ее целостности). Намарупа разделяется на «шесть областей» — пять органов чувств и мышление. Их наличие обусловливает ощущения и чувства. В результате в человеке развивается Тришна — жажда наслаждений, жажда жизни, вожделения и связанная с ней привязанность к чувственному. Из этих суетных стремлений выковывается непобедимая воля к жизни.

Именно она — это детище Тришны — ввергает человека в следующее воплощение и приводит к рождению, которое завершается старостью и смертью. На этом буддийская формула судьбы заканчивалась, но по существу у нее нет конца. Ведь за смертью человека, не победившего в себе желания, следуют дальнейшие жизни, за ними еще и еще, и так до бесконечности. «Возбужденные страстью, — говорит Будда, — попадают в поток, как паук в сотканную им самим паутину».

Причем возрождения могут совершаться не только в человеческом образе.

Безжалостная карма влечет греховное существо через бездны неописуемых пыток, заставляя его возрождаться в аду или в образе животного.

Однако возникает вопрос: если «я» не существует, то кто же перевоплощается, кто возрождается в светлом мире богов или в ужасной бездне ада? Поступки человека создают определенные кармические силы, которые после его смерти не исчезают, а под действием закона кармы формируют новое существо. Между умершим и этим существом такая же связь, как у родителей с детьми. Как дети несут на себе печать своих отцов, так и каждая человеческая жизнь имеет таинственную связь с некоей предшествующей В этом учении есть двойственность и даже несогласованность, которая порождает много вопросов, но которая остается у самого Будды не разъясненной. Обращаясь к широким массам, он не разрушал сложившегося представления о бесконечных перевоплощениях, имеющих смысл только в том случае, если человеческая душа признается бессмертной. Но когда он обращался к философам и избранным, то говорил, что «я» не существует. Рассказывают, что однажды какой-то монах напрямик спросил Будду, существует ли атман «я». Но Будда ничего не ответил ему. «Тогда, может быть, «я» нет?» — продолжал спрашивать монах. Будда опять ничего не ответил. Когда монах ушел, ученики выразили удивление по поводу уклончивости наставника. Будда отвечал, что своим молчанием хотел избежать защиты двух неправильных идей: о постоянстве и об уничтожении.

Очевидно, он вообще считал такую постановку вопроса неправильной и не хотел, чтобы его последователи отвлекались на решение этих вопросов. (Уже после его смерти, спустя почти тысячу лет, буддийские философы разработали учение о сантане, под которой

понималось некое замкнутое индивидуальное единство, в каждом потоке дхарм образующее живое существо. «Я» не сохраняется после смерти, но сохраняется сантана, и именно ее постигают все последующие перевоплощения.)

Суть проповеди Гаутамы заключалась в третьей благородной истине: «Прекращение страданий возможно». Если «проявленное бытие» по самой своей сути есть нечто тягостное, мучительное, сотканное из скорбей, если это бессмысленное, отвратительное существование поддерживается неведением и глупой, обольщающей жаждой жизни, то истребление этой жажды и просветление духа принесет человеку освобождение. Он уйдет из этого призрачного мира и сольется с Тишиной и Покоем.

Всем измученным и изнемогшим в битве с жизнью Будда обещал открыть обитель успокоения. Ради этого он призывал их облечься в броню равнодушия и ничего не ждать от суетного мира. Он учил, что тот, кто сумел победить свои желания, «уничтожил тернии существования: это его тело — последнее». Такой человек выскальзывает из мутных волн сансары, которые продолжают стремить свой бег уже где-то в стороне от него. Такой человек достиг высшего счастья, высшего бытия — нирваны. Ученики не раз спрашивали Будду о том, что есть нирвана, но всякий раз получали двусмысленные неопределенные ответы. «Кто отошел, у того нет былого вида, — отвечал он. — Но когда разрушены вещи, какое же представление может возникнуть о них?» И в другом месте. «Существует нечто нерожденное, не имеющее начала, непроизведенное, несоставленное; если бы не было подобной вещи, то не было бы избавления от того, что порождается, имеет начало, производится и составляется» Сам Будда, видимо, считал, что осознание нирваны выходит за пределы человеческого понимания. Но определенно можно сказать, что хотя нирвана и лежала за пределами нашего бытия, она не была для Будды «голым ничто». Может быть, он ощущал ее как некое Сверхбытие или Абсолютное Начало, близкое Брахману Упанишад. Бога Личного, Бога Живого он решительно отрицал. В его Вселенной нет ничего, кроме нирваны и томительно-бесполезной сумятицы дхарм.

Единственная достойная человека цель — это освобождение, свобода от всего, и в том числе от самого себя. Для этой цели Будда предложил «восьмеричную дорогу», которая и составляет четвертую благородную истину — о пути к избавлению. Она включала в себя:

1) Правильные взгляды, то есть основанные на «благородныхистинах».

2) Правильную решимость, то есть готовность к подвигу во имяистины.

3) Правильную речь, то есть доброжелательную, искреннюю и правдивую.

4) Правильное поведение, то есть непричинение зла.

5) Правильный образ жизни, то есть мирный, честный, чистый.

6) Правильное усилие, то есть самовоспитание и самообладание.

7) Правильное внимание, то есть активную бдительность сознания.

8) Правильное сосредоточение, то есть верные методы созерцания и медитации.

Овладение этими принципами рассматривалось Буддой как некий ряд постепенно восходящих ступеней. Начав с внутренней решимости

победить в себе волнение преходящего, человек подавляет свои темные и злые наклонности. Он должен быть добр ко всем, но не во имя Добра, а во имя освобождения себя от власти зла.

Истинный буддист «не разрушит ничьей жизни; и жезл и меч он отбросит исполненный кротости и жалости, он сострадателен и милосерд ко всем существам, одаренным жизнью». Он должен избегать воровства, быть целомудренным, правдивым, должен отбросить грубость, жадность, празднословие, искать во всем справедливости. Но соблюдение этих моральных заповедей само по себе не представляет ценности. Оно лишь помогает человеку развивать силы, ведущие к нирване, способствует приближению к следующей ступени, на которой будет господствовать полное самообладание и уже ни ненависть, ни любовь не смогут смутить внутреннего покоя.

Это — ступень окончательного овладения своей физической природой. «Размышляющий мудро переносит и холод и зной, и голод и жажду, не боится ядовитых мух, ветра, солнца и змей; он кроток перед словом поношения, перед телесными страданиями, перед самыми горькими муками, томительными, беспокойными, разрушительными для жизни». Здесь буддизм целиком усвоил традицию предшествующих индийских аскетов, приводивших себя в состояние совершенной бесчувственности и сравнивавших свое тело с кожей, которую сбрасывает змея. Заключительная восьмая ступень — это погружение в высшую область созерцания. Следуя многовековым принципам Йоги, буддисты делили этот этап на ряд особых стадий, высшей из которых было состояние самбодхи, когда все человеческое исчезает в человеке, когда его сознание угасает и над ним не властны никакие законы, ибо он погружается в непостижимое «безветрие» нирваны. Существо, пришедшее к этому пределу, есть истинный Будда.

Он вступает в таинственный мрак «Бытия непроявленного», собственными усилиями преодолевая волнение дхарм. Однако, таких Просветленных всего лишь единицы. Будда говорил:

«Немногие среди людей достигают противоположного берега. Остальные только суетятся на здешнем берегу».

Из этих основных положений буддизма следовало несколько весьма важных выводов.

Во-первых, каждый может спастись от возрождений собственными стараниями. Правда, путь к нирване долог и труден; необходимо прожить множество жизней, поднимаясь со ступени на ступень к высшей цели, но зато, когда победа достигнута, она достигнута только личными усилиями человека, и он никому ничем не обязан. Следовательно, для богов, выступавших в традиционной религии хранителями людей, в буддизме не оказывалось места. Будда не отрицал существования богов, но в его учении они выступали просто более совершенными существами, чем люди, дальше продвинувшимися по пути к нирване.

Ритуалы и жертвоприношения Будда считал бесполезными, однако суждения на этот счет высказывал очень осторожно. Открыто он восставал только против кровавых жертвоприношений, связанных с убийством животных. Он отвергал также авторитет всех священных книг, включая Веды, но он не был активным врагом писания. Во-вторых, с точки зрения

буддизма, оказались малосущественными родовитость ищущего, его племенное происхождение, принадлежность к той или иной варне.

Происхождение само по себе ничего не дает человеку и не может обеспечить достижения нирваны.

Хотя спасение и обретение нирваны Будда обещал только аскетам, покинувшим свой дом и освободившимся от всех привязанностей, его учение принимали многие миряне.

При этом они должны были выполнять простой этический кодекс Панча Шила (Пять Заповедей):

1) Воздерживайся от убийства.
2) Воздерживайся от воровства.
3) Воздерживайся от блуда.
4) Воздерживайся от лжи.
5) Воздерживайся от возбуждающих напитков.

Следуя этим правилам, человек делает маленький шаг к нирване. Но рассчитывать на положительное изменение своей кармы могли только монахи. Уже в первые годы существования буддизма вокруг Гаутамы складывается монашеская община сангха, то есть объединение людей, отказавшихся от всего, что их раньше связывало с обществом: от семьи, принадлежности к варне и от собственности. В основном буддийские монахи жили за счет доброхотных подаяний от мирян; отсюда обычным наименованием их было бхикшу — нищий. Монаху полагалось молча, не поднимая глаз, обходить с чашей в руке дома мирян, ничего не прося и ни о чем не настаивая, не радуясь обильной милостыни и не огорчаясь, когда он не получал ее вовсе. При жизни Будды появились и первые буддийские монастыри.

Обычно они основывались в рощах, подаренных Учителю богатыми раджами. Монахи строили там хижины и дома для общих собраний. Рядом с ними появлялись кладовые, столовые, бани и другие хозяйственные помещения. Была учреждена особая должность эконома, который наблюдал за работами и хлопотал о поставках. Будда внимательно наблюдал за развитием этих монастырей и собственноручно написал для них уставы.

Каждый шаг монаха был в них жестко регламентирован.

Впрочем, сам основатель учения вплоть до самой смерти строго соблюдал предписания своих уставов, не допуская для себя никаких послаблений. Пишут, что Будда вставал рано. Свой ежедневный утренний туалет он обыкновенно совершал с помощью своего любимца Ананды. Значительная часть его дня была посвящена сбору милостыни. До глубокой старости Будда ежедневно выходил в город или в селение за сбором подаяния. Часто с ним шествовали целые толпы монахов. Как правило, его везде встречали приветливо. Люди оспаривали друг у друга право пригласить Учителя и накормить монахов. Местные богачи и знать предоставляли ордену свои сады и дома. После обеда Будда обычно отдыхал в тени деревьев, и только к вечеру, когда спадала тропическая жара, вокруг него собирались слушатели и он вел с ними беседы. Его чарующий голос, красноречие, стремление быть понятным каждому — совершали чудеса. Мало кто мог устоять перед силой его обаяния. С философами Будда говорил возвышенно и проникновенно, монахам и

аскетам давал драгоценные советы и наставления, простому народу и женщинам рассказывал волшебные сказки, содержащие мораль и разъяснение основных положений его учения.

За три года до смерти Будда пережил разрушение царства Шакья и гибель родного города Капилавасту, но отнесся к этой катастрофе с невозмутимым спокойствием истинного мудреца. Умер он уже глубоким стариком около 483 г. до Р.Х., отведав недоброкачественной жареной свинины. Будда знал, что умрет от этого, однако не пытался отсрочить свой уход из мира, так как считал свою миссию на земле законченной. Его смерть означала окончательный переход в нирвану. По обычаю буддистов тело Будды было сожжено, но некоторые останки его сохранились в различных частях Индии. Так, в городе Канди на Шри-Ланке хранится зуб Будды. (Его вырвал из погребального костра один из учеников.) Кроме зуба почитаются след Будды, его Тень (согласно традиции, сохранившаяся навсегда) и некоторые другие святыни.

Нагарджуна

Смерть Будды не помешала дальнейшему развитию и распространению его вероучения.

Сам он, как уже говорилось, заложил только его основы. Многие вопросы и важнейшие положения новой религии требовали дальнейшего развития и уточнения.

Первый шаг к этому был сделан вскоре после кончины Учителя. Около 470 г. до Р.Х. немногочисленные тогда еще буддисты собрались в пещере у Раджагрихи на Первый Всебуддийский собор, где под руководством Кашьяпы, самого ученого из последователей Будды, утвердили главные пункты устава общины и приняли меры для сохранения суждений и изречений Учителя. (Речь, очевидно, могла идти только о собрании кратких устных предписаний и наставлений умершего Будды. Естественно, при этом принимались во внимание, прежде всего, часто повторяющиеся и часто слышанные сентенции общего содержания, сжатые мудрые изречения и т. п. В буддийской традиции они получили название сутр. С течением времени к сутрам были прибавлены различные пояснения и указания о том, где, когда, по какому поводу и для кого было произнесено каждое из этих изречений. В результате некоторые из сутр приобрели значительный объем.)

Вскоре после Первого собора в сангхе наметились два направления — ортодоксальное и либеральное. Представители первого течения настаивали на большей строгости в аскетических упражнениях и буквальном соблюдении всех сохранившихся заповедей Будды. Сторонники второго делали упор на нравственное совершенствование, ослабляя, однако, требования устава. Первые считали, что спасение возможно только для монахов, строго соблюдающих устав общины, установленный Буддой.

Вторые верили, что при определенных условиях достичь нирваны могут все живые существа. Каждое из этих течений буддизма предлагало свой путь религиозного спасения, или, как тогда говорили, свою «колесницу» — яна, на которой можно было бы переправиться из этого земного существования на другой берег бытия.

Размежевание между двумя школами фактически произошло уже на Втором Всебуд- дийском соборе, который состоялся через сто лет после Первого. В дальнейшем ортодоксальная школа получила наименование Хинаяна («Малая колесница», или «Колесница индивидуального освобождения»), а либеральная — Махаяна («Большая колесница», или «Колесница всеобщего спасения»).

Впрочем, внутри каждой школы буддизм тоже не был однородным. В III–II вв. до Р.Х. буддийская церковь дробится на множество сект, оспаривавших друг у друга право считаться истиной Дхаммой. (Цейлонские хроники, ранние индийские и тибетские историки говорят о 18 буддийских школах). В 253 г. до Р.Х. Ашока, один из царей династии Маурьев, созвал в Паталипутре Третий Всебуддийский собор.

Здесь были утверждены сложившиеся к этому времени основы вероучения буддизма, а также осуждены ереси. Правоверными были признаны только две из 18 школ — Тхеравада и Вибхаджавада, отстаивавшие ортодоксальную точку зрения. Неправоверные монахи должны были после этого покинуть Магадху — главное место пребывания тхеравадинов — и уйти в Кашмир. Там они обрели силу и стали называться сарвастивадинами.

В I–II вв. учение тхеравадинов-вибхаджавадинов было записано на Цейлоне на языке пали под общим названием «Трипитака». Этот канон делится на три больших раздела — питаки («корзины»). Из них «Винаяпитака» — «корзина устава» — посвящена правилам поведения в жизни буддийского монаха и вопросам организации монашеской общины; «Сут-тапитака» — «корзина изречений» — содержит изречения, проповеди и рассказы, приписываемые Будде, а «Абхидхаммапитака» — «корзина закона» — состоит из различных богословских сочинений, касающихся буддийского учения. В палийский канон входят также джатаки — 550 рассказов о различных случаях, произошедших в «предшествующих» жизнях Будды. Одновременно свой канон на санскрите создали в Кашмире еретические школы (до нас он дошел не полностью, но сохранились его переводы на тибетский и китайский языки). Первые две части его были почти идентичны палийскому, но в третьей части — «Абхидхаммапитаке» — наблюдаются уже сильные расхождения. (Позже появились объясняющие трактаты на буддийское писание — шастры).

Окончательный раскол между двумя направлениями произошел на Четвертом Всебуддиском соборе, созванным в начале II в. правителем Кушанского царства Канишкой. Сарвастивадины взяли здесь реванш, одержав победу над своими противниками-ортодоксами. Пишут, что успехом сторонники Махаяны были во многом обязаны своему идейному главе — монаху и философу Нагарджуне, одному из величайших теоретиков буддизма. Заслуги его в разработке важнейших положений этой религии таши настолько значительны, что его справедливо называют основоположником буддизма Махаяны.

Хотя Нагарджуна жил спустя 400 лет после Будды, в историях и преданиях он предстает еще более легендарной фигурой, чем сам основатель буддизма. Сообщают, что Нагарджуна родился в Южной Индии в царстве Видарбха и происходил из брахманской касты. Первоначально он

носил имя Арджуна, но так как своими познаниями был обязан дракону (нагу), то присоединил к своему имени еще слово Нага. От природы он был одарен удивительными способностями и еще в детстве изучил четыре Веды. В 20 лет Нагарджуна был уже широко известен своей ученостью.

Наука, впрочем, не была его единственной страстью. Даранта пишет, что, желая вкусить удовольствий, он сдружился с тремя молодыми людьми, искусными в магии.

Сделавшись невидимыми, они пробрались в царский дворец, где принялись бесчестить царских жен. Но присутствие их открыли по следам, и три товарища Нагарджуны были изрублены стражей. Только он один остался жив, так как встал невидимый рядом с царем и его не коснулся меч. Именно в этот момент в Нагарджуне будто бы пробудилась мысль о страдании, он отверг все земное и решил оставить мир.

Отправившись в горы к ступе Будды, он принял обет и в течение 90 дней изучил все три Питтаки, постигнув их глубинный смысл. Однако учение их показалось ему неполным, и Нагарджуна отправился странствовать в поисках неизвестных сутр. Царь драконов Нагараджа взял его в свой дворец и показал хранилище с книгами Вайпулья — сутрами глубокого и сокровенного смысла, содержавшими недостающую часть учения. Считается, что драконы выслушали его от самого Будды при его жизни и хранили у себя, так как люди в то время еще не были готовы к постижению такой возвышенной мудрости. (Таким образом, смело реформируя буддизм, Нагарджуна объявил себя не антагонистом древнего Учителя, а, напротив, провозвестником его самых важных и сокровенных идей.) Возвратившись на родину, Нагарджуна проповедовал буддизм Махаяны в Южной Индии и весьма в этом преуспел. Авторитет его рос с каждым годом. Сообщают, что он изгнал из монастырей множество нарушивших правила бхикшу, среди которых были люди очень могущественные. После этого все школы Махаяны признали его своим главой. Подводя итог деятельности Нагарджуны, тибетский историк буддизма Даранта пишет, что он поддержал верховную религию всеми возможными способами: преподаванием, построением храмов, содержанием миссионеров, составлением опровержений и проповедями и таким образом способствовал широкому распространению Махаяны Но у Нагарджуны была еще одна великая заслуга перед потомками — именно благодаря ему буддизм из учения об освобождении и спасении для немногих ревностных подвижников превратился в близкую и понятную для всех людей религию.

Основные положения своей философии Нагарджуна сформулировал в 450 кариках — кратких стихах, предназначенных для заучивания наизусть и комментирования. Эти карики составили главный трактат Нагарджуны — «Мадхьямикасутру» («Сутру срединного учения») — классическое произведение, которое затем комментировалось многими известными буддистами Индии, Тибета, Китая и Японии. Главным в философии Нагарджуны стало учение о пустоте (шуньяте), оказавшее огромное влияние на всех последующих буддистов. Весь окружающий нас мир, писал Нагарджуна, относителен и потому нереален. Все, на что бы мы ни обратили внимание, зыбко и проходяще. Ни одна истина не является вечной или даже постоянной. Все наши представления, вся человеческая

мудрость — не более чем набор условностей. Путем остроумных рассуждений Нагарджуна показывал противоречивость всех положений философов своего времени и делал вывод, что все они «пусты», нереальны. Он шел дальше и доказывал относительность таких глубинных понятий, как причина и следствие, движение и покой, объект и субъект, вещь и свойство, бытие и небытие. Таким образом, он утверждал несубстанциональность мира, нереальность всех вещей и относительность всех понятий. Все окружающее нас подобно эху, тени, потому что в сущности ничего этого нет. Таковы все прошедшие, настоящие и будущие формы. Ни в каком предмете нет ни существования, ни не-существования, ничего не принадлежит ни вечности, ни не-вечности, ни мучениям, ни удовольствиям, ни я, ни не-я.

Единственным существующим в мире является пустота, и помимо нее нет ничего абсолютного. Именно пустота есть то отвлеченное истинное бытие, которое существует во всем, ни в чем не заключаясь, все заключая в себе и ничего не содержа. При всем этом пустота не есть какая-либо истина или субстанция, или единое бытие (Бог). Как и все буддисты, Нагарджуна отрицал существование Бога-творца, скептически относился к Провидению и утверждал идею естественно-причинной связи, которая объединяет весь мир в единое целое. (Буддизм не признает существования Бога-творца, Бога-создателя, который порождает все в мире, в том числе человека, Бога, от которого зависит судьба людей.

«Для людей, верящих в такого Бога, — говорил, согласно традиции, Будда, — не существует ни желания, ни усилия, ни необходимости делать какое-либо дело или воздерживаться от него».

Поскольку все тленно, то таковым должен был бы быть и Первотворец, а значит, нет неизменной божественной сущности в потоке бытия и нет неизменного божества. Кроме того, поскольку все взаимосвязано и нет в мире ни начала, ни конца, то нет и перво-творения. Главная идея буддизма, как уже говорилось, состоит в том, что этот никем не сотворенный мир есть страдание, мука, неудовлетворенность, и у верующего нет никаких оснований надеяться на милость Бога, на загробную справедливость божественного правосудия — в нем самом скрыты как причина страдания, так и прекращения последнего.)

Принятие идеи пустоты как единственной реальности позволило по-новому взглянуть на все положения буддийской религии. Нагарджуна учил, что мир или сансара не потому должен быть предметом отторжения, что он мучителен, что все в нем мучительно, но потому, что он пуст и в нем нет ни одной точки, на которую ум мог бы обратить свое внимание, на чем бы он мог покоиться. Мало того, допущение в уме всякого субъективного понятия ведет к его омрачению, становится препятствием к совершенству и полной чистоте, которая также пуста. В свете этого учения по- новому представляется и природа Будды. Уже на ранней стадии буддизма сложилось представление о том, что Будда был сверхчеловеческим существом, к которому неприемлемы законы этого мира, и что его земное существование было не более чем мимолетным эпизодом в бесконечной истории буддизма. Появившись среди заблудших и нуждающихся в спасении живых существ, Будда по окончании своей земной жизни перешел границу этого мира и вступил в царство абсолютной реальности. В

Махаяна-буддизме эти представления получают свое завершение. В учении Нагарджуны Будда является всеобъемлющим существом, уже в силу своей природы принадлежащим миру Абсолюта Его сущность заключена в области непостижимой тайны и лежит за пределами конкретных утверждений В конечном итоге понятия Абсолюта, ншэваны и Будды сливаются. Однако, этот потусторонний, действительный таир не противопоставлен нашему нереальному миру.

Оба они есть, по сути, один мир Будда, присутствуя в нем, одновременно пребывает в трех телах. Причем первое из них — нирманакая(буквально «магическое воплощение») — это тело, в котором Будда является среди людей. Он учит в нем короткое время в мире сансары, после чего это тело умирает. Второе тело Будды — самбхогакая (тело блаженства) находится в состоянии нирваны. Но сам Будда — действительный, самостоятельный и вечный — пребывает в теле дхармакая — отвлеченном, абсолютном и являющимся совершенной реальностью. Таким образом, в Махаяне Будда из учителя-человека, указавшего путь к спасению и первым вошедшим в нирвану превращается в божество. В честь него начинают возводить огромные храмы. Вместе с тем сторонники этого течения подчеркивали, что Шакьямуни при всей значительности его личности для современной ему эпохи не представляет из себя ничего из ряда вон выходящего. Он является одним из множества Будд, причем даже не самым главным. Вообще же число прошлых и будущих Будд бесконечно. Каждый из «неисчислимого числа миров» имеет свое «неисчислимое число Будд прошлого, настоящего и будущего». Каждый из этих Будд имеет свою буддакшетру (поле влияния), которая находится в определенном месте в пространстве и во времени. Все Будды обладают чудодейственной силой, как психической (они могут проникать в мысли других и знают обо всех былых рождениях любого человека), так и физической (они могут летать, ходить по воде, становиться невидимыми и т. п.). Несмотря на то что сансара в целом не имеет ни начала, ни конца, каждый отдельный мир возникает и гибнет во времени. Существование одного мира продолжается в течение одной махакальпы, которая, в свою очередь, делится на четыре кальпы, каждая из которых длится несколько миллионов лет. Не каждая кальпа отмечена появлением Будд — бывают и такие, когда Будды не рождаются. Однако, нынешняя кальпа буддоносная и считается очень удачной на ее протяжении в мире должно появиться 1008 Будд, то есть примерно по одному каждые 5000 лет. Однако особую силу закон (дхарма), проповедуемый каждым Буддой, имеет лишь около 500 лет, после чего эта сила постепенно ослабевает, а мир погружается в тьму авидьи — до появления следующего Будды. (В позднейших текстах Махаяны упоминаются имена многих Будд. Причем некоторые из них, такие как Амитабха, Вайрочана, Акшобья, а также Майтрея-Будда грядущего мирового порядка — играют в современном буддизме более значительную роль, чем сам основатель буддизма Шакьямуни).

Каковы же в системе этих представлений роль и цель отдельной личности?

Последователи Махаяны утверждали, что каждое живое существо в этом мире обладает природой Будды, которую невозможно познать ни через опыт, ни вне опыта — она ни от чего не возникает и ничем не

разрушается, являясь вечной. (Но это не есть душа в христианском понимании этого слова, то есть какое- то духовное тело, которое остается после смерти физического тела. Природа Будды не является чем-то принципиальным, обладающим внутренней субстанцией и передающейся в процессе перерождений она выходит за пределы любых противоположностей, даже противоположностей добра и зла). Существуя извечно, с незапамятных времен, эта бессмертная частица, омраченная невежеством, кружится в мире перерождений. Возвратить ее к первобытной чистоте, приобщить к истинной дхарме — вот цель буддизма. Каждое живое существо, имея в себе изначальную сущность Будды, в принципе, через просветление может достичь состояния Будды. Но в силу своей слабости большинство людей не в состоянии подняться до такого уровня. А поскольку Будды после достижения ими полной нирваны уже не могут оказывать непосредственную помощь живым существам, эта роль в буддизме Махаяны возлагается на особых существ — Бодхисаттв (в переводе с санскрита это слово означает «существо, стремящееся к просветлению»).

Первые буддисты называли Бодхисаттвой такого человека (или какое-нибудь другое существо), который принял решения стать Буддой. Через это состояние прошли все Будды, включая Шакьямуни. В Махаяне значение Бодхисаттв стало несоизмеримо более значительным. Здесь это высшие существа, переносящиеся из мира в мир по указанию своих Будд. Некоторые Бодхисаттвы почти равны Буддам, они могли бы сами сейчас же сделаться Буддами и уйти в нирвану, если бы их не удерживало от этого чувство беспредельной любви и милосердия к живым существам. Поэтому они сознательно не уходят из мира сансары и остаются в нем с целью облегчить страдания людей и повести их за собой по пути спасения. (Именно таков, к примеру, великий и очень почитаемый махаянистами Бодхисаттва Авалокитешвара. Он принимает на себя все возможные виды перерождений является в аду и между львами, принимает форму вихря, в случае необходимости у него является тысяча рук и тысяча глаз, чтобы все видеть и всем помогать).

Вместе с образом Бодхисаттвы в Махаяну пришли идеи жертвенности и бескорыстной любви, которых совершенно не знал ранний буддизм. В результате вся этика этого вероучения оказалась перестроенной. Если в Хинаяне основным принципом был отказ от всяких связей с мирской жизнью, то в Махаяне главным является воздействие на мирян, наставление их на путь истинный. В то время как в Хинаяне человек мог считаться нравственным, если он отказывался от приобретения любых качеств, в том числе моральных и умственных совершенств, в Махаяне основным стало стремление приблизиться к такому совершенству. Прежний буддизм не имел ничего, что мог бы дать другому, он старался, по возможности, даже не принимать от других ничего, кроме необходимого подаяния. Теперь же первый раз было определено его отношение не только к обществу, но и ко всем живым существам мира ради них истинный буддист должен был жертвовать не только имуществом, но даже жизнью. Появляются легенды о том, как Будда в прежних перерождениях продавал себя для того, чтобы помочь ближним, и отдавал свое тело на съедение диких зверей, чтобы спасти их от голода. Прежде бикшу обязывались

только не убивать животных, теперь они должны были видеть в них своих братьев и родителей. Учение о любви и милосердии не просто проникает в Махаяну, но делается ее яркой отличительной чертой. Так было признано, что благочестие и подаяние мирянина вполне сопоставимы с заслугами монаха и могут заметно приблизить его, невзирая на карму или оказывая соответствующее воздействие на нее, к манящему берегу спасения, к нирване.

Каждый правоверный буддист может стать Бодхисаттвой. Непременным Условием для этого является самозабвенное посвящение себя закону Будды. Особенностью пути Бодхисаттвы, по учению Нагарджуны, стала практика Шести совершенств — парамит, которые заняли место четырех святых истин Будды. Стремящийся к истинному восхождению должен быть щедрым в подаянии, а также вооружиться нравственностью, терпением, прилежанием, созерцанием и мудростью. Из этих парамит первые пять направлены на постижение шестой — мудрости (праджня), являющейся в Махаяне целью и плодом всех духовных стремлений.

Праджня (просветление, введение) дает человеку способность видеть вещи такими, каковы они есть на самом деле, а также осознавать абсолютную пустоту, лишенную всех определений и сознания. Непросветленные люди могут говорить о «пустоте» и пытаться выразить свое понимание ее в знаках, но Бодхисаттва — это тот, кто «овладел путем пустоты». Его мудрость взирает через пустотность всех форм и свойств, выходит в ничто за пределы любых слов и понятий и, таким образом, оказывается сосредоточением реальности бытия. Мудрость (праджня) и пустотность (шуньята) соотносятся здесь между собой, выражая одну и ту же реальность.

Бодхисаттва не привержен идеям, он вообще ни к чему не привязан. Его совершенное знание пусто. Благодаря этому он вступает в море всеведения и поднимается до «облаков Дхармы» (дхармамегха), где достигает «всех форм созерцания». Он становится полностью просветленным Буддой, но при этом не вступает в нирвану.

Движимые великим состраданием, он при помощи искусных средств (упайя) опускается с неба Тушита обратно на землю, чтобы спасать все живые существа.

Таково в самых общих словах учение Махаяны, окончательно оформившееся в трудах Нагарджуны. В целом Махаяна оказалась более космополитической по своему характеру религией, в большей степени способной принять в себя самые разнохарактерные племенные верования. В результате Хинаяна утвердилась только в тех странах, где была большая масса переселенцев из Индии и где сложились формы общественного устройства, сходные с индийскими. Центр буддизма Хинаяны уже на рубеже нашей эры переместился в Шри-Ланку, где еще со времен Ашоки буддизм обрел своих восторженных поклонников и где тщательно сохранялись связанные с великим Буддой реликвии. Из Цейлона буддизм Хинаяны проник в страны Индокитая и в Индонезию и получил там широкое распространение. Что же касается самой Индии, то там влияние буддизма Хинаяны быстро ослабло и через несколько веков практически перестало ощущаться. Махаяна, напротив, утвердилась в странах, которые

во всех отношениях значительно отличались от Индии. В первые века нашей эры буддизм Махаяны быстро распространился в Средней Азии, проник в Китай, а через него — в Японию и Корею. Позже он укрепился также в Непале, Тибете, Монголии и Центральной Азии. Но в самой Индии буддизм Махаяны также не получил большого распространения.

Вообще, наибольший расцвет буддизма в Индии приходится на первые века нашей эры. В VI в начинается его упадок, а к XIII в он фактически исчезает в стране своего зарождения, так что в настоящее время в Индии буддистов гораздо меньше, чем мусульман и даже христиан.

Асанга

После Нагарджуны большое влияние на развитие буддизма имела философская школа йогачаров, соединившая с мифологией и философией Махаяны древнюю практику йоги.

Основателем этой системы считается великий ученый, настоятель знаменитого монастыря Наланда, Арья Асанга, живший в V столетии после Р.Х. Его судьба также овеяна многими легендами. Бутон Ринчендуб пишет, что Асанга, для того чтобы добиться в распространении учения Махаяны помощи Майтреи — Будды грядущего мирового порядка, — устроил себе жилище в горной пещере и двенадцать лет провел в медитации. Не добившись даже признака успеха, он уже хотел было уйти из пещеры, но тут увидел собаку, каждую часть тела которой ели черви. Асанга исполнился сочувствия к ней, но не знал, как ему поступить. Было ясно, что если он удалит червей, то последние погибнут, а если нет — то погибнет собака. Чтобы сохранить жизнь им всем, Асанга срезал мясо со своего тела и переложил на него червей. В тот же момент собака исчезла и он узрел Майтрею, полного света Асанга сказал: «Я делал усилья познать Тебя сотней различных способов, но не увидел результата. Почему же ты пришел только теперь, когда, мучимый свирепой болью, я больше не жажду?» Майтрея отвечал: «Я был здесь с самого начала, но ты не мог увидеть меня из-за своих собственных омрачений.

Только теперь, когда в тебе возникло великое сочувствие, ты очистился и можешь лицезреть Меня. Каково же будет твое желание?» «Я ищу наставлений, как изложить махаянское учение», — сказал Асанга «Тогда держись за мою одежду», — велел Майтрея и увлек святого за собой на небо Тушита. Там Асанга провел шесть месяцев и прослушал изложение большой «Йогачарья-бхуми», а также множества махаянских сутр. После этого, постигнув высшую мудрость, он вернулся в человеческий мир и сочинил большой трактат из пяти разделов, в котором рассмотрел главные предметы йога-чаровского учения. Оно касалось самых разных сторон буддизма.

Вслед за Нагарджуной Асанга объявлял главной целью махаянистского учения развитие в ищущем совершенной мудрости (праджня-парамита). Праджня в его понимании — это особая интуиция, способная перенести «на ту сторону» бытия.

Благодаря ей сознание избавляется от иллюзии реальности видимых вещей и явлений и раскрывает «пустотность» всего видимого мира. Классическим изложением учения о праджне стал трактат Асанги

«Абхиса-маяламкара». Здесь подробно раскрывалась как сама сущность мудрости, так и способы ее достижения, то есть весь путь, по которому должен пройти ищущий в поисках просветления, а также давалось описание восьми «главных предметов» парамиты (это были особое всеведение, всезнание в отношении «пути», всезнание в отношении сансары, процесс интуитивного познания всех форм и др.). Каждый из этих предметов включал в себя особые навыки, знания и добродетели. Особенность религиозной практики йогачаров заключалась в том, что наряду с традиционными положениями буддистской этики важное место в ней заняли особые приемы йогического созерцания, а также мистика — заклинания, амулеты и сокровенные тантры Таким образом, было дано начало буддийскому тантризму. (Вообще же тантризм такой же древний, как сама йога, и истоки его скрыты в глубине истории Индии.)

Тантрами (буквально «хитросплетениями») называются сокровенные, магические тексты и заклинательные формулы, дающие власть над миром духов и освобождающие скрытые силы человека. Йогачары считали, то, овладев искусством тантрийских заклинаний и особыми приемами тантрийской медитации, можно гораздо быстрее, чем средствами, указываемыми Махаяной (даже в течение одного перерождения!), достичь состояния просветления, слиться с божеством и выйти из круга перерождений.

Однако не следует думать, что заклинания и высшие силы все сделают за человека.

Прежде чем прибегнуть к практике тантры, ищущий должен пройти долгий путь самопознания и нравственного усовершенствования — им должно руководить страстное желание полностью отбросить причины страдания, он должен освоить теорию пустоты и стремиться к достижению полного просветления на благо всех живых существ. Лишь тогда, когда заложены прочные основы в движении по пути просветления, он может прибегнуть к помощи тантр. Мир тантризма сложен и многогранен. Существует четыре класса тантр. Однако только в тантрах высшей йоги уникальные особенности тантры представлены исчерпывающим образом. Следовательно, низшие тантры рассматриваются только как предварительные ступени к уровню тантр высшей йоги. Йога выступает здесь как средство достижения быстрого просветления.

Обычный человек, занимаясь медитацией, использует только грубые, верхние слои сознания. Поэтому для сохранения сосредоточенности на объекте медитации и избежания отвлечений требуются большая внимательность и бдительность. Если бы человек мог обойтись без грубых слоев сознания — например, без процесса сознательного мышления, который очень отвлекает, — не было бы нужды в, постоянной острой внимательности и бдительности. В тантрах высшей йоги объясняется особая техника медитации для растворения и устранения грубых слоев психики: сознание приводится к глубочайшему уровню, который именуется «ясным светом», где уже нет опасности отвлечься. (Надо заметить, что сам Асанга и первые йогачары только наметили путь развития буддийского тантризма. Подробнее это учение было разработано в следующие века, причем уже не в Индии, а в Тибете, среди ламаистов. Именно тогда сложилось третье направление в буддизме: тантрийская

Ваджраяна — «Алмазная колесница», — предлагавшая особый, отличный от Хинаяны и Махаяны, путь к просветлению.) Одной из основных догматических книг ламаизма в настоящее время является «Калачакра-тантра», приписываемая самому Будде, но в действительности созданная в Северной Индии около X в. В «Калачакра-тантре» подробно объясняется вся внутренняя структура тела практикующегося.

Основываясь на глубоком постижении природы собственного тела, он находит важнейшие центры тела и в медитации проникает в них. Благодаря этому он обретает способность останавливать движения грубых слоев сознания и преобразовывать тончайший уровень ясного света в сущность пути, в мудрость, постигающую пустоту. С помощью такой координации ума и тела практикующий может ускорить процесс полного просветления. Считается, что дух его обращается к сущности Будды, в то время как его тело с помощью условных знаков выражает его атрибуты. Таким образом, уподобляясь во время медитации Будде, человек как бы превращается в него и сам становится божеством.

В трудах Асанги были разработаны и некоторые другие основополагающие вопросы буддийского вероучения. Не касаясь всего остального, остановимся кратко на оригинальной йогачаровской модели психокосмоса. Как уже говорилось, взаимоотношение «материального» и «идеального» было едва ли не самой главной проблемой древнеиндийской философии. Будда много сил потратил на то, чтобы убедить своих последователей в никчемности и суетности материального мира, который весь, по его словам, есть мучение и страдание. Потом Нагарджуна, развивая это положение Учителя, утвердил основой всего сущего пустоту. Асанга довел буддийскую философию отрицания до логического конца, объявив, что окружающего объективного мира не существует вовсе, что весь он есть только иллюзия нашего сознания и по сути своей не более реален, чем сновидение. Он писал, что подлинный, реальный мир совершенно скрыт от наших чувств и представлений и только особое сосредоточение мысли (йога) позволяет живому существу познать высшую истину и ведет его к состоянию Бодхисаттвы.

На первый взгляд это положение легко опровергнуть, причем для этого даже не нужно прибегать к философии. Достаточно самых обыденных примеров. Разве может окружающий мир быть иллюзией, если мы адекватно реагируем на него? Мы срываем плоды, и в руках у нас оказываются фрукты, а не камни. Мы отправляемся в путь и приходим в то место, куда собирались попасть, а не в какое-то другое. По-видимому, этого не могло бы происходить, если бы все, существующее вне нас, было иллюзией, обманом наших чувств. Однако на самом деле все намного сложнее. Асанга не отделял в своих рассуждениях внутренний мир от внешнего. Все проявления человеческой психики: память, эмоции, чувства, представления и т. п. — все это, по его словам, как и мир внешний, тоже является иллюзией. Реально только сознание, которое по сути своей пусто и существует в пустоте. За пределами нашего сознания проносятся мельчайшие частицы некоего высшего, духовного сверхбытия, которые есть элементы истинно-реального мира. Вся сложность отношения с этим миром состоит в проблеме восприятия. Для того чтобы «отразить» его, сознание должно быть определенным образом подготовлено. Обычное же

человеческое сознание не воспринимает этого мира и потому как бы и не существует в нем.

Но в чем же тогда оно существует? Асанга считал, что элементы истинно-реального мира порождают в неподготовленном сознании бесконечный поток дхарм, которые есть не что иное, как мельчайшие, неделимые частички нашего восприятия (или, говоря другими словами, представляют из себя непрерывный поток мгновенно сменяющих друг друга впечатлений, чувств, мыслей, настроений, заполняющих наше сознание). В своей совокупности, вспыхивая на кратчайшие мгновения и тут же сменяясь новыми, дхармы «творят» все, что протекает в человеческом сознании, — воспринимаемый им мир и все формы психического процесса — представления, идеи, эмоции. Так создается то, что в обыденном понимании называется личностью, то есть индивидуальное сознание со всем его психическим содержанием и переживанием внешних явлений. Внешний мир оказывается при таком подходе лишь составной частью личности, а все, что мы воспринимаем и чувствуем (будь то солнце в небе, соседний дом, наши дети, ломота в суставах, вкус пищи, воспоминания Детства и т. д. и т. п.), не существует на самом деле — все это есть лишь иллюзия, порожденная мельканием дхарм.

Но как может получиться, что люди (допустим, члены одной семьи или соседи, живущие поблизости) общаются друг с другом, понимают и вообще видят, чувствуют и помнят одно и то же? Разве не следует из этого, что внешний мир первичен, а наше сознание есть лишь его отражение? Оказывается, что не следует. Дело в том, что внешний мир (как и отношение к нему личностного сознания) ни в коей мере не является случайным. Характер личности и переживаемого ею мира всецело зависит от особой составляющей каждой личности — ее кармы. Карма данного перерождения формируется в предыдущих перерождениях и определяется всей суммой злых и добрых дел (и даже помыслов) всех прежних перерождений. Карма есть как бы характеристика способности сознания к восприятию. Люди со сходными или близкими кармами «представляют» себе окружающую действительность одинаковым образом, и потому эта «действительность» обретает иллюзию объективности. Предположим, один человек встречает другого, разговаривает с ним и пожимает ему руку. Разве это говорит о том, что наши зрительные образы, ощущение теплоты человеческого тела и звуки речи реальны? Вовсе нет — все это иллюзия, но такая иллюзия, которую два человека (в силу близости их карм) воспринимают совершенно одинаково. Этот пример позволяет легко понять остальное: весь видимый, ощущаемый и познаваемый нами мир, вся Вселенная, есть грандиозная иллюзия, переживаемая нами одновременно со всеми другими живущими. Мы как бы любим, как бы рождаемся, как бы умираем и как бы живем, хотя на самом деле ничего этого не происходит, так как все происходящее есть лишь порождение нашего коллективного восприятия. А поскольку не все кармы сходны между собой, число таких «якобы существующих» вселенных беспредельно.

В дальнейшем богатая фантазия буддистов расписала этот иллюзорный психокосмос тысячами ярких красок. Сложилось представление, что каждая вселенная имеет несколько уровней и небес. Под земными мирами располагаются ады, где испытывают неисчислимые

муки человекоподобные адские существа — бириты. Их иллюзорный мир являет наиболее мрачную и неблагоприятную картину, но это закономерная расплата за грехи, совершенные в прошлых перерождениях. Пребывание в аду, как и все вообще, определяется кармой, и мучения длятся до тех пор, пока не будет истощена сила деяний, ставших причиной дурной участи. Только после этого у живого существа появляется возможность «родиться» в каком-нибудь из миров, напоминающих наш земной. Формы «появления» здесь могут быть различны. Можно «ощутить себя» животным, можно — человеком, а можно — асуром (духом). Все зависит от кармы. Те живые существа, которые стараются улучшить свою карму, в конце концов «попадают» в один из небесных, райских миров, населенный богами. Райская страна Сукавади нашей Вселенной, согласно буддийским мифам, представляет собой поверхность прекрасного озера, покрытую белыми и красными цветами лотоса. Эти цветы служат ложами для обитателей небесного царства. Понятно, что «пребывание» в раю есть награда за добрые деяния, но для правоверного буддиста оно вовсе не является венцом всех его желаний, ибо он ни на минуту не забывает о главном — о том, что и рай и ад на самом деле не существуют, что они такие же иллюзии, как и все остальное.

Улучшая свою карму, живое существо все более «проясняет» свое сознание, которое начинает правильнее воспринимать элементы истинно-реального мира. Над первыми шестью небесами (которые вместе с земными мирами образуют уровень пожеланий, или сансару) «располагается» другой уровень — отвлеченных форм и идей бытия. Здесь также «существует» бесчисленное количество миров со своими обитателями, чьи представления о мироздании более правильные, чем у нас. Впрочем, и тут живые существа продолжают пребывать в мире иллюзий. И только самый высший, третий, уровень — бесформенности, где уже нет никаких форм и никаких признаков существования — есть в подлинном смысле реальность. Это обитель Будд, которые не подчинены ни ограничениям пространства, ни ограничениям времени и в которых нет ничего — ни мысли, ни безмыслия, а одна только Великая Пустота.

Заметим, что в вероучении йогачаров Пустота играла такую же важную роль, как в философии Нагарджуны. Ибо Пустота есть не что иное, как духовная сущность Будды Будд — Адибудды, Которого можно воспринимать как своеобразный буддийский эквивалент индийского Брахмана или даосского Дао. Адибудде подвластны Будды всех миров. Он всеведущ, всемогущ и вездесущ, и Он Единственный, Кто в Своем существовании не зависит ни от кого. (Поэтому Его называют также Сваямбой, или «Существом, Имеющим бытие через Самого Себя».) В силу Своего совершенства Адибудда никак не проявляет Себя в том иллюзорном мире, который называют «материальным» и который, по-видимому, для него просто не существует.

Действительно, законы, управляющие психокосмосом живых существ, хотя и определены Адибуддой, но связаны с Ним не непосредственно. Некорректно и неправильно поэтому говорить, что Он является творцом мира и каким-либо образом выказывает здесь Свою волю. Этого нет, и обычный человек не должен ожидать от Адибудды ни помощи, ни возмездия. (Недаром поэтому буддизм называют самой

атеистической религией из всех существующих.) Но поскольку Великая Пустота пронизывает собой все, то все живое несет в себе частицу Адибудды и именно поэтому обладает потенцией для самоусовершенствования. Среди бесчисленных вселенных иллюзорного мира есть немало таких, в которых живые существа постепенно улучшают свою карму. А поскольку каждая вселенная есть по сути только коллективная иллюзия — результат нравственных деяний ее обитателей, то ее бытие всецело зависит от их карм. Когда большая часть живых существ достигает высших райских уровней, их прежний, как бы мы сказали, «материальный» мир гибнет и прекращает свое существование. Затем точно так же «исчезают» и обращаются в пустоту высшие миры. Разрушения не затрагивают только бесформенный мир. Те из живых существ, которые в силу своих заслуг достигли этого уровня, переживают здесь кальпу пустоты. Однако, не будучи Буддами, они не могут оставаться там вечно. Грехи прошлых перерождений начинают тяготить их и в конечном итоге вновь погружают в низшие уровни, давая тем самым толчок к возрождению материальных миров. Постепенно опускаясь, райские жители переходят в форму земных и адских существ, так что весь круг развития повторяется.

Таким образом, извечный круговорот миров — это как бы неизбежное следствие круговорота существ. А круговорот существ вызван грузом грехов и добродетелей их предшествующих существований, их кармы, законы которой главенствуют над всем остальным. (Заметим в заключение, что с точки зрения христианского мышления эта картина выглядит несколько парадоксально, так как за грехом здесь как бы признается созидающее начало, а за Добродетелью — напротив, разрушающее. Однако с точки зрения буддизма с его учением о пустоте никакого парадокса здесь нет.

Весь этот видимый иллюзорный мир есть зло, ничтожество, мучение; его запустение и в конечном счете исчезновение — благая цель всего существования.)

Хуэй-нэн

Перенесение буддизма с родной индийской почвы в культуру и повседневную жизнь Китая может считаться одним из самых значительных событий в истории этого вероучения. Процесс его укрепления и развития здесь был сложным и длительным.

Понадобилось несколько веков, прежде чем буддийская религия распространилась в Срединной империи. При этом буддизм сильно китаизировался и приобрел специфические черты, позволяющие говорить о нем как об особенном вероучении.

Среди многих новых школ, появившихся в середине I тысячелетия, самым оригинальным явлением, развившимся на китайской почве, стало учение Чань-буддизма.

Считается, что Чань зародился в Индии как медитативная школа «дхьяны» буддизма Махаяны. Для ее последователей наиболее важным моментом среди огромного количества легенд о Будде был факт его просветления. Сторонники этой секты призывали своих последователей

чаще отрешаться от внешнего мира и, следуя древнеиндийским традициям, погружаться в себя, концентрировать свои мысли и чувства на чем-либо одном, сосредоточиваться и уходить в бескрайние глубины сущего и таинственного. Целью дхьяны было достижение транса в процессе медитации, ибо считалось, что именно в состоянии транса человек может дойти до затаенных глубин своего «я» и найти прозрение, истину, как это случилось с самим Гаутамой Шакьямуни под деревом Бо (Бодхи). В Китае санскритическое слово «дхьяна» стали обозначать иероглифом чань, имевшим смысл «отстранение» или «избавление». (В наше время Чань-буддизм сохранился только в его японской форме Дзэн-буддизма.)

Опыт просветления, обретенный Буддой, передавался затем из поколения в поколение его последователями и учениками. Согласно традиции Чань-буддизма, первым, кто принял этот опыт, был знаменитый Кашьяпа. После него было 28 индийских патриархов Чань, непрерывно передававших это учение. Последний из них –

Бодхидхарма — перенес его в Китай. Считается, что он происходил из семьи брахманов Южной Индии и, возможно, даже принадлежал к царскому роду. После долгого и трудного путешествия Бодхидхарма в середине VI в. прибыл в Южный Китай. Его появление произвело настоящую сенсацию среди китайских буддистов.

Ибо, хотя окончательно школа Чань сложилась спустя лет двести после смерти Бодхидхармы, едва ли можно сомневаться, что уже в его проповедях оригинальная суть этого учения была ясно обозначена. Многочисленные легенды подтверждают это.

Вскоре после приезда Бодхидхарма встретился с южнокитайским императором У-ди (502–550) — основателем династии Лян, который всю свою жизнь был ревностным буддистом. У-ди будто бы сказал своему гостю: «После вступления на трон я возводил храмы, переписывал сутры и принимал вступление в монашество. Какие заслуги я этим приобрел?» Бодхидхарма ответил: «Никаких». Император удивился: «Почему никаких заслуг?» Бодхидхарма отвечал: «Все это нечистые устремления к заслугам: при помощи них добиваются созревания ничтожного плода и рождения в форме человеческого существа или дэва. Они подобны теням, следующим за формами, но сами по себе не являются реальностью». Император спросил: «Тогда что же представляют собой подлинные заслуги?» «Это чистое знание, чудесное и совершенное, — отвечал Бодхидхарма. — Его сущность — пустота. Таких заслуг невозможно достичь при помощи мирских средств». Император спросил: «А каков первый принцип священной истины?» Бодхидхарма ответил: «Безграничная пустота, ничего святого». «Тогда кто же стоит передо мной?» — поинтересовался император. Бодхидхарма ответил: «Не знаю».

После этого, оставив разочарованного У-ди, Бодхидхарма на листке тростника переплыл широкую реку Янцзы и поселился в монастыре Шаолинь-сы, где в течение девяти лет неподвижно сидел в медитации перед одной из стен. Перед смертью он вручил печать — то есть традицию чаньских патриархов — своему ученику Хуэй-кэ.

Этот второй патриарх школы Чань, согласно легенде, обрел просветление следующим образом. Едва познакомившись с Бодхидхармой, он безусловно принял его учение и последовал за ним в монастырь

Шаолинь-сы. Решив любой ценой достичь высочайшего просветления, Хуэй-кэ день и ночь осаждал его вопросами.

Однако погруженный в медитацию учитель демонстративно не обращал на него внимания. Но однажды, в холодную декабрьскую ночь, когда бушевала буря, Бодхидхарма вдруг спросил у Хуэй-кэ, что ему надо. Тот сказал: «Сознание вашего ученика еще не успокоилось. Прошу вас, учитель, успокойте его». Бодхидхарма сказал: «Принеси мне твое сознание, и я его успокою». Хуэй-кэ выхватил острый нож, отсек себе правую руку у локтя и преподнес ее Бодхидхарме со словами: «Я искал свое сознание, но оно совершенно недостижимо». Бодхидхарма сказал: «Я полностью его в тебе успокоил».

Семя учения, брошенное Бодхидхармой, дало в Китае обильные всходы. Каждое следующее поколение чань-буддистов оттачивало технику медитации. Согласно легенде, четвертый патриарх Чань, Дао-синь (580–651), оставил своим ученикам следующее наставление: «Занимайтесь со всей серьезностью сидячей медитацией.

Сидеть в состоянии медитации важнее, чем все прочее. Очень хорошо провести в медитации не меньше 35 лет, утоляя голод скудной пищей и держа закрытыми двери чувств. Не читайте сутр и ни с кем их не обсуждайте. Если вы будете усердно совершенствоваться, то сами в первую очередь и получите от этого пользу. Подобно тому, как обезьяна вполне удовлетворена, когда вкушает сердцевину ореха, очень немногим удается довести свою сидячую медитацию до исполнения». Таким образом, уже в это время основное внимание школа Чань уделяла не чтению сутр, а медитации.

Однако окончательную форму, свое полное выражение Чань впервые обрел в «Сутре Шестого патриарха» замечательного буддийского мыслителя Хуэй-нэна (638–713), которая и по сей день занимает ключевую позицию среди священных дзэнских текстов. Именно благодаря Хуэй-нэну школа Чань обрела яркую оригинальность, так что его учение находится у истоков всех необычайно разветвленных потоков современного Дзэн-буддизма. Жизнь Лу (так звали Хуэй-нэна до принятия им монашеского обета) была полна превратностей и неожиданных поворотов. В своей автобиографии он так говорил о себе: «Мой отец первоначально был чиновником в Фаньяне. Позднее его сместили и сослали как простолюдина в Синьчжоу, в провинции Линнань. Отец скончался, когда я был еще ребенком, и тогда моя мать вместе со мной, сиротой, перебралась в Наньхай. Мы терпели крайнюю нужду, и там я продавал хворост на рынке». Однажды юный Лу услышал, как один из покупателей прочитал несколько стихов из «Алмазной сутры».

Тут он сразу прозрел и отправился на Восточную гору, чтобы отыскать там пятого патриарха школы Чань, Хун-жэня (согласно традиции, он родился в 601 г., а умер в 674 г.). Патриарх спросил Лу о его происхождении и затем бесстрастно заметил, что варвару с юга не удастся стать Буддой. На это Лу ответил. «Хотя люди на юге отличаются от людей севера, но в природе Будды нет ни севера ни юга». Этот смелый и меткий ответ понравился патриарху. Он разрешил пришельцу присоединиться к его ученикам и поручил ему обмолачивать рис. «Этим делом я занимался в течение восьми месяцев», — говорил позже Хуэй-нэн.

Однажды Хун-жэнь созвал своих учеников и сказал им: «Пусть каждый из вас напишет по стихотворению и поднесет мне. Я прочту ваши стихи, и если пойму, что кто-то из вас пробудился и постиг основной смысл бытия, передам ему платье патриарха и Дхарму, чтобы он стал шестым патриархом. Спешите, спешите!» Озадаченные требованием учителя, ученики стали совещаться между собой и сошлись во мнении, что написание стихотворения должно быть доверено первому из них — Шэнь-сю.

Будучи начитанным в сутрах, Шэнь-сю тем не менее еще был далек от просветления, и требование наставника повергло его в смятение. Наконец он сочинил стихотворение и в полночь написал на средней стене Южного зала монастыря следующие строки:

«Тело является древом Бодхи.
Сознание же подобно чистому зеркалу.
Нам следует всегда его протирать.
И не допускать, чтобы на нем оставалась пыль».

На следующее утро Хун-жэнь первым увидел эти строки. Созвав всех монахов, он воскурил перед надписью на стене благовоние. Ученики преисполнились удивления и решили, что вопрос о наставнике решен. Но они ошиблись. Патриарх отозвал Шэнь-сю в сторону и прямо спросил его об авторе стихов. Когда Шэнь-сю признался, что надпись принадлежит ему, Хун-жэнь сказал. «Написанное тобой стихотворение свидетельствует о том, что ты еще не обрел истинного понимания. Ты уже стоишь у ворот, но еще не можешь войти внутрь». И патриарх распустил учеников, повторив свое задание. Между тем Лу, занятый молотьбой риса, ничего не знал о воле Хун-жэня. О стихах Шэнь-сю и о постигшей его неудаче он случайно услышал от проходившего мимо монаха. Он попросил отвести его в зал и прочесть написанные на стене строки. Сам он был неграмотный и не понимал значения иероглифов. Однако в его просветленном сознании тут же сложились новые стихи, и он попросил написать их на западной стене зала. Они гласили:

«Изначально нет дерева и просветления,
Нет и подставки для него с чистым зеркалом.
Поскольку изначально ничего не существует,
Откуда к нему может прилипнуть пыль?»

Все ученики были изумлены силой мысли этого безграмотного поселянина. Но наставник остался сдержанным и сказал: «Это еще неполное просветление». (Видимо, он не сразу осознал глубочайший смысл стихотворения.) Однако в полночь Хун-жэнь призвал к себе Лу и сказал ему: «Я объявляю тебя шестым патриархом. Подтверждением этого является платье, и оно будет передаваться из поколения в поколение. Моя Дхарма будет передаваться от сознания к сознанию. Ты должен вести людей к пробуждению». Затем Хун-Жэнь велел новому патриарху немедленно отправляться на юг и лично проводил его до станции Цзюнцзян

в провинции Цзянси. После ухода Лу он отказался читать ученикам какие-либо лекции по буддийскому учению, объявив, что буддийская Дхарма переместилась на юг. За три дня до своей кончины он еще раз подтвердил, что шестой патриарх теперь находится на юге.

В различных биографиях по-разному излагаются последующие события жизни Лу. По крайней мере никаких значительных изменений в его судьбе не произошло, и следующие 16 лет он провел в совершенной безвестности. Переломным событием для него стала встреча в монастыре Чжичжи со знаменитым буддистом Инь-цзуном, который читал лекции по «Нирвана-сутре». Однажды между его учениками завязался спор по вопросу о том, что движется: флаг перед храмом или дующий ветер Лу положил ему конец, заявив, что движется сознание. В тот же вечер Инь-цзун призвал Лу к себе в келью, чтобы спросить о Дхарме Хун-жэня. Лу признался, что он является следующим патриархом Дхармы, и в доказательство этого показал Инь-цзуну патриаршее платье. Инь-цзун выразил ему глубокое почтение и завел с ним философский разговор. Тут Лу объяснил ему, как следует постигать природу сознания и что природа Будды пребывает за пределами любых противоречий. «Путь Будды — это Дхарма недвойственности», — сказал он. Инь-цзун был потрясен этими словами и попросил Лу отныне быть его учителем.

После этого Инь-цзун лично провел церемонию принятия Лу монашеских обетов.

Сделавшись монахом, тот стал именоваться Хуэй-нэном. Согласно традиции, это произошло в 676 г. Затем Хуэй-нэн отправился на родину во главе 300 учеников, первым среди которых был Инь-цзун. Он стал признанным главой южнокитайской школы чань-буддизма и оставался таковым до самой смерти. Прослышав о его мудрости, император пригласил Хуэй-нэна ко двору. Патриарх отказался от этой сомнительной чести, но, тем не менее, удостоился официальных почестей. Статус места его проживания в Синчжоу был повышен до ранга храма и получил название Гоэньсы. Что касается северокитайских чань-буддистов, то они недоверчиво отнеслись к словам наставника о том, что Дхарма переместилась на юг. Когда Хун-жэнь умер, его ученики объявили Шестым патриархом Шэнь-сю. Вскоре между Северной и Южной школами Чань начались горячие споры о методе и смысле медитации. При этом последователи Шэнь-сю отстаивали идею постепенного просветления, которое является результатом долгого совершенствования, а сторонники Хуэй-нэна доказывали, что просветление может быть только внезапным и приходит к человеку как своего рода озарение. Таким образом, спор шел о самой сущности Чань-буддизма и о том, по какому пути пойдет в дальнейшем это учение.

Суть разногласий состояла в следующем. Как уже говорилось, в призрачном мире сансары все живые существа наделены заблуждениями и страстями. Хотя в реальности страстей не существует (с позиции Махаяны страсти, равно как и все явления этого зримого мира, пусты), однако о них непременно должны помнить все те, кто занимается медитацией. Как же относиться к этим тревожащим обстоятельствам, которые (как об этом говорилось в вышеприведенном стихотворении Шэнь-сю) подобно частицам пыли прикрывают безупречно чистое зеркало сознания? Отношение к этой

проблеме Северной школы выражено в метафоре Шэнь-сю: зеркало сознания следует непрерывно протирать, чтобы на нем не накапливалась пыль ошибочных понятий. Для этого-то и нужно заниматься медитацией, ибо во время медитации происходит постоянное очищение сознания, пока наконец не достигается просветление Хуэй-нэн, напротив, утверждал, что достижение просветления не зависит от медитации и между ними не существует никакой связи. Практика медитации не является ни причиной, ни следствием познания. Она есть обстоятельство внешнее, вспомогательное и конечном счете неважное. Ключевым же является непривязанность сознания или безобъектная медитация, не направленная на что-то конкретно. Хуэй-нэн говорил, что нет необходимости постоянно очищать сознание, поскольку его изначальная чистота остается и в сансаре незагрязненной. «Солнце и Луна, — учил он, — всегда ярко сияют. Даже когда их закрывают тучи, внутри они остаются светлыми, и лишь снаружи — темными. И тогда невозможно отчетливо рассмотреть солнце, луну, планеты. Но если вдруг подует ветер мудрости и рассеет тучи и туманы, то сразу проявляются все формы Вселенной. Чистота природы человека в этом мире подобна голубому небу; мудрость подобна Солнцу; знание подобно Луне.

Хотя знание и мудрость всегда чисты, если вы привержены ко внешним проявлениям, то плывущие облака ложных мыслей окутают их, и чистота вашей природы не сможет проявиться». «Основой моего учения, — продолжал он, с древнейших времен до наших дней есть не-мышление, сущностью которого является бесформенность, а основанием — не-пребывание. Бесформенность следует отличать от формы, даже когда она связана с формой. Не-мышление состоит в том, чтобы не думать, даже когда думаешь. Не-пребывание — это изначальная природа человека».

Заниматься медитацией нужно без всякой конкретной цели, в состоянии полной свободы. Единственное, к чему должен стремиться медитирующий — это избегать любых форм привязанности, ибо страсти именно тогда и возникают, когда человек привязывается к внешним объектам. Только при этом условии, часто даже неожиданно для самого медитирующего, ему может открыться истина, и произойдет внезапное пробуждение к мудрости. Хуэй-нэн говорил: «Дао должно проявляться спонтанно; зачем же заблуждающийся человек ему препятствует». Если сознание не привязано к вещам, то Дао перемещается свободно. Если сознание привязано к вещам, оно становится скованным». (Дао у китайских буддистов считалось аналогом индийской праджни — мудрости.)

Понятие «не-мышления» или «не-думания» несет в себе самую суть учения о внезапном просветлении. Этим словом обозначается прежде всего не-привязанность сознания. Ибо сознание, которое ни к чему не привязано, является свободным и чистым. «Не-думание» и «не-сознание», по словам ученика Хуэй-нэна, Шэнь-хуэя, одновременно существует и не-существует, оно невыразимо и непостижимо. Однако не следует понимать «не-думание», «не-сознание» в психологическом смысле. Цель этого состояния не в том, чтобы отделить рациональное мышление от воображения, равно как и не в состоянии полной пассивности. В обоих случаях это было бы ближе к методам медитации Северной школы, направленной на «очищение сознания от пыли».

Между тем Хуэй-нэн провозглашал, что зеркало истины сияет постоянно, независимо от того, есть перед ним объект или нет. «Не-сознание» отождествляется с всматриванием в собственную природу, которое есть в то же время проникновение во все сущее. Только так, избавившись от всего внешнего и внутреннего, можно познать свое «я», обрести изначальную природу Будды и полное освобождение. Хуэй-нэн говорил: «Если вы познали свое изначальное сознание, то это уже и есть освобождение… Ибо, что такое без-мыслие? Дхарма без-мыслия означает, что даже если вы видите все вещи, вы к ним не привязаны… Если вы пробудились для Дхармы без-мыслия, значит, вы окончательно проникли во все сущее и узрели царство Будды. Если вы пробудитесь к внезапному учению без-мыслия, это значит, что вы достигли уровня Будды…»

Таковы были два взгляда на сущность медитации и просветления, высказанные главами обоих школ. Впрочем, сами патриархи не опускались до взаимных нападок.

Острые споры развернулись уже в VIII в. между их учениками, вскоре после смерти Хуэй-нэна и Шэнь-сю. В конце концов более каноническая северная ветвь пришла в упадок и практически заглохла, а идеи Хуэй-нэна, нашедшие отражение в «Сутре Шестого патриарха», стали основой для последующего развития секты в ее китайском (чань) и японском (дзэн) вариантах.

Познать истины чань-буддизма и понять его принципы было не просто, для этого требовалась специальная длительная подготовка. Прежде всего, ищущему говорили, что вся книжная премудрость ничего не значит, что не существует никаких канонов и никаких авторитетов. Главное — это интуиция и самовыражение. Истина есть озарение. Оно нисходит на тебя внезапно, как интуитивный толчок, как внутреннее просветление, как нечто, чего нельзя выразить словами и образами. К постижению и принятию этого озарения нужно готовиться. Однако и подготовленному человеку не гарантировано, что он постигнет Истину. Он должен терпеливо ждать своего часа.

Наставник мог подтолкнуть ученика к просветлению различными неординарными поступками. Первым это стал практиковать Ма-цзу, который принадлежал к третьему поколению чань-буддистов после Хуэй-нэпа. Пишут, что однажды при завершении парадоксальной беседы он вдруг ухватил своего ученика Бай-чжана за нос и дернул его так сильно, что ученик завопил от боли — после чего достиг просветления.

Впоследствии всякого рода «странные слова и необычные поступки» стали широко использоваться в практике чань. Удары палкой и крики приобрели у позднейших чаньских наставников особенное значение и превратились в неотъемлемую часть Чань.

Цонкхапа

В то время, когда в Китай прибыл основатель школы Чань Бодхидхарма, в Тибете начали свою деятельность первые проповедники буддизма. Тибет был тогда варварской горной страной, находившейся на самой окраине цивилизованного мира.

Однако именно ему суждено было стать с течением времени важнейшим мировым центром буддизма, тем местом, где это вероучение получило самое полное развитие и сделалось подлинным источником умственного и нравственного образования для всего народа. Нигде более на Востоке буддизм не сумел добиться такой полной победы над другими вероучениями, нигде более не обрел он такого прочного положения среди населения и такой власти над умами. Здесь же сложилась самая мощная в мире иерархическая буддийская церковь, получившая по прозванию духовенства наименование ламаистской. (Ламы — буддийское монашество Тибета; буквально «лама» переводится как «высочайший».) На протяжении нескольких веков, вплоть до середины XX в., ламы сосредоточивали в своих руках всю полноту духовной и светской власти над Тибетом. Впрочем, это произошло не сразу. Понадобилось несколько веков кропотливой «буддизации» и «ламаизации», прежде чем структура тибетского общества приобрела свой законченный вид и сделалась как бы продолжением ламаистской церкви, возглавляемой великим Далай-ламой. Честь окончательного обустройства тибетской религиозной общины принадлежит великому средневековому проповеднику Цонкхапе, которого можно рассматривать и как последнего великого теоретика буддизма, завершившего в своих трудах двухтысячелетний процесс формирования этого вероучения.

Цонкхапа появился на свет в то время, когда история ламаизма насчитывала уже без малого восемь веков. Как уже говорилось, буддизм проник в Тибет в V в., но широкое распространение получил только в VII в. при правителе Сронцзан Гамбо, который, подобно индийскому Ашоке, был великим покровителем этой религии. Две его жены — принцесса непальская и принцесса китайская — явились к его двору со свитой буддийских монахов, а также с множеством буддийских сочинений и святынь.

Они очень помогли царю в его религиозной деятельности. Затем, в VIII в., при царе Трисондэцене, в Тибете проповедовал индийский монах Подмасамбхава, пользовавшийся широкой поддержкой двора. Буддизм, преподанный им тибетцам, восходил к школе Асанги, то есть испытал значительное влияние йоги и тантризма.

Огромное значение с тех пор при отправлении культа стали играть магия и всевозможные заклинания. Но в начале IX в. буддизм подвергся суровым гонениям и пришел в упадок. Царь Лангдарма велел разрушить многие храмы и уничтожить изображения Будд. Священные книги были сожжены, а ламы насильственно превращены в охотников и мясников. Всякий, кто противился этому, немедленно предавался смерти.

Следующие два столетия были временем язычества. Только в середине XI в. очередной выходец из Индии, Атиша, вновь возродил в Тибете буддизм, проведя ряд реформ, направленных на укрепление здесь традиций классической Махаяны. Его усилиями было создано несколько крупных монастырей, ставших затем важными буддийскими центрами. Но реформами Ати-ши оказались недовольны последователи Падмы Самбхавы, которые по-прежнему в своей религиозной практике делали упор на магию, нежелали слышать о строгой дисциплине и безбрачии.

Объединившись вокруг влиятельного монастыря Сакья, они выступили против нововведений. С этого времени началась упорная борьба между двумя тибетскими школами — красношапочниками (одежду красного цвета носили приверженцы Падмы Самбхавы) и желтошапочниками (это был символ классического буддизма сторонников Атиши). Окончательный успех буддизма и завершение процесса формирования его тибетской разновидности — ламаизма были связаны с реформами Цонкхапы.

Цонкхапа родился в 1357 г. в стране Амдо, к юго-востоку от Желтого озера. Родителями его были пастухи, кочевавшие в одной из лощин Амдо. Они были очень бедны: все их имущество заключалось в двадцати козах и нескольких яках. Легенда повествует, что однажды жена пастуха пошла к ручью за водой. Наклонившись, она увидела в воде странное мужское лицо. Вдруг ей стало дурно, и она в бессознательном состоянии упала на большой камень, исписанный несколькими изречениями в честь Будды Шакьямуни. Очнувшись, она почувствовала боль в боку и узнала, что забеременела от этого падения. Когда у нее родился сын, отец дал новорожденному имя Цонкхапа по названию горы, у подножия которой он жил уже несколько лет. Пишут, что мальчик родился со светлой бородкой и имел величественное выражение лица. В его образе не было ничего детского, а говорить он научился чуть ли не с самого рождения. Правда, говорил он редко, но зато все его речи были глубокомысленны и мудры. Когда ему исполнилось три года, Цонкхапа отказался от мира и сделался отшельником. Он удалился в самую глухую страну гор и жил в таком строгом уединении, что даже не виделся со своими родителями. Все время он проводил в медитациях, много молился, совсем не употреблял мяса и щадил жизнь даже мельчайших насекомых. Однажды из дальних западных стран в Амдо пришел один ученый лама и был гостеприимно принят отцом мальчика. Познакомившись с Цонкхапой, он был поражен его религиозным рвением и необыкновенными способностями. Уступив просьбам мальчика, он в течение нескольких лет был его наставником. Под его руководством тот изучил все части и ветви закона, равно как и различные способы понимания и объяснения его, а также всю ламскую медицину, астрологию, магию и познакомился со всеми философскими школами. Когда наставник-лама умер, Цонкхапа отправился в Тибет, чтобы постигать тайны учения по первоисточникам. Странствуя по монастырям, он наблюдал распущенность духовенства, злоупотребление чародейством и забвение древнего учения. Вместе с тем он изучил философию йогачаров и углубился в тайны тантризма.

Наконец, с большим трудом Цонкхапа добрался до столицы Тибета Лхасы и поселился в дальней части города. Здесь ученый и красноречивый юноша вскоре обратил на себя общее внимание и быстро сделал духовную карьеру. В 25 лет он получил звание гелуна, а затем смело выступил против красношапочников. Желтошапочники сразу увидели в Цонкхапе своего духовного лидера. Вокруг него собрался кружок последователей, который стал быстро расти, так что возбудил наконец внимание фактического главы тогдашней ламской церкви, великого ламы монастыря Саскья.

Желая убедиться в том, что молодой реформатор действительно обладает теми достоинствами, которые ему приписала молва, великий лама пригласил Цонкхапу к себе. Но тот проигнорировал приглашение.

Тогда великий лама решил сам побывать у «маленького ламы из провинции Амдо» и своим авторитетом возвратить его на путь истинный. Во всем блеске своего сана он отправился в келью Цзохавы, но когда он вступил на порог, его красный головной убор упал на пол. Это было предзнаменованием триумфа для желтых шапок. Цонкхапа сидел на войлоке со скрещенными ногами и, не обращая внимания на вошедшего, перебирал четки. Великий лама начал речь, в которой старался доказать превосходство старого культа над новым. Цонкхапа, не удостоив его даже взглядом, прервал речь гостя словами: «Ничтожный! Как ты жесток. Ты пальцами своими убиваешь вошь, я слышу ее вопли и стоны, и это печалит меня». Действительно, великий лама в этот момент поймал вошь и раздавил ее пальцами, забыв главнейшую заповедь Будды, по которой убийство живых существ считалось величайшим грехом. Пораженный его проницательностью, великий лама не знал что ответить. Он пал перед Цонкхапой и открыто признал его превосходство над собой. С тех пор реформы Цонкхапы не встречали сопротивления. Его идеи стали быстро распространяться среди ламаистов.

Привлеченные славой его нечеловеческой мудрости, вокруг него вскоре собрались тысячи учеников из всех областей Тибета, которые образовали в начале XV в. на одной из окружающих столицу гор монастырь Галдан (то есть «Небесная радость»).

Этот монастырь, первым настоятелем которого был сам Цонкхапа, сделался метрополией желтого закона. Ученики Цонкхапы еще при его жизни основали два других монастыря — Дрепунг и Сэра. Число монахов во всех трех монастырях достигало 30 тысяч. Именно в их среде выработались основные принципы современного ламаизма.

Важным моментом этого учения было лояльное отношение ко всем основным направлениям буддизма. Цонкхапа писал, что все «три потока» (то есть три «колесницы») буддизма — Хинаяна, Махаяна и Ваджраяна — восходят к самому Шакьямуни и представляют из себя три пути к спасению, каждый из которых имеет право на существование. Ламаизм являет собой как бы слияние всех этих потоков в один. Всех людей по степени их мудрости и настойчивости в стремлении к спасению Цонкхапа разделил на три категории. Для первой категории похвальны даже туманные мысли о необходимости спасения. Средняя категория — это те, кто познал «четыре благородные истины» и ищет спасения по предписаниям Хинаяны. Высшая категория — те, кто способен подняться до понимания «великой роли Бодхисаттв» в спасении и применить приемы мистической медитации, предписанные Махаяной и Ваджраяной.

Цонкхапа писал, что для полного спасения необходимы:

1) дача обета спасения и соблюдение правил нравственности, то есть вхождение в двери «малой колесницы»;

2) овладение полнотой обетов Бодхисаттв, то есть вступление в двери «большой колесницы»;

3) принятие полноты обетов «колесницы Ваджры», а это значит «увидеть себя духом, совершающим сокровенные подвиги, достигающим полного результата созерцания, имеющим власть йоги».

К началу XV в. относят появление главного сочинения Цонкхапы «Великий путь по ступеням мудрости» («Ламрим»). Оно охватило

широчайший круг теологических вопросов: от глубоких метафизических проблем до детальной разработки основ монашеской жизни. Для лам труд Цонкхапы стал основополагающей книгой, где можно было найти ответы на все без исключения вопросы. Вместе с тем «Ламрим» излагал важнейшие положения учения о спасении для низшего разряда людей, то есть для тех, кто погружен в земные интересы и не задумался всерьез о необходимости спасения. Цонкхапа писал, что из-за отсутствия ясного понимания неизбежности смерти проистекает стремление к достижению блаженства и устранению страданий только дан- ной жизни, а это препятствует овладению открытыми буддизмом «законами спасения».

Обманчивая надежда на длительность жизни на земле («сегодня я не умру, может быть, не умру и завтра» и т. д.) влечет к земным наслаждениям, вызывает страсть к накоплению имущества, к почестям, что, в свою очередь, порождает гнев, гордость, зависть, то есть неизбежно ведет к новым страданиям и новым перерождениям. И наоборот, тот, кто убедил себя, что смерть может настичь его в любой момент, не будет отдаваться дружбе, заботиться о приобретении имущества, он обратится за помощью к ламе, чтобы отвратиться от греховных поступков. Однако страх перед неизбежностью смерти не должен иметь ничего общего с тем низменным страхом обычных людей, которые не хотят расстаться с благами жизни, родственниками, друзьями, со всем земным. Надо бояться смерти потому, что она является лишь рубежом «данного существования» и за ней наступает новое перерождение. А встретив смерть «неподготовленным», человек обречен будет в этом новом перерождении на еще большие мучения.

Постоянно подчеркивая важное значение, которое лама играл в спасении и наставлении мирян, Цонкхапа существенно сместил акцент буддийского учения. Сам Будда считал, что трудный путь к спасению лишь открыт им, а проследовать по нему каждый ищущий должен сам, опираясь на свои собственные силы. Классическая буддийская формула спасения провозглашала «три драгоценности»: Будда, учение, монашеская община. Цонкхапа дополнил эту триаду указанием на необходимость для спасающегося личного духовного наставника. В результате «символ веры» ламаизма получил у него такую формулу: «Преклоняюсь перед Буддой, преклоняюсь перед учением, преклоняюсь перед общиной, преклоняюсь перед духовным учителем (ламой)». Цонкхапа считал, что учение не может быть постигнуто ищущим непосредственно, без помощи духовенства. Конечно, без учения Будды — сутр — спасение вообще невозможно, но правильно преподать это учение может только лама.

Суммируя наиболее авторитетные сочинения, Цонкхапа показывал, что именно лама служит источником познания пути к спасению; он — условие завоевания блаженства и уничтожения порока. Без него возможность спасения не может быть реализована.

Поэтому ищущий спасения должен отрешиться от своего ума и отдать себя во власть «друга добродетели» — ламы. Почитание ламы должно рассматриваться как почитание самого Будды. В ламаизме Цонкхапы уже мало было провозгласить свою преданность Будде, дхарме и сангхе. Необходимым условием постижения сокровенной сути великого учения стала восходящая к буддийскому тантризму непосредственная

связь между учителем и учеником, причем связь глубоко личная, доверительная, с беспрекословным подчинением ведомого ведущему. Так главенство лам в тибетском обществе получило в «Ламриме» свое религиозное освещение.

Однако Цонкхапа не остановился на этом Он рассмотрел и реформировал буквально все стороны религиозной и церковной жизни тибетского буддизма. Он продумал сложную систему церковной иерархии, разработал примерный устав для ламских монастырей, твердо установил безбрачие лам и, что было особенно важно, разрешил им иметь собственность Он разработал многие детали обряда и культа, ввел в практику богослужения элементы театрального представления и музыку, учредил многие праздники. Он сильно ограничил практику магических обрядов, выступив против многого из того, что было принесено Падмой Самбхавой и стало привычным для красношапочников. Прежде всего запрет касался таких крайностей, как испускание огня изо рта, глотание ножей и т. п., граничивших с простым шарлатанством. Но те магические приемы, которые основывались на священных буддийских писаниях, остались в полной силе. (Важную роль в упорядочении этой стороны учения сыграло другое сочинение Цонкхапы «Великий путь тайных ступеней мантры», в котором были систематизированы важнейшие сочинения тантристов.) Цонкхапа умер в 1419 г. Его нетленные мощи длительное время сохранялись в монастыре Гандэн. Незадолго до смерти он объявил своими преемниками двух своих лучших учеников, завещав им постоянно возрождаться в дальнейшем. С этого времени тибетскую церковь всегда возглавляли два верховных ламы: Далай-лама, имевший резиденцию в Лхасе, и Богдо-лама, пребывавший в Ташилумпо, в Нижнем Тибете. Считалось, что по смерти они (через девять месяцев) воплощаются в младенцах мужского пола, которых надлежало избрать и после строгой проверки провозгласить очередным воплощением умершего ламы. При этом старший из двух, Далай-лама (величайший), стал считаться воплощением Бодхисаттвы Авалокитешвары, а другой, Панчен-лама, — воплощением Самого Амитабхи. С течением времени Далай-лама сосредоточил в своих руках высшую духовную и политическую власть и стал общепризнанным авторитетом всех приверженцев ламаизма и многих буддистов. Поначалу ламаизм исповедовался только в Тибете, но уже в XVI в. это вероучение широко распространилось среди монголов, а потом также среди бурятов, калмыков и тувинцев.

ДРЕВНИЙ ИЗРАИЛЬ

Моисей

Из трех существующих в настоящее время великих мировых религий две, а именно христианство и мусульманство, имеют свои истоки в религии древних израильтян.

Поэтому без преувеличения можно сказать, что религиозные искания древних евреев оказали огромное влияние на всю мировую культуру. Ибо лучшее из того, что было в религиозных воззрениях Вавилона и Египта, Ирана и Греции, нашло свое завершение в Ветхозаветной религии.

Как показывает исследование библейских текстов, это вероучение сформировалось не сразу; процесс его формирования был длительным и противоречивым. Однако основные положения его были впервые ясно высказаны и сформулированы древним пророком Моисеем. Еврейская традиция называет его основоположником иудейства. Мнение это можно принять, но только с существенными оговорками. Как повествует сама Библия, евреи не были в Палестине исконным населением. Задолго до их прихода здесь существовала своеобразная ханаанейская цивилизация, сильно повлиявшая на мировоззрение израильтян. Городскими центрами ханаанеев были Хацор, Мегиддо, Бейт, Шеан, Шхем, Гезер и Иерусалим. Местные жители веровали во множество богов, причем каждая местность, поселение, ремесло и сторона жизни имели собственное божество. Но существовали и великие, универсальные божества.

Пантеоны каждого города включали до нескольких десятков богов и богинь, которых народная фантазия уподобляла людям, наделяя их множеством человеческих страстей и слабостей. Во главе всех богов стоял Эль («Всемогущий»), который считался высшим авторитетом во всех человеческих и божественных делах. Его называли «Творцом Творений», величественным Отцом, царем богов и людей. В эпических поэмах Угарита Эль изображен царствующим посреди вселенского рая. Он всемогущ, мудр, благодетелен, добр и милостив; он — верховный судия. Однако культ Эля не являлся единым. Каждый ханааней-ский город чтил своего «собственного» Эля. Так, в Хевроне его почитали как Эль Шаддая («равнинного»), в Беэр Шева — как Эль Олам («Вечный»), в Иерусалиме — как Эль Эльон («Всевышний»). То есть по своей сути это были высшие божества местных общин. Кроме того, всемогущество Эля умалялось тем, что ханаанеи включали в свой пантеон и других могущественных богов. Большую роль в их мифах играл молодой и энергичный сын Эля — Ваал (сначала бог дождя, грома и молний, а потом бог плодородия). На этом фоне и стала развиваться еврейская религия.

О начале еврейского народа повествуют библейские предания об Аврааме и других патриархах. Согласно им, прародитель евреев Авраам происходил из шумерского города Ура Халдейского (располагавшегося у оконечности Персидского залива). Он, его отец Фарра, жена Сара и племянник Лот кочевали в долине Евфрата вверх по течению, пока не достигли Харрана — торгового города в Северной Сирии. Там Фарра умер, а Аврааму явился Бог и призвал его идти в Ханаанею, где он должен был стать родоначальником великого народа. Согласно Библии, Бог «избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и всему дому своему после себя ходить путем Господним, творя правду и правосудие». Но землю, обещанную им, евреи получили лишь спустя многие годы. После долгих скитаний по степям и пустыням Палестины потомки Авраама должны были из-за сильного голода переселиться в Египет, где им была предоставлена область Гесем (Гошен) на востоке Дельты. Тут, согласно преданиям, они обитали больше четырех веков.

О религии евреев этого периода мы почти ничего не знаем. Авраам, очевидно, был первым, кто отверг многобожие и уверовал в Единого Бога, позже известного как Яхве (сам Авраам называл его Элохим). Об

обстоятельствах религиозного обособления Авраама нам ничего не известно. Быть может, обращение Авраама стало своеобразным возрождением древней веры семитов. По крайней мере, повествование Библии имеет в виду, что Бог, открывшийся Аврааму, был известен людям задолго до него — его чтили Енох, Ной и другие древние праведники.

Религия, которую исповедовал Авраам и другие наследовавшие ему патриархи, не походила на ту, что была распространена в Ханаанее, ибо они верили не в богов отдельных областей, а в единого «Бога отцов», то есть в особое семейное божество, которое оказывает помощь и покровительство отдельному роду. Вера в Него не требовала ни изображений, ни храмов.

Жизнь патриархов Авраама, Исаака и Иакова подробно описана в первой библейской Книги Бытия. Но все это была только предыстория народа. Подлинная его история началась гораздо позже. Вероятно, при фараоне Сети I (1304–1290 гг. до Р.Х.) спокойной жизни евреев в Египте пришел конец. Сети развернул в дельте Нила широкомасштабные строительные работы. Рабочих рук не хватало. Тогда возник план привлечь к ним семитические племена Дельты. Пастухов Гесена пригнали на стройки и заставили тесать камень, делать кирпичи и таскать тяжести. Так кончился спокойный период их жизни — сыны Израиля оказались в «Доме рабства». В народной памяти эта пора запечатлелась как гнетущий кошмар. Особенно тяжело пришлось израильтянам, когда на престол вступил сын Сети — Рамсес II (1290–1224). Молодой фараон был родом из Нижнего Египта. Дельта стала постоянной его резиденцией, и он решил построить там большой укрепленный город — Пер-Рамсес. Значительную часть его строителей составляли евреи. Библия очень красочно повествует об их бедствиях и о том, как сыны Израиля, жестоко угнетаемые египтянами, изо дня в день должны были месить глину и изготовлять кирпичи. Под влиянием тяжелых лишений у израильтян в конце концов проснулось национальное самосознание Они вспомнили, что они лишь пришельцы в Египетской земле и вовсе не обязаны оставаться в ней до скончания света. Нужен был только человек, который возглавил бы их исход, и этот человек появился — им стал Моисей.

Известно, что он происходил из израильского племени левитов, тесно связанного с египтянами Библейская традиция сообщает о Моисее, что он был воспитан египтянами и что дочь фараона усыновила его. Однако, будучи выходцем из египетской среды, он не забыл своего азиатского происхождения. Когда он однажды увидел, как египетский надзиратель избивает на стройке израильтянина, он в порыве гнева убил мучителя. В результате ему пришлось бежать, и он скрылся в Синайской пустыне.

После долгих скитаний Моисей оказался в еврейском племени мадианитян, которое обитало тогда близ священной горы Синай на юге полуострова. Их вождь Рагуиль приютил беглеца и женил его на своей дочери. Много лет Моисей пас его стада на склонах Хоребских гор. Именно там с ним совершилось таинственное превращение в вождя и пророка Библия рассказывает, что однажды Моисей забрел далеко в горы и оказался в каком- то древнем святилище. Там из недр терновника, охваченного невиданным неопаляющим огнем, он услышал голос Божий,

призывавший его на служение. Смущенный и испуганный, Моисей пытался уклониться, но голос властно требовал, чтобы он шел как вестник неба к своему угнетенному народу и избавил его от рабства. Он должен привести евреев сюда, к святой горе, и Яхве (под этим именем Бог Авраама открылся Моисею) даст им во владение страну, где течет молоко и мед. С этого события, собственно, и начинается ветхозаветная религия. Бога, которому вверил себя Моисей, можно определить как некий синтез «Бога отцов», почитаемого патриархами, и Эля — верховного божества ханаанеев.

Вследствие чего из Бога-покровителя отдельного племени он обратился в Творца всего мира. Его обозначением на лишенном гласных иврите стало ЙХВХ — Яхве, или, как неправильно произносили это слово в Средние века — Иегова. Но вместе с тем древние еврейские историки использовали и древнее ханаанейское имя «Эль» в его множественной форме «Элохим». Так как имени Бога придавалось особое мистическое значение, его не дозволялось произносить вслух. Поэтому в священных текстах еврейский Бог именуется просто Господом.

Когда Моисей возвратился в Египет и оказался среди израильских рабов, он начал проповедовать веру в «Бога евреев», Того, Которому поклонялись Авраам и их предки, когда были свободны. Он говорил, что Бог обещает освободить их из «Дома рабства» и привести в ту землю, где некогда обитали их отцы. Он призвал народ покинуть Египет и отправиться в пустыню «на три дня пути», чтобы там совершить великое жертвоприношение Яхве, Богу Израиля. Его речи были встречены с большим воодушевлением. Но фараон не хотел отпускать израильтян из страны, так как боялся лишиться такого большого количества рабочих. Раз за разом Господь посылал Моисея и его брата Аарона во дворец фараона и после каждого отказа исполнить их требование насылал на Египет какую-нибудь казнь, одну страшнее другой. В первый раз Моисей ударил по речной воде жезлом, и вся вода в реке обратилась в кровь.

Во второй раз Моисей протянул руку с жезлом, после чего из всех рек египетских вышли жабы и покрыли ее от края до края. В третий раз он ударил жезлом по земле, и появилось бесчисленное множество комаров, и нельзя было укрыться от них ни людям, ни скоту, так как комары были повсюду. В четвертый раз Господь послал на египетскую землю множество мух. Они жалили людей и скот, так что египтяне жестоко страдали от них, но фараон и тогда не отпустил евреев. В наказание ему Господь наслал заразную болезнь на всю скотину египтян, и умерло у египтян множество коней, ослов, верблюдов, волов и овец. А скот евреев остался невредимым. В следующий раз Моисей, по слову Господнему, взял из печи горсть пепла и бросил его в небо на глазах фараона. От этого по всей земле египетской поднялась едкая пыль. Под ее воздействием у египтян начались воспаления с нарывами, и они тяжко страдали от болезней. Но фараон упорствовал, удерживая евреев в своей земле, и тем самым усиливал муки своего народа. В следующий раз Господь послал на Египет град, такой крупный, что он побил всю траву и все деревья, и скот и людей, которые были в поле. Лишь в земле Гесем, где жили евреи, града не было. Когда и эта казнь не заставила сердце фараона смягчиться, Моисей поднял руку, и на землю египетскую напала саранча, в таком великом множестве, что под ней не было видно почвы. Саранча поела все плоды и всю траву. Затем, по

мановению руки Моисея, вся египетская земля погрузилась в густую тьму, и только в жилище у евреев был свет.

Но самой страшной оказалась Десятая казнь. В полночь Господь прошел посреди Египта и поразил у египтян всех старших сыновей от старшего сына фараона, сидевшего на престоле, до старшего сына рабыни «И сделался великий вопль во всей земле египетской, — читаем мы в Библии, — ибо не было дома, где не было бы мертвеца». Фараон поспешно вызвал к себе Моисея, Аарона и сказал им: «Встаньте, выйдите из среды народа моего, как вы, так и сыны Израилевы, и пойдите, совершите служение Господу Богу вашему, как говорили вы».

Евреи, у которых все уже было готово, в ту же ночь покинули землю Гесем и направились к берегам Красного моря Фараон, впрочем, вскоре раскаялся в своем решении, собрал большое войско и кинулся в погоню. Он настиг беглецов на самом берегу. И тут Моисей, по слову Господнему, совершил еще одно великое чудо: он простер руку над водой, и Господь послал сильный восточный ветер, который отогнал из залива воду. Евреи поспешно прошли среди моря по его дну, а египтяне гнались за ними. Но едва сыны Израилевы вступили на другой берег, Моисей вновь простер руку, вода возвратилась на свое место и потопила египтян. Но, избегнув одной опасности, беглецы оказались перед лицом другой — повсюду вокруг них простиралась пустыня, люди изнемогали от жажды и голода. Как всегда в таких случаях начался ропот Евреи говорили Моисею и Аарону: «Почему вы не дали нам умереть в земле египетской, когда мы сидели у котлов с мясом и ели хлеб досыта?

Для чего вы вывели нас в пустыню и теперь морите голодом?» Действительно, прокормить и напоить такую огромную массу народа в пустынной местности было нелегко, но Моисей с помощью Господа благополучно справился и с этой задачей (На одной из стоянок, где в источнике оказалась горькая вода, он, бросив в нее кору какого-то дерева, сделал воду сладкой. В другой раз, в безводной местности, он, ударив жезлом по скале, заставил забить из земли источник).

Наконец, преодолев множество трудностей, евреи добрались до горы Синай. Здесь Господь, как и обещал, заключил с израильским народом Завет (Союз). Библейское предание рисует величественную картину этого важного события. Народ покинул лагерь и подступил к самому подножию горы. Все в трепете устремили взоры на ее вершину, над которой повисли непроницаемые тучи. Время от времени среди них вспыхивали молнии, и удары грома раздавались среди расселин трубными звуками.

Никто из евреев не смел подниматься на гору, лишь Моисей, повинуясь слову Господнему, несколько раз всходил на ее вершину, чтобы внимать Его словам.

Прежде всего Господь изрек ему десять заповедей, в которых было точно определено, что должен делать человек и чего должен избегать, если хочет любить Бога и ближних. Господь сказал Моисею. «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов, кроме Меня. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, что в водах под землей, не кланяйся и не служи им. Не произноси имени Бога твоего

напрасно. Чти субботу. Шесть дней в неделю работай и совершай в них все твои дела, а седьмой день, субботний, посвящай Господу Богу твоему.

Почитай отца своего и мать свою. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не воруй. Не произноси на другого ложного свидетельства. Не желай жены ближнего твоего, не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни какого скота его, и вообще ничего, что принадлежит ближнему твоему».

Современному человеку эти заповеди кажутся чем-то само собой разумеющимся. Но для Древнего мира они были настоящим откровением. Именно здесь впервые были сформулированы представления о Господе. В первой заповеди Моисей запретил поклонение каким бы то ни было богам, кроме Сущего. Этим категорическим запретом еврейский пророк преградил путь, на который в то время была увлечена индо-арийская религия и по которому пошла религия греков, египтян и семитов. Это был поворотный момент во всей истории религии. Весь многоликий пантеон богов Востока и Запада был запутан в сложных родословных; боги вступали в браки, рожали, умирали, воскресали. Они воевали с чудовищами, как вавилонский Мардук или греческий Аполлон, они подчинялись судьбе, как Зевс, они нуждались в пище и жертвоприношениях. Боги создавали группы, семьи, войска, образуя родственные Триады, Эннеады. Но Бог Моисеевой религии с самого начала был поставлен вне этих мифологических сплетений. Даже мысль о Его рождении или зависимости от иных сил — кощунственна.

Во второй заповеди Моисей потребовал отказа от всяких изображений Бога и таким образом отмел всякие попытки воплотить невоплотимое. Весь Древний мир не мог отрешиться от представлений о Боге как о существе человекоподобном, звероподобном или, по крайней мере, имеющим форму, облик. Моисей решительно отверг эти представления. Бог невидим и непостигаем. Он не имеет изобразимой формы, так как ничто в природе не может сравниться с Ним или воплотить Его.

Когда Он является человеку, он обретает облик Малеах-Яхве, то есть «Ангела Яхве». Это не ангел в обычном смысле слова. Это теофания, богоявление. Бог не может непосредственно говорить с человеком, ибо смертный не может вынести Его испепеляющей мощи. Следует особо подчеркнуть, что в заповедях внешние формы Богопочитания обходятся полным молчанием. О магическом культе Яхве здесь не говорится ни слова. Что же заменяет внешний культ? Как Яхве повелевает человеку служить себе? По учению Моисея, это служение заключается в соблюдении нравственного закона; человек тогда исполняет волю Неба, когда избегает зла и учится творить добро другим людям. То есть суть Закона Божия в том, что человек служит Богу, делая добро для других людей.

Для самих евреев новые религиозные законы были в диковинку. Они не сразу научились следовать им. Однажды Моисей, выслушивая повеления Божий, пробыл на вершине горы сорок дней и сорок ночей. Когда народ увидел, что Моисей долго не возвращается, то собрался к Аарону и сказал ему: «Встань и сделай нам бога, который бы шел перед нами, так как мы не знаем, что сделалось с Моисеем». Аарон сказал: «Выньте золотые серьги из ушей ваших жен и ваших дочерей и принесите их мне». Еврейки сейчас же собрали свои серьги и отдали их Аарону, а он

отлил из них золотого тельца. Народ обрадовался и сказал. «Вот он наш Бог, который вывел нас из земли египетской». На другой день евреи принесли тельцу жертвы, а потом стали есть, пить и играть перед ним. Разгневанный Господь сказал Моисею: «Слишком скоро уклонился твой народ от того пути, который Я им заповедал! Оставь же Меня, да воспламенится гнев Мой на них! Я истреблю их до последнего человека, а потом произведу новый народ от тебя!» Но Моисей стал умолять Господа не делать этого и сказал: «Да не воспламенится Твой гнев на народ, который вывел Ты из земли египетской, чтобы египтяне не говорили, на погибель вывел Он евреев из нашей страны, чтобы убить их в горах и истребить их с лица земли. Вспомни, как Ты клялся Аврааму, Исааку и Иакову, что умножишь их потомство и будет оно без счета, как морской песок.» Этими речами Моисей смягчил гнев Божий, и Господь отменил то зло, о котором говорил перед этим Моисей же поспешно спустился с горы, сжег золотого тельца в огне, а после растер пепел в прах и рассыпал над водою. Потом встал в воротах стана и сказал «Кто Господень, иди ко мне!» Тотчас сбежались к нему все юноши из колена Левия. Моисей сказал им: «Возьмите каждый меч свой, пройдите по стану от ворот до ворот и убивайте всех, кто только вам попадется!» И было перебито в тот день по слову Моисея три тысячи человек.

Таким образом, было положено начало еврейскому монотеизму. Сам Моисей еще не утверждал, что другие божества отсутствуют в принципе. Другие народы могли верить во что угодно, но народ Израиля, по убеждению Моисея, должен был полностью сосредоточиться на поклонении одному Господу. Именно в этом состояла суть Завета, заключенного между израильским народом и Богом. Он имел двойной смысл: с одной стороны, Завет являлся обетом, принятым на Себя Яхве в качестве акта доброй воли (Он провозгласил: «И приму вас Себе в народ, и буду вам Богом»), а с другой стороны, он являлся обязательством, возложенным на народ Израиля. Отныне первейшей добродетелью израильтян считалась лояльность Завету.

Однако придерживаться строгой системы этических требований, основу которых составляли Десять заповедей, было трудно.

После заключения Завета Господь велел Моисею вести израильский народ дальше в Землю обетованную. Но прежде, чем двинуться в путь, Моисей, наученный эпизодом с идолом, решил дать своим людям внешний знак присутствия среди них Божества. Это не было просто данью суевериям толпы. То, что Господь воистину присутствует среди Израиля — являлось основным догматом Моисеевой веры. Бог сокровенный, голос которого гремит с вершины Синая, всемогущий и опаляющий, сошел с высот, чтобы посеять в мире Свой народ, как семя будущего. Он изменил течение судеб, Он избавил Израиль, и Он идет вместе с ним по пустыне. Действие воли Бога проявилось в чудесных событиях Исхода, и Его присутствие должно было иметь видимый символ. Библия прямо говорит, что мысль о создании этого символа была внушена пророку свыше. Моисей приказал изготовить ковчег Завета и поместить его в особый шатер, или скинию, которая устраивалась вне лагеря. Внешне ковчег выглядел довольно скромно: это был ящик, сколоченный из деревянных досок, длиной немногим более метра. Снаружи он был обит

металлом, над его крышкой простирали крылья грубо сделанные херувимы. Они склоняли свои головы над ковчегом, а их крылья служили престолом, на котором незримо восседал Бог Израилев. Когда народ снимался с лагеря или вступал в сражение, левиты шли впереди и несли ковчег на шестах, продетых в его боковые кольца.

Когда изготовление ковчега было завершено, народ двинулся из Синайской пустыни в пустыню Фаран. Здесь Господь сказал Моисею: «Избери по одному человеку из каждого колена Израилева и пошли их вперед, чтобы они осмотрели землю ханаанскую, которую Я даю вам». Моисей сделал по слову Господнему и сказал избранным: «Пойдите в эту страну и выясните, какова там земля — хорошая или худая, и силен ли народ, живущий в ней, и какие укрепления в городах той земли, узнайте обо всем и расскажите нам» Те пошли, осмотрели всю землю ханаанскую, а когда вернулись, то сказали «Подлинно земля та богатая, прекрасная и плодородная, но народы, живущие в ней, очень сильны, а города их хорошо укреплены, поэтому нам никогда не одолеть их». Весть эта повергла израильтян в глубокую скорбь. Они плакали всю ночь, проклиная тот день, когда покинули Египет и говорили друг другу: «О, если бы мы умерли в Египте или умерли в этой пустыне!

Для чего Господь ведет нас в землю ханаанскую, где всем нам суждено погибнуть под мечами врагов? Жены наши и дети достанутся им в добычу. Так не лучше ли нам возвратиться в Египет?»

Господь разгневался на евреев и сказал Моисею: «До каких пор этот народ будет раздражать Меня и не верить Мне? Вижу Я теперь, что не те это люди, которые должны служить Мне. И вот, что Я сделаю: истреблю всех сынов Израилевых, кроме тебя, а от тебя произведу Я новый народ. И будешь ты родоначальником народа, так же как Авраам был родоначальником евреев». Но Моисей сказал Господу: «Если Ты сделаешь так, то будут говорить соседние народы: «Господь не смог ввести народ еврейский в землю ханаанскую, хотя и обещал ему это. Потому и погубил народ Свой в пустыне!» Да будет Господь милостив к народу Своему и простит его грехи так же, как прощал их до этого!» Господь смягчился и сказал Моисею: «Прощаю этот народ по слову твоему. Но жив Я, и славы Господней полна вся земля. До каких же пор этому злому обществу роптать на Меня? Ропот сынов Израилевых, которым они ропщут на Меня, Я слышу! Так пойди же и скажи им: «Все, кто видел славу Мою и знамения Мои, сделанные Мною в Египте и пустыне, но так и не уверовал в Меня, все, кто искушал Меня уже десять раз и не слушался голоса Моего, не увидят земли, которую Я обещал отдать их отцам!» Пойди и скажи им. «Живу Я, говорит Господь: пусть будет все так, как вы сказали — как говорили вы друг другу, так и сделаю вам: все, сколько вас есть от двадцати лет и старше, не войдете в землю Обетованную, которую обещал Я вашим отцам. Только детям вашим, о которых вы говорили, что они достанутся в добычу врагам, отдам Я землю, которую вы отвергли. А ваши трупы останутся в этой пустыне. Сорок лет будете вы кочевать по ней в наказание за ваши грехи, дабы вы знали, что значит быть оставленным Мною!»

Пойди и скажи им: «Я, Господь, так говорю и так сделаю со всем этим злым обществом, восставшим против Меня: в пустыне этой все они погибнут и перемрут!»

Когда Моисей передал сынам Израилевым волю Господню, народ сильно опечалился. А Корей, сын Ицгара, из колена Левина восстал против Моисея и с ним были двести пятьдесят именитых мужей. Они собрались против Моисея и сказали ему: «Ты и твой брат виноваты во всех наших бедах! Ибо ты и Аарон обманом вывели нас из земли Египетской в безводную пустыню. Мало вам того, что вы обрекли нас на смерть и муки? Хотите и дальше повелевать нами? Но мы больше не верим вам и не желаем вас слушать. Не вы одни — все общество, все святы, ибо среди нас Господь. Почему же вы ставите себя выше народа Господня?» Моисей, услышав это, огорчился и сказал Корею: «Пусть Бог рассудит наш спор. Завтра встанем перед скинией — я и брат мой. И ты приходи вместе со своими людьми, и пусть каждый принесет свою кадильницу и свое курение. Пусть и весь народ еврейский придет к скинии, и пусть решит Господь, кто более Ему угоден». На другой день все евреи собрались у входа в скинию. Моисей сказал народу «Пусть Господь рассудит нас, ибо все, сделанное мною, вершилось по Его воле, а не по моему произволу». Лишь только он сказал это, разверзлась земля и поглотила Корея, сына Ицгара вместе со всеми его родичами. Затем вышел огонь Господень и истребил тех двести пятьдесят мужей, которые пришли с Кореем. Видя это, народ израильский пришел в уныние и восстал против Моисея, говоря: «Это вы умертвили народ Господень!» А Господь сказал Моисею и Аарону: «Велик Мой гнев на евреев. Отойдите от этого общества, и Я погублю их всех в одно мгновение». По Его слову на сынов Израилевых нашел великий ужас, и они стали умирать на глазах друг друга, так как Господь начал их истребление. Моисей сказал Аарону: «Принеси скорее жертву Господу и моли его простить народ израильский!» Аарон положил курение и заступился за народ. Он побежал в толпу, встал между мертвыми и живыми и молил Господа о прощении. Только тогда Господь прекратил истребление евреев. Всего же в этот день умерло от поражения пятнадцать тысяч человек.

Успокоившись, евреи двинулись дальше и пришли в пустыню Син. Здесь на горе Ор умер Аарон, брат Моисея. Народ израильский оплакивал его тридцать дней Затем Моисей повел его дальше, обошел вокруг Мертвого моря и вышел в заиорданские земли, которыми владели тогда амореи. Их царь Сигон не позволил евреям пройти через свои владения и начал против них войну. Однако, успех был на стороне пришельцев Сыны Израилевы поразили амореев, вошли в их землю и захватили ее от устья реки Арнон до Иавока. После этого они поселились в их городах — в Есевоне и других, зависевших от него. Из аморейской земли Моисей послал сынов Израилевых воевать с Огом, царем васанским. Большое сражение произошло у Едреи, неподалеку от Генисаретского озера. Евреи вновь одержали победу и перебили весь народ васан до последнего человека, а всю их страну взяли себе. Таким образом, к ним перешли все земли к востоку от реки Иордан, простиравшиеся от устья Анона до Генисаретского озера. Здесь, в Заиорданье, в землях амореев и васан, евреи прожили сорок лет, пока не умерли все, вышедшие вместе с Моисеем из Египта, и не выросли их дети.

Когда Моисею исполнилось сто двадцать лет, Господь воззвал к нему и сказал «Взойди на гору Нево, которая в земле моавитской, против

Иерихона, и посмотри на землю ханаанскую, которую Я даю во владение сынам Израилевым. А после умри на горе, на которую ты взойдешь, как умер твой брат Аарон на горе Ор, ибо не суждено тебе войти туда вместе со всеми». Моисей сделал все так, как сказал Господь — он взошел на гору Нево, а Бог показал ему всю землю ханаанскую вплоть до берегов Средиземного моря и все долины Иерихона вплоть до Сигора И сказал Господь «Вот земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову. Я дал ее тебе увидеть, но войти в нее тебе не суждено». Так умер Моисей в земле моавитской.

Евреи погребли его против Беф-Фегора, но в каком месте была его могила — не известно. Сыны Израилевы тридцать дней оплакивали Моисея, а потом по слову Господнему сделали своим вождем Иисуса Навина. Под его командованием в следующие годы были завоеваны все ханаанские земли.

Илия

Завершив завоевание, израильтяне стали быстро переходить от скотоводства к земледелию и мирной жизни бок о бок с хананеями. Их отношение к иноверцам в первые годы было очень жестоким. Но такое положение не могло оставаться долго.

Язык у обоих народов был сходный, что способствовало развитию контактов и заключению смешанных браков. Через несколько веков обе народности полностью слились. Переход к оседлости принес израильтянам материальный достаток и большие религиозные испытания. От ханаанеев они переняли не только искусство виноделия или строительство крепостей, но и их пышные религиозные праздники. Вскоре евреи стали почитать и старые хананейские святыни — храмы Ваала, Астарты, Гада, Анат и других богов, которые находились в Сихеме, Мегиддо, Бет-Шане и других городах.

Автор Священной Истории говорит о своих соплеменниках, что они «оставили Яхве и стали служить Ваалам и Ашерам». Это, впрочем, не означало забвения или отторжения Яхве — он оставался Богом-покровителем всех израильтян.

Но наряду с ним допускалось почитание и других богов. Политическая история израильтян тоже не стояла на месте В 1020 г до Р.Х. у них утвердилась царская власть. Первым царем стал Саул, которого в 993 г до Р.Х. сменил Давид. При сыне последнего Соломоне (Шеломо) в Иерусалиме построили первый Храм Господень. Время первых царей было эпохой могущества и процветания. Однако, затем положение стало ухудшаться. В 922 г до Р.Х. единое Израильское царство распалось — в Иудее продолжали царствовать потомки царя Давида, а в Израиле утвердился у власти Иеровоам (Иеровеам). Царская власть сразу ослабла и на севере и на юге, что привело к возникновению сильной религиозной оппозиции. Но, если в Иудее цари более или менее придерживались монотеизма, то в Израиле почитание хананейских богов сделалось нормой. Связано это было с тем, что Храм Господень остался в Иерусалиме, и для укрепления своего авторитета израильским царям надо было позаботиться о создании собственных религиозных центров. Уже Иеровоам восстановил в Вефиле и Дане — на южной и северной оконечности своего царства —

древние святилища Эля. Здесь были установлены «золотые тельцы» — позолоченные изваяния быков. Таким образом был открыт путь к возрождению древних хананейских верований.

Своего расцвета язычество достигло при царе Ахаве (869–850 г.г. до Р.Х.), который был женат на финикиянке Иезавель. Царица была страстно привязана к культу тирского Ваала — Мелькарта. По ее настоянию в Самарии возвели храм Мелькарта. В честь Ваала регулярно устраивались великолепные торжества, а все пророки Яхве подверглись преследованиям — их казнили или изгнали из страны. В Библии мы читаем: «И делал Ахав, сын Амврия, неугодное перед очами Господа более всех бывших прежде него. И поставил он Ваалу жертвенник в капище Ваала, который построил в Самарии Ахав делал то, что раздражает Господа Бога Израилева». В это тяжелое время и начал свое служение Богу Илия — один из величайших пророков древнего Израиля. По преданию, он был уроженцем города Тишби и происходил из рода Ааарона. Рождение Илии ознаменовалось замечательным видением. В то самое время, когда мать Илии рожала его, Савах, его отец, увидел белообразных мужей, разговаривавших с младенцем. Затем они запеленали его огнем и стали кормить, влагая в рот огненный пламень. Этим видением Господь дал знать о появлении на свет нового пророка. Воспитанием и обучением Илии, как происходившего из священнического рода, занимались священники. С самых юных лет он предал себя Богу. Любовь его к Господу и верность Ему были безграничны. И поэтому все, что он просил у Бога, ему давалось. Но он никогда ничего не просил лично для себя. Когда Илия достиг зрелого возраста, он объявил настоящую войну Ваалу. К этому моменту Иезавели удалось расправиться со всеми поборниками Бога Израилева, так что Илии пришлось выступить в одиночку против царицы и царя, против Ваала и соблазненного народа.

Рассказ об Илии в Библии начинается так: «И сказал Илия, пророк, фесвитянин, из жителей галаадских, Ахаву: «Жив Господь Бог Израилев, перед Которым я стою! В сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по моему слову…». После этого он удалился к потоку Хораф и поселился там. Вороны приносили ему хлеб с мясом каждое утро и вечер, а из потока он пил. Однако дождей не было, и вскоре поток пересох. Тогда Илия отправился в Сарепту Сидонскую. У ворот этого города он встретил бедную вдову и попросил у нее хлеба. Но был уже сильный голод, и вдова отвечала: «У меня ничего нет, кроме горсти муки в кадке и небольшого количества масла в кувшине. Сейчас я наберу дров, испеку хлеб для себя и для моего сына, а когда он кончится, мы умрем от голода». Илия сказал: «Не бойся, этого не будет, ибо сказал Господь Бог Израилев: «мука в кадке не истощиться, и масло в кувшине не убудет до того дня, пока Господь не даст дождь на землю». Так в действительности и было: вдова пекла хлеб, ела его вместе с Илией и своим сыном, между тем мука в кадке не истощалась и масло в кувшине не убывало. Какое-то время спустя сын той женщины заболел и умер. Она стала сетовать на свою судьбу и говорила Илии: «Божий человек! Ты пришел ко мне напомнить о моих грехах и умертвить моего сына». Илия взял тело мальчика, отнес его в свою горницу и стал молиться Господу. Бог услышал его голос, возвратил душу мальчика в тело, и тот ожил. Так Илия тайно жил в Сарепте, в то время, когда слуги царя безуспешно искали его по всему Израилю и даже среди соседних

народов.

Но вот однажды Господь сказал Илии: «Пойди, покажись Ахаву, и Я дам дождь на землю». Илия вышел из своего убежища и бесстрашно предстал перед глазами Ахава.

Царь спросил: «Ты ли это, смущающий Израиля?» Илия отвечал ему: «Не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего, тем, что вы презрели повеления Господни и идете вслед Ваалам; теперь пошли и собери ко мне всего Израиля на гору Кармил, и четыреста пятьдесят пророков Вааловых, питающихся от стола Иезавели». Ахав послал ко всем сынам Израиле-вым и собрал всех пророков на гору Кармил. Илия вышел к народу и сказал: «Долго ли вам хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте». Но народ молчал, выжидая, что будет дальше. Илия продолжал: «Я один остался пророк Господень, а пророков Вааловых четыреста пятьдесят человек. Пусть дадут нам двух тельцов, и пусть они выберут себе одного тельца, рассекут его и положат на дрова, но огня пусть не подкладывают; а я приготовлю другого тельца, возложу его на дрова, а огня не подложу. Они будут призывать своего бога, а я призову имя Господа Бога моего. Тот Бог, Который даст ответ посредством огня, и есть Бог истинный».

Евреи согласились и отвечали: «Хорошо, пусть будет так». Жрецы Ваала взяли тельца, который был им дан, приготовили его для жертвоприношения и начали призывать Ваала. С утра до полудня они возглашали: «Ваал, услышь нас!» Но не было им ни голоса, ни ответа. В полдень Илия стал смеяться над ними, говоря: «Кричите громким голосом, ибо он бог, может быть, он задумался, или занят чем-либо, или в дороге, а может быть, и спит, так он проснется!» Миновал полдень, наступил вечер. Жрецы Ваала выбились из сил, но по- прежнему им не было ни голоса, ни ответа. Когда установленное время прошло, Илия сказал: «Теперь отойдите, чтоб и я совершил мое жертвоприношение». Они отошли и умолкли. Илия взял двенадцать камней по числу колен Израилевых, построил из них жертвенник во имя Господа, сделал вокруг жертвенника ров, положил на жертвенник дрова, а поверх них — рассеченного тельца. Потом велел: «Наполните четыре ведра водой и вылейте ее на жертву и дрова». Когда это повеление было исполнено, Илия велел сделать то же во второй и в третий раз. Вода полилась вокруг жертвенника, и ров наполнился водой. После этого Илия обратил свой взгляд на небо и сказал: «Услышь меня Господи! Да познают в сей день эти люди, что Ты один Бог в Израиле, и что я раб Твой и сделал все по Твоему слову. Да познает этот народ, что Ты, Господи, Бог, и Ты обратишь сердце их к Тебе». В тот же миг упал с неба огонь, пожрал жертву, дрова, камни и прах и поглотил воду, которая была во рве. Увидев это, народ пал на землю и стал восклицать: «Есть Бог, Господь есть Бог!» Илия велел им: «Схватите пророков Вааловых, чтобы ни один из них не укрылся». Народ сейчас же перехватал пророков. Илия отвел их к потоку Киссону и всех заколол там. Потом он сказал Ахаву: «Иди, ешь и пей, ибо слышен уже шум дождя». И действительно, вскоре небо сделалось мрачно от туч и от ветра и пошел большой дождь.

Ахав не посмел ничего сделать с Илией, но когда жена его Иезавель узнала, что Илия убил мечом всех пророков Ваала, она послала сказать

ему: «Если ты Илия, а я Иезавель, то пусть то и то сделают мне боги, и еще больше сделают, если я завтра к этому времени не сделаю с твоею душой того, что сделано с душой каждого из них». Илия поспешил укрыться от гнева царицы у горы Хорив. Там он вошел в пещеру и ночевал в ней. А утром было к нему слово Господне. Господь спросил: «Зачем ты здесь, Илия?» Пророк отвечал: «Возревновал я, о Господе Боге Саваофе, ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили твои жертвенники, а пророков твоих убили мечом. Я последний остался в живых, но и моей души ищут, чтобы отнять ее».

Господь велел ему: «Выйди и встань на горе перед лицом Господним, и Господь пройдет перед тобой. И будет большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы перед Господом, но не в этом ветре Господь. После ветра будет землетрясение, но не в землетрясении Господь. После землетрясения — огонь, но не в огне Господь. Потом будет веяние тихого ветра. В этом ветре — Господь!» Илия сделал так, как ему было велено: встал у входа в пещеру и закрыл лицо плащом. И сказал ему Господь: «Иди и помажь Елисея, сына Сафатова из Авел-Мехолы в пророки вместо себя. И не сокрушайся так! Не все сыны Израилевы позабыли Меня и предались Ваалу. Я оставил между израильтянами семь тысяч мужей, которые не преклоняли колена перед Ваалом и не целовали его идолов».

Эти слова утешили Илию. Он пошел от горы Хорив и нашел Елисея, сына Сафатова, который как раз пахал свое поле. Когда Илия проходил мимо, Елисей оставил волов, побежал за ним и сказал: «Позволь мне поцеловать своего отца и свою мать, а потом я пойду за тобой». Илия отвечал: «Пойди и приходи назад». Елисей, отойдя, заколол своих волов, изжарил их мясо и раздал людям, чтобы они ели. А сам пошел за Илиею и стал служить ему. После этого прошло несколько лет, в продолжении которых Илия продолжал пророчествовать в Израиле и не уставал обличать Ахава. В конце концов царь раскаялся в своих грехах, умилился перед Господом, возложил на свое тело вретище, постился, спал на вретище и ходил печальный Но Иезавель продолжала грешить перед Господом.

Между тем срок пророческого служения Илии подошел к концу, и Господь решил вознести его в вихре на небо. Когда Илия понял, что пришел конец его земному существованию, он захотел отослать от себя Елисея, но тот не пожелал оставить его. Так пришли они оба к Иордану и Илия сказал Елисею: «Проси, что сделать тебе, прежде нежели я буду взят от тебя». Елисей отвечал: «Дух, который на тебе, пусть будет на мне вдвойне». Илия сказал: «Трудного ты просишь. Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так, а если не увидишь, не будет». Так они шли дорогой и разговаривали. Вдруг явилась огненная колесница и огненные кони и разлучили их обоих — Илия унесся в вихре на небо, а Елисей остался на земле. С тех пор он больше не видел своего учителя. Только милоть его (верхняя одежда) упала с неба к ногам Елисея. Поднимая ее, он обрел двойной пророческий дар, как и обещал ему Илия.

Таков красочный рассказ Библии об этом пророке Явление его произвело на евреев огромное впечатление Илия стал как бы вторым Моисеем израильской религиозной истории. И хотя он не писал пророчеств

и не оставил после себя никаких писаний, влияние его на древнюю израильскую религию было огромно. Он явился в решительный момент, когда угроза язычества представлялась самой серьезной, и нанес по нему сокрушительный удар. Более того, старые религиозные представления он наполнил новым очень важным содержанием, и именно благодаря Илии среди израильтян начал утверждаться взгляд на Яхве, как на единственного, универсального и всеобщего Бога, помимо Которого нет и не может быть других богов.

Исайя

Пророк Исайя по праву может быть признан одним из крупнейших древнееврейских писателей, создателем очень важных учений об Остатке Израиля и о Мессии.

Считается, что он происходил из колена Вениаминова и родился около 760 г до Р.Х. Отцом Исайи был Амос, которого иудейское предание отождествляет с Амосом, братом израильского царя Амасии. Даже если считать это свидетельство легендой, следует признать, что пророк несомненно происходил из влиятельной аристократической семьи. Разговаривая с царями или первосвященниками, он держался с ними как равный, его осведомленность о жизни двора и сановников, его блестящий стиль и та роль, которую он играл — все это также указывает на знатное происхождение.

Местом постоянного проживания Исайи был Иерусалим. Молодость его совпала с годами сравнительного благополучия еврейских царств. На севере в то время правил Иероваом II, а в Иерусалиме — Озия (Уззия) со своим сыном и соправителем Иотамом.

Иудейские цари совершили несколько удачных военных походов заняли Элат у Красного моря, на западе разбили филистимлян, соорудили мощные пограничные крепости и усилили арсенал. Впрочем, об этой поре жизни Исайи нам ничего не известно. На пророческое служение он был призван в год смерти Озии, в 742 г до Р.Х., особым видением. Однажды, когда Исайя молился в храме, зарница разорвала тьму и ему открылось, что Сущий здесь, что Он воистину обитает среди Своего народа, идет рядом с человеком «Я видел, — пишет Исайя, — Господа, сидящего на престоле высоком и вознесенном, и края риз его наполняли храм. Вокруг него стояли серафимы, и у каждого было шесть крыл, двумя они закрывали свои лица, двумя — ноги, а двумя летали Они взывали друг ко другу, говоря «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф. Вся земля полна славы Его! И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями. И сказал я: «Горе мне! Погиб я! Ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа». Тогда подлетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий угль, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал «Вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя и грех твой очищен». И услышал я голос Господа, говорящего: «Кого Мне послать? И кто пойдет для Нас!» И я сказал «Вот я, пошли меня!» И сказал Он: «Пойди и скажи этому народу: «Слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите. Ибо огрубело сердце

народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да и не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их». Илия спросил Господа, долго ли народ будет пребывать в таком нравственном огрубении, и получил от Него в ответ откровение о грядущих бедствиях, ожидающих евреев. Господь отвечал: «Доколе не опустеют города, и останутся без жителей, и дома без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет.

И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле. И если еще останется десятая часть на ней и возвратится, и она опять будет разорена, но как от теревинфа и как от дуба, когда они и срублены, остается корень их, так святое семя будет корнем ее».

Это пророчество стало первым, с которым Исайя обратился к иудейскому народу. Провозглашенное накануне великих бедствий, ожидавших евреев, оно ознаменовало важный перелом в их мироощущении. До этого иудеи и израильтяне считали, что внешнее торжество и военные победы нации есть знак высшего благоволения Неба, что Господь будет всегда со Своим народом и не допустит его унижения. В пророчествах Исайи было дано совершенно иное понимание философии истории. Он первый заговорил о том, что внешнее процветание Израиля и Иудеи зависит от нравственного состояния народа, от «богопознания», то есть от верности Богу и любви к Нему. Измена Богу лишает людей источника жизни Исайя не принимал мысли о том, что Господь обязался в любом случае обеспечивать народу внешнее процветание.

У Бога свои предначертания. Он может дать власть и силу евреям, но может оказать покровительство и их врагам — например ассирийцам. Однако, это не означает, что ассирийцам будет дано благословение Яхве. Они просто на время станут бичом в его руках, ибо даже зло человеческое Бог направляет к своим целям. Евреев за их нечестие ожидают страшные бедствия и унижения, вражеское нашествие, разорение, позор и плен. Но среди всеобщего разложения и надвигающейся беды должен сохраниться «шеар» — святой Остаток Израилев. Именно в нем и осуществится все то, что было предсказано некогда народу Божию. В Остаток войдет прежде всего род царя Давида, на котором почиет благословение Яхве, а также люди, посвятившие себя небесному Царю. Они-то и станут ядром возрождения народа Божия, подобно тому, как ими были Ной, избавленный от водного потопа, и Авраам — от потопа языческого. В тесной связи с откровением об Остатке стояли пророчества Исайи о грядущем Мессии. Предшествовавшие ему пророки не раз говорили об ожидаемых мессианских временах Царства Божия, но ни разу не упоминали о самом Мессии. Черты этого будущего Спасителя впервые появляются только в писаниях Исайи. Первое пророчество на эту тему было дано в трагический для Иудеи 735 г. до Р.Х. — в первый год царствования нечестивого царя Ахаза (правил в 735–715 гг. до Р.Х.). Израильский царь Факей (Пеках) и сирийский Рецин (Ризон II) вторглись тогда сочиненными силами в Иудейское царство и осадили Иерусалим. В эту тревожную минуту Исайя, побуждаемый Господом, явился у водопровода Верхнего пруда, где Ахаз наблюдал за оборонительными работами, и сказал: «Будь спокоен; не страшись и да не унывает сердце твое от двух концов этих дымящихся головней, от разгоревшегося гнева Рецина и сириян и Факея, сына

Ремалиина. Сирия и Израиль умышляют против тебя зло, говоря: «Пойдем на Иудею и возмутим ее и овладеем ею». Но Господь Бог так говорит: «Это не состоится и не сбудется. Если вы не верите в это, то потому, что вы не удостоверены». И Исайя потребовал у царя: «Проси себе знамения у Господа Бога твоего: проси его или в глубине или на высоте». Но Ахаз отказался, говоря: «Не буду просить, и не буду искушать Господа». Тогда Исайя произнес одно из своих самых замечательных и таинственных пророчеств, которое начиналось словами: «Слушайте же, дом Давидов!

Разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего?

Итак, Сам Господь даст вам знамение: Дева во чреве примет и родит Сына и нарекут имя Ему Еммануил. Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе; ибо прежде нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься, будет оставлена обоими царями ее…» С этого пророчества Исайи в Ветхий Завет властно вошла тема будущего Мессии — Спасителя, которому суждено восстановить мир между Творцом и народом Израиля. Поначалу она звучала робко и как бы приглушенно, но потом становится все громче и громче, пока не делается ведущей в уповании евреев. Сам Исайя потом не раз возвращался к образу Спасителя и сообщил о Нем еще несколько важных пророчеств. Предваряемый пришествием Предтечи (гл. 40, ст. 3), Мессия, происходя по человечеству от рода Иессеева (гл. 11, ст. 1), родится от безмужней Девы (гл. 7, ст. 14), будет преисполнен Даров Святого Духа (гл. 11, ст. 2) и будет носить имена, несомненно указывающие на Его Божеское достоинство (гл. 9, ст. 6). Он проявит великую силу в водворении на земле своего царства (гл. 9, ст. 1–4), которое явится царством правды и мира (гл. 11, ст 6–9). Однако наступлению этого царства должны предшествовать уничижение, страдания и, наконец, смерть Мессии за грехи людей (гл. 53, ст. 1–12). (Как известно, все эти пророчества поразительным образом исполнились спустя семь веков в земной жизни Иисуса Христа. Имя Исайи поэтому всегда было особо почитаемо христианами, которые назвали его «ветхозаветным евангелистом».)

Однако не все пророчества Исайи были устремлены в такое далекое будущее.

Исполнение многих из них могли видеть уже его современники. Исайя не раз предсказывал великое «горе», нависшее над Самарией, столицей Израильского царства и ее жителями — ефремлянами. Он писал: «Горе (Самарии) венку гордости пьяных ефремлян, увядшему цветку красивого убранства его, который на вершине тучной долины сраженных вином! Вот, крепкий и сильный у Господа, как ливень с градом и губительный вихрь, как разлившееся наводнение бурных вод, с силою повергнет его на землю. Ногами попирается венок гордости пьяных ефремлян. И с увядшим цветком красивого убранства его, который на вершине тучной долины, делается то же, что бывает с созревшею прежде времени смоквою, которую, как скоро кто увидит, тотчас берет в руку и проглатывает…» Это печальное пророчество исполнилось в 722 г. до Р.Х., когда Самария была захвачена ассирийским царем Саргоном (Шаррум-кеном II), после чего царство Израильское навсегда окончило свое

существование. В Четвертой книге Царств читаем: «… взял царь ассирийский Самарию и переселил израильтян в Ассирию». Их дальнейшая судьба неизвестна. Видимо, в чужой земле они бесследно растворились среди бесчисленных племен и народов Востока. Таким образом из двенадцати колен Израиля в Палестине осталось только одно колено Иудино (сохранилась также какая-то часть колена Вениаминова).

Иудейский царь Ахаз, напуганный могуществом Ассирии, еще прежде падения Израиля поспешил признать ее власть. Угождая своему владыке, он ввел в Иерусалиме поклонение Солнцу, Луне и другим небесным светилам. В Храме Господнем был поставлен идол Астарты, и здесь же при храме находились «домы блудилищные», где женщины ткали одежды для богини. Некоторые из помещений храма были по приказу Ахаза обращены в конюшни. Жертвенник всесожжении переделали по ассирийскому образцу. Буйным цветом расцвели языческие культы. В честь финикийского божества Молоха под самыми стенами Иерусалима было возведено новое капище. Здесь стоял большой идол Молоха; внутри него размещалась печь, а под поднятыми руками — жертвенник, на котором происходило заклание детей. Ахаз сам дал пример ревнивого служения Молоху, принеся ему в жертву одного из своих сыновей. Хотя Яхве продолжал почитаться, истинное поклонение Господу оказалось заменено идолопоклонством и почти забыто.

В это время Господь не раз обращается через Исайю к Своему народу, призывая его к исправлению. Исайя писал: «Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит: «Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня.

Вол знает владетеля своего, и осел — ясли господина своего; а Израиль не знает Меня, народ Мой не разумеет. Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, — повернули назад… К чему Мне множество жертв ваших? Я пресыщен всесожжение овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агницев и козлов не хочу… Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите — и рассудим… Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас…»

Исправление общества стало возможным только после смерти Ахаза в 715 г. до Р.Х., когда на иудейский престол вступил его сын Езекия (Хизекия). В противоположностью отцу, человеку нечестивому и склонному ко всему ассирийскому, он, напротив, был предан национальным нравам и обычаям, горел любовью к истинной вере. Целью своей жизни он поставил восстановление почитания Господа. Исайя делается одним из главных советников царя. Следуя его внушениям, Езекия поспешил очистить храм от языческих мерзостей и восстановить в нем богослужения по старому чину. «В первый же год царствования своего, — читаем мы в Библии, — в первый месяц, он отворил двери дома Господня и возобновил их, и велел прийти священникам и левитам… И вошли священники внутрь дома

Господня для очищения, и вынесли все нечистое, что нашли в Храме Господнем…» Пророк приветствовал эти реформы, однако не все в поступках царя ему нравилось. Исайя видел, что, несмотря на свое благочестие, Езекия не имеет той веры в Господа, которая была присуща его далекому предку Давиду. Более чем на Бога Езекия надеялся на союзы с царями — противниками Ассирии. B0fi г. до Р.Х. он вступил в переговоры с вавилонским царем Мардукаплаиддином И Исайя с неудовольствием узнал об этом и пророчески сказал царю: «Выслушай слово Господне: вот придут дни, и взято будет все, что в доме твоем и что собрали отцы твои до сего дня, в Вавилон; ничего не останется, говорит Господь. Из сынов твоих, которые произойдут от тебя, которых ты родишь, возьмут, и будут они евнухами во дворце царя Вавилонского…» Как известно, пророчество это исполнилось через сто с небольшим лет.

Видимо, вследствие подобных обличений в последние годы правления Езекии между царем и пророком уже не было прежних близких отношений — наступило охлаждение. В 687 г. до Р.Х. Езекия умер. Ему наследовал сын Манассия, при котором вновь стали возрождаться многие языческие культы, были отстроены разрушенные при Езекии жертвенники, а в Храме Господнем поставлен идол Астарты. Неизвестно, дожил ли до этого времени Исайя. Существует позднейшая легенда, что кончина его была мученической — его будто бы перепилили пилой по приказуМанассии.

Иеремия

Фигура пророка Иеремии возвышается скорбным силуэтом у конца Первого Иудейского царства. Хотя в писаниях его нельзя найти каких-либо новых доктрин (все, чему учил Иеремия, уже было сказано его предшественниками), все же явление его составило целую эпоху в истории общественного сознания евреев. Годы его служения совпали с печальным временем, когда перемалывались прежние гордые представления иудеев о своем богоизбран-ничестве, и они постепенно свыкались с участью гонимого и унижаемого народа. Роль Иеремии в переживаемой метаморфозе была едва ли не самой значительной. Известно, что перелом общественного сознания — процесс трудный и болезненный, и в то время, когда многие продолжали жить образами и иллюзиями славного прошлого, Иеремия был послан Господом открыть народу глаза на истинное положение вещей. Задача эта была горькой и неблагодарной.

Ибо всякий раз, когда евреев охватывала ложная надежда на спасение, когда они воодушевлялись религиозным и национальным патриотизмом, он должен был вновь и вновь бросать им в лицо горькие слова о том, что ничего уже поправить нельзя, что несчастья их не временные и не случайные, что они не кончаться завтра, а напротив, будут усугубляться с каждым годом. Никого из своих современников пророк не смог вразумить. Его бого-вдохновенные речи не дошли до их сердец.

Напротив, каждое слово Иеремии рождало в них злость и ненависть; власть имущие гнали и преследовали его, но Иеремия упорно продолжал свое служение. И только следующие поколения евреев осознали огромное значение Иеремии в своей духовной истории и поставили его в ряд величайших пророков. И эта посмертная слава была

вполне заслуженной, ибо книги Иеремии закаляли дух, воспитывали стойкость и учили каждого иудея оставаться самим собой не только в пору величия, но и в годы унижений.

Родился Иеремия около 642 г. до Р.Х. в священническом городе Анафофе в пределах колена Вениаминова, недалеко от Иерусалима. Он был сыном священника Хелкии и предназначен Богу еще прежде своего рождения, как сказал об этом Сам Господь: «прежде, нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде, нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя». На пророческое служение Иеремия был призван в 627 г. до Р.Х. еще совсем молодым человеком. Поначалу он ужаснулся своей судьбе и попытался отвести ее от себя. Он сказал: «О, Господи Боже! Я не умею говорить, ибо я еще молод». Но Господь отвечал ему: «Не говори: «Я молод»; ибо ко всем, к кому пошлю тебя, пойдешь, и все, что повелю тебе, скажешь. Не бойся их; ибо Я с тобою, чтобы избавить тебя». «И простер Господь руку свою, — продолжает Иеремия, — и коснулся уст моих, и сказал мне Господь: «Вот, Я вложил слова Мои в твои уста. Смотри, Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать…». Это случилось в дни иудейского царя Иосии (Иошии, который правил в 640–609 гг. до Р.Х.). В то время иудеи, хотя внешне и хранили верность Господу, внутренне были далеки от истинного служения Ему — подчинялись чужеземным обычаям и служили языческим идолам. Даже в самом Иерусалиме возле Храма Господня были поставлены идолы, которым приносились жертвы.

Иеремия выступил против иноверия, смело провозглашая Слово Господне и во дворе храма, и при воротах города, и в царском дворце, и в темнице. С самых первых своих проповедей он не уставал повторять, что иудеев ждет возмездие за их отступничество, и возмездие это придет со стороны северных царств. В одном из его пророчеств мы читаем: «И сказал мне Господь: от севера откроется бедствие на всех обитателей сей земли. Ибо вот, Я призову все племена царств северных, говорит Господь, и придут они, и поставят каждый престол свой при входе в ворота Иерусалима, и вокруг всех стен его, и во всех городах иудейских. И произнесу над ними суды Мои за все беззакония их, за то, что они оставили Меня, и воскуряли фимиам чужеземным богам и поклонялись делам рук своих… Какую неправду нашли во Мне отцы ваши, что уклонились от Меня и пошли за суетою и осуетились, и не сказали: «Где Господь, Который вывел нас из земли египетской, вел нас по пустыне, по земле пустой и необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной, по которой никто не ходил и где не обитал человек?» И Я ввел вас в землю плодоносную, чтобы вы питались плодами ее и добром ее; а вы вошли и осквернили землю Мою, и достояние Мое сделалось мерзостью. Священники не говорили: «Где Господь?», и учителя закона не знали Меня, и пастыри отпали от Меня, и пророки пророчествовали во имя Ваала и ходили во след тех, которые не помогают. Поэтому Я еще буду судиться с вами, говорит Господь, и с сыновьями сыновей ваших буду судиться. Ибо пойдите на острова Хиттимские и посмотрите, и пошлите в Кидар и иврведайте прилежно, и рассмотрите: было ли там что-нибудь подобное сему? Переменил ли какой народ богов своих, хотя они и не боги? А Мой народ променял славу свою на то, что не помогает.

Подивитесь сему, небеса, и содрогнитесь, и ужаснитесь. Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды… Как вор, когда поймают его, бывает осрамлен, так осрамил себя дом Израилев: они, цари их, и пророки их, — говоря дереву: «ты мой отец», и камню: «ты родил меня»; ибо они оборотили ко Мне спину, а не лицо; а во время бедствия своего будут говорить, «встань и спаси нас!». Где же боги твои, которых ты сделал себе9 — пусть они встанут, если могут спасти тебя во время бедствия твоего; ибо сколько у тебя городов, столько и богов у тебя… О, род! внемлите вы слову Господню: «Был ли Я пустынею для Израиля? Был ли Я страною мрака? Зачем же народ Мой говорит: «мы сами себе господа; мы уже не придем к Тебе»?» С такими и подобными речами Иеремия неоднократно обращался к своим современникам. И вскоре иудеи на себе ощутили горькую справедливость его слов.

Политические невзгоды и бедствия для Иерусалима начались на 31-м году царствования Иосии. В 609 г. до Р.Х. он выступил против египетского фараона Нехо, который вторгся с большим войском в Азию и готовился завоевать Сирию и Финикию, только что освободившиеся от ассирийского господства. Битва эта закончилась поражением иудеев. Сам царь был ранен стрелой и умер вскоре после возвращения в Иерусалим. Царем стал сначала его сын Иоахаз, а потом брат его Иоаким. Между тем Иеремия предрек еще более страшные бедствия. Однажды в храме он провозгласил: «Так говорит Господь. «Если вы не послушаетесь Меня в том, чтобы поступать по закону Моему, который Я дал вам… — то с домом сим Я сделаю то же, что с Силомом, и город сей предам на проклятие всем народам земли»». (В Силоме еще до основания своего царства евреи хранили ковчег Господень. Пока народ был верен Завету, Бог пребывал с ним, когда же изменил, Господь перестал охранять святыню — храм в Силоме был разрушен, а ковчег захватили враги.)

Священники, пророки и весь народ иудейский возмутились против Иеремии, схватили его и сказали: «Ты должен умереть; зачем ты пророчествуешь именем Господа и говоришь: дом этот будет как Силом, и город сей опустеет, останется без жителей?» Пророка хотели убить и повели его в суд, однако судьи его оправдали.

Иеремия не успокоился на этом — он отправился во дворец и выступил с обвинениями перед самим царем. Он сказал: «Так говорит Господь: «Производите суд и правду и спасайте обижаемого от руки притеснителя, не обижайте и не тесните пришельца, сироты и вдовы, и невинной крови не проливайте на месте сем. Ибо если вы будете исполнять слово сие, то будут входить в ворота дома сего цари, сидящие вместо Давида на престоле его, ездящие на колесницах и на конях; сами и слуги их и народ их. А если не послушаете слов сих, то Мною клянусь, что дом сей сделается пустым». Ибо так говорит Господь дому царя иудейского: «… Я сделаю тебя пустынею и города необитаемыми и приготовлю против тебя истребителей, каждого со своими орудиями… И многие народы будут проходить через город сей и говорить друг другу: «За что Господь так поступил с этим великим городом?» И скажут в ответ: «За то, что они оставили завет Господа Бога своего и поклонились иным богам и служили

им». Не плачьте об умершем и не жалейте о нем; но горько плачьте об уходящем в плен, ибо он уже не возвратится и не увидит родной страны своей…» Так говорит Господь о Иоакиме, сыне Иосии, царе иудейском: «… Ослиным погребением будет он погребен; вытащат его и бросят далеко за ворота Иерусалима… Всех пастырей твоих унесет ветер, и друзья твои пойдут в плен; и тогда ты будешь пристыжен и посрамлен за все злодеяния твои…»

За эти дерзкие и бесстрашные слова Иеремия был схвачен и в оковах препровожден в темницу. Однако прошло совсем немного времени, и пророчество его свершилось, царь вавилонский Навуходоносор (Набукудурриуцур II) в 603 г. до Р.Х. захватил Иерусалим, взял в плен Иоакима и вместе с юношами из царского и знатных княжеских родов отправил в Вавилон. Самому Иоакиму на этот раз удалось сохранить престол — признав себя данником вавилонян, он возвратился в Иерусалим.

Царь не терял надежды освободиться от зависимости и вынашивал планы восстания.

Иеремия пытался предостеречь его от этого пагубного шага — послал во дворец свиток со своими писаниями, но Иоаким сжег его, а пророка повелел схватить и казнить. Иеремия, предвидя это, успел скрыться.

Последующие события показали, что царь напрасно не слушался советов пророка. В 597 г. до Р.Х. Навуходоносор, узнав о тайных сношениях иудейского царя с Египтом, второй раз подступил к Иерусалиму и без боя овладел им. Многие жители были перебиты, а Иоакима Навуходоносор велел казнить. Царем стал его сын Иехония. Но он правил всего сто дней. Затем Иерусалим был в третий раз взят вавилонянами. Царь, вся знать и 10 тысяч человек отборного населения были переселены в Вавилон. Престол перешел к сыну Иосии Седекии (Цидкии). Судьба старшего брата Иоакима ничему его не научила, и он думал только о том, как освободиться от власти вавилонян. В это время было слово Господнее к Иеремии.

Господь сказал ему: «Сделай себе узы и ярмо и возложи их себе на шею, пойди к Седекии и скажи от Моего имени: «Я сотворил землю, человека и животных, которые на лице земли, великим могуществом Моим и простертою мышцею Моею, и отдал ее, кому Мне благоугодно было. И ныне Я отдаю все эти земли в руку Навуходоносора, царя вавилонского, раба Моего, и даже зверей полевых отдаю ему на служение. И все народы будут служить ему и сыну его и сыну сына его, доколе не придет время и его земле и ему самому; и будут служить ему народы и цари великие. И если какой народ и царство не захочет служить ему, Навуходоносору, царю вавилонскому, и не поклонит шеи своей под ярмо царя вавилонского, — этот народ я накажу мечом, голодом и моровою язвою…» В то же время Иеремия отправил письмо в Вавилон к плененным иудеям, которые жили в ожидании скорого возвращения на родину. Пророк старался излечить их от этих беспочвенных ожиданий и предупреждал их, что пленение будет долгим. Он писал: «Стройте домы и живите в них, и разводите сады и ешьте плоды их; берите жен и рождайте сыновей и дочерей; и сыновьям своим берите жен и дочерей своих отдавайте в замужество, чтобы они рождали дочерей и сыновей, и размножайтесь там, а не умаляйтесь… Ибо так говорит Господь Савоаф, Бог Израилев: «Да не обольщают вас пророки

ваши, которые среди вас, и гадатели ваши; и не слушайте снов ваших, которые вам снятся; ложно пророчествуют они вам именем Моим…» Ибо так говорит Господь: «Когда исполнится в Вавилоне семьдесят лет, тогда я посещу вас и исполню доброе слово Мое о вас, чтобы возвратить вас на родину…»

В течение восьми лет Седекия хранил верность вавилонянам, но потом соединился с египтянами в надежде, что те помогут ему разгромить Навуходоносора. Однако вавилонский царь напал на Иудею раньше, чем его противники успели объединиться.

Разорив всю страну, он подступил к Иерусалиму и начал его осаду. Египтяне пытались помочь Седекии, но были разбиты. Больше иудеям не на кого было рассчитывать. В течение восемнадцати месяцев они мужественно выдерживали упорную осаду и штурмы вавилонян. Осаждавшие подвели к стенам крепости насыпи и соорудили высокие башни, с которых обстреливали защитников города. Иудеи терпели жестокий голод, множество их пало от рук врагов и болезней. В этот критический момент Иеремия призвал народ покинуть обреченный город. Он обратился к осажденным с такими словами: «Так говорит Господь. «Кто останется в этом городе, умрет от меча, голода и моровой язвы; а кто выйдет к халдеям, будет жив, и душа его будет ему вместо добычи, и он останется жив». Так говорит Господь: «Непременно передан будет город сей в руки войска царя вавилонского, и он возьмет его». Разгневанный царь велел схватить пророка и бросить его в глубокую яму во дворе тюрьмы. Позже он был освобожден, но содержался под стражей.

В 587 г. до Р.Х., когда силы иудеев оказались окончательно подорваны, вавилоняне ворвались внутрь укреплений. Узнав об этом, Седекия пытался бежать, но был захвачен в плен. Навуходоносор приказал перебить всех сыновей царя, выколоть ему глаза и в оковах отослать в Вавилон. Вавилоняне разграбили Иерусалим, а затем разрушили его до основания. Разрушен был и Храм Господень, а его сокровища расхищены. Всех оставшихся в живых иудеев угнали в Вавилонию. Иудейское царство перестало существовать.

Иеремию Навуходоносор приказал освободить и впредь не чинить ему никаких притеснений. Пророк поселился сначала в Массифе, но, когда она была разорена непокорившимися иудеями, он переселился в Египет, в город Тафнис. Он чувствовал, что жизнь его подходит к концу, и пробегал ее всю мысленным взором. Как не походили друг на друга эпохи его молодости и старости! На том месте, где некогда лежала богатая и цветущая страна, теперь в полном смысле слова простиралась пустыня: города лежали в развалинах, все население было угнано на чужбину. Но пророк знал, что история Иудеи не окончилась — пройдя через горнило распада и разгрома, она начинала теперь долгий путь к возрождению. И вот, незадолго до смерти он пишет последнюю книгу, которую отправляет в Вавилон. Тон ее разительно отличался от всего того, что ему приходилось говорить прежде — на место суровым обличениям и горькой нелицеприятной правды, которую он всегда смело бросал в лицо народу, пришли слова надежды и утешения. Иеремия писал: «Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с Израилем и Иудой Новый Завет. Он будет не таким, какой Я заключал с их праотцами, когда взял их за руку,

чтобы вывести их из земли Египетской. Хотя они нарушили Мой Завет, Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот Завет, который Я заключу с Израилем после тех дней, говорит Господь; Я вложу Закон Мой в них самих и на сердцах их напишу его; и стану Я для них Богом, а они будут Моим народом. Не нужно уже будет им учить друг друга познанию Бога: все они от малого до великого будут знать Меня, говорит Господь, ибо прощу Я беззакония их и не буду вспоминать грехов их. Так говорит Господь, который дал солнце для света днем, а луну и звезды для света в ночи, Который волнует море так, что шумят его волны; Яхве Савоаф — имя Его».

Иезекииль

Пророк Иезекииль родился около 622 г. до Р.Х. Он происходил из еврейского города Сарира, из семьи священника. В 597 г. до Р.Х., после второго разгрома Иерусалима вавилонянами, он оказался в плену и остаток жизни провел на чужбине — в Вавилонии, близ реки Ховар. Здесь, на пятый год после переселения и в 30-й год его жизни ему явилось чудное видение, подробно описанное потом в первых книгах его пророчеств. «Я видел, — говорит Иезекииль, — бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из середины его как бы свет пламени из средины огня; и из средины его видно было подобие четырех животных… И шли они, каждое в ту сторону, которая перед лицом его; куда дух хотел идти, туда и шли; во время шествия своего не оборачивались… Над головами животных было подобие свода, как вид изумительного кристалла, простертого сверху над головами их… А над сводом, который над головами их, было подобие престола по виду как бы из камня сапфира; а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем. И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри него вокруг; от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние было вокруг него… Такое было видение подобия славы Господней. Увидев это, я пал на лицо свое, и слышал глас Глаголющего, и Он сказал мне: «Сын человеческий! Стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобою». И когда он говорил мне, вошел в меня дух и поставил меня на ноги мои, и я слышал Говорящего мне. И Он сказал мне: «Сын человеческий! Я посылаю тебя к сынам Израилевым, к людям непокорным, которые возмутились против Меня; они и отцы их изменники предо Мною до сего самого дня. И эти сыны с огрубелым лицом и жестким сердцем; к ним Я посылаю тебя, и ты скажешь им: «Так говорит Господь Бог!» Будут ли они слушать, или не будут, ибо они мятежный дом; но пусть знают, что был пророк среди них. А ты, сын человеческий, не бойся их и не бойся речей их, если они волками и тернами будут для тебя, и ты будешь жить у скорпионов; не бойся речей их и не страшись лица их, ибо они мятежный дом; и говори им слова Мои, будут ли они слушать, или не будут, ибо они упрямы. Ты же, сын человеческий, слушай, что Я буду говорить тебе; не будь упрям, как этот мятежный дом; открой уста твои и съешь, что Я дам тебе». И увидел я, и вот рука простерта ко мне, и вот, в ней книжный свиток. И Он развернул его передо мною, и вот, свиток исписан был внутри и снаружи, и написано на нем: «плач, и стон, и горе». И сказал Он мне: «Сын человеческий! съешь этот свиток, и иди, говори дому Израилеву». Тогда я открыл уста мои, и Он

дал мне съесть этот свиток… и было в устах моих сладко, как мед. И Он сказал мне: «Сын человеческий! встань и пойди к переселенным, к сынам народа твоего, и говори к ним, и скажи им: «Так говорит Господь Бог!» будут ли они слушать, или не будут. И поднял меня дух; и я слышал позади себя великий громовой голос: «Благословенна слава Господа от места своего!»

С этого времени Иезекииль исполнился пророческого духа и благодати. Но судьба его разительным образом отличалась от судьбы его старшего современника Иеремии.

Иезекииль не знал ни преследований, ни гонений и спокойно дожил до старости в своем доме в Тель-Авиве на канале Кебар. Об обстоятельствах его жизни нам известно мало. После него осталась большая пророческая книга, которую позднейшие редакторы разделили на 48 глав. Содержание ее очень богато по разнообразию материала. Здесь собраны видения, подобия, притчи, аллегории, пророчества и символические действия. Книга эта очень почитается евреями как глубоко сокровенная, а самого пророка даже называют иногда «отцом иудаизма».

У современников Иезекииля большой известностью пользовалось пророчество о грядущем восстановлении Иерусалима, который лежал тогда в развалинах, а также пророчества, в которых он предрек будущее освобождение евреев из плена и возвращение их в родную Иудею. Впервые Господь предстал в его речах не как грозный Судия, а как добрый пастырь, заботливо пасущий Свой народ и лелеющий его. «Так говорит Господь Бог, — писал Иезекииль, — Я Сам отыщу овец Моих и осмотрю их. Как пастух проверяет свое стадо в тот день, когда находится среди стада своего рассеянного, так Я пересмотрю овец Моих и высвобожу из всех мест, в которые они были рассеяны в день облачный и мрачный. И выведу их из народов, и соберу их из стран, и приведу их в землю их, и буду пасти их на горах Израилевых, при потоках и на всех обитаемых местах земли той. Буду пасти их на хорошей пажити, и загон их будет на высоких горах Израилевых; там они будут отдыхать в хорошем загоне и будут пастись на тучной пажити на горах Израилевых. Я буду пасти овец Моих, и Я буду покоить их, говорит Господь Бог. Потерявшуюся отыщу и угнанную возвращу, и пораненную перевяжу, и больную укреплю, а разжиревшую и буйную истреблю; буду пасти их по правде». Той же надеждой на будущее возрождение Израиля проникнуто одно из самым знаменитых пророчеств Иезекииля, в котором он говорит о грядущем воскресении мертвых. «Была на мне рука Господа, — пишет пророк, — и Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, и обвел меня кругом около них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи. И сказал мне: «Сын человеческий! Оживут ли эти кости?» Я сказал: «Господи Боже! Ты знаешь это». И велел мне: «Изреки пророчество на эти кости и скажи им: «Кости сухие! Слушайте слово Господне! Так говорит Господь Бог этим костям: «Вот, Я введу дух в вас, и оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожею, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я Господь»». Я изрек пророчество, как мне было повелено; и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот стали сближаться кости — кость с костью своею. И видел я: жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них. Тогда

сказал мне Господь: «Изреки пророчество духу, изреки пророчество, сын человеческий, и скажи духу: «Так говорит Господь Бог: «От четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут»». И я изрек пророчество, как Он повелел мне, и вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои — весьма и весьма великое полчище. И сказал Он мне: «Сын человеческий! Кости эти — весь дом Израилев. Вот, они говорят: «Иссохли кости наши и погибла надежда наша, мы оторваны от корня». Посему изреки пророчество и скажи им: «Так говорит Господь Бог: «Вот, Я открою гробы ваши и выведу вас в землю Израилеву. И узнаете, что Я господь, когда открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших, и вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей, и узнаете, что Я, Господь…» В дальнейшем многие видели в этих словах не просто обещание избавления, но пророчество о грядущем воскресении из мертвых, которое должно последовать при конце света.

Умер Иезекииль около 571 г. до Р.Х. Гробница его располагалась по соседству с древним Вавилоном.

Ездра

В 539 г. до Р.Х. Вавилон захватил персидский царь Кир (Куруш II). Вавилонское царство было включено в состав Персии. В следующем году Кир издал эдикт, касающийся евреев. В указе объявлялось, что все иудеи, если того пожелают, могут вернуться на родину предков. Дорогую храмовую утварь, вывезенную в качестве трофея Навуходоносором, царь приказал вручить еврейским старейшинам, а наместнику возрожденной Иудеи выдать средства для постройки храма (размеры его были предусмотрены в указе, дабы впоследствии избежать любых недоразумений).

Наместником провозгласили иудейского князя Зерубабеля — одного из потомков царя Ехонии. Вместе с верховным священником Иошуей он возглавил караван первых переселенцев. Иудея являла в те годы очень печальное зрелище. Святой город Иерусалим представлял из себя груду развалин. Многие другие города и деревни были совершенно безлюдны. Поля, которые не обрабатывались целые десятилетия, превратились в пустыню. Тем не менее, радости вернувшихся не было границ. Прибыв в разрушенный Иерусалим, где за годы запустения не осталось ни одного целого здания, и кое-как устроившись на месте, иудеи весной 537 г. до Р.Х. приступили к строительству Храма Господня. Но вскоре возникли препятствия, которые затормозили строительство. В 530 г. до Р.Х. Кир погиб во время похода в Среднюю Азию. Его сын и наследник Камбис (Камбуджия II) мало интересовался делами Иудеи. Между тем средства, отпущенные Киром, истощились. Поневоле пришлось приостановить строительство. Только в 520 г. до Р.Х., когда при новом царе Дарий (Дарявахуше I) в Иудею переселилась из Вавилона новая большая партия евреев, строительные работы возобновились. В марте 515 г. до Р.Х. состоялось освящение храма. Но и после этого долгое время население Иерусалима оставалось незначительным, повсюду царили запустение и разруха. Из-за постоянных неудач религиозное рвение народа угасло. Картину глубокого духовного упадка этой поры рисует «Книга пророка

Малахии». В ней явственно слышны голоса мирян и священников, охладевших к религии: они больше не верят в избранность Израиля, они относятся к Храму Господню и жертвам более чем равнодушно, они разрешают своим детям вступать в браки с иноверцами. Многие из них побросали своих жен, чтобы взять молодых язычниц, и не видят в том греха. Нужен был авторитетный человек, который мог бы возродить духовную жизнь общины и дать ей новые уставы. Таким человеком стал последний выдающийся вероучитель древнего Израиля книжник Ездра, сын Серай. (Возможно, что до своего появления в Иерусалиме он занимал официальный пост в персидской столице, представляя при дворе интересы своих соотечественников. Кроме того, он был священником, происходившим, как считалось, из рода Аарона.)

Выросший на идеях пророка Иезекииля, Ездра всю свою жизнь отдал изучению Закона, который он понимал как договор, заключенный между Богом и Израилем: Бог дал людям предписания относительно всей их жизни, но они пренебрегли условиями Завета. Поэтому их и постигли столь многие неудачи. Но если Израиль от слова до слова исполнит все, что требует Закон, он станет достойным своего избранничества и будет снова в милости у Бога. Главным условием спасения Израиля он считал обособление его от языческого мира. Для этого необходимо было дать народу религиозные предписания, которые бы строго регламентировали его жизнь. Основа для этого уже была — в распоряжении Ездры находилась выверенная вавилонскими книжниками Тора, которая, вероятно, в основном соответствовала нынешнему тексту Пятикнижия. Эта Тора включала в себя Священную Историю от миросотворения до прихода Израиля в Землю обетованную и весь свод ветхозаветных законов. Многие из этих предписаний в то время не выполнялись, и Ездра поставил своей целью перестроить всю жизнь иудеев в соответствии с Торой. Задача эта была не из легких, но Ездра обладал железной волей и поэтому не сомневался в успехе.

Около 428 г. до Р.Х. он обратился к персидскому царю Артаксерксу (Артахшассе I) с просьбой назначить его религиозным главой иудеев как в Палестине, так и в рассеянии и вскоре получил рескрипт следующего содержания: «Артаксеркс, царь царей, Ездре священнику, учителю закона Бога небесного совершенному и прочее. От меня дано повеление, чтобы в царстве моем всякий из народа Израилева и из священников его и левитов, желающий идти в Иерусалим, шел с тобою, так как ты посылаешься от царя и семи его советников, чтобы обозреть Иудею и Иерусалим по Закону Бога твоего, находящемуся в руке твоей… Ты же, Ездра, по премудрости Бога твоего, которая в руке твоей, поставь правителей и судей, чтобы они судили народ и Заречье — всех знающих Закон Бога твоего, а кто не знает — тех учите. Кто же не будет исполнять Закон Бога твоего и закон царя, над тем немедленно пусть произведут суд: на смерть ли, или на изгнание, или на штраф, или на заключение в темницу».

Получив эту грамоту, которая давала ему огромные полномочия и фактически ставила во главе иудейской общины, Ездра набрал в Вавилонии около полутора тысяч добровольцев и с ними отправился в Иудею. Осмотревшись и увидев, как небрежно исполняются многие заповеди Господни, Ездра ужаснулся и решил начать свою деятельность с

обучения народа с законами Торы, о которых большинство имело только смутное представление. Когда наступил праздник Кущей и в Иерусалим собралось почти все население Иудеи, Ездра велел соорудить на площади большой деревянный помост и начал с него публичное чтение Закона. Многие уже плохо понимали еврейский язык, поэтому левиты абзац за абзацем переводили прочитанное на арамейский и давали необходимые пояснения. Чтение потрясло слушателей; люди плакали, ужасаясь тому, как далека их жизнь от заветов Бога. И Ездре даже приходилось успокаивать их. Но вскоре начальники донесли ему: «Народ Израилев и священники и левиты не отделились от народов иноплеменных с мерзостями их… потому что взяли дочерей их за себя и за сыновей своих, и смешалось семя святое с народами иноплеменными, и притом рука знатнейших и главнейших была в сем беззаконии первою». «Услышав это слово, — пишет Ездра, — я разодрал верхнюю и нижнюю одежду мою и рвал волосы на голове моей и на бороде моей и сидел печальный. Тогда собрались ко мне все, убоявшиеся слов Бога Израилева по причине преступления переселенцев, и я сидел в печали до вечерней жертвы. А во время вечерней жертвы я встал с места сетования моего, и в разодранной нижней и верхней одежде пал на колени мои и простер руки мои к Господу Богу моему и сказал: «Боже мой! Стыжусь и боюсь поднять лицо мое к Тебе, Боже мой, потому что беззакония наши стали выше головы, и вина наша возросла до небес… Ибо мы отступили от заповедей Твоих, которые заповедал Ты через Рабов Твоих пророков, говоря: «Земля, в которую идете вы, чтоб овладеть ею, земля нечистая. Она осквернена нечистотою иноплеменных народов, их мерзостями, которыми они наполнили ее от края до края в осквернениях своих. Итак дочерей ваших не выдавайте за сыновей их, и дочерей их не берите за сыновей ваших…» И после всего, постигшего нас за худые дела наши и за великую вину нашу… неужели мы опять будем нарушать заповеди Твои и вступать в родство с этими отвратительными народами?»

Когда Ездра молился таким образом, исповедовался и плакал, распростершись на земле перед храмом, к нему собралось со всего Иерусалима много народа: мужчины, женщины и дети. Многие рыдали. А один из народа, Иехония, сказал: «Ездра! Мы согрешили перед Господом, мы взяли иноплеменных жен из народов земли; и вот теперь здесь весь Израиль: да будет совершена нами клятва перед Господом в том, чтобы отвергнуть всех иноплеменных жен наших с детьми их, как рассудилось тебе и всем, которые повинуются закону Господа. Встав, соверши это! Ибо твое это дело, и мы с тобою в силах будем сделать его». Ездра встал и взял клятву со всех старших священников и левитов всего Израиля в том, что это решение будет неукоснительно проведено в жизнь. Через три дня в Иерусалиме собрался весь народ иудейский. Люди сидели во дворе храма, дрожа от холода, так как уже наступила зима и шел дождь. Ездра встал и сказал людям: «Вы сделали беззаконие и живете с иноплеменными женами, прилагая грехи Израилю. Итак, воздайте теперь исповедание и славу Господу богу отцов наших и сотворите волю Его, и отделитесь от народов земли и жен иноплеменных!» Хотя решение это многих огорчило, народ повиновался, и Ездра услышал громкие голоса и вопли: «Как ты сказал, так мы и сделаем… пусть поставлены будут начальники над сонмом, и все те, которые из селений наших имеют иноплеменных жен,

пусть в свое время приходят к ним со старейшинами и судьями каждого места, доколе не отвратится от нас гнев Божий за это дело». После этого была организована комиссия из верных Ездре людей. В течение нескольких месяцев она вела расследование и составила списки всех смешанных семей. В него вошло более ста священников. Все они должны были развестись со своими женами, отослать их от себя и принести умилостивленные жертвы.

Эти события оказали огромное влияние на всю дальнейшую историю евреев, так как следствием их стало превращение иудейского народа в замкнутую общину, своего рода касту или религиозный орден. С одной стороны, это резко обособило евреев от окружающих племен, но, с другой — помогло им выстоять во всех грядущих испытаниях и сохранить свою нацию, культуру и священный язык. Цементирующей силой, связавшей всех евреев как в Палестине, так и в рассеянии, стала их религия — иудаизм, начало формирования которой также было положено Ездрой. В следующие годы иерусалимские книжники под его руководством начали собирать священные иудейские писания. Различные тексты тщательно сличались между собой.

То, что еще не было записано, записывалось. Прежде всего была окончательно канонизирована и приобрела силу непререкаемого закона Тора («Пятикнижие» Моисея). Считается, что основой для канонического текста послужила рукопись, привезенная из Вавилона. Этим деятельность Ездры не ограничилась. Руководимая им комиссия — так называемое Великое собрание — стала выбирать из обширной литературы предшествующего периода те книги, которые, хотя и не пользовались таким авторитетом, как Тора, могли быть рекомендованы для душеспасительного и назидательного чтения. В дальнейшем многие из них тоже были признаны священными.

Так было положено начало формирования Танаха — иудейского библейского канона.

ИИСУС ХРИСТОС

По прошествии ста лет после реформ Ездры, Персидская держава была разгромлена Александром Македонским. Когда Александр умер, его империя также распалась.

Иудея сначала отошла к Египту, а потом вошла в состав Сирийского царства. В 166 г. до Р.Х. священник Маттафия из рода Хасмонеев поднял восстание против сирийцев, которое, то угасая, то разгораясь с новой силой, продолжалось несколько десятилетий и завершилось полным освобождением страны. В 104 г. до Р.Х. правнук Маттафии Аристобул I провозгласил себя царем, положив начало Второму Иудейскому царству. Впрочем, независимое существование этого государства продолжалось совсем недолго. Уже в 63 г. до Р.Х. римский полководец Помпей подступил к Иерусалиму и после упорной осады захватил его. Племянник Аристобула I, Гиркан II, должен был признать верховную власть Рима. В 37 г. до Р.Х. римляне отстранили от власти племянника Гиркана II, Антигона (последнего царя из династии Хасмонеев), и передали престол полководцу Ироду. При нем Иудея усилилась и значительно расширила свои границы. Обеспокоенный этим римский император Август после смерти Ирода в 4 г. до Р.Х. разделил страну между тремя его сыновьями — Архелаем, Антипой

(авторы евангелий называют его Иродом) и Филиппом, но ни один из принцев не был удостоен царского титула. В 6 г. Август отстранил Архелая от власти за многочисленные злоупотребления и отправил в ссылку. После этого Иудею обратили в римскую провинцию, управляемую прокуратором. Таково было положение в стране, когда родился Иисус Христос.

Его земными родителями считаются престарелый плотник Иосиф, принадлежавший к роду царя Давида, и юная девушка Мария. Родители Марии — Иаков и Анна — долгое время не имели детей. Анна очень страдала от этого, но однажды к ней явился ангел Господень и возвестил ей: «Анна! Твоя молитва услышана. Ты родишь, и твой род будет славен во всем мире». Анна обрадовалась и сказала: «Кто бы ни родился у меня, я отдам ребенка Господу и он посвятит свою жизнь служению Ему». Через год Анна родила девочку и нарекла ей имя Мария. Когда дочери исполнилось три года, родители отвели ее на воспитание в Храм Господень и оставили там. Здесь она прожила десять лет. Однажды, когда первосвященник молился в храме, ангел Господень явился ему и сказал: «Созови тех, кто не женат среди народа твоего, и пусть каждый из них принесет свой посох. Тот, на кого укажет Господь Своим знамением, будет мужем Марии». Первосвященник разослал по всей Иудее глашатаев, которые созвали в Иерусалим всех неженатых мужчин.

Среди прочих был и Иосиф из Назарета — в ту пору уже почтенный старец, овдовевший много лет назад и имевший взрослых детей. Первосвященник взял от каждого посох, вошел в храм и молился. Когда он стал раздавать их обратно, из посоха Иосифа вылетела голубка. Так Бог дал Свое знамение. Первосвященник сказал Иосифу: «Ты избран Господом в мужья Марии». Иосиф был удивлен этим выбором и поначалу хотел отказаться, говоря: «Я старик, и дети мои давно стали взрослыми.

Она же еще очень молода. Как может она стать моей женой?» Но первосвященник не внял ему. «Страшись идти наперекор воле Господней», — сказал он. Тогда Иосиф смирился, привел Марию в свой дом, и она жила там четыре года, оставаясь девственницей. Таковы сведения о земных родителях Иисуса до его рождения, которые мы почерпнули из апокрифического Первоевангелия Иакова-младшего. У Иосифа был родственник по имени Захария, священник. Его жену звали Елисавета.

Оба они были уже люди немолодые, однако детей у них не было. Однажды, когда Захария служил в храме, ему явился ангел Господень и сказал: «Не бойся, Захария, ибо Господь услышал твою молитву, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя Иоанн… он будет велик перед Господом… и многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу». Это было благовестие о рождении Иоанна Предтечи. Через шесть месяцев после этого архангел Гавриил, посланник Божий, явился в Назарет, в дом Иосифа, к жене его Марии и сказал: «Радуйся, Благодатная! Господь с тобою; благословенна ты между женами… Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего…» Мария возразила: «Как будет это, когда я мужа не знаю?» Ангел отвечал: «Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божьим…» Мария сказала: «Я раба Господня; да будет мне по слову твоему».

Спустя несколько месяцев Иосифу открылось, что Мария ожидает ребенка. Будучи праведным и не желая огласить ее, он хотел тайно отпустить Марию. Но когда он подумал об этом, ангел Господень явился ему во сне и сказал: «Иосиф, сын Давидов! Не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в ней есть от Духа Святого; родит же она сына, и наречешь ему имя Иисус, ибо Он спасет людей от грехов их». А все это произошло во исполнение изреченного Господом через пророка, который сказал: «Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог». Проснувшись, Иосиф поступил так, как велел ему Ангел — он не стал отсылать Марии, а продолжал заботиться о ней, как о своей жене. В те дни римский император Август повелел сделать перепись по всей земле.

Всем евреям было приказано возвратиться в те города, где они родились. Поехал также Иосиф из Назарета в город Вифлеем, потому что он был родом из дома царя Давида, и там должен был записаться вместе с Марией. Но когда они приехали в Вифлеем, места в гостинице не оказалось, и потому они остановились в хлеву. Тут Марии пришло время родить. Она родила Сына и, запеленав, положила его в ясли, в которые клали корм для скота, потому что ей больше некуда было положить Его.

В то время неподалеку от Вифлеема несколько пастухов сторожили свое стадо. Вдруг им явился ангел Господень и сказал: «Я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь». Когда ангел отошел от них, пастухи поспешили в Вифлеем, нашли Марию, Иосифа и Младенца, лежащего в яслях, и рассказали о том, что им было возвещено о Новорожденном. Многие слышали это и дивились тому, что рассказали пастухи. По прошествии восьми дней, когда по древнему иудейскому обычаю надлежало обрезать Младенца, ему дали имя Иисус.

Вскоре после Его рождения в Иерусалим с востока пришли мудрецы-волхвы и сказали: «Где родившийся Царь Иудейский? Мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему». Услышав это, царь Ирод встревожился. Собрав первосвященников и книжников, он стал спрашивать у них: «Где должно родиться Христу? Они же сказали ему: «В Вифлееме, ибо есть о том древнее пророчество пророка Михея».

Ирод тайно призвал волхвов и, послав их в Вифлеем, сказал: «Пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему». Волхвы, выслушав царя, пошли. Господь послал перед ними звезду, которая привела их к месту, где находился Младенец. Войдя в дом, волхвы увидели Младенца с Мариею и, пав ниц, поклонились ему, а потом преподнесли свои дары: золото, ладан и смирну. Затем они отправились в свою страну, не заходя в Иерусалим. Когда они отошли, ангел Господень явился во сне Иосифу и сказал: «Встань, возьми Младенца и мать Его и беги в Египет, и будь там до тех пор, пока не скажу, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его». Иосиф встал, взял Иисуса, Марию и отправился в Египет. Между тем Ирод напрасно ждал возвращения волхвов. Поняв, наконец, что обманут, он разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме от двух лет и младше. Однако Христа среди них уже не было.

Вскоре после этого Ирод умер. Тогда ангел Господень опять явился во сне к Иосифу и сказал: «Встань, возьми Младенца и мать Его и иди в землю Израилеву, ибо умерли искавшие души Младенца». Иосиф послушно отправился в Назарет и поселился там.

О последующих годах жизни Иисуса, о Его детстве и юности, канонические евангелия практически ничего не сообщают. В тот год, когда Иисусу исполнилось 30 лет, свои проповеди в Иудее начал Иоанн, сын Захарии. Он проходил по стране и говорил. «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное… приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему». Иерусалим, вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к Иоанну, и многие крестились от него в Иордане, исповедуя свои грехи.

А Иоанн говорил им: «Я крещу вас в воде в покаянии, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем… Он очистит гумно Свое, а солому сожжет огнем неугасимым». Иисус среди прочих пришел на Иордан к Иоанну креститься от него. Увидев Христа, Иоанн смутился и спросил: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?»

Но Иисус сказал ему в ответ. «Оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду». Иоанн крестил Его, а когда Иисус выходил из воды, Дух Божий в виде голубя снизошел на Него, а с небес раздался голос: «Это есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

После крещения Иисус удалился в пустыню для того, чтобы там, в уединении, молитвою и постом приготовиться к исполнению Своего великого дела. Там он провел сорок дней, не вкушая пищи. Под конец подступил к Нему сатана и стал искушать Его. Он сказал: «Если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом». Иисус отвечал: «Написано, что не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом Божьим». Дьявол вознес Его на высокую гору и показал все царства Вселенной, а потом сказал: «Тебе дам власть над всеми этими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если ты поклонишься мне, то все будет Твое». Иисус возразил: «Написано:

Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи». Сатана повел Его в Иерусалим и поставил на крыле храма, а потом сказал: «Если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз, ибо написано: ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею». Иисус сказал в ответ: «Сказано: не искушай Господа Бога твоего». Так ничего и не добившись, сатана оставил Иисуса и отступил от Него.

По возвращении из пустыни, когда Христос шел по берегу Иордана, Иоанн Креститель увидел Его и сказал: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира. Это есть Тот, о Ком я говорил: за мною идет Муж, Который стал впереди меня… Я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он был явлен Израилю». На другой день, увидев Иисуса, Иоанн опять сказал: «Вот Агнец Божий». Услышав эти слова, два ученика Иоанна оставили его и пошли за Христом. Один из них был Андрей, а другой — Иоанн. Потом Андрей привел к Иисусу своего брата Симона. Иисус, взглянув на него, сказал: «Ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Петр» (что значит камень). На другой день к Христу присоединились еще двое учеников: Филипп и Нафанаил. Вместе с ними Он направился на свадебный

пир в Кану Галилейскую к одному из своих родственников. И вот оказалось, что у родителей жениха было мало вина, так что они не могли оделить им всех гостей. Узнав об этом, Иисус позвал служителей и сказал им: «Наполните сосуды для переноски воды водою из колодца и несите их распорядителю пира». Все было сделано так, как Он велел. Распорядитель попробовал воды из сосудов, и оказалось, что она превратилась в дорогое вино.

Ученики были поражены этим чудом и окончательно уверовали вНего.

Незадолго до Пасхи Иисус пришел в Иерусалим. Войдя в храм Божий, Он увидел, что там продавали овец, волов и голубей, а также сидели менялы денег. Сделав из веревок бич, он выгнал из храма всех торговцев, деньги у менял рассыпал, а столы их опрокинул. Возмущенные иудеи стали спрашивать Его: «Каким знамением Ты докажешь нам, что имеешь власть так поступать?» Иисус сказал им в ответ: «Разрушьте этот храм, и Я в три дня воздвигну его». Он говорил о храме тела Своего, и смысл Его слов был такой: «Убейте Меня, и Я воскресну через три дня».

Но иудеи не поняли Его. Они думали, что Он говорит о Храме Господнем, и сказали: «Этот храм строился сорок шесть лет, а ты в три дня воздвигнешь его?» Однако, наблюдая за Иисусом и видя многие чудеса, которые Он творил, некоторые из них уверовали в Него.

Из Иерусалима Иисус отправился в Иудею и там крестил многих из новообращенных.

Потом Он отправился в Галилею, и ученики шли вместе с Ним. Путь их лежал через самарийский город Сихарь. Там Иисус сел возле колодца, который в незапамятные времена отрыли люди Иакова, сына Исаака. Ученики Его отправились купить пищи, и Он был один. Тут к колодцу подошла самарянка. Иисус сказал ей: «Дай Мне пить».

Услышав эту просьбу, самарянка удивилась. По внешности Иисуса она поняла, что перед ней иудей, а в те времена иудеи гнушались самарян и никогда не пользовались их посудой. Женщина спросила: «Как ты, будучи иудеем, просишь пить у меня, самарянки?» Иисус сказал: «Если бы ты знала, Кто сидит перед тобой, то ты сама просила бы у Меня испить, и Я дал бы тебе воду живую». Женщина не поверила Ему и возразила: «Тебе и зачерпнуть нечем, ведь колодец очень глубок, откуда же у Тебя живая вода? Неужели Ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодец?» Иисус сказал ей в ответ: «Всякий, кто попьет воды из этого колодца, вскоре вновь захочет пить. Но те, кто пьют воду, данную Мной, не будут никогда испытывать жажды! Вода Моя сделается в них источником воды, текущей в вечную жизнь…» Между тем вернулись ученики и сказали Иисусу: «Вот пища, Учитель, ешь!» Иисус возразил им: «У Меня уже есть пища, которой вы не знаете».

Ученики удивились и стали спрашивать друг у друга: «Откуда у Него пища? Разве кто принес Ему есть?» Иисус, видя их изумление, сказал: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершать дело Его…»

Из Самарии Иисус пошел обратно в Кану Галилейскую. В то время в Капернауме жил один царедворец, у которого был болен сын. Он услышал, что Иисус пришел в Галилею, явился к Нему и стал просить Его прийти и исцелить его сына, который был при смерти. Иисус сказал ему: «Пойди, сын твой здоров». Он поверил слову Его и пошел. По дороге его встретили

слуги и сказали: «Сын твой здоров». Он спросил у них: «В каком часу стало ему легче?» Они отвечали: «Горячка оставила его вчера в седьмом часу». Из этого отец узнал, что это был тот час, в который Иисус сказал: «Сын твой здоров». После этого чуда молва об Иисусе разнеслась по Галилее и всей стране. Он учил в синагогах и от всех был прославляем.

Затем Иисус пришел в Иерусалим на праздник Пасхи. Здесь, у Овечьих ворот, была купальня, при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромых и иссохших. Все они ожидали движения воды, ибо ангел Господень время от времени сходил в купальню и возмущал воду, и первый, кто входил в нее после ангела, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью.

Тут был человек, страдавший от болезни уже тридцать восемь лет. Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, спросил его: «Хочешь ли быть здоров?» Больной отвечал ему: «Да, Господи, но нет со мною человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода… всякий раз, когда я доползаю до нее, кто-то уже сходит прежде меня». Иисус сказал ему: «Встань, возьми постель свою и иди». И он тотчас выздоровел, взял постель свою и пошел.

Однажды в субботу, когда закон запрещает всем евреям трудиться, Иисус и Его ученики вошли в синагогу. Среди народа был здесь человек, у которого правая рука была сухая. Недруги Христа стали наблюдать за Ним, чтобы узнать — исцелит ли Он больного, а потом обвинить его в нарушении законов Моисея. Иисус, зная об их мыслях, приказал человеку, имевшему больную руку: «Встань и выступи на середину». Он встал и выступил, а Иисус сказал: «Спрошу Я вас: что должно делать в субботу? Добро или зло? Спасти душу, или погубить?» Недруги Иисуса молчали.

Посмотрев на них, Он приказал больному: «Протяни руку твою» Он так и сделал, и рука его стала здорова.

Спустя несколько дней Иисус взошел на гору и избрал из числа Своих учеников двенадцать человек, которых наименовал апостолами. Это были: Петр и брат его Андрей, Иаков, Иоанн, Филипп, Варфоломей, Матфей, Фома, Иаков Алфеев, Симон Зилот, Иуда Иаковлев и Иуда Искариот, который потом сделался предателем.

Сойдя затем с горы, Христос встал на ровном месте. При Нем были Его ученики, и много народа со всей Иудеи и из Иерусалима, которые пришли послушать Его и исцелиться от болезней. Иисус взошел на возвышенное место и стал учить их. Он сказал: «Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь. Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого.

Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. Так поступали с пророками отцы их. Напротив, горе вам, богатые! Ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! Ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете и возрыдаете. Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! Ибо так поступали с лжепророками отцы их. Но вам, слушающим, говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по

щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними, И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники то же делают. И если взаймы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники дают взаймы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благодарите, и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд. Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо, какою мерою мерите, такою же отмерится вам… Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или, как можешь сказать брату твоему: «Брат! Дай я выну сучок из глаза твоего», когда сам не видишь бревна в твоем глазе? Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего… Что вы зовете Меня: Господи! Господи! — и не делаете того, что Я говорю? Всякий, приходящий ко Мне и слушающий слова Мои и исполняющий их… подобен человеку, строящему дом, который копал углубления и положил основание на камне. Почему, когда случилось наводнение и вода наперла на этот дом, то не смогла поколебать его, потому что он основан был на камне. А слушающий и не выполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение этого дома было великое».

По окончании Нагорной проповеди Иисус пошел в Капернаум. Здесь у одного сотника заболел и лежал при смерти любимый слуга. Услышав об Иисусе, сотник послал к Нему иудейских старейшин просить Его, чтобы Он пришел исцелить его слугу. Иисус пошел с ними. И когда Он недалеко уже был от дома, сотник прислал к Нему людей сказать: «Не трудись, Господи! Ибо я недостоин того, чтобы Ты вошел под мой кров. Но я верю: если Ты захочешь и скажешь только слово — мой слуга немедленно выздоровеет». Услышав это, Иисус удивился и сказал идущему за ним народу: «Сказываю вам, что и в Израиле не нашел Я такой веры». Когда посланные возвратились в дом сотника, то нашли больного слугу уже выздоровевшим.

После этого Иисус пошел в город, называемый Наин. С Ним шли многие из его учеников и множество народа. Когда они приблизились к воротам, из них выносили умершего. То был единственный сын у матери, а она была вдова; и много народа шло с ней из города. Иисус сжалился над бедной женщиной и сказал ей: «Не плач». Он подошел к гробу и прикоснулся к нему. Несшие гроб остановились, а Иисус сказал: «Юноша! Тебе говорю, встань!» Мертвый, поднявшись, сел, и Иисус отдал его матери. Всех присутствующих объял страх. Люди славили Бога, говоря: «Великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой».

Такое мнение об Иисусе распространилось по всей Иудее.

Однажды Иисус пришел на берег Генисаретского озера. Чтобы послушать Его, собралось множество народа. Он вошел в лодку и сел, а весь народ стоял на берегу. Иисус начал поучать их притчами и сказал: «Вот, вышел сеятель сеять. И когда он сеял, одно зерно упало при дороге. Налетели птицы и поклевали его.

Другое упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, оно увяло, так как не имело корня. Третье зерно упало в терновнике, и терновник заглушил всходы и погубил их. Четвертое упало на добрую землю и принесло плод — от одного зерна вышло сто зерен. Кто имеет уши слышать, да слышит!»

Ученики приступили к Нему и стали спрашивать: «Для чего ты говоришь этим людям притчами?» Он сказал: «Я говорю притчами оттого, что сердца этих людей огрубели, уши у них не слышат, а глаза не видят. Но для вас я раскрою смысл притчи: «Ко всякому, слушающему слово о Царствии Божьем и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его — вот кого означает посеянное при дороге. А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется. А посеянное в терновнике означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно. Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен…»

И другую притчу предложил Иисус. Он сказал: «Царство Небесное подобно человеку, посеявшего на своем поле доброе семя; когда же люди спали, пришел враг его, посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Рабы домовладыки сказали ему «Господин! Не доброе ли семя сеял ты на поле твоем? Откуда же на нем плевелы?» Он сказал им: «Враг человек сделал это». А рабы сказали ему: «Хочешь, мы пойдем, выберем их?» Но он сказал: «Нет, — чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: «Соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою».

Когда Иисус отпустил народ и вошел в дом, ученики приступили к нему и попросили объяснить притчу о плевелах на поле. Он сказал им в ответ: «Сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия Небесного, а плевелы — сыны лукавого; враг, посеявший их, есть Дьявол; жатва есть кончина века, а жнецы суть ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века, пошлет Сын Человеческий ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззакония, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши услышать, да слышит!»

Затем Иисус сел со Своими учениками в лодку и сказал: «Переправимся на ту сторону озера». Они отправились, и во время их плаванья Он заснул. Тут на озере поднялся бурный ветер, лодку стало

заливать волнами, и они были в опасности. Ученики стали звать Иисуса: «Наставник! Наставник! Погибаем!» — и разбудили Его. Он, встав, запретил ветру дуть, а воде волноваться. Буря прекратилась, и наступила тишина. А Иисус сказал ученикам: «Где вера ваша?» Они же в страхе и удивлении говорили друг другу: «Кто же это, что и ветрами повелевает, и вода повинуется Ему?»

Пробыв некоторое время в Гадаринской стране, лежавшей против Галилеи, Иисус вернулся на галилейский берег Генисаретского озера. Тут пришел к Нему человек по имени Иаир, который был начальником синагоги. Пав к ногам Иисуса, он просил Его войти к нему в дом, потому что у него была одна дочь, лет двенадцати, и та была при смерти. Видя веру отца, Иисус пошел с ним, но по пути встретил их посланный из дома Иаира и сказал: «Дочь твоя умерла; не утруждай Учителя». Но Иисус, услышав это, сказал ему: «Не бойся, только веруй, и спасение будет». Они вошли в дом, где все плакали и рыдали, скорбя о девочке, но Иисус сказал: «Не плачьте, она не умерла, но спит». Никто не хотел верить Его словам, ибо ясно было уже, что несчастная мертва. Он же, взяв ее за руку, велел: «Девица! Встань». И возвратится дух ее. Она тотчас встала, и Он велел дать ей поесть.

Затем удалился Иисус в пустое место, вблизи города Вифсаиды. Народ узнал об этом и пошел за Ним. Иисус, приняв их, беседовал с людьми о Царствии Божьем, а просящих исцеления — исцелял. День стал клониться к вечеру. Апостолы приступили к Христу и сказали: «Отпусти народ, чтобы они пошли в окрестные селения ночевать и достали пищи; потому что мы здесь в пустом месте». Но Иисус велел: «Вы дайте им есть». Апостолы возразили: «Но у нас нет ничего, кроме пяти хлебов и двух рыб; или нам пойти купить пищи для всех этих людей?» А было желающих видеть и слушать Иисуса около пяти тысяч человек. Он, взяв пять хлебов и две рыбы, поднял лицо к небу и благословил их. Затем преломил и дал ученикам, чтоб они раздали народу. И ели все и насытились, а оставшихся у них кусков набросали двенадцать корзин.

Сразу после этого Иисус велел ученикам сесть в лодку и отправиться прежде него на другую сторону озера, не дожидаясь, пока Он отпустит народ. Затем Он взошел на гору, чтобы помолиться наедине, и оставался там один. Тем временем лодка достигла уже середины озера, и ее било волнами, потому что ветер был противный.

Вдруг, незадолго до рассвета, ученики увидели Иисуса, Который шел к ним пешком по морю. Они встревожились и стали говорить: «Это призрак!» Но Иисус тотчас заговорил с ними: «Ободритесь, это Я, не бойтесь». Петр сказал Ему в ответ: «Господи! Если это Ты, повели мне Придти к Тебе по воде». Иисус сказал: «Иди».

Петр, выйдя из лодки, пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и начал тонуть. Он закричал: «Господи! Спаси меня!» Иисус тотчас подал ему руку, поддержал и сказал: «Маловерный! Зачем ты усомнился?» А когда они вошли в лодку, ветер сразу утих.

Однажды, когда они были в Кесарии, Иисус говорил с учениками и открыл им грядущие события своей земной жизни: что ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников, быть

убитым и в третий день воскреснуть. Петр стал горячо говорить Христу: «Будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобою!» Иисус сказал Петру: «Отойди от Меня, сатана! Ты Мне соблазн! Потому что думаешь не о том, что Божеское, но что человеческое». И, обернувшись к ученикам, промолвил: «Если кто хочет за Мной, пусть отвергнет себя, возьмет крест свой и следует за Мной.

Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»

Через несколько дней Иисус, взяв с собой Петра, Иакова и Иоанна, брата его, взошел с ними на одну высокую гору, чтобы молиться. И когда Он молился, Его лицо изменилось — оно просияло как солнце, а одежда Его сделалась белой и блистающей.

Тут явились на горе Моисей и Илия, сошедшие с неба, и беседовали с Иисусом.

После их ухода Петр сказал Иисусу: «Господи! Хорошо нам здесь быть. Если хочешь, сделаем здесь три дома: для Тебя, для Моисея и для Илии». В то время, когда он это говорил, светлое облако осенило их, и из него раздался голос: «Это Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте». Ученики пали ниц и очень испугались. Иисус, подойдя, коснулся их и сказал: «Встаньте и не бойтесь».

Подняв глаза они уже не увидели ни Илии, ни Моисея.

После этого Иисус отправился в Капернаум. Тут во время одной из проповедей Петр приступил к Христу и спросил: «Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешившему против меня? До семи ли раз?» Иисус отвечал: «Не говорю тебе до семи, но до седмижды семидесяти раз. Потому как Царствие Небесное подобно царю, который захотел взыскать долги с рабов своих; и был приведен к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов. Так как он не имел чем заплатить, государь приказал продать его вместе с женой и детьми и взыскать на нем долг. Но раб пал перед царем и, кланяясь ему, говорил: «Государь! Потерпи на мне, и я все тебе заплачу». Царь, умилосердившись над рабом, отпустил его и простил ему долг.

А раб тот, выйдя, нашел одного из своих товарищей, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: «Отдай мне, что должен». Товарищ его пал к его ногам, умолял его и говорил: «Потерпи на мне, и все отдам тебе». Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, видя происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали о обо всем государю. Тогда государь призвал к себе его и сказал: «Злой раб! Весь твой долг я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища своего, как я помиловал тебя?» И разгневавшись, царь отдал того раба истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему его согрешений».

Не один раз люди спрашивали Иисуса, что самое главное в Его учении и как получить вечную жизнь в Царствии Божьем. Одни спрашивали, чтобы узнать, а другие, чтобы найти против Него обвинение. Однажды один законник, искушая Христа, спросил Его: «Учитель! Что мне

делать, чтобы наследовать жизнь вечную?»

Иисус сказал ему: «В законе что написано? Как читаешь?» Тот сказал в ответ: «Написано: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостью твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя». Иисус сказал ему: «Правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить». Но он, желая оправдать себя, спросил: «Иисус, а кто мой ближний?» В ответ на этот вопрос Иисус рассказал притчу: «Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Третьим проезжал некий самарянин. Он увидел несчастного, сжалился над ним и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино. И посадил он его на своего осла, привез в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: «Позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?» Законник отвечал: «Оказавший ему милость». Иисус сказал ему: «Иди, и поступай так же».

Поучая народ, Иисус пришел в Вифанию — селение неподалеку от Иерусалима за Елеонской горой. Здесь его приняла в свой дом одна женщина по имени Марфа, у которой был брат Лазарь и сестра Мария. Когда Иисус начал говорить, Мария села у Его ног и слушала. Марфа же заботилась о большем угощении и, подойдя, сказала: «Господи! Или Тебе нужды нет, что моя сестра одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогала мне». Иисус сказал ей в ответ: «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую честь, которая не отнимется у нее».

Однажды Христос и Его ученики сидели в доме, где было много народу. В это время к Иисусу привели бесноватого — слепого и немого. Иисус исцелил его так, что слепой и немой стал говорить и видеть. Весь народ дивился и говорил: «Не это ли Христос, сын Давидов?» Но другие говорили: «Он изгоняет бесов силою веельзевула, князя бесовского». Иисус отвечал им: «Как может сатана изгонять сатану? Если царство разделится само по себе, то не может устоять; или как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного? И если сатана восстал на самого себя и разделился, он не сможет устоять и пришел ему конец.

Если же вы скажете: «Я Духом Божьим изгоняю бесов», то, конечно, достигло до вас Царствие Божие».

В другой раз какой-то человек из народа попросил Христа: «Учитель! Скажи брату моему, чтобы он разделил со мной наследство». Иисус возразил: «Кто поставил Меня судить или делить вас?» А потом сказал: «Берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения». И рассказал притчу: «У одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: «Что мне делать? Некуда мне собрать мои плоды?» А потом сказал: «Вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: «Душа!» Много добра лежит у тебя на многие годы:

покойся, ешь, пей, веселись». Но Бог сказал ему: «Безумный! В эту ночь твою душу возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» Так бывает с теми, кто собирает сокровища для себя, а не для Бога богатеет». И сказал Иисус ученикам Своим: «Посему говорю вам, — не заботьтесь чрезмерно о том, что вам есть, что пить и во что одеться: душа больше пищи, и тело — одежды. Прежде всего ищите Царствия Божия и правды его, а все остальное приложится вам.

Приготовляйте себе влагалища не ветшающие, сокровища неоскудевающие на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает, ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет».

Затем Христос и апостолы отправились в Иерусалим на праздник Кущей. Иисус проповедовал там, а народ ходил за ним толпами и жадно слушал каждое Его слово.

Иудейские священники, видя это, встревожились и стали говорить друг другу: «Народ наш темен. Долго ли сбить его с пути истинного и отвратить от Господа?

Человек Этот опасен, ибо говорит не то, что говорим мы, и оттого люди могут усомниться в истинной вере и впасть в грех. Но что же нам делать? Прогнать его мы не можем, так как имя Его уже известно повсюду. Надо сделать так, чтобы он совершил неправедный поступок. Тогда все увидят Его двуличие». Задумав так, они подвели к Иисусу женщину, обвиненную в измене мужу, и сказали Ему: «Учитель! Эта женщина взята в прелюбодеянии, и по закону Моисееву таких надлежит побивать камнями до смерти. А Ты что скажешь?»

Так говорили враги Иисуса и радовались, что поставили Его в безвыходное положение. В самом деле, если бы Иисус сказал: «Сделайте так, как написано в законе Моисеевом, и убейте ее», тогда можно было бы возразить Ему: «А как же Ты Сам учил, что грешников надлежит прощать?» А если бы Иисус сказал: «Отпустите ее и простите ей вину ее», можно было бы обвинить Его в несоблюдении заповедей Господних. Пока говорили эти люди, Иисус, склонившись, чертил пальцем по земле, не обращая на них внимания. Но они продолжали приставать к Нему. Тогда Иисус поднял голову и сказал: «Как написано в законе Моисеевом, так и поступайте с несчастной этой. Но пусть первым в нее бросит камень тот, кто сам не имеет грехов перед Господом». После этого Иисус наклонился и опять принялся писать пальцем на земле. Окружающие, зная за собой множество тайных грехов, не решились поднять руку на женщину и, будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, так что остались только Иисус и женщина, стоявшая перед Ним. Иисус поднял голову и, не видя никого, кроме женщины, спросил: «Где же твои обвинители? Или никто не осудил тебя?» Она отвечала: «Никто, Господи». Иисус сказал ей: «И Я не осуждаю тебя; ступай и больше не греши».

Проходя по городу, апостолы увидели человека слепого от рождения и спросили Иисуса: «Учитель! За что Господь не дал этому человеку зрения? За его собственные грехи, или за грехи его родителей?» Иисус отвечал: «И сам он человек праведный, и родители его не были грешниками. А слеп он для того, чтобы на нем явились дела Божие. Чтобы Я мог явить на нем свою силу и исцелить его». Иисус обтер глаза слепому и сказал: «Пойди, умойся в купальне». Он пошел, умылся и вернулся зрячим.

Люди, знавшие его слепым, удивились и стали спрашивать: «Ты ли это, который сидел и просил милостыню?» Он ответил: «Я». Они спросили: «От чего же открылись глаза твои?» Он отвечал: «Человек по имени Иисус обтер мои глаза и послал умыться в купальню. Когда я умылся, глаза мои прозрели». Люди дивились этому чуду и многие уверовали в Христа.

Из Иерусалима Иисус с учениками пошел проповедовать за Иордан в Перею, а когда время приблизилось к Пасхе, они вновь направились в Иерусалим. По дороге Он рассказал ученикам несколько притч, разъясняющих Его учение. «У одного человека, — говорил Иисус, — было два сына. И сказал младший из них отцу: «Отче! Дай мне денег, я не хочу больше жить в нашем Доме, а хочу жить своим умом. Отец послушал его и выделил причитающуюся ему часть имения. По прошествию немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю страну и там, живя распутно, расточил все свое имение. Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться. Он пошел и нанялся к одному из жителей той страны, а тот послал его на свои поля пасти свиней. И жил несчастный вместе со свиньями и ел корм их.

Наконец, придя в себя, он сказал: «Отец мой всех своих наемников кормит хлебом досыта, а я тут умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу: «Отче! Я согрешил против неба и перед тобою и уже не достоин называться сыном твоим; прими меня в число твоих наемников. Решив так, он встал и пошел к своему отцу. И когда он был еще далеко, отец увидел его, сжалился, побежал, пал ему на шею и целовал его. Сын сказал ему: «Отче! Я согрешил против неба и перед тобою и уже недостоин называться сыном твоим». А отец сказал рабам своим: «Принесите лучшую одежду и оденьте его… и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться!» И начали веселиться. Старший сын его, возвращаясь с поля, услышал в доме пение и ликование. Позвав одного из слуг, он спросил: «Что это такое?» Тот сказал ему: «Брат твой пришел, и отец твой на радостях заколол откормленного теленка».

Старший сын рассердился и не хотел войти в дом. Отец, выйдя, стал звать его. Но он сказал в ответ отцу: «Вот, я столько лет служу тебе и никогда не приступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с моими друзьями, а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка». Он же сказал ему: «Сын мой! Ты всегда со мною, и все мое — твое, а о том надобно радоваться и веселиться, что этот твой брат был мертв и ожил, пропадал и нашелся». (Смысл этой притчи не разъясняется, но очевидно, что под отцом здесь подразумевается Бог, а под блудным сыном всякий кающийся грешник: Господь готов простить каждому раскаявшемуся его прошлые грехи и радуется его возвращению к праведной жизни.)

И другую притчу рассказал Иисус: «Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был ангелами в лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои и увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его и,

возопив, сказал: «Отце Аврааме! Умелосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в этом пламени». Но Авраам сказал: «Чадо! Вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь; и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к нам не переходят».

И еще одну притчу рассказал Иисус, имея в виду тех, которые уверены были в себе, считали, что они праведны, и на этом основании унижали других. «Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей стал молиться сам в себе так: «Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю». Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: «Боже! Будь милостив ко мне грешнику!» Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя, возвысится».

Когда они проходили через Иерихон, Иисус рассказал новую притчу: «Один богатый человек, отправляясь в чужую страну, призвал своих рабов и поручил свое имение: одному он дал пять талантов, другому два, третьему один, каждому по силе его, и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. Спустя долгое время господин тот потребовал у своих рабов отчета, как они распорядились его деньгами. Получивший пять талантов принес другие пять талантов и сказал «Господин! Пять талантов ты дал мне, вот другие пять талантов я приобрел на них». Господин его сказал ему: «Хорошо! Вижу, что ты верный и добрый раб. За свое усердие ты получишь хорошую награду». Подошел также получивший два таланта и сказал: «Господин! Два таланта ты дал мне; вот другие два таланта я приобрел на них». Господин и его похвалил и обещал наградить по заслугам. Подошел затем получивший один талант и сказал: «Господин! Я знал, что ты человек жестокий и жестоко взыщешь с меня, если я не верну твоих денег. Поэтому я и побоялся пускать твои деньги в дело. Вместо этого я закопал их в землю и теперь возвращаю тебе в целости». Но господин сказал ему на это: «Лукавый раб! Не пытайся скрывать от меня свою лень. Ты знал, что я буду требовать деньги мои назад, поэтому и надлежало тебе подобно товарищам твоим отдать это серебро торгующим людям, чтобы оно возвратилось ко мне с прибылью!» И сказал господин слугам: «Возьмите у этого человека талант и отдайте его тому, кто имеет десять талантов, ибо всякому имеющему дается и преумножается, а у неимеющего будет отобрано и то, что он имеет».

После этого рассказал Иисус притчу о Страшном суде: «Когда придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся перед Ним все народы; и отделит Он одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов, и поставит овец по правую руку, а козлов по левую. Тогда скажет Царь тем,

которые по правую сторону Его: «Придите благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо Я алкал, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне». Тогда праведники скажут Ему в ответ: «Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? Или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? Или нагим одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?» И Царь скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из этих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня». Тогда и они скажут Ему в ответ: «Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе «Тогда Он скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из этих меньших, то не сделали Мне». И пойдут они в муку вечную, а праведники в жизнь вечную».

Когда Иисус подходил к Иерусалиму, его нашла Мария из Вифании, сестра Марфы и Лазаря, и сообщила о болезни своего брата. Иисус сказал: «Эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий». Но когда через несколько дней Христос с учениками пришел в Вифанию, Лазарь был уже мертв.

Марфа, услышав, что идет Иисус, вышла Ему навстречу и сказала: «Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой». Иисус отвечал ей: «Воскреснет брат твой».

Марфа сказала: «Знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день». Но Иисус возразил: «Я есмь воскресение и Жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек. Веришь ли сему?» Она сказала: «Так, Господи! Я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир». Иисус спросил: «Где вы положили его?» Ему отвечали: «Господи! Пойди и посмотри». Его привели в пещеру, вход в которую был закрыт камнем. Иисус попросил отнять камень.

Марфа сказала: «Господи! Уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе». «Не Я ли говорил тебе, — промолвил Иисус, — что, если будешь веровать, увидишь славу Божию?» Иудеи отвалили камень от пещеры. Иисус возвел глаза к небу и сказал: «Отче! Благодарю Тебя, что Ты услышал Меня». А потом воззвал громким голосом: «Лазарь! Иди вон». И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его было обвязано платком. Иисус велел: «Развяжите его, пусть идет». Многие из тех, кто видел это чудо, уверовали в Христа. А некоторые из них пошли к фарисеям и сказали им, что сделал Иисус.

Первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: «Что нам делать? Этот человек творит много чудес. Если оставим Его так, то все уверуют в Него». И решили убить Его. Иисус между тем приблизился к горе Елеонской и сказал двум Своим ученикам: «Пойдите в ближайшее селение; войдя в него, найдете молодого осла, привязанного, на которого никто из людей никогда не садился. Отвяжите его и приведите ко Мне. А если кто

спросит вас: «Зачем отвязываете?», скажите ему: «Он надобен Господу». Ученики так и поступили. Они посадили Иисуса на осла, и он въехал верхом в Иерусалим. И когда Он ехал, многие постилали свои одежды на дороге, и люди радостно славили Его, говоря: «Благословен Царь, грядущий во имя Господне!» Фарисеи из среды народа говорили Ему: «Учитель! Запрети ученикам Твоим называть Тебя Богом». Но Иисус возразил им: «Сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют».

Наступила предпасхальная неделя. Иисус каждый день являлся в храм и учил народ.

Первосвященникам и книжникам, которые пытались мешать Ему, Он рассказал следующую притчу: «Один человек посадил виноградник, отдал его виноградарям и отлучился на долгое время. В свое время он послал к виноградарям раба, чтобы они дали ему плодов из виноградника; но виноградари побили его и отослали ни с чем.

Господин послал другого раба, но они и этого, прибив и обругав, отослали ни с чем. Господин послал третьего, но они и того, изранив, выгнали. Тогда сказал хозяин виноградника: «Что мне делать? Пошлю сына моего возлюбленного; может быть, увидев его, постыдятся». Но виноградари, увидев его, рассудили между собой: «Это наследник; пойдем, убьем его, и наследство его будет наше». И, выведя его вон из виноградника, убили. Что же сделает с ними господин виноградника?» Книжники отвечали. «Злодеев этих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут вовремя отдавать ему плоды». Иисус сказал: «Потому и сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды». Первосвященники и фарисеи поняли, что под злыми виноградарями Иисус подразумевал их. Они хотели схватить Его, но побоялись народа, который почитал Его за пророка.

На четвертый день, после входа Иисуса в Иерусалим (в среду), первосвященники, книжники и старейшины собрались во двор к первосвященнику Кайфе и решили на совете хитростью захватить Иисуса, когда Он будет один, вдали от народа. Тут очень кстати один из апостолов, Иуда Искариот, пришел к первосвященникам и спросил: «Что вы дадите мне, если я предам вам Иисуса?» Они предложили ему тридцать сребреников, и с этого времени Иуда стал искать удобного случая, чтобы выдать Его.

На следующий день (в четверг) Иисус послал Петра и Иоанна, сказав: «Пойдите, приготовьте нам есть пасху». Они пошли, сняли большую горницу и приготовили там пасху. В назначенный час ученики собрались за столом. Иисус снял с себя верхнюю одежду и перепоясался. Потом влил воды в умывальницу, начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем. Петр пытался остановить Его и сказал: «Господи! Тебе ли умывать мои ноги?» Иисус отвечал: «Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после». Умыв ноги им всем, он вновь возлег за стол и сказал: «Знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель вам, умыл вам ноги, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам…» Затем Иисус продолжал: «Я очень желал есть с вами эту пасху прежде Моего страдания, ибо сказываю

вам, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божием». Взяв хлеб, он преломил его и подал ученикам со словами: «Сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание». А подавая чашу с вином, сказал. «Сия чаша есть Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается». Когда они ели и пили, Иисус сказал: «Истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня». Апостолы опечалились и стали спрашивать один за другим: «Не я ли?» Иисус отвечал: «Один из двенадцати, обмакивающий со Мною в блюдо. Впрочем, Сын Человеческий идет по предназначению, но горе тому человеку, которым Он предается». Обмакнув кусок, Иисус подал его Иуде Искариоту со словами: «Что делаешь, делай скорее». Тот тотчас вышел из дома. Другие апостолы подумали, что Учитель отправил его куда-то спорученим.

После вечери Иисус повел учеников в Гефсиманский сад и велел: «Посидите здесь, пока Я помолюсь». Вместе с Ним пошли только Петр, Иаков и Иоанн. Иисус сказал им: «Душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною». Отойдя немного, он упал на землю и стал молиться: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, пусть будет так, как хочешь Ты, а не Я». Встав от молитвы, он пришел к ученикам и нашел их спящими. Иисус сказал им: «Что вы спите? Встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение».

Когда Он еще говорил это, появились народ и стражники. Впереди них шел Иуда Искариот. Он подошел к Христу и поцеловал Его. Это был условленный знак — таким образом он должен был указать на Иисуса. Иисус спросил: «Друг, для чего ты пришел?» Тут стражники схватили и связали Его. Иисус сказал: «Вы вышли на Меня с мечами и кольями, как на разбойника, хотя каждый день Я бывал с вами в храме и учил, и вы не поднимали на Меня рук. Но теперь ваше время и власть тьмы». Петр, который имел меч, выхватил его, чтобы защитить Учителя, и отсек ухо одному из рабов. Но Иисус сказал: «Вложи меч в ножны. Неужели Мне не пить из чаши, которую дал Мне Отец?» Тогда все ученики, оставив Его, бежали. Только Петр и Иоанн издали следовали за Христом.

Сначала Иисуса повели к Анне, который был тестем первосвященника Каифы. Он спросил Иисуса об Его учениках и Его учении. Иисус отвечал: «Я говорил явно перед всем миром — всегда учил в синагоге или храме, где сходятся все иудеи, а тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня? Спроси слышавших, что Я говорил им». Когда Он так говорил, один из служителей, стоявших поблизости, ударил Иисуса по щеке со словами: «Так Ты отвечаешь первосвященнику?» «Если я сказал худо, — отвечал Иисус, — покажи, что худо; а если хорошо, то за что ты бьешь Меня?»

После этого узника доставили в дом к Кайфе, у которого собрались книжники, старейшины и весь синедрион. Они искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы осудить Его, и не находили. Тогда первосвященник спросил: «Ты ли Христос, Сын Благословенного?» Иисус сказал: «Я, и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы и грядущего на облаках небесных». Первосвященник разорвал одежды и сказал: «На что нам еще свидетелей? Вы слышали богохульство; как вам кажется?» И тогда весь синедрион признал Иисуса достойным смерти. Некоторые из слуг стали плевать Ему в лицо. Другие били Его по щекам и спрашивали:

«Прореки нам, Христос, кто ударил тебя?»

Когда наступил день, они повели Его к римскому прокуратору Понтию Пилату, который должен был утвердить приговор, и начали обвинять перед ним Иисуса. Они говорили, что Иисус развращает народ и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царем. Пилат спросил Иисуса: «Ты Царь Иудейский?» Он отвечал: «Ты так говоришь». Пилат сказал первосвященникам и народу: «Я не нахожу никакой вины в этом человеке». Но они продолжали настаивать, говоря, что Иисус возмущает народ по всей Иудеи от Галилеи до Иерусалима. Пилат спросил: «Так Он Галилеянин?» И узнав, что Иисус действительно происходит из области Ирода отправил его к Ироду, который также находился в Иерусалиме. Прокуратор надеялся, что галилейский князь сам решит судьбу обвиняемого. Но Ирод со своими воинами только посмеялся над Христом, одел Его в светлую одежду (в знак его невиновности) и отослал обратно к Пилату. Тот, созвав первосвященников, начальников и народ, сказал им: «Вы привели ко мне этого человека как развращающего народ; и вот я при вас исследовал и не нашел Его виновным ни в чем том, в чем вы Его обвиняете; и Ирод также, ибо я посылал Его к нему; и ничего не найдено в Нем достойного смерти». Согласно обычаю, прокуратор мог миловать в канун Пасхи одного из осужденных. Как раз незадолго до этого был схвачен и приговорен к смерти некто Варавва, который во время мятежа совершил убийство.

Когда народ стал кричать и просить Пилата помиловать одного из осужденных на этот день для казни, он спросил: «Кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам?

Хотите, отпущу вам Царя Иудейского?» Но первосвященники возбудили народ просить, чтобы прокуратор лучше отпустил им Варавву, а Иисуса отдал им для казни. Пилат спросил: «А что же делать с Тем, Которого вы называете Царем Иудейским?» Они закричали: «Распни Его!» Пилат сказал: «Какое же зло Он сделал? Я ничего достойного смерти не нашел в Нем; итак, наказав, отпущу Его». Но они продолжали с великим криком требовать, чтобы Христос был распят. Тогда Пилат решил уступить: он отпустил Варавву, осужденного за возмущение и убийство, а Иисуса предал в их руки.

Взяв Христа, первосвященники привели его на место, называемое Лобное, а по-еврейски Голгофа. Там распяли Его и с Ним двух других, по ту и по другую сторону, а посредине Иисуса. Вокруг стояли толпы народа. Многие насмехались над осужденным и говорили: «Других спасал, пусть спасет теперь Себя Самого, если Он Христос, избранник Божий». Воины также ругались над Ним, подходя и поднося Ему уксус вместо питья и говоря: «Если Ты царь Иудейский, спаси Себя Самого». Иисус же молился: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают». Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: «Если Ты Христос, спаси Себя и нас». Другой же, напротив, унимал его и говорил: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? Но мы осуждены справедливо, потому что приняли достойное по делам нашим, а Он ничего худого не сделал». А потом сказал Иисусу: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое!» Христос отвечал: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мной в раю». Около шестого часа дня сделалась тьма по всей земле: померкло солнце, и завеса

в храме разодралась по середине. В девятом часу Иисус, возгласив громким голосом, сказал: «Отче! В руки Твои предаю дух Мой». И, сказав так, скончался.

Некто, именем Иосиф, член совета, человек добрый и правдивый, не участвовавший в суде над Христом, пришел к Пилату и попросил отдать ему тело Иисуса. Получив разрешение, он снял его с креста, обвил плащаницею и положил в гробе, высеченном в скале, где еще никто не был положен.

Через день, рано утром в воскресение, некоторые из женщин, последовавших за Христом из Галилеи, приготовили ароматы и пришли к гробу Иисуса, чтобы помазать тело Его благовониями, так как не успели сделать это в пятницу. Но, подойдя к гробу, они увидели, что камень от входа отвален, а тела Христа нигде нет. И вот, когда они в растерянности и недоумении стояли перед входом в пещеру, перед ними явились два ангела и сказали: «Что вы ищите живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее, говоря, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников и быть распяту, и в третий день воскреснуть». Женщины поспешно отправились к апостолам и возвестили им о происшедшем чуде. Однако ученикам Христа их слова показались пустыми и они не поверили женщинам. Петр, впрочем, встав, побежал к гробу, но нашел там только лежащие пелены. Не зная, что и думать, он вернулся назад, дивясь происшедшему. У гроба осталась только Мария Магдалина — одна из самых преданных и восторженных последовательниц Христа. Она стояла и плакала, а потом, обернувшись, увидела стоящего перед ней Иисуса. Он спросил: «Жена! Что ты плачешь! Кого ищешь?» Она поначалу не узнала Христа и, думая, что это садовник, сказала: «Господин! Если это ты вынес Его, то скажи мне, куда ты положил Его тело. Я возьму Его». Тут Иисус позвал ее: «Мария!», и она, вдруг узнав Его, воскликнула: «Учитель!» Иисус сказал: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему и Отцу нашему, и к Богу Моему и Богу вашему» Мария побежала и возвестила апостолам, что видела Господа воскресшим и говорила с Ним. Однако те опять не поверили этому известию.

Но в тот же день вечером, когда все апостолы, за исключением Фомы, собрались на вечерю, Иисус неожиданно явился им и сказал: «Мир вам». Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа. Но он продолжал: «Что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в ваши сердца? Посмотрите на Мои руки и ноги — это Я Сам; дотроньтесь до Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, а Я из плоти и крови». Но ученики продолжали сомневаться. Тогда Иисус спросил: «Есть ли у вас здесь какая-нибудь пища?» Они подали ему печеной рыбы и сотового меда.

Взяв поданное, он стал есть перед ними и сказал. «Вот то, о чем Я вам говорил, когда еще был с вами: надлежит исполниться всему, написанному обо Мне в законе Моисеевом, в пророках и псалмах, ибо подлежало Христу пострадать и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему… Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет…» После

этого Иисус исчез.

Когда другие ученики стали рассказывать Фоме о том, что видели Господа, он отказался им верить и сказал: «Пока не увижу на руках Его ран от гвоздей и не вложу пальца моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю». И вот, по прошествии недели, ученики опять собрались вместе, и Фома был с ними. Тут вошел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: «Мир вам! Потом он обратился к Фоме и велел: «Подай палец твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим». Фома сказал в ответ: «Господь Мой и Бог мой!» Иисус ответил: «Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие».

После этого в продолжении сорока дней после Своего воскресения Христос неоднократно являлся ученикам со многими верными доказательствами Своего Воскресения и вел с ними беседы о Царствии Божьем. В канун еврейского праздника Пятидесятницы Иисус повелел всем ученикам собраться на горе Елеонской и явился им здесь. Апостолы думали, что пришла пора Царствия Божия, и спрашивали Его. «Не в это ли время, Господи, восстанавляешь Ты царство Израилю?» Однако Он отвечал им: «Не вам дано знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда на вас сойдет Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до крал земли. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа и уча их соблюдать все, что Я повелел вам. Я же пребуду с вами во все дни до скончания века». С этими словами Христос поднял руки и благословил их. И когда Он благословлял их, то стал отделяться от них и возноситься на небо. Они же смотрели на Него, пока Он не скрылся в облаках, и после этого еще долго оставались на месте, не в силах оправиться от изумления. Тогда явились к апостолам два ангела и сказали: «Мужи галилейские! Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо». Тогда ученики поняли, что Христос вернулся туда, откуда Он таинственным образом явился, чтобы возвестить миру Евангелие. Теперь им самим предстояло продолжать начатое Им дело. Пришло время их самостоятельного крестного служения.

АПОСТОЛЫ

Апостол Петр

Подлинное имя Петра было Симон бар-Ионе (то есть сын Ионы). Происходил он из селения Вифсаиды. Андрей, брат Симона, первым пришел к Иисусу и стал Его учеником. Позже он привел к нему Симона. Однако Иисус сразу выделил Симона из остальных Своих последователей. Едва взглянув на него, Он сказал: «Ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа (то есть «Камень»)». В переводе на греческий это имя звучит как «Петр». Под этим именем он и стал известен в дальнейшем.

Порывистый темперамент сочетался в Петре с робостью. Но он больше остальных учеников был привязан к Наставнику, и эта любовь помогала побеждать свойственное ему малодушие. В грядущем Христос готовил для Петра совершенно особенную роль. В Евангелии от Матфея

читаем, что однажды Иисус спросил учеников: «За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?» Они сказали: «Одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков». Он спросил: «А вы за кого почитаете Меня?» Петр отвечал: «Ты — Христос, Сын Бога Живого». Иисус остался доволен этим ответом и сказал «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты Петр («Камень»), и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что скажешь на земле, то будет сказано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах».

Во время Тайной вечери, когда Петр в порыве любви к Иисусу говорил, что готов ради Него идти в темницу и на смерть, Христос отвечал: «Говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что знаешь Меня». Петр не поверил этим словам. Но затем, когда Иисус был захвачен стражниками и отведен на судилище, Петр в смущении и растерянности последовал за Ним к дому первосвященника. Слуги развели огонь и сели вместе. Петр тоже присел между ними.

Тут одна служанка, всмотревшись в него, сказала: «И этот был с Ним». Петр испугался и сказал женщине: «Я не знаю Его». Вскоре потом другой, увидев его, сказал: «И ты один из них», имея в виду, что он ученик Христа. Но Петр сказал этому человеку: «Нет!» Прошло с час времени, и тут кто-то еще стал говорить: «Точно, и этот был с Ним, ибо он галилеянин». Но Петр отвечал этому человеку: «Не знаю, что ты говоришь». И в то время, когда он еще говорил это, запел петух.

Тогда Иисус, обернувшись, взглянул на Петра, и Петр вспомнил слово Господа, как Он сказал ему: «Прежде нежели пропоет петух, отречешься от Меня трижды». И, выйдя вон, он горько заплакал.

Но Христос, конечно, не мог оставить такой груз на совести одного из любимейших своих учеников. Уже после Своего Воскресения Он явился апостолам у моря Тивериадского. Во время этой встречи Иисус спросил Петра: «Симон Ионин! Любишь ли ты Меня больше, нежели они?» Петр отвечал: «Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя». Иисус сказал: «Паси агницев Моих». И во второй раз спросил его: «Симон Ионин! Любишь ли ты Меня?» Петр опять отвечал: «Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя» Иисус сказал. «Паси овец Моих». И тут же спросил в третий раз: «Любишь ли Меня?» Петр подумал, что Христос после его отступничества сомневается уже в его искренности. Он опечалился и отвечал. «Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя». Иисус опять велел ему: «Паси овец Моих». Считается, что этим троекратным утвердительным ответом Петр освободился от греха своего отступничества. И действительно, во всей дальнейшей его жизни не было больше ни одного случая, когда бы он проявил слабость. Иисус, зная всю его грядущую жизнь и ожидавшую его мученическую кончину, сказал Петру на прощание, незадолго до Своего Вознесения: «Когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не захочешь». Этими словами Он дал понять, какой смертью Петр прославит Бога.

Через десять дней после Вознесения Господа Иисуса Христа, апостолы собрались на иудейский праздник Пятидесятницы. Внезапно

раздался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. Вслед за тем явились разделяющиеся языки пламени по одному на каждого из апостолов. После этого все они исполнились Святого Духа и стали славить Бога на разных языках, которых прежде не знали. В то время в Иерусалим собралось множество иудеев из разных стран. Сильный шум привлек их внимание.

Народ собрался возле дома, где были ученики Христовы. Люди в изумлении спрашивали друг друга: «Не все ли они галилеяне? Как же мы слышим каждый свой язык, в котором родились? Как они могут говорить нашими языками о великих делах Божиих?» В то время как одни так изумлялись, другие говорили: «Они перепились сладкого вина». Петр, слыша такие речи, вышел к народу вместе с другими апостолами и сказал: «Мужи иудейские и все живущие в Иерусалиме! Внимайте словам моим: люди эти не пьяны, как вы: думаете, но это Дух Святой сошел на них. Случилось же это во исполнение предсказаний пророка Иоиля и обещаний Учителя нашего Иисуса Назарея, Которого вы, пригвоздив руками, беззаконно убили. Но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его. И этому чуду мы все были свидетелями. Вознесенный десницею Божией и приняв от Отца обетование Святого Духа, Он излил то, что вы ныне видите и слышите. Итак, твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли». Многие иудеи, услышав эту проповедь, умилились сердцем и спросили Петра: «Что же нам делать?» Петр отвечал: «Покайтесь и креститесь во имя Иисуса Христа для прощения грехов, и получите дар Святого Духа».

Уверовавшие во Христа охотно приняли крещение. Таких оказалось в этот день около трех тысяч человек. С этого времени христианство стало быстро распространяться среди иудеев. В «Деяниях апостолов» мы читаем о жизни первых христиан: «Все верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви». Отправление культа было еще очень простым. Христос со своим тонким религиозным чувством не установил нового ритуала. Первые христиане не имели еще особых религиозных церемоний. Собрания их не заключали в себе ничего литургического. Это были собрания братии, которые проводились в молитве, пророчестве и чтении посланий. Не было еще ничего священнического. Не было и самих священников. Необходимым условием приобщения к новому вероучению было крещение по обряду Иоанна Крестителя. Но за ним обязательно должны были следовать дары Святого Духа (крещение Духом Святым), они совершались при произнесении апостолами установленной молитвы и возложении ими рук над головой неофита. Этому возложению приписывалось величайшее значение оно порождало вдохновение, внутреннее просветление, давало власть совершать чудеса, пророчествовать и говорить на чужих языках.

Прочие иудеи находились в страхе, так как через апостолов совершалось много чудес и знамений. Однажды Петр и другой апостол

Иоанн шли вместе в храм для молитвы. У входа они увидели калеку, который был хром от самого рождения.

Апостолы позвали его: «Взгляни на нас». Калека поднял голову, надеясь получить от них что-нибудь, но Петр сказал: «Серебра и золота у меня нет, а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назарея встань и ходи». И когда он поднял калеку за правую руку, его ступни и колени укрепились. Он вскочил, начал ходить и пошел с ними в храм, скача и хваля Бога. Все бывшие в храме, видя это, исполнились ужаса и изумления. А Петр сказал им: «Мужи Израильские! Что дивитесь сему, или смотрите на нас, как будто бы мы своею силою сделали то, что он ходит? Бог отцов наших прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали и от Которого отреклись перед лицом Пилата. И ради веры во имя Его, имя Его укрепило этого калеку. Итак, покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши».

Когда Петр так говорил, приступили к нему и к Иоанну священники и велели заключить их под стражу. Однако многие из тех, кто слушал их, уверовали, и было таких до пяти тысяч. На другой день собрались начальники, старейшины и книжники и, поставив Петра и Иоанна перед собой, стали спрашивать их: «Какою силою или каким именем вы сделали это?» Петр отвечал: «Именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли и Которого Бог воскресил из мертвых. Им поставлен он перед вами здрав». Первосвященники велели им впредь не учить и не говорить от имени Иисуса. Но Петр возразил: «Судите, справедливо ли перед Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали». Священники, пригрозив, на первый раз отпустили их, так как не смогли найти в их поступке никакой явной вины. В народе быстро распространился слух об этом исцелении, так что верующие во множестве выносили больных на улицу, в надежде, что хотя бы тень проходящего Петра осенит их. И действительно, к великому неудовольствию первосвященников, многие из них исцелялись. Они вновь повелели схватить апостолов. Но ангел Господень ночью отворил двери темницы и вывел их из нее.

После этого чуда первосвященники не осмелились вновь взять их под стражу, однако ожесточение против христиан стало возрастать с каждым днем. В те дни большой известностью среди иудеев пользовался Стефан, который, исполнившись веры в Христа, совершал великие чудеса и знамения в народе. Враги христиан не в силах были противостоять ему в споре, и тогда они возвели на него клевету. Нашлись лжесвидетели, которые говорили: «Мы слышали, как он говорил хульные слова на Моисея и на Бога». Тогда иудеи вывели Стефана за город и побили камнями. Он стал первым мучеником, который принял смерть за Христа. (Это произошло около 37 г.)

Но в то время как в столице распространение христианства прекратилось, в других местах число сторонников нового вероучения продолжало расти. Филипп, один из ближайших сподвижников апостолов, отправился в Самарию, и под влиянием его проповедей многие там уверовали в Христа. Среди прочих был здесь некий муж по имени Симон, который перед тем волхованием и колдовством сильно изумлял самарян. Под влиянием проповедей Филиппа он уверовал в Христа и крестился.

Петр и Иоанн, узнав об успехах Филиппа, тоже отправились проповедовать в Самарию и здесь, путем наложения рук, многих приобщили к Духу Святому. Симон, увидев, что Дух Святой передается через возложение рук апостольских, принес им деньги и попросил: «Дайте и мне эту власть, чтобы тот, на кого я возложу руки, получил Духа Святого». Петр сказал ему: «Серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги. Но нет тебе в этом ни части, ни жребия, ибо сердце твое неправо перед Богом». С тех пор Симон сделался злейшим врагом Петра.

Петр продолжал проповедовать по всей стране. Однажды, обходя церкви в Иудее, Галилее и Самарии, он пришел в Иоппию и там узнал, что умерла одна из учениц христовых по имени Тавифа, которая всегда была исполнена добрых дел и творила много милостынь. Петр, приблизившись к ее телу, преклонил колени, помолился, а потом сказал: «Тавифа! Встань». Она открыла глаза и, увидев Петра, села. Он подал ей руку, вывел из комнаты живой и передал в руки вдовицам, которые только что оплакивали ее. Это чудо сделалось известным по всей Иоппии, и многие тогда уверовали в Христа.

На другой день Петр около шестого часа пошел наверх дома помолиться. Тут он почувствовал голод и увидел отверстое небо и сходящий к нему сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю. В нем находились всякие четвероногие, пресмыкающиеся и птицы. И был глас к нему: «Встань, Петр, заколи и ешь». Петр отвечал: «Нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого». Тогда в другой раз был к нему глас: «Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым». Это было трижды; и сосуд опять поднялся на небо. Только позже Петр понял, что это видение было ему неспроста и предвещало скорое обращение в новую веру язычников.

Из Иоппии он отправился в Кесарию и здесь был принят в доме римлянином Корнилием, который был сотником в Италийском полку. Петр рассказал ему и его близким о земной жизни Христа, о Его казни и чудесном Воскресении. Во время его речи Святой Дух сошел на всех, кто слушал его слово, и все они стали на различных языках величать Бога. Иудеи-христиане, сопровождавшие Петра, были сильно изумлены тем, что Святой Дух излился также и на язычников. До сих пор никто не думал, что и язычники могут сделаться христианами. Но Петр сказал: «Кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святого Духа?»

И он крестил всех обращенных во имя Иисуса. По возвращении его в Иерусалим, некоторые из христиан упрекали его в том, что он общался с язычниками и крестил их. Но Петр отвечал: «Если Бог дал им такой же дар, как и нам, уверовавшим в Господа Иисуса Христа, то кто же я, чтобы мог воспрепятствовать Богу?» Тогда они успокоились и прославили Бога. В это время пришли известия и от других проповедников из Финикии, Антиохии и Кипра, которые писали, что многие из греков-язычников уверовали и обратились к Господу. Так евангелие начало распространяться за пределами Иудеи.

Напротив, сами иудеи все более враждебно относились к новому вероучению.

Правитель Галилеи Ирод велел в 44 г. обезглавить Иакова Заведеева. Он был первым из апостолов, кто принял мученическую смерть. Затем Ирод приказал схватить Петра, велел посадить его в темницу и стеречь. Петр ждал неминуемой казни, но Ангел Господень ночью сошел к нему в темницу и вывел на свободу. Петр поспешно покинул Иерусалим и следующие двадцать лет провел, вероятно, в Антиохии. Но об этом периоде его жизни не сохранилось почти никаких сведений. Место Петра в Иерусалимской общине (которую он фактически возглавлял все годы после Вознесения Христа) занял Иаков, брат Господень.

Когда стало известно, что многие язычники охотно принимают крещение, в церкви поднялся горячий спор о том, должны или не должны новообращенные исполнять все иудейские обряды и, прежде всего, подвергаться обрезанию. В 51 г. в Иерусалиме состоялся апостольский собор, посвященный обсуждению этого вопроса. После долгих споров и рассуждений Петр, поднявшись, сказал: «Мужи братия! Вы знаете, что Бог избрал из нас меня, чтобы из уст моих язычники услышали слово Евангелия и уверовали, и Сердцеведец Бог дал им свидетельство, даровав им Духа Святого, так же как и нам; и не положил никакого различия между нами и ими, верою очистив их сердца. Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на учеников иго, которое не могли вынести ни отцы наши, ни мы? Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они». Слова Петра поразили всех собравшихся. После этого никто уже не настаивал на том, чтобы новообращенные из язычников соблюдали иудейские законы, за исключением самых необходимых. Всего таких запрещений было четыре: воздерживаться от идоложертвенного (то есть от мяса, оставшегося после языческих жертвоприношений, которое обычно поступало в продажу; подобное мясо иудеи считали нечистым), воздерживаться от удавленины (то есть христиане не должны были употреблять мяса животных, умерщвленных посредством удушения, без истечения крови; кровь, в глазах иудеев, была седалищем души, и поедание крови всегда считалось страшным грехом), воздерживаться от блуда (то есть храмовой проституции, обычной среди язычников) и не делать другим того, чего они сами себе не хотят. Об этом решении дано было знать особым соборным посланием во все христианские общины Антиохии, Сирии и Киликии.

Сохранилась легенда о том, что последние годы своей жизни Петр провел в Риме, хотя и неизвестно, когда он сюда прибыл. В 60-х гг. римская церковь являлась одной из самых многочисленных, и Рим, наряду с Эфесом и Антиохией, был важнейшим центром христианства. Все дошедшие до нас послания Петра были отправлены им из Рима. Тогда же, по свидетельству первого церковного историка Евсевия, переводчик и секретарь Петра по имени Марк тщательно записал проповеди апостола об учении и деяниях Христа. Это евангелие поначалу было известно как Петрово, но потом стало называться Евангелием от Марка.

Согласно легенде, здесь же, в Риме, произошла вторая встреча Петра с магом Симоном, который будто бы приобрел волхованием большую власть над бесами и своим нечистым искусством смущал многих римлян, заставляя их поклоняться ему как богу.

Узнав об этом, Петр стал укорять римских христиан за то, что они молчат, видя как пособник Сатаны глумится над христовой верой. Те отвечали, что более Сатаны Симону помогает император Нерон, приблизивший к себе ловкого иудея. Тем не менее Петр решил при первой возможности изобличить козни Симона. Вскоре у одной знатной римлянки умер сын. Видя ее горе, родственники захотели ей помочь, и один из них пригласил к гробу юноши Петра, а другой Симона. Петр сказал: «Кто воскресит этого юношу, тот более прав в своей вере». Симон согласился, но сколько он ни призывал бесов, никто к нему не явился, так как Петр своей властью запретил им это. Когда пристыженный Симон отошел от тела, Петр стал молиться Господу, и тотчас мертвый по его слову открыл глаза, стал ходить и говорить. Все видевшие это чудо уверовали в Христа и хотели убить Симона, но Петр запретил им это.

Однажды (около 66 г.) Симон опять явился в Риме и объявил о том, что завтра поутру живым вознесется на небо. Чтобы видеть это чудо, римляне заблаговременно собрались на форуме. Симон начал читать заклинания и, призвав бесов, стал с их помощью быстро подниматься в воздух. Пораженные этим люди говорили: «Воистину, это дело Божие!» Но тут Петр громко приказал: «Господи, повели нечистым бесам бросить этого обманщика». Бесы немедленно покинули колдуна, и он, упав с огромной высоты, разбился насмерть. Это чудо еще более поразило римлян, и многие из них крестились. Однако Нерон, услышав о смерти Симона, пришел в гнев и повелел схватить Петра. Узнав, что его всюду ищут, Петр закрыл лицо плащом и тайком покинул город. Когда он уже был в безопасности, он вдруг увидел идущего ему навстречу Иисуса. Петр упал перед ним на землю и спрягал, изумленный этим видением: «Куда идешь, Господи?» «Иду в Рим, чтобы снова быть распятым», — отвечал Иисус и с этими словами исчез. Петр сообразил, в чем состоит воля Господа. Он открыл лицо и пошел обратно в город. Вскоре его узнали и схватили.

Были посажены в темницу и другие христиане, каких удалось сыскать. Большую часть их распяли на крестах. Перед смертью Петр попросил как о последней милости, чтобы его распяли вниз головой. Просьба его была уважена.

Апостол Павел

Настоящее имя Павла, данное ему при рождении, было Савл. По обычаю того времени, его латинизировали в Павел. Он родился в Тарсе, в Малой Азии, около 11 г. и имел чисто иудейское происхождение, хотя отец его считался римским гражданином. Семья его, подобно всем старым иудейским семьям, принадлежала к партии фарисеев. Павел получил воспитание по самым строгим правилам этой секты, но при всем этом он с раннего детства не мог не общаться с язычниками. В эпоху Августа Тарс был цветущим городом. Население его составляли главным образом греки и арамеи. Павел с детства хорошо говорил и писал по-гречески, но скорее всего изучил этот язык в ходе живого уличного общения, а не путем правильного образования. Греческая речь, употребляемая им, была полна иудаизмов и сирийцизмов, то есть простонародной и грубой лексики. Зато

его познания в Моисеевом Законе и древней иудейской премудрости были безукоризненны. Отец с ранних лет предназначил Павла к раввинству и постарался дать ему хорошее фарисейское образование. Вместе с тем, по принятому обычаю, его сын изучал также ремесло и умел изготавливать палатки. Этот навык оказался очень полезным — именно им он и добывал себе в дальнейшем пропитание. Богатства или хоть сколько-нибудь порядочного состояния у Павла никогда не было, так как отец не оставил ему ничего, а сам он всегда очень мало заботился о приобретении земных благ. Красотой Павел тоже не отличался. Он был невысокого роста, лысым, невзрачным, неуклюжим и ходил сгорбившись. Мало того, в некоторых его посланиях упоминается о каком-то тяжелом недуге, очень похожем на эпилепсию.

В юности Павел приехал в Иерусалим для того, чтобы изучать Закон. Возможно, это произошло уже после казни Христа. По крайней мере, учеником Иисуса он не был, чудес Его не видел и оставался после Его казни правоверным иудеем. Когда в 37 г. в Иерусалиме начались гонения на христиан, Савл принял в них самое живое участие. Так он охранял одежду тех, кто побивал камнями первомученика Стефана.

Сам он, правда, не кидал в него камней, но одобрял это убийство. И позже он деятельно помогал гонителям. В «Деяниях святых апостолов» говориться, что Савл «терзал церковь, входя в домы и влача мужчин и женщин, отдавал их в темницу».

Затем, «еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа», он пришел к первосвященнику, выпросил у него письма в Дамаск, чтобы искать там по синагогам христиан и приводить их на мучения в Иерусалим.

И вот, когда он шел по дороге и уже приближался к Дамаску, его внезапно осиял небесный свет. Юноша упал на землю и услышал голос, говорящий ему: «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?» Он спросил: «Кто Ты, Господи?» Господь отвечал: «Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна». Он в трепете и ужасе сказал: «Господи! Что повелишь мне сделать?» И Господь повелел: «Встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать». Голос утих, но Савл был так потрясен, что, придя в Дамаск, три дня ничего не видел, не ел и не пил, а потом принял крещение от одного из христианских проповедников по имени Анания и стал сам проповедовать по синагогам об Иисусе и о том, что Он есть Сын Божий. Все, слышавшие это, дивились и спрашивали: «Не тот ли это самый, который гнал христиан в Иерусалиме?»

Павел прожил в Дамаске три года (с 38 по 41 г.), но вынужден был покинуть его после того, как местные иудеи решили его убить. Он тайком отправился в Иерусалим и здесь попытался пристать к христианской общине. Поначалу к нему относились с подозрением и не верили в искренность его обращения, пока прибывший из Дамаска Варнава не подтвердил, что это чистая правда. Павел стал проповедовать в Иерусалиме, но потом, когда это сделалось опасно, перебрался в Антиохию на Оронте. Этот огромный город с полумиллионным населением в то время считался подлинной столицей Востока. Большинство жителей здесь были греки, а среди других народностей, наряду с сирийцами, преобладали евреи. Около года Павел проповедовал здесь вместе с Варнавой и обратил к Христу немалое число людей, как иудеев, так и язычников. Последние

даже значительно преобладали над первыми.

Именно в Антиохии верующие в Христа впервые получили прозвание христиан. Это был важный момент, знаменующий отделение Христовой церкви от иудейства.

Основным языком христиан с этого времени становится греческий, а христианство всецело попадает в круговорот греческого и римского мира. Иерусалимская община, сплошь состоящая из одних иудеев, отступает на второй план. Не случайно именно Антиохийская, а не Иерусалимская церковь стала отправлять миссионеров в другие части Римской империи, прежде всего в Малую Азию.

Одним из первых таких миссионеров стал Павел. В 42 г. он вместе с Варнавой отправился проповедовать на Кипр и прошел весь остров от Саламина до Пафа. Тут его захотел послушать римский проконсул Сергий, но один из иудеев — Елим Волхв — противился этому, стараясь отвратить проконсула от нового вероучения. Тогда Павел, устремив на него взгляд, сказал: «О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын дьявола, враг всякой правды! Перестанешь ли ты совращать с прямых путей исподних? И ныне вот, рука Господа на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени». И в тот же миг Елим лишился зрения. Проконсул, ставший свидетелем этого чуда, уверовал в Христа.

С Кипра Павел отплыл в Малую Азию, в город Пергию, а оттуда прибыл в Антиохию Писидийскую. Здесь он выступил с проповедью в синагоге. Однако иудеи слушали Павла с недоверием, в то время как многие эллины с жадностью внимали каждому его слову. По прошествии недели, Павел снова хотел выступить в синагоге, но иудеи противоречили каждому его слову и сопротивлялись тому, что он говорил. Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали им: «Вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но так как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам…» С этого времени он проповедовал в основном среди галатов и других местных народов и многих обратил в христианство. Наконец иудеи изгнали Павла вместе с Варнавою из города.

Они же, «отрясши на них прах от ног своих», пошли на восток, сначала в город Иконию, а потом в Листру. Здесь Павел чудесным образом исцелил одного калеку, который с рождения был хром и не мог ходить. Народ был так поражен этим, что хотел принести Павлу жертвы, словно Богу. Он едва смог убедить горожан, что славить следует не его, а Того, Чьим именем это исцеление совершилось. Однако вскоре иудеям удалось возбудить народ против апостолов. Листрийцы побили Павла камнями, а потом вытащили его из города, посчитав за умершего. Но Павел пришел в себя и отправился в Дервию. Во всех городах он организовывал жизнь христианских общин и ставил пресвитеров. И так, устроив все, возвратился в Антиохию.

Отсюда в 51 г Павел ездил в Иерусалим на первый апостольский собор, на котором было принято важное историческое решение, освобождавшее новообращенных христиан из язычников от исполнения большей части иудейских обрядов, прежде всего от обрезания Павел, уже крестивший большое количество язычников, был горячим сторонником такого подхода и всегда восставал против тех иудеев-христиан, которые

каким-либо образом выражали свою брезгливость к инородцам. На этой почве у него даже вышла крупная размолвка с апостолом Петром, о чем он рассказывает в своем послании к галатам Суть ее, со слов Павла, состояла в следующем. Петр, приехав в Антиохию, поначалу был увлечен общим подъемом и, в нарушение Моисеева Закона, стал есть вместе с язычниками. Но, когда из Иерусалима прибыли люди, посланные Иаковом, Петр стал удаляться от язычников и скрывать свое общение с ними, опасаясь осуждения со стороны правоверных иудеев. Вслед за ним так стали поступать и другие иудеи-христиане, даже Варнава Павел был возмущен их лицемерием и сказал Петру при всех: «Если ты, будучи иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?» И дальше, в послании, он объясняет резкость своих слов, которые, по-видимому, покоробили окружающих. «Мы по природе иудеи, а не из язычников грешники; однако же, узнав, что человек оправдывается не делами Закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами Закона; ибо делами Закона не оправдается никакая плоть…

Законом я умер для Закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос… а если Законом оправдание, то Христос напрасно умер». Из этих слов видно, что Павел уже тогда считал, что вера в Христа неизмеримо важнее всех постановлений Моисеева Закона и что исполнение этого Закона вообще для христиан не обязательно. Это был чрезвычайно смелый и широкий взгляд на вещи, не доступный еще многим иудеям-христианам. В то время Павел едва ли не единственный исповедовал такую точку зрения, но в последующем она стала общепринятой.

Впрочем, Павел не долго оставался в Антиохии и вскоре отправился в новое миссионерское путешествие по Малой Азии. Спутниками его на этот раз были его ученики Сила и Тимофей. Из Антиохии они через Листру, Писид, Гордий добрались до берегов Эгейского моря. Здесь Павлу было ночью видение — перед ним предстал некий муж, македонянин, и сказал: «Приди в Македонию и помоги нам». Павел заключил, что это призывает его Господь, и немедленно отправился в Европу. На корабле он и его ученики переправились в Филиппы — первый македонский город на побережье, а оттуда по суше дошли до Фессалоник. В Фессалониках была иудейская синагога, и Павел, по своему обыкновению, пошел туда и в продолжении трех суббот говорил с местными евреями о Писании, открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что этот Христос есть Иисус.

Некоторые из них уверовали и присоединились к Павлу. Но гораздо больше было обращенных из эллинов. Потом он отправился на юг, в Верию. Здесь также многие приняли крещение.

Затем Павел поехал в Афины и некоторое время жил здесь, проповедуя. Местные стоические и эпикурейские философы не раз вступали с ним в споры. Потом привели его в ареопаг и стали допытываться, что за учение он исповедует. Павел встал среди ареопага и сказал: «Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел жертвенник, на котором

было написано «неведомому Богу» Этого-то Бога, Которого вы, не зная, чтите, я и проповедую вам. Ныне Он повелевает всем людям покаяться. Ибо уже назначен день, когда Он будет праведно судить вселенную посредством предопределенного Им Мужа, воскресив Его из мертвых…» Услышав про воскресение из мертвых, греки сразу утратили интерес к словам иноземца, словно он говорил вздор. Некоторые стали насмехаться над Павлом, а другие говорили: «Об этом послушаем тебя в другое время». Большинство ушло, не дослушав проповеди. Но некоторые из афинян все же уверовали в Христа. Среди них были Дионисий Ареопагит и женщина по имени Дамарь.

Из Афин Павел отправился в Коринф, поселился у местного иудея по имени Акила и жил, зарабатывая на жизнь изготовлением палаток. Каждую субботу он говорил в синагоге про Христа. Как обычно, евреи противились новому вероучению и злословили его. Тогда Павел, отрясши одежды свои, сказал «Кровь ваша на глазах ваших, отныне иду к язычникам». Всего он прожил в Коринфе около полутора лет, и усилия его не остались напрасны многие коринфяне после его проповедей уверовали и крестились. Совершив все это, Павел и его спутники отплыли в Иудею, а потом вернулись в Антиохию. Однако они прожили здесь совсем недолго Уладив срочные дела и отчитавшись в Иерусалиме об успехах своей миссии, Павел сейчас же отправился в третье путешествие. Пройдя через всю Малую Азию и навестив христианские общины, организованные им в прежние путешествия, он добрался до Эфеса и задержался там на два года, проповедуя в училище некоего Тиранна. В эти годы он совершил множество чудес и исцелений. Но рассказ об этом периоде его жизни в «Деяниях апостолов» очень краток и схематичен. Так, автор ничего не говорит о поездке Павла в Коринф, где между апостолом и основанной им во время второго путешествия общиной произошли разногласия, упоминаемые Павлом в его Втором послании к коринфянам. Подробности размолвки не известны, но очень вероятно, что апостола сильно оскорбили и он, подавленный скорбью, уехал обратно в Эфес. Из Эфеса он поплыл в Македонию, потом провел три месяца в Греции, посетил некоторые города на азийском побережье и отплыл обратно в Иудею. Несмотря на отдельные неудачи, путешествие Павла было очень плодотворным. Кроме множества обращенных самим апостолом в Эфесе, его учениками были основаны три новые малозийские церкви: Колосская, Лаодикейская и Иера-польская. Эфес после продолжительного пребывания здесь Павла вообще превратился в один из важнейших центров христианства, затмив в этом отношении даже Антиохию.

Ко времени третьего путешествия Павла большинство историков относят его Послание к римлянам — одно из важнейших сочинений апостольского века, положившее основание христианскому богословию. Вообще, значение Павла в этом деле было очень велико. Хотя он и не оставил после себя трактата с систематическим изложением своих взглядов, в его многочисленных посланиях различным церквам и частным лицам мы находим постоянные обращения к сложным догматическим вопросам христианского вероучения, и многое, из высказанного им, в дальнейшем было принято всей церковью.

Прежде всего, полностью признана была великая мысль апостола о равенстве перед Христом иудеев и язычников. Многие иудеи-христиане по-прежнему считали необходимым следовать Моисееву Закону и, по старой иудейской традиции, чуждались необрезанных. Павел, как уже говорилось, ясно обозначил неприятие этого взгляда.

Он писал, что Закон отныне не имеет никакого значения, так как спасение идет теперь только от Иисуса, Сына Божьего, воскресшего из мертвых. И это была не просто другая расстановка акцентов, а совсем новый взгляд на природу Христа.

Если многие крестившиеся иудеи почитали Иисуса за пророка, который пришел осуществить Закон, то Павел воспринимал Его как Божественное Явление, неизмеримо более важное, чем все, что было раньше Него, даже Закон. Он первый провозгласил, что вера во Христа важнее Закона, ибо она одна способна дать человеку спасение.

В Послании к римлянам он писал. «Мы признаем, что человек оправдывается верою независимо от дел Закона». И спрашивал «Неужели Бог есть Бог иудеев только, а не язычников9 Конечно, и язычников, потому что один Бог, Который оправдывает обрезанных по вере и необрезанных через веру» Поэтому всякий «кто призовет имя Господне» — спасется.

Но отчего же иудеи и язычники одинаково грешны перед Богом? Разве не были иудеи избранным народом Божьим и разве не жили они со времен Моисея по Его предписаниям9 Павел отвечал на это, что грех и смерть вошли в мир через одного человека — Адама, и были оправданы только смертью Христа. Посему и нет теперь большой разницы между жившими по Закону и не знавшими его. В Первом послании к коринфянам Павел писал, что воскресший Христос противостоит Адаму, в лице которого род человеческий подпал под власть смерти. «Христос воскрес из мертвых, первенец — из умерших. Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение из мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут…»

Своим воскресением Христос ведет творение к той божественной полноте, когда Бог будет всячески во всех. В Послании к римлянам Павел писал: «Как одним человеком грех вошел в мир, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили… Но… как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни. Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие… Как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим».

Таким образом, и иудеи и язычники до прихода Христа в одинаковой степени расплачивались за непослушание Адама. Вместе с ним они были отторгнуты от рая, от вечной жизни и находились во власти Сатаны. О том, что Сатана есть истинный князь мира сего, не раз вскользь говорил Сам Христос, но это положение осталось у Него не разъясненным. Павел, развивая его, связал власть Сатаны над человечеством с первородным грехом. В Послании к ефесянам он говорит: «И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления, между которыми и мы все жили некогда по

нашим плотским похотям…»

Крещение есть как бы погребение грешного («ветхого») человека со Христом. В Послании к римлянам Павел писал «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились?… Мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху; ибо умерший освободился от греха. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога».

Помимо этих важных положений Павел впервые попытался определить, Кто же такой Христос и что такое Его Церковь В Послании к колоссянам он писал о Христе, возлюбленном Сыне Божием, «в Котором мы имеем искупление Крови Его и прощение грехов, Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое… Он есть прежде всего, и все Им стоит. И Он есть глава тела церкви». В Послании к евреям Павел писал, что искушенный по человечеству во всем, кроме греха, Иисус Сын Божий прошел небеса и пребывает по ту сторону небес. «Он есть ходатай нового завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для искупления от преступлений, сделанных в первом завете, призванные к вечному наследию получили обетованное».

Церковь, принимая в свое лоно человека, изымает его из пут грешного мира и придает ему как бы новое качество. В Послании к галатам Павел говорит: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе…». В Первом послании к Тимофею Павел говорит, что церковь есть «дом Божий», «столп и утверждение истины». В Послании к евреям Павел писал, что церковь, по самому своему понятию, стоит на грани нынешнего, земного и будущего, иного бытия. Церковь есть путь, ведущий в Царство Божие, она есть Царство Божие в его земном аспекте. Все эти и многие другие изречения Павла впоследствии были использованы для формулирования важнейших христианских догматов.

По окончании третьего путешествия Павел отправился в Иерусалим, где предполагал праздновать Пасху. Здесь его ожидали крупные неприятности. Едва Павел появился во время праздника в храме, азийские евреи, с которыми ему не раз приходилось сталкиваться и спорить во время своего путешествия, узнали его и стали кричать: «Мужи израильские, помогите! Этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места этого; притом и эллинов ввел в храм и осквернил святое место».

Евреи, слыша это, набросились на Павла, стали бить его, а потом заключили в темницу. Римский военачальник Клавдий Лисий хотел его бичевать, но, узнав, что Павел римский гражданин, воздержался от наказания и передал на другой день Павла суду синедриона. Однако

книжники из-за начавшихся между ними споров так и не смогли вынести согласованное решение. Тогда Павла отправили к прокуратору Антонию Феликсу. Тот, не зная, как решить его дело, и ожидая от него взятки, продержал его более двух лет в заключении. В 60 г. на место Феликса был назначен прокуратором Порций Фест. Иудеи стали требовать от него, чтобы он выдал им Павла для расправы, а Павел в ответ потребовал суда императора. Уступив его желанию, прокуратор велел вести его в Италию.

Это четвертое путешествие Павла сопровождалось многими приключениями. По пути корабль попал в сильный шторм и сел на мель возле острова Мальты. Управлявший островом Публий принял к себе всех потерпевших кораблекрушение. В то время его отец был тяжело болен — страдал от горячки и боли в животе. Павел молитвами и возложением рук исцелил его, после чего островитяне стали относиться к нему с большим почтением. Когда непогода улеглась, Павла отправили в Рим на другом корабле. Здесь ему позволили жить особо под надзором одного воина (к которому он был прикован цепью) и встречаться с кем пожелает. Так Павел прожил два года, поначалу проповедуя евангелие всем приходившим к нему иудеям, а потом и язычникам.

О последних годах жизни апостола известно нам очень мало. Источники не сообщают, каким образом Павлу удалось отвести от себя обвинения, но достоверно известно, что после двухлетнего пребывания «в узах» он обрел свободу. Сохранилось смутное предание, что из Рима он отправился далее на запад и некоторое время проповедовал в Испании, а также, возможно, в Галлии. На все это ушло два или три года. Затем Павел снова оказался под стражею и был в оковах доставлен в Рим.

Единственным свидетельством этого заключения остается его Второе послание к Тимофею, проникнутое ожиданием близкого конца. Павел писал: «Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный…» Кончина Павла последовала в годы гонений Нерона. По древнему преданию, он, как римский гражданин, был усечен мечом.

Случилось это, по всей вероятности, в 64 г.

Значение Павла для распространения христианства было огромно, и едва ли хоть кто-нибудь из его современников сделал на этом поприще больше. Благодаря ему новое вероучение было возвещено половине Малой Азии, Македонии и некоторой части Греции. Еще больше сделал он для развития богословия. Именно благодаря ему христианство перестало быть просто сектой иудейства, но превратилось в полнокровную самостоятельную религию.

Апостол Иоанн Богослов

Один из любимых учеников Иисуса апостол Иоанн, сын Заведеев, родился в селении Вифсаиде. Мать его Саломия была дочерью Иосифа, земного мужа девы Марии. Будучи людьми благочестивыми, родители Иоанна еще в отрочестве обучили его Моисееву Закону. С ранних лет Иоанн и его старший брат Иаков были дружны со своими односельчанами

братьями Симоном и Андреем, которые так же, как и они, были рыбаками. Подобно всем жителям Вифсаиды эти молодые люди жили в напряженном ожидании Мессии и потому оказались лучше других иудеев подготовлены к восприятию евангелия. Сначала они сделались учениками Иоанна Крестителя, но не оставляли тогда еще своего дома и занятий.

Резкий перелом в их жизни наступил несколькими месяцами позже, когда Иисус, ходя по берегам Галилейского моря, избирал Себе из рыбаков апостолов. Сначала он избрал братьев Андрея и Симона (последний получил от Него имя Петра). Потом Он увидел Иакова и Иоанна, которые занимались починкой сетей в лодке вместе со своим отцом. Христос призвал их, и они тотчас, оставив лодку и отца, пошли за Ним. Иисус вскоре назвал Иоанна Воанергесом («сыном грома»), так как предвидел, что его богословие, как гром, будет услышано во всем мире. Прозвище это также указывало на некоторые особенности характера Иоанна. Будучи человеком чистым, добрым, незлобивым и доверчивым, он в то же время был полон сильной ревности о славе Божией. Христа он любил со всей силой своего невинного сердца, оттого и Иисус любил Иоанна более всех других Своих учеников. Уже через год после призвания Иоанн был избран в число 12 апостолов. В дальнейшем он был свидетелем таинственных чудес Христа, при совершении которых присутствовали только самые близкие Ему люди — при воскресении дочери Иара и во время Своего Преображения на горе Фавор. Во время Тайной вечери Иоанн возлежал на груди Христа и слышал каждое Его слово. После того как Христос был схвачен и апостолы разбежались, Иоанн едва ли не единственный нашел в себе мужество последовать за Учителем и был свидетелем всех Его мук. Уже вися на кресте, Иисус поручил ему заботу о Своей матери. И действительно, после этого Мария до самой своей смерти жила в доме Иоанна, окруженная глубочайшим уважением и любовью. Следующие десять лет после ее кончины он тоже провел в Иудее. К проповеднической деятельности Иоанн приступил только в 58 г., позже всех остальных апостолов, избрав местом для благовестия малоазийский Эфес, где до него проповедовал апостол Павел. К сожалению, о его первом пребывании в Эфесе не сохранилось практически никаких известий.

При императоре Домициане, начались гонения на христиан, Иоанн и Прохор были сосланы на остров Патмос. Здесь апостол прожил несколько лет и благодаря многим чудесам приобрел большую известность. Когда после кончины Домициана Иоанн в 96 г. получил свободу, многие на острове приняли христианство. Именно для нужд этой общины, согласно традиции, Иоанн написал свое знаменитое Евангелие, которое во многих местах отличалось от трех более ранних, написанных Матвеем, Марком и Лукой, ибо здесь главным образом идет рассказ о том, о чем не сообщали другие евангелисты. Напротив, многие известные факты Иоанн в своем рассказе опустил. Большой заслугой Иоанна стала разработка учения о Святом Духе, сделавшегося важнейшей частью всего христианского вероучения. Многочисленные упоминания о Духе Божием («духе Яхве») есть и в Ветхом Завете, однако ортодоксальный иудаизм раввинских школ очень осторожно обращался с этим понятием и не старался разъяснить его. Дух Божий сообщался только немногочисленным избранникам Господа (Он был на Моисее и других пророках, а также на Самсоне, Сауле и Давиде).

Обретение Святого Духа всей массой верующих, согласно предсказанию пророка Иоиля, должно было произойти только во времена Мессии.

Евангелия сообщают о сошествии Святого Духа на Христа в виде голубя во время Его крещения. Затем, после Вознесения Христа, Дух Святой в виде огненных языков сошел на апостолов. Подробнее о природе Святого Духа из всех авторов Нового Завета говорит один Иоанн. Только он указывает ипостасное свойство Святого Духа: исхождение от Бога Отца (во время тайной вечери Христос говорит: «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне…»). Только в Евангелии от Иоанна Иисус, во время Тайной вечери, накануне Своего страдания, дает ученикам обещание вернуться и пребывать с ними «до скончания века». Под этим подразумевается пребывание Святого Духа в церкви, которая, в полном согласии с учением Павла, понималась Иоанном как Тело Христово. Но путь церкви, которую живит Своим присутствием Дух, лежит во времени, и пребывание Христа с верующими заключено в рамки земной истории. С концом света должно установиться Царствие Божие, утвержденное действием Святого Духа.

Здесь же на Патмосе в годы ссылки было написано другое знаменитое творение Иоанна — его Апокалипсис, представляющий из себя по литературной форме послание к семи азиатским церквам. Произведение это в высшей степени образное, иносказательное и символическое. Поэтому толкование его представляет большую сложность. В вводной части читаем: «Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав оное через Ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал Слово Божие и свидетельство Иисуса Христа и что он видел…» В следующих стихах Иоанн сообщает об обстоятельствах, при которых ему было дано Откровение: «Я, Иоанн, брат ваш и соучастник в скорби и в царствии и в терпении Иисуса Христа, был на острове, называемом Патмос, за Слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа. Я был в духе в день воскресный, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: «Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний; то, что видишь, напиши в книгу и пошли церквам, находящимся в Азии: в Эфес, и в Смирну, и в Пергам, и в Фиатиру, и в Сардис, и в Филадельфию, и в Лаодикию». Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною; и обратившись, увидел семь золотых светильников и, посреди семи светильников, Подобного Сыну Человеческому… глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненный… и голос Его, как шум вод многих… И когда я увидел Его, то пал к ногам Его, как мертвый. И Он положил на меня десницу Свою и сказал мне: «Не бойся; Я есмь Первый и Последний… и имею ключи ада и смерти. Итак, напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего…» Вслед за тем Подобный Сыну Человеческого обращается к каждой из семи азиатских церквей, а по окончании Его речей перед глазами изумленного Иоанна раскрывается видение. «Я взглянул, и вот, — пишет он, — дверь отверста на небе, и прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мною, сказал: Взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего…»

Сначала Иоанн наблюдает небесную Литургию, где Сидящему Триединому Богу воздает прославление вся тварь. Затем Иоанн видит в руках у Сидящего запечатанную семью печатями книгу. По снятии с нее печатей перед ним проходит последовательный ряд апокалиптических образов, которые относятся к событиям будущим. Значение многих из этих образов, а также всей картины в целом остается гадательным. Но некоторые из них уже в древности поражали воображение читателя. Так, в 12 главе читаем: «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце… Она имела во чреве, и кричала от боли и мук рождения. И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами… Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца. И родила она младенца мужеского пола, которому надлежало пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его… И произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий Дракон, древний змей, называемый дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним…» Возможно, что речь здесь идет о тайне Боговоплощения, получающей, при таком толковании, космическое значение, а также о вневременной войне ангелов Господних против сил зла.

Однако в следующих главах эта борьба перенесена в план земной, то есть временной — речь идет о грядущем в конце света торжестве Сатаны и о приходе Антихриста. «И стал я на песке морском, — продолжает Иоанн, — и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него — как у медведя, а пасть у него — как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть.

И видел я, что одна из голов его как бы смертельно ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились зверю, говоря: «Кто подобен зверю сему? И кто может сразиться с ним?» И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле. И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агничим, и говорил как дракон. Он действует перед ним согрею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелела; и творить великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми. И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле, говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив. И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не поклоняется образу зверя. И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и

рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть…»

Затем следует описание конца света, изображаемого в символической форме в виде благодетельной жатвы и грозного сбора винограда: «И увидел я… ангела, летящего по средине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени и колену, и языку и народу, и говорил он громким голосом: «Убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его, и поклонитесь Сотворившему небо и землю, и море и источники вод. И другой… ангел последовал за ним, говоря громким голосом: «Кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое, или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере перед святыми ангелами и пред Агнцем; и дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его…» И взглянул я. И вот светлое облако, и на облаке сидит Подобный Сыну Человеческому; на голове Его золотой венец, и в руке Его острый серп. И вышел другой ангел из храма и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: «Пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела». И поверг сидящий на облаке серп свой на землю, и земля была пожата. И другой ангел вышел из храма, находящегося на небе, также с острым серпом. И иной ангел, имеющий власть над огнем, вышел от жертвенника и с великим криком воскликнул к имеющему острый серп, говоря. «Пусти острый серп твой и обрежь гроздья винограда на земле, потому что созрели на нем ягоды». И поверг ангел серп свой на землю, и обрезал виноград на земле, и бросил в великое точило гнева Божия. И истоптаны ягоды в точиле за городом, и потекла кровь из точила…»

В последних главах рассказывается о двух великих битвах между Христом и Сатаной, о Страшном суде и об окончательной победе добра над силами зла «И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует… И воинства небесные следовали за Ним…

На одежде и на бедре Его написано имя: «Царь царей и Господь господствующих…»

И увидел я зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и воинством Его. И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производящий чудеса перед ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою, а прочие убиты мечом Сидящего на коне… И увидел я ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть дьявол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не кончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время. И увидел я престолы и

сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за Слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертание на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не ожили, доколе не кончится тысяча лет. Это — первое воскресение.

Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ним смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с ним тысячу лет. Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской. И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленных. И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их; а дьявол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков. И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места. И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих перед Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим. И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая. И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное…»

Заканчивается Апокалипсис видением обновленной земли, освободившейся от всякого зла и греха: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий «Это, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло»…»

Последние годы своей жизни Иоанн провел в Эфесе, окруженный глубоким почитанием тамошних христиан. Несмотря на очень преклонные годы, он продолжал аскетические подвиги: питался лишь хлебом и водой, не стриг волос и одевался в простые полотняные одежды. Когда он совсем обессилил от старости и не имел сил проповедовать, ученики на руках приносили его в церковь. И там, встав перед народом, он произносил только одно наставление: «Дети! Любите друг друга!» Тем не менее каждый день в церковь стекалось множество народа, и все уходили глубоко потрясенные видом этого старца и силой его слов.

О кончине Иоанна сохранилась следующая легенда. Когда ему было уже более ста лет, он с семью учениками вышел из города и пришел в одно, заранее им избранное место. Здесь ученики по его указанию вырыли крестообразную могилу. Иоанн лег в нее и повелел засыпать себя землей. Ученики с плачем и слезами исполнили это повеление. Когда об этом стало известно в городе, некоторые христиане поспешили на место погребения апостола и разрыли его могилу. Однако никакого тела они там не обнаружили. Из чего многие заключили, что Иоанн не умер, а был живым

взят на небо.

ИРАН
Заратуштра

Зороастризм — религиозное учение иранского пророка Заратуштры — возможно, самая древняя из мировых религий откровения. Возраст ее не поддается точному определению. В течение многих веков тексты Авесты — главной священной книги зороастрийцев — передавались в устной форме от одного поколения жрецов к другому. Записали их только в первые века нашей эры, в годы правления персидской династии Сасанидов, когда самый язык Авесты уже давно был мертвым. Так что зороастризм был уже очень стар, когда первые упоминания о нем попали в исторические источники. Многие детали этого вероучения нам теперь не ясны. К тому же дошедшие до нас тексты представляют из себя лишь малую часть древней Авесты. Согласно персидскому преданию, изначально она заключала в себе 21 книгу, но большая часть их погибла после разгрома в IV в. до Р.Х. Александром Македонским древней Персидской державы Ахеменидов (имеется в виду не гибель манускриптов, которых в то время, согласно традиции, было всего два, а смерть большого количества жрецов, хранивших тексты в своей памяти). Та Авеста, которой пользуются теперь парсы (так называют в Индии современных зороастрийцев), содержит в себе всего пять книг: 1) «Вендидад» — собрание ритуальных предписаний и древних мифов; 2) «Ясна» — собрание гимнов (это наиболее древняя часть Авесты; в состав ее входят «Гаты» — семнадцать гимнов, приписываемых самому Заратуштре); 3) «Висперед» — сборник изречений и молитв; 4) «Яшты» — сборник более поздних мифов и предписаний; 5) «Бундехиш» — книга, написанная в эпоху Сасанидов и содержащая в себе изложение позднего зороастризма.

Анализируя Авесту и другие сочинения доисламского Ирана, большинство современных исследователей приходят к мысли, что Заратуштра был не столько создателем нового вероучения, носящего его имя, сколько реформатором исконной религии иранцев — маздеизма. Как и многие древние народы, иранцы поклонялись множеству богов. Добрыми богами считались ахуры, среди которых наиболее важными были бог неба Асман, бог земли Зам, бог солнца Хвар, бог луны Мах, два божества ветра — Вата и Вайд, а также Митра — божество договора, согласия и социальной организации (в дальнейшем он считался богом солнца и покровителем воинов). Верховным божеством был Ахурамазда (то есть Господь Премудрый). В представлении верующих Он не связывался ни с каким природным явлением, но являлся воплощением мудрости, которая должна управлять всеми действиями богов и людей. Главой мира зловредных дэвов, противников ахуров, считался Ангро-Майнью, не игравший, по-видимому, в маздеизме большого значения.

Таков был фон, на котором в Иране возникло мощное религиозное движение зороастризма, превратившее старые верования в новую религию спасения. Важнейшим источником, из которого мы черпаем сведения как о самой этой религии, так и о ее создателе, являются «Гаты». Это небольшие поэмы, написанные размером, встречающимся в Ведах, и предназначенные,

как и индийские гимны, для исполнения при богослужении. По форме это вдохновенные обращения пророка к Богу. Они отличаются утонченностью намеков, богатством и сложностью стиля. Такая поэзия могла быть полностью понята только обученным человеком. Но хотя для современного читателя многое в «Гатах» остается загадочным, они изумляют глубиной и возвышенностью содержания и заставляют признать их памятником, достойным великой религии.

Их автор — пророк Заратуштра, сын Поурушаспы из рода Спитама, родился в мидийском городе Раги. Годы его жизни нельзя установить доподлинно, так как он действовал в то время, которое для его народа было доисторическим. Язык «Гат» чрезвычайно архаичен и близок к языку Ригведы, знаменитому памятнику ведического канона. Самые древние гимны Ригведы датируются примерно 1700 г. до Р.Х. На этом основании некоторые историки относят время жизни Заратуштры к XIV–XIII вв. до Р.Х., но скорее всего он жил гораздо позже — в VIII или даже VII в. до Р.Х.

Детали его биографии известны лишь в самых общих чертах. Сам Заратуштра называет себя в «Гатах» заотаром, то есть полностью правомочным священнослужителем. Он именует себя также мантраном — сочинителем мантр (мантры — вдохновенные экстатические изречения или заклинания). Известно, что обучение священству начиналось у арийцев рано, видимо, в возрасте около семи лет, и 172 было устным, потому что они не знали письма. Будущие священнослужители изучали в основном обряды и положения веры, а также овладевали искусством импровизации стихов для призывания богов и их восхваления Иранцы считали, что зрелость достигается в 15 лет, и, вероятно, в этом возрасте Заратуштра уже стал священнослужителем. Легенда говорит, что двадцати лет от роду он ушел из дома и поселился в уединении у реки Даитья (исследователи помещают эту область в современном Азербайджане). Там, погруженный в «безмолвную мысль», он искал ответа на жгучие вопросы жизни, искал высшую правду. Зловредные дэвы не раз пытались атаковать Заратуштру в его убежище, то соблазняя его, то угрожая смертью. Но пророк остался непоколебим. И усилия его не были тщетны — после десятилетних молитв, размышлений и вопрошаний Заратуштре открылась высшая истина.

Это великое событие упоминается в одной из «Гат» и кратко описывается в пехлевийском (то есть написанном на среднеперсидском языке в эпоху Сасанидов) сочинении «Задопрам». Там рассказывается, как однажды Заратуштра, участвуя в церемонии по случаю весеннего праздника, отправился на рассвете к реке за водой. Он вошел в реку и постарался взять воду из середины потока. Когда он возвращался на берег (в этот момент он пребывал в состоянии ритуальной чистоты), перед ним в свежем воздухе весеннего утра возникло видение. На берегу он узрел сияющее существо, открывшееся ему как Воху Мана, то есть «Благой помысел». Оно привело Заратуштру к Ахурамазде и шести другим излучающим свет персонам, в присутствии которых пророк «не увидел собственной тени на земле из-за яркого свечения». От этих божеств Заратуштра и получил свое откровение, ставшее основой для проповедуемого им вероучения.

Как можно заключить из дальнейшего, главное отличие зороастризма от старой традиционной религии иранцев сводилось к двум

моментам к особому возвеличиванию Ахурамазды за счет всех остальных богов и противопоставлению ему злобного Ангро-Майнью. Почитание Ахурамазды, как владыки аша (порядка, справедливости), соответствовало традиции, поскольку Ахурамазда с древности был у иранцев величайшим из трех ахур, хранителей аша. Однако Заратуштра пошел дальше и, порвав с принятыми верованиями, провозгласил Ахурамазду несотворенным Богом, существовавшим извечно, творцом всего благого (включая и всех других добрых благих божеств). Его проявлениями пророк объявил свет, правду, доброту, знание, святость и благодетельность Ахурамазда совершенно не затронут ничем злым в какой бы то ни было форме, следовательно, он абсолютно чист и справедлив. Областью Его обитания является надмирная светоносная сфера.

Источником же всего зла во вселенной Заратуштра объявил Ангро-Майнью (буквально «Злого Духа») — извечного противника Ахурамазды, который также изначален и полностью зловреден. Эти две основные противоположности бытия Заратуштра видел в их вечном столкновении. «Воистину, — говорит он, — есть два первичных духа, близнецы, славящиеся своей противоположностью. В мысли, в слове и в действии — они оба, добрый и злой. Когда эти два духа схватились впервые, то они создали бытие и небытие, и то, что ждет в конце концов тех, кто следует пути лжи, — это самое худшее, а тех, кто следует пути добра, ждет самое лучшее. И вот из этих двух духов один, следующий лжи, выбрал зло, а другой — Дух Святейший, облаченный в крепчайший камень (то есть небесную твердь) выбрал праведность, и пусть это знают все, кто будет постоянно ублаготворять Ахурамазду праведными делами».

Итак, царство Ахурамазды олицетворяет собой положительную сторону бытия, а царство Ангро-Майнью — отрицательную Ахурамазда пребывает в никем не созданной стихии света, Ангро-Майнью — в извечном мраке. В течение долгого времени эти области, разделенные великой пустотой, никак не соприкасались друг с другом. И только сотворение Вселенной привело их в столкновение и породило непрекращающуюся борьбу между ними. Поэтому в нашем мире добро и зло, свет и мрак оказались перемешаны. Сначала, говорит Заратуштра, Ахурамазда сотворил шесть высших божеств — тех самых «излучающих свет существ», которых он узрел в своем первом видении. Эти шесть Бессмертных Святых, воплощающих качества или атрибуты самого Ахурамазды, следующие

Воху Мана («Благой помысел»),

Аша Вахишта («Лучшая праведность») — божество, олицетворяющее могучий закон истины аша,

Спэнта Армайти («Святое благочестие»), воплощающее посвящение тому, что хорошо и праведно,

Хшатра Вайръя («Желанная власть»), представляющее собой силу, которую каждый человек должен проявлять, стремясь к праведной жизни.

Заключительная пара это

Хаурватат («Целостность») и

Амертат («Бессмертие»).

Все вместе они были известны как Амеша Спента («Бессмертные Святые») и представляли из себя могущественных, смотрящих с высоты несравненно справедливых владык.

О тесном единстве Амеша Спента с Ахурамаздой говорят следующие слова из «Яшт». «Они — одной мысли, одного слова, одного действия. Они видят души друг друга, думая о благих мыслях, думая о благих словах, думая о благих делах. Они творцы, создатели и делатели, защитники и хранители творений Ахурамазды». Вместе с тем каждое из этих божеств находилось в тесной связи с каким-либо из явлений, так что это явление рассматривалось как олицетворение самого божества. Так Хшатра Вайрья считался владыкой небес из камня, которые защищают своим сводом землю.

Расположенная внизу земля принадлежала Спэнта Армайти Вода была творением Хаурватат, а растения относились к Амертат Воху Мана считался покровителем кроткой милосердной коровы, которая для иранцев-кочевников была символом созидательного добра Огонь, который пронизывает все остальные творения и благодаря солнцу управляет сменой времен года, находился под покровительством.

Аша Вахишта, а человек, с его разумом и правом выбора, принадлежал Самому Ахурамазде. Верующий мог обращаться с молитвой к любому из семи божеств, но ему следовало призывать их всех, если он хотел стать совершенным человеком.

Эти шесть великих божеств, в свою очередь, как учил Заратуштра, вызвали к жизни род язатов (то есть «достойных поклонения»), которые считались добрыми богами еще в древнеиранском пантеоне (их, согласно Плутарху, насчитывалось 24). Самым выдающимся из них был Митра (В «Гатах» Заратуштра взывает к некоторым из язатов, в частности, к Митре, Алам-Напату, Сраоше, Аши и Гэш-Урвани). Все они, по учению Заратуштры, были эманациями самого Ахурамазды и, будучи под его началом, стремились способствовать творению добра и уничтожению зла. Помощниками в этом служили благие духи — фраваши. Считалось, что всякая отдельная форма бытия имеет своего фраваши и деятельность их пронизывает всю Вселенную. Они являлись как бы преломлением лучей Света, центром и сосредоточием которых служил Ахурамазда.

Мир, в котором царит Ангро-Майнью во всем диаметрально противоположен миру Ахурамазды. Так, сам Ангро-Майнью есть источник зла и тьмы, подобно тому как Ахурамазда есть источник добра и света. Он равен этому последнему в своем могуществе и безраздельно царит и владычествует над своей областью жизни. Ангро-Майнью — это тьма, лживость, зло и неведение. Он также имеет свою свиту из шести могущественных божеств, каждый из которых прямо противоположен доброму духу из окружения Ахурамазды это Злой Разум, Болезнь, Разрушение, Смерть и т. п. Помимо них в его подчинении находятся злые боги — дэвы, а также бесчисленное множество низших злых духов. Все они — порождение Тьмы, того Мрака, источником и вместилищем которого служит Агро-Майнью. Целью дэвов является добиться господства над нашим миром. Их путь к этой победе состоит отчасти в его опустошении, отчасти в соблазне и подчинении себе последователей Ахурамазды. Вселенная наполнена дэвами и злыми духами, которые во всех углах пытаются вести свою игру, так что ни один дом, ни один человек не застрахованы от их тлетворного воздействия. Чтобы защититься от зла,

человек должен совершать ежедневные очищения и жертвы, применять молитвы и заклинания.

Война между Ахурамаздой и Ангро-Майнью вспыхнула в момент миротворчества. Амеша Спента создали мир в семь приемов. Сначала они сотворили небеса из камня — твердые, как огромная круглая скорлупа. В нижнюю часть этой скорлупы они поместили воду. Затем они создали землю, покоящуюся на воде, словно большое плоское блюдо. В центре земли они поставили три одушевленных творения в виде одного растения, одного животного (единотворного быка) и одного человека.

Наконец они разожгли огонь, как видимый, так и невидимый, в качестве жизненной силы наполняющий одушевленные творения. Солнце — это часть огня. Все это вместе составило акт творения, называемый на пехлеви Бундахишн («Сотворение основы»).

Он происходил как бы в два этапа. Сначала Ахурамазда создал все свободным от телесной оболочки, то есть, в духовном, нематериальном виде. Затем Он и Его помощники придали всему материальный вид. Материальное бытие было лучше, чем предшествующее нематериальное, потому что совершенные творения Ахурамазды получили в нем благо в форме чего-то цельного и ощутимого.

Но в тот миг, когда творение стало материальным, оно оказалось уязвимым для сил зла, и на него сразу же набросился Ангро-Майнью. Согласно мифу, он яростно ворвался в мир через нижнюю сферу каменного неба. Он вынырнул из воды, сделав большую часть ее соленой, ринулся к земле, и там, куда он проник, образовались пустыни. Он иссушил растение, убил единотворного быка и первого человека.

Наконец он напал на седьмое творение — на огонь и испортил его дымом. В ответ Амеша Спента объединились. Амертат взяло растение и истолкло его, а прах рассыпало по миру с тучами и дождем, чтобы вырастить повсюду больше растений.

Точно так же семя быка и человека породило еще больше скота и людей. Так вред Ангро-Майнью обратился на пользу миру. Однако зло проникло в него, и мир перестал быть совершенным Злой Дух не только причинил ему материальный ущерб, но и вызывал все нравственные пороки и духовное зло, от которых страдают люди и боги.

Нападение Ангро-Майнью ознаменовало начало новой космической эры — Гумезишн («Смешение»), на протяжении которой этот мир представляет смесь добра и зла, а человек подвергается постоянной опасности быть совращенным с пути добродетели.

Для того чтобы противостоять нападкам дэвов и других приспешников зла, он должен почитать Ахурамазду с шестью Амеша Спента и настолько полно принять их всем своим сердцем, чтобы в нем не осталось больше места для пороков и слабостей. По откровению, полученному Заратуштрой, человечество имеет с благими божествами общее предназначение — постепенно победить зло и восстановить мир в его первоначальном, совершенном виде.

Замечательный миг, когда это свершится, будет означать начало третьей эпохи — Визаришн («Разделение»). Тогда добро будет снова отделено от зла, и зло подвергнется изгнанию из нашего мира.

Великая, основополагающая идея учения Заратуштры состоит в том, что Ахурамазда может восторжествовать над Ангро-Майнью лишь при помощи чистых, светлых сил и благодаря участию людей, уверовавших в Него. Человек создан быть союзником Бога и трудиться вместе с Ним для достижения победы над злом. Поэтому его внутренняя жизнь не представлена только сама себе — человек идет одним путем с божеством, его справедливость действует на нас и направляет к своим целям Заратуштра предлагал своему народу сделать сознательный выбор, принять участие в небесной войне и отречься от верности тем силам, которые не служат добру. Поступая таким образом, каждый человек не только оказывает посильную помощь Ахурамазде, но и предопределяет свою будущую судьбу. Ибо физическая смерть в этом мире не ставит точку человеческому существованию Заратуштра считал, что каждая душа, расстающаяся с телом, будет судима за то, что совершила в течение жизни. Этот суд возглавляет Митра, по обеим сторонам которого с весами правосудия восседают Сраоша и Рашну. На этих весах взвешиваются мысли, слова и дела каждой души: добрые — на одной чаше весов, дурные — на другой. Если добрых дел и мыслей больше, то душа считается достойной рая, куда ее отводит прекрасная девушка — даэна. Если же весы склоняются в сторону зла, то отвратительная ведьма увлекает душу в ад — «Жилище Дурного помысла», где грешник переживает «долгий век страданий, мрака, дурной пищи и скорбных стонов».

В конце света и в начале эры «Разделения» произойдет всеобщее воскресение мертвых. Тогда праведники получат танипасен — «будущее тело», а земля отдаст кости всех умерших За всеобщим воскресением будет Последний Суд. Тут Аирйаман, божество дружбы и исцеления, вместе с богом огня Атар расплавит весь металл в горах, и он потечет на землю раскаленной рекой. Все воскресшие люди должны будут пройти сквозь эту реку, причем для праведных она покажется парным молоком, а нечестивым будет казаться, что «они во плоти идут через расплавленный металл».

Все грешники переживут вторую смерть и навсегда исчезнут с лица земли. Демоны- дэвы и силы Тьмы будут уничтожены в последнем великом сражении с божествами- язатами. Река расплавленного металла потечет вниз, в ад, и сожжет остатки зла в этом мире. Тогда Ахурамазда и шесть Амеша Спента торжественно совершат последнее духовное богослужение — ясна и принесут последнее жертвоприношение (после которого смерти вообще больше не будет). Они приготовят мистический напиток «белую хаому», дающий всем блаженным, кто вкусит его, бессмертие. Тогда люди станут такими же, как сами Бессмертные Святые — едиными в мыслях, словах и делах, не стареющими, не знающими болезней и тления, вечно радующимися в царстве Бога на земле. Потому что, согласно Заратуштре, именно здесь, в этом знакомом и любимом мире, восстановившем свое первоначальное совершенство, а не в отдаленном и иллюзорном раю, будет достигнуто вечное блаженство.

Такова в общих чертах суть религии Заратуштры, насколько ее можно реконструировать по сохранившимся свидетельствам. Известно, что она далеко не сразу была принята иранцами. Так, проповедь Заратуштры среди соплеменников в Pare практически не имела плодов — эти люди

оказались не готовы к тому, чтобы уверовать в его благородное, требующее постоянного нравственного совершенствования учение. С большим трудом пророку удалось обратить в свою веру лишь своего двоюродного брата Маидиоиманха. Тогда Заратуштра покинул свой народ и отправился на восток в закаспийскую Бактрию, где смог добиться благосклонности царицы Хутаосы и ее мужа царя Виштаспы (большинство современных ученых считаем что он правил в Балхе, таким образом, Хорезм стал первым центром зороастризма).

Согласно преданию, Заратуштра по обращении Виштаспы прожил еще много лет, но о его жизни после этого решающего события известно мало. Погиб он, уже будучи глубоким стариком, насильственной смертью — его заколол кинжалом жрец-язычник.

Спустя много лет после смерти Заратуштры Бактрия вошла в состав Персидской державы. Тогда зороастризм стал постепенно распространяться среди населения Ирана. Однако во времена Ахеменидов он, по-видимому, еще не был государственной религией. Все цари этой династии исповедовали древний маздеизм. Государственной и подлинно народной религией иранцев зороастризм стал на рубеже нашей эры, уже в пору правления парфянской династии Аршакидов или даже позже — при иранской династии Сасанидов, утвердившейся на престоле в III в. Но этот поздний зороастризм, хотя и сохранил в полной мере свой этический потенциал, уже во многих чертах отличался от раннего, провозглашенного самим пророком. Всемудрый, но достаточно безликий Ахурамазда оказался в эту эпоху фактически оттесненным на второй план доблестным и благостным Митрой. Поэтому при Сасанидах зороастризм был прежде всего связан с почитанием огня, с культом света и солнечного сияния.

Храмы зороастрийцев были храмами огня, так что не случайно их стали именовать огнепоклонниками.

Мани

Считается, что основатель манихейства — вероучения, долгое время бывшего серьезным противником христианства — родился в 216 г. в Вавилонии, в местечке Мардину, близ Ктесифона. Подлинное его имя было Сураик, сын Фатака. Принятое же им позже священническое прозвание Мани значило «Дух» или «Ум». Пишут, что он был сыном вавилонянина и знатной женщины из парфянского рода Камсаракан. Его отец, первоначально правоверный зороастриец, переменил свою религию, пристав к секте крестильников (члены этой секты считали подлинным Христом Иоанна Крестителя, а Иисуса отвергали как обманщика). В их учении первоначально воспитывался и Мани, но еще в отрочестве оставил его, как он писал потом, по прямому указанию явившегося к нему ангела. С детства он живо интересовался религиозными вопросами и испытал влияние многих вероучений. Как видно из дальнейшего, он хорошо знал христианство, брахманизм, буддизм и учение гностиков. Однако основой его собственной религиозной системы оставался зороастризм (хотя и в значительной степени переработанный). Свою публичную деятельность Мани начал в очень молодые годы — в 238 г. при основателе Сасанидской державы шахиншахе Арташире I. Согласно преданию, он отправился

сначала в Индию, где основал первые общины адептов своего учения. Затем он возвратился на родину и обратил в свою веру сасанидского принца Пероза — брата нового персидского царя Шапура I. В 241 г., в день коронации, он был благосклонно выслушан самим шахиншахом и получил разрешение проповедовать свою религию в Иране.

По учению Мани, изложенному, согласно традиции, им самим в семи сочинениях (написанных по-арамейски), искони существовала некая Высшая Истина. Однако в своей очевидности и насущности она являлась в мир лишь время от времени, когда приходили Посланники, открывающие ее людям. До Мани эта Истина передавалась в разных формах и всегда была лишь частичной и, следовательно, ущербной. Среди предшествующих ему Посланников Мани называл Адама, Еноха, Ноя, Авраама и некоторых других библейских пророков. В гораздо более полной форме она была преподана Заратуштрой, Буддой и Иисусом Христом. Но их роль проявлялась лишь на локально ограниченных пространствах: Будда проповедовал на Востоке, Заратуштра — в Иране, а Иисус Христос — на Западе. Их задачей было подготовить человечество к полному Откровению, которое как раз и должно открыться через высшее и главное звено в цепи Небесных Посланников — через Мани — апостола всего поколения современных людей, посланного проповедать Истину всей ойкумене. Свет Истины, несомый Мани, в отличие от той, что была сообщена его предшественниками, целостен, абсолютен, ничем не затемнен и потому совершенен. Сам Мани называл свое учение печатью (то есть завершением) всех откровений, а себя объявлял тем Утешителем, которого обещал прислать Христос согласно Евангелию от Иоанна.

В чем же заключалось открытая им Истина? В своем вероучении Мани исходил из того положения, что окружающий нас мир есть арена жестокой борьбы двух начал: добра и зла, или, что то же самое, света и тьмы. Мир света он связывал с духовным началом, а мир зла и тьмы — с материальным. Однако, писал он, природа света «проста и истина», следовательно, она не имеет никакого отношения к противоположному свойству зла или тьмы. Поскольку же зло несомненно существует, не вытекая из добра или света, значит, оно должно иметь собственное начало. Поэтому следует признать два безусловно самостоятельных первоначала, неизменных в своем существе и образующих два отдельных мира.

Область света или благого бытия имеет своим первоначалом Отца Света. Его среда есть «светлый эфир», а его царство есть рай, или «земля света». Этот Отец Света может проявляться в четырех формах: в форме Божества, в форме Света, в форме Силы и в форме Мудрости. Светлый эфир нематериален и является носителем пяти умственных свойств — спокойствия, знания, рассуждения, тайны и понимания. Земля света имеет пять способов бытия: воздух или благотворное веяние, ветер или прохлада, свет, вода и согревающий огонь. Созданием и носителем светлых и добрых сил является высшее деятельное существо — Христос, или Небесный Адам. Напротив, в царстве смерти, тьмы, зла и материи правит Царь Тьмы. Он связан с темной землей, которая также имеет пять способов бытия, противоположных земле света, яд или зараза, бурный вихрь, мрак, туман и пожирающее пламя. В услужении у Царя Тьмы находятся мириады демонов, причастных к хаосу, смешению, возмущению и вообще крайне

агрессивных. В противовес Христу все элементы темного царства собрались воедино для создания Сатаны — своего рода Адама Тьмы.

Процесс миротворчества начался с того, что Сатана устремился за пределы своего царства в область света. Против него выступил Христос. Схватка между ними была драматичной и чрезвычайно ожесточенной. После долгой борьбы Христос оказался побежден темными силами и на какое-то время увлечен на самое дно ада. Светлым силам, впрочем, удалось в конце концов освободить его, но светлые элементы, составлявшие его вооружение и одежду, оказались смешанными при этом с элементами темной области и образовали вместе нечто вроде первобытного хаоса. Эти частицы света, взятые в рабство материей, образуют Страждущего Христа. А та часть света, которая была освобождена, образовала Бесстрастного Христа. Своей силой он обитает на Солнце, а своей мудростью — на Луне.

Отец Света поручил Своим ангелам отделить светлые элементы от тьмы. Но из-за противоборства Царя Тьмы сделать это сразу не удалось. В результате сложной борьбы с враждебными демонами возник окружающий нас мир. Творениями светлых сил в нем являются Солнце и Луна, которых стали высасывать из этого мира частицы небесного света и отсылать их в высший Райский мир. Сатана, заметив освобождение частиц света, решил собрать все имеющиеся в царстве тьмы частицы Страждущего Христа в одно место и заключить их в материю. Для этого он сотворил первого человека Адама. Частицы света были сосредоточенны в одном месте и составили его разумную душу. Чтобы последняя не узнала о своем духовном происхождении, Сатана запретил человеку вкушать от древа познания. Но Бесстрастный Христос, явившись на землю в образе змея, научил Адама вкусить от древа познания, и человек узнал таким образом о своем происхождении. Чтобы затмить это создание, Сатана задумал раздробить разумную душу. Из материи и оставшейся еще небольшой части света он сотворил жену Адама Еву, в которой, по незначительности света, имела перевес материя. Ева была создана для того, чтобы совратить Адама к чувственному наслаждению. Вопреки предупреждениям Христа, который заповедовал Адаму воздерживаться от желаний своей плоти, тот уступил обольщению Евы и пал. От брачного союза с нею родились дети, от последних народились новые поколения людей; при этом разумная душа, разделяясь по отдельным личностям, стала дробиться на все более мелкие частицы, которые Сатане удобно удерживать в материальных телах как в темницах.

На этом сложном мифологическом основании строилась этика манихейства. Мани учил, что человек есть арена борьбы темных и светлых сил. Целью его существования должно стать освобождение плененных плотью светлых элементов его души и воссоединение с Отцом Света. Эти элементы, однако, не могут быть просто «взяты» Отцом Света из этого мира, поскольку должны «искупить» свое падение. Искупление должно совершиться человечеством на пути нравственного совершенствования и постепенного преодоления в себе греха. Процесс этот долгий и трудный Осквернённая, грешная душа не может обрести освобождения после смерти и обречена на новые рождения в оковах плоти. Поэтому ей суждено вновь и вновь возрождаться в этом мире страдания и мук. И она будет

пленницей этого мира до тех пор, пока ей не откроется Истина о самой себе. Для разъяснения этой Истины как раз и приходили все предшествующие Посланники, наиболее значительным из которых был Иисус.

Вообще, в религии Мани Иисус играл важную роль. Хотя основатель манихейства отвергал как ложную значительную часть евангелических рассказов, он однозначно признавал и высоко чтил их нравственное учение. Что касается взглядов Мани на природу Иисуса, то они были противоречивы. По одним манихейским сочинениям, небесный Бесстрастный Христос действовал через человека Иисуса, но без внутреннего соединения с Ним, и покинул Его при распятии. По другим — человека Иисуса вовсе не было, но был только Небесный Дух — Христос с призрачной видимостью человека. С точки зрения Мани в этом вопросе важно было устранить идею воплощения или действительного индивидуального сочетания божественной и человеческой природ в Иисусе. (Ведь дух и материя, по его учению, есть порождения разных, враждующих, миров). Но как бы то ни было явление Иисуса ознаменовало новую эпоху в человеческой истории. После этого «ветхий» человек пресуществился в «нового» — спасение приблизилось, но окончательно оно стало возможно лишь после совершенного откровения Истины в учении Мани. Тогда только человеку открылись все тайны бытия и он получил возможность исполнить предназначенную ему роль в мировой космической драме. Все его усилия отныне должны быть направлены на то, чтобы отделить в своей душе элементы света от элементов тьмы и помочь освобожденным «искупленным» элементам света соединиться с самим светом. Окончательно процесс освобождения духа от тела, света от тьмы произойдет в последние времена и завершится Страшным судом, после чего землю охватит мировой пожар, который будет продолжаться 1468 лет. Наконец, все элементы света вместе с освобожденными душами праведников уйдут на небо, а демоны с темными погибшими душами исчезнут в необъятной бездонной пропасти. Физические тела должны погибнуть в мировом пожаре, в котором уничтожится все материальное. Никакого воскресения мертвых, по учению Мани, не было и не могло быть. Наши сведения о второй половине жизни Мани отрывочны и неполны. Видимо, поначалу его проповедям никто не мешал. Однако по мере роста манихейской церкви усилились нападки на нее со стороны зороастрийского жречества. В конце царствования Шапура Мани должен был уехать из Ирана. (Существует предание о том, что в это время он путешествовал по Восточному Туркестану и даже побывал в Китае) При внуке Шапура, Варахране II, Мани вернулся на родину. Возможно, он надеялся на то, что отношение к его вероучению изменится. Однако Мани ошибся — новый шахиншах встретил его неприветливо и принудил вступить в открытый диспут с великим мобедом (главой зороастрийской церкви). Когда в конце этого спора Мани не согласился на требование своего противника решить дело судом Божьим — испытать истину посредством глотания расплавленного свинца, — и не показал никаких чудес в оправдание своей веры, Варахран произнес такой приговор: «Этот человек производит волнения, могущие привести царство к разрушению, а потому, прежде всего, необходимо, чтобы он сам был разрушен, дабы предупредить

дальнейшие последствия». Мученическая смерть Мани последовала в 277 г. Согласно некоторым источникам, с него заживо была содрана кожа, которую набили соломой и повесили на царских воротах. Вскоре был распят на кресте и его преемник Сисинний.

Впрочем, история манихейства на этом не кончилась. Учение Мани оказалось очень жизнестойким и просуществовало еще около тысячи лет. Изгнанные из Ирана, манихеи рассеялись по всему миру от Европы до Китая. Известно, что в Римской империи это вероучение получило очень широкое распространение и на протяжении нескольких десятилетий оставалось опасным конкурентом христианства. На Востоке у него также было немало последователей (в VIII в. манихейство даже стало официальной религией Уйгурского каганата). Сторонники этой религии сумели создать достаточно сильную и разветвленную церковную организацию. Все верующие делились на три категории: «слушателей», «избранных» и «совершенных». (Последние соответствовали высшему церковному клиру.) Отдельными областями руководили епископы, а во главе церкви стоял патриарх, местом пребывания которого считался Новый Вавилон.

Все манихеи должны были следовать строгим нравственным предписаниям. Истинный праведник не мог лгать, нарушать клятвы, свидетельствовать за злонравного человека, возводить гонения на невинного, вызывать неприязнь к кому-либо или к чему-либо путем распространения разных басен, не мог заниматься колдовством и волхованием. Ему надлежало поститься определенное количество раз в году и периодически исповедоваться перед главами общин. Таковы были заповеди для мирян. «Избранные», то есть священники, кроме того, должны были воздерживаться от мясной пищи и хранить безбрачие. Им также вменялось в обязанность молиться за мирян («слушателей»). Подробности богослужения манихеев известны лишь в общих чертах. На молитвенных собраниях они исполняли особые гимны, сопровождая их музыкой и чтением книг Мани. Культ был очень простым. Не существовало ни жертвоприношений, ни изображений богов. Четыре раза в день верующие обращались с молитвой к солнцу и луне, которые не считались богами, но почитались как видимые проявления света. Из обрядов манихеи совершали крещение, причастие и особое таинство «утешения» перед смертью, включавшее отпущение грехов.

ИУДАИЗМ
Гиллель

Как уже говорилось выше, священный канон иудаистских книг стал оформляться в те годы, когда во главе иерусалимской храмовой общины стоял знаменитый книжник и законоучитель Ездра. При нем произошла канонизация текста главной священной книги иудеев — Торы (Закона), или Пятикнижия Моисеева. Она стала первым отделом Танаха — еврейской Библии. В III в. до Р.Х. — I в. по Р.Х. усилиями нескольких поколений книжников были отобраны и канонизированы сочинения, вошедшие в два других отдела Танаха: Невиим (Пророки) — 21 книга, и Кетувим (Писания) — 13 книг. Таким образом, общее число священных иудейских книг

достигло 39 (если не считать некоторых текстологических отличий, они соответствуют каноническим книгам Ветхого Завета православной Библии). Книги Танаха стали как бы фундаментом, на котором было воздвигнуто здание иудаистской религии. Ее характерной особенностью является тщательнейшим образом разработанная ритуальная система, определяющая поведение правоверного иудея буквально во всех случаях жизни. Это объясняется тем, что с точки зрения иудаизма верующий доказывает свою верность Богу прежде всего скрупулезным соблюдением огромного количества мелочных, детально разработанных правил, обычаев и обрядов. Законоположения Торы могли служить для этого только отправной точкой, так как были слишком общи и неконкретны. Их развитием и разработкой занимались в последующие века многие иудейские книжники — знатоки Закона.

Составленный ими свод религиозно-этических, ритуальных и правовых положений был в конечном счете объединен в Талмуд, который стал второй по значению книгой иудаизма.

Формирование Талмуда было долгим и сложным. (Это и понятно, ведь ни одно из его положений не могло быть просто сформулировано — все они 182 должны были быть освещены авторитетом Торы и в конечном итоге выводиться из нее.) Первой исторической ступенью на этом пути стало появление большого числа толкований текстов Танаха — мидраши, которые составлялись учеными евреями в послевавилонскую эпоху. Несколько позже знатоки закона приступили к систематизации так называемой Устной Торы — законодательного материала, состоявшего из комментариев, суждений, толкований и разъяснений, сложившихся в среде иудейских книжников при изучении и рассмотрении Письменной Торы. В течение долгого времени этот материл бытовал в устной традиции и передавался от учителке ученику в специальных школах по изучению Закона. Для того чтобы сделать эти разрозненные положения доступными каждому еврею, необходимо было записать их, собрать воедино и систематизировать. Это была долгая и очень кропотливая работа, занявшая несколько столетий — со II в. до Р.Х. по VI в. (в истории иудаизма этот период получил название талмудического). А начал ее в I в. до Р.Х. знаменитый иерусалимский знаток Закона Гиллель, который считается одним из величайших учителей Израиля той эпохи.

Гиллель родился около 75 г. до Р.Х. в Вавилонии, в знатной семье, происходившей, по преданию, от царя Давида. Около 40 г. до Р.Х. он приехал в Иерусалим и поступил в школу известного законоучителя Шемайя, чтобы изучать письменные и устные законы иудаизма. Обладая независимым характером, Гиллель не пожелал прибегать к помощи богатой родни. Чтобы добыть деньги на учебу, он стал работать поденщиком и сторожем. Рассказывают, что однажды, в зимний вечер, Гиллель не был допущен на лекцию Шемайя, так как не имел денег, чтобы заплатить привратнику за вход в школу. Тогда он взобрался на стену школьного здания, приник к окну и в таком положении прослушал лекцию учителя. Углубившись в смысл читаемого, он не чувствовал холода и не замечал снега. Наконец Шемай заметил фигуру, заслонявшую свет в окне, велел пустить Гиллеля в дом и обогреть. Ему очень пришлось по душе такое рвение к учебе, и он сказал: «Ради этого человека стоило нарушить

субботний покой».

Прошло немного времени, и Гиллель принял от старого рабби руководство школой. В то время руководителями синедриона были законоучителя из фамилии Бне-Батара, но они не долго занимали это почетное место, уступив их Гиллелю. Произошло это после одного достопамятного случая. В 30 г. до Р.Х. Пасха совпала с субботой, и между законоучителями возник спор: можно ли приготовлять праздничного агнца в этот день. Обратились к Гиллелю, и он рассудил так: поскольку жертвы, приносимые в храме, в субботу не отменяются, то тем более не следует отменять пасхальный обряд. Всех поразила простота аргумента, и Гиллель прослыл человеком, способным предлагать мудрые решения. Вскоре его выбрали главой академии и наси — председателем раввинского совета.

Величайшая заслуга Гиллеля в истории иудаизма состояла в том, что он первый постарался связать накопившиеся в устной традиции установления законоведов с писанными библейскими законами. Тем самым он обозначил путь, по которому пошли в дальнейшем составители Талмуда. Гиллель также устанавливал новые законы, выводя их из мыслей и выражений Танаха. Став главой академии, он занялся вопросами экзегезы и сформулировал основные миддот — правила для изъяснения Закона. Как, например, быть, если в Писании встречаются два противоположных утверждения? Эту сложную проблему Гиллель решил при помощи следующего силлогизма. Поскольку Тора содержит истину, а в то же время в ней попадаются два противоположных высказывания, значит, истинны они оба. Толкователь же должен в самом Писании отыскать текст, который снимает противоречие.

Говорили, что Гиллель был сведущ в самых разных отраслях знаний, что он «умел рассуждать о горах и долинах, о деревьях и травах, о диких и домашних животных», что ему были «одинаково доступны и светские и богословские науки». Однако главной наукой Гиллель считал умение жить по заповедям Торы. В памяти Израиля он остался человеком необычайного обаяния, благородства и кротости. Гиллель считал, что выдержка и доброта — главные достоинства служителя мудрости. «Люби мир и водворяй его повсюду, — говорил он, — люби созданных Богом людей и приближай их закон к Божию. Не суди ближнего, пока сам не побывал на его месте; там, где нет людей, — сам будь человеком». Основу благочестия Гиллель видел не в обрядах, а в нравственности. Одному иноверцу, который соглашался принять иудаизм, если рабби сможет изложить ему Закон в двух словах, он дал классический ответ: «Не делай ближнему того, что неприятно тебе — вот суть всей Торы, все же прочее лишь комментарий». Но он не был реформатором, пренебрегавшим традицией, и не имел намерения ломать обычаи, защищая авторитет предания. Когда один язычник, пожелавший принять иудаизм, усомнился в значении Устной Торы, Гиллель убедил его наглядным примером. Он начал учить новичка еврейскому языку, каждый день по-разному называя одни и те же буквы. «Как же я могу научиться?» — удивился тот. «А как же ты хочешь познать Писание без устной традиции?» — ответил Гиллель. Его терпение и выдержка были удивительными. Рассказывают, что один иудей побился об заклад, что сумеет вывести Гиллеля из себя — он явился к нему накануне праздника, вызвал из бани и завел пустячный разговор, ожидая, что

учитель вспылит. Но сколько глупых вопросов ни задавал он Гиллелю, тот неизменно отвечал ему с терпением и благожелательностью, пока насмешник не понял, что проиграл пари.

Народ прозвал Гиллеля Закеном, то есть Старцем. Этот глава фарисеев никогда не кичился своими знаниями и почетным положением, он был внимателен к людям, прост в обращении и не чуждался безобидной шутки. Умер Гиллель ок. 10 г. в преклонном возрасте, окруженный любовью всего народа. Потомки его затем в течение многих поколений были иудейскими патриархами.

Йегуда ха-Наси

I и II вв. н. э. оказались очень трагическими для еврейского народа. В 66 г. в Иудее вспыхнуло стихийное восстание против власти римлян, завершившееся в 70 г. взятием Иерусалима, разрушением храма и массовым истреблением населения (тогда было убито, умерло от голода во время осады и было продано в рабство около миллиона евреев). Спустя несколько десятилетий иудеи вновь восстали и опять потерпели поражение. Вторая война закончилась в 133 г. полным разрушением Иерусалима. Эти события положили конец Иерусалимской храмовой общине, созданной Ездрой, и вместе с тем всему древнему иудаизму. Большая часть евреев покинула Палестину и постепенно расселилась по всему миру. В диаспоре возникла иная религиозная организация — синагогальная. Центром иудейских общин отныне стал не Иерусалимский храм, а местная синагога. А поскольку по иудейским законам жертвы Господу могут приноситься только в храме, синагоги были по преимуществу молитвенными домами.

Старый иудаизм, строившийся во многом на храмовом богослужении и жертвоприношениях, должен был уступить место новому, отличительной чертой которого было строгое следование множеству ритуальных предписаний, касавшихся всех сторон жизни правоверного иудея. Все эти предписания были собраны к V в. в священной книге иудаистов — Талмуде.

Как уже отмечалось, формирование его было длительным и сложным, ибо Талмуд, — основной памятник раввинской письменности, содержащий в себе, кроме религиозно- правовых норм еврейства, все созданное еврейскими учеными в области теософии, этики, поэзии, истории, естествознания, математики и медицины, — является подлинной энциклопедией еврейского мироощущения и мирообъяснения. Потребность в такой всеобъемлющей книге вытекала из самого духа иудейской религии. В своей окончательной редакции Талмуд распадается на несколько десятков больших и малых трактатов и представляет из себя очень объемное сочинение (полное печатное издание Талмуда в наши дни занимает обычно от 12 до 20 больших томов).

Хотя Талмуд не был творением одного автора, все же иудаистская традиция окружает имена некоторых из его создателей особым почтением. Имя Йегуды ха-Наси, о котором пойдет речь в этой главе, — одно из них. Именно благодаря ему идеи и наработки нескольких поколений законоведов получили завершающую каноническую форму. Известно, что письменное оформление талмудической традиции было начато еще

иерусалимскими книжниками — последователями Ездры, а с конца I в. н. э., после разрушения Иерусалима, продолжено таннаями (законоучителями) и амораями (толкователями) в талмудических школах (так называемых йешивах) городов Явны, Ципоры и Тивердиады, бывших в то время центрами религиозно-общинного самоуправления евреев Римской империи. В результате их деятельности появилось несколько сборников (обычно их называли мишна — «заучиваемое», «повторяемое»), служивших своеобразными учебниками для школ Закона. Отличительная особенность этих сборников в том, что мишны включали в себя не только сами законы, древние и новые, но и их мотивировку — то есть обстановку, в которой они были сформулированы: описание многочисленных прений ученых и их характеристики, выдающиеся случаи применения законов и т. п. В конце II — начале III вв. весь этот разнородный материал был обработан и объединен Йегудой ха-Наси. Созданная им «Мишна» вскоре была признана канонической. Ее появление составило важный промежуточный этап в длительной истории формирования Талмуда.

Йегуда ха-Наси («наси» значит «князь», «начальник») — седьмой патриарх из рода Гиллеля — с 170 г. был главой синедриона и фактическим главой палестинских евреев (своей властью он назначал во все общины судей и учителей, от него зависел прием законоучителей в синедрион). Соединяя в себе качества хорошего правителя и ученого, он поддерживал хорошие отношения с римскими властями и успешно отстаивал перед ними интересы своего народа. Сохранилось предание о том, что Йегуда даже находился в дружеских отношениях с одним из римских императоров (вероятно, с императором-философом Марком Аврелием). Обладая значительными родовыми богатствами, он вел княжеский образ жизни, но при этом отличался добротою и щедростью. Значительную часть своих богатств Йегуда употребил на то, чтобы поддерживать несостоятельных учеников. Многие школы вообще содержались на его счет. В народе Йегуда пользовался любовью и уважением, и весть о его смерти в 210 г. повергла всех евреев в великое горе.

Однако самая важная историческая заслуга Йегуды ха-Наси состояла в том, что он, при помощи окружавших его ученых, собрал и окончательно привел в порядок устные законы, мнения и предания, выработанные в предшествующие века еврейскими вероучителями. Составленная им «Мишна» включает 63 трактата, объединенных в 6 тематических разделов: Зераим (Посевы) — аграрное законодательство в 11 трактатах; Моэд (Праздники) — праздничный ритуал в 12 трактатах; Нашим (Жены) — брачное законодательство в 7 трактатах; Незикин (Повреждения) — уголовные законы в 10 трактатах; Кодашим (Святыни) — порядок богослужения в 11 трактатах; Тегарот (Чистоты) — ритуальная чистота в 12 трактатах. В совокупности тексты этих разделов охватывают весь еврейский религиозный уклад, детально и тщательно регламентируют всю установочную информацию Танаха, доводя ее до уровня рекомендаций по конкретным ситуациям. Язык «Мишны» сжат до предела. Сравнивая его с языком дошедших до нас однородных сборников, можно видеть, с какой настойчивостью Йегуда ха-Наси исключал всякое лишнее слово и все разумеющееся само собой.

Поначалу «Мишна» была составлена только в качестве руководства для школ и законоведов, но с течением времени она сделалась священной книгой для народа, и на нее стали смотреть как на прямое продолжение Моисеевой Торы. Однако на этом кодификация устных законов не закончилась. В III–V вв. в палестинских и вавилонских йешивах был составлен третий слой комментариев и толкований, получивших название «Гемара» («Заключение»). В относительно упрощенном понимании «Гемара» — это комментарии к «Миш-не» (к каждой статье «Мишны» здесь присоединяются обширные рассуждения и прения). Вместе с «Мишной» «Гемара» палестинских школ составила Иерусалимский Талмуд (Талмуд Иерушалми), сформированный в IV в. Однако, эта редакция Талмуда не удовлетворила многих знатоков Закона. Ее переработка продолжалась и в последующие годы.

В это время в связи с быстрой христианизацией Палестины, которая сделалась «Святой Землей» христианства, палестинский очаг иудаизма постепенно утрачивал свое значение. Ведущую роль стала играть еврейская община в Месопотамии, существовавшая еще со времен «Вавилонского пленения» и получившая с III в. При Сасанидских правителях Ирана внутреннюю автономию. Местными законоведами был составлен Вавилонский Талмуд (Талмуд Бавли), включивший «Мишну» Йегуды ха-Наси и «Гемару» вавилонских йе-шив. Большая роль в этом деле приписывается главе сурской школы Аши (ум. в 427 г.), который 30 лет собирал и приводил в порядок огромный материал, накопленный его предшественниками. Затем работу продолжили его ученики Авине и Иосе. Завершение ее относится к 500–530 гг. Вавилонский Талмуд всегда пользовался у иудеев большим авторитетом, чем Иерусалимский, поскольку он почти в четыре раза объемнее, полнее по содержанию, вразумительнее по языку и тщательнее откомментирован.

Талмуд своеобразная книга. Каждая его глава состоит как бы из двух слитых частей — Галахи и Агады. Галаха включает в себя всю законодательную часть и рассуждения по церковному, гражданскому и уголовному праву. Здесь подробно обсуждаются и дополняются законоположения «Мишны» и указывается связь этих законов с Танахом.

В общем, содержание Галахи намечено уже в библейском законодательстве. Однако, Талмуд разработал его до мельчайших подробностей. (Так, например, выраженный в общих чертах библейский закон об оставлении для бедного «края поля» («… когда будете жать жатву на земле вашей, не дожинай до края поля твоего… оставь это бедному и пришельцу…»), вырастает в целый талмудический трактат, где подробно разбирается и размер «края», и место «края», и в каких случаях земледелец свободен от оставления «края», и как оставляют «край» два совладельца или арендатора, и когда бедные допускаются к принадлежащему им «краю», и кто именно считается «бедным» и т. п.).

В Агаде, прямо с Законом не связанной, главное место занимают нравственные поучения, беседы о различных явлениях жизни и исторические предания.

Впоследствии, когда Талмуд стал изучаться в школах и синагогах, всякий мог найти в нем богатейшую пищу для ума. В то время как ученый углублялся в остроумные рассуждения Галахи, средний человек с

увлечением читал поучительные рассказы и мудрые изречения Агады. Галаха имеет значение исключительно для евреев и ревностно ими изучается. Агада представляет общий интерес, ибо многое из нее усвоено христианством и исламом, стало достоянием цивилизованного человечества.

Помимо учения о Боге, творении, откровении, возмездии в загробной жизни, Мессии, она содержит огромное количество любопытных афоризмов, пословиц, басен, рассказов, легенд, практических советов и замечаний по всем отраслям наук, а также мистические учения о злых и добрых духах, сведения по астрологии, магии, снотолкованию и т. п.

Моше бен Шем Тов де Леон

Имя испанского еврея Моше бен Шем Тов де Леона традиционно связывают с мистическим каббалистическим вероучением, хотя до сих пор неизвестно, был ли он только простым переписчиком, обнародовавшим древнее предание, до этого передававшееся изустно, или же его можно считать гениальным редактором, который свел воедино обрывки неясных теорий и придал им поразительную стройность. Но, как бы то ни было, европейский мир ознакомился с каббалой прежде всего благодаря его трудам, и потому Моше по праву занимает место в ряду великих вероучителей человечества.

Обычно под каббалой (это слово переводят как «предание») понимают тайное теософское учение с элементами мистики и магии, возникшее в иудаизме в I-Ш вв. в еврейских общинах Палестины и Вавилонии, но окончательно оформившееся в XIII–XIV вв. в арабской Испании (в то время Пиренейский полуостров был одним из центров еврейской диаспоры). В том, что потребность в таком учении должна была возникнуть у евреев еще в древности, сомневаться не приходится. Как известно, в Библии почти ничего не говорится о сущности Божества, о жизни ангелов и духов, о загробном существовании людей и о многом другом, что несомненно волнует верующих. Где же им следовало искать разъяснений? Каббала удовлетворила потребность иудеев в мистическом учении. Давая ответ на поставленный выше вопрос, каббалисты говорили, что символическое описание Бога и Божественных процессов находится не где-нибудь, а в самой Торе, но оно остается неизвестным большинству, потому что скрыто от непосвященных. Все дело в том, что иудейское вероучение тройственно. Первый его смысл — буквальный или исторический раскрыт в Священном Писании. Это художественное повествование состоит из различных рассказов о жизни древних патриархов, царей, пророков и т. п. и составляет самый верхний слой Танаха, понятный даже не очень образованному человеку. Второй смысл — морально-практический. Он рассматривается в различных толкованиях и комментариях к библейским текстам, прежде всего в Талмуде. Для постижения этой премудрости требуется долгое обучение у знатоков Закона, однако ею не исчерпывается вся информация, сообщаемая Торой. Есть еще и третий смысл — мистический, тайный, который и раскрывается каббалой. Но тайное учение требует необыкновенной набожности и потому дается лишь избранным. Только посвященный за обычным, буквальным

смыслом Торы способен увидеть сокровенное учение о сущности Бога, о происхождении и строении Вселенной и о составе человеческого существа.

Основу каббалы составляют два сочинения: «Сефер Иецира» (относится к VI–VII вв.) и «Зогар» («Сияние»). Причем последнее почитается каббалистами наравне с Торой и Талмудом. Предание повествует о чудесном происхождении этой книги: Древняя рукопись ее принадлежала якобы одному из законоучителей, 188 известному по «Мишне», — Симону бен Иохаи, который жил во II в. Позже рукопись «Зогара» была спрятана в одной из пещер возле Мерона, где пролежала почти тысячу лет. Ее случайно обнаружил какой-то араб и продал бродячим торговцам. Те были люди невежественные и понятия не имели о цене этой книги. Но случайно несколько листов «Зогара» попали в руки какого-то мудреца, который, увлеченный ее содержанием, кинулся разыскивать тех торговцев и приобрел у них всю рукопись.

При этом часть листов он нашел уже в мусоре, так как торговцы заворачивали в нее продаваемую снедь. Потом рукопись «Зогара» была будто бы переправлена в Щропу, где с нее начали делать списки. Первым изготовителем этих списков как раз и был испанский мистик Моше бен Шем Тов де Леон (ум. в 1305 г.), о жизни которого нам фактически ничего неизвестно. Впрочем, внимательное изучение «Зогара» показало, что сочинение это (по крайней мере, в своем теперешнем виде) никак не может быть отнесено к древним временам и является творением средневекового автора, хотя само предание, на которое оно опирается, несомненно очень давнее. Поэтому бытует мнение, что именно Моше бен Шем Тов де Леон и был истинным автором «Зогара». По своей форме этот труд, написанный на старом арамейском языке, близком к талмудическому, представляет ряд изречений Симона бен Иохаи и других древних законоучителей, комментирующих Тору. Он очень объемный — печатное издание книги содержит более двух тысяч страниц убористого текста. Симон бен Иохаи предстает на страницах «Зогара» в сверхъестественном образе святого мужа, получающего откровения от ангелов и вещающего в кругу избранных о величайших тайнах — мироздания и человеческой души.

Теоретическая часть каббалы делится на две части. Первая — есть как бы наука священного тайного письма, основанного на еврейском языке. Это — ключ, владея которым посвященный способен извлечь из текста Торы тайное, скрытое от других знание. Вторая часть излагает собственно философскую систему каббалы, то есть является выводом из первой части (ведь никакие философские построения, даже очень остроумные, не имели в глазах правоверного иудея никакой цены, если не освящались авторитетом Торы). В основе каббалистического подхода к Торе лежит представление о том, что буквы древнееврейского алфавита, кроме своего утилитарного назначения — служить символами письма — имеют и другое, в высшей степени мистическое значение и в точности соответствуют божественным законам, управляющими миром. Другими словами, всякая буква связана более или менее прямо с созидающими силами Вселенной. Письмена, согласно каббалистам, есть видимое выражение божественных сил, в лице которых небо открывается земле. Каждая буква по своему положению соответствует какому-то числу, по форме — иероглифу со скрытым смыслом, а по соотношениям с другими буквами мистическому

символу. (Например, буква «алеф» (числовое значение — 1) обозначала мир божественный, буква «мем» (числовое значение- 40) — мир духовный, а буква «шин» (числовое значение — 300) — мир физический.) Отсюда вытекает возможность, комбинируя буквы и составляя из них слова, влиять на мир духов и, с другой стороны, оперируя буквами, благодаря присущим им числовым значениям, открывать законы развития, производить вычисления грядущих событий и делать другие изыскания в том же роде.

О самом методе каббалы, с помощью которого посвященные проникали в потусторонние, запредельные тайны бытия, позже писали так: «Каббала — это математика человеческой мысли. Это алгебра веры; она решает задачи души, как уравнение, определяя неизвестное. Она дает идеям отчетливость и точность чисел». Достигалось это путем сложных и даже изощренных комбинаций с буквами, в результате чего первоначально взятое слово могло совершенно изменить свое значение. Например, каждая буква слова могла быть развита в целое слово, начинающееся этой буквой. Далее, каждая буква в еврейском языке имеет свое название, и каждая буква этого названия могла быть, в свою очередь, развита в целое слово. Из начальных, средних и конечных букв одного или нескольких слов можно было образовывать новые слова и предложения. Или каждое слово могло быть разделено на несколько частей, из которых каждая имела самостоятельное значение.

Все эти способы получили название Нотакирикон. Другую возможность давала перестановка букв слова, посредством которой можно было получить одно или несколько новых слов, заключающих в себе скрытый смысл основного слова.

Например, из слово «берешит» («в начале»), которым начинается первая Книга Бытия, каббалисты путем перестановки получали фразу: «как начало (из ничего) ты создал чистую и ясную сущность, из которой все создано». Существовали целые таблицы таких перестановок. Можно было также вместо одной буквы алфавита подставлять другую, например, вместо первой последнюю и т. д. Существовали таблицы и для такой замены. (Эти приемы относились к другому отделу каббалы — Темуре.) Но самым трудным и сложным (хотя и плодотворным) приемом для развития скрытого смысла слова была Гематрия. Так как каждой из 22 букв еврейского алфавита соответствовало определенное число, то любое слово также соответствовало определенному числу, получающемуся от сложения чисел всех букв этого слова. Точно так же к одному числу можно было приводить целые стихи из священных текстов. Общее мистическое правило этой цифровой каббалы заключалось в том, что слова, выраженные одним и тем же числом, имеют внутреннее сродство между собою. Поэтому, получив из слова число, можно было его разложить на новые слова, соблюдая вышеозначенное правило.

Путем всех этих комбинаций, перестановок и замещений каббалисты извлекали из текста Торы скрытые от других истины, на основании которых и выстраивали свою теософию. Прежде всего, в ней рассматривался вопрос о природе Божества и возникновении мира. Что касается первого, то учение каббалы исходило из идеи сокровенного неизреченного Божества, Которое, будучи выше всякого определения как ограничения, может быть названо только Энсоф — Бесконечное. И это

является Его единственным умопостигаемым свойством. Никакими другими категориями нашего мира (такими как время, пространство, движение и т. п.) Божественное не может быть определено, ибо пребывает вне их и помимо их. Однако сам процесс сотворения Вселенной каббалисты представляли себе достаточно ясно. Для того чтобы дать в Себе место конечному существованию, Энсоф должен был прежде всего Сам Себя ограничить. Ведь только в результате Самоограничения и Самоопределения Абсолютного, в Нем могло явиться место для миров. Это Самоограничение, впрочем, не изменяет Неизреченного в Нем Самом, но дает Ему возможность проявляться для другого. Первоначальное основание или условие явления этого «другого» есть то пустое место, которое образуется внутри Абсолютного как следствие Его Самоограничения. Вначале возникает как бы точка, которая затем превращается в «нечто», на что эманирует Божественная сущность (эманация (буквально «лучеиспускание») — каббалистический термин, определяющий акт истечения Божественной творческой энергии). Бесконечное, 190 1 прежде наполнявшее собой все, сжимается в результате в известном центре, сосредоточивается в нем, а в образовавшейся вследствие этого пустоте начинается процесс миротворчества.

Он проявляется в том, что вокруг Божественной сущности концентрическими сферами распространяются четыре мира, так что каждый последующий включает в себя предыдущий. (Здесь следует оговориться, что употребляемые нами слова «ближний», «дальний», «внутри» или вне» не относятся к категории пространства. Как будет видно из дальнейшего изложения, все духовные, нематериальные миры существуют вне пространства и вне времени Поэтому нельзя, к примеру, сказать, что, двигаясь в каком-то направлении, мы приближаемся или удаляемся от Божества или что материальный мир, как бы заключающий Божество, и другие духовные миры внутри себя, «больше их по размерам» Речь идет только о мистической «близости» или «отдаленности» каждого мира от Божественной сущности).

Первый мир находится в непосредственной близости к Божеству — это Ацилут («Мир сияний») Здесь царит полная неподвижность, поэтому этот мир никогда не изменяется и всегда равен самому себе Божество эманирует Себя в Адилут в виде 10 лучей, или сефиротов Определение сефиротов очень многогранно. Прежде всего они — атрибуты Бога (то есть как бы проекция Божества на более низкий, творимый мир) и несут в себе Его творческую и деятельную энергию. С другой стороны, сефироты являются как бы «зародышем» Вселенной, ее прообразом. Наконец, они есть орудия, посредством которых Бог творит мир, и каналами, через которые. Его деяния и Его воля передаются в следующие миры. Каждая из сефир наделена специфическими качествами, а все вместе они находятся в постоянном динамическом взаимодействии и управляют более дальними мирами. Имена сефир следующие Верховное Могущество (или Высший Венец), Мудрость, Разум, Милость (Доброта), Правосудие (Справедливость), Красота, Победа, Вечность (Спокойствие), Производительность и Действительность (Царство). В своем воздействии они не равнозначны. Главное значение сефиротов представлено первой

сефирой — Верховным Могуществом (Венцом) — проявленной Божьей волей. Это нечто вроде Демиурга. Троица (Верховное Могущество — Мудрость — Разум), во главе которой стоит первая сефира, есть план Вселенной.

Следующие семь сефиротов стоят ниже первых, они есть только сефироты исполнения или строения. Соединение всех десяти сефиротов составляет форму совершенного существа Адама высшего, Адама вечного (или пред-Адама), который есть макрокосм, прообраз материального мира.

Ацилут окружен вторым миром — Бриа («Миром творений»). Это мир творческих идей и идеальных форм. В отличие от Ацилута, где нет ни субъективности, ни индивидуальности и поэтому нет никаких духов, в мире Бриа уже существует субъективность (хотя еще нет индивидуальности), и здесь обитают вечно живущие чистейшие духи — хайот. Подобно Ацилуту, порождающему Бриа, последний порождает третий мир — Иецира. Этот мир по своей природе также является чисто духовным, но духовная субстанция, которая изливается в него из Бриатического мира, уже получает свою индивидуальность. Вследствие чего он населен разнообразными духами, которые управляют стихиями и небесными телами, существующими в материальном мире. Иецира — это мир ангелов, разумных, но не материальных существ Они выступают как посредники между людьми и Божественной сущностью. В их мире строгая иерархия. Особое значение здесь имеет Метатрон — солнечный ангел высшего разряда, посредник между Божественной сущностью и Вселенной.

Ему подчиняются все добрые ангелы. И, наконец, четвертый мир, порожденный Иецира, называется Асиа («Мир деланий») — это мир материальных предметов и явлений, мир, в котором живут люди. В противоположность первым трем мирам, субстанция Асиати-ческого мира по преимуществу состоит из материи, которая ограничена пространством и временем.

Материя находится в постоянном движении и изменении. Однако, и в Асиа, наряду с людьми и животными, существуют некие, особого рода духи, являющиеся по своей природе чем-то средним между материей и чистым духом. Все миры не существуют обособленно друг от друга, а находятся в сложном взаимодействии. Нижние миры реализуют в себе то, что более идеально в высших. Существа и предметы высших миров, воспринимая импульсы непосредственно от Божественной сущности, передают их низшим, служа как бы каналами благодати, так что деятельные силы Божества, постепенно ослабляясь, проникают во все планы создания. Все эти четыре мира представляют из себя Вселенную в ее совокупности.

Однако этим космогония каббалы не исчерпывается. За Асиатическим миром находится еще один, крайний мир, полный мрака, в котором теряются «лучеиспускания» Божества. Он именуется в «Зогаре» Клипот (что значит «шелуха», «скорлупа» бытия).

Это тоже духовный мир, но как бы со знаком «минус», где обитают демоны. Об их происхождении говорится неясно. По наиболее распространенной версии, они возникли в последние мгновения последнего дня творения и потому не совершенны. Во главе сил зла стоит Самаэль (Сатана), в подчинении у которого много других духов, в большинстве

своем носящих женские имена (это Лилит, Наама, Игерет, Махлата и др.). Зло, представляющее из себя изнанку, или как бы внешнюю оболочку добра, не настолько могущественно, чтобы исказить Божественный замысел, но оно вносит в сотворенный Божеством мир свое отрицательное влияние. Так, Самаэль ввел в соблазн человека, из-за чего тот занимает в мироздании не то место, которое было ему предназначено.

Изначально первочеловек Адам (Адам Кадмон) был создан в виде чистого духа, по образу Божьему, и был гермафродитом (соединял в себе оба пола). Под влиянием грехопадения произошло разделение единого существа на два — Адама и Еву, которые материализовались в мужчину и женщину. Но духовная сущность человека от этого не пропала, а только оказалась заключена в смертную, материальную оболочку. По учению каббалы, мир человека — микрокосм — совершенно аналогичен по своему строению макрокосму. В сердцевине находится бессмертная божественная субстанция, которая окружена внешними оболочками. Их три нешама (дух), руах (душа) и нефеш (тело). В свою очередь, каждая из этих частей также троична (Так, к примеру, нефеш это не только и даже не столько физическое тело — помимо телесной оболочки и бессмертной части (собственно нефеша) он включает в себя то, что мы, выражаясь современным языком, назвали бы эфирным двойником, а «Зогар» называет «духом костей», это своего рода нетленный образ материального тела, сохраняющий его форму для последующего воскресения). Каждая часть человеческого существа живет своей особой жизнью в соответствующей ей мировой сфере, с которой она сносится посредством чувств и специальных внутренних органов Нефеш связан с миром Асиа, питается его энергией и вносит в него свои создания Руах (это собственно личность человека и местопребывание его воли) связан с духовным миром Иецира, а нешама — с миром Бриа. Все части человека, таким образом, беспрерывно обмениваются с частями Вселенной, которые им соответствуют, а равно и с другими частями самого человека.

Когда человек умирает, части, входящие в состав его существа, разделяются и каждая возвращается в свойственную ей сферу. Более сложную судьбу имеет нефеш, каждая часть которого имеет отдельное предназначение. Тело, как форма внешняя, самая материальная, оказывается в низшей сфере мира Асия — в могиле. Дух костей остается погребенным в ней же в состоянии некоего летаргического сна, который может продолжаться тысячелетия. Но если покой могилы будет нарушен, он может проснуться. Этот дух может быть также вызван путем заклинаний. Собственно нефеш отходит в высшие сферы Асии — в особую область Ган-Эден — райский сад наслаждений, или в Нахар Ди-Нур — огненный поток для очищения души, или в Геенну — место пыток для наказаний. Однако пребывание в аду не является вечным и продолжается до тех пор, пока не будут искуплены грехи прожитой жизни. Каббала исходила из оптимистического положения, что предназначение человека состоит в том, чтобы содействовать творчеству Бога и совершенствоваться благодаря данной ему свободе воли. Поэтому все души должны в конечном итоге воссоединиться с Божеством. Но для того, чтобы возвратиться обратно в их прежнее небесное отечество, откуда они были исторгнуты в результате грехопадения, души должны очиститься от греха и развить все

совершенства, неразрушимые зародыши которых носят в себе. Для этого каждая душа будет перевоплощаться столько раз, сколько необходимо для того, чтобы искупить свое падение любовью. Согласно каббале, переселение душ возможно двумя способами: либо путем иббур («прививка»), когда душа входит в тело уже живущего человека (в одном теле может быть две или даже три души), либо путем гильгуль («круговорот»), когда она входит в тело при его рождении.

Израиль Бешт

На протяжении всего Средневековья еврейские диаспоры процветали во многих странах Западной Европы. Но в XIII–XIV вв. иудеи стали подвергаться здесь систематическим преследованиям. В 1492 г. последовало их изгнание из Испании. В этих условиях в XIV–XV вв. началась массовая миграция еврейского населения в Южную и Восточную Европу — прежде всего на территорию Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. И именно там в первой половине XVIII в. возникло одно из крупнейших течений современного иудаизма — хасидизм. Его творцом был человек, вышедший из рядов темного подольского еврейства, странствующий баалшем (знахарь-чудодей) Израиль по прозвищу Бешт. Впоследствии о его жизни были сложены многочисленные поэтические легенды, из которых можно извлечь теперь лишь скудный биографический материал.

Израиль родился в 1700 г. в местечке Окуп на границе Подолии и Валахии в бедной семье. Рано осиротев, он воспитывался на счет общественной благотворительности, а образование получил в начальной религиозной школе — хедере. Впрочем, еврейская школьная наука, состоявшая преимущественно в изучении Талмуда, не привлекала мальчика, отличавшегося мечтательностью; он часто убегал из школы, и его находили в ближайшем лесу, где он в уединении предавался своим думам. По окончании школы Израиль некоторое время работал хедерным надзирателем (в его обязанности входило водить малышей в хедер и обратно, сопровождать их в синагогу, приучать к молитвам и т. п.) и синагогальным служителем. Состоя в последней должности, он днем по большей части спал, а ночью горячо молился и читал книги по каббале. Сначала он увлекся практической каббалой, изучая ее таинства по распространившимся тогда рукописям палестинского каббалиста Исаака Лурии, а потом взялся штудировать ее философскую часть.

Влияние этого вероучения позже постоянно ощущалось в его собственной религиозной системе.

В 18 лет Израиль женился, но его жена умерла вскоре после свадьбы. Тогда он оставил родное селение и долгое время скитался по Галиции, добывая пропитание случайными заработками. Наконец он осел в местечке близ Брод и стал там учителем в хедере. Когда ему было около 20 лет, случай свел Израиля с богатым и образованным евреем из Брод по имени Эфраим Кутовер. Последний тоже увлекался мистикой. Глубокие познания Израиля в этом предмете произвели на Кутовера положительное впечатление, и он решил выдать за него свою дочь, — написал о своем решении молодому человеку и вскоре после этого умер. Тем не менее воля

его была исполнена в точности: Израиль приехал в Броды, предъявил письмо семье Кутовера и женился на его дочери, которая до этого его не знала. Молодые поселились в одной из деревень, расположенной среди галицийских Карпат, между Кутовом и Косовом, где Израиль вел жизнь благочестивого отшельника, предаваясь религиозному созерцанию. На жизнь он зарабатывал тем, что копал в горах глину, которую его жена продавала гончарам на базаре в ближайшем городе.

В течение долгого времени проживая в деревнях и лесу, Израиль изучил свойства различных трав и приобрел практические познания в области народной медицины. Это позволило ему освоить ремесло странствующего баалшема (знахаря-чудодея) — он стал ходить по городам и деревням, предлагая вылечивать различные болезни при помощи трав, амулетов, каббалистических заклинаний и нашептываний. Лечение его часто бывало успешным, и вскоре он прослыл в народе чудотворцем. Тогда его и стали называть Баал Шем Тов, что означает «Добрый чудотворец, знающий имя Бога». (Отсюда пошло его прозвище Бешт, представляющее собой аббревиатуру из трех этих слов.) В своей личной жизни Бешт имел много общего с еврейским простолюдином.

Пишут, что он часто расхаживал по Улицам и базарам с длинным чубуком во рту, останавливался и разговаривал с самыми неприметными людьми, даже простыми бабами. Не прочь он был по временам и выпить. Простонародье его очень любило. Отличаясь искренностью и простодушием, Бешт умел сближаться с массой и угадывать ее душевные потребности.

Вскоре от лечения телесных недугов он перешел к лечению душ — стал не только врачевать, но и проповедовать. В 1740 г. он поселился в Меджибоже, который с этого времени стал центром нового вероучения.

Это вероучение покоилось на двух началах, вездесущности Божьей и тесной связи между Богом и человеком. Бешт учил, что мир во всем своем разнообразии создан как бы из Самого Бога и вместе с тем не отделим от Него, подобно тому как складка на платье в нем и остается. Вся видимая материя — только одно из проявлений Бога. Это Его одежда, через которую мы Его постигаем, но которая на самом деле не существует. Там, где мы видим бесчисленные проявления реальности — людей, природу, строения и т. п., на самом деле нет ничего, кроме Бога. «Человек, — говорил Бешт, — должен постоянно думать о том, что Бог везде и всегда с ним, что Он есть как бы тончайшая материя, разлитая повсюду… Пусть человек знает, что, когда он смотрит в материальные вещи, он, в сущности, всматривается в лик Божества, в вещах присутствующего Имея это в мыслях, человек постоянно, даже в мелочах, будет служить Богу». Бог присутствует даже в самом незначительном предмете, даже в мимолетных человеческих помыслах, и Его вмешательство в человеческие дела — непрерывно. В этом смысле Бешт толковал и известные стихи из книги пророка Исайи о том, что «вся земля исполнена славы Божией» и что «нет места свободного от присутствия Божия». Даже зло существует в Боге, ибо, по мнению Бешта, самостоятельного, абсолютного зла в действительности нет, так как зло есть лишь фундамент добра и, таким образом, само становится добром. Он говорил: «Нет безусловного зла, ибо зло есть также добро, только оно — низкая степень добра. Добро или зло не в Боге, а в

человеческих поступках».

Замечательным выводом из этого учения было оптимистическое отношение к жизни и людям. Ведь если Бог присутствует во всем, во всех вещах и живых существах, значит, никто и ничто не может быть абсолютно дурным. Поэтому Бешт учил, что к каждому человеку должно относиться как к праведнику. Одно из его любимых изречений гласило, что никто не падает так низко, чтобы не быть в состоянии подняться до Бога.

Бешт говорил также, что между миром Божества и миром человеческим существует постоянное взаимодействие. Не только Божество влияет на человека, но и последний оказывает постоянное влияние на волю и настроение Божества. Каждое действие, каждое слово человека производит соответствующее колебание в высших мирах и приводит к изменению во всем строе Вселенной. Добродетельные поступки людей и деяния нравственные, богоугодные вызывают в Божестве прилив жизненных сил; поступки же дрянные, возмутительные, наоборот, производят отлив этих сил, нарушают гармонию и как бы портят мировой механизм. И не только поступки — на Божественном мире отражаются слова и даже мысли людей. Силою слова человек может произвести целые перевороты в небесных сферах. И с другой стороны, посредством постоянного мысленного общения с Богом можно достигнуть ясновидения, пророчества и чудодейства. (На этом положении было основано учение Бешта о цадиках, имевшем потом такое важное значение для его последователей. Цадик, или праведник — это такой человек, который в наивысшей мере осуществляет идеал «общения», а потому является у Бога как бы «своим человеком» Роль цадика — посредничество между Богом и обыкновенными людьми. Через цадика достигается спасение души и испрашиваются земные блага).

На этих двух общих началах строилась религиозная практика общины Бешта Он учил, что постоянно общение человека с Богом достигается сосредоточением на Нем всех мыслей и сведением к Нему всех жизненных явлений. Человек должен прилепиться к Богу всей душой и чувствовать себя всегда в Его присутствии. Праведник общается с Богом постоянно, даже в своих житейских делах. Однако, наиболее трепетное и интимное общение с Богом происходит во время молитвы. Чтобы общение было полным, молитва должна быть не машинальным обрядом, а восторженным порывом к небу, полным слиянием человека с Богом Душа должна как бы отделиться от материальной оболочки. Погруженный в состояние экстаза, молящийся теряет над собой контроль, он делает резкие телодвижения, громко выкрикивает слова и даже начинает петь.

Так и должно быть, ибо сущность религии в чувстве, а не в уме. Талмудическая наука и талмудическое законоведение имеют второстепенное значение и тогда лишь полезны, когда возбуждают восторженное религиозное настроение. Истинная же религиозность заключается в сердечной привязанности к Богу, в горячей вере и молитве. Простолюдин, проникнутый искренней верой в Бога и умеющий усердно молиться, угоднее Господу, чем раввин-законник, всю жизнь проведший в изучении Талмуда и исполнении мелочных обрядов. К аскетизму Бешт также относился отрицательно, хотя и не отвергал его явно, но считал, что служение Богу должно быть радостным, а посты «вызывают печаль» Он

учил, что к Богу должно относиться не как к суровому господину, а как к доброму Отцу, Утешителю всех угнетенных и страждущих. Ведь Бог не только судья, но и союзник человека в пределах всего сущего. Между ними ничем не заменимые узы — любовь (Однако, добавлял он, любовь к Богу не может быть оторвана от земной жизни и должна осуществляется через любовь к человеку Кто любит только Бога, исключая при этом человека, низводит свою любовь и своего Бога до простой абстракции).

Проповеди Бешта нашли горячий отклик в сердцах украинских евреев, и число его последователей стало быстро расти Постепенно вокруг него образовалась многочисленная группа учеников (сам Бешт назвал их хасидами — «благочестивцами»), которых он посвящал в тайны своего учения. Делал он это не путем систематического изложения каких-то доктрин, а в форме изречений и притчей. В дальнейшем эти изречения были записаны и положили начало литературе хасидизма (сам Бешт ничего не написал). Умер Бешт в 1760 г. в Меджибоже. Его официальным преемником стал любимый ученик Бер Межирецкий, при котором хасидизм окончательно оформился в самостоятельное религиозное течение Особую роль в нем стали играть духовные наставники — цадики. Первым цадиком считался сам Бешт, после которого эта роль закрепилась за династиями его потомков и потомков его ближайших учеников. К концу XVIII века хасидизм с неимоверной быстротой распространился среди еврейского населения Польши и России. И вплоть до сегодняшнего дня хасиды успешно сосуществуют с ортодоксальными течениями иудаизма.

ХРИСТИАНСКИЕ БОГОСЛОВЫ: ОТЦЫ ЦЕРКВИ И ЕРЕСИАРХИ

Симон Маг и Валентин

Вся история становления христианского богословия проходила в напряженной борьбе с ересями, которые стали возникать сразу же после Вознесения Иисуса (о первых еретиках речь идет уже в посланиях апостолов). Так, на ранних этапах своей истории христианство имело серьезного противника в лице гностицизма — богатейшего и замечательно оригинального явления религиозной мысли. (Название вероучения производилось от греческого гносис — знание, так как его последователи выдавали себя за носителей тайного знания о происхождении и цели мира, а также о способе спасения). Хотя личность Христа играла в гностических построениях важную роль, гностицизм, строго говоря, нельзя считать настоящим христианством. Скорее, это было язычество, рядившееся в христианские одежды.

Родиной гностицизма считается Сирия, а первым гностиком называют Симона Мага — легендарного противника и антипода апостола Петра, краткое сообщение о котором содержится в «Деяниях Апостолов». Вероучение Симона известно нам только в общих чертах. Он говорил, что существует некое Первоначало — Отец всего: и духовного, и душевного, и материального. От Него произошли зоны («вечно сущие»): Ум-Дух, Глас-Имя и Разум-Мысль. Едва возникнув, Мысль познала творческий замысел Отца, но, непокорная, не захотела следовать ему, а решила творить сама — своими силами создать мир. Она отпала от Отца и произвела ангелов, которые должны были стать ее помощниками в миротворчестве. Однако те,

унаследовав от нее, своей матери, ее непокорство, восстали против нее, полонили и, вселив в материю, принудили к бесконечному ряду перевоплощений — заставили переселяться из одной женщины в другую. Так Мысль воплощалась во множестве женщин, в том числе в Елене Троянской, супруге Менелая, и, наконец, сделалась проституткой в Тире.

О себе Симон говорил, что он есть сразу «Отец», «Сын» и «Святой Дух» — три явления единого сверхнебесного Бога, пришедший в мир, чтобы избавить людей от власти отпавших ангелов. Как Отец он явился в Самарии в собственном лице; как Сын — в Иудее, в лице Иисуса, которого оставил перед Распятием; как Святой Дух он будет просвещать язычников во всей Вселенной. И только те, кто примет его учение, спасутся во время Страшного суда. Христианские апологеты сообщают, что после своей неудачной попытки подкупить Петра (этот эпизод как раз описан в «Деяниях Апостолов») Симон приехал в Тир, где на деньги, отвергнутые апостолом, выкупил из блудилища пребывавшую там десять лет женщину Елену и объявил ее воплощением творческой Мысли Верховного Божества. Проповедь его имела успех.

Святой Иустин передает, что в его время почти все самаряне почитали Симона за бога, господствующего над всеми силами. Одновременно поклонялись и его спутнице Елене. А Ириней сообщает, что Симону и Елене члены секты преклонялись как божествам, что им воздвигались статуи, изображавшие их в виде Юпитера и Минервы. Живший в IV в. Евсе-вий Кессарийский говорит о современных ему симонянах, что они «кланяются книгам и изображениям самого Симона и его спутницы Елены… и справляют им службу с фимиамом, жертвами и возлияниями…». О значительном влиянии этой еретической секты можно судить по преданиям христиан, в которых Симон предстает в виде всесильного мага и владыки демонов. Как уже говорилось выше, даже мученическая смерть апостола Петра в Риме была увязана с его кознями.

Основные идеи позднейшего гностицизма видны уже в учении Симона. Вслед за ним гностики учили об Истинном Боге, Первопричине всего, Который находится на недосягаемой высоте, а также об зоне, подверженном нечестию и отпавшем от Отца.

С этой божественной катастрофой они связывали происхождение Демиурга — творца нашего материального мира и законодателя Ветхого Завета, который находится в полном неведении относительно Истинного Бога, однако считает себя Господом и любит говорить об этом в Библии, написанной по его вдохновению. Точно так же к Симону восходит общая для всех гностиков идея о том, что Христос был послан в мир для освобождения человека от тирании Демиурга. Этот Христос, по их учению, не был ни Богом, ни человеком — Его духовная природа, будучи истечением от Верховного Бога, была по необходимости ниже своего первоисточника, но, с другой стороны, не была и материальной. Чудо вочеловечивания Бога гностики не признавали.

* * *

Из Сирии гностицизм проник в Египет, где нашел для своего развития очень благоприятные условия. Тут, в ученой среде египтян, иудеев и греков, он окончательно оформился. Из Египта происходил и Валентин — один из наиболее выдающихся представителей гностического вероучения эпохи его расцвета. Он родился, как можно предположить, в Нижнем Египте в начале II в и имел иудейское происхождение. Образование он получил в Александрии и там же начал преподавать.

Около 140 г. Валентин переехал в Рим, где приобрел большое влияние на тамошних христиан. По преданию, после смерти римского епископа Гигина он претендовал на его место, однако ему был предпочтен Пий. Новый епископ, когда стала очевидна еретичность взглядов Валентина, отлучил его от церкви, поначалу временно, а потом — навсегда. Разочаровавшись в христианстве, Валентин около 157 г. удалился на остров Кипр, где произошел его окончательный разрыв с церковью. Умер он на Кипре около 161 г. Других сведений о его жизни нет. Хотя никаких сочинений Валентина до нашего времени не дошло, известно, что он много писал и имел многочисленных последователей. Даже враги признавали в нем гений, обширные познания и редкое красноречие. Подробное изложение системы Валентина мы находим у современных ему христианских писателей. Один из них — св. Ипполит — сообщает, что вся теогония и космогония Валентина была сформулирована им после некоего видения и воспринималась его последователями валентинианами как божественное откровение.

Валентин учил, что во главе невидимого и неизреченного мира, на неведомых и непознаваемы высотах, предвечно существует совершенный зон — Вифос. (Имя это очень многозначно, его переводят как Первоначало, Первоотец, Глубина Нерожденная, Бездна). В союзе с ним находится женский зон Энния (Мысль, Благодать или Молчание), являющаяся его полной противоположностью во всем. Тесно соединяясь с ней, Вифос пребывает в состоянии глубочайшего самоуглубления и самоблаженства, но имеет в Себе как Свою мысль и радость абсолютную возможность или мощь всякого определенного бытия. Миротворчество начинается с того, что Вифос и Энния порождают вторую пару эонов: Нус (Ум) и Алифию (Истину). Те, в свою очередь, производят третью пару: Логос (Слово) и Зою (Жизнь), которые создают Антропоса (Человека) и Екклесию (Церковь). Затем Логос и Зоя производят еще пять, а Антропос и Екклесия — шесть новых пар низших эонов, так что общее их число оказывается в совокупности равным 30. (Среди них такие зоны, как Смешение, Единение, Вера, Надежда, Любовь и т. д.) Последним, тридцатым, эоном является София (Мудрость). Все вместе они образуют Плерому — абсолютную полноту бытия или совершенное царство неизреченных духов, существующее вне времени и вне пространства. В философском смысле Плерому надо понимать как внешнее выражение внутренней жизни Вифоса. Порожденные Им и Эннией зоны есть как бы разделенные понятия Вифоса о Самом Себе (или, как

писал ученик Валентина Марк, — отдельные буквы в имени Вифоса). В каждом зоне содержится как бы часть беспредельного Вифоса, которую Он развивает в каком-то ограниченном направлении. Вполне Вифос осознается во всех зонах, в их совокупности. Поэтому зоны стоят как бы на пути от беспредельного к конечному. Но в то же время каждый зон — это самостоятельное существо со своим самоосознанием и своей волей. В своем бытии Плерома не заполняет собой все. То, что остается вне ее, Валентин называл Кеномой — Пустотой, или абсолютным небытием. Тесно замкнутый круг Плеромы охраняется безбрачным 31-м эоном — Оросом. (Его имя переводят как Предел, Очиститель, Воздержатель или Крест.) Это порождение Вифоса и Эннии, посредствуя между бытием и небытием, стоит на страже как предел, разъединяющий все разнородное.

Переходом от этого отвлеченного мира в чувственный послужило нарушение гармонии, беспорядок, что-то вроде первородного греха. Дело в том, что в Плероме непосредственное знание Первоначала было дано лишь Его прямому произведению — Нусу; прочие зоны участвовали в абсолютном видении Вифоса лишь опосредовано, через своих производителей. Между тем в последнем женском зоне Плеромы — в Софии, в которой оказались наиболее умалены бытие и ведение, не удовлетворяемое стремление низших эонов к постижению и понятию Первоотца-Вифоса достигло предельной силы и обратилось в темную жгучую страсть — недолжную и грешную, ибо никто не должен дерзать на постижение Непостижимого. По существующему порядку вещей Софии был предназначен брак с 29-м эоном Вожделенным. Однако, расторгнув этот союз и тем отвергнув единственно возможный для нее путь Боговедения, София необузданно устремилась непосредственно к Первоотцу, в бездну непознанной сущности.

Этот поступок едва не привел к гибели всего творения Вифоса. Но Плерома была спасена присущим ей началом устойчивости. На пути Софии восстал Орос Не допустив ее в бездну самосущего, он спас как ее саму, так и всю взволнованную ее полетом Плерому. Остановленная им, София пришла в себя и возвратилась к первоначальному состоянию, хотя прежним назвать его уже нельзя.

Невозможность проникнуть в тайну бытия при страстном желании этого повергла Софию в состояние недоумения, печали, страха и изумления. Обуреваемая неудовлетворенной страстью, она зачала, а так как Вожделенный, супруг ее, был непричастен к этому зачатию, то оно оказалось неестественным. Отсюда и плодом от него было нечто несовершенное по существу. Это порождение Софии — Ахамот, похоть Премудрости, как чуждое Плероме, было низвергнуто из нее в небытие Кеномы.

Чтобы в среде Плеромы опять не возникло беспорядка, подобного тому, что был внесен туда Софией, Нус и Алифия родили шестнадцатую пару эонов — Христа и Святого Духа. Они были созданы специально для того, чтобы научить другие зоны уважать границы своей природы и не стремиться познать Непознаваемое. Христос открыл низшим зонам, что Вифос непостижим для них и что счастье бытия заключается не в дерзком попрании установленных законов, а в удовлетворении той мерою света, которая назначена для каждого. В то же время Святой Дух воздвиг между

зонами блаженное равенство. Умиротворенная Христом Плерома пожелала преподнести дар Вифосу. С этой целью каждый зон произвел из себя то, что было в нем наилучшего. Результатом их совокупных усилий стал «совершеннейший плод», «совершеннейшая краса и звезда» — 34-й зон Иисус, который явился в сонме окружающих его ангелов. Он — полнота всяческого, высшее и самое лучшее из того, что было создано В Нем конкретно осуществился вечный идеал Плеромы, в ее восстановленной упорядоченной гармонии. Иисус имеет лишь один изъян — Он не может быть без Своего женского дополнения, а Его пара, предназначенная Ему от века невеста Ахамот, оказалась, как уже говорилось, за пределами Плеромы. Чтобы вернуть ее обратно, Иисус должен дать ей то совершенство, которое имеют другие зоны. Вследствие этого процесс творения, который должен был бы окончиться с появлением Иисуса, получает продолжение. Плерома, утвердившись сама в себе, должна теперь заполнить Кеному, чтобы сделать ее завершением себя.

Исторгнутое из Плеромы бесформенное детище Софии — Ахамот — томится в Кеноме, где она пребывает во тьме кромешной и небытии. Она безобразна и безвидна, она, по сути дела, не существует. Преобразование Ахамот начинается с того, что Христос вкладывает в нее в качестве бессознательной идеи некоторый внутренний образ Плеромы, чтобы изгнанница могла чувствовать скорбь разлуки, а вместе с тем имела бы и светлое предощущение вечной жизни. Вследствие этого Ахамот приходит в сознание своего собственного несовершенства и испытывает ряд страстей печаль, страх, отчаяние, неведение. Затем к ней является Иисус и отделяет от нее гнетущие ее страсти. Под влиянием этого второго воздействия рождаются неодушевленная (материальная) и одушевленная (психическая) субстанции. Первая образуется из страстей Ахамот, вторая — от ее обращения к более совершенному состоянию после удаления страстей. Из страхов Ахамот возникают демоны и их царь Космократ (Сатана) — носитель злого начала в мире. Одновременно из ее лучшей, одушевленной части (то есть той, которая устремлена к Плероме) является другое божество — Демиург. Бессознательно внушаемый и направляемый Ахамот, он облекает в форму душевное (психическое) и материальное бытие и таким образом создает видимый мир. Но это не все. Облагороженная Иисусом и освободившаяся от чувственности Ахамот становится способной к зачатию.

Один взгляд на ангелов, окружающих Спасителя, уже оплодотворяет ее, и она зачинает третью, высшую, субстанцию — духовную.

В результате всех этих актов творелия, по заполнении Кеномы, образуются три области Плерома, где пребывают зоны, Огдоада, где находится Ахамот, и Гебдомада — место материального и психического мира. Им соответствуют три державных начала Вифос, Ахамот и Демиург. Каждый последующий из этих мироустроителей значительно уступает в совершенстве предыдущему. О несовершенстве Ахамот и ее бесконечной удаленности от Вифоса уже говорилось выше. Демиург оказывается еще более отдаленным от Него, так как не имеет того знания о Плероме, которым хотя бы отчасти обладает Ахамот. Поэтому и мир, созданный им и лишенный этого знания, вечно стремится, сам не зная куда. Находясь в

неведение относительно всего того, что выше него, Демиург считает себя единственным творцом и владыкой Вселенной.

Это он возвестил через пророков. «Я Бог, и нет другого бога, кроме Меня».

Венцом миротворения, по Валентину, становится создание человека, которого Демиург творит из душевной (психической) субстанции при незримом участии Ахамот по образу зона Антропоса. Это самое совершенное создание Демиурга, в известном смысле, даже превышающее его возможности, так как Ахамот без его ведома насаждает в человеке искру духовной природы. Валентин писал, что Демиург и его ангелы чрезвычайно изумились, заметив в своем произведении нечто высшее, чем они сами. Демиург вследствие этого стал завидовать человеку — подчинил его строгому и стеснительному запрету, а когда человек нарушил его, отведав от запретного плода, низверг из рая на землю и облек его душевное тело в «кожаную одежду», то есть плотскую темницу, подвергнув человека узам материи (так объяснял Валентин известный стих Библии. «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их»). Все это, однако, случилось по помышлению Вифоса, по намерению которого духовный элемент, войдя в мир вещественный, должен был сделаться средством его разрушения.

Первый человек Адам имел тройственную природу: материальную, психическую и духовную. Но эти начала не реализуются в равной степени всеми его потомками. В одних реализуется по преимуществу только материальное начало — это люди плотские (гилики), всецело отдающиеся чувственности и роковым образом предопределенные ко злу и гибели. В других — среднее психическое начало — это люди душевные (психики), способные ко злу и к добру по собственному выбору (под ними Валентин прежде всего подразумевал любимцев Демиурга иудеев) В случае предпочтения психиками добра, они спасаются верой и делами, но никогда не смогут достичь высшего совершенства и блаженства, предназначенных для людей третьего разряда, по существу духовных (пневматиков). Пневматики, эти «чада премудрости», не нуждаются ни в вере (ибо обладают совершенным знанием), ни в делах, ибо они спасаются не своими действиями, а тем духовным семенем, которое вложено в них от природы. Их высших стремлений Демиург не может понять, однако относится к ним с уважением и часто избирает из их среды своих пророков. Весь мировой процесс, по Валентину, состоит в том, чтобы это малое духовное семя раскрылось, развилось и воспиталось через познание душевных и чувственных вещей. Целью пришествия на землю Спасителя было собрать всех имеющих в себе «семя жены» (то есть Ахамот) и из бессознательных пневматиков превратить их в сознательных гностиков, открыв им истину о Небесном Отце, о Плероме и об их собственном происхождении Он явился также и к «душевным людям», чтобы пробудить их к истинной вере и праведным делам.

О природе Иисуса Христа Валентин говорил, что в нем вовсе не было материального начала (ибо материя не воспринимает спасения), и тело Его было особенное, кажущееся, имевшее только видимость материи. Этот психический Мессия был созданием Демиурга, который предназначал его для просвещения иудеев и облек невещественным телом, способным

совершать человеческие действия, но свободным от человеческих чувств. К этим элементам уже без ведома Демиурга была присоединена духовная душа из высшего мира. Евангельский Иисус Христос действительно был рожден от Девы Марии, но ничего не заимствовал от ее материального существа, а только прошел через нее «как вода через трубу». Во время его крещения на Спасителя сошел эон запредельного Иисуса с целью исполнить то возвышенное назначение, которого не понимал Демиург: открыть людям вечное ведение и проявить для них тайны Плеромы. Высшее происхождение Иисуса, по мнению Валентина, подтверждается явным противоречием между Ветхим и Новым Заветами. Ибо Иисус пришел не подтвердить, а во многом поправить те законы, которые были даны Демиургом. Так, например, Он совершенно отверг ветхозаветные заповеди возмездия и многие обрядовые заповеди, мелочного исполнения которых требовал Демиург, но которые не существенны для Первоотца-Вифоса Впрочем, далеко не все проповеди Иисуса вошли в канонические евангелия. Самую важную часть Откровения он проповедовал тайно и только избранным (пневматикам). По сообщению этой совершенной мудрости, миссия горнего Иисуса была выполнена, и Он вознесся обратно в Плерому, забрав с собой духовную составляющую Спасителя. Это случилось в тот момент, когда Тот предстал перед Пилатом. На кресте после этого оказалось только психическое, бесстрастное тело, сотворенное Демиургом. Никакого искупительного значения Его Распятие не имело.

Далее Валентин учил, что, когда все гностики познают себя и разовьют свое духовное семя, наступит конец мира Ахамот, преобразившись наконец в небесного зона, получит место в Плероме и сделается супругой Иисуса-Спасителя, вместе с ней войдут туда духи пневматиков (гностиков) — они сочетаются браком с ангелами и образуют сонм вокруг Спасителя, Демиург и душевные праведники (психики) утвердятся навеки в своем царстве Небытия, или в «среднем месте», а материальный мир, с плотскими людьми и с князем мира сего — Сатаной — сгорит и обратится в ничто Таким образом, Кенома, заполненная сначала несовершенно, а именно творениями Ахамот без знания о Плероме, в дальнейшем, просвещенная этим знанием от Иисуса, примкнет к самой Плероме и даже явится ее ликующим завершением Тут-то и осуществится заветное желание Первоотца-Вифоса быть познанным со стороны творимого им инобытия (то есть Кеномы, которая оказывается представлена в Плероме душами пневматиков).

Такова вкратце была религиозно-философская система Валентина. Глубокомысленная, блистающая поэтической фантазией, она нашла многих последователей и произвела большое впечатление на современников Известно, что секта валентиниан в течение многих лет оставалась самой влиятельной и распространенной из всех гностических сект. Она существовала вплоть до VI в., и имела в некоторых городах свои особенные храмы. Главными священными книгами валентиниан считались евангелия (в числе которых, кроме четырех канонических, почитались и некоторые другие — прежде всего «Евангелие Истины», написанное, видимо, самим Валентином). Деяния апостолов и Апокалипсис ими не рассматривались. Что касается книг Ветхого Завета, то к ним валентиниане (как и все гностики) относились очень критично и отвергали в них все то, что не

находило подтверждение в Новом Завете.

Савелий Птолемаидский

В последние десятилетия II столетия получили распространение еретические учения, вызванные к жизни трудным богословским вопросом: как примирить недвусмысленные и неоднократные указания Ветхого Завета на то, что Бог един, со столь же недвусмысленными свидетельствами Нового Завета о Троице (то есть с учением о Боге Отце, Боге Сыне и Боге Духе Святом)? Сложность проблемы заключалась в том, что само Священное Писание не давало прямых ответов на этот вопрос. В апостольских писаниях Иисус Христос мыслился как вочеловечившийся Бог, но суть этого Боговоплощения подробно ими не разбиралась. Касаясь вопроса о Его домирном бытии (то есть, чем же был Сын до того, как вочеловечился в конкретную личность — Иисуса Христа), в апостольские времена говорили, что Он пребывал в Боге от вечности (изначально, всегда) и сошел от Бога для сотворения мира. Подробнее этот вопрос не разбирался. Оно и понятно: первые верующие были по большей части люди простые, без философского и богословского образования. Ранние опыты богословской науки у христиан могли появиться лишь тогда, когда в церковь вступили лица философски образованные.

Отправной точкой христианского богословия стало знаменитое начало Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово (Логос), и Слово (Логос) было у Бога, и Слово (Логос) было Бог. Оно было вначале у Бога. Все через Него начало быть, что начало быть». Первые христианские писатели, отталкиваясь от этих строк, стали развивать учение о Христе как о воплощенном Логосе. Этот греческий термин, вообще говоря, имеет более широкое содержание, чем русское «Слово», каким обычно переводится. «Логосу» в греческом языке соответствует также понятие «Разум».

Однако в богословие он пришел не из обиходного языка, а из древнегреческой философской лексики, причем философы также давали ему несколько значений. Для них Логосом прежде всего был идеальный божественный мир — совокупность идей (или первообразов), которые осуществляются в материальном мире. Вместе с тем Логос — это отражение Божественного в материальном. Говоря о Логосе, давали понять, что это Бог не Сам в Себе, а в действии, в осуществлении творения. Христиане, восприняв этот языческий по существу термин, отождествили с Логосом (Словом) второе лицо Троицы — Бога Сына. С одной стороны, это позволяло многим язычникам, глубоко впитавшим идеи греческой философии, уразуметь христианское учение. Когда Бога Сына называли Логосом, для них сразу становилось понятным, что Сын — это посредник между Абсолютным Богом (Богом Отцом), пребывающим в Себе, и материальным миром.

Но, с другой стороны, это порождало много новых трудноразрешимых вопросов.

Прежде всего, в такой интерпретации Бог Сын (или Слово-Логос) неизбежно воспринимался как божество низшее, сотворенное, подчиненное Богу Отцу, а во-вторых, возникали сомнения в его изначальности и со-вечности Отцу. Поскольку Логос есть как бы

изреченное Слово, Которым Бог Отец творит мир, то его рождение следовало считать скорее предмирным, а не извечным. Те же, кто не поддавались этим сомнениям и считали Бога Сына по существу равным во всем Богу Отцу, неизбежно приходили к другой проблеме: выходило, что Бог не един, а изначально множественен, а это подрывало самые основы монотеизма, провозглашенного Ветхим Заветом и принятого Новым.

Одной из ранних попыток преодолеть все эти затруднения и примирить Троичность с Единством стало учение монархиан. Его основоположником считается некий Праксей, прибывший в Рим в 70-х гг. II в. О его собственном вероучении мы имеем лишь отрывочные сведения, причем исходящие от его противников. Пишут, что весь Ветхий Завет для Праксея сводился будто бы к единственной фразе: «Я Бог и нет другого, кроме Меня», а Новый Завет — к словам Иисуса, вроде: «Я во Отце и Отец во Мне» или «Я и Отец одно». Исходя из этого, Праксей считал, что «Сын» есть лишь название человеческой, небожественной стороны во Христе, а по сути Своей Христос есть Сам Отец, который из невидимого сделался видимым. То есть Сам Отец страдал на кресте и умер, но не по божеству, а по человечеству. Последователи Праксея — монархиане — рассуждали так: если Христос был Богом, надо, во избежании двоебожия, отождествить Его с Отцом — «Христос был Богом и пострадал за нас, Сам будучи Отцом. Иного говорить не можем».

Эти идеи были развиты в начале III в. в стройное вероучение Савелием Птолемаидским. Он происходил из Птолемаиды Ливийской и был пресвитером в Пентаполисе. В Риме Савелий появился около 200 г. Будучи очень ученым и известным человеком, он имел большое влияние на римского епископа Зеферина (занимал кафедру в 199–216 гг.) и его преемника Каллиста (был папой в 217–222 гг.). Последний, впрочем, должен был отлучить Савелия от церкви по требованию большого числа клириков. О дальнейшей судьбе ересиарха ничего не известно.

Как и для всех монархиан, для Савелия высшей идеей была идея единого Бога, которого он называл «Монадой», или «Сыно-Отцом». Эта Монада есть непостижимое, чуждое всякого различия единство; есть Бог в Самом Себе, находящийся вне всякого отношения к миру в состоянии совершенного покоя или молчания. Монаду можно представить как неуловимую, хотя и все заключающую в Себе, математическую точку.

Миротворение начинается с того, что в силу внутренней потребности саморазвития Монада расширяется, Молчащий Бог становится глаголющим; Сыно-отец открывается миру как Логос (Слово). Однако Логос еще не Сын и не Отец, а единая сущность, проявляющаяся в трех «наименованиях», «лицах» или «личинах»: в Отце, Сыне и Духе. Если в процессе творения мира все они выступают как Единое, то по отношению к человеку Отец, Сын и Дух уже не сливаются в одно. Отец, известный по Ветхому Завету, дал синайское законодательство. Это было первое откровение или слово Логоса. С Нового Завета начинается второй диалог: Логос принимает личину Сына; Его проповедь, Воплощение и Искупление были главными проявлениями второго откровения. После этого, с сошествия на апостолов Святого Духа, начинается третий диалог. Но Дух пребывает среди людей не вечно — Он тоже со временем возвратится в Логос, а Сам Логос возвратится в Монаду, сожмется в Нее как в точку,

потонет в Ней или будет впитан Ею, как золото впитывает упавший на него солнечный луч. Мир кончится. Кончится и Богооткровение — Речь Бога снова станет Его Молчанием; и кто знает: раздастся ли еще голос Монады?

Ересь Савелия особенно широко распространилась в Ливии и имела такое большое влияние, что в середине III в. Сын Божий здесь вообще не проповедовался. Церковь была вынуждена бороться с савелианством всеми доступными ей средствами. В 261 г. это вероучение было осуждено как еретическое на Александрийском соборе, а в 262 г. — на Римском. Однако немногочисленная секта савелиан продолжала существовать вплоть до V в.

Ориген

Ориген — один из величайших богословов своего времени — большую часть жизни провел в Египте. Когда и как христианство проникло в эту страну, теперь неизвестно. В Новом Завете Египет ни разу не упоминается. Правда, историк IV в. — Евсевий Памфил, епископ кесарийский, сообщает, что в Египте проповедовал евангелист Марк, и именно он основал церковь в Александрии. Однако и у Евсевия нет никаких известий об истории этой церкви в следующие полтора века. Только в конце II в. Александрия постепенно обретает известность в империи как один из важных центров христианства. Это произошло главным образом благодаря существовавшему здесь знаменитому училищу для оглашенных. Когда оно возникло, мы не знаем. Первые наставники его также — неизвестны. Сначала училище было, по-видимому, обыкновенной школой при епископской кафедре и служило для первоначального наставления или оглашения в вере обращавшихся в христианство. Потом, при Клименте Александрийском, училище резко повысило свой статус и превратилось в своего рода христианскую академию.

Около 202 г. ее возглавил Ориген.

Как богослов, философ, проповедник и знаток Священного Писания Ориген имел огромное влияние на несколько поколений христианских мыслителей. Жизнь его, вся без остатка отданная служению Богу, была богата внешними и внутренними событиями. Не даром Евсевий Кесарийский говорит: «Многое пришлось бы рассказывать тому, кто взялся бы на досуге описать жизнь этого человека». Родился Ориген в 185 г. в семье александрийского христианина Леонида. Изучением Священного Писания он занимался с детства. Ежедневно, прежде чем мальчик брался за обычные школьные предметы, отец заставлял его что-нибудь заучивать и рассказывать из Ветхого или Нового Завета. «Мальчик занимался этим охотно, с большим усердием, — пишет Евсевий, — но ему мало было простого, легкого чтения; уже с того времени искал он большего и делал выводы более глубокие». Образование продолжалось в огласительном училище под руководством Климента. Там Ориген познакомился с Александром — будущим епископом иерусалимским.

Спокойное течение жизни Александрии было нарушено в 202 г. императором Септимием Севером, который подверг здесь христиан жестоким гонениям. «В разгоравшемся пожаре преследований, — пишет Евсевий, — на очень многих возложены были мученические венцы, и такая

жажда мученичества охватила душу совсем юного Оригена, что он радостно спешил навстречу опасностям, с готовностью устремляясь на состязание. Он бывал уже на краю смерти, и только небесный Божий промысел, ради пользы многих, голосом матери укрощал его рвение. — Сначала она умоляла его пожалеть мать, так его любящую, но юноша, узнав, что отец его взят и сидит в тюрьме, всем существом своим тянулся к мученичеству. Видя это, она спрятала всю его одежду; пришлось сидеть дома. Ничего другого не оставалось делать — а при всей своей, не по возрасту, горячности он не мог сидеть спокойно». Эта мягко порицаемая Евсевием горячность выразилась в том, что Ориген отправил в темницу к отцу письмо, в котором горячо уговаривал его идти на мученичество. «Держись, — писал он, — и не передумай ради нас!» Леонид в самом деле проявил твердость, не отрекся от христианской веры и был обезглавлен гонителями в 202 или 203 г.

После мученической кончины отца Ориген на 17-м году жизни остался сиротой с матерью и шестью маленькими братьями. Отцовское имущество было отобрано в казну; ему и всей семье не на что было жить. Но вскоре он нашел приют у очень известной и очень богатой женщины. Она приняла его к себе как сына и всячески опекала.

Ориген целиком отдался изучению эллинских наук. В короткое время подготовив себя к обязанностям грамматика, он вскоре после смерти отца занялся преподаванием и щедро обеспечил себя всем необходимым. Из-за гонений в Александрии в это время не оказалось никого, кто мог бы выполнять обязанности огласителя (на плечи этого лица ложилась подготовка обращенных язычников к крещению). Несмотря на то что Оригену тогда было всего 18 лет, александрийский епископ Димитрий поставил его во главе училища для оглашаемых. Уже ближайшие события показали, что он не ошибся в своем выборе. Ориген с таким усердием исполнял свои обязанности, что вскоре прославился среди христиан своим участием ко всем мученикам. Евсевий пишет, что он не только бывал у них в тюрьме и расставался с ними до последнего приговора, но и сопровождал ведомых на смерть, с великой смелостью идя навстречу опасности.

Проводя весь день со своими учениками, он большую часть ночи посвящал изучению Священного Писания. Все, что питает юношеские страсти, он решительно удалял от себя — не знал никаких излишеств и удовольствий. Евсевий сообщает, что Ориген в повседневной жизни буквально следовал евангельским правилам о бедности. Так, у него был только один плащ, слишком тонкий, чтобы защищать от зимнего холода, ходил он босяком и довольствовался только той пищей, какая была безусловно необходима, всю жизнь воздерживаясь от мяса и вина, большую часть ночи проводил в ученых занятиях и спал только на голом полу.

Тех своих учеников, в которых Ориген замечал дарование, он учил не только богословию, но старался привить им любовь к философским дисциплинам преподавал им арифметику, геометрию, знакомил с философскими теориями. Слава его как учителя была очень велика. Привлеченные ею, огласительную школу посещали иудеи, язычники и гностики, многие из них под влиянием Оригена приняли евангельскую веру.

Тогда же он решился на неслыханный шаг, доставивший ему в дальнейшем много неприятностей. Евсевий пишет «Ориген, занятый делом оглашения в Александрии, совершил поступок, свидетельствующий о душе юной, незрелой и в то же время глубоко верующей и стремящейся к самообузданию. Поняв евангельские слова «Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царствия Небесного» в их буквальном смысле, думая и выполнить спасительный совет, и прекратить грязную клевету язычников (ему, юноше, приходилось беседовать о вопросах божественных не только с мужчинами, но и с женщинами), он и поторопился на деле осуществить спасительные слова, полагая, что большинство его учеников ничего не узнает.

Скрыть, однако, такое дело оказалось невозможным Димитрий, предстоятель Александрийской церкви, изумился отваге Оригена, похвалил за усердие к вере и ее искренность, посоветовал не падать духом и отныне еще больше прилежать к делу оглашения». «Но вскоре, — продолжает Евсевий, — видя, что Ориген благоденствует, что он везде известен и всюду прославляем, он поддался человеческой слабости, постарался всем епископам описать его поступок как чистое безумство». Поводом для недовольства Димитрия послужило следующее событие. В 228 г по пути в Грецию Ориген остановился в Иудее у своих друзей — Феоктиста Кесарийского и Александра Иерусалимского. Те уговорили его принять священство и рукоположили в пресвитеры. Это стало причиной сильных пререканий. Димитрий Александрийский, оспаривая законность рукоположения, писал епископам всего христианского мира, что Ориген не может быть пресвитером из-за своего скопства. Когда Ориген вернулся в Александрию, на него началось подлинное гонение. По требованию Димитрия в 230 или 231 г состоялся специальный собор египетских епископов, который постановил, что Ориген должен быть извержен из пресвитерского сана и отлучен от церкви. По существовавшим тогда церковным правилам решения одной епархии обыкновенно принимались остальными без рассмотрения сущности дела. И, таким образом, приговор против Оригена был утвержден в Риме и других областях империи, хотя оставался без внимания в тех странах, которые особенно чувствовали на себе его личное влияние — в Палестине, Финикии, Аравии и Греции.

Оставив после тридцати лет преподавания Александрийское училище, Ориген был вынужден переселиться в Кесарию. Сюда же вскоре переехали многие его ученики.

Начался последний, самый знаменитый период жизни Оригена. Слава его в это время гремела по всему Востоку. К нему часто обращались за разъяснениями сложных богословских вопросов, для опровержения ересей и для вразумления епископов, уклонившихся от традиционного учения. Его знания, диалектика, красноречие были непоколебимы. Ко всему этому присоединялись его природное обаяние и авторитет выдающегося аскетизма. Слава Оригена стала всемирной, его творения были распространены по всему Востоку до самого Рима. Тем больше должны были злобствовать против него язычники. В 250 г, когда очередное гонение на христиан начал император Деций, Оригена заключили в тюрьму и подвергли жестоким истязаниям. По свидетельству Евсевия, он перенес тогда «оковы, телесные муки, истязание железом, тюремное подземелье,

многодневное сидение с растянутыми до четвертой дыры ногами, угрозу сожжения.

Все это Ориген мужественно пережил, не отрекся от христианства и получил свободу по приговору суда. Однако, оправиться от тяжелых мучений он уже не смог и скончался в 254 г, немного не дожив до семидесяти лет.

Таковы обстоятельства жизни Оригена. Его литературная деятельность была большей частью посвящена изучению Библии. Полный перечень его работ (вместе с письмами) включал шесть тысяч названий. Из огромного числа оригеновских богословских трактатов до наших дней дошли всего два (правда, самых известных) «О началах» (230) и «Против Цельса» (249). Им он обязан своей посмертной славой. Современники более отмечали Оригена как переводчика и комментатора Священного Писания. Похоже, что и сам он считал эту часть своего наследия самой важной. Евсевий пишет «Старательно исследовать Слово Божие было для Оригена столь важно, что он даже изучил еврейский язык, приобрел у евреев в собственность подлинники священных книг, написанные еврейским шрифтом, а затем постарался собрать и сличить между собой все имевшиеся тогда хождение переводы Писания на греческий». Ветхий Завет был известен христианам в основном по переводу 70-ти толковников, осуществленном во II в до Р.Х. для Александрийской библиотеки. Согласно преданию, каждый из 70-ти переводчиков работал независимо от других, однако их переводы, по Божьему промыслу, почти буквально совпали друг с другом. Ориген присовокупил к переводу толковников несколько других редких переводов, которые ему удалось найти.

Результатом его многолетних изысканий стало первое в истории критическое издание текста Священного Писания, — так называемых Гекзапл. Они представляли из себя свитки, разделенные на шесть колонок в первой находился еврейский текст, написанный еврейским шрифтом, во второй — еврейский текст, написанный греческим шрифтом, в третьей — перевод 70 толковников, в четвертой — перевод грека Агилы, принявшего иудейство, в пятой — перевод самарянина Симмаха, принявшего христианство, в шестой — перевод Феодотиона. Работа над Гекзаплами заняла 28 лет и была закончена Оригеном незадолго до смерти. К сожалению, это уникальное издание оказалось утеряно уже в раннем средневековье, хотя и не пропало безвозвратно — в начале V в его широко использовал в своем переводе Священного Писания Блаженный Иероним. Точно так же не дошел до наших дней подробный многотомный комментарий, сделанный Оригеном ко всем книгам Библии.

Однако и в таком сильно урезанном виде наследие Оригена чрезвычайно интересно. Он был первым из христианских мыслителей, создавшим законченную теологическую систему. И до него несколько раз предпринимались попытки философским языком изъяснить отдельные положения христианского учения, но они носили лишь частный характер. Оригену впервые удалось осуществить полный синтез библейского предания с древнегреческой философией и тем положить прочную основу христианскому богословию. Описывая в кратких словах его теологическую систему (по его трактату «О началах»), надо отметить, что основой ее послужило Священное Писание. Ориген говорил, что христианская истина

во всей ее полноте изложена именно там, но в элементарной форме. Между тем она имеет в себе и более глубокий, сокровенный смысл. Его он и постарался разъяснить. Прежде всего ему необходимо было дать определение Бога, Который, по его учению, прост, неизменен и благ. Он также бестелесен и представляет Собой неизменную, простую и умную природу, или Ум.

Однако Бог опоясывает, объемлет, содержит и пронизывает все созданное Им, находясь всегда и везде, не становясь при этом протяженным или делимым. Так как Бог превышает пространство и время, Ориген писал. «Для Него всегда «сегодня» ибо нет у Него «вчера»; я же думаю, что нет и «завтра»; но все сопряженное, так сказать, Его безначальной и вечной жизни время есть для Него сегодняшний день».

Но Бог не беспределен. Ориген говорит: «Надлежит думать, что Мощь Божия ограничена… Если бы Мощь Божия была беспредельною, она по необходимости не мыслила бы Себя Самое, ибо беспредельное по природе Своей необъятно».

Главное свойство Бога — благо, то есть Он есть сама Благость, а Благость не может быть скупой и праздной — не может находиться в Самой Себе и не источаться вовне. Поэтому, в силу Своей благости, Бог открывается и входит в общение с тем, что находится вне Его; в силу же Своей неизменности Он делает это вечно. Но так как немыслимо допустить непосредственные отношения Божественного бытия, простого по существу и неизменного, со случайным и множественным по своей сути миром, то Бог сначала должен Сам стать в такое положение, чтобы подобные отношения были возможны. Отсюда происхождение Логоса (Слова или Разума) — отдельного Лица Бога, Божества производного, которое находится между сотворенным и несотворенным и заключает, в Себе первообраз всего конечного и множественного.

Это был знаменательный момент в постижении природы Бога Отца и Бога Сына, единства и различия между Ними. Ориген высказал здесь очень важные соображения, ставшие потом краеугольным камнем всего христианского богословия. Он считал, что «мощь», присущая Богу Отцу, — есть как бы внутренняя, вовне не обнаруживаемая энергия. Бог Отец есть полнота всего, абсолютная, единая способность всяческого существования. Но для того, что бы эта способность стала творческой силой, от этой «мощи», от этой внутренней энергии должно проявляться вовне нечто иное. Это иное — Бог Сын, Который есть действительность или осуществленность скрытой «мощи» Бога Отца. Он иное, чем Отец, хотя и одно с Ним. Сын существует подобно тому, как свет от огня существует вне огня, будучи производным от источника и в то же время как нечто самостоятельное. Однако, называя Отца источником Сына, не следует понимать это так, что Он передал Сыну какую-то часть Своей сущности. Нет — сущность Отца неделима и неизменяема. Что касается природы Сына, то Он «сущностью превосходит все созданное» и не сотворен Отцом из несущего, то есть Его нельзя мыслить вне сущности Отца. Сын совечен Отцу, ибо Отец рождает Сына не во времени и не так, словно Сына когда-либо не было. Они неотделимы друг от друга и едины. В этом единстве как раз и заключается вся суть вечной Божественной жизни, в которой благой Бог Отец, имея и содержа в Себе начала всего, реализует

Себя через рождение Сына (Логоса), творя одновременно и совечный Себе мир. Развиваемая Оригеном система вполне обходилась без третьего Лица Троицы — Св. Духа. Поэтому учение о Нем осталось в его богословии совершенно неразработанным.

Мир поначалу был чисто духовный, и все созданные Богом существа были духовные.

Но, обладая полной свободой воли, которую Бог, в силу Своей, благости, не мог не дать им, некоторые духи не замедлили злоупотребить ею — стали удаляться от Божественного огня (о том, что Бог есть огонь, говорится во многих местах Писания) и поэтому стали охладевать. Холод стал сжимать и уплотнять дух в душу; она же уплотнилась в тело. Так и возникли разные тела: душевные ангельские, человеческие, животные и бесовские. То есть материализация прежде духовного бытия есть его свободное самоизменение. И является она следствием отступления от блага, ведь отступать от блага — значит становиться причастным злу. Зло, по определению Оригена, — это лишенность блага. Оно не есть нечто самостоятельное, изначально возникшее (так как все созданное Богом, по определению, есть благо). Однако зло постепенно обретает некое объективное значение: растет и распространяется в мире как «неведение о Боге».

С самого начала Бог сотворил полное число духов. До конца света прибавления к нему уже не делается, но те же самые духи продолжают являться в бесконечном разнообразии форм. Все они сначала были совершенны и одарены свободой воли. Но потом, в силу своего удаления от Бога, пали в большей или меньшей степени, сделавшись ангелами, людьми, животными или демонами. Может возникнуть вопрос, как же тогда быть с известным библейским сюжетом об адамовом яблоке и изгнании из рая? Ориген считал его аллегорией. Он, впрочем, допускал, что Адам был первым из согрешивших духов, воплощенный в тело. Однако было множество других духов, которые вместе с ним (и независимо от него) по тем или иным причинам впали в грех и материализовались. Рождение в том или ином образе является возмездием или наградой за грехи и добродетельные поступки прошлых рождений. Творя в жизни зло, любое существо тем самым удаляется от Бога и в последующем рождении в буквальном смысле оказывается среди тех, кто сам, в своей гордости, отверг Бога. (Так, ангел может родиться человеком, а человек — животным или демоном.) Если же существо творит добро, то последующая цепь перерождений вновь приближает его к Богу. Все определяется только свободой воли. Ни один из духов не имеет роковой предназначенности ко злу или к добру. Поэтому любой ангел может стать за свои грехи человеком и демоном, а любой демон (и даже Сатана) — ангелом и духом. Бог в Своей благости не отвергает от Себя никого, но и не удерживает никого насильно. Ориген писал «Сами бесы и правители мрака… если захотят обратиться к лучшему, сделаются людьми и так возвратятся к древнему своему началу. Однако, так, что они через многие мучения и казни, каковые будут выносить много или мало времени, наученные в телах людских, снова придут к стезям ангельским. Из всех разумных тварей могут сделаться всякие, не единожды и внезапно, но часто; и мы ангелами будем, а, если будем поступать небрежнее, то и бесами».

Человек состоит из тела и души, которая, в свою очередь, делится на душу «низшую», или собственно душу, и душу «высшую», или дух. Душа размножается вместе с телом, не может существовать без него и находиться в крови, а дух дается человеку с небес при рождении. Дух бессмертен и по своему Богопричастию «некоторым образом родственен Богу». После смерти человека он либо уходит в райский ангельский мир, либо испытывает муки вместе с другими Демонами. Муки каждого существа справедливы, потому что искупают вину прежних рождений и потому что не налагаются извне. Сам грешник как бы «возжигает для себя пламя своего огня», а материей для него служат его грехи.

Какова же в системе Оригена роль воплощенного Логоса — роль Христа? Она очень важна. Дело в том, что Бог не остается безучастным зрителем извечного круговращения существ. Бог Сын не хочет и не может испивать вино небесной радости без нас, без всех, впавших из-за своих ошибок в грех. Его радость не полна, если есть еще грешники и страждущие, если мертвые еще не стали живыми. Поэтому Он никогда не оставляет попыток направить человечество к добру и постоянно посылает в помощь людям избранные души, которые облекаются плотью; это — пророки. Так как эти посредники оказываются недостаточными, Логос в конце концов приходит Сам — соединившись с телом, Он является людям в виде Христа. По словам Оригена, Логос, правитель и устроитель мира, «в последние времена, когда всему миру угрожала окончательная гибель, истощил Себя Самого и… соделался послушным до смерти».

Чудо Боговоплощения требует объяснений. Божественная природа, считал Ориген, не могла быть примешана к телу без посредника. Телесной могла стать лишь душа, способная воспринять Бога. Поэтому сотворивший все Логос избрал из всех душ одну, которая «от начала творения неотделимо и неотлучно приникала к Нему…» — душу Иисуса. Эта «весьма чистая и ясная» душа соединилась с Логосом. В ней и через нее «Божия Сила… погрузилась в человеческую природу, так что произошло единение двух природ, Божеской и человеческой». Таким образом, Бог Сын не только воплотился, но и вочеловечился, принял не только человеческое тело, но и разумную человеческую душу. Поскольку Христос пришел спасти человека вместе с его душой и волей, Он и должен был воспринять в единстве с Собой всю человеческую природу. Цель Воплощения была двоякой — во-первых, это было откровение Божества человечеству: Своими проповедями, Своим примером, самой силой Своей личности Христос указал заблудшему человечеству путь к спасению. Но вместе с тем Боговоплощение стало искуплением падшего человека. Поэтому оно и завершилось смертью на кресте. «Но кому же дал Христос в искупление Свою душу?» — спрашивает Ориген. И отвечает: «Конечно, не Богу, но только лукавому… Ведь он держал нас, пока не получил за нас плату — душу Иисуса. Но он ошибся в своих расчетах: и получив, не мог овладеть ею и удержать ее». И таким образом, дьявол, владевший всеми душами людей, лишился всего своего царства. Над людьми же после их грехопадения он царствовал по справедливости.

Из сказанного видно, что в чем-то воззрения Оригена были близки к позднейшим догматам ортодоксального христианства (в чем-то они даже

послужили для них основой), но зато в другом Ориген достаточно далеко отходил от традиционного учения (что и послужило в VI в. причиной осуждения воззрений Оригена как еретических). Так, Ориген имел совершенно нехристианский взгляд на проблему конца света и доказывал, что в подлинном, абсолютном смысле конца света нет и не может быть. Он писал: «Говорить, будто природа Божия праздна и недвижна, вместе — и нечестиво, и нелепо, равно и думать, будто Благость когда-либо не благоденствует и Всемогущество не проявляет могущества». В этом случае Бог изменялся бы, переходя из одного состояния в другое. А Он неизменен, ибо бесконечен, един и прост. Значит, и созданная Богом Вселенная вечна. Ориген не отрицал, что существование каждого отдельного мира завершается частным судом, после которого мир сгорает в очистительном огне. Наш мир тоже когда-нибудь распадется и погибнет, и материя его обратиться в ничто, но составляющие его духовные существа бессмертны и свободны. А потому через некоторое время они вновь отпадут от Бога, тогда будут для них созданы новые тела; то есть возникнет новый мир. Так до возникновения нашего мира существовало бесчисленное количество миров, и после его уничтожения будут существовать другие миры. Они не вполне подобны друг другу, различны по достоинству и качеству. Только в конце времен, когда все духи добровольно подчинятся Богу, все материальное сделается излишним и возвратится в небытие. Тогда наступит великое мгновение — восстановление всего в единстве с Богом.

После смерти Оригена многие его взгляды подверглись критике и были осуждены. И тем не менее они имели огромное значение для развития христианского богословия.

Ориген положил начало самим его методам, впервые коснулся его основных проблем, во многом дал верные решения или — даже своими ошибками — наметил пути будущих решений.

Арий

Имя Ария открывает собой чреду великих христианских ересиархов IV–VIII вв. Он был одним их тех вечно проклинаемых врагов Вселенской церкви, которым она обязана многолетними расколами, нескончаемыми смутами и одновременно высочайшим взлетом богословской мысли — своей святоотеческой литературой; одним из тех побежденных, но не признавших своего поражения врагов православия, в борьбе с которыми только и могла сформироваться христианская догматика.

О жизни Ария (как и многих других еретиков) мы знаем сравнительно мало. Будучи по происхождению ливийцем, он учился в Антиохии, у главы тамошней богословской школы Лукиана Самосатского. Позже Арий перебрался в Александрию, где после 310 г. сделался пресвитером. Он считался человеком строгой жизни и аскетом, причем внешность его была под стать репутации — Арий был высок ростом, очень худ, имел изможденный вид и печальное выражение лица. (Однако, добавляют его враги, обладал голосом вкрадчивым и мягким.) Год рождения Ария не известен, но к тому моменту, когда о нем узнали за пределами Александрии, он был уже далеко не молод. В 312 г. он являлся одним из кандидатов в александрийские епископы, но был избран не он, а

его будущий оппонент Александр. Впоследствии ни тот ни другой никогда не вспоминали о былом соперничестве, имевшем, по-видимому, место при выборах, но чувство взаимного нерасположения осталось в них навсегда, так что им нетрудно было при случае сделаться открытыми врагами.

Заблуждения Ария обнаружились около 317 г. совершенно случайно. Епископ Александр имел обыкновение собирать около себя александрийских пресвитеров для совета и иногда предлагал им для разъяснения догматические вопросы. На одном из таких собраний, когда шла речь о единстве Божественной Троицы, Александр употребил выражение: «Бог есть Троица в Единице и Единица в Троице». Неожиданно для всех Арий стал резко возражать епископу и обвинил его в савелианстве (то есть в том, что он исповедует учение Савелия Птолемаидского). Возник спор, который не привел к общему согласию. Для окончательного разъяснения дела был назначен публичный диспут. С этого диспута и ведет свое начало арианская ересь.

Разбирая учение Ария, следует прежде всего сказать, что оно не было чем-то новым или неожиданным. Многие из проповедуемых им идей высказывались раньше (к примеру, тем же Лукианом Самосатским, у которого Арий действительно многое заимствовал). Однако Арий отстаивал их с такой бескомпромиссной смелостью, с таким страстным (если не сказать фанатичным) упорством, что ересь эта по праву получила свое прозвание от его имени. По сути своей арианство надо понимать как антитезу вероучению Савелия Пто-лемаидского, поскольку православное изъяснение тайны Троицы Арий однозначно воспринимал как савелианство. В своем толковании этого фундаментального христианского догмата он так же, как Савелий, исходил из понятия о Боге как совершенном единстве, как о самозамкнутой Монаде. Но этой божественной Монадой был для него исключительно Бог Отец, Которого он объявлял единым, вечным и нерожденным. Все иное, что действительно существует, Арий называл чуждым Богу по сущности, имеющим иную, свою собственную, сущность. Ведь завершенность божественного бытия исключает всякую возможность того, чтобы Бог сообщал или уделял Свою сущность кому-либо другому. Отсюда следовал вывод, что Слово или Сын Божий, как ипостась, как действительно сущий, безусловно и всецело чужероден и неподобен Отцу. Сын-Слово был создан из ничего в качестве посредника в деле миротворчества. Поэтому Сын не совечен Отцу; между Отцом и Сыном имеет место некий временной «промежуток».

Иначе оказалось бы два «Безначальных», то есть «два начала», и истина единобожия была бы отвергнута.

Сыну в теологии Ария уделялась роль Демиурга, устроителя мира. Будучи творением Божиим, Сын Сам есть творец всех прочих существ, и Его творческое отношение к ним оправдывает наименование Бога. Бог усыновил Его, но из этого сыновства не вытекает никакого реального участия в Божестве, никакого истинного сходства с Ним. Отец творит при посредстве Сына-Слова, потому что Само Божество не может прийти в соприкосновение с конечным миром. Сын является в творении орудием Отца.

И хотя Слово было высочайшим из Его творений, Оно все же есть «тварь», то есть нечто происшедшее. Божественная слава сообщается Ему

как-то извне. Что касается Духа Святого, то Он есть первое творение Сына и является еще менее богом, чем Он Сам. В этих положениях основное содержание учения Ария. Оно было в сущности отрицанием Троичности Божией, так как троичность для Ария являлась чем-то производным и происшедшим: Троица возникает, и моменты Ее становления разделены «временными промежутками», Ее ипостаси друг другу не подобны, чужды и несовечны. Это не единое Божество, а скорее крепкий союз или «общество» Трех неподобных существ. Фактически для Ария существовал только один Бог — Отец, а Сын и Дух были лишь высшими первородными «тварями», посредниками в миротворении.

На вопрос, почему же преимущество Боговоплощения в Христе выпало на долю Сына, а не какой-нибудь другой «твари», Арий отвечал, что это произошло по предвидению Отца, Который знал, как Его Сын будет прекрасен по воплощении, и потому еще при творении Его сообщил Ему свойства, необходимые при вочеловечивании. Само чудо Боговоплощения Арий понимал до известной степени механически и упрощенно, как соединение человека Иисуса с Сыном-Словом в единого Богочеловека Христа, причем Слово в этом соединении играло роль души. При таком подходе Христа нельзя было в подлинном смысле считать Сыном Божьим, и Арий утверждал, что Иисус — Сын Божий только по усыновлению. Он говорил: «Не потому избрал Его Бог, что у Него было нечто особенное и преимущественное перед прочими существами по природе и не в силу какого-нибудь особого отношения Его к Богу, но потому, что, несмотря на изменчивость Своей природы, Он через упражнение Себя в доброй деятельности не уклонился ко злу. Если бы равную силу явил Павел или Петр, их усыновление ничем бы не отличалось от Его усыновления».

Публичный диспут, как и следовало ожидать, не принес никакого результата. Обе стороны остались при своем мнении. После этого еще несколько раз сходились, спорили и расходились еще более убежденными противниками. Надо отдать должное Александру — он сделал все для того, чтобы разубедить Ария в собеседованиях александрийского клира, и прибег к карательным мерам только тогда, когда его самого стали обвинять в потворстве еретику. В 320 г. он созвал для обсуждения арианства собор египетских епископов. Епископы осудили Ария и отлучили его от церкви. Но тут обнаружилось, что последний имеет многочисленных сторонников. Собору пришлось лишить сана двух ставших на сторону Ария епископов, пять пресвитеров и шесть диаконов. Однако, мира церковный собор не восстановил. Арий покинул Александрию с высоко поднятой головой не как еретик, а как гонимый за веру праведник. За ним последовали в изгнание 700 девственниц, 12 диаконов и 6 пресвитеров (из 16 бывших в этом городе).

В соседних областях не все разделяли решение собора. Ариане, оставив Египет, нашли себе единомышленников и защитников среди епископов других церквей и в близких ко двору сферах. В Кесарии Палестинской их принял епископ Евсевий Памфил — один из самых ученых и известных богословов своего времени. Он, впрочем, не разделял крайних воззрений Ария и держал себя осторожно. Зато всецело были на стороне нового учения Феогнис Никейский и один из первостепенных епископов того времени Евсевий Никомедийский. Последний больше всего помог

распространению арианства, направив многочисленные послания епископам Востока и Малой Азии.

Таким образом, местный спор превратился в общецерковный.

Арий тоже не долго хранил молчание. Поселившись в Никомедии, он изложил свое учение в «Фалин» — книге, состоявшей главным образом из стихов, предназначенных для простолюдинов. Богословские вопросы были изложены в ней настолько популярно, что стали достоянием уличных пересудов. Таким образом, в спор было вовлечено множество мирян. О том, как сторонники Ария проповедовали свои идеи, писал позже Афанасий Великий: «Доныне еще ариане не в малом числе ловят на торжищах отроков и задают им вопросы не из писаний Божественных, но как бы изливаясь от избытка сердца своего: «Несущего или сущего сотворил Сущий из сущего? Сущим или несущим сотворил Его?» И еще: «Одно ли нерожденное или два нерожденных?» Потом приходят они к женщинам и им также предлагают свои неприличные вопросы: «Был ли у тебя сын, пока ты его не родила? — Как не было у тебя сына, так не было и Божьего Сына, пока не рожден Он». Все полно людьми, рассуждающими о непостижимом, — улицы, рынки, перекрестки.

Спрашиваю, сколько оболов надо заплатить, — философствуют о рожденном и нерожденном. Хочешь узнать цену на хлеб, — отвечают: «Отец больше Сына».

Спрашиваешь, готова ли баня, — говорят: «Сын произошел из ничего». Из этих слов видно, как глубоко арианская ересь волновала тогдашнее общество. Это и понятно — весь народ чувствовал, что спор идет не об отвлеченном теоретическом вопросе, но о самом существе веры.

Церковный раскол не на шутку обеспокоил и светские власти. Император Константин I, после нескольких безуспешных попыток примирить враждующие партии, принял решение созвать для обсуждения троичного догмата Вселенский собор. В начале 325 г. он особым повелением пригласил имперских епископов в Никею. Все издержки на их путешествие и пребывание в Никее он принимал на себя. Всего собралось около 300 епископов, в основном из восточных провинций (от западных на соборе, кажется, присутствовало не более 5 представителей). Заседания происходили в одной из палат императорского дворца с 19 июня по 25 августа.

Догматический вопрос, который предстояло решить никейским отцам, состоял буквально в следующем: нужно ли признавать Сына Божьего Богом, равночестным с Богом Отцом, или следует считать Его лишь совершеннейшим из творений. Были также сторонники третьей точки зрения, которые признавали Сына Богом, но Богом не равного достоинства с Отцом. Партию ариан на соборе представлял Евсевий Никомедийский. Его поддерживали Митрофан Эфесский, Патрофил Скифопольский и некоторые другие восточные епископы. Все они признавали Сына Божьего «тварью».

Но таких крайних ариан было немного — всего около 17 человек. Значительно больше набралось так называемых полуариан. В догматическом отношении они держались древней теории субординации — хотя и почитали Сына Божьего Богом, но считали божество Его неравным божеству Отца, а соподчиненным. Эту партию возглавлял известный

церковный историк Евсевий Кесарийский. Он сам и его последователи находились под сильным влиянием философии Оригена. Партию православных епископов возглавлял Александр, епископ александрийский. Она держалась догматического учения о том, что Сын Божий так же совершенен, как Отец.

Как формулировался символ веры строгих ариан, не известно, но несомненно, что он содержал в себе самую сущность арианской доктрины. Именно: «Сын Божий — произведение и тварь», «было время, когда Сына не было», «Сын изменяем по существу». Арий, присутствовавший на первых заседаниях собора, сам представлял этот символ, однако его объяснения не произвели на епископов впечатления. Это и понятно, ведь в Священном Писании не было ни одного из предложенных им выражений. Как только символ Ария был отвергнут, список его разорвали в клочья.

После осуждения чистых ариан на соборе разгорелись прения между православными и полуарианствующими епископами. Их глава Евсевий Кесарийский предложил символ веры в такой формулировке: «Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца решительно всего видимого и невидимого, и во единого Господа Иисуса Христа, Слово Божие, Бога от Бога, света от света, жизни от жизни, Сына единородного, чрез Коего все произошло, ради нашего спасения воплотившегося… Веруем и в единого Духа Святого». Это был компромиссный символ, который могли принять как ариане, так и православные. Однако при энергичной поддержке Константина православным удалось его коренным образом изменить.

Прежде всего в символ были внесены слова «рожденного из сущности Отца» и «единосущного». Как показали дальнейшие события, выражения эти оказались в подлинном смысле ключевыми, определившими весь последующий путь развития христианской догматики. В особенности это касается понятия «единосущный». Ариане горячо протестовали против него, указывая, что в Священном Писании оно нигде не встречается. Предлагали заменить слово «единосущный» не столь категоричными понятиями «подобосущный» или «равносущный». Но православные епископы не согласились на это, прекрасно понимая, что против такого определения бессильна любая диалектика ариан. Если другие выражения те могли перетолковать и повернуть в свою сторону, то против слова «единосущный» они были бессильны. Утверждая, что Сын «единосущен» Отцу, православные епископы подчеркивали единство ипостасей Троицы, не заслоняя при этом Их различности. В самом деле, «единосущие» обозначало, что Отец и Сын «вместе» или «сразу» являются одной и той же «сущностью», что Сын есть та же самая сущность, что и Отец, а не иная, созданная из ничего Отцом или рожденная из Отчей сущности. Вместе с тем «единосущный» не значит «во всем точно такой же» или «тождественный», что было бы уже уклонением в савелианство.

Другие изменения, внесенные в символ, были не такими радикальными. Так, вместо «Творца решительно всего» поставили «Творца всего». «Слово Божие» заменили на «Сына Божьего». Фраза о воплощении Сына была расширена словами «сошедшего и вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день». Таким образом, исключалось понимание воплощения в смысле родовом, то есть в смысле воплощения во

многих или даже во всех спасенных. Наконец, полнее была выражена Божественность Слова-Логоса. В результате символ веры, принятый I Вселенским собором, стал звучать так: «Веруем в единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого. И во единого Господа Иисусу Христа, Сына Божия, рожденного от Отца, единородного, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, света от света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, единосущного отцу, Которым все создано; ради нас, людей, и нашего ради спасения сошедшего, воплотившегося, вочеловечившегося, страдавшего, воскресшего в третий день, восшедшего на небеса и грядущего судить живых и мертвых. И в Духа Святого».

Решения собора означали полную победу православия над ересью, но победу скорее временную, чем окончательную. Провозглашенная здесь при неприкрытой поддержке императора истина была до конца ясна далеко не всем и превышала разумение многих членов собора. Что же можно было ожидать от тех, кто в нем не участвовал?

Большинство тогдашних богословов отнеслось к никейскому определению сдержано.

Оно в самом деле требовало разъяснений и толкований, а это было возможно только в составе целостной вероучительной системы, когда только и мог раскрыться его точный смысл. Слово «единосущный» казалось особенно подозрительным, так как слишком сильно утверждало единство Отца и Сына, при том что различия между этими ипостасями оказывались определены гораздо слабее. Многим приходила мысли о савелианстве, и потому даже православные епископы избегали пользоваться никейским символом. Понятие «ипостась», которым определялось отдельное лицо Троицы, в то время еще не приобрело своего окончательного значения. По сложившейся традиции, оно по смыслу было очень близким к слову «сущность» и часто отождествлялось с ним. Это затемняло значение никейского вероопределения и в дальнейшем послужило причиной многих смут.

Однако, все это было впереди. В 325 г. спор с арианами представлялся окончательно решенным, и решенным не в их пользу. Сам Арий наотрез отказался признать никейский символ. Его приговорили к низложению и заключению в Иллирию. Сочинения ересиарха было велено придать огню, а уличенным в их тайном хранении грозила смертная казнь. Евсевий Никомедийский и еще два епископа, не пожелавшие подписать осуждение Ария, были лишены кафедр и сосланы в Галлию. Торжество православия, впрочем, оказалось совсем недолгим. В декабре 326 г. скончался александрийский архиепископ Александр. Его преемником стал 28-летний Афанасий (прозванный в дальнейшем Афанасием Великим). Сразу после этого ариане стали наращивать свое влияние.

Их успеху способствовали могущественные покровители. Так, о возвращении Ария очень хлопотала сестра Константина Констанция. По ее ходатайству близкий доступ к императору получил один арианствующий пресвитер. При каждом удобном случае он говорил Константину о том, что Арий осужден несправедливо, что на самом деле мысли его нисколько не отличаются от определений собора и что, если бы ему позволили вернуться из ссылки и свободно их высказать, всем стало бы очевидно, что он во всем

согласен с православием. Константин в конце концов уступил уговорам и согласился выслушать оправдания ересиарха. Явившись в 328 г. во дворец, Арий представил Константину свое исповедание веры, в котором хитро и уклончиво обошел постановление Никейского собора о единосущии Сына Божьего с Отцом. (В его исповедании на этот счет было сказано буквально следующее: «Веруем в Господа Иисуса Христа, Сына Божия, прежде всех веков от Бога Отца рожденного, Бога Слово, через Которого все сотворено на небесах и на земле, Который сошел и воплотился…» и т. д.)

Константин остался вполне удовлетворен вероисповеданием Ария и отправил его в Александрию, чтобы он примирился с архиепископом Афанасием и получил от него разрешение вернуться к церковному общению. Но искушенного в богословских спорах Афанасия обмануть было намного сложнее. Он не принял ересиарха и отвращался от Ария, как от скверны. Константин сильно досадовал за это на Афанасия и писал ему суровые послания. Воспользовавшись нерасположением императора, ариане удвоили свои усилия. Вскоре вернулся на свою кафедру Евсевий Никомедийский. Зато в 330 г был низложен православный архиепископ антиохийский Евстафий. Его кафедра перешла к арианам. В 335 г. ариане на Иерусалимском соборе одержали еще одну важную победу, добившись отлучения от церкви Афанасия Александрийского. Для того чтобы окончательно вернуть свое влияние, арианам не хватало теперь только снятия церковного отлучения со своего ересиарха. С этой целью с разных сторон обхаживали императора. Стареющий Константин в конце концов поддался внушениям.

Он вызвал в 336 г. Ария из Александрии в свою новую столицу Константинополь и прямо спросил его: признает ли он никейский символ. Арий отвечал, что признает.

Император велел ему поклясться, и ересиарх, не задумываясь, дал клятву.

Церковный историк Сократ объясняет эту уступчивость простой софистикой: Арий будто бы написал на бумаге свое исповедание и держал этот листок под мышкой.

Когда он говорил, что «истинно так мыслит, как написано», то имел в виду свое вероисповедание. Как бы то ни было, Константин поверил в обращение еретика и велел константинопольскому епископу Александру принять Ария в церковное общение.

Это известие привело ариан в великую радость, а православных, напротив, в смущение. Им оставалось надеяться единственно на заступничество Божие, и их молитвы в самом деле не остались без ответа. Выйдя из дворца, ересиарх шествовал посредине улицы как триумфатор, в сопровождении многочисленных сторонников. Но вблизи площади Константина он внезапно почувствовал расслабление желудка. Спросив, где здесь поблизости находится отхожее место, он немедленно поспешил туда и, по словам Сократа, «впал в такое изнеможение, что с извержениями тотчас отвалилась у него задняя часть тела, а затем излилось большое количество крови и вышли тонкие внутренности, с кровью же выпали селезенка и печень, и он тут же умер».

Внезапная и во многих отношениях символическая смерть ересиарха не помешала дальнейшему распространению его учения. Этому

способствовало также то, что все наследовавшие Константину императоры, вплоть до Феодосия Великого, в той или иной степени поддерживали ариан. Их глава Евсевий Никомедийский стал в 338 г. епископом константинопольским, и с этого времени более чем на сорок лет все столичные церкви перешли в руки ариан. Для православных наступили трудные дни.

Дело их стало налаживаться только в 378 г., после смерти императора Валента.

С трудом побежденное на Востоке, арианство еще несколько веков удерживалось на Западе. Многие варвары, принявшие христианство во второй половине IV в., приняли и господствовавшее тогда арианское вероисповедание. Таким образом, арианство широко распространилось среди германцев и потом на некоторое время утвердилось в Западной Европе. Первыми его восприняли вестготы, под власть которых в 419 г. перешла Испания. Они исповедовали арианство сто пятьдесят лет и перешли в католичество только в конце VI в. Арианами были остготы, завоевавшие в 493 г. Италию. В 568 г. на смену им пришли лангобарды, также на протяжении всей своей истории бывшие арианами. Завоевавшие в 429 г. Африку вандалы были воинствующими арианами и жестоко преследовали православие. Франки, овладевшие Северной Галлией, также поначалу исповедовали арианство. Однако, в 496 г. король Хлодвиг принял крещение от реймского епископа Ремигия, после чего среди франков быстро утвердилось католичество. Когда в VII–VIII вв. франки распространили свою власть на Галлию, Италию и Германию, арианство повсюду уступило место католичеству.

Св. Григорий Богослов

Григорий Богослов — один из наиболее чтимых отцов церкви — происходил из малоазийского города Назианза, в римской провинции Южная Каппадокия. Родился он в 329 г. и воспитывался по христианским обычаям, так как родители его были христиане. С ранних лет он отличался рассудительностью, бодростью духа и усердием в учении. Детские игры, пустые забавы и всякого рода зрелища его не занимали. Он был пылок, впечатлителен, — и вместе с тем упорен и тверд в достижении поставленных целей.

По тогдашнему обычаю годы учения юноши из состоятельной семьи бывали годами странствия. Григорий не являлся исключением. По окончании назианзской школы, он отправился обучаться красноречию сначала в Кесарию Палестинскую, потом — в Александрию Египетскую и, наконец, в 351 г. в Афины. Об афинских годах Григорий всегда вспоминал с радостным волнением — здесь, по его собственным словам, он, «ища познание, приобрел счастье — это была дружба с его соотечественником, уроженцем Каппадокии, Василием (будущим Василием Великим, епископом Кесарийским), самая сладостная и самая жгучая из его жизненных привязанностей. Он писал позже: «Стали мы друг для друга всем, — и товарищами, и сотрапезниками, и родными — имели одну цель, любомудрие, и непрестанно возрастали в пламенной любви друг к друг. У нас все было общее, и одна душа в обоих связывала то, что разделяли

тела». Это был союз доверенности и дружбы. Соблазны «душе-губных Афин» не смущали их, — они знали только два пути: в священные храмы к тамошним наставникам и к учителям наук внешних. «У обоих было одно упражнение — добродетель, и одно усилие — до отшествия отсюда жить для будущего стремясь к знаниям». В Афинах друзья изучали, прежде всего, древнюю литературу, ораторов и историков, основательно ознакомились с греческой философией. С этой поры у Григория навсегда осталась любовь к мудрости. «- Я первый из любителей мудрости, — говорил он о себе, — я никогда не предпочту этому занятию ничего другого».

Около 355 г. Василий уехал в Египет, а Григорий сам принял учительское звание.

Узнав, что его отец сделался в Назианзе епископом, он немедленно отправился на родину и вскоре после этого крестился (в те времена по примеру Иисуса обычно крестились в зрелом возрасте). Произошло это приблизительно в 359 г. Заветной мечтой Григория было тотчас отречься от мира и идти в пустыню, но отец удержал его от этого шага. Насильно рукоположив сына в пресвитеры, он потом хотел посвятить его в епископы, чтобы тот занял его место. «При этом принуждении, — рассказывает Григорий, — так сильно воскорбел я, что забыл все, — друзей, родителей, отечество, род. И как вол, уязвленный слепнем, ушел в Понт, надеясь там в божественном друге найти врачевание от горести». Василий, который в это время также был пресвитером, устроил друга в свой монастырь. Григорий с радостью вспоминал потом время, проведенное вместе с ним в Понте, — в келиях, в бдении, в псалмопении и в научном труде: друзья изучали там Священное Писание и творения Оригена. Счастье это длилось недолго. Узнав в 362 г. о смерти младшего брата, Григорий должен был вернуться в Назианз, чтобы помогать престарелым родителям.

От тихой жизни он был отвлечен гонениями на православие, которые начал новый император Валент, утвердившийся у власти в 364 г.

Как уже говорилось выше, никейский символ веры был принят на I Вселенском соборе фактически единодушно, но многие епископы сделали это лицемерно в страхе перед императором Константином. После его смерти арианские споры вспыхнули с новой силой, причем на Востоке империи — в Сирии, в Азии, Понте и Фракии — ариане составляли заметное большинство. Никейский символ здесь почти не применялся.

Ариане в особенности восставали против включенный в символ по требованию Константина слов о том, что Бог Сын «единосущен» Богу Отцу. Когда политическая обстановка изменилась в их пользу, они поспешили выбросить из символа понятие «единосущия». Поместные соборы 359 г. в Римини и Селевкии вынудили принять заранее составленное при дворе арианское исповедание, утвержденное потом Константинопольским собором 360 г. Оно-то и стало основным исповеданием всех последующих арианских церквей. Даже многие правоверные христиане не принимали слова «единосущный» и предлагали заменить его более мягким «подобосущный».

Но наиболее последовательные из православных богословов понимали, что твердую систему вероисповедания можно построить, только исходя из понятия «единосущный», по которому нужно перестроить весь

логический состав богословия. Вскоре среди них выдвинулся Василий Великий, посвятивший борьбе с арианством всю свою жизнь. Он отчетливо понимал ближайшую цель православия: необходимо было новое провозглашение того же никейского символа веры, но в более точной богословской терминологии. Недоговоренность и неясность никейской формулы состояли в том, что не было общего термина для названия Трех в единстве Божества. И потому единство и нераздельность Божественного бытия оказывались выражены резче и определеннее, нежели Троичность и различия. Для устранения этого недостатка следовало, как уже говорилось в жизнеописании Ария, точнее различить понятия «сущность» и «ипостась», четко сформулировать ипостасные признаки всех Трех Лиц Божества и, таким образом, придать системе троичного богословия законченность и гибкость. Эта задача была осуществлена во второй половине IV в. великими капподокийцами — самим Василием Великим, его младшим братом Григорием Нисским и его другом Григорием Богословом. Василий предложил решение догматических проблем, которые Григорий Богослов отлил в чеканные формы, а Григорий Нисский философски углубил.

Борьба была долгой и очень непростой. В особенности для Григория Богослова, который по своей природе был создан для безмолвия и тихих научных трудов. Между тем, по воле обстоятельств, вся его жизнь прошла среди житейского мятежа, треволнений и смуты. В схватку с арианами он был вовлечен своим другом Василием Великим, который, сделавшись епископом Кесарийским, заставил Григория в 372 г. занять епископскую кафедру в небольшом каппадокийском городке Сасиме. Григорий дал свое согласие с величайшей неохотой.

О Сисиме он писал так: «Место безводное, не произрастающее и былинки, лишенное всех удобств, — селение ужасно скучное и тесное, — там всегда пыль, стук от повозок, слезы, рыдания, собиратели налогов, орудия пытки, цепи, а жители — чужеземцы и бродяги». Впрочем, из-за противодействия соседнего тианского епископа Анфима, исповедовавшего арианство, Григорий так и не попал в Сасим, а поселился в соседнем монастыре, где ухаживал за больными. В 368 г., когда умерла его младшая сестра Горгония, он вновь должен был возвратиться в Назианз, так как у его престарелых родителей не было больше других детей. После смерти отца и матери, которая последовала в 374 г., Григорий некоторое время управлял назианзской паствой, а потом по просьбе Василия Великого стал опекать созданную им богадельню в монастыре Св. Феклы в Селевкии Исаврийской. Там он узнал о поражении и смерти на Дунае арианского императора Валента и о последовавшей вскоре после этого кончине его друга Василия Великого (в 379 г.). Борьба с еретиками легла теперь всецело на плечи Григория. После многих просьб он уступил увещеваниям друзей и отправился в Константинополь — в самый центр арианства, где в доме одного своего родственника открыл небольшую церковь, названную Анастасией (Воскресением). Немногочисленная православная община столицы сплотилась вокруг него.

Время было очень трудное. Григорий так характеризовал его: «Церковь без пастырей, доброе гибнет, злое наружу, — надобно плыть ночью, нигде не светят путеводные огни, Христос спит…». В

Константинополе он, по его собственному выражению, нашел «не паству, но малые следы или остатки паствы, без порядка, без надзора, без точных пределов». Первое время проповедь Григория вызывала смущение. «Сначала город пришел в волнение, — рассказывает он, — восстал против меня, будто бы я вместо единого Бога ввожу многих богов, ибо вовсе не знали они благочестивого учения, не знали, как Единица умопредставляется троично, а Троица — единично». Но потом авторитет Григория для многих сделался непререкаемым. Он всех удивлял глубоким знанием Священного Писания и логикой суждений. Мало-помалу его красноречие, религиозный тон его учения, а также его кроткий и серьезный характер начали оказывать свое действие, так что маленькая Анастасия сделалась неспособной вмещать стекающиеся в нее массы народы. Своими богомудрыми и боговдохновенными речами Григорий ежедневно многих обращал в православную веру.

Обеспокоенные ариане не раз пытались разогнать его прихожан, врывались даже иногда с палками в его церковь. Однако их угрозы не смутили Григория, и он смело продолжал свои проповеди.

В это время он произнес свои знаменитые слова о Троице, ставшие классическим образцом греческого богословия. «Имя Троица, — учил Григорий, — означает не счет вещей неровных, но совокупность равных и равночестных». Но вместе с тем все три ипостаси Божества находятся друг с другом в совершенном единстве. «Не успеваю помыслить об Едином, — говорит он, — как озаряюсь Тремя. Не успеваю разделить Трех, как возношусь к Единому…» Троица в Единице, и Единица в Троице. Каждое из Трех, созерцаемое Само по Себе, есть Бог, — и все Три, созерцаемые вместе, есть также единый Бог. «Един Бог, открывающийся в трех светах: таково чистое естество Троицы…»

Григорий одним из первых попытался описать таинство этого естества: «Бог разделяется неразделимо и сочетается разделено, — потому что Божество есть единое в Трех… как три солнца, заключенные одно в другом — одно растворение света… Нет и невозможно представить в Троице какое-либо сечение или деление, как нет разрыва и деления между солнечным кругом и лучом…» Разъясняя свою мысль, Григорий говорил далее: «У нас один Бог, потому что Божество одно. И к Единому возводятся сущие от Бога, хотя и веруется в Трех; потому что как Один не больше, так и Другой не меньше есть Бог. И один не прежде, и другой не после: Они и хотением не отделяются, и по силе не делятся…»

Совершенное единство внутрибожественной жизни выражается прежде всего в безусловной невременности Божественного бытия. Бог вечен по природе, и мало сказать: «Бог всегда был, есть и будет», лучше сказать: «Он есть». В Божестве и божественной жизни нельзя мыслить или представлять какие бы то ни было изменения. Бытие Отца и рождение Сына совпадают, но совпадают неслиянно.

Рождение Слова (Логоса) и исхождение Духа нужно мыслить «прежде всякого когда».

Однако, если Сын и Дух «безначальны в отношении времени», они не безначальны в отношении к Отцу. «Ибо Они — от Отца, хотя и не после Отца». В Троице ничего не возникает и ничего не становится, так как Божество есть законченная полнота.

Совершенное и непреложное единство божественного бытия определяет единосущие Троических ипостасей. Все, что имеет Отец, принадлежит Сыну; и все, что принадлежит Сыну, — принадлежит Отцу, так что «ничего нет собственного, потому что все общее, и само бытие у Них общее».

Но в единстве Божества не исчезает различие ипостасей. Личные свойства Трех непреложны, хотя различия их лежат «в одной и той же сущности». Смысл понятия «ипостась» у Григория сливается с понятием «особенность» и «лицо». Главные свойства каждой ипостаси такие: у Отца — порождать, у Сына — рождение, у Духа — исхождение. Однако Григорий сразу предостерегает от расследования точного смысла этих определений по аналогии с их употреблением в области тварной. Ответы на вопросы: «Как рождается Сын? Как исходит Дух?» — лежат за пределами умопостигаемого. «Не допытывайся знать, — говорит он, — каков образ рождения; слышишь, что Дух исходит от Отца, — не любопытствуй знать, как исходит».

О процессе творения и о месте в этом мире человека Григорий говорил так: Бог есть Великий Ум, «постигаемый только напряжением ума». От века, «царствуя в пустыне веков», Мирородный Ум рассматривает в Своих великих умопредставлениях Им же составленные прообразы впоследствии возникающего мира. Бог начертывает или «измышляет» «образы» мира, сперва небесного и ангельского, потом мира вещественного и земного. И «мысль становится делом», которое исполнено Словом.

Сначала возникает мир ангельский — первое творение, сродное Богу по своему духовному естеству. Затем Бог создает мир вещественный, в котором творит человека Человек поставлен на грани двух миров и, тем самым, в средоточии всего мира. В нем дух — «струя невидимого Божества», «дыхание Божие» или «Божественная частица». Отсюда сверхчувственные и сверхземные цели человеческой жизни — как «новый ангел», поставленный на земле, человек должен взойти на небо, призван стать богом по усыновлению, исполниться высшего света, «уподобиться Богу». Это уподобление совершается прежде всего через таинства Цель тайнодействий в том и состоит, чтобы «окрылить душу», «исхитить ее из мира» и передать Богу. Человек есть творение, но имеет повеление стать богом. И путь обожения есть путь очищения. Это прежде всего путь отрешения от чувственного мира, от материи. Для Григория истинная жизнь есть умирание, — умирание для этого мира, в котором невозможна полнота Богоподобия.

Под обожением Григорий понимал не превращение естества, но всецелую причастность, сопроникнутость Божеством. Обожение возможно не столько по богообразности человека, сколько через «человечность Бога». С этой точки зрения Григорий рассматривает догмат о соединении «двух естеств» в Иисусе Христе. О чуде рождения Христа он писал: «Я провозглашу силу дня: Бесплотный воплощается, Слово отвердевает, Невидимый становится зримым, Неосязаемый осязается, Безлетный начинается, Сын Божий становится Сыном человеческим». Во Христе «естество человеческое приобщилось всецело Бога», а Бог всецело воспринял человеческое естество, но при этом каждый сохранил свою

сущность и свойства. (Так в раскаленном куске железа металл соединяется с огнем.) Григорий отчетливо разделял в Христе оба естества — «естество, которое подлежит страданию» и «естество неизменяемое, которое выше страданий».

Человеческое естество в Богочеловеке обожено, как начаток — ибо это человечество Бога. И в силу «сраствореня» двух начал имена Бога и человека становятся взаимно переносимы. Поэтому Григорий делал акцент на страдании и смерти Бога. Он неоднократно указывал, что в Христе произошло именно «вочеловечивание» Бога, а не Его «воплощение». Последнее понятие он отвергал как неполное, ибо оно допускало толкование в том духе, что в Христе человеческая природа могла быть как бы подменена и подчинена Божественной. Оно и понятно — в этом случае выходило, что Иисус лишь по плоти был человеком, а этого, конечно, недостаточно. «Если в Нем лишь одна плоть без ума, то я обманут, — восклицает Григорий, — кожа моя, но чья же душа?» Само по себе такое заблуждение возможно лишь при механическом разложении человеческой природы на части, когда в нем по отдельности рассматривают тело, душу и дух. Но Григорий никогда не соглашался на такое толкование и настаивал на неразложимости человеческой природы. «Божество с одной только плотью еще не человек», — говорил он. А раз так, то и искупление человечества Христом не могло быть полным. «Ибо невоспринятое не уврачевано, но что соединилось с Богом, то спасено, — учил Григорий. — Если Адам пал одной половиной, то воспринята и спасена только половина. Но если пал всецело, то со всецелым Воскресением соединился и всецело спасается».

Высшее благо и высший дар Божий человечеству — Его крестная смерть. Христос приемлет на Себя весь грех человеческий и потому страждет «изображая в Себе нас». Это не просто замещение, то есть не страдание «вместо нас», а именно страдание «с нами» — сострадание, сожертва. Но возникает вопрос: кому и для чего принесена эта жертва? Неужели только одному лукавому, во власти которого находится падшее человечество? Можно ли с этим согласиться? Григорий говорит: «Разбойник получает цену искупления, получает не только от Бога, но и Самого Бога, за свое мучительство берет такую безмерную плату, что за нее справедливо было пощадить и нас». Признать это невозможно. Значит, крестная жертва нужна была по каким-то другим, высшим причинам Самому Отцу. И в самом деле — Распятие есть не только (и даже не столько) выкуп, это есть жертва, благоприятная Богу. В смерти и Воскресении Спасителя произошло возрождение падшего человечества. Через падение Адама плоть отяжелела и стала трупом, а душа «трупоносицей». Через крестное пролитие крови она очищается от повреждений грехопадения и обретает ту первозданную чистоту, которую имела в день творения. Другими словами, на кресте как бы восстанавливается первозданная чистота человеческой природы. «Мы возымели, — говорит Григорий, — нужду в Боге воплотившемся и умершем, чтобы нам ожить… Немногие капли крови воссоздают целый мир, и для всех людей делаются тем же, чем бывает закваска для молока, собирая и связуя нас воедино». Христос воспринял все человеческое, «все, что проникла смерть» — и смертью разрушил смерть. Дарованное во Христе

спасение и обожение дано для всех, кто соединяется с Ним через священное таинство и через подвиг восхождения.

Таково было учение Григория, снискавшее ему известность в столице и во всем христианском мире. Благодаря ему православная партия значительно усилила свои позиции в столице. Вскоре она получила поддержку со стороны светской власти. В ноябре 380 г., после удачной войны с готами, в Константинополь вступил император Феодосий I, откровенно не жаловавший ариан. Призвав к себе столичного епископа Демофила, убежденного арианина, император предложил ему на выбор — отступиться от ереси или уйти с престола. Демофил предпочел второе. После его удаления храм Св. Софии и другие столичные церкви, сорок лет находившиеся в руках ариан, были переданы православным. Затем Феодосии решил уврачевать церковь тем же лекарством, каким это сделал Константин — созвать Вселенский собор с тем, чтобы он окончательно разрешил все спорные вопросы вероисповедания. Этому же собранию было предоставлено право избрать главу константинопольской епархии.

Второй Вселенский собор открылся в 381 г в Константинополе. Председательствовал на нем поначалу антиохийский архиепископ Мелетий. При его поддержке, а также по просьбе императора Григорий Богослов был избран константинопольским архиепископом, но оставался в этом звании недолго. Мелетий вскоре умер, и сразу возникли споры о том, кому должна перейти его кафедра (в Антиохии в годы церковной смуты оказались рукоположены три епископа — Мелетий, Павлин и аполлинарист Виталий. С приходом к власти Феодосия, главой антиохийской церкви был признан Мелетий). Григорий настоятельно советовал возвести в архиепископы Павлина, которого поддерживали и выдвигали западные епископы. Но восточные епископы категорически возражали против этого. На место Мелетия был посвящен Флавиан. По разрешении этой проблемы, египетские епископы (прибывшие на собор с опозданием) подняли вопрос о том, что Григорий не может быть епископом в Константинополе, так как он уже поставлен епископом в Сасиме (одно из правил, принятое на Никейском соборе, запрещало перевод епископов из одной епархии в другую). Хотя это возражение можно было легко оспорить, Григорий, расстроенный тем, как решилось антиохийское дело, сам заявил о своем уходе. Отречение его было немедленно принято епископами и с большой неохотой императором.

По удалении Григория епископы перешли к догматическим вопросам. Поскольку православие окончательно восторжествовало к этому времени над арианством и другими ересями, споры не могли быть особенно бурными. Символ веры, принятый Константинопольским собором, в основном следовал Никейскому, разъясняя и уточняя его. Так, например, вместо слов «и в единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единородного, рожденного от Отца, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, свет от света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, через Которого все произошло, как на небе, так и на земле», в константинопольском символе читаем: «… и в единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия Единородного, рожденного от Отца прежде всех веков, свет от света, бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, через Которого все

произошло». Гораздо подробнее в константинопольском символе было изложено учение о третьем лице троицы — Св. Духе. Вместо лаконичного догмата Никейского собора (веруем) «и в Духа Святого» читаем: «И в Духа Святого, Господа, животворящего, от Отца исходящего, со Отцом и Сыном спокланяемого и славимого, глаголящего через пророков». Этим учением о Троице завершился первый период развития православной догматики.

Оставив столицу, Григорий отправился в свою родную Каппадокию. Он вернулся на родину усталым, разбитым физически и морально, с тяжелыми воспоминаниями в надежде на отдых и уединение. Вместо этого ему пришлось принять на себя управление все еще вдовствующей Назианзской церковью. Только поставив в Назианзе епископом пресвитера Евлагия, он удалился на покой в деревню Арианз. Здесь он и умер в январе 389 г. До самой смерти он ходил босяком, спал на голой земле, подложив под себя только ветки, и никогда не зажигал в доме огня. Пищей для него служили хлеб, соль и огородные овощи, питьем — вода с уксусом.

Литературное наследие Григория, хотя и не очень велико, чрезвычайно ценно и имеет огромное значение в истории богословия. Все без исключения произведения Григория пользовались после его смерти широчайшей известностью и безусловным авторитетом. В последующие века его толковали и объясняли более чем кого-либо другого из отцов церкви. По своему призванию Григорий был не столько писателем, сколько гениальным оратором (недаром его называли «христианскимДемосфеном»).

Его беседы составляют основную часть его трудов. Всего их сохранилось 45, и большинство относится к константинопольским годам. Другой разряд творений Григория — это его поэмы. Они собраны в двух книгах: поэмы богословские и поэмы исторические. Кроме этих творений сохранилось 243 его письма, часть которых посвящена догматическим вопросам.

Св. Иоанн Златоуст

Великий христианский проповедник Иоанн, прозванный за свое необыкновенное красноречие Злотоустым, родился около 347 г. в Антиохии Сириской. Родители его принадлежали к лучшему антиохийскому обществу и исповедовали христианскую веру. Отец Иоанна — римский военачальник — умер, когда сын его был еще малолетним ребенком. Все заботы о воспитании мальчика легли на его мать, благочестивую Афусу. Именно она дала Иоанну первые уроки в христианских истинах и благочестии. Получив начальное образование дома, Иоанн затем продолжал его у известного ритора Ливания и философа Андрагафия. Священное Писание он изучал у пресвитера Диодора.

Около 365 г. Иоанн для завершения образования ездил в Афины. По возвращении домой, он, презирая мирскую суету, решил сделаться монахом, но был удержан матерью. Оставшись по ее просьбе дома, Иоанн все же не вернулся к светской жизни: стал носить убогие одежды и вести отшельническую жизнь. Все время его было посвящено молитве и изучению Слова Божия. Вскоре он сблизился с антиохийским архиепископом Мелетием, который крестил его и поставил церковным чтецом. В этой должности Иоанн пробыл три года. Но едва его мать умерла

(это случилось в 374 или 375 г.), он роздал все свое имущество нищим, отпустил на свободу рабов и поселился в монастыре неподалеку от Антиохии. Тогда же он написал свои первые труды: «О сокрушении сердечном» и два «Послания к падшему монаху Феодору».

Пробыв в монастыре четыре года и желая еще большего уединения, Иоанн тайно удалился из него в пустыню, нашел там пещеру и прожил в ней два года в полном одиночестве. Наконец, истомленный многими трудами, он тяжело заболел и уже не мог сам заботиться о себе. Пришлось оставить отшельничество и вернуться в Антиохию. Архиепископ Мелетий с радостью принял его и повелел проживать вместе с ним. Вскоре он рукоположил Иоанна в диаконы. За время своего диаконства в следующие шесть лет Иоанн написал свои «Рассуждения о девстве», «Утешение вдове» и апологию «Против Юлиана». Особенное значение имело его рассуждение «О священстве», которое и по сей день является руководством при исполнении пастырского долга. В 380 г. Мелетий отправился в Константинополь на второй Вселенский собор и вскоре умер. Иоанн опять удалился в свой монастырь и прожил там три года.

Новый антиохийский архиепископ Флавиан вызвал его из уединения, посвятил в 386 г. в пресвитеры и поставил проповедником в старом соборе Палее. Тогда впервые открылся прихожанам дар Иоаннова красноречия — ясного, изысканного, простого и удивительно приспособленного к потребностям времени. В короткий срок он сделался очень популярным в своем городе и, поучая народ, произносил свои проповеди по несколько раз в неделю, а иногда даже каждый день. Бывало и так, что он, сказав проповедь в какой-нибудь из церквей, шел затем в соборный храм и по поручению архиепископа вновь обращался к народу с поучением. Часто он проповедовал изустно, без книги и без тетради, чему дивились все антиохийцы, так как ничего подобного прежде не бывало. Его речь всегда была отчетливой и плавной, многочисленные пояснения разнообразны и удачны. Он был таким сладкоглаголивым оратором и любимым для всех учителем, что в городе не было ни одного, кто не желал бы слушать его беседы. Когда становилось известно, что Иоанн должен говорить проповедь, народ валом валил в церковь. Городские правители и судьи оставляли свои занятия, купцы — свою торговлю, ремесленники — свои дела.

Скорописцы записывали на слух проповеди Иоанна, а потом передавали другим, читали их за трапезами и на площадях. Его именовали «сладкоглаголивым» и «медоточивым», но потом за ним закрепилось прозвание Златоустого, под которым он и вошел в историю церкви.

Красота речи сочеталась у Иоанна с поразительной глубиной и ясностью содержания.

Значение его как отца церкви и вероучителя состоит в том, что он богословски осмыслил и раскрыл полноту христианской жизни. Ему позволило сделать это не только глубокое знание Священного Писания, но и собственный опыт отшельничества.

И хотя он был одним из самых страстных проповедников аскетизма, в мир он вернулся не для того, чтобы призывать к уходу из суетного мира, из городов.

Златоуст стремился жизнь самих городов перестроить и преобразовать на евангельских началах. «Я часто молил, — говорит Иоанн, — чтоб миновала нужда в монастырях и настал в городах такой добрый порядок, чтобы никому никогда не нужно было убегать в пустыню». В этих словах весь пафос его дальнейшей жизни.

Ради этого стал он пастырем и проповедником.

Священническое служение, как это видно из его знаменитой книги «О священстве», он почитал за самое важное и возвышенное из всех человеческих призваний. Он писал: «Священное служение происходит на этой земле, но занимает место среди властей небесных». Священник — это учитель, наставник, проповедник, пастырь душ.

Он стоит даже выше монаха, ибо в пастырском служении больше любви, чем в монастырском уединении, и пастырство есть служение деятельной любви, служение ближним. «То именно и извратило всю Вселенную, — пишет Иоанн, — что мы думаем, будто только монашествующим нужна более строгая жизнь, а прочим можно жить беспечно». Отношения пастыря с паствой особые. Вся его власть — в силе убеждений. Пастырь не принуждает, он обращается к свободе и воле человека. Иоанн высоко ставил это положение, ибо весь смысл христианской жизни состоял для него в том, что она должна проходить в свободе. Сам Бог, указывал он, действует убеждением, а не принуждением, и пастырь должен подражать этому божественному примеру. Поэтому Златоуст был категорическим противником внешних и мирских мер в делах веры и нравов. Он говорил: «Христианам в особенности запрещается исправлять впадающих в грех насилием. Наша война не живых делает мертвыми, но мертвых живыми, ибо полна кротости и смирения… Так и Христос побеждал распятый, а не распиная, не ударами, но приняв удары». Как пастырь и пресвитер Иоанн был прежде всего проповедником. Он никогда не говорил на отвлеченные темы.

Его беседы всегда были жизненны и живы, и обращены они были к живым людям. Заканчивались они всегда волевыми выводами и практическими призывами, а учили прежде всего любви. Все свои проповеди Иоанн связывал с толкованием Священного Писания. Именно оно было для него постоянным источником вероучения и нравственного назидания. «Кто согласен с Писанием, тот христианин, — говорил он, — а кто не согласен, тот далек от истины». Всех и каждого Златоуст! постоянно и настойчиво призывал к чтению Библии: «Не ожидай другого учителя. Есть у тебя Слово Божие, — никто не научит тебя, как оно…».

Слава Иоанна вскоре переступила границы Сирии и достигла столицы. О нем узнали и заговорили при дворе, и это привело к значительным переменам в его судьбе. В 397 г., после смерти константинопольского архиепископа Нектария, долго не могли найти человека на его место. Наконец император Аркадий остановил свой выбор на Иоанне и велел антиохийскому архиепископу отпустить его в столицу.

Встречали его с великой честью — народ уже на подъезде к Константинополю, а вельможи и иерархи — в воротах. В феврале 398 г. при всеобщем ликовании Иоанн Златоуст был торжественного возведен на архиепископский престол. Однако, как показали дальнейшие события, избиратели Иоанна сильно ошиблись в его кандидатуре, ибо не поняли его

страстной и горячей натуры, они желали иметь в нем красивую декорацию, красноречивого придворного проповедника для торжественных дней, но неожиданно для себя встретили настоящего пастыря.

Приняв церковное управление в столице, Иоанн ни сколько не изменил прежних простых привычек, соблюдал воздержание во всем, спал мало, на пиршества и угощения не ходил, а все свободное время отдавал литературным трудам. Наследие Златоуста громадно. До нас дошло 1447 его больших и малых творений, не считая 244 писем. Больше всего осталось после него церковных бесед и проповедей.

Последние поражают своей страстностью, глубиной мысли и разнообразием содержания — в них предлагаются наставления почти о всех частных предметах христианской деятельности. Во все годы своего служения Иоанн продолжал объяснять в беседах Священное Писание. Каждая из таких его бесед состоит из двух частей: в одной он толкует тексты Слова Божия, в другой рассуждает о нравственном состоянии своих слушателей и предлагает нравственные наставления. Среди его толкований Нового Завета самое первое место занимают антиохийские беседы о Евангелии от Матфея и беседы о послании апостола Павла к римлянам. Собственно догматических объяснений после Иоанна осталось немного. Но хотя Златоуст не был толкователем догматов в прямом смысле этого слова, все же нельзя называть его только учителем нравственности, а не учителем веры, так как свой нравственный идеал он выводил из догматических предпосылок. Однако ревновал он большей частью не об опровержении неправильной веры, но о том, чтобы нареченные христиане поняли, что истины веры — это заповеди жизни, которые должны раскрываться и осуществляться не где-нибудь, а в обыденном, повседневном человеческом существовании. Ибо только чистота жизни свидетельствует о чистоте веры.

Сделавшись архиепископом, Иоанн продолжал проповедовать. Красноречие, завоевавшее ему восторженную любовь в Антиохии, было не менее блестящим в Константинополе, и народные массы столицы толпами стекались на его проповеди.

Живое общение с паствой было для Златоуста жизненной необходимостью. Он говорил о себе: «Я убедил душу свою исполнять служение проповедника и творить заповеди, доколе буду дышать и Богу будет угодно продлить эту мою жизнь — будет ли кто меня слушать или не будет». Церковный историк Созомен сообщает, что архиепископ имел обыкновение садиться среди народа на амвоне чтеца, а слушатели теснились вокруг него. Слово Иоанна было обращено непосредственно к ним. Это были скорее беседы, чем речи. Они касались разных тем, но особенно важны были в то время для Златоуста задачи нравственного перевоспитания общества и народа. Его поразила жизнь столицы — праздная, роскошная и суетливая, очень Далекая от евангельской чистоты. Временами у Иоанна возникало впечатление, что он проповедует людям, для которых христианство стало лишь модной одеждой. Молчаливое снижение идеалов раннего христианства не только среди мирян, но и в клире, смущало и даже пугало его. Кругом себя он видел только обреченных на погибель — сено для адского огня. «Из числа столь многих тысяч, — говорил он, — нельзя найти больше ста спасаемых, да и в этом

сомневаюсь».

Мириться с этим Иоанн не собирался. Против общего упадка христианской нравственности он считал себя обязанным бороться не только словом обличения, но и делом. Приняв власть, Златоуст стал ревностно искоренять в людях всякого звания худые обычаи, нечистоту, зависть, неправду и всякое небогоугодное дело. В особенности беспощаден он был к проступкам духовенства. В константинопольском клире было много лиц, не соответствовавших высоким представлениям Иоанна о священстве и раздражавших его своими недостатками. Он не скрывал к ним своего нерасположения и почти что в глаза называл их людьми негодными, стоящими три медных гроша. Церковный историк Сократ пишет, что Иоанн, сделавшись архиепископом, стал очень сурово обходиться с подвластными ему клириками, стараясь исправить их жизнь. Многих за разные проступки он отлучил от церкви.

Некоторые восточные епископы, которые приобрели свои должности за деньги, были низложены.

В отношениях со светской властью Златоуст был не намного дипломатичнее. Не взирая на звания и лица, он сурово порицал во время проповеди всех, в ком открывал пороки. Все это было для столичных сановников в новинку. Предшественник Иоанна Нектарий являлся по сути светским человеком, он умел ловко лавировать между партиями и потому был удобен для двора. Совсем другим был Иоанн. Заняв место Нектария, он распродал дорогие ковры и прекрасную мебель своего предшественника, а вырученные деньги потратил на основание госпиталей. Никаких светских знакомств он не имел, в гости не ездил и у себя гостей не принимал.

Поэтому его стали обвинять в гордости, угрюмости и скаредности. Другие находили его чрезмерно резким и властным.

Свои упреки Златоуст простирал даже на императорский двор. Так он неоднократно публично порицал императрицу Евдоксию. Императрица, также отличавшаяся горячим нравом, велела передать Иоанну: «Перестань противиться нам и не касайся наших царских дел, ибо мы не касаемся церковных дел, но представляем тебе самому устраивать их. Перестань выставлять меня притчею для всех, говоря обо мне и обличая меня. До сих пор я считала тебя за отца и воздавала тебе подобающий почет; но если отныне ты не исправишься и не станешь лучше относиться ко мне, я не потерплю тебя более». Иоанн отвечал посланным «Царица желает, чтобы я походил на мертвого, не замечал совершаемых несправедливостей, не слушал голоса обижаемых, плачущих и вздыхающих, не говорил обличений против согрешающих; но так как я епископ и мне вручено попечение о душах, то я должен на все смотреть недремлющим оком, выслушивать просьбы всех, всех учить, наставлять и обличать.

Пусть царица гневается как хочет, а я не перестану говорить правду. Ведь для меня лучше прогневать людей, чем Бога».

Враги Иоанна ждали только повода, чтобы обвинить его в каком-нибудь преступлении, и повод этот вскоре представился. Несколько иноков, отлученных от церкви александрийским архиепископом Феофилом, приехали в Константинополь к Иоанну с просьбой о помощи. Иоанн разрешил им посещать церковь, хотя и не допустил к причастию вплоть до

выяснения причин их отлучения. Когда известие об этом дошло до Александрии, Феофил обвинил Златоуста в нарушении одного из правил первого Вселенского собора (запрещавшего допускать к общению отлученного кем-либо из епископов). Чтобы разобрать эту жалобу, император Аркадий велел созвать церковный собор. Как раз в это время Иоанн окончательно рассорился с Евдоксией.

Причиной ссоры послужило следующее происшествие: императрица присвоила себе виноградник, принадлежавший какой-то вдове; Иоанн в наказание не допустил Евдоксию в церковь во время праздника Воздвижения Честного Креста. После этого публичного унижения императрица приложила все силы для того, чтобы низложить Иоанна. Тяжба с александрийским архиепископом пришлась для нее очень кстати. Столичная знать и клир были на ее стороне, и суровому пастырю припомнили все его обиды. Против Златоуста был составлен длинный список обвинений, большей частью ложных или грубо преувеличенных. Слабовольный Аркадий, находившийся под сильным влиянием жены, изменил свое прежнее благосклонное отношение к архиепископу и перестал его поддерживать. Тем временем Евдоксии и Феофилу удалось найти двух низложенных Златоустом диаконов, которые согласились лжесвидетельствовать против него. С помощью всех этих мер Иоанн был осужден собором епископов, проходившем в Халкидоне, лишен сана и кафедры. Его должны были отправить в изгнание, но в тот же день в городе произошло землетрясение. Встревоженный этим знамением Аркадий велел ввернуть Златоуста (который пробыл в изгнании всего сутки) и восстановить на престоле. Впрочем, к примирению это не привело. Спустя два месяца Иоанн произнес очередную обличающую императрицу проповедь. Намекая на Иродиаду, жену Ирода (по требованию которой был обезглавлен Иоанн Креститель), он провозгласил: «Еще живо потомство Иезавели Еще Иродиада беснуется. Она пляшет, она требует головы Иоанна. Все стремится к нечестию. Эта плотская женщина нападает на дух.

Она предается наслаждению бань и благовоний; она обнимается со своим мужем, она ведет войну с церковью чистою и непорочною». Евдоксия была в ярости. Ее усилиями был созван новый собор епископов, который уже окончательно низложил Златоуста, выставив в качестве формального обвинения тот факт, что он, будучи низверженным, дерзнул занять, вопреки правилам, святительский престол до нового собора. Произошло это в 404 г.

Аркадий определил сначала сослать опального архиепископа в Кукуз, находившийся в Малой Армении. Здесь Иоанн прожил около трех лет. В 407 г. было приказано отправить его еще дальше — в Пифиунт на берегу Черного моря (в нынешней Абхазии) — место уединенное и дикое. По дороге туда Златоуст претерпел от воинов множество унижений и мучений. Солдаты сажали его на неоседланного осла и гнали с невероятной поспешностью, делая в один день такие переходы, на которые следовало затратить два или даже три дня. В пути Иоанну не давали ни покоя, ни отдыха, ругали, оскорбляли его и морили голодом. Не выдержав тяжести пути, он занемог и вскоре умер, так и не добравшись до Пифиунта.

Но мученическая кончина только прибавило Златоусту славы. После смерти Аркадия и Евдоксии его мощи с великим почетом были перевезены

в Константинополь. Труды Иоанна благоговейно изучались и переписывались. Влияние его проповедей на последующие поколения христиан было громадно. Уже ближайшие потомки стали воспринимать Златоуста как «вселенского Учителя и святителя», а его толкования Священного Писания сделались непревзойденным образцом для всех последующих толкователей, на каких бы языках они ни писали. Но значение его личности оценивается не только достоинством его сочинений. Он был на редкость цельным человеком, и вся жизнь Златоуста, по словам Флоровского, являлась как бы евангельским судом над современностью, над тем мнимым воцерковлением жизни, в котором слишком многие находили преждевременное успокоение.

Блаженный Иероним

Иероним — один из авторитетнейших отцов Западной церкви — был родом из Далмации. (Его родной город Стридон еще при его жизни около 378 г. разрушили готы).

Родился он между 340 и 342 гг. в семье благородного происхождения, принадлежавшей, как можно предполагать, к классу богатых откупщиков. Родители его были христианами и дали своему старшему сыну строгое христианское воспитание. «Я вскормлен, — говорил впоследствии о себе Иероним, — на католическом молоке с самой своей колыбели и был тем более предан церкви, что никогда не был еретиком». Начальное образование он получил дома, а для его завершения отправился в Рим. Этот большой город встретил провинциального юношу множеством искушений, и позже Иероним со стыдом признавался, что «во время скользкого странствования своей юности» вел в Риме нечистую жизнь. Но постепенно он преодолел все соблазны и, по-видимому, завершил свое образование крещением.

Из Рима Иероним отправился со своим другом Бонзом в путешествие по Рейну и Галлии. Примерно в это же время произошло и его «обращение» — душевный перелом, сделавший из светского щеголя монаха, аскета и учителя церкви. Так, по крайней мере, можно истолковать собственные слова Иеронима: «Ты сам ведаешь, Господи… как после учения в Риме, на полуварварских берегах Рейна, когда мы с ним (Бонзом) делили пищу и кров, я первый восхотел чтить Тебя». С этого времени Иероним всецело посвятил себя аскетическим подвигам, молитве и духовным делам.

Какое-то время он еще прожил в Риме, много времени проводя в Аквилее (где его друзья образовали небольшой полумонашеский кружок), но потом решил отправиться в сирийскую пустыню и отшельничеством очиститься от грехов юности. Его отъезд из столицы был для многих неожиданным, так что появились даже слухи о его бегстве или ссылке. Но сам Иероним в письме к римскому архиепископу Дамасу писал: «И не думай, что это был чей-нибудь приговор относительно меня (жить в пустыне), я сам решил сделать то, чего заслуживал».

О своем путешествии по Фракии и Малой Азии Иероним писал своему приятелю Руфину: «После того, когда от сердца твоего оторвал меня внезапный вихрь, когда прилепившегося к тебе любовью отторгла

жестокая разлука, «вот надо мною дожди и бурное море повсюду, море и свод небес…». Когда Фракия, Понт, Вифиния, весь путь по Галатии и Каппадокии и земля киликийская истомили меня палящим зноем, Сирия, наконец, явилась мне как надежнейшая гавань для потерпевшегокрушение.

Здесь я испытал всякого рода болезни, какие только могут быть…» Из четырех спутников Иеронима двое умерли в Антиохии, двое других пали духом и вернулись в Венецию. Сам Иероним тоже долго был болен, но не изменил своих намерений.

По выздоровлении, около 374 г., изучив греческий язык, он поселился в Халкидской пустыне, где провел пять лет в суровом отшельничестве и ученых занятиях. В это время он писал принесшее ему широкую известность житие египетского отшельника Павла и свой комментарий к книге пророка Авдия. Чтобы преуспеть в последнем начинании, ему пришлось изучить еврейский язык. Он дался ему нелегко. «Какого это мне стоило труда, — вспоминал позже Иероним, — сколько я преодолел затруднений, сколько раз отчаивался, бросал, начинал снова… но, благодаря Бога, теперь я пожинаю сладкий плод горьких семян науки…» И в самом деле, свободное владение тремя языками — еврейским, латинским и греческим — сразу выделило Иеронима среди тогдашних церковных авторитетов Запада, потому что среди них подобная филологическая осведомленность была редчайшим явлением. Тогда же он перевел с греческого на латинский язык (внеся в нее обширные дополнения) историческую хронику Евсевия Памфила по всемирной истории, которая по сей день имеет большое значение при изучении древности.

Жизнь Иеронима в Халкиде не была только кабинетным затворничеством ученого.

Приходилось много работать физически. Он писал в одном из писем: «Ежедневно руками своими и собственным потом стяжаем пропитание себе, помня написанное апостолом: «Кто не работает, пусть не ест»». Но отшельничество все равно доставляло ему величайшее духовное наслаждение. В «Письме к монаху Илиодору» Иероним создал целый гимн пустыне: «О пустыня, зацветающая цветами Христа! О, уединение, где родятся те камни, из которых строится в Апокалипсисе град великого царя! О безлюдье, веселящееся присутствием Господа». Эти письма имели большой успех в Италии и принесли Иерониму первую литературную славу. Впрочем, и ему монашеская жизнь давалась не без труда. В одном из писем он поведал, как трудно было обуздывать ему свою плоть: «И вот я, тот, кто ради страха геенны обрек себя этой тюрьме, я, член общества диких зверей и скорпионов, — часто в мечтах присутствовал в хороводе дев. Лицо было бледно от постов, а ум кипел желаниями; в охлажденном теле и в плоти, умершей еще раньше самого человека, бушевал пожар страстей…»

Конец монашеской жизни Иеронима положила церковная смута, переживаемая в то время Сирией. Здесь шла упорная борьба между православными и арианами, и в Антиохии были рукоположены сразу три архиепископа: Павлин, Мелетий и Виталий.

Раздоры проникли даже в халкидонское уединение. Иероним жаловался в письме к папе Дамасу: «Неутишимый враг последовал за мной в пустыню, так что теперь я в уединенной жизни выношу борьбу еще

худшую, чем до поселения в пустыне. С одной стороны, ярится арианское безумство, поддерживаемое охранителями мира. С другой стороны, церковь в Антиохии, разделенная на три партии, стремится захватить и меня в себя». А пресвитеру Марку он писал: «Зачем они называют меня еретиком, когда я соглашаюсь с Западом и Египтом?.. Мне не уступлено ни единого уголка в пустыне. Меня ежедневно спрашивают о моей вере, как будто я вновь родился без веры. Я исповедую, как они желают, — это не нравится им; я подписываю — они не верят мне. У них одно только желание — отделаться от меня. Я готов уйти».

И действительно, вскоре Иероним удалился из пустыни в Антиохию и присоединился к общине Павлина. Последний рукоположил его в пресвитеры. Однако и здесь Иероним пробыл недолго. В 380 г. он уже был в Константинополе, где Григорий Богослов руководил им при изучении Священного Писания. Григорий был большим поклонником Оригена. Иероним тоже примкнул к его школе и принялся переводить на латынь творения знаменитого александрийца.

Из Константинополя он отправился в Рим. Тамошний архиепископ Дамас был известен своей любознательностью к трудным в толковании местам Писания. Никто, лучше Иеронима, сведущего в языках и знакомого с трудами древних и современных толкователей, не был способен просветить его по этой части. Убедившись в глубоких познаниях Иеронима, архиепископ предложил ему стать своим секретарем и заняться давно уже назревшим делом: просмотреть и исправить по греческим и еврейским подлинникам латинский текст Священного Писания.

В первые годы своего пребывания в Риме Иероним за его аскетический образ жизни, за ученость и красноречие пользовался всеобщим уважением и широкой известностью (достаточно сказать, что его открыто называли преемником папы Дамаса по кафедре римской церкви). Но спустя недолгое время он стал вызывать ненависть. Причиной тому был высокомерный и даже склочный характер Иеронима, а также его близкие отношения с кружком благочестивых женщин-патрицианок Марцеллой, Аселлой, Павлой, Фабиолой и другими. Это были не только самые знатные, но и образованнейшие женщины своего времени. Приняв христианство, они внесли в новую для них религию все благородство своих дум и беззаветность женских сердец — не будучи монахинями, добровольно обрекли себя на монашескую жизнь. Иероним руководил их духовной жизнью, читал и объяснял им Священное Писание и старался отговорить от замужества. (Все эти благочестивые матроны были вдовами и имели взрослых дочерей; надо полагать, раздражение римского общества было вызвано как раз тем, что под влиянием Иеронима никто из этих женщин и девушек не вышел замуж, а их огромное богатство пошло на благотворительные цели.) Дружба с ними подвигла Иеронима на создание нескольких небольших трактатов в форме писем. Главным из них, наделавшим много шума, стало письмо к дочери Павлы Евстохии «О сохранении девства». Между прочим, там говорилось: «Ева в раю была девою: после кожаных риз (то есть после изгнания из рая) началось ее брачное состояние. Твоя страна — рай. Сохрани то, с чем ты родилась… Вот тебе доказательство, что девство свойственно природе, а брак имеет место после грехопадения: вследствие брака рождается девственное тело,

в плоде вновь приобретается то, что потеряно в корне… Дерзновенно говорю: Бог все может, но не может воздвигнуть девственницу после ее падения. Я хвалю брак, хвалю супружество,… но потому что от брака рождаются девственные люди…» Далее Иероним, чтобы подчеркнуть пагубность брачной жизни, очень едко осмеивал нравственную распущенность и религиозное лицемерие современного ему римско-христианского общества, в том числе духовенства. Письмо это задело за живое и восстановило против Иеронима буквально всех римских христиан. Он также приобрел многих врагов среди духовенства, которое обличал в невежестве, роскоши, хищничестве и самолюбии. Те, в свою очередь, упрекали Иеронима в заносчивости, жажде власти и авторитета, гордости, честолюбии и раздражительности. Все эти обвинения были справедливы, но враги не останавливались на них и распускали слухи о его непристойной интимности с Павлой, что было настойщей клеветой.

В 384 г, после смерти Дамаса, новым архиепископом был избран Сириций. Тогда Иероним, у которого не сложились с ним отношения, решил отправиться в паломничество по святым местам. В 385 г. он с негодованием навсегда покинул Рим. Вскоре после его отъезда отправилась на Восток Павла, оставив в Риме маленького сына Она догнала Иеронима в Антиохии и больше уже с ним не расставалась. Их путешествие было обстоятельным и неторопливым. Они побывали в Сарепте, Тире, Кесарии, затем совершили паломничество в Иерусалим, где посетили все места, связанные с Христом, поклонились Его кресту и гробу. После этого поехали в Вифлеем и повторили весь путь Иисуса — побывали на Мертвом море, в Назарете, на Генисаретском озере, на горе Фавор. Некогда цветущая Палестина тогда уже постепенно превращалась в пустыню. Иероним писал: «Едва малые следы руин различаем на месте сильных некогда городов…» Из Палестины паломники отправились в Египет, где целый месяц пробыли в Александрии. Осенью 386 г. они посетили Нитрийскую пустынь — место подвигов первых египетских монахов.

Возвратившись из Египта в Иудею, Иероним в 387 г поселился в Вифлееме. Павла и сопровождавшие ее девственницы основали несколько монастырей, в том числе мужской, где игуменом стал Иероним. Сам он жил в пещере, располагавшейся неподалеку от той пещеры, где родился Христос. Питался он только хлебом и водой.

Главным его занятием отныне стало изучение Священного Писания и переписка. В Вифлееме были созданы наиболее ценные из его произведений, а также завершен главный, превышающий человеческие силы труд — полный перевод на латинский язык книг Ветхого Завета и подробный комментарий к ним. Иероним приступил к нему в 390 г, а закончил в 405 г. Почти все книги были переведены с еврейских подлинников. Этот перевод до сих пор не имеет себе равных по красоте, выразительности и точности изложения. Он не сразу был оценен Западной церковью и даже возбудил сильные нарекания со стороны некоторых священников, так как многие из погрешностей прежнего перевода, исправленные Иеронимом, уже глубоко укоренились в церковной практике и вошли в привычку. Даже сама попытка делать какие-либо исправления в переводе Семидесяти толковников, за которым признавалась боговдохновенности, считалась дерзким нечестием Только при папе

Григории Двоеслове, в конце VI в. перевод Иеронима был принят на Западе для всеобщего употребления.

В ходе работы над переводом Ветхого Завета Иероним написал два небольших археологических трактата о еврейских древностях, по сей день не утративших научного значения: «Об еврейских именах» и «Книгу о положении и именах еврейских мест» (сочинение весьма важное для изучения топографии и археологии древней Палестины) В 399 г. Иероним перевел на латинский язык трактат Оригена «О началах». Большое значение имели и его нравственно-аскетические письма, из которых более сотни дошло до нашего времени.

Последние годы Иеронима были тревожными и печальными Тяжелым ударом стала для него смерть Павлы. Сказывался упадок сил, мучили болезни. Иероним писал иппонийскому епископу Августину: «Я когда-то солдат, а сейчас инвалид, могу только хвалить твои победы и победы других, а не сам сражаться…». Уже будучи стариком, Иероним был глубоко потрясен известием о взятии Рима готами (410). «Глава мира усечена, — писал он, — пришло время слез». Умер Иероним в сентябре 420 г.

Блаженный Августин

Выдающийся философ и богослов Западной церкви Аврелий Августин родился в 354 г. в городке Тагасте, в римской провинции Нумидия (на территории современного Алжира). Его отец, небогатый землевладелец, был язычником, а мать, благочестивая Моника, — примерной христианкой. Еще в детстве она сделала мальчика оглашенным в церкви, но, по обыкновению той эпохи, отложила его крещение до годов зрелости.

Христианское учение было знакомо Августину с детства, а имя Христа, по его собственным словам, он всосал с молоком матери.

Отец, несмотря на стесненные обстоятельства, постарался дать сыну хорошее образование, в надежде, что оно обеспечит Августину какую-нибудь почетную и выгодную должность. Потратив на это остатки своего состояния, он строго взыскивал за малейшие упущения. Августин вспоминал позже: «Каких только бедствий и издевательств не испытал я тогда, когда мне, мальчику, вменялось в обязанность только одно: неукоснительно следовать наставлениям, чтобы прославиться в этом мире, преуспеть в науках и, прежде всего, в ораторском искусстве, открывающем путь к почестям и богатству. С этою целью меня послали в школу для изучения наук, пользы которых я, несчастный, понять не мог, а между тем, когда я ленился, меня секли. Так повелось исстари, и многие, жившие задолго до нас, проложили эти скорбные пути, умножившие труды и болезни сынов Адамовых».

Обучение продолжалось затем в соседнем городе Мадаврах, а когда Августину исполнилось 16 лет, его отправили учиться в Карфаген. О годах, проведенных здесь, Августин вспоминал позже со стыдом и осуждением, хотя, возможно, его представления о собственной порочности были сильно преувеличены. По натуре он был горячий юноша и, оказавшись один в большом городе, полном соблазнов (его современник Сильван называл Карфаген «омутом преступной любви»), не смог совладать со своей

чувственностью. Впрочем, пора его беспорядочных любовных увлечений была непродолжительной. Очень скоро он связал свою судьбу с одной женщиной (имя ее неизвестно), которая в 372 г. родила ему сына. Августин прожил с ней около полутора десятка лет, хотя так и не связал себя брачными узами.

На самом деле плотские стремления никогда не подавляли его целиком — слишком сильна была в Августине потребность духовного совершенствования. В возрасте 19 лет на него огромное впечатление произвела не дошедшая до нас книга Цицерона «Гортензий», в которой рассматривались различные философские системы. Это популярное наставление, по признанию Августина, «зажгло в нем любовь к мудрости, желание любить ее, искать ее и достигнуть, крепко обнять и удержать». В своей «Исповеди» (в которой изложена подробная история его обращения к Богу) он говорит: «Эта книга преобразила мое сердце… изменила мои помыслы и желания; опостылела для меня вдруг всякая суетная надежда, и я жаждал с невероятной страстью бессмертной мудрости…» Но это похвальное настроение имело для него и дурные последствия. Когда Августин решил внимательнее изучить Священное Писание, слова евангелия показались ему слабыми и грубыми по сравнению с цицероновским стилем. «Я был слишком заносчив, — признавался позже Августин, — чтобы оценить его простоту, слишком поверхностен, чтобы проникнуть в сердцевину. Писание требует детской простоты души и ума взрослого, я же презрел детское и в своей спеси только мнил себя взрослым».

Путь Августина к Христу оказался долгим и окольным. Окончив курс риторики в Карфагене, он вернулся в свой родной город и некоторое время преподавал там красноречие. Но при первой возможности он возвратился в Карфаген. Все время своего пребывания здесь, с 19 до 28 лет, он находился под сильным влиянием манихеев. Как он сам признавал, одной из главных причин этого было непонимание истинной природы зла. Обращаясь к Богу в своей «Исповеди», Августин говорит: «Зло я мыслил как некую темную и бесформенную величину… Благочестие мое не могло допустить, чтобы Бог мог сотворить нечто злое, и потому я верил, что существуют два противоположных друг другу начала, вечные и бесконечные, но только злое поуже, а доброе — пошире… Так как невежество мое считало зло субстанцией, причем телесной и разлитой в пространстве, то я полагал благочестивым верить, что Ты не создал этой субстанции и не от Тебя произошло то, что я считал злом. Спасителя же нашего, единородного Сына Твоего, я представлял себе исшедшим из самой светлой части твоего вещества… Я не мог представить себе, чтобы Он, обладая такой природой, мог родиться от Девы, ибо это означало бы смешение природ, то есть осквернение высшей природы, о чем я тогда и помыслить не мог. Я не допускал возможности воплощения, ибо боялся, что Он этим бы осквернился!»

Разочарования в манихействе пришло к Августину на двадцать девятом году жизни из-за неспособности этого учения объяснить многие физические явления окружающей действительности. «К тому времени, — вспоминал Августин, — я прочел немало книг разных философов и, сравнивая их положения с бесконечными манихейскими баснями, начал

приводить к выводу, что слова тех, у кого хватило ума исследовать временный мир, хотя они и не обратились к Господу, звучат убедительней… У них было сказано много верного о природе, их разумные объяснения подтверждались вычислениями, сменой времен, движением звезд. Я сравнивал все это со словами Мани, приведенными в его многочисленных сочинениях, и не находил ни одного стоящего рассуждения ни о солнцестояниях, ни о равноденствиях, ни о затмениях, ни вообще о чем-либо таком, о чем говорилось в книгах мирской премудрости…»

Его рвение к Мани после этого сильно охладело.

Как раз в это время, в 383 г., Августин переехал в Рим и стал там преподавать грамматику. «Сперва у меня было лишь несколько учеников, но постепенно имя мое становилось все более известным», — вспоминал он. Впрочем, Достигнутый успех не удовлетворял Августина. Через полгода, узнав, что к префекту Рима поступило прошение из Медиолана подыскать для их города 236 учителя риторики, он пустил в ход все свои связи для того, чтобы занять вакантное место. И это ему удалось.

В Медиолане Августин прожил три года и испытал настоящий духовный кризис.

Сначала, разочаровавшись в манихействе, он поддался влиянию философской секты академиков (в современной терминологии — скептиков). Он объяснял это тем, что, отчаявшись найти дальнейшее удовлетворение в манихейском учении, был увлечен утверждением академиков о том, что надо во всем сомневаться, так как человеку не дано постичь истину. Однако подобного рода учение не могло надолго заполнить пустоту в его душе. В этот критический период Августин нашел спасение в философии Платона и неоплатоников. В особенности многим (как и все отцы церкви IV в.) он был обязан Плотину. Сочинения этого величайшего мыслителя поздней античности стали тем последним звеном в цепи духовных исканий Августина, воссоединившим его с христианством.

Первый, с кем познакомился Августин по приезде, был знаменитый на всю империю медиоланский епископ Амвросий. «Сей человек Божий отечески принял меня, — вспоминал он, — и я сразу полюбил его, вначале, правда, не как учителя истины, найти которую в Церкви… я тогда и не мечтал, но как человека доброго и благожелательного. Я прилежно выслушивал его проповеди, но не ради их содержания, меня интересовало, соответствует ли его красноречие его славе».

Однако постепенно вместе со словами в его душу стали проникать и мысли. «Прежде всего мне начало казаться, что эти мысли вполне доказуемы и вполне можно защитить православную веру от нападок манихеев, что прежде казалось мне немыслимым. Особенно произвели на меня впечатление буквальные и очень удачные толкования некоторых загадочных стихов из Ветхого Завета. Когда же я узнал о духовном объяснении этих текстов, то стал уже всерьез укорять себя за то, что некогда так легкомысленно поверил хулителям Закона…»

Природа зла по-прежнему оставалась для Августина главной проблемой, которую он никак не мог разрешать для себя. Но он уже чувствовал, где должно искать ответ на этот вечный вопрос. Августин вновь стал внимательно и вдумчиво изучать Священное Писание, и постепенно мрак заблуждений стал рассеиваться перед ним. «И тут я

понял, — вспоминал он, — что только доброе может становиться хуже.

Действительно, абсолютное добро не может претерпевать изменений, вообще же не доброму некуда ухудшаться. Ухудшение наносит вред, ибо умаляет доброе в добром… Если доброе совсем лишится добра, оно исчезнет… и его не станет. Но пока оно есть, оно есть как доброе, и поэтому все, что есть — благо…» Бог сотворил все добрым, и в мире нет ничего, что не было бы сотворено Богом. И нет зла не только для Бога, но для всего сотворенного, ибо нет ничего, что пришло бы извне и нарушило установленный Богом порядок. Обычно злом полагают что-то одно, взятое само по себе, что не согласуется с чем-то другим. Однако если оно согласуется с чем-то третьим, то значит там оно уже не зло, а добро. Так Августин разрешал для себя один из самых мучительных вопросов. После этого он по-новому взглянул на христианство. «Я жадно ухватился за Книги, продиктованные Духом Твоим, — пишет Августин в своей «Исповеди», — и прежде всего за послания апостола Павла. Исчезли все недоумения, бывшие у меня прежде, когда многое у него казалось мне противоречивым…»

Чем более Августин проникался христианскими идеями, тем более крепло в нем желание изменить свою жизнь. Он охладел к риторике и вскоре совсем оставил преподавание (этому способствовала и начавшаяся у него болезнь голосовых связок, что привело к изменению и ослаблению голоса). Одно время, по настоянию матери, он всерьез думал о браке и даже посватался к девушке из благородной семьи. Ему ответили согласием, но свадьба была отложена на два года, так как невеста была еще очень молода. В связи с этим Августин должен был расстаться со своей прежней сожительницей. Она отбыла в Африку, оставив Августину своего сына Адеодата Но ожидаемая свадьба так и не состоялась.

В 387 г. Августин был крещен Амвросием и после этого навсегда оставил Италию с твердым намерением начать новую жизнь. Победив в себе страсти, которые обуревали его в юности: любовь к женщине и любовь к красноречию, дававшему славу и почести, Августин решил всецело посвятить себя служению высшему человеческому идеалу, который (в полном соответствии с учением Платона) виделся ему тогда в том, чтобы путем отречения от земных благ подняться до созерцания высшего или абсолютного блага, тождественного истине и красоте, а также Богу и Логосу. От отца Августину досталось небольшое имение в Тагасте. Он прожил здесь в тиши и уединении три года (388–391). Постепенно его увлечение неоплатонизмом прошло.

Зато он все более проникался аскетическим духом христианского учения. Знаменитые слова Христа: «Если хочешь быть совершенным, поди, продай имение твое и раздай нищим… и приходи, и следуй за Мной» — все более волновали его. Наконец он продал принадлежавшую ему часть отцовского имения, отдал вырученные деньги тагестской церкви и нищим отправился в Гиппон. (В этот город его настоятельно приглашал один богатый друг.)

Августин писал позже, что явился в Гиппон совершенным бедняком и «не принес с собой… ничего, кроме платья, которое тогда было на нем». В то время он еще не помышлял о священническом сане. Но случилось так, что епископ Гиппона Валерий, грек по происхождению и уже пожилой

человек, тяготился своей главной обязанностью говорить проповеди народу. Приезд Августина подал ему мысль привлечь на службу церкви бывшего учителя риторики, красноречие, благочестие и ученость которого были уже известны в Африке. Эта просьба стала для Августина полной неожиданностью, однако после недолгого колебания он согласился, и в 391 г. был рукоположен в диаконы. Валерий приблизил его к себе, предоставив значительную долю в управлении своей епархией. В 395 г. он посвятил Августина в свои помощники и вскоре после этого умер. Августин занял место Валерия и находился затем во главе иппонийской епископии в течение 35 лет до самой своей кончины.

Управление делами церкви Августин совмещал с плодотворной литературной деятельностью. Большое собрание его сочинений включает трактаты о христианском учении, толкования Священного Писания, полемические книги против манихеев, донатистов и других сектантов, множество проповедей идо 250 писем. Многие его идеи были настолько плодотворны, что сохраняли свое воздействие вплоть до эпохи Просвещения. Поэтому Августина с полным правом считают одним из основоположников средневекового религиозного мышления. Центральное место в его мировоззрении занимал образ единого Бога, Творца всей Вселенной, стоящего вне мира и выше мира. Он писал: «Мы поклоняемся Тому Богу, Который установил начало и пределы существования и движения всему бытию природы, Им сотворенной; в Ком заключается причина вещей, Кто их ведает и ими располагает… Кто дал, кому хотел, разумную душу, называемую нами духом… Кто управляет войнами для 238 исправления и наказания рода человеческого… Кто знает и устанавливает не только главные причины всего, но и вытекающие из них… Все это производит один истинный Бог, как Бог вездесущий; повсюду он весь, не заключенный ни в каких пределах… не подлежащий никакому раздроблению и никакому изменению, наполняя небо и землю присущей везде мощью…»

Вся жизнь мира поглощается волей Божества. В трактате «О Троице» Августин писал, что воля Божия есть первая и высшая причина всех телесных пород и движений. «Ибо ничего не происходит ни в мире видимого, ни в мире ощущений, что не было повелено или не было разрешено при невидимом и духовном «дворе» верховного Государя, согласно с неисповедимой справедливостью наград и наказаний, милостей и воздаяний в этом как бы величайшем и беспредельнейшем государстве, обнимающим все творение». Затаенная сила Бога проникает всюду и сообщает бытие всему, что имеет его в себе и в той мере, в какой оно у него есть (так, например, земля плодоносит настолько, насколько она плодоносна).

Бог разлит во всем как творческая сущность, управляющая миром и поддерживающая его существование. Присутствие Бога в мире осуществляется через Его Провидение, так что ничего не происходит случайно, но все движется к заранее установленной цели. Проявление Провидения двоякое: физическое и волевое. Первое связано с жизнью как таковой (посредством него происходит рост растений и животных и существует как биологический вид человек), то есть это собственно жизнь природы.

Второе проявляется в осмысленном и разумном действии существ, обладающих свободой воли — через подчиненные Богу воли ангельские и человеческие. Притом если влияние Бога на природу есть влияние полное и непосредственное, то волевое влияние скорее опосредственное. (Так, например, творцом здания можно считать архитектора, хотя сам он не строит, а всю работу по его указаниям выполняют рабочие, обладающие свободной волей. Точно так же в мировом историческом процессе Господь является архитектором, хотя непосредственно осуществляют его люди.)

Хотя люди являются действующими лицами истории, они часто не в состоянии познать божественный замысел. Для Бога нет будущего, на которое Он взирает вперед; нет настоящего, которое Он наблюдает непосредственно, и нет прошлого, на которое Он смотрит назад. Но для человека исторический процесс происходит во времени, причем имеет начало и конец. Всю человеческую историю Августин делил на шесть периодов: 1) от Адама до потопа; 2) от потопа до Авраама; 3) от Авраама до Давида; 4) от Давида до Вавилонского пленения; 5) от пленения до Христа; 6) от Христа до конца света. Эти периоды он сравнивал с шестью периодами жизни человека (младенчеством, детством, отрочеством, юностью, зрелостью и старостью).

При всей условности такого сопоставления, в нем есть очень глубокая идея о том, что весь исторический процесс есть как бы воспитание человечества Богом, Который постепенно подготавливает его к восприятию истины. Этим, в частности, Августин объяснял, почему Христос не явился к человеку сразу после грехопадения, а много позже — люди были просто не готовы воспринять божественное учение. Потребовалось долгое и кропотливое воспитание через законы Моисея, через Пророков, через различные наказания и невзгоды, прежде чем была подготовлена благодатная почва для евангелия.

Августин был едва ли не первым мыслителем, который ввел в философию понятие прогресса, то есть постепенного развития от простого к сложному. Причем прогресс в его понимании был неразрывно связан с постепенным осуществлением воли Божией. Развитие человечества происходит путем постепенного раскрытия божественного откровения Поначалу Господь открывается интимно одному человеку — Аврааму, потом — в Законе Моисея — явно целому народу (евреям) и, наконец, в Новом Завете — вочеловечившись — всему человечеству.

Наиболее значительным произведением Августина стал капитальный труд «О граде Божьем». Работу над ним он начал вскоре после взятия Рима готами в 410 г., а закончил незадолго до смерти — около 426 г. Неожиданное падение царствующего града, которому его поэты сулили вечное владычество над миром, произвело на этот мир потрясающее впечатление. Разорение города, создавшего Римскую империю, казалось нарушением мирового порядка и должно было вызывать вопросы и рассуждения о том, почему это случилось. Так язычники приписывали падение Рима «гневу старых богов», чьи храмы были разрушены христианами. Августин считал, что невозможно оставить эти укоры без ответа.

Будучи епископом, он не раз вступал в своих посланиях в полемику с язычниками.

Но на этот раз простого послания было недостаточно. На очереди стоял мировой вопрос, и разрешению его Августин посвятил мировое по своему влиянию творение. «О граде Божьем» можно рассматривать как последнюю и самую важную апологию против язычества, хотя содержание этого трактата много шире и охватывает фактически все вопросы, волновавшие тогда умирающий античный мир. По сути своей это была первая попытка осмыслить мировой исторический процесс.

Центральным понятием философии истории Августина был несколько раз упоминаемый в Ветхом Завете «Град Божий», который он отождествлял с грядущим Царствием Небесным или Царством Божьим, возвещенным евангелием. «Это царство вечно, — писал он, — в нем никто не родится, ибо никто не умирает; там господствует истинное и полное счастье… оттуда мы получаем залог веры, пока на чужбине вздыхаем о его красоте; там не восходит солнце над добрыми и над злыми, но солнце согревает одних добрых…» По мысли Августина, это царство было сотворено вместе с ангелами, и человек поначалу также имел в нем место.

Все изменилось после грехопадения, когда человек стал причастен смерти.

Изначально, пишет Августин, бывали люди двух родов: живущие по-мирски и живущие по-божески. Эти две общины людские он аллегорически называет «градами»: одной из них предназначено вечно царствовать с Богом и ангелами, другой — вечная кара совместно с дьяволом и демонами Родоначальниками этих двух царств были Каин (представитель мирского царства) и Авель (представитель Царства Божьего). О Каине в Библии сказано, что он «основал град». Авель же никакого града не основывал, ибо град праведных находится не на земле, а на небе. Однако граждане, в которых проявляется град Божий, живут на земле и рассеяны среди мирских людей.

То есть царство земное и Царство Божье существует на земле одновременно, они одинаково пользуются благами и одинаково страдают от зла. Скитающееся Царство Божье находится пока как бы в плену у земного и во многом вынуждено жить по его законам. Но в самом важном — в своей вере — оно всегда противостоит ему. В то время как земное царство творит себе ложных богов, небесное всегда обращено к Господу.

Говоря о земном царстве, Августин прежде всего имеет в виду историю сменяющих друг друга мировых империй: Ассиро-Вавилонской, Мидийско-Персидской, Греко-Македонской и Римской Остальные государства были лишь придатками к ним Наиболее могущественным из всех этих царств являлось Римское, которому по воле Господа было суждено завоевать и замирить весь земной круг, объединив его под общими законами и единой властью Причем успех и владычество римлян были наградой, ниспосланной им Богом за их нравственные доблести.

Что касается истории Царства Божьего, то до рождения Христа она была почти исключительно связана с израильским народом. Но после казни Христа евреями, оно уже не среди них, а среди христиан. С этого времени Царство Божие на земле — это христианская церковь. Она есть то основание, на котором зиждется все спасение человечества и даже

«единственный путь к спасению». Вне лона церкви не только царствует грех, но не имеет значения даже добродетель («Добрые дела, — пишет Августин, — вне церкви бесполезны»). По мере усиления и расширения вселенской церкви, царство Божие на земле будет расти и укрепляться, пока наконец не поглотит все земные царства. С торжеством церкви в конце света наступит вечный мир — не будет вовсе жизни смертной, не будет бренного тела, отягощающего форму, а будет тело духовное, ни в чем не нуждающееся и во всем повинующееся духовной воле. Моральный порядок во всем мире, нарушенный отпадением сатаны и демонов от Бога (вследствие чего и появилось зло), будет восстановлен. Незадолго до своей кончины Августин стал свидетелем вандальского вторжения в Африку (в 428 г). Разрушив и захватив многие города, вандалы осадили Гиппон. Еще до падения города, в августе 430 г, Августин скончался. В последующие годы варвары разрушили множество цветущих городов и ограбили их население. Римская Африка — одна из богатейших провинций империи — прекратила свое существование.

Однако и после гибели его отечества имя Августина не было забыто. И по сей день он остается одним из немногих учителей вселенской церкви, которого почитают все христианские исповедания.

Несторий

Итогом богословских споров IV в стало признание догмата о том, что во Христе действительно совершилось великое единение Бога и человека. Однако, оставалось неясным одно очень важное обстоятельство как должно мыслить и понимать единство Богочеловеческого Лика? Возникал вопрос когда Дева Мария родила Еммануила, Богочеловека, пришедшего спасти род человеческий, то кого, собственно, родила она — человека или Бога? И если она родила и того и другого, то в каком отношении находились между собой два естества — божеское и человеческое — в ее сыне Иисусе»? Никейский собор 325 г определил догмат пресвятой Троицы и единосущность Трех Божественных Лиц, но относительно тайны Боговоплощения он не входил в подробное и обстоятельное обсуждение. В его символе веры об этом было сказано только то, что «Иисус Христос, единородный Сын Божий, сошел с неба для нашего спасения, воплотился, и вочеловечился, и пострадал, был погребен и воскрес в третий день». Эта общая формула таила в себе много частных вопросов, которые Никейский собор ни счел нужным поднимать Неясность в этом важном вероопределении и стала причиной появления несторианской ереси.

Ересиарх несторианства — Несторий родился в маленьком городке Германикии, той части Сирии, где протекает Евфрат. Происхождение Нестория было довольно темное и даже низкое. Впрочем, он рано оставил свою родину, перебрался в Антиохию и там принялся за учебу под руководством Феодора Мопсуетского. В дальнейшем он считался одним из самых лучших и блестящих воспитанников местной риторической школы. По окончании обучения Несторий удалился в монастырь Евпрепия, находившийся в нескольких милях от Антиохии, чтобы там в тишине уединения изучать творения отцов и приучать себя к началам монашеской жизни. Это был обычный в то время искус для тех, кто предназначал себя

служению церкви и проповеди. Но Несторий не любил ни умерщвления плоти, ни лишений бедности, и он поспешно отбросил их от себя, как только получил возможность вернуться в город. При поступлении его в клир антиохийский архиепископ возложил на Нестория обязанность поучения верующих, — должность, которую прежде занимал Иоанн Златоуст и в которой он прославился. Несторий также вскоре приобрел известность, ибо от природы обладал всеми необходимыми для проповедника внешними данными величавой осанкой, полным и звучным голосом и природным даром — словом. Слава его в конце концов дошла до Константинополя, и после смерти константинопольского архиепископа Сисиния, император Феодосии II обратился к Несторию с просьбой занять опустевшую кафедру.

Рукоположение нового архиепископа состоялось в апреле 428 г в большой константинопольской базилике, в присутствии императора Феодосия, императрицы Евдокии, сената и толпы народа. Человек гордый и тщеславный, Несторий стал часто посещать дворец и вскоре сделался настоящим царедворцем любил пышность, почести и вошел в полное доверие к императору. Он нравился также императрице Евдокии, и только строгая сестра Феодосия — Пульхерия, которая в те годы фактически правила империей, отнеслась к нему настороженно.

Едва заняв архиепископский престол, Несторий начал гонения на еретиков, прежде всего на ариан. Их часовню, находившуюся за стенами столицы, он приказал разрушить. Ариане сначала отчаянно защищали свой храм, а потом подожгли его.

Пламя перекинулось на соседние здания и истребило целый квартал. Вслед за арианами точно так же были изгнаны номиане, валентиниане, монтанисты и маркиониты.

Многие современники осудили Нестория за эту смуту, а один из них, Кассиан, иронически писал «Несторий заблаговременно принял меры, чтобы не существовало на свете других ересей, кроме его собственной».

Еретические воззрения Нестория открылись совершенно неожиданно. Однажды один из близких архиепископу людей, пресвитер Анастасий, говорил поучение к народу в присутствии самого Нестория и вдруг, остановившись на минуту, как бы для того, чтобы сделать своим слушателям важное предостережение, сказал. «Остерегайтесь называть Деву Марию Матерью Божией, Богородицей. Мария была человек, а от человека не может родиться Бог». При этих словах, противоречивших вере и учению константинопольской церкви, среди слушателей поднялся сильный шум. Архиепископ встал со своего места и сказал «Анастасий прав; не нужно более называть Марию Матерью Божией, Богородицей; она мать только человека, человекородица». В течение нескольких дней в Константинополе только и было разговоров, что о сцене, происшедшей в церкви, и об учении, которое проповедовал новый архиепископ. Много спорили об этом и при дворе Император не знал, как ему поступить. Наконец Несторию было велено объясниться перед собранием народа. Архиепископ согласился, отложив однако свое выступление до 25 декабря, праздника Рождества Христова, более удобного времени для изложения догмата Воплощения нельзя было выбрать. 25 декабря весь город отправился в собор. Несторий, подойдя в своей проповеди к

интересующему всех предмету, сказал: «Говорить, что Слово Божие, второе лицо Пресвятой Троицы, имело мать, не значит ли это оправдывать безумие язычников, которые дают матерей своим богам? От плоти может родиться только плоть, и Бог, как чистый Дух, не мог быть рожден женщиной; создание не могло родить Создателя… Нет, Мария не родила Бога, совершившего наше искупление… Мария родила только человека, в котором воплотилось Слово, она родила человеческое орудие нашего спасения. Слово приняло плоть в смертном человеке, но Само оно не умирало, а напротив, воскресило и Того, в Ком воплотилось. Но и Иисус, рожденный Марией, тем не менее и для меня есть в некотором смысле Бог, потому что Он вмещал в себя Бога. Я почитаю храм ради Обитающего в Нем; я почитаю видимого человека ради скрытого в Нем невидимого Бога. Я не отделяю Бога от видимого Иисуса; не разделяю части неразделяемого, разделяю естество, но соединяю поклонение». Свою идею Несторий пояснил еще таким примером: человек состоит из души и тела. Так как от родителей происходит только тело, а душа от Бога, то мать рождает собственно тело, ее можно назвать матерью человека, но нельзя назвать «душеродицею», хотя и несомненно, что она рождает одушевленное существо.

Слушатели Нестория разделились одни одобряли его, другиеосуждали.

Константинопольский пресвитер по имени Прокл на одном из праздников в честь Богородицы постарался доказать, что такое имя вполне и по истине благоприлично Марии. В своей проповеди он между прочим сказал: «Мы веруем, что Христос не через постепенное восхождение к божественному естеству сделался Богом, но, будучи Богом, по Своему милосердию соделался человеком. Не говорим человек сделался Богом, но исповедуем, что Бог воплотился. Рабу Свою избрал для Себя в матери Тот, Кто по существу Своему не имеет матери… Если бы Христос был Кто-либо особый и Бог Слово — особый, то была бы уже не Троица, но четверица…»

Проповедь заканчивалась обращением к Несторию: «Не разрывай одежды домостроительства… не раздирай соединения двух естеств, что бы тебе не быть отлучену от Бога». Смелый пример Прокла воодушевил ревнителей православия. Некто Евсевий, константинопольский адвокат, поместил у дверей храма свое воззвание с призывом «заградить путь еретику» и доказывал сходство учения Нестория с еретическим учением Павла Самосатского.

От этих волнений и раздоров, возмущавших город, не оказался в стороне и императорский дворец. На одной его половине, где жил император, Несторий торжествовал — здесь никто не смел называть Марию Богородицей. Феодосий, которому архиепископ сумел представить и разъяснить несообразность этого наименования, был первым его сторонником. За ним, кто как мог, старались быть или казаться несторианами все придворные. Но на другой половине дворца, где жила сестра императора Пульхерия, положение было совершенно иное: здесь имя Нестория произносили с ужасом и едва терпели его присутствие.

Нападки Нестория на Марию были только следствием его общего взгляда на природу Христа. Главное же понятие его вероучения состояло в том, что во Христе Божество и человек существовали по отдельности — каждое в своих свойствах, в своей ипостаси. Причем человеческое во

Христе было настолько полно, что могло жить и развиваться как бы само по себе, вне зависимости от Божества. Отсюда видно, что человек Иисус являлся для Нестория не Богом в полном смысле этого слова, а только «храмом» для «живущего в нем Господа» или «сосудом» Божества.

Соединение «лиц» Божества и человека в Христе Несторий определял как обмен и взаимообщение, как «взаимное пользование образами»: Бог Слово приемлет «лицо» человека и сообщает человеку свое «лицо». «Бог воплотился в человека, — писал Несторий, — и сделал его лицо Своим собственным лицом», принял в Себя «лицо» виновной природы. В том и состоит безмерность Божественного снисхождения, «что лицо человека становится Своим для Бога, и Он дает человеку Свое лицо» Божество пользуется лицом человека, а человек — лицом Божества. В этом смысле можно говорить о вселении Божества, о восприятии человечества. Человеческая природа выступает тогда как орудие Божества, как Богоносная по существу, ибо в Христе мы прежде всего исповедуем скрытого Бога.

Единство двух естеств в Христе есть относительное, развивающееся. В детстве и юности Он не творит чудес и не имеет власти учить. Только после крещения и искушения в пустыне, возвысившись душою к Богу, Иисус окончательно приводит Свою волю в согласование с волей Бога. И лишь тогда Он получает власть и силу. Иными словами, «когда Он закончил подвиг собственного совершенствования среди всяческих искушений, Он начинает действовать ради нас», ибо Ему мало было собственной победы. При таком понимании природы Спасителя Несторий отчетливо противопоставлял имена: Бог Слово и Иисус Христос, смешивать которые он считал невозможным, так как этим смешиваются самые природы, каждая из которых имеет собственные свойства. Например, можно ли говорить о смерти Бога Слова? Несторий отвечал отрицательно и писал: «Если ты прочтешь весь Новый Завет, ты не найдешь там, чтобы смерть приписывалась Богу Слову, но только Христу…». То же самое в отношении рождения. Можно ли говорить о рождении Бога Слова, совечного Отцу?

Мария никак не может считаться Богородицей. Она — Христородица, человекородица, на крайний случай — Богоприимица, ибо она родила Того, в Ком Бог. Бог «сошел с неба», «воплотился», но не родился от Марии. (Возникает вопрос: если Спаситель был для Нестория только человеком, хотя и соединенным с Богом, то что же в таком случае он понимал под спасением? Это не совсем ясно, но очевидно, что об обожении человека, как религиозном идеале, Несторий не мог и не решался говорить).

Волнения и смуты, возбуждаемые новым учением, не ограничились одним Константинополем. По мере того как Несторий произносил свои беседы в разъяснение и оправдание своего учения, они немедленно публиковались и рассылались по всем направлениям, и повсюду, куда они доходили, возникали такие же горячие споры и раздоры, как в столице. В Антиохии и вообще в Сирии очень многие приняли сторону Нестория. Но в Александрии и в Риме несторианство встретило сильное противодействие.

Главным оппонентом Нестория вскоре стал Кирилл, архиепископ александрийский, написавший несколько обстоятельных посланий с

опровержением несторианства. В послании, адресованном лично Несторию, Кирилл, разбирая тайну Боговоплощения, писал: «Мы не говорим, что естество Слова, изменившись, стало плотью, ни того, что Оно преложилось в целого человека, состоящего из души и тела, но говорим, что Слово, соединив с Собою в единстве лица тело, одушевленное разумною душою, неизреченно и непостижимо для нашего ума стало человеком, сделалось сыном человеческим, не волею одною и благоволением, не восприятием только лица, а говорим, что естества, истинно соединенные между собой, хотя различно, но в соединении обоих этих естеств есть один Христос и Сын. Это мы представляем не так, что в этом соединении уничтожается различие естеств, но Божество и человечество, при неизреченном и неизъяснимом соединении, пребыли совершенными, являя нам единого Господа Иисуса Христа и Сына. Сущий и рожденный от Отца прежде веков по плоти родился и от жены… не так, что прежде родился от Св. Девы простой человек, а после сошел на него Бог Слово, но Слово соединилось с плотью в самой утробе, родилось от плоти, усвоив Себе плоть, с которой родилось…

Таким образом, мы исповедуем Христа единым и Господом не так, как бы мы поклонялись Слову и вместе с тем поклонялись еще какому-то человеку, но поклоняемся единому и тому же…» Отсюда следовало, что все совершенное Богочеловеком, все факты земной жизни Христа не следует приписывать Божеству или человеку в отдельности, но обоим природам вместе в их гармоническом сочетании.

Христос есть единственный центр всей жизни Богочеловека, а потому Его страдания есть собственные страдания Бога Слова, потому что страдала Его Собственная плоть, хотя Бог Сын по божеству Своему бесстрастен. Разбирая далее приведенный выше пример Нестория о человеческой душе и теле, Кирилл писал, что человек, конечно, состоит из души и тела, но это объединение не механическое (то есть нельзя сказать, что живой человек это просто «душа + тело»), но такое объединение, при котором они составляют живое единство. Такое же единство Божественного и человеческого в Богочеловеке Христе.

Это и другие послания Кирилла раздражали Нестория. Умело действуя при дворе, он старался для борьбы с оппонентами заручиться поддержкой императора. Однако, Феодосий не стал прямо вмешиваться в догматический спор и постановил разрешить его на Вселенском соборе. Согласно его воле третий Вселенский собор открылся в 431 г. в Эфесе. На него съехались представители Александрийской, Иерусалимской и Константинопольской церквей. Долго ждали епископов из Антиохийской митрополии и из Рима. Прождав гораздо более назначенного срока, председательствовавший на соборе Кирилл решил открыть его заседания. Несторий, однако, отказался присутствовать на них до тех пор, пока не соберутся все епископы. Рассмотрев заочно его учение, 200 епископов признали его еретическим и отлучили Нестория от церкви. Между тем прибыли в Эфес сирийские епископы во главе с Иоанном Антиохийским. Они не только не признали решение собора, но, в свою очередь, осудили Кирилла и приняли решение о его низложении. Вскоре приехали легаты из Рима, от тамошнего архиепископа Целестина. Разобравшись в доводах сторон, они присоединились к Кириллу, после чего собор отлучил от

церковного общения самого Иоанна с сирийскими епископами.

Видя, что пожар церковной смуты усиливается с каждым днем, император Феодосии велел взять под стражу и Кирилла, и Нестория, а остальным епископам соединиться и найти какое-либо примеряющее решение. Но примирение не состоялось. Узнав о заключении Кирилла, монахи константинопольских монастырей во главе с архимандритами Далмацием и Евтихием с пением псалмов, с горящими светильниками и при многочисленном стечении народа отправились к дворцу императора и стали просить Феодосия, чтобы тот освободил Кирилла и подтвердил определения собора относительно Нестория. Эта демонстрация произвела на императора сильное впечатление, и он стал с этого времени решительнее поддерживать православных епископов. Низложенного Нестория отправили обратно в его антиохийский монастырь, а на его место поставили архиепископом Максимилиана.

Сирийские епископы, после отъезда из Константинополя, собрали в Антиохии поместный собор, на котором было выработано более точное исповедание веры. В нем говорилось, что Господь Иисус Христос совершенный Бог и совершенный человек и что на основании неслитного в нем единения Божества и человечества Пресвятая Дева Мария может быть названа Богородицей. Кирилл, когда ему переслали это исповедание, нашел его православным и подписался под ним. Таким образом, церковный мир был восстановлен.

Судьба Нестория после его низложения была печальной. Поначалу его заключение в монастыре Св. Евпрепия близ Антиохии было прикрыто знаками почтения. Но 435 г.

Иоанн Антиохийский подал в столицу представление, что Несторий настаивает на своем богохульстве и совращает многих от веры. Вследствие этого издан был указ о том, чтобы все книги ересиарха были сожжены, а все собрания несториан — закрыты.

Самого Нестория приговорили к ссылке сначала в Петру (уединенный город на границе с Аравией), а потом в Великий оазис на самом краю Ливийской пустыни.

Место это, окруженное океаном раскаленных песков, обыкновенно служило местом заключения для опасных государственных преступников. Спустя несколько лет на оазис совершили набег кочевники-блеммийцы. Несторий был захвачен в плен, но потом отпущен, как ни на что не годный старик. С трудом он добрался до византийских владений и сдался приграничному чиновнику. Тот был чрезвычайно обеспокоен грузом свалившейся на него ответственности, старался не спускать с Нестория глаз и постоянно перевозил его с собой с места на место. Утомленный скитаниями, Несторий однажды упал с лошади и сильно ушиб себе бок. В месте ушиба началась гангрена. По свидетельству церковного историка Евагрия, все тело ересиарха подверглось гниению, а язык был изъеден червями. Наконец, в сильнейших мучениях, он в 440 г. испустил дух.

Но ересь, посеянная Несторием, не умерла вместе с ним. Не все сирийские и месопотамские епископы согласились с исповеданием антиохийского собора.

Поскольку в византийских владениях несториане подвергались гонениям, они нашли убежище в персидской части Месопотамии. В 499 г.

ктесифонский епископ Бабей созвал в Селевкии собор персидских христиан, на котором было формально объявлено об отделении персидской церкви от церкви греко-римской империи. Во главе нее встал католикос. Кроме догматических разностей персидско-несторианская церковь со временем допустила у себя разности в церковном устройстве. Так, здесь был дозволен брак не только священникам, но и епископам. Из Персии несторианство проникло в Индию, где его последователи получили название фомитов (по имени своего учителя Фомы).

Евтихий

Прошло совсем немного времени после окончания несторианской смуты, как вселенская церковь была взволнована новой, на этот раз гораздо более опасной ересью — монофизитской. Это вероучение по сути своей было противоположностью несторианства и выросло на почве борьбы с ним. Не даром ересиархом мнонофизитов оказался один из главных героев Эфесского собора архимандрит Евтихий.

Монастырь, которым управлял Евтихий, был одним из самых значительных в Константинополе, в нем проживало более трехсот монахов. Евтихий вступил в него еще ребенком и вскоре дал обет никогда не выходить за его стены. В первый раз он нарушил эту клятву в 430 г., когда, влекомый желанием защитить истину таинства Боговоплощения, извращенную Несторием, отправился на Эфесский собор и стал там энергичным сторонником Кирилла Александрийского. Строго говоря, Евтихий, не получивший правильного, систематического образования, совсем не был богословом.

Все положения его вероучения строились на трудах «великих александрийцев» — св. Афанасия и св. Кирилла — в том смысле, в каком он их понял. И тот и другой не раз говорили о божественной природе Христа и о том, что Он от самого зачатия Своего был истинным Богом. Это положение их учения и было односторонне усвоено Евтихием, который утверждал, что, хотя Иисус родился от Девы, Он по естеству Своему прежде всего Бог, а не человек. Общечеловеческая природа в Нем настолько изменена под влиянием божественной, что плоть Христа не единосущна человеческой.

Убеждения Евтихия долгое время не вызывали подозрения, хотя он их не скрывал.

Первым обратил на них внимание епископ дорилейский Евсевий. В 448 г. он прибыл на Поместный собор в Константинополь и по дороге заехал в монастырь к Евтихию.

Здесь в разговоре Евсевий узнал об уклонении Евтихия, много спорил с ним по догматическим вопросам, но так и не смог его переубедить. Прибыв на собор, он немедленно донес об открытой им ереси, объявив, что Евтихий, архимандрит знаменитого в Константинополе монастыря, давно уже начал заблуждаться и мыслит об Искупителе и таинстве искупления иначе, нежели передано от апостолов и отцов никейских. В записке, поданной константинопольскому архиепископу Флавиану, Евсевий писал: «Я просил Евтихия, пресвитера и архимандрита, чтобы он не предавался такому поражению чувств, опьянению мышления и исступлению ума… Но

он, имея невоздержанные уста и необузданный язык, не перестает отрицать благочестивые догматы православия…». Флавиан пришел от записки в большое смущение. Поначалу он предложил Евсевию келейно объясниться с Евтихием и полюбовно привести дело к благоприятному концу, но Евсевий решительно отказался.

Тогда собор епископов вынужден был вызвать на свои заседания Евтихия. Тот долго не хотел являться, ссылаясь на свой обет, но в конце концов уступил настоятельному требованию.

Когда епископы спросили архимандрита, признает ли он догмат о единосущности Христа человечеству, Евтихий отвечал, что так как в символе о Христе сказано только, что «Он единосущен Отцу», и ничего не сказано в отношении того, единосущен или не единосущен Христос нам по человечеству, то он и держится лишь той истины, что Христос «единосущен Отцу по Божеству». Члены собора нашли такое вероопределение недостаточным и продолжали допытываться у Евсевия о его отношении к двум естествам Христа. В конце концов Евтихий кратко и ясно выразил свое учение в следующих словах: «После воплощения Бога-Слова я поклоняюсь только одному естеству, естеству Бога, воплотившегося и вочеловечившегося; исповедую, что Господь наш состоит из двух естеств прежде соединения, а после соединения исповедую одно естество».

Ему указывали на явную несуразность его взглядов, ибо как можно, признавая рождение Христа от Девы, в то же время принижать Его человеческую природу? Но этот довод не убеждал Евтихия. Все его учение строилось на различии между понятием «тело человека» и «тело человеческое». Он не оспаривал того, что тело Христа, взятое абстрактно, есть нечто человеческое, но из этого не делал вывода, что Христос есть человек (так, например, из того, что нечто розового цвета еще не следует, что это нечто — роза). Поскольку, по соединению двух естеств в Христе, божественное, безусловно доминировало в Нем над Человеческим, Евтихий считал неправильным признать Христа человеком, хотя по Евангелию Он и есть Сын Человеческий. Евтихий искренне недоумевал: «Разве может быть тело Господа и Бога нашего единосущным нам?» — и не понимал, как можно приравнивать Христа к людям, когда Он есть Бог. О «человеческом» в Христе он считал дозволенным говорить только в особом и не прямом смысле.

После того как еретичность взглядов Евтихия сделалась для всех очевидной, он был приговорен к лишению своего настоятельства, низложению священнического сана и церковному отлучению. Поскольку монахи отказались признать осуждение своего архимандрита, архиепископ Флавиан запретил им совершать литургии, а потом вообще секвестровал их имения, назначив доходы с них употреблять на бедных. Евтихий не смирился с этими постановлениями и стал рассылать письма к церковным иерархам во все концы империи; он жаловался на несправедливость и настаивал на созыве нового Вселенского собора. Его письма нашли живой отклик прежде всего в монашеской среде, а также в тех областях империи, где особенно остро проходила борьба с несторианством. Так, большинство египетских христиан безусловно разделяло его учение. Много сторонников было у него и в других восточных провинциях. Этих последователей Евтихия стали называть монофизитами («единоестественниками», то есть

исповедующими в Христе только одно естество). Монофизитское учение принял Диоскор, вступивший по кончине Кирилла (в 444 г.) на александрийскую кафедру. Даже при дворе у монофизитов была сильная партия во главе с императрицей Евдоксией.

Сам Евтихий, лишь по чистой случайности оказавшийся в центре религиозной борьбы, не имел ни сил, ни способностей для того, чтобы возглавить партию своих единомышленников. Настоящим главой монофизитов стал александрийский архиепископ Диоскор — личность противоречивая и неоднозначная. До своего возвышения на кафедру он, видимо, отличался высоким характером, но впоследствии оказался человеком буйным, жестоким, хищным и безнравственным. Пользуясь благосклонностью двора и особенно покровительством Хрисафия, евнуха, имевшего безграничное влияние на Феодосия II, Диоскор добился права председательствовать на собранном в 449 г. в Эфесе церковном соборе. Главной задачей его был разбор жалобы Евтихия на архиепископа Флавиана и других участников Константинопольского собора 448 г.

С самого начала монофизиты имели в Эфесе значительный перевес. Диоскора сопровождала большая свита монахов. Его единомышленник Варсума, настоятель одного из сирийских монастырей, также приехал на собор во главе тысячи монахов, готовых оказать давление на епископов. Заседания собора были шумными и беспорядочными. Диоскор изгнал всех протоколистов, кроме тех, что принадлежали к его партии, и приступил к суду над Флавианом. После чтения деяний Константинопольского собора епископы без долгих рассуждений признали вероисповедание Евтихия православным. Всех, кто осмеливался говорить о двух естествах Иисуса Христа, прямо объявили несторианами. Затем Диоскор грубо провел решение о низложении Флавиана. (По его требованию в зал вошел проконсул Азии, сопровождаемый солдатами; те епископы, которые отказывались подписывать осуждение константинопольского архиепископа, были принуждаемы к этому угрозами, ругательствами и даже побоями.) Рассказывают, что самого Флавиана фанатичные монахи били по лицу, бросили на пол и топтали ногами. Он умер через несколько дней по пути к месту своего изгнания. Евсевий Дорилейский был низложен и заключен в тюрьму, однако сумел бежать и нашел убежище в Риме. Император утвердил решения Эфесского собора, получившего в дальнейшем прозвание «разбойничьего».

Насильственные и беззаконные действия Диоскора вызвали возмущение во многих поместных церквах. Римский архиепископ Лев Великий созвал в Риме собор местных епископов и осудил постановления Эфесского собора. Со всех сторон раздавались требования о созыве нового Вселенского собора. На Востоке это предложение поддерживала сестра императора Пульхерия. В 450 г., после смерти Феодосия II, она вступила в брак с военачальником Маркианом и провозгласила его императором.

По его распоряжению в 451 г. в Халкидоне собрался новый церковный собор, который в официальной церковной истории именуется четвертым. На нем присутствовало 630 епископов. Председательствовал константинопольский архиепископ Анатолий.

Собор начался с разбора решений предыдущего Эфесского. Евсевий Дорилейский выступил с обвинениями против Диоскора. Улик против

последнего было больше чем достаточно, и он был низложен почти единогласным решением. Затем епископы осудили Евтихия. (Этот виновник раскола к тому времени уже сошел со сцены. Мы не видим его на Халкидонском соборе, он не был вызван в число подсудимых, и даже имя Евтихия фактически не упоминалось).

Главным деянием IV Вселенского собора стала выработка догмата об образе соединения двух естеств в лице Иисуса Христа. Принятое после долгих обсуждений вероопределение провозглашало: «Научаем исповедовать одного и того же Сына Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в Божестве, совершенного в человечестве, истинного Бога, истинного человека, того же из разумной души и тела, единосущного Отцу по Божеству и того же единосущного нам по человечеству, во всем подобного нам, кроме греха, рожденного прежде веков от Отца по Божеству, а в последние дни ради нашего спасения от Марии Девы Богородицы по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа единородного в двух естествах, неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, — так что соединением нисколько не нарушается различие двух естеств, но тем более сохраняется свойство каждого качества и соединяется в одно лицо и одну ипостась, — не в два лица рассекаемого или разделяемого, но одного и того же Сына и единородного Бога Слова, Господа Иисуса Христа, как в древности пророки учили о Нем и как Сам Господь Иисус Христос предал нам символ отцов». Догматически это вероопределение сводится к тому положению, что в Христе два естества, но одно лицо или одна ипостась. Он есть единое «я» с единым самосознанием; и «я» человеческое в Нем тождественно с «я» Бога Слова. Но это тождество надо понимать не в том смысле, что «я» человеческое подавлено «я» Бога, а в том, что им положена основа для этой личной жизни. Человеческая жизнь в Христе есть полная личная жизнь. Этим вероисповеданием осуждались как несториане, так и монофизиты.

После собора император Маркиан издал строгие законы относительно монофизитов.

Приказано было всем принимать учение, определенное Халкидонским собором; монофизитов ссылать в заточение или изгонять, сочинения их сжигать, а за их распространение казнить. Диоскор и Евтихий были сосланы в отдаленные провинции.

Однако позиции монофизитов оставались очень сильны, особенно в Египте, где местные христиане восприняли вероисповедание Халкидонского собора как восстановление несторианства. Православный патриарх Протерий, поставленный на место низложенного Диоскора, не пользовался в Александрии никаким влиянием.

Большинство египетских христиан отказалось от общения с ним. В 457 г. он был убит. На его место монофизиты возвели Элура, который низложил всех епископов, принимавших Халкидонское вероопределение. Светские власти безуспешно пытались бороться с влиянием еретиков. Император Лев I в 460 низложил Элура и послал на его место православного Тимофея. Александрийцы приняли его, но не приняли православия. Точно так же очень многочисленны были монофизиты в Антиохии. Все это стало причиной бесчисленных церковных смут,

волновавших восточную церковь и все византийское общество на протяжении многих Десятилетий. Император Юстиниан I, все свое долгое царствование прилагавший усилия для водворения церковного мира и даже созвавший с этой целью в 553 г. в Константинополе пятый Вселенский собор, так и не преуспел в этом Деле. Православного александрийского патриарха по-прежнему продолжала признавать лишь небольшая часть египтян греческого происхождения. Что касается коренных жителей этой провинции — коптов, то они избирали своего коптского патриарха. Коптская церковь объединяла до 5 миллионов христиан в Египте и большинство эфиопов. Ту же картину наблюдаем в других восточных провинциях. Так, в середине VI в. Иаков Барадей, объединив всех монофизитов Сирии и Месопотамии, образовал здесь независимый от Константинополя патриархат (от него тамошние монофизиты получили прозвание иаковитов). Еще раньше отпала армянская церковь, вообще не признавшая четвертого Вселенского собора. Тут утвердился свой независимый глава церкви — каталикос всех армян.

Когда в средине VII в. большую часть восточных провинций завоевали арабы- мусульмане, эти церкви окончательно обособились от Константинополя.

Св. Дионисий Ареопагит

Сборник богословских сочинений, дошедший до нас под именем Дионисия Ареопагита («Ареопагитики»), принадлежит к числу самых загадочных памятников христианской древности. О его авторе — Дионисии, члене афинского Ареопага, — кратко сообщается в «Деяниях апостолов» и «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. Мы знаем, что, обращенный в христианскую веру апостолом Павлом, он стал первым епископом Афин, одно время проповедовал в Галлии и принял там мученическую смерть от гонителей. Имя Дионисия как церковного писателя стало широко известным между 485 и 515 гг., когда в культурный оборот вошли четыре приписываемых ему трактата: «О Божественных именах», «О небесной иерархии», «О церковной иерархии», «О мистическом богословии». Вплоть до эпохи Возрождения сомнений в древности и подлинности «Ареопагитик» не возникало ни на Востоке, ни на Западе.

И это способствовало их необычайной популярности. Исключительный религиозный подъем, необыкновенная глубина и острота мистических умозрений, сам язык, выразительный и страстный, поражали воображения многих поколений христиан и заставляли признавать Ареопагита одним из величайших религиозных мыслителей прошлого. Но потом авторство Дионисия стало вызывать все большие сомнений, и в настоящее время можно считать твердо установленным фактом, что никаких сочинений настоящий Дионисий после себя не оставил, а приписываемые ему труды являются позднейшей подделкой. В пользу этого положения свидетельствует не только полное отсутствие каких бы то ни было упоминаний о творениях Ареопагита вплоть до начала VI в., но и самый характер памятника, слишком далекого и по языку и по строю мысли от безыскусной простоты первохристианскои эпохи. Нет сомнения, что подлинный автор «Ареопагитик» прекрасно знал и разрабатывал идеи

неоплатоников: прежде всего Прокла, но также и Плотина, Порфирия и Ямвлиха (III–V вв.), что, конечно же, исключает всякую мысль об апостольских временах. О действительном создателе «Ареопагитик», о месте их составления, о целях «подлога» ничего не известно. Можно предположить только, что неведомый автор был родом из Сирии и скрылся под именем Дионисия, желая придать своим творениям больше авторитета.

Если это так, то замысел его увенчался полным успехом: церковь допустила «Ареопагитики» в свою святоотеческую письменность, и они сильно повлияли на развитие богословской и мистической мысли как на Востоке, так и на Западе. В Средние века Дионисий несомненно был самым большим авторитетом для представителей всех школ, и без него будет совершенно непонятна вся история средневековой мистики и философии.

Величайший пиетет, которым всегда было окружено имя Ареопагита, легко понять, ибо никто из христианских философов до него не сумел так глубоко погрузиться в неведомые тайны Божественного и так полно выразить Невыразимое. Сам метод его Богопознания был поразительным и дерзким. Дионисий писал, что в Своем бытии, «по собственному своему началу или свойству» Бог непознаваем и непостижим.

Внутрибожественная жизнь совершенно скрыта от тварных взоров, превышает всякую вместимую и доступную для разума меру. Человеческое сознание никогда не проникнет в ее сокровенные и неизреченные глубины. «Изъятый» из мира Бог как бы не существует в нем, но это не значит, что Он далек или что Он скрывает Себя.

Своим промышлением Бог неизменно и непрестанно сходит в мир, присутствует во всем и становится всем, оставаясь при этом недвижным и неизменным. Дионисий писал: «Мы познаем Бога не из Его природы, которая непознаваема и превышает всякую мысль и разум, но из установленного Им порядка всех вещей, которые содержат некие образы и подобия Божественных первообразов — восходя к Тому, что находится превыше всего, особым путем и порядком, через отвлечение от всего и возвышение над всем».

Для этого познания Дионисий предлагал два пути. Первый — через резкое и решительное противопоставление Бога миру, то есть через отрицание в Нем всех определений, свойственных и подобающих Его творениям. Второй — через повышение всех определений, обычно прилагаемых к божественным творениям. Богопознание путем противопоставлений исходит из положения, что о Боге ничего нельзя сказать утвердительно, ибо всякое утверждение частично и потому есть ограничение. В этом смысле Бог есть ничто, так как Он не есть никакое особенное или ограниченное что. Он выше каждого отдельного и определенного, выше всякого ограничения, выше всякого определения и утверждения и потому выше всякого отрицания. Божество не подлежит никаким чувственным и пространственным определениям — не имеет ни очертания, ни формы, ни качества, ни количества. Божество также выше всех умозрительных имен и определений. Бог не есть ни душа, ни разум, ни воображение, ни мнение, ни мышление, ни жизнь. Потому Он не воспринимается ни словом, ни мыслью. Он выше познания. Он выше всего — «ничто из несуществующего и ничто из существующего». Поэтому познание Бога лежит через освобождение от всякой разнообразной

примеси — через «упрощение души», через «вхождение в самого себя», через отвлечение от всякого познания, от всех образов, чувственных и умственных.

Бога мы познаем только в покое духа и покое познания, не издали, не через внешнее, не через размышление о Нем, но через непостижимое с Ним соединение. Это возможно только через экстаз, через исхождение за все пределы, через исступление. Истинное познание есть познание без слов и понятий, и потому несообщаемое познание, доступное только тому, кто его достиг и имеет.

Это отрицательное Богопознание можно и должно дополнить положительным. Хотя в неизменной простоте Своего бытия Бог выше всякого определения, всякого имени, множественность Его проявлений можно определить различными определениями и именами. Однако при этом надо помнить, что ни одно из этих имен в отдельности, ни все они в совокупности не дают представления о сущности Божества. Тем не менее если встать на этот путь, то прежде всего надо сказать, что Бог — это Благость. По причинам Своей благости Бог не остается в Самом Себе, а созидает и животворит мир. Как от неиссякаемого источника света, от Него повсюду распространяются живительные лучи, и все существующее проникнуто этими лучами.

Бог есть также Промыслитель, Творец и Прообраз мира, начало всего сущего, Причина, поддерживающая Сила и последний Предел. Ибо в Боге нераздельно предсуществуют все предопределения бытия, представляющие из себя «самосовершенные и вечные мысли вечного Бога». Это как бы Лик Божий, обращенный к миру. И мир существует лишь потому, что прообраз его мыслится Богом. В этом смысле Бог есть Жизнь и само Бытие. Наконец, Бог есть совершенная красота, Красота без всякого изъяна — источник и прообраз всякой красоты. Все существующее ради Него и от Него получает свою красоту, то есть стройность и меру.

В соответствии с вышесказанным, образ мира у Дионисия определяется прежде всего идеей строя и лада, имеющих основание в неизреченном покое Божественной жизни.

Все в мире стройно и созвучно, все состроено и согласовано между собой. Все существующее, не теряя своего своеобразия, слагается в живую гармонию и сказывается прежде всего в иерархичности мира. Выше всего в этой иерархии — Божественная красота. К ней и устремляется все остальное, чтобы в меру своей возможности «обнаружить в себе Божественную деятельность». Первое место в иерархическом строении причаствующего Богу тварного мира принадлежит первопричинам и миру идей. Высшие чины его являются посредниками в Богопричастии низших. Наверху тварной лестницы стоят горние ангельские чины — «бесчисленное блаженное воинство премирных умов»… Их совершенство определяется тем, что им в наибольшей степени доступно счастье Богообщения. По своей духовной природе они ближе всего к Богу. Первая и высшая триада ангелов это — Херувимы, Серафимы и Престолы. Им доступно прямое и непосредственное видение Божественных тайн. Они живут в Божественном свете и непосредственно созерцают Его. Выше всех — Херувимы, обладающие «совершенно-простым знанием высочайшего света». Вторая иерархия — это Господства, Силы и Власти. Им доступно уже только

вторичное озарение, непосредственно через чины первой иерархии. Еще ниже третья иерархия — Начала, Архангелы и собственно Ангелы.

Ангелы всего ближе к материальному миру и незримо присутствуют в нем. Они представлены к каждому народу и предводительствуют земной иерархией.

К последней триаде ангелов примыкает иерархия земная. Ее возглавляет церковь, в которой Дионисий различал два родственных круга. Первый — священные чины епископы, диаконы и пресвитеры. Из них епископы — это высшая ступень в чувственном мире, непосредственно примыкающая к горнему миру чистых духов, а пресвитеры — необходимое звено между священством и миром, в задачу которых входит объяснять светским людям священные символы и обряды. Второй круг церкви — это «чины совершаемых». Он также состоит из трех ступеней, монахов, «созерцателей» (добродетельных христиан) и оглашенных. Их совершенство определяется степенью близости к божественной идее.

Нарушение установленной Богом иерархии, гармонии мира рождает беспорядок, который, по Дионисию, и есть зло. Следовательно, зло существует не само по себе, а лишь как нарушение. Поэтому абсолютного зла нет и не может быть (его существование было бы равносильно отсутствию гармонии, то есть самому существованию Бога и мира).

Св. Григорий Двоеслов

Среди христианских вероучителей папа Григорий Великий (или Двоеслов) занимает особое место. На первый взгляд, если рассматривать по отдельности каждую из областей, в которой ему пришлось потрудиться, он не совершил ничего выдающегося.

Как римский первосвященник он уступал могуществом, влиянием и, наверное, талантом жившему спустя четыреста лет Григорию VII. Он не прославил себя суровым аскетизмом, как основатель монашества Антоний, не достиг таких глубин в богословии, как Григорий Назианзский или Дионисий Ареопагит. Он не обладал ученостью Блаженного Иеронима, и проповеди его, с точки зрения красноречия, уступали проповедям Иоанна Златоуста. И, тем не менее, он по праву признан одним из величайших отцов церкви, ибо стал для многих поколений образцом в самом важном и ответственном для любого священника деле — в деле пастырского служения.

Родился Григорий в 540 г. в прежней имперской столице, городе Риме, и происходил из знатного сенаторского рода. Его родители отличались примерным наследственным благочестием. Одним из его предков со стороны отца был папа Феликс III, а его мать Сильвию позже причислили к лику святых. Благочестивые семейные обычаи и религиозное настроение сильно отражались на впечатлительном юноше, который уже в молодые годы мечтал постричься в монахи. Однако желание его осуществилось не сразу. Родители готовили его для светской службы и постарались дать сыну хорошее образование Современник Двоеслова, знаменитый церковный историк Григорий Турский, писал о нем, что Григорий «в науках грамматических, диалектических и риторических так был сведущ, что в городе считался выше всех их по знанию». Это лестное

свидетельство следует, однако, принимать с оговорками. В VI в. Италия являлась уже наполовину варварской страной, общий уровень культуры здесь сильно упал. В римских грамматических школах невозможно было получить того блестящего образования, какое имели отцы церкви IV в. Как правило, ученикам сообщались здесь элементарные сведения о греческой философии и литературе, но сам греческий язык не изучался. Не знал его и Григорий. (Впрочем, это не мешало при желании добыть необходимые знания из переводных сочинений, о чем свидетельствует слава Блаженного Августина, — он также не владел греческим, но по другим причинам.)

По окончании учения Григорий служил при императоре Юстине II, пользовался его доверием и достиг высокой должности претора (в его обязанности входило наблюдение за отправлением правосудия). Однако в 575 г., вскоре после смерти отца, он оставил карьеру мирских отличий и употребил свое богатство на построение в Сицилии шести бенедиктинских монастырей. Седьмой — в честь апостола Андрея — Григорий основал в Риме в собственном доме. Поселившись здесь, он мечтал посвятить остаток жизни уединению, благочестию и аскетическим подвигам.

Слабое здоровье мешало ему поначалу выдерживать длинные бдения и посты. Но под наблюдением опытных старцев он постепенно укрепил себя и всецело отдался воздержанию, молитве, созерцанию и богомыслию. Впрочем, мечтам Григория не суждено было осуществиться. В 578 г. на него обратил внимание папа Пелагий II, который взял его из монастыря, рукоположил в сан диакона и отправил в Константинополь с важным дипломатическим поручением.

В те годы Италия переживала одну из самых трагических страниц в ее истории — нашествие лангобардов. Григорий вспоминал позже: «Все тогда во многих частях Европы предано было варварам, разрушены были города, ниспровергнуты станы, опустошены провинции, земледельцы бежали со своих полей… и конца не предвиделось казням божественного правосудия». Север и юг страны уже пребывали под властью варваров. Многие итальянцы были убиты или ограблены, другие бежали.

Византийцы сохранили контроль только над небольшой областью в центре полуострова с городами Римом и Равенной, но и те, казалось, вот-вот падут. Григорий был отправлен ко двору Тиберия II с поручением ходатайствовать о помощи против германцев, но не очень преуспел в этом деле (императору тогда было не до Италии — он с трудом отбивался на востоке от персов, а на севере от славян и аваров).

В эту поездку Григорий взял несколько монахов из своего монастыря и, окруженный ими, проводил в Константинополе время так, как будто был в своем андреевском монастыре в Риме, соблюдая все предписанные уставом порядки. Не оставлял он и литературных трудов. В столице Григорий начал писать сочинение «Толкование на Иова». Вернувшись в 585 г. в Рим, он сделался настоятелем своего монастыря, а также исполнял должность церковного секретаря при Пелагии.

В 590 г. Рим постигли новые страшные бедствия — сначала разрушительное наводнение, а потом эпидемия, в результате которой умерло много народа, и среди них папа Пелагий. Временное управление церковью, как к одному из диаконов, перешло к Григорию. По избрании преемника Пелагию он собирался вернуться в свой монастырь. Однако и

народ, и гражданские власти единодушно потребовали от него, чтобы он стал новым папой. Узнав об этом, Григорий пришел в ужас (надо полагать, совершенно искренний, поскольку хорошо представлял тяжесть забот, связанных с исполнением должности первосвященника). Поначалу он отказывался, пытался даже скрыться из города, но народ не позволил ему уехать. Наконец Григорий согласился принять наследие Пелагия.

Положение, в котором он оказался после своего избрания, было очень затруднительным. Сам Григорий сравнивал свою церковь «с древним, разбитым бурею кораблем, в который со всех сторон проникает вода, так как балки его сгнили, расщеплены ежедневными бурями и грозят крушением». Самая страшная угроза исходила со стороны лангобардов. Местные византийские власти не имели ни мужества вести с ними действенную войну, ни мудрости для начала мирных переговоров. Варвары, чувствуя свою безнаказанность, то и дело совершали опустошительные набеги на окрестности Рима. Жители деревень, обессиленные войной и болезнями, почти не занимались земледелием. Страна жила под постоянной угрозой голода. Состояние церковных дел также оставляло желать лучшего. Церкви и монастыри были разорены; духовенство малочисленно, его явно не хватало для пастырского руководства общинами. Среди священников ощущался общий недостаток нравственности и дисциплины. Да и сама католическая вера находилась под угрозой.

Лангобарды, хозяйничавшие в Италии, исповедовали арианство. В Галлии эта ересь также имела очень сильные позиции. Испания только в 589 г. освободилась от арианства, но требовалось потратить еще много сил для завершения и закрепления этой победы.

Первой и главной заботой Григория стало заключение мира с лангобардами.

Формально ведению пап в то время подлежали только церковные дела. Но поскольку наместники императора — экзархи, укрывшись в хорошо укрепленной Равенне, бездействовали, папы фактически сделались правителями Рима и им поневоле приходилось принимать участие в политических делах. В 592 г. Григорий через голову экзарха самовольно утвердил с варварами мирный договор. Византийцы его не признали, и война продолжалась. В 593 г. король лангобардов Агилульф подступил к самому Риму, опустошил его окрестности и перебил множество жителей. Григорию пришлось начинать все сначала. Только в 599 г., благодаря его неустанным хлопотам и посредничеству, был найден компромисс, устраивающий обе стороны, и император заключил с варварами мир. Итальянцы наконец могли вздохнуть свободней.

Однако для роста значения папства в то время важна была не столько политическая, сколько церковная деятельность Григория. В этом отношении труды его также были многогранными и плодотворными. До наших дней дошло более 850 писем этого папы, представляющих замечательную картину его обширной и разнообразной деятельности.

Одной из главных забот Григория было огромное хозяйство римской курии, владевшей при нем богатыми имениями в различных частях Италии, Галлии и Сицилии. Он оказался очень способным хозяином и смог за четырнадцать лет своего папства значительно повысить их доходность. В

результате в его руках оказались очень большие по тем временам богатства, которыми он умело пользовался на благо народа и церкви.

Личные потребности Григория оставались минимальными. Сделавшись папой, он продолжал вести жизнь самую скромную, простую и воздержанную. Огромная часть доходов римской кафедры тратилась при нем на поддержку неимущих. По характеру Григорий был человек мягкий, деликатный и впечатлительный. Его сострадательность могли оценить многие разоренные города и деревни, которым он каждый месяц отправлял хлеб, вино, рыбу и другие припасы. Благотворительность его была безмерна. Он пекся также о школах, больницах, богадельнях, странноприемных домах, высылая в них все необходимое. Римляне являлись предметом его особой заботы. В эти трудные годы кроме папы у них не было другого защитника и благодетеля, и ежедневно Григорий отправлял милостыню многим нуждающимся во всех частях города.

Во многом благодаря неустанным заботам Григория о нуждах церкви и народа, благодаря его личным качествам и святой жизни, моральный авторитет папства значительно вырос в глазах западных христиан. Именно при Григории влияние римского первосвященника впервые вышло за пределы Центральной Италии и стало ощущаться на всем Западе, прежде всего в Испании, но также во Франкском королевстве и Иллирии. Григорий много потрудился для христианского просвещения других стран. В 596 г. он отправил несколько монахов из своего андреевского монастыря миссионерами в далекую Британию, после чего началось обращение этой страны в христианство.

Среди многих дел Григорий Двоеслов находил время для ученых занятий. Своей литературной славой у современников он был обязан прежде всего «Разговорам о жизни и чудесах италийских отцов». (В этом сочинении, замечательно характеризующем эпоху, Григорий собрал и пересказал бесхитростные рассказы о чудесах итальянских святых.) Но для последующего развития западной церковной литературы гораздо большее значение имела проповедническая деятельность Григория. Заслуги его в этой области были настолько велики, что Двоеслова называют иногда творцом латинской проповеди. При всей, на первый взгляд, неумеренности этой оценки (ведь не секрет, что до Григория на Западе было много талантливых проповедников: Амвросий Медиоланский, Блаженный Августин, Лев Великий и др.) она все же не безосновательна.

Сам Григорий объявил проповедничество существеннейшей частью пастырского служения. Он считал недопустимым ограничивать пастырскую деятельность только выполнением обрядов и совершением молитв. Между тем западное духовенство долгое время холодно относилось к этой стороне своего долга и оставляло ее в пренебрежении Чтобы преодолеть предубежденность современников, Григорий пишет специальное сочинение — «Пастырское правило», составившее целую эпоху в раннесредневековой церковной литературе В первой части этого знаменитого труда определяется, какие свойства должен иметь тот, кто хочет посвятить себя пастырскому служению, во второй — каково должно быть поведение принявших на себя пастырское звание; а в третьей — каким образом должен учить других пастырь церкви (тут помещалось много практических советов о том, как готовиться к проповеди, как говорить ее, как правильно

излагать свою мысль, какие темы затрагивать и т. п.). Григорий писал, что главное в проповеди — это не блеснуть красотой слова, а донести до слушателя дух евангелия, затронуть его сердце.

Человек, поддавшийся самолюбивому желанию говорить красиво, часто вместо того, чтобы давать назидания другим, только приносит жертвы своей страсти: старается очаровывать слушателей, заискивает их внимания и одобрения. Проповеди самого Григория всегда были безыскусны и просты. Прочитав какое-то место из Евангелия, он обычно в ясных и душевных словах прямо приступал к разъяснению. В его беседах не было никакой декламации, никакой риторики и никакой литературной глубины.

Поясняя свою мысль, он не стремился демонстрировать начитанности, а брал примеры из обыденной жизни или жизни своей собственной.

Сопоставляя беседы Григория Двоеслова с творениями другого знаменитого проповедника более ранней эпохи — Иоанна Златоуста, можно отметить еще одну особенность: в отличие от Златоуста, пастыря сурово бичующего и обличающего порок, Григорий был проповедником утешающим. Время, в которое он жил, было наполнено множеством бедствий, и люди искали в вере прежде всего отдохновения.

Григорий хорошо понимал это. При высоте аскетических идеалов в нем было много, как он сам говорил, «мягкой сострадательности к немощной низшей братии».

Обращаясь к своим прихожанам, он стремился снять с их плеч тяжелый груз каждодневных забот, притупить горечь утрат и разочарований. Это сообщало всем его проповедям неповторимую прелесть. В своем «Пастырском правиле» он писал, что нельзя быть пастырем непримиримым: надо помнить о естественных слабостях человека. «Нужно кротко и умеренно обличать грешника, — говорит Григорий, — потому что человек часто грешит не по злости, а по неведению и слабости».

Пастырское слово произносится не с тем, чтобы убивать, а для того, чтобы врачевать. В другом месте Григорий пишет: «В обличениях весьма трудно бывает удержаться, чтобы не сказать чего-нибудь невыносимого Нередко одно неосторожное, слишком резкое слово обличителя, вместо того чтобы уврачевать грешника, убивает его, повергает в отчаяние. Посему, когда пастырь после обличительной проповеди заметит, что поразил слушателей слишком сильно, тотчас должно прибегнуть к покаянию и со слезами просить у Господа прощения…» Слово проповедника всегда серьезно, спокойно, строго, но вместе с тем оно растворяется мягкостью любви и дышит «нежностью материнской ласки». В этом и других подобных наставлениях проглядывает нежная и любящая душа Григория.

Современники безмерно восхищались творениями Двоеслова. Недаром многие его проповеди были записаны скорописцами и ходили потом по рукам благочестивых христиан. В последующих веках они продолжали оставаться предметом подражания. В знаменитом Гомилиарии Карла Великого, включившем в себя лучшие проповеди отцов католической церкви, беседы Григория заняли центральное место. Полвека

спустя Реймский собор 852 г. повелел каждому пресвитеру прилежно читать и изучать проповеди св. Григория, а некоторые из них заучивать наизусть. Его «Пастырское правило» имело такое большое значение, что соборы IX в. в каталоге книг, необходимых для пастырей церкви, назначают этому сочинению место тотчас после Священного Писания. Каждый, приступающий к проповеди, должен был знать его во всех подробностях.

Сказанным далеко не исчерпывается значение Григория для западной церкви, но всех его трудов нельзя перечислить в коротком очерке. Им, к примеру, была основана школа мальчиков, приготовлявшая будущих клириков, и Григорий, среди своих забот и болезней, находил время для того, чтобы непосредственно руководить их образованием: учил их пению и отправлению богослужения, чем очень способствовал исправлению церковно-богослужебного вкуса. Он произвел полный переворот в церковном пении, начало которому положено на Западе св. Амвросием. Григорий, очень заботившийся о торжественности и стройности богослужения, к четырем главным гласам Амвросия прибавил еще четыре гласа побочных, благодаря чему пение утратило свой речитативный характер и превратилось в одну определенную мелодию, в которой музыка господствовала над текстом. Папа учредил певческую капеллу и лично руководил упражнениями хористов.

Трудно поверить, что этот энергичный, трудолюбивый человек имел очень слабое здоровье — постоянно страдал расстройством желудка, подагрой и ревматизмом. В последние годы из-за сильной слабости он почти не вставал с постели. В одном из своих писем он писал: «Так меня мучает подагра и другие болезни, что жизнь моя становится для меня самым тягостным и тяжелым наказанием. Каждодневно изнемогаю я от болезни и, стеная, ожидаю лекарства смерти». Умер Двоеслов в 604 г.

Св. Максим Исповедник

О мирской жизни Максима Исповедника — одного из самых выдающихся отцов церкви VII столетия — мы знаем немного. Он родился в 580 г. в Константинополе и происходил из высокопоставленной семьи, которая, кажется, находилась в родстве с императором Ираклием I. В юности он получил серьезное образование, в том числе основательно изучил богословие и философию. Как видно из его сочинений, он был очень начитан, и не только в церковной, но и в светской литературе. В молодые годы Максим служил при дворе в императорской канцелярии, был первым секретарем у императора Ираклия, а потом входил в состав его совета. Уже будучи зрелым человеком, он оставил мир и ушел в уединенную Хризопольскую обитель, вблизи Халкидона, «где процветало тогда любомудрие». Его подвиги стяжали ему уважение братии, и спустя несколько лет он против воли был избран игуменом. По смирению Максим не принял священнического сана, оставаясь только монахом. Широкую известность его имя получило в 30-х гг. VII в., когда жизнь Максима оказалась неразрывно связана с историей догматической борьбы против монофелитов.

Ересь монофелитов является продолжением или видоизменением ереси монофизитов.

Император Ираклий понимал, какое зло государству приносит религиозное разделение, возникшее после IV Вселенского собора, и потому прилагал усилия для преодоления раскола. В 20-х гг. VII в., во время похода на персов, Ираклий встретился и долго беседовал с патриархом сирийских монофизитов Афанасием. Тот подал императору мысль, что раскол, возможно, будет преодолен, если православные, не отказываясь от догмата о двух естествах, признают в Иисусе Христе одну волю. (Вопрос об одной или двух волях в Христе был еще не раскрыт церковью, однако, признавая в Христе два естества — божеское и человеческое, православные должны были видеть в Нем две воли.)

Ираклию предложенный компромисс показался хорошей основой для прекращения церковной смуты. В 630 г. он признал Афанасия законным патриархом Антиохии, а александрийскому патриарху Киру велел войти в сношения с египетскими монофизитами. В 633 г., после долгих переговоров с ними, Кир издал девять согласительных членов, в одном из которых высказывалось учение о единой воле в Христе. Умеренные монофизиты признали эти члены и вступили в общение с Киром.

Однако православное духовенство в большинстве своем не пожелало принимать вероисповедание Кира, указывая на то, что учение о единоволии — оно подучило название монофелитства (единоволия) — есть, в сущности, прикрытое монофизитство. (Сторонники соглашения 633 г. настаивали на том, что они не уклоняются от исповедания веры IV собора. И действительно, божественное и человеческое начала в Христе они ясно различали, а единство воли относили не к «естеству», а к «ипостаси». Однако эти оговорки не спасали их от уклонения в монофизитство, которое при таком подходе оказывалось неизбежным: приходилось признавать, что божественная воля главенствовала над человеческой, что Христос был «богодвижным» и все человеческое в Нем оставалось пассивно. Другими словами, Христос, если признавалось в Нем единство воли, не имел подлинной свободы и своеобразие человеческого не оттенялось в Нем с достаточной силой.) Одним из первых против монофелитов выступил иерусалимский патриарх Софроний. Но в 637 г. Иерусалим был захвачен арабами и оторван от общецерковной жизни. В 638 г. Ираклий издал так называемое «Изложение веры», в котором признавалось православное учение о двух естествах Христа, но вместе с тем проводилось монофелитское положение о наличии у Него только одной воли. «Изложение» на несколько десятилетий стало официальным вероопределением Константинопольской церкви.

Как раз в это время имя преподобного Максима сделалось широко известным среди защитников православной веры. Еще в 633 г. — сразу после появления «Девяти членов» Кира — он отъехал из охваченного ересью Константинополя, некоторое время пробыл на Крите, затем перебрался в Египет и, наконец, оказался в Карфагене, где жил в 640–646 гг. Тут он стал признанным главой всего православного движения. По свидетельству его жития, все население не только Африки, но и близлежащих островов «почитали Максима, как своего наставника и вождя». Он много путешествовал по стране, вступал в сношения с епископами и вел обширную переписку. В его трудах православное учение

о «двух волениях» Христа получило свое классическое изложение. Монофелитство подняло новый для христианской церкви догматический вопрос — вопрос о человеческой воле и ее соотношении с волей божественной. Эта проблема еще никогда не ставилась богословием с такой определенностью, и готового решения ее не было. Вся полемика Максима с монофелитами сводилась, строго говоря, к разъяснению, что воля есть необходимый элемент человеческой природы, что без воли и свободы человеческая природа будет неподлинна и неполна. Его богословскую систему легче всего понять, исходя из идеи откровения, с которым он связывал творение мира. Миротворчество, по Максиму, процесс длительный, имеющий протяженность как во времени, так и в пространстве. Бог Слово совершенствует, преображает мир, постепенно проявляя Себя в нем. Сначала возникает мир духовный и ангельский. Потом приходит очередь мира физического, который есть, таким образом, закономерное продолжение духовного, как духовный — продолжение божественного. При таком понимании миротворения, четких границ между божественным и духовным, духовным и материальным нет и не может быть. Максим писал, что вещественный мир есть некое таинственное «уплотнение», «сгущение» духовного мира. Поэтому все тварное в своих глубинах духовно Чувственный мир это не преходящий призрак духовного, не распад и не умаление бытия. Напротив, он отражает его истинную полноту и цельность. Само разделение на «материальное» и «духовное» в известной мере условно, так как в своей сущности мир един и один. «Ибо весь умопостигаемый мир таинственно и символически отображается в чувственном. И чувственный мир своими основаниями всецело содержится в умопостигаемом». Смыкание духовного и материального миров с наибольшей полнотой произошло в человеке. Принадлежа в равной мере им обоим, человек являет собой символ всего сотворенного космоса, и в то же время он есть образ Божий. В нем таинственно сосредоточены все энергии, открывающиеся в мире, как материальные, так и божественные. Цель и назначение человека в том, чтобы обнять в своем сознании все планы бытия и через себя соединить их с Богом. Мир достигнет совершенства только тогда, когда Бог будет во всем, и все станет причастно Ему, для чего Бог Слово должен воспринять всю полноту тварного естества. Это изначально задуманное соединение, это восприятие должно было совершиться в чуде Боговоплощения, вочеловечивания Бога. Господь для того и открывается миру в своем откровении (созидает его), чтобы стать под конец человеком и через осуществление подлинной согласованности космических сил обратить весь мир в целостный и единый организм. Так что по самому устроению своему человек призван был к обожению, именно в нем через Воплощенное Слово должно было совершиться освящение и обожение всего сотворенного.

Но эта цель не была достигнута сразу. Грехопадением Адама была разорвана цепь бытия — в мир вошла смерть, разделяющая и разлагающая. Однако этим не был изменен план и строй мира. Грехопадение не внесло значительных корректив в извечный замысел Божий. Неосуществленный через творчество первого человека, он разрешается божественной силой в Христе, Который есть новый Адам и воплощение Слова. В явлении Христа Бог стал человеком —

вочеловечился через свое человеколюбие, а человек стал Богом — обожился по своему боголюбию.

Поэтому в Христе сочетается полнота божественного и полнота сотворенного. В Нем завершается нисхождение Бога в мир, начатое творением, после чего возникает возможность для обратного движения: Он есть как бы начало и конец всего миростроительства — середина и сосредоточие всех веков и всяческого бытия.

Разбор таинств Боговоплощения и Искупления был центральным в вероучении преподобного Максима. Вопреки сложившейся традиции, он писал, что Слово стало плотью не только и не столько ради искупления первородного греха, сколько ради осуществления первичного божественного замысла, в котором человеку была уделена такая выдающаяся роль. Но произошло Боговоплощение уже в падшем и «расторженном» мире. Поэтому Христос оказался в то же время и Искупителем. Однако тайна Богочеловечества, тайна божественной любви шире и глубже искупительного милосердия. Искупление совсем не исчерпывается одними только отрицательными моментами (освобождением от греха, осуждения, тления, смерти). Главное заключается в самом факте неразрывного соединения естеств Христос есть соединение двух природ — человеческой и божественной, каждая из которых представлена в Нем в своем идеальном совершенстве. Другими словами, божественное воплотилось в Христе полностью, без какого-либо ущерба или «обеднения» для себя. Точно так же во всей полноте воплощается в Христе человеческое. Хотя божественная и человеческая природы различны и неподобны, они находятся в неослабевающем взаимообщении. Обожение человека не есть его растворение или поглощение в Божестве, напротив, именно в Христе человеческое подлинно становится само собой. Он рождается от Девы и поэтому единосущен человеку. Но рождается Христос не от семени, непорочным и девственным рождением, и поэтому свободен от власти первородного греха, тяготеющего над остальным человечеством. В Нем как бы предстает в первозданной человеческой природе, каковой она была до грехопадения. Будучи по сути Своей бесстрастным (каким изначально был Адам), Христос добровольно «облекся в страдательность» человеческого естества и добровольно принял все страсти падшего человека: голод, жажду, страх, усталость и т. п., не приняв только его греха. Он бессмертен (как бессмертен был сотворенный Богом Адам), но Он добровольно, ради искупления, принимает на Себя также смертность Максим писал: «Невинный и безгрешный, Он заплатил за людей весь долг, как если бы Сам был повинен, и тем снова возвратил их к первобытной благости».

Описанные в Евангелии таинства Боговоплощения, Искупления, Воскресения и Вознесения стали переломным моментом в миротворчестве. Вся история Ветхого Завета являлась как бы подготовкой к ним. В Боговоплощении была восстановлена идеальная природа человека. В Искуплении — преодолено грехопадение. В Воскресении, как в отмене всякой страдательности, немощи и тления, побеждена сама смерть. А Вознесением произошло воссоединение земли и неба, созданного и не созданного с их первопричиной.

В этом ключе и надо рассматривать вопрос о воле божественной, воле человеческой, об их взаимном отношении и о двух волях в Христе. О том, что грехопадение стало следствием свободы воли, данной человеку при творении, учили многие отцы церкви едва ли не с апостольских времен. Часто в свободе воли видели признак совершенства человеческой природы, своего рода «дар» Бога человеку. Преподобный Максим взглянул на эту проблему под новым углом. Прежде всего он не согласился с тем, что свободу воли и свободу выбора надо относить к совершенству свободы; напротив, они есть умаление и искажение той подлинной свободы, которая дана была человеку при творении. Ибо подлинная свобода есть безраздельное, непоколебимое, целостное устремление души к Богу. Почему вообще «выбор» понимается как обязательное условие свободы? Можно ли с этим согласиться? Так, Бог действует в совершенной свободе, но именно Он не колеблется и не выбирает. Выбор же всегда предполагает раздвоение и неясность, то есть неполноту, нетвердость воли. Низвержение воли во время грехопадения именно в том и заключается, что были утрачены целостность и непосредственность, что воление развернулось в сложный процесс искания, пробы, выбора. Между тем мерилом совершенства воли следует считать ее простоту. А это возможно только через известные слова: «Да будет воля Твоя». В них и заключается высшая мера свободы, приемлющая первотворческую волю Божию.

Грехопадение было волевым актом, нарушившим божественную волю, в нем произошло повреждение человеческой воли и разобщение ее с волей божественной. В этом смысле грех есть не что иное, как ложное избрание, ложная обращенность воли. Зло как таковое, зло абсолютное не существует изначально, зло возникает как извращение разумной воли, уклонение от Бога к небытию. В результате грехопадения человек потерял способность узнавать Бога и божественное и, по неведению, обратился к материальному. Его сознание переполнилось чувственными образами, и от этого он попал в безысходный круг страсти Исцеление человеческой природы в таинстве Боговоплощения должно было стать прежде всего восстановлением человеческой воли в ее полноте. Раз воля была источником греха ветхого Адама, то именно она прежде всего и требовала врачевания. Спасение не совершилось бы, если бы не была воспринята и исцелена сама первопричина, первоязва грехопадения. Если бы в Христе была бы только одна (то есть божественная) воля, воплощение оказалось бы неполным, и исправление человеческой природы в воплощении имело бы в себе изъян, причем в самом существенном пункте. Но каким образом в едином существе могут быть две воли? Преподобный Максим, разбирая этот вопрос, писал, что между божественной и человеческой волями в Христе не было и не могло быть противоречия, ибо воля Христа была первозданной, которой еще не касалось дыхание греха. Поэтому в ней не было колебаний и противоречий. Она была внутренне единой и полностью согласовалась с волей Божией. Поэтому в Христе не было столкновения двух природных воль. (Но это согласование воль не было их слиянием, то есть нельзя рассматривать это так, что божественная и человеческая воли породили как бы третью — богочеловеческую. Подобный подход ведет к нарушению другого догмата — о неслиянном единстве божеского и человеческого естеств в Христе.)

В Боговоплощении исправляется природа падшего человека. По вознесении Христа она вновь обретает нетленность, и в конце света на Страшном суде телесно воспрянут все люди, в том числе и грешники. Но воля каждого отдельного человека не может быть исправлена таким же образом. Тут каждый сам должен позаботиться о своем излечении. Пример для этого — жизнь Христа — у всех на слуху. По мере распространения христианства все больше людей будут следовать ему. В этом постепенном (через исправление воли) обожении людей суть и цель всей послеевангельской истории А движется она к кончине мира, когда прекратятся время и всякое движение Тогда мир умрет видимой своей стороной и в то же время воскреснет вновь. И человек воскреснет в этом новом мире, находясь в единстве с ним как часть с целым, как великое в малом Воскресение будет обновлением и одухотворением человечества Бог тогда будет всем и во всем, и все станет совершенным символом единого Бога Все будет проявлять только Бога, и ничего не останется вне Него. Это будет восстановление исконного лада, утраченного в грехопадении. Но не для всех это будет блаженной субботой и покоем. Только люди доброй воли (то есть те, кто сумели согласовать свою волю с волей Божества) найдут в любви и радости богообщения предел и исполнение своей жизни. Для нечестивых воля Божия останется чем-то внешним. Соответственно, для первых огонь Божества откроется как свет просвещающий, а для вторых — как пламень опаляющий и жгучий.

Учение Максима нашло отклик у многих православных священников. Под его влиянием в 646 г. собор африканских епископов осудил монофелитство. Из Карфагена Максим перебрался в Рим и здесь также с успехом действовал в пользу православия. В 649 г. по его совету папа Мартин собрал в Риме большой собор из 150 западных епископов (известный под названием Латеранского), на котором было вынесено четкое и решительное догматическое постановление о неслитном двойстве естественных волений во Христе. Все эти действия были оценены в столице как раскольнические В 653 г новый император Констанс II велел заключить папу Мартина и Максима под стражу и доставить их в Константинополь.

С этого времени началась пора мученических подвигов Максима. Босой, без одежды, со скованными руками он был с позором проведен по улицам столицы и затем заключен в темнице. На суде его обвинили не только в церковном расколе, но и в том, что, будучи в Африке, он способствовал передаче тамошних провинций под власть мусульман. «Какое дело мне, иноку, — отвечал Максим, — до завоевателей городов, и мог ли я, как христианин, иметь общение с сарацинами?» Судьи вызвали нескольких лжесвидетелей, Максим легко развеял их клевету, но не добился тем облегчения участи ни для себя, ни для своих соратников. Папу Мартина вскоре сослали в Херсонес, где он и умер от голода. Участь Максима была еще печальнее, так как враги во что бы то ни стало хотели добиться его публичного раскаяния.

Высланный поначалу в городок Визию во Фракии, он в 655 г. был переведен в монастырь Св. Феодора в Константинополе. Максиму вернули книги, вещи, дали возможность пожить в хороших условиях, а потом стали

добиваться от него если и не отказа от своей веры, то, по крайней мере, молчания. Просили его оставить обсуждение спорных вопросов и не поднимать свой голос против императора Максим отказался. Его спрашивали, почему он не хочет иметь общения с константинопольским престолом. Максим отвечал, что когда он увидит Константинопольскую церковь прежней, очищенной от ереси, тогда он с радостью обратится к ней и будет сыном ее, как и раньше. Ему указали на то, что новое исповедание веры не является волей одного императора, но принято на соборах епископов. Максим возразил, что, напротив, исповедание это было осуждено Римским собором. «Не имеет значения этот собор, — говорили ему, — потому что он созван без императорского повеления». Максим отвечал: «Если утверждаются только постановления соборов, созванных по царскому повелению, то не может быть православной веры». Ему указывали на неполитичность его поведения, ибо в тот момент, когда империи грозит нашествие мусульман, он воздвигает церковный раскол, сеет смуты и волнения. Затем передали Максиму не приказ уже, но просьбу императора вступить с ним в церковное общение. «Ибо, — передали ему слова Констанса, — мы твердо уверены, что когда ты вступишь в общение с святой Константинопольской церковью, то присоединятся к нам и все те, которые ради тебя и под твоим руководством отпали от общения с нами». Когда Максим отказал и в этой просьбе, к нему стали подступать уже с гневом и яростью.

Его спрашивали. «Скажи, злой старик, одержимый бесом! Не считаешь ли ты еретиками всех нас, и город наш, и императора?» С ним опять стали обращаться грубо, и после многих побоев и унижений вновь отправили в ссылку в Перверу, где он пробыл пять лет в тяжелом заключении.

В 660 г. Максима вновь привезли в Константинополь и стали добиваться того же.

Его спрашивали: «Вступишь в общение с константинопольским престолом?» «Нет», — отвечал Максим. «Почему же?» «Потому, — стоял на своем Максим, — что предстоятели этой церкви отвергли постановление четырех святых соборов, приняв за правило «девять глав», изданных в Александрии». Ему возражали: «Неужели ты думаешь, что спасешься один, а все прочие погибнут?» Максим отвечал: «Не дай мне Бог осуждать кого-либо, что я один спасусь. Однако же я соглашусь скорее умереть, чем, отступив в чем-либо от правой веры, терпеть муки совести». Пытаясь сломить его упорство, говорили, что уже и его римские единомышленники приехали в Константинополь, чтобы причащаться вместе с патриархом, на что Максим твердо сказал: «Если и вся Вселенная начнет причащаться с патриархом, я не причащусь с ним». Смущенные наконец его непреклонностью, судьи спросили: «Неужели совершенно необходимо исповедовать в Христе две воли?» «Совершенно необходимо, — отвечал Максим. — Если этого нет и если человеческое существо не обнаруживается в действовании, то каким образом можно признавать Христа истинным человеком?» «Мы видим, что все это правда, — говорили ему, — однако не огорчай императора, который, ради мира церкви, повелевает молчать о тех вещах, которые порождают разногласие». «Я не хочу прогневать Бога, — возразил Максим, — умалчивая о том, что Он

повелел признавать и проповедовать».

Видя, что Максим продолжает твердо держаться своих убеждений, судьи приказали жестоко бичевать его острыми воловьими жилами. Тело преподобного было настолько иссечено, что на нем не осталось ни одного живого места. Не добившись ничего, палачи, вытянув язык Максима, отрезали его у самой гортани. Спустя короткое время была у него отрезана и правая рука. Той же казни был подвергнут и любимый ученик Максима Анастасий. Затем его сослали на Кавказ, в Аланию, и заключили в темницу в городе Шемари. Тут Максим, в ужасной тягости, терпя постоянную нужду в самом необходимом, прожил еще три года. Смерть его последовала около 662 г.

Таков был конец святого Максима, твердостью своей веры оказавшего великую поддержку православию. В 680–681 гг. собравшийся в Константинополе VI Вселенский собор положил конец монофелитской ереси и принял православное учение о двух волениях Христа: «Исповедуем две естественные воли или хотения в Нем и два естественных действия, неразлучно, неизменно, нераздельно, неслиянно, два же естественных хотения — не противные… но Его человеческое хотение не противостоящее или противоборствующее, а последующее, подчиняющееся Его божественному и всемогущему хотению». Это вероопределение было буквальным повторением учения преподобного Максима. Уже мертвый он восторжествовал над своими врагами.

Монофелиты, в сущности, никогда не являлись многочисленным течением и потому, когда государственная власть перестала их поддерживать, быстро утратили влияние.

Небольшая община их под именем маронитов сохранилась до наших дней в Ливане. Во главе нее стоит свой патриарх.

Сильван

Еретическое учение павликиан — одно из самых стойких и живучих в истории христианства — появилось во второй половине VII в. Основоположником его был некий Константин, армянин по происхождению из области Мананали на арабо-византийской границе. Петр Сицилийский, которому мы обязаны основными известиями об этой секте, пишет, что Константин был воспитан в манихейской вере. Однажды какой-то сирийский диакон в благодарность за оказанное гостеприимство подарил ему экземпляр Нового Завета. Константин стал ревностно изучать его, но толковал многие места (особенно те выражения из посланий апостола Павла, где противопоставляются друг другу свет и тьма, дух и плоть, Бог и мир) в привычном ему дуалистическом духе. Отсюда он вывел заключение, что христианская религия духовна по своей сути, что ей чужда всякая обрядность и всякая внешность и что истинный христианин достигает нравственного усовершенствования сам собой, без посредства каких-либо церковных учреждений. Господствующая православная церковь, по его представлению, исказила изначальное апостольское учение, допустив, подобно иудеям, множество обрядов и церемоний, несвойственных истинному христианству.

Оставив Мананали, Константин переселился в крепость Кибоссу, располагавшуюся у Колонии. Тамошним жителям он рассказал о Сильване, ученике апостола Павла, которого тот отправил в Македонию. Затем, пишет Петр Сицилийский, он показал им книгу посланий Павла и сказал: «Вы являетесь македонянами, а я Сильван, посланный к вам Павлом». Проповедь его оказалась очень успешной, и вскоре множество окрестных жителей стали его последователями. (От имени апостола Павла они в дальнейшем именовались пав-ликианами). В вероучении Сильвана положения христианской религии оказались тесно переплетены с манихейством и гностицизмом.

Он объявил материю вечной и несотворенной; учил, что существуют два Бога, — Демиург, происшедший из тьмы и огня, творец и владыка настоящего мира, Бог Ветхого Завета и церкви, и Небесный Отец — верховный предмет его поклонения, Бог духовного, грядущего мира. Душа человека, говорил Сильван, небесного происхождения и заключена в материальном теле как в темнице. А относительно грехопадения первого человека учил, что оно было только неповиновением Демиургу и, следовательно, вело к отпадению от его власти и откровению Небесного Отца.

Сохранив учение о Троице, он утверждал, однако, что Сын Божий при Своем Воплощении не родился, а прошел через Деву Марию как через канал, то есть Спаситель ничего не принял в Себя из сущности Девы Марии, и Его Рождение было только кажущимся.

В устройстве своего общества павликиане отвергали всякую внешность и обрядность.

Церковная иерархия также отсутствовала. Все сторонники учения делились на учеников апостольских, пастырей и учителей. Ученики апостольские стояли во главе всей церкви (и носили имена учеников апостола Павла). Пастыри возглавляли местные общины. Но они не имели иерархической власти, а существовали лишь для того, чтобы поддерживать единство между общинами. Вообще духовенство павликиан не отличалось каким-либо особым характером, одеждой или образом жизни, не имело никаких особых преимуществ перед другими членами общины. Однако, самого Сильвана павликиане почитали как апостола. Богослужение состояло из учения и молитв. Храмов не было, а существовали только молельни. Почитание икон и даже креста Господня Сильван отменил как идолопоклонство, почитание святых мощей также было им отвергнуто. Знаками внешнего почитания у павликиан пользовалась только книга-евангелие. Таинства со всеми их обрядами не практиковались, поскольку крещение и причастие павликиане совершали невещественным образом, в духе. Сильван утверждал, что слово Христа есть вода живая и хлеб небесный, поэтому, слушая слово Христа, они крестятся и причащаются. Посты, аскетизм, монашество отвергались, как не имеющие никакого значения для спасения.

Источником своего учения павликиане признавали только Новый Завет, кроме посланий апостола Петра (которого вообще поносили как предателя Господа).

Сильван с успехом распространял свое учение в течение 27 лет (657–684). Наконец император Константин IV Пагонат обратил внимание на

сектантов и послал в Кибоссу своего чиновника Симеона с приказанием уничтожить их общину. Петр Сицилийский сообщает, что Симеон, захватив Сильвана, поставил ересиарха перед его последователями и велел побить его камнями. Никто из павликиан не пожелал запятнать себя кровью учителя. Приказание Симона исполнил будто бы только один юноша по имени Юст, который был усыновлен Сильваном. Брошенный им камень угодил ересиарху в голову и убил его (684).

Симон постарался убедить павликиан в ложности их учения, но не преуспел в этом.

Наоборот, он сам постепенно проникся их верой. Прожив три года в Константинополе в большой тревоге, он, бросив всю свою собственность, бежал в Кибоссу, принял павликианство и спустя три года возглавил общину под именем Тита. Конец его тоже был трагическим. В 690 г. между Титом и упомянутым выше Юстом возникли горячие споры относительно следующего высказывания апостола Павла: «Ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое…» За разъяснением своих сомнений (в которых он увидел опровержение дуалистического учения Сильвана) Юст обратился к епископу города Колонии. Тот, выведав у него все что можно о членах секты, послал донос в столицу. После этого многие павликиане (включая Тита и самого Юста) были схвачены. Поскольку они наотрез отказались отречься от своей веры, то все они были сожжены на одном большом костре.

Оставшиеся в живых павликиане, возглавляемые неким армянином по имени Павел, переселились в окрестности Фанареи в местечко Эписпорис. Здесь павликианство нашло благоприятную почву для своего возрождения. В начале VIII в. оно широко распространилось в Малой Азии. В начале IX в. секта пережила новый подъем под руководством некоего Тихона (до своего обращения он носил имя Сергия), человека очень ученого и исполненного всяких достоинств. Он стоял во главе павликианской церкви в 801–835 гг. и был убит во время новых гонений.

Непримиримым врагом павликиан была императрица Феодора. Во время ее регентства, в 842–844 гг., было перебито, обезглавлено, утоплено или посажено на кол не менее ста тысяч сторонников этого вероучения. Остальные отступили во владения арабов и построили с их помощью на границе Византии несколько хорошо укрепленных крепостей, главной из которых была Тефрика (в Западной Армении). Во главе секты встал искусный полководец Карбеас. Он повел против империи войну и одержал большую победу под стенами Самосаты над сыном Феодоры Михаилом III. В 863 г. Карбеас умер. Ему наследовал зять и племянник Хрисохерис. В 867 г. он вторгся в малоазийские владения империи, разграбил Анкиру, Никею, Никомедию и некоторые другие города, всюду уничтожая иконы и мощи. Эфесский собор он отдал под конюшню. Новому императору Василию I в течение нескольких лет пришлось вести против павликиан чрезвычайно тяжелую войну. Наконец, в 871 г. Хрисохерис был разбит и пал в бою. Византийцы взяли и разрушили Тефрику. Воинственные сектанты были усмирены, но не отказались от своего вероучения. Впрочем, в Малой Азии их влияние постепенно пошло на убыль и вскоре совсем прекратилось. Зато оно стало расти в Европе.

В середине X в. император Иоанн I Цимисхий переселил большое количество павликиан в Филипполь во Фракии. Оттуда их учение распространилось в Болгарию, где в начале XII в. дало начало новому мощному еретическому течению богомилов.

Из-за гонений, начавшихся при императоре Алексее I Комнине, часть павликиан и богомилов переселилась далее на Запад, что привело в XII в. к широкому распространению здесь сходного еретического учения катаров. Особенно многочислены катары были в Южной Франции и верхней Италии, где их учение было известно как альбигойская ересь. Чтобы окончательно искоренить ее, папа Иннокентий III призвал к крестовому походу в Южную Францию. Еретики отчаянно защищались. Альбигойские войны продолжались двадцать лет (1209–1229) и привели к огромным жертвам и разрушениям. Только после этого сила ереси оказалась сломлена.

Св. Иоанн Дамаскин

О жизни преподобного Иоанна Дамаскина — последнего из великих отцов Восточной церкви — мы знаем немного. Родился он около 675 г. в Дамаске, который находился тогда под властью арабов. Родители его были знамениты богатством, древностью рода и благочестием. Его отец Сергий Мансур исполнял при халифе Абд аль-Малике должность главного казначея. Он очень заботился о том, чтобы его сын получил хорошее образование и был воспитан в православной вере. Однажды ему посчастливилось купить на рынке захваченного пиратами итальянского инока Коему, благодаря которому Иоанн глубоко изучил богословие и греческую философию. Поступив позже на службу, Дамаскин, благодаря своим блестящим способностям, быстро возвысился. Вскоре он стал ближайшим советником и министром при халифе Хишаме и фактически управлял Дамаском.

За государственными делами он не терял живого интереса к делам своих единоверцев и написал несколько посланий к восточным христианам с обличением еретических учений. Как раз тогда Восточная церковь переживала очередную смуту. Начало ей положил в 726 г. император Лев III Исавр, подвергший гонениям святые иконы и мощи. Всех бывших до него императоров и архиереев он объявил идолопоклонниками, нарушившими главную заповедь Моисея (который, как известно, строго запретил изображать Божество). Духовенство, а в особенности монахи, отнеслось к иконоборчеству очень враждебно. С годами сопротивление почитателей икон становилось все упорнее, а борьба против них принимала все более ожесточенный характер. Многие за свою ревность к иконам были наказаны усечением членов, плетьми, изгнаниями и лишениями имений. Церковные училища были закрыты.

Спор об иконах не был только обрядовым спором. Это был догматический спор, и в нем вскрывались богословские глубины. Иоанн живо откликнулся на него в трех словах «Против отвергающих святые иконы» (726–730). Здесь он писал, что запрет Моисея «делать всякое подобие» Божества имел временное значение и был воспитательной мерой для пресечения склонности евреев к идолопоклонству. Но с началом

христианской эпохи воспитание кончилось, и в царстве благодати не весь Закон сохранил силу. Иконоборчество было для Иоанна равносильно нечувствию Богочеловеческой тайны. Конечно, Бог, по чистейшей духовности Своего естества, невидим и потому неизобразим — Он не имеет действительного образа в вещественном мире. Однако по благости Своей Бог открыл Себя людям в Боговоплощении, сделавшись таким образом видим и изобразим. «В древности Бог, бестелесный и не имеющий вида, никогда не изображался, — писал Иоанн, — теперь же, когда Бог явился во плоти и жил среди людей, изображаем видимого Бога». Никакого идолопоклонства в почитании икон нет и не может быть, ибо христиане поклоняются «не естеству дерева и красок», но «образу Воплотившегося», через который обнимают и поклоняются Самому Христу.

Находясь вне пределов досягаемости византийских властей, Иоанн разослал различным христианским церквам много посланий в защиту иконопочитания.

Уязвленный ими император повелел найти какое-нибудь из посланий Иоанна, написанное его собственной рукой, а затем приказал опытным писцам подделать его почерк. Те составили как бы от имени Иоанна письмо к императору Льву, в котором он обещал при удобном случае передать Дамаск в руки христиан. Это письмо Лев переслал в Дамаск к халифу. Тот пришел в гнев и приказал отсечь Иоанну правую руку. Как свидетельствует легенда, вечером Иоанн, взяв свою усеченную руку, стал молиться перед иконой Пресвятой Богоматери, а потом заснул. Во сне он увидел, как Богоматерь с иконы сказала ему: «Рука твоя теперь здорова, не скорби об остальном, но усердно трудись ею — сделай ее тростью скорописца». Проснувшись, Иоанн увидел свою руку исцеленной. Когда халиф узнал об этом чуде, он понял, что Иоанн стал жертвой клеветы, и предложил ему вернуться к себе на службу, но Дамаскин отказался. Около 730 г. он оставил свою доходную должность, удалился в монастырь Саввы Освященного под Иерусалимом и постригся там в монахи.

По уставу этой обители каждый вновь прибывший инок должен был поступать под надзор опытного в духовной жизни старца. Игумен стал искать такого наставника для Иоанна, но большинство монахов отказалось, не желая быть учителем человека, чья ученость была известна всему Востоку. Наконец один из них согласился наставлять Иоанна и прежде всего решил отучить его от мирской гордыни: запретил ему писать послания и даже вести разговоры о светских науках. Иоанн повиновался этому запрету и стал добросовестно исполнять все возложенные на него поручения.

Однажды старец велел ему отнести корзины на дамасский рынок и продать их там, хотя и знал, что Иоанну тяжело заниматься таким презренным делом в городе, где все хорошо помнили его величие. Иоанн беспрекословно исполнил это поручение.

Отдохновение он нашел в церковной поэзии и в короткий срок сочинил несколько надгробных тропарей, отличавшихся исключительной трогательностью (многие из них до сих пор употребляются при отпевании умерших). Наставник Иоанна увидел в этом занятии еще одно проявление гордыни и наложил на него строгую епитимью (наказание), повелев очистить своими руками все отхожие места в лавре. Иоанн смиренно

выполнил и это неслыханное требование теми самыми руками, которые прежде умащал дорогими ароматами. После этого старец простил его но по-прежнему запрещал писать. Видя его непреклонную суровость, Богородица явилась однажды к нему в ночном видении и сказала: «Зачем ты заграждаешь источник, могущий источать сладкую и изобильную воду? Не препятствуй источнику течь. Пусть жаждущие стремятся к этой воде». Старец смутился и больше не запрещал Иоанну писать.

С этого времени Иоанн постоянно трудился над составлением божественных книг и песнопений. Ему приписывают авторство многих песнопений в знаменитом «Октоихе» — восьмигласнике для воскресной службы который еще при его жизни был принят по всему Востоку, а после его смерти также и на Западе. Дамаскин тщательно отредактировал его и разработал ряд праздничных канонов (Пасхальный, Рождество, Богоявление, Преображение Вознесение и др.). Его «Октоих» произвел перемену в церковной службе, придав ей большую определенность и единообразие. Вообще, творчество Дамаскина было очень многогранным. Он писал жития, составлял праздничные слова и умилительные молитвы, излагал догматы веры и многие таинства богословия. Продолжал он писать и против еретиков, особенно иконоборцев. Он составил «Руководство» — объяснение важнейших богословских выражений, неправильное понимание которых в древности было причиной ересей, а также несколько небольших сочинений по догматике (среди них: «О святой Троице», «Об образе Божием в человеке», «О природе человека» и другие»). Большой известностью пользовались проповеди Дамаскина. Он много сделал для исправления богослужения, просмотрев и дополнив иерусалимский устав Саввы Освященного. Наконец он был первым, кто изложил в стройном систематическом порядке богословское учение православной церкви. Умер Дамаскин около 777 г. ста двух лет от роду. VII Вселенский собор, собравшийся в Никее в 787 г. и осудивший иконоборчество, высоко поставил оценил его деяния.

Как богослов Иоанн Дамаскин подвел итог всей обширной святоотеческой литературе.

Не стремясь к новым построениям, он тщательно и любовно собрал и систематизировал все главное, что установили соборы церкви и чему учили ее величайшие богословы. Главный труд Дамаскина «Источник ведения» дает полное и ясное изложение православных догматов. Он делится на три части: на философское введение, на опровержение ересей и на «точное изложение православной веры». В третьей части последовательно рассмотрены учения о Боге, Троице, сотворении мира, ангелах и бесах, видимой природе и рае, о человеке, его свойствах и Божием провидении. По сей день «точное изложение» является основной символической книгой православия; и едва ли можно указать другую, равную ей по объективности, полноте и сосредоточенности.

В своем изложении Дамаскин следовал в основном Григорию Богослову и Дионисию Ареопагиту. Вслед за Ареопагитом он говорит о непостижимости Божией, которая есть единственное из Его постигаемых свойств. В изложении троичного догмата Иоанн следует за Григорием Богословом: Бог един, но в Нем неслитно соединяются и нераздельно разделяются три ипостаси, так что Троичность раскрывается в

нераздельности Единого существа. Ибо каждая ипостась «едина с другими не менее, чем с Самою Собой». Различие никогда не переходит в рассечение, ибо ипостаси Бога не только подобны, но и тождественны по существу. Различие их свойств («особенностей») обозначается только в существенном единстве Божественной жизни.

Бог есть «единая простая сущность в Трех совершенных ипостасях».

В каждой из них равно и тождественно содержится вся полнота Божественного естества. Происхождение Второй и Третьей ипостасей от Первой не вносит никакого деления или распределения в полноту Божественной Личности. Нельзя представлять дело так, что Отец, рождая Сына, уделяет ему какую-то часть Своего существа. Нет — все, что имеет Отец, имеет в Себе и Сын, имеет и Дух. Божество не распадается на ипостаси, не распределяется по ним, но в каждой из них присутствует во всей Своей полноте.

Различие ипостасей между собой не относится к самой их сущности, но обозначает только образ их взаимного отношения. Однако эти соотносительные свойства не случайны, а отражают самое бытие каждой из ипостасей. Безначальный Отец есть вневременное начало Второй и Третьей ипостасей. Сын и Дух происходят от Отца, но не одинаковым образом. Вторая ипостась рождается от Первой, и сам факт этого рождения таинственным образом связан с «исхождением» Духа. О том, чем различаются «рождение» и «исхождение», человеку не дано знать. Рождение не есть творение (которое есть дело воли) — оно происходит «не по хотению» Отца, а в силу естественной производительности Божества. Божественное рождение не только безначально, но и нескончаемо, — оно выше всякого изменения и возникновения.

Изъясняя природу Духа Святого, Дамаскин писал, что Дух есть откровение сокровенного Отца (в этом смысле он рассматривал неоднократные упоминания Священного Писания о «нисхождении» Духа на пророков, а потом — на Христа и апостолов), то есть Бог через Духа проявляет Себя в этом мире, является Своим творениям. Выражаясь образным языком, Дух есть как бы сияние, проявляющее сокровенную благость Отца и возвещающую Слово. (Как при произнесении слова мы производим дыхание, так и при рождении Слова Отцом исходит Дух. Это, в свою очередь, указывает на неразрывную связь между Сыном и Духом, они неотделимы друг от друга; пока происходит «речение» (рождение) Слова, будет длиться и исхождение Духа.)

Творение Иоанн понимал как действие Божественного изволения, которое ведет к существованию то, чего не было. Отец говорит мыслью, которая исполняется через Слово. Причина творения- в благости Божией. В Боге от вечности существуют образы и планы того, что будет Им совершено. Эти образы — есть мысли Божий о каждой вещи. Первым творением, предшествующем всему, стало создание ангелов. Они бестелесны по отношению к материи, но вещественны по отношению к Богу. Человек был сотворен по образу и подобию Божию из двух природ — разумной и чувственной, как некая связь между миром видимым и невидимым, как некий «новый ангел» для царствования над земным миром. Бог дал ему право и способность через собственное свое произволение пребывать в непрерывном единении с Собой.

Первозданный человек был поселен в раю, который представлялся Иоанну двояким: телесно человек пребывал в божественном и прекрасном месте, а душою — в месте несравненно более прекрасном и высоком. Он был создан нетленным, бесстрастным и бессмертным для равноангельской жизни, имея возможность непрестанно созерцать Творца. Но все, что дано было первозданному человеку, он должен был усвоить своей свободой. Так как добродетель есть лишь то, что не по принуждению Человек не выдержал этого испытания и пал. Причем грехопадение так сотрясло его природу, что ее гармоническое строение нарушилось, и с тех пор он тяготеет в сторону вещества. Погружаясь в материю, человек сделался смертным, поддался вожделению и страстям.

Для победы над смертью и пороком потребовалось чудо Боговоплощения, когда «Сам Творец и Господь вступил в борьбу за Свое создание». Через Распятие была упразднена смерть, разрушен грех и устроено возвращение к древнему блаженству.

Иисус указал человечеству путь, каким можно уйти от гнета первородного греха.

Чудо воскресения, совершившееся в Христе, как в начатке, повторяется в каждом желающем через общение с Христом. В крещении человек получает как бы возможность второго рождения, а через тайну причащения — получает вечную и нетленную пищу.

Тайна Боговоплощения рассматривалась Дамаскиным очень подробно. Он как бы подвел итог многовековому христологическому спору. Он писал, что Бог вочеловечился для спасения, обновления, обожения человека. Воплощение Слова совершилось действиями Духа, Который как некое Божественное семя осенил Деву Марию и образовал из ее непорочных кровей начаток нашего естества. Чудо Боговоплощения произошло уже в момент зачатия. Плоть Иисуса с самого начала была плотью Слова, без всякого временного разделения.

Мария родила не просто человека, но вочеловечившегося Бога. Господь стал человеком воистину и по естеству, то есть не только воспринял тело и душу человека, но и принял наше проклятие и наш грех. Воля человеческая при этом, не сливаясь, соединилась с волей божественной, став волей богочеловека Христа. Как и все люди, Христос имел свободу выбора — имел свою человеческую волю. Но Его человеческое «хотение» не расходилось с решениями Его Божественной воли. Ни один из поступков Иисуса не был принуждением свыше, каждый из них, вплоть до распятия, являлся делом Его свободного выбора.

Св. Фома Аквинский

В XI–XII вв. в Западной Европе пробуждается любовь к занятиям отвлеченными богословскими вопросами, а также стремление привести все содержание церковного вероучения в научную систему. Результатом этого движения стало развитие схоластики и мистики. Схоластики старались философски обосновать отдельные пункты вероучения и изложить их таким образом, чтобы одни положения вытекали из других, то есть создать философско-богословскую систему. Таким образом, отдельные положения

богословия переставали быть предметом только веры и возводились в степень знания, а все церковное вероучение обретало ясность, точность и определенность. Среди многих представителей схоластического направления первое место принадлежит выдающемуся богослову и философу XIII в. Фоме Аквинскому (Аквинату).

Он родился в конце 1225 г. или в начале 1226 г. в замке Секка Рокка («Сухая Скала»), близ Аквина (отсюда его прозвище), в Неаполитанском королевстве и принадлежал к знатному и древнему роду. Отец Фомы граф Ландольф имел земельные владения в Аквино и в качестве рыцаря принадлежал к близкому окружению императора Фридриха II. Мать Фомы Феодора также происходила из богатого и знатного неаполитанского семейства. Как младший из братьев (он был седьмой сын) Фома с детства был предназначен к духовному званию. Впрочем, его природные склонности и интересы как нельзя более соответствовали этому виду деятельности.

Пишут, что уже в очень раннем возрасте Фома поражал своих родителей и учителей постоянным вопросом: «Что такое Бог?» На пятом году мальчика определили в монастырь бенедиктинцев в Монте Кассино. Следующие девять лет его жизни прошли по бенедиктинскому уставу. Это первоначальное монастырское воспитание оставило в душе Фомы неизгладимый след: отныне и навсегда он был прежде всего и главным образом монахом. Тогда же, в годы послушничества, он получил начала своего богословского образования и в совершенстве изучил латинский язык.

В 1239 г., после того как бенедиктинцы по приказу императора были изгнаны из Монте Кассино, Фома продолжил обучение в Неаполитанском университете. В 1243 г. умер его отец. И тут Фома неожиданно объявил своей семье, что не намерен возвращаться к бенедиктинцам, а предполагает вступить в орден Св. Доминика. Его решение вызвало сильное неудовольствие влиятельной родни, которая уже прежде выхлопотала для Фомы место аббата в Монте Кассино. Но, несмотря на все уговоры, Фома не изменил своих планов.

Постригшись в монахи, он провел несколько месяцев в монастыре в Неаполе. Затем генерал доминиканского ордена отправил его в Парижский университет. Однако до Парижа непокорный сын Ландольфа в этот раз не добрался — неподалеку от Рима его захватили старшие братья и насильно привезли к матери в замок Секка Рокка. Здесь около года Фома по приговору семьи провел в строгом заключении в башне и успел за это время основательно изучить «Метафизику» Аристотеля, «Сентенции» Петра Ломбрадского, а также выучить едва ли не наизусть Священное Писание. Братья, стараясь всеми способами изменить намерение Фомы относительно доминиканцев, не раз пробовали ввести его в искушение и однажды привели в его комнату красивую куртизанку. От этой низости Фома пришел в такое неистовство, что выхватил из камина тлеющее полено и принялся размахивать им. Куртизанка в ужасе бежала.

В конце концов Феодора увидела, что решение сына непреклонно. Скрепя сердце она должна была смириться с его выбором. В 1245 г. Фома получил свободу, в том же году отправился в Париж, а затем в Кельн, где в 1245–1248 гг. обучался на богословском факультете и слушал лекции

Альберта Великого. Сохранились свидетельства, что в те годы Фома не проявил каких-то особых способностей. Он был очень застенчив и на диспутах обычно отмалчивался, за что товарищи прозвали его Немым Быком (вторая часть прозвища намекала на высокий рост и тучность Фомы). Но однажды, когда Фома с успехом защитил какой-то трудный тезис, Альберт с изумлением воскликнул: «Мы называли этого человека Немым Быком, однако когда он промычит свое учение, то эти звуки услышит весь мир!» Слова учителя оказались пророческими.

В 1252 г. Фома вернулся в Париж, получил степень магистра теологии и лиценциата.

В 1256 г. ему была выдана лицензия на право преподавать богословие, а в 1257 г. он стал доктором теологии. Известность Аквината очень скоро превзошла известность самого Альберта Великого. В эти годы он начал писать капитальное сочинение «Сумма против язычников».

В 1259 г. папа Урбан IV вызвал Фому в Рим. Следующие десять лет он находился при папском дворе, преподавал и много писал. В 1264 г. была завершена «Сумма против язычников», и Фома приступил к главному труду своей жизни — «Сумме теологии». В 1268 г. он вернулся в Париж. Преподавая здесь теологию, он писал комментарии к трудам Аристотеля и много других трактатов. Его колоссальная работоспособность просто поразительна. При том, что он не дожил до 50 лет, полное собрание сочинений Фомы составляет 30 томов, и ни одно из них не было легковесным — все творения Аквината являют собой плод глубоких размышлений и широчайшей начитанности. Конец неустанной деятельности великого теолога оказался неожиданным. В Неаполе (куда Фома переехал в 1272 г., чтобы преподавать богословие в тамошнем университете) он удостоился чудесного видения, после которого бросил работу над своими богословскими сочинениями. (Его замечательная «Сумма теологии» так и осталась незавершенной.) На изумленные вопросы друзей о причинах такого решения Фома отвечал: «Я больше не могу это делать. Для меня открылись такие тайны, что все, что я написал прежде, кажется мне имеющим немного цены». В марте 1274 г. папа пригласил Аквината на церковный собор в Лионе. Он отправился в дорогу пешком, но силы внезапно оставили его, и Фома умер в монастыре бернардинцев Фосса Нуова.

Многочисленные чудеса засвидетельствовали его святость, после чего в 1323 г. он был канонизирован папой Иоанном XXII.

Хотя часто пишут, что значение Фомы не в его оригинальности, не в открытии новых истин, а в систематизации богословского учения, едва ли можно полностью принять это мнение. По духу и складу своего мышления Аквинат был подлинным философом.

Как показали дальнейшие события, многие его суждения отличались поразительной глубиной (По крайней мере, его понимание природы божественного и спустя семь веков, в свете многих позднейших научных открытий, совсем не кажется наивным.)

Даже признание в XIV в. за доктриной Аквината статуса официальной философии Западной церкви не похоронило и не омертвило ее. И по сей день томизм (так называют философско-богословскую систему Фомы) продолжает волновать и будоражить творческую мысль.

Сила томизма заключается в строго рациональном подходе к богословию. Ни одного из своих положений Фома не берет на веру и, прежде всего, подвергает исследованию вопрос о самом существовании Бога. Природа Божества совершенно иная, чем природа сотворенного им материального мира. Поэтому обнаружить присутствие Бога во Вселенной можно лишь через Его следствия и через исходящие из этих следствий доказательства (как об этом писал еще апостол Павел: «Невидимое Его (Бога)… чрез рассматривание творений видимо»). Фома сформулировал пять доказательств существования Бога:

1 Доказательство через движение. Не подлежит сомнению и подтверждается чувствами, что в мире нечто движется. Но все движущееся движется чем-то иным, а то иное, в свою очередь, движется чем-то другим и т. д. Эта цепь последовательной передачи движения не может продолжаться до бесконечности. Поэтому необходимо признать, что существует нечто, что движет все остальное, Само оставаясь неподвижным. Этот Перводвигатель и есть Бог.

2. Доказательство через производящую причину. Ни одна из вещей не производит сама себя, но каждая имеет причину своего возникновения. Поэтому всегда можно расположить причины по порядку, так что какая-то причина является причиной другой, та — последующей. Эта цепь также не может быть бесконечной. В конце концов мы должны прийти к производящей Первопричине, которая и есть Бог.

3. Доказательство через необходимость. В природе существуют единичные вещи, которые возникают и уничтожаются, могут существовать, либо не существовать. Они не являются чем-то необходимым и, следовательно, их существование носит случайный характер. Для своего возникновения они требуют наличия необходимой причины, существование которой вытекает из самой ее сущности. Поэтому необходимо допустить Нечто существующее само по себе и не имеющее внешней причины своей необходимости. Это Первое Необходимое и есть Бог.

4. Доказательство от степени совершенства. В вещах проявляются различные степени совершенства (например, истина, благородство, добро, красота). Но о различных степенях совершенства можно говорить лишь по сравнению с чем-то наиболее совершенным. Следовательно, должно существовать Нечто самое истинное, самое благородное, самое доброе или самое красивое, то есть самое благое, приобщаясь к которому становится благим все существующее. Это Благо по определению и есть Бог.

5. Доказательство через целевую причину. Очевидно, что во Вселенной имеет место общая упорядоченность. Но невозможно допустить, чтобы противоречивые и не связанные между собой случайные вещи всегда или почти всегда приходили к согласию и примирению в рамках одного порядка, не будучи направляемы к определенной цели чем-то внешним. Следовательно, есть Некто, чьим провидением управляется мир и направляется к единой цели все существующее. Это и есть Бог.

Из доказательства бытия Бога можно сделать некоторые выводы о Его природе.

Прежде всего Фома заключает, что Бог (как Перводвигатель, Первопричина, Первое Необходимое, Первоблаго и пр.) абсолютно прост.

Действительно, все составное зависит от совокупности своих частей, в отсутствии хотя бы одной из них, его бытие невозможно. Следовательно, Самое Первое не должно быть делимым и, как Самое Простое, должно определяться через что-то одно. Многие богословы до Фомы, давая определение Бога, обозначали Его как Единое. Но Фома писал: невозможно дать лучшего определения Богу, чем то, которое Он Сам дает Себе в Книге Исхода.

Как известно, на вопрос Моисея (когда тот спрашивает, каково Его имя) Бог отвечает: «Я есть Сущий». То есть Он есть Сущее по определению, То, Что в высшей степени есть и не нуждается в какой-либо причине для Своего бытия, так как в Самом Себе имеет Свое существование. Исходя из этого определения, можно сказать, что существование Бога и Сам Бог понятия тождественные, и этим Бог отличается от всего остального, которое существует в чем-то, за счет чего-то и благодаря чему- то.

Далее, Бог абсолютно совершенен. Действительно, говоря о совершенстве любой вещи, мы имеем в виду, что она совершенна в той мере, в какой она есть тот или иной вид совершенства, а это совершенство мы представляем как абсолютное.

Например, нечто белое может и не быть совершенно белым. Но если бы существовала белизна сама по себе, чье бытие состояло бы именно в том, чтобы быть белой, то в ней, очевидно, присутствовало бы все совершенство белизны. То же самое справедливо и в отношении бытия. Бог есть чистое бытие, не имеющее никакого изъяна. Значит, Бог не испытывает нужды ни в чем, обладает всеми совершенствами, то есть абсолютно совершенен.

Но быть совершенным — значит не испытывать недостатка ни в каком благе.

Следовательно, утверждение, что Бог совершенен, равнозначно утверждению о том, что Он есть Благо. Но это не значит, что, говоря о благости Бога, мы добавляем к Его простому бытию какое-то качество. Быть для Фомы означает только одно — быть благим. Благо и бытие тождественны друг другу. («Очевидно, — говорит Фома, — каждая вещь блага постольку, поскольку она существует».) А поскольку Бог, как указано выше, есть само Существование, то, следовательно, Он есть и сама Благость. Это положение остается справедливым в отношении всех остальных совершенств, которые могут быть приписаны Богу. Фома пишет: «В самом деле, поскольку всякая вещь блага постольку, поскольку она совершенна, а совершенная благость Божия есть само божественное бытие, то для Бога одно и то же — быть и жить, и быть премудрым, и быть блаженным, и, вообще говоря, быть всем тем, что по видимости заключает в себе совершенное благо».

Но полагать Бога в качестве абсолютного совершенства и абсолютного блага — значит отрицать какую бы то ни было Его ограниченность. Следовательно, Бог есть Бесконечность. Вместе с тем Бог не может быть телом, так как всякое тело имеет протяженность и потому делимо, но Бог неделим. Бог не может быть материальным. (Все материальное несет в себе элемент случайности или возможности: например, данное железо может иметь форму топора, рельса или решетки.

Но Бог не может быть тем, другим или третьим; Он всегда есть То, Что Он есть.) Наконец, Бог не может иметь формы (хотя бы потому, что бесконечное не может обладать формой). Он бесформенен, хотя является формой всех форм. И Он неподвижен, хотя, как Перводвигатель, есть источник всякого движения. В силу того что Бог абсолютно неподвижен, Он неизменен, а в силу неизменности — вечен. В существовании Бога нет никакого «прежде» и никакого «после». Он есть Вечность как таковая.

Если Бог бесконечен, то невозможно помыслить ничего реально существующего, в чем бы Он не присутствовал. Все остальное существует только в силу божественного бытия — подобно тому, как солнечный свет существует благодаря солнцу. Пока оно светит, царит день. Когда же солнце заходит, наступает ночь. Так и акт божественного бытия: если он хоть на мгновение прервется, все, что раньше существовало благодаря Ему, обратится в небытие. «Необходимо, чтобы Бог пребывал во всех вещах, причем пребывал в их внутренней глубине», — писал Фома. (Из всего сказанного следует, что конечный материальный мир как бы погружен в беспредельный океан божественного бытия, который охватывает и пронизывает его в каждой мельчайшей частице.)

В силу соприсутствия Бога во всем можно утверждать, что Он в высшей степени обладает всеми свойствами своих творений. Поэтому все совершенства, какие мы можем приписать творениям Бога, мы можем по аналогии, в абсолютном значении приписать и Ему Самому. Среди них, прежде всего, ум и воля, ибо ими отмечен человек — совершеннейшее из земных творений. Однако эти свойства присущи Богу не как качества его простой сущности, а как таковые, то есть Он есть Ум и Воля по определению. Действительно, из того, что Бог есть само бытие, следует, что ум Бога сливается с самим Его существованием. Следовательно, Он обладает совершенным знанием Самого Себя, но знает также и все, что есть вне Его. Ибо все, что вне Бога, есть Его следствие; то есть все сущее однозначно и изначально содержится в божественном уме.

Воля Бога, так же как Его ум, тождественна Его бытию. Бог волит Самого Себя и через это воление волит и все остальное. Мыслить и волить, волить и творить для Бога одно и то же. Осознавая Себя, Бог дает бытие тому, что вне Его — творит все сущее. Ибо весь мир в идеальной форме уже заключается в божественном уме, и все сущее есть как бы мысль Бога. (Но при этом сотворенное всегда иное по отношению к Богу и не смешивается с Ним ни в одной из своих частей. Получая свое существование от Бога как абсолютного бытия, оно причастно Ему лишь по аналогии, а не так, что оно — Его продолжение.)

Объединяя мышление, воление и творение в одном акте, Фома допускал в процессе миротворчества некую спонтанность и даже случайность. Ответа на вопросы: «Для чего Богу «хотеть» нечто вне Себя? Для чего творить мир, если в Своем совершенстве Он все имеет в Себе?» — с его точки зрения нет и не может быть, если, конечно, не удовлетвориться самым очевидным: потому что Он так желает. Божественная воля ни в коем случае не имеет внешней причины. С точки зрения человека, как одного из творений, Бог есть абсолютное благо, ибо Ему обязан он всем своим существованием. Но это отношение чисто одностороннее — Бог не имеет со Своим творением никаких отношений,

так как волит и мыслит лишь Самого Себя. Свою благость Он мог явить и в других творениях, организованных иным образом. Так что нельзя сказать, что наш мир является чем-то исключительным, что он наилучший из тех, что могли бы существовать. Мышление Бога (которое воспринимается нами как миротворчество и бытие Вселенной) не связано никакой необходимостью.

Переходя к Божьим творениям, Фома писал, что в высочайшей степени тварное совершенство присуще ангелам, которые выступают как посредники между Божеством и материальным миром. Они абсолютно бестелесны и нематериальны (в этом их отличие от творений видимого мира), но их существование и сущность не совпадают, то есть они могут существовать только благодаря Богу, и в этом они сходны с другими творениями. Следующим звеном в иерархии совершенства является человек, который стал венцом всего творения. Все остальные элементы материального мира (землю, небо, светила, животных, растения и т. д.) Бог сотворил исключительно ради него.

Весь разряд творений, происшедший от одной-единственной причины, стремится к одной-единственной цели — служить подобием Божиим. «Все, что стремится к своему совершенству, — пишет Фома, — стремится к божественному подобию». Физические и нравственные законы в этом смысле совпадают. Глубинная причина того, что камень падает вниз, пламя поднимается вверх, небесная сфера вращается, а люди совершают поступки, — одна и та же: каждое из этих сущих действует для того, чтобы в результате действия достигнуть собственного совершенства и тем самым реализовать свое предназначение. Но каждое сущее, определяясь своей сущностью, реализует общую цель свойственным только ему способом. Так, для всякого человека нравственная жизнь состоит в том, чтобы в максимальной степени развить возможности своей природы.

Св. Фома Кемпийский

Параллельно со схоластическим направлением в богословии существовало мистическое.

Разница между ними заключалась в том, что богословы-схоластики стремились к постижению церковного вероучения рассудком, при посредстве сложных логических умозаключений, а богословы мистического направления — путем внутреннего созерцания и углубления человека в самого себя. Важнейшим элементом мистического богопознания являлась прочувствованная молитва, во время которой человек ощущал в своей просветленной душе непосредственное присутствие Божества. Поэтому мистики всегда выступали за возрождение духовности, против механического, бездушного исполнения обрядов.

Одним из самых значительных и авторитетных духовных течений позднего Средневековья стало движение «Нового благочестия». Не выходя за рамки традиционного христианского вероучения, его последователи старались вернуться к нормам жизни ранней апостольской церкви. Сперва очагом движения был Девентер в северных Нидерландах, откуда происходил его основатель Герт Гроте (1340–1384), но в XV в. центр «Нового благочестия» переместился в Цволле, расположенный в Западной

Фрисландии. Важнейшую свою задачу члены движения видели в литературной деятельности. Начало ей своими проповедями и сочинениями положил сам Гроте, ревностно и умело обличавший недостатки господствующего богословия.

Его последователи создали большое количество простых по языку и доступных по содержанию религиозно-нравственных книг, которые читались и переводились по всей Европе. Направленные к уму и сердцу простого бюргера и поднимавшие жизненно важные для своего времени вопросы, они пользовались большой популярностью. Общая идея «Нового благочестия» заключалась в том, что человек в своей жизни должен подражать земному пути Христа и стараться воспитывать в себе Его человеческую природу. Из плеяды духовных писателей этого течения самая большая известность выпала на долю иеромонаха Фомы Кемпийского. Его знаменитая книга «О подражании Христу» имела долгий и поразительный успех во всем христианском мире. До начала XX в. она выходила более 2000 раз, по числу переизданий уступая только Библии, и была переведена на все европейские языки.

К сожалению, о жизни самого Фомы нам фактически ничего неизвестно (даже авторство его долгое время подвергалось сомнению). Родился он 1379 г. в Кемптене, неподалеку от Кельна, у почтенных и благочестивых родителей, а воспитание получил в монастыре в Девентере. В 1399 г. брат Фомы Иоанн был избран приором монастыря на Агнатенберге близ Цволле Фома последовал за ним в этот монастырь в качестве послушника и больше не покидал его до самой смерти. В 1406 г. он постригся в монахи, в 1412 или 1413 г. принял священство. Скончался он в июле 1471 г., в возрасте 92 лет. Главным его занятием в монастыре было переписывание книг и составление назидательных сочинений. (Под одним из древних изображений Фомы стоят слова: «Всюду искал я покоя и нигде не находил его, как только в уединении и книгах».) За свою долгую жизнь он написал большое количество духовных произведений. Значительная часть их утеряна. Однако сохранилось главное его творение — кодекс «О подражании Христу» (созданный не позднее 1427 г.) — одно из самых замечательных духовных наставлений, когда-либо выходивший из-под пера человека. Именно в нем учение «Нового благочестия» получило свое классическое выражение.

Книга «О подражании Христу» написана простым, ясным языком и состоит из четырех разделов. В двух первых даются общие советы о духовной жизни, в третьей описывается христианская жизнь в ее вершинных проявлениях, а в четвертой содержится подробное изъяснение таинства святой евхаристии. Фома начинает свой труд изречением Христа из Евангелия от Иоанна: «Кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме». «Этими словами, — говорит он, — зовет нас Христос подражать жизни и правилам Его, если хотим воистину просветиться и избавиться от всей слепоты сердечной. Итак, да будет нам главное попечение — поучаться в жизни Христа Иисуса…» Ибо «кто хочет в полноте и сладости уразуметь слова Христовы, то пусть постарается всю свою жизнь сообразить со Христом».

Главным правилом любого христианина должно стать следующее — «не заботиться много о том, кто за тебя, кто против тебя; но так поступать

и так стараться, чтобы Бог с тобою был во всем, что ни делаешь…». «Все почитай за суету, — пишет Фома, — какое не встретится тебе утешение от всякого творения.

Любящая Бога душа все, что ниже Бога, презирает, все пропускает мимо… Не желай, чего не следует иметь, не имей того, что может тебя затруднить… Нельзя тебе совершенно войти в свободу, если совсем не отречешься от себя… Держись сего краткого и совершенного слова: оставь все, и все приобретешь, оставь вожделение и найдешь покой… Жалкий ты человек, где бы ни был и куда бы не обратился, если не обратишь себя к Богу».

Жалеть о земных утратах глупо. «Что смущаешься от того, что не удается тебе чего хочешь и желаешь? — спрашивает Фома. — Есть у кого-нибудь все, чего и как он хочет?.. Нет человека в мире без какого-либо прискорбия или стеснения, хотя бы царь он был или первосвятитель…» Хоть и говорят многие безумные и молодые люди: «Вот какая счастливая жизнь тому и тому человеку! Как богат он, как знатен, как возвышен и могуч!» Но «устремись к небесным благам, и увидишь, что все те блага временные; увидишь, как они неверны и как тягостны, потому что нельзя никогда без заботы и страха обладать ими. Не в том счастье человека, чтоб иметь все временное в изобилии: достаточно ему и посредственности. Поистине жалость — жить на земле…»

Жизнь человеческую надо рассматривать как подготовку к смерти. Не следует обольщаться земным счастьем и жалеть о его быстротечности. «Что пользы долго жить, когда мало исправляешься?.. — спрашивает Фома. — Страшно умирать, но, может быть, еще опаснее жить долго. Блажен, у кого всегда перед глазами страх смертный и кто каждый день располагает себя к смерти…» Во всяком деле и во всяком помышлении следует так держать себя, как будто сегодня надлежит тебе умереть. «Знай за верное, что ты должен жизнь свою вести, как умирающий, — пишет Фома. — Чем более сам для себя умирает человек, тем совершеннее начинает жить для Бога». Во всех делах и начинаниях следует помнить о том моменте, когда станешь перед строгим Судьею, от Которого ничто не скрыто: Его не умилостивишь дарами, и извинений Он не принимает, но по правде будет судить. «Когда достиг человек до того, что ни в какой твари не ищет утешения, — говорит Фома. — Тогда только начинает чувствовать совершенно услаждение в Боге; тогда становится совсем доволен всем, что ни случится». И восклицает: «О, когда придет смерть, с какой уверенностью станет умирать тот, кого никакая привязанность не удерживает в мире!»

Главное в человеческой жизни это смирение. Именно в нем состоит истинная мудрость. Не высокие слова делают человека святым и праведным, а добродетельная жизнь. («Добрая жизнь делает человека мудрым… — говорит Фома. — Кто сам в себе больше смиряется и покоряется Богу, в том больше будет мудрости и мира».) Что толку знать всю Библию и изречения мудрецов, когда нет любви и благочестия?

Любить Бога и служить Ему Единому; презирая мир, взирать на небесное царствие — вот в чем состоит подлинное совершенство. Смиренный поселянин, следующий Богу, лучше гордого мудреца, исследующего ход небесных светил. Знать самого себя, знать и презирать

— вот высшее и самое полное знание. Ничего себе не присваивать, а о других всегда думать доброе и высокое — вот великая мудрость.

Ибо «люди преходящи, но истина Господня пребывает во века».

Смиряться следует прежде всего перед Богом. Господь единственная опора человека. «И в жизни и смерти держись Иисуса и Его верности предай себя, — советует Фома. — Он один может тебе помочь, когда все отойдут от тебя… Да будет всегда в Боге твое успокоение, ибо Он всем святым покой вечный… Не опирайся сам на себя, — но в Боге утверди надежду свою… Бог помогает смиренным и смиряет мечтающих о себе». Поэтому «не почитай себя лучше других… не гордись добрыми делам…».

Если есть в тебе что доброго, думай, что в других доброго больше. Не будет тебе вреда, если ниже людей себя поставишь, но вред большой, когда хоть над одним возвысишь себя. Хорошо поступает тот, кто служит общему благу более, чем своей воле. В ком любовь истинная и совершенная, тот ни в чем не ищет себя самого. «Старайся больше чужую волю исполнять, нежели свою, — советует Фома. — Выбирай всегда, что меньше, а не что больше. Ищи всегда нижнего места, чтобы тебе всегда позади всех быть». Бог так устроил, чтобы люди учили друг друга «тяготы носити».

Ибо никто без порока, никто без бремени, никому одного своего разума недостаточно. Но приходится друг друга носить, друг друга утешать, друг другу помогать и увещевать друг друга.

Спасение возможно только через аскетические подвиги. «Отчего некоторые из святых стали так совершенны и так способны к созерцанию?» — спрашивает Фома. И отвечает: «Оттого, что старались вовсе умертвить в себе все земные желания, и потому возмогли они всем сердцем прилепиться к Богу… Не то, что получил человек или что умножилось у него во внешних вещах, служит ему на пользу, но скорее то, что презрел он и с корнем отсек от сердца…» Кто взялся подражать Христу, должен забыть о мирских радостях. «Вся жизнь Христова была крест и мученичество, — говорит Фома, — а ты себе ищешь покоя во радости. Обманываешься ты, когда иного ищешь, как бы не терпеть скорби, ибо вся эта смертная жизнь исполнена бедствий и крестами обставлена… И так определи себя, яко добрый и верный раб Христов в духе мужества носить крест… приготовься к перенесению многих бед и всяческих тягостей в здешней бедственной жизни…»

Увы, во времена Фомы об этом правиле забывали очень многие. «Много у Иисуса любителей царства Его небесного, — сетует он, — но мало носителей креста Его…

Все хотят со Христом радоваться, но не многие хотят претерпеть за Него…» Люди забывают, что лишь страданием приобретается райское блаженство. И Фома спрашивает: «Что же боишься ты взять крест, когда крестом входят в царствие небесное… Когда ищешь в земной жизни покоя, как тогда достигнешь покоя вечного? Готовь себя не ко многому покою, но ко многому терпению. Истинного мира не на земле ищи, но на небесах, не в людях, но в Боге едином. Ради любви к Богу все ты должен переносить радостно — труды и скорби, искушения и лишения, тесноту и нужду, болезни, обиды, наговоры, укоризны и унижения, стыд, обличение и

презрение. Все то способствует к добродетели, все испытует ученика Христова, все созидает венец небесный… Когда достигнешь того, что бедствие сладко тебе будет и приятно о Христе, тогда почитай себя счастливым: ты нашел рай на земле».

Уразуметь божественное людям больше всего мешают их страсти и похоти. «Покуда жив человек, — говорит Фома, — он не может быть совсем в безопасности от искушений, ибо в нас самих то, что искушает нас… начало всех злых искушений — непостоянство духа и недостаток упования на Бога». Сердце человеческое так легко прилепляется к мирскому. Как не сетовать об этом? «Что ты здесь вокруг озираешься? — спрашивает Фома. — Не здесь тебе место успокоения. На небесах должно быть жилище твое, и точно страннику в пути надо тебе смотреть на все, что видишь. Все проходит, и ты со всем вместе проходишь. Берегись, не останавливайся: прилепишься и погибнешь… Если хочешь наследовать вечную жизнь, презри настоящую жизнь. Если хочешь быть велик на небе, смири себя в мире».

ХРИСТИАНСКИЕ МИССИОНЕРЫ
Св. Григор Ласуворич

Армения — первая страна, где христианство, возобладав над язычеством, завоевало статус государственной религии. Сами армяне считают свою церковь равноапостольной, так как проповедниками евангелия здесь, согласно традиции, были ученики Христа святые апостолы Фаддей и Варфоломей. Первый из них принял мученическую смерть около 50 г., второй — двумя десятилетиями позже, но семя, посеянное ими, вскоре дало обильные всходы. Армянские источники сообщают о трех больших гонениях на христиан: в 110 г. (при царе Ашхадаре), 230 г. (при царе Хосрове I) и 287 г. (при царе Трдате III). Эти гонения не могли бы иметь места, если бы в стране уже в то время не существовало значительного числа христиан.

Честь окончательного крещения Армении принадлежит святому Григору Ласуворичу (Григорию Просветителю). Он происходил из царского рода Аршакуни, правившего в Армении с середины I в. Отец Григора, Анак, находился на службе у персидского шаха Шапура I. По приказу своего повелителя (который вынашивал планы завоевания Армении) он под видом перебежчика вернулся на родину, имея тайную цель, убить армянского царя Хосрова I. Однажды Анак остановился на ночлег в родовом имении князей Аматуни, где ему пришлось ночевать за занавеской в усыпальнице св. Фаддея. В эту ночь, согласно легенде, и был зачат Григор. Он родился около 252 г.

Между тем Хосров радушно принял Анака и сделал его своим ближайшим советником.

Тот долго выжидал случая для задуманного покушения. Однажды во время охоты он напал на царя, нанес ему мечом смертельную рану и попытался скрыться. Однако армянские вельможи поспешили по следам убийцы, настигли его вблизи какой-то реки, убили и утопили в воде. После этого был истреблен весь род Анака и его брата (они были сообщниками), вместе с их женами и детьми. Из всей семьи спасся один только младенец

Григор, которого кормилица переправила в камышовой корзине через реку за пределы страны. По словам древнеармянского историка Агатангехоса (чье повествование остается для нас главным источником сведений о жизни святого), Григора, единственного из всей семьи, сохранило Провидение, потому что ему еще во чреве матери была дана св. Фаддеем благодать апостольства — подобно тому «как некогда Иоанну Крестителю — предвозвещение Христа». Когда Шапур узнал о смерти армянского царя, он овладел его страной и предал поголовному истреблению весь род Аршакуни. Спасся только юный сын Хосрова, Трдат, которому удалось укрыться в Риме.

Детство Григора прошло в Кесарии Каппадокийской, в христианской среде. Здесь он женился и родил двух сыновей. Печальная история его отца была ему хорошо известна. Узнав, что Трдат состоит в римском войске, Григор, не открывая, кто он такой, поступил к нему на службу. В 284 г. император Диоклетиан прогнал из Армении персов и возвел сына Хосрова на царский престол под именем Трдата III.

Григор вместе с ним вернулся в Армению и продолжал службу при дворе. До поры до времени Трдат мирился с тем, что Григор исповедует христианство. Но однажды, в 286 г., во время большого праздника, тот отказался возложить венок на идола богини Анаит. А когда язычники стали принуждать этого к этому, Григор громко объявил, что на небе и на земле нет другого Бога, кроме Христа. Этим он привел царя в гнев. Трдат велел схватить слугу и пытать его до тех пор, пока он не образумится. Палачи, широко раскрыв Григору рот, вложили ему между зубов кусок дерева, привязали на шею тяжелый камень и подвесили вниз головой над горящим навозом, жестоко избивая при этом палками. Григор мужественно выдержал эти истязания. Тогда, крепко стянув досками его ноги, палачи вбили ему в пятки и подошвы железные гвозди, а затем заставили ходить. Видя, что он по-прежнему славит Христа, ему засыпали в ноздри соль, смешанную с серой и уксусом, а затем надели на голову мешок, наполненный сажей и пеплом. В таком положении несчастный Григор пробыл несколько дней, жестоко страдая от жажды и недостатка воздуха.

Потом его вновь подвесили вниз головой и строгали ребра железными когтями.

Святой мужественно перенес все пытки, и его уже собирались обезглавить, когда кто-то донес царю, что он сын Анака. Узнав об этом, Трдат посчитал, что мгновенная смерть будет для Григора слишком легкой карой, и решил сделать ее как можно более мучительной. Он приказал сковать его по рукам и ногам, а потом бросить в глубокий ров, предназначенный для казни самых отъявленных злодеев. «Этот ров был страшен всякому даже при одной мысли о нем», — читаем в житии Григора. Выкопанный «для осужденных на казнь лютой смертью», он был наполнен болотной тиной, змеями, скорпионами и другими ядовитыми гадами. Угодившие сюда умирали через несколько дней. Григор, благодаря Божьему Провидению, провел в этом страшном месте пятнадцать лет. От голодной смерти его спасла одна благочестивая вдова, которая каждый день бросала ему в ров кусок хлеба. Этой скудной пищей Григору и пришлось поддерживать свою жизнь.

Конец его мучениям пришел только в 300 г. В этот год в Армению из восточных провинций Римской империи бежали тридцать семь христианских дев под предводительством святой игуменьи Гайянэ. Одна из монахинь — Рипсимия — отличалась редкой красотой. Узнав об этом, Трдат пожелал сделать ее своей наложницей. Юная монахиня ответила ему отказом. Тогда царь велел жестоко истязать ее, а затем убить. Затем со многими мучениями умертвили всех ее подруг.

Это преступление не могло остаться без возмездия, и Трдат был сурово наказан Богом — однажды во время охоты он лишился рассудка и даже облика человеческого, сделавшись как бы диким вепрем. Никто из врачей не мог исцелить его. Но однажды сестре Трдата, Хосровидухте, явился во сне великий и славный муж, который сказал ей: «Трдат не исцелится, если Григор не будет выведен изо рва». Сейчас же по приказу царевны слуги извлекли Григора из места его заключения. Он явился на божий свет бледный, обросший волосами и ногтями, исхудавший и почерневший от болотной тины, но живой.

Далее в житие Григора мы читаем: «Святого омыли, одели в новые одежды и, подкрепив пищей, повели к царю, имевшему вид вепря. Все вышли к Григору с великим почтением, кланялись, припадали к его ногам и молили его, чтоб он упросил своего Бога об исцелении царя». Григор прежде всего собрал останки святых дев и оплакал их. Затем он стал поучать мучителей, чтоб они отвратились от идолов и уверовали во Единого Бога и Сына Его Иисуса Христа. Увидев их смирение, он велел построить церковь и перенести в них тела блаженных мучениц.

Наконец он привел Трдата к их телам, чтоб он просил их молитв перед Господом. И как только царь исполнил его повеление, к нему тотчас вернулся человеческий облик. Случилось это на 17-м году царствования Трдата, в 301 г. Вскоре царь крестился. Вместе с ним приняли крещение его семья, сатрапы, армия, а затем и весь народ. В 302 г. по желанию Трдата епископ кесарийский Леонтий посвятил Григора в епископы Армении. В 303 г. в армянской столице Вагаршапате был заложен Эчмиадзинский кафедральный собор.

После этого, переходя из города в город, Григор стал рукополагать священников, строить монастыри, церкви, школы, богадельни. Всего он основал около 400 местных епархий для духовного управления Арменией и окрестными странами. Отправляемые им миссии крестили Грузию, Каспийскую Албанию и Антропатену. Позже вместе с царем Трдатом он ездил в Рим к императору Константину для заключения договора о союзе.

Во время этого путешествия римский епископ Сильвестр пожаловал Григору частицу мощей св. апостола Павла, левую руку апостола Андрея и много других даров. По возвращении Григор основал монастырь Ашидишед. В 318 г. он отрекся от своего епископства в пользу сына Аристакеса и провел последние годы в уединении в этом монастыре. Умер Григор в 325 г., вскоре после I Вселенского собора.

Св. Патрик

В истории раннего миссионерского движения одна из самых удивительных страниц связана с крещением Ирландии — далекой

западной страны, никогда не входившей в состав Римской империи. Все население этого острова было приведено к Христу одним человеком — св. Патриком, память о котором по сей день благоговейно сохраняется каждым ирландцем.

Сам Патрик говорил о себе, что он родился в местечке Бонавене на западном берегу Римской Британии, которое некоторые писатели отождествляют с деревней близ Думбартона. До принятия монашества его имя было Суккат. Отец его, Кальпурий, был диаконом, а дед — пресвитером в кельтской церкви. Родился Патрик около 389 г.

Никаких сведений о его детстве не сохранилось. Когда Патрику исполнилось 16 лет, его город подвергся нападению ирландских пиратов. Многих молодых людей ирландцы увезли с собой, чтобы затем продать их в рабство. Патрик оказался среди пленников и был продан земледельцу из Слемиша. Тут в течение следующих шести лет ему пришлось пасти свиней.

Несмотря на воспитание в христианской семье, Патрик до этого времени не верил в Бога. (Он так вспоминал о своем детстве: «Мы отвернулись от Господа; мы не выполняли Его заповедей и не слушали наших пастырей, что призывали нас к спасению».) Однако, оказавшись в неволе, он начал размышлять о своем духовном состоянии и вскоре нашел утешение в молитве и созерцании. Позже он писал: «Господь открыл мне понимание моего неверия и то, что, хоть и поздно, я могу вспомнить ошибки и повернуться к Господу Богу всем своим сердцем… Он укрепил и утешил меня, как Отец Своего сына». С этого времени жизнь Патрика сопровождалась постоянными молитвами; время от времени он ощущал внутри себя предостережения и советы, в которых узнавал Божий ответ на свои обращения. Один из таких советов в конце шестого года его рабства побудил Патрика бежать от хозяина и направиться к побережью, в порт, где он нашел точно такой корабль, о котором ему говорил внутренний голос. На нем он и покинул остров.

Обретя свободу, Патрик некоторое время прожил в монастыре на острове Св. Гонората у берегов Галлии, а потом возвратился домой. Родные с радостью приняли его, но воспоминания о земле рабства не оставляли Патрика. Напротив, они вновь и вновь возвращались к нему, пока, наконец, он не понял: Бог хочет, чтобы он опять вернулся туда. В своей «Исповеди» Патрик так описал момент осознания своего миссионерского призвания: «Во сне я увидел человека по имени Викторий, словно бы шедшего из Ирландии с бесчисленным количеством писем; он дал мне одно из них и… в тот момент, когда я читал начало письма, мне показалось, что я услышал голоса тех, кто жил рядом с лесом Фоклута у Западного моря; и вот, что они кричали: «Пожалуйста, святой человек, приди и опять живи среди нас»; их крик пронзил мне сердце, и я больше не мог читать; потом я проснулся».

Миссионерское служение Патрика в Ирландии началось не сразу. Он поведал о своем призвании оксеррскому епископу Германусу, который приехал тогда по делам в Британию и нашел в его лице покровителя. В 429 г. Германус отправил Патрика учиться в свой монастырь в Оксерре на севере Галлии. При первой же возможности он рукоположил его в диаконы, а потом — в епископы. Путь от мирянина до епископа Патрик прошел всего за два года. Ему было уже за сорок лет, когда он ощутил себя готовым к

миссионерскому подвигу.

Патрик прибыл в Ирландию в 432 г. В то время на острове уже существовали изолированные островки христианства, но большинство населения продолжало жить в язычестве. Сначала он встретил большие затруднения, но ему очень помогли знание языка и нравов страны. Ирландцы поклонялись солнцу, луне, ветру, воде, огню и скалам, верили в самых различных добрых и злых духов. Магия и жертвоприношения, включая человеческие, были неотъемлемой частью религиозных обрядов, отправляемых местными жрецами-друидами. Хорошо зная об их могуществе и влиянии, Патрик даже не пытался вступить с ними в борьбу. Напротив, он постарался сблизиться с друидами, заслужить их уважение, но вместе с тем в диспутах и священнодействиях сумел показать себя более могущественным и искушенным магом, чем сами жрецы.

Побежденные Патриком, некоторые вожди из друидов приняли христианство. Вскоре ему удалось с помощью богатых подарков убедить местного короля Лугера дать позволение христианам открыто исповедовать свою религию. Затем крестился брат короля, который подарил Патрику участок земли в своем поместье под строительство первой церкви. С этого времени проповеди Патрика имели все больший и больший успех. Ирландцы оказались на редкость восприимчивы к слову евангелия, и принимали крещение целыми семьями и деревнями. Когда христианство утвердилось в прибрежных районах, Патрик двинулся в глубь острова. Слух о нем уже достиг тамошних жителей, и обращение их оказалось более простым делом. Обходя остров, Патрик звуками литавр и барабанов собирал народ и рассказывал ему о жизни и смерти Спасителя. Одних он привлекал к себе кротостью и радостными утешениями, других — подарками. Так, проповедуя, он переходил из одной местности в другую, пока не обошел всю страну.

После этого постоянным местом его пребывания стал Армаг, превратившийся в дальнейшем в метрополию Ирландской церкви.

К 447 г., после пятнадцати лет неустанных миссионерских трудов, множество ирландцев уверовали в Христа. К этому времени Патрик уже был признан на всей территории Ирландии как великий человек Божий, однако эта популярность далась ему не легко. В «Исповеди» он рассказывает о том, что двенадцать раз оказывался перед угрозой лишения жизни и несколько раз томился в заключении. Тем не менее он продолжал свое служение еще 15 лет. «Я боялся, — писал он, — как бы начатый мной труд не стал напрасным». За тридцать лет Патрик основал около 200 церквей и крестил почти 100 тысяч новообращенных — успех поразительный, позволяющий причислить Патрика к числу самых замечательных миссионеров в истории христианства. Сам он, однако, считал, что обязан успехам исключительному попечению Божию: «Я умоляю тех, кто верит и боится Бога… чтобы никто никогда не сказал, что мое невежество исполнило хоть что-нибудь из того малого, что я сделал… но судите сами и поверьте истинно, что то был дар Божий». Умер Патрик около 461 г., окруженный глубокой любовью и почтением ирландцев. Ко времени его смерти на острове было много епископов, пресвитеров и монахов.

Последствия миссионерской деятельности Патрика вышли далеко за пределы Ирландии.

После смерти святого у ирландцев возникло страстное стремление к миссионерской деятельности, которой они и предались со всем энтузиазмом новообращенных. Горя любовью к Христу, не пугаясь препятствий и трудностей, сотни ирландских исповедников разошлись по всей Центральной Европе и добирались далеко на север, вплоть до Исландии. Но главным приложением их деятельности стала Британия — родина св. Патрика, к этому времени завоеванная германскими племенами англов и саксов и вновь впавшая в язычество.

Св. Бонифаций

Христианство стало проникать в Германию еще во времена римского господства. В III и IV вв. по Рейну и Дунаю, в городах, образовавшихся из римских военных поселений, было уже несколько епископских кафедр. Но в эпоху великого переселением народов, в V и VI вв., здесь вновь повсеместно укрепилось язычество. Новые попытки распространения евангелия в Германии были предприняты в конце VI столетия, отчасти франками, но главным образом британскими и англо- саксонскими монахами-миссионерами, которые в VII в. основали в Германии несколько церквей. Благодаря им христианство стало постепенно утверждаться к западу от Рейна. Однако по восточную сторону этой реки и в ее низовьях германцы в подавляющем большинстве продолжали придерживаться своих исконных верований. Трудное дело их обращения было довершено английским монахом Уинфридом, принявшим позже латинское имя Бонифаций.

Свершенное им, имело столь значительные и масштабные последствия, что Бонифация называют иногда «самым великим из всех миссионеров Темных веков» и «человеком, который оказал более существенное влияние на историю Европы, чем любой другой англичанин за всю человеческую историю».

Родился Бонифаций в Кредитоне, в Девоншире, около 680 г. Его родители, богатые и благородные люди, желали, чтобы их сын избрал гражданскую службу, но мальчик с ранних лет мечтал стать монахом. В семилетнем возрасте он вступил в монастырь в Эксетере, откуда позже удалился в Нутсцелльс-кий монастырь в Гемпшире. Здесь около 710 г. его рукоположили в священники. Бонифаций рано прославился своими способностями проповедника и толкователя Священного Писания. Уже в молодые годы ему стали поручать важные церковные дела и он имел возможность занять высокое положение в церкви своей собственной страны. Однако он пожелал посвятить себя распространению христианства среди язычников.

В 716 г. вместе с двумя спутниками Бонифаций отправился проповедовать евангелие во Фризию. Это первое его путешествие оказалось неудачным. Страна была охвачена войной. Правитель Фризии Радбод, хотя и согласился принять и выслушать Бонифация, не позволил ему вести проповедь. Бонифацию ничего не оставалось, как вернуться в Нутсцеллу. Тамошние монахи очень желали, чтоб он остался с ними, и даже

избрали его своим аббатом. Но его миссионерская ревность оказалась сильнее склонности к спокойной монашеской жизни. Назначив на свое место другого аббата, Бонифаций весной 717 г. отправился в Рим. Здесь он встретил добрый прием у папы Григория II, который всемерно поддержал его замыслы и обещал всячески им содействовать. Отпуская Бонифация, папа снабдил его рекомендацией к самому могущественному правителю тогдашней Германии — майордому франков Карлу Мартеллу.

Его помощь в немалой степени обеспечила успех миссии Бонифация. Позже он писал: «Без защиты со стороны принца франков я не смог бы ни править людьми и церковью, ни защищать служителей и священников, монахов и монахинь; я не мог бы прекратить практику языческих обрядов и жертвоприношений».

В 718 г. Бонифаций начал христианскую проповедь в Баварии и Тюрингии. Однако в это время он еще не решился связать свою дальнейшую судьбу с Германией. Узнав в 719 г. о смерти Радбода, он вновь отправился в Фризию и трудился там в течение трех лет. По всей видимости, успех его был более чем скромным. Наконец, в 722 г. Бонифаций возвратился в Германию и поселился в Аманабурге. Здесь его дела пошли намного лучше, и он в короткое время крестил несколько тысяч человек. Папа Григорий, узнав об этом, вызвал Бонифация в Рим и в ноябре 723 г. посвятил его в епископы (перед этим Бонифаций должен был дать торжественную клятву у гроба апостола Петра, что будет во всем повиноваться папе и станет служить интересам римской курии).

Возвратившись через некоторое время в Германию, Бонифаций с неудовольствием обнаружил, что за время его отсутствия многие из крещеных им вернулись к языческим обрядам и стали опять поклоняться духам и заниматься магией. Чтобы противостоять этому осквернению, Бонифаций решил применить жестокие меры и нанести удар в самое сердце местного языческого культа. Он собрал большую толпу в Гейсмаре, где находился священный дуб бога грома Донара, и на глазах многих тысяч язычников срубил его. После этого торжества над язычеством тысячи людей признали превосходство христианского Бога и обратились к Нему. Бонифаций, не давая им опомниться, продолжал действовать в таком же непримиримом духе: разрушал храмы и жертвенники, разбивал священные камни. Впрочем, если обстоятельства способствовали тому, он вел себя мягче — вступал с язычниками в споры, расспрашивал о происхождении их богов, о связи их с началом мира, искусно изыскивал противоречия в их ответах и своими меткими репликами приводил их в замешательство. Природное красноречие, величественная внешность, непреклонная сила духа и непоколебимая уверенность в своей правоте помогали ему неизменно одерживать вверх над своими соперниками. Одну за другой он строил новые церкви и основывал монастыри. Прослышав об успехах Бонифация, из Британии прибыло много монахов и монахинь. Каждый из них был прикреплен к определенной территории, где организовывал монастырь и школу для вновь обращенных. Пишут, что среди добровольных сподвижников Бонифация большую роль играли женщины, на плечи которых оказалась возложена значительная часть миссионерской работы. В 732 г., отмечая заслуги Бонифация, папа Григорий III возвел его в архиепископы. Когда он в 738 г. в третий раз посетил Рим, его приняли с

великой честью, подобающей миссионеру, который к этому времени крестил сотни тысяч обращенных. Его полномочия были значительно расширены.

В 739 г., возвращаясь из Рима, Бонифаций задержался в Баварии и устроил по просьбе ее герцога правильное управление здешней церковью. В 741 г. папа Захарий уполномочил его преобразовать также франкскую церковь. Бонифаций основал несколько епископств в Гессии и Тюрингии, а в 742 г. провел первый Австразийский собор. Все это способствовало некоторому упорядочению дел и смягчению нравов франкского духовенства, которые до этого были очень грубы. Так, собор запретил духовенству заниматься охотой, служить на войне и вступать в брак. Низшее духовенство было подчинено епископам. Бонифаций искоренил многие языческие пережитки, в том числе принесение жертв святым, которые у некоторых германских племен заняли место прежних богов. Однако подчинить франкскую церковь Риму ему так и не удалось. В 744 г. Бонифаций основал знаменитый монастырь в Фульде, который по сей день остается центром католицизма в Германии. Спустя два года он был провозглашен архиепископом менцским, в подчинение ему перешли епископы вормский, шпейерский, тонгресский, кельнский и утрехтский со всеми германскими племенами, принявшими христианство благодаря его трудам.

Когда в 754 г., не имея больше сил заниматься активной миссионерской деятельностью, Бонифаций сложил с себя архиепископство, подавляющая часть германцев была уже крещена. Последние дни он намеривался провести в своем монастыре в Фульде, но, перед тем как окончательно удалиться на покой, решил еще раз побывать во Фризии. Вместе с несколькими спутниками Бонифаций отправился в Утрехт и крестил здесь несколько тысяч язычников. Всем новообращенным он велел собраться накануне Троицы в местечке близ Доккута, чтобы совершить над ними таинство миропомазания. Однако вместо христиан в Доккут явилось множество агрессивно настроенных язычников. Старик Бонифаций и все его 52 спутника были убиты (в том числе утрехтский епископ Эобан). Произошло это в 755 г. Тело Бонифация, согласно его завещанию, погребли в Фульде. В дальнейшем ничто так не способствовало процветанию этого аббатства, как обладание его мощами. Что касается Фризии, то она была крещена учениками Бонифация только в конце VIII в.

Св. Ансгарий

Святой Ансгарий, за которым в истории христианского миссионерского движение закрепилось прозвание «апостола Севера», родился около 801 г. в одной из областей Франкской империи. С самого рождения он отличался благочестивым и восторженным характером, а смерть матери, когда ему было пять лет, еще более усилила его склонность к мистицизму. С тех пор он ощущал постоянную и неразрывную связь с горним миром. Автор его жития рассказывает, что все важнейшие события жизни Ансгария предзнаменовались ему или в видении, или посредством внутреннего озарения. Так, от детских игр он был отнят следующим видением: мать явилась ему в окружении светозарных жен, Ансгарию же

казалось, будто он завяз в грязи и не может добраться до нее. И вот, когда он остро ощущал свое бессилие, главенствующая среди этого общества пресвятая Богородица спросила его желает ли он присоединиться к своей матери? Ансгарий, конечно же, страстно желал этого, и Богородица открыла ему, что ради этого он должен оставить суетность мира, как неугодную святым. После этого мальчик думал только о монашестве. Его мирские привязанности были еще более подорваны в 814 г. известием о смерти императора Карла Великого, которая произвела на Ансгария чрезвычайно глубокое впечатление, показав непрочность всякого земного величия.

Несколькими годами позже он пережил еще одно яркое видение: ему показалось, что его дух выведен из тела двумя достопочтенными людьми, в которых он признал апостолов Петра и Иоанна. Сначала они погрузили его в чистилище, и Ансгарий оставался там в течение трех дней, пережив столько мук, что они показались ему тысячей лет. Затем апостолы перенесли его в область божественной славы, где вкушали райское блаженство множество благоговейных святых. Тут он услышал голос изумительной силы и сладости, говоривший ему: «Иди, и ты опять возвратишься ко Мне с венцом мученическим». Позже Ансгарию явился Спаситель и уговорил его исповедовать свои грехи, а потом уверил, что они прощены. В ответ на его вопрос: «Господи, что же Ты хочешь, чтобы я делал?» — последовал ответ: «Иди и проповедуй язычникам СловоБожие».

Совсем молодым человеком Ансгарий постригся в Корбейском монастыре и здесь прошел курс обучения. Затем он сам сделался учителем в Корбее. Но 290 мысль о миссионерском служении никогда не оставляла его. Вскоре ему представилась возможность исполнить свою мечту. В результате завоеваний Карла Великого франки стали соседствовать с северными народами. Первую попытку их крещения предпринял в 822 г. Эббо, архиепископ реймский. В 826 г., благодаря его стараниям, вместе с женой и четырьмя сотнями последователей, в Менце крестился датский король Харальд. Его крестным отцом был сам император Людовик I Благочестивый. Императрица Юдифь стала крестной матерью королевы, а наследник Людовика, Лотарь — воспреемником их сына. Этот важный зачин требовал подкрепления. Император решил тогда отправить к датчанам христианскую миссию. Но варварство норманнов, их враждебность к христианству и дикий характер их язычества с человеческими жертвоприношениями устрашали всех. Охотников проповедовать среди них евангелие долго не находилось.

Но, когда северная миссия была предложена Ансгарию, он сразу же дал согласие, хотя многие старались отговорить его. В сотоварищи ему вызвался другой монах — Аутберт. Однако миссионеры не смогли найти ни одного слуги, который пожелал бы последовать за ними. Действительно, поначалу их положение казалось очень незавидным. Сам Харальд не проявлял к монахам никакой почтительности и обращался с ними пренебрежительно. Но когда они спустились вниз по Рейну до Кельна, епископ этого города из сострадания подарил Ансгарию и Аутберту небольшой корабль с двумя каютами. Харальд пожелал занять одну из них и таким образом пришел в более тесные отношения с миссионерами. Каждый день общаясь и разговаривая с ними, он в конце концов

почувствовал интерес к их предприятию.

Так что на месте все оказалось не так плохо, как могло показаться в момент отъезда из Германии. Центром своей миссии Ансгарий избрал Гадеби на берегу Шлея, против Шлезвига. Здесь он устроил церковь и школу для мальчиков, причем ученики отчасти отдавались ему, а отчасти покупались им с целью воспитания их в христианской вере.

К несчастью, Харальд своим почтением к императору Людовику и своей переменой религии возбудил вскоре сильное негодование среди датчан. В 829 г. подданные восстали против него. Харальд вынужден был бежать во Фризию, после чего Ансгарию также пришлось уехать из Гадеби. Но его миссионерство этим не кончилось. В том же году к императору Людовику Благочестивому явились послы из другого скандинавского государства — Швеции. Они сообщили, что их соотечественники благоприятно расположены к христианству и просили дать им учителя. Ансгарий, которому предложена была эта миссия, немедленно согласился. После многих приключений он прибыл в шведскую столицу Бирку, где король Бьерн разрешил ему свободно проповедовать евангелие. Среди первых обращенных Ансгарием был Геригар, правитель округа, который построил на своей земле церковь.

С успехом потрудившись полтора года, Ансгарий возвратился на родину с письмом от Бьерна к Людовику. Император был весьма доволен его успехами и решил поставить северную миссию на новую ногу. Он уговорил папу Григория IV назначить Ансгария в 831 г. архиепископом Гамбургским, в метрополию которого входили все скандинавские и славянские государства Северной Европы. А чтобы помочь миссии в ее непростых трудах, требовавших больших расходов, Людовик передал в полное распоряжение Ансгария богатый Тургольдский монастырь в Западной Фландрии. Доходы от него сделались потом главным финансовым источником Ансгария, получившим таким образом возможность раздавать щедрые дары местным правителям. Затем Ансгарий отправился в Рим и был милостиво принят папой, который удостоил его буллой и уполномочил обращать северные народы.

Следующие четырнадцать лет прошли в трудах. Пользуясь поддержкой императора, Ансгарий построил в Гамбурге церковь, монастырь и коллегию. Число обращенных среди норманнов с каждым годом увеличивалось. Но затем войны и внутренние смуты едва не свели на нет весь достигнутый им успех. В 845 г. Гамбург был захвачен и сожжен ютландским королем Эриком. Ансгарий, враз лишившийся всего, должен был бежать, спасая свою жизнь. Тем не менее, несмотря на бедственность положения, он не потерял присутствия духа и повторял вслед за Иовом: «Господь дал, Господь взял; благословенно имя Господне!» Убежище он нашел в Рамсло у одной вдовы по имени Икия. Мало-помалу сюда собрались некоторых из его уцелевших последователей.

Единой Франкской империи к этому времени уже не существовало: после смерти в 840 г. Людовика Благочестивого, она была поделена между тремя его сыновьями.

Тургольдский монастырь оказался во владениях французского короля Карла Лысого, который передал его одному мирянину. Но Ансгарий нашел поддержку у другого сына покойного императора — Людовика II

Немецкого, который провозгласил его бременским епископом, оставив в то же время в его руках архиепископство гамбургское. В 848 г. это соединение диоцезов признал собор менцских епископов.

Материальное положение миссии быстро поправилось, а затем возобновилась ее деятельность по обращению язычников. Ансгарию удалось приобрести большое влияние на своего прежнего врага, ютландского короля Эрика, который хотя и не крестился сам, но позволил ему проповедовать в своих владениях и построить церковь в Шлезвиге. Датские торговцы, принявшие до этого крещение в Гамбурге или Дорштадте, получили возможность открыто исповедовать христианство. В то время как в Дании дела шли таким образом, Швеция в течение нескольких лет оставалась без христианского учителя. Ансгарию удалось отправить в эту страну священника и отшельника по имени Ардгар. Он проповедовал с большим успехом, но потом вновь удалился в отшельничество. Сменивший его монах Гауберт не понравился норманнам и был с позором изгнан из страны. Тогда Ансгарий решил сам продолжить его дело. По сути, ему пришлось все начинать сначала. Шведы, изгнавшие Гауберта, в большинстве своем были настроены к христианству очень враждебно. И хотя король Олав не имел ничего против новой религии, он должен был считаться с настроениями своих подданных. Решение о судьбе миссии было отдано на суд народного собрания — бросили жребий, и он оказался в пользу допущения христианских учителей. После этого шведы смягчились. Благосклонность к новой религии еще усилилась чудесами, свершившимися во время экспедиции Олава в Курляндию. Отовсюду стали стекаться обращенцы, строились церкви, и Ансгарий нашел возможность возвратиться в Данию, оставив во главе шведской миссии своего помощника Гумберта.

Между тем, в отсутствии архиепископа, Эрик Ютландский пал в одной кровавой битве с языческой партией, которая воспользовалась его благосклонностью к христианству в качестве предлога для мятежа. Церковь в Шлезвиге была заперта, священник ее изгнан, а христиане подверглись жестокому гонению. Ансгарий мог только молиться о прекращении этого несчастья. И молитвы его не остались безответны — вскоре он получил от юного Эрика II, наследника и сына Эрика I, письмо, в котором тот выражал столь же горячее сочувствие к евангелию, какое имел его отец, и приглашал миссионеров возобновить свои труды. При новом короле христианство стало распространяться быстрее, чем прежде. Церкви в Шлезвиге впервые позволили обзавестись колоколом, а в Рипе, втором городе Дании, на берегу противоположном Британии, Ансгарий основал еще один храм, священником которого назначил одного из своих учеников. Так в трудах и заботах прошли последние десять лет его жизни.

До самого конца Ансгарий был предан строгим аскетическим правилам, а молитвы и пост считал наипервейшим делом. Того же требовал он своих сподвижников. Пишут, что его монахи всегда были заняты работой и сам он никогда не сидел без дела.

Несмотря на святую жизнь, он почитал себя за грешника и в своем смирении часто говорил, что «в его жизни произойдет самое большое чудо, если Бог когда-нибудь сделает из него истинно благочестивого человека». Между тем уже при жизни Ансгарий несколько раз являл дар чудотворства,

исцеляя своей молитвой болящих, однако тщательно скрывал его, чтобы избежать хвалы в свой адрес. Очень много старался он о выкупе пленных христиан и в 856 г. убедил вождей Нордалбингии отказаться от торговли рабами, которую они вели. Скончался Ансгарий в 865 г., так и не удостоившись венца мученика, о котором мечтал всю жизнь. Несмотря на все свои старания, он не смог заложить прочную основу для христианства в Скандинавии. После его смерти местные жители вновь вернулись к язычеству.

Окончательно христианство утвердилось здесь лишь два векаспустя.

Св. Мефодий

Просветитель славян святой Мефодий родился около 815 г. в Солуни (Фессалониках) — одном из самых крупных и богатых городов Византии. Автор «Жития Мефодия» так говорит о его происхождении: «И по отцовской и по материнской линии был он рода не простого, но весьма доброго и почтенного, известного… всей Солунской области». Но при всем этом отец его занимал не очень высокий пост — по мнению большинства историков, он был друнгарием (помощником стратега, или сотником). В семье насчитывалось семеро детей, и самым младшим из них был будущий сподвижник Мефодия, прославившийся под своим монашеским именем Константина, а по принятии схимы прозванный Кириллом. (Что касается мирских имен обоих братьев, то они нам не известны.) Предполагают, что Константин был примерно на десять лет моложе старшего брата.

Около 833 г. Мефодий начал военную службу и проходил ее, по-видимому, в столице, на виду у императора Феофила, так как в его «Житии» говорится: «Мефодий… был мудр беседой и крепок телом, и этим был известен императору, который всегда держал его при себе». Другой его жизнеописатель свидетельствует, что «в военных делах Мефодий был страшен, подобно библейским героям Самсону, Гедеону и Иисусу Навину».

В возрасте 20 лет его поставили архонтом (воеводой) в Славинию — небольшое славянское княжество, находившееся тогда под властью греков. Эту должность Мефодий исполнял десять лет и имел возможность хорошо изучить славянский язык и славянские обычаи. Имеются известия, что в те годы он женился и имел детей.

Вскоре после кончины Феофила (умер в 842 г.) Мефодий отрекся от мира и постригся в монахи в одном из малоазийских монастырей, расположенном на горе Олимп.

Причины, подвинувшие его на такую резкую перемену своей судьбы, нам не известны.

Через несколько лет к его подвигам присоединился младший брат Константин, до этого преподававший философию в Магниурской школе. Именно благодаря ему Мефодий оказался вовлечен в миссионерскую деятельность. Когда в середине 850-х гг. патриарх Игнатий (патриаршествовал в 847–857 гг.) послал Константина проповедовать христианскую веру хазарам, тот уговорил брата отправиться вместе с ним. Путешествие обещало быть трудным и опасным, и Мефодий — человек бывалый, много повидавший на своем веку, обладавший твердым, непреклонным характером, выносливостью, смелостью и необыкновенным

трудолюбием, мог оказаться очень полезным для миссии.

Путь братьев поначалу лежал по степям через владения диких угров (венгров).

Добравшись до Херсонеса (в Крыму), они провели здесь некоторое время, изучая хазарский язык. Тут им удалось найти евангелие и псалтирь, написанные «русскими письменами», а также человека, говорившего на этом языке. Тогда же они узнали, что в Крыму хранятся мощи священномученика Климента, епископа римского, и часть их взяли с собой. Наконец, основательно подготовившись к своей миссии, братья через Причерноморские степи двинулись на Нижнюю Волгу, в хазарскую столицу Итиль, и были с честью приняты каганом. В Хазарии Константин много проповедовал и спорил с мусульманами и иудеями (последние имели очень большое влияние на хазарскую знать; известно, что значительная часть ее даже приняла иудаизм). Мефодий не мог много помогать брату, так как не был так хорошо образован и не разбирался в тонкостях богословия «Житие» Константина сообщает, что во всех диспутах он неизменно одерживал победу. Однако значительных последствий его миссия не имела и, насколько известно, христианство среди хазар так и не получило распространения. Каган, впрочем, остался очень доволен своим гостем и по его просьбе отпустил на волю всех греческих пленников — более 200 человек.

По возвращении в Византию, Мефодий встал во главе большого Полихрониева монастыря, располагавшегося в Малой Азии неподалеку от горы Олимп. Свое игуменство он, видимо, совмещал с миссионерством. Пишут, что около 861 г. Мефодий отправился в Болгарию, куда его пригласила сестра царя Бориса, уже принявшая христианство. Сам Борис оставался язычником. Однажды он поручил Мефодию расписать изображениями зверей и птиц стены своего любимого охотничьего замка. Мефодий вместо зверей и птиц велел изобразить на них Страшный суд. Когда картина была закончена, он объяснил царю ее значение, и устрашенный Борис с этих пор стал думать о принятии христианства. Впоследствии он действительно крестился, хотя произошло это важное событие уже без участия Мефодия — в ту пору он совершал миссионерский подвиг в другом месте.

В начале 860-х гг. один из самых могущественных славянских государей — моравский князь Ростислав попросил византийского императора Михаила III прислать ему христианских учителей Великая Моравия была тогда крупнейшим государством Восточной Европы — кроме собственно Моравии, в ее состав входили Западная Словакия, Чехия, часть Южной Австрии, Малая Польша, Лужица и земля бодричей.

Столицей державы являлся город Велеград. Хотя большая часть славянского населения продолжала пребывать в язычестве, христианство уже имело в Моравии прочную основу — и сам князь и его окружение крестились. Евангелие здесь проповедовали немецкие (в основном баварские) миссионеры. В их же руках находились все церкви (служба там шла на латинском языке).

Обращаясь за помощью к византийскому императору, Ростислав прежде всего желал, чтобы евангелие в его государстве проповедовалось на славянском языке. Он писал: «Наш народ отринул язычество и держится

христианского закона, но мы не имеем такого учителя, который учил бы нас на нашем языке истинной христианской вере».

Князь справедливо полагал, что успех нового вероучения будет более полным, когда истины его раскроются в понятных и близких каждому его подданному словах. Для этого требовалось прежде всего разработать славянскую азбуку, а затем перевести на славянский язык священные книги. Вместе с тем дело содержало и политическую подоплеку. Не имея ничего против христианства, Ростислав с большим подозрением относился к баварским проповедникам, в которых видел агентов немецкого влияния.

В Константинополе хорошо понимали выгоды, вытекавшие из сближения с Великой Моравией, и потому постарались наилучшим образом исполнить просьбу ее государя.

Подыскивая людей для моравской миссии, император и патриарх сразу вспомнили о Константине и Мефодий. Когда братьев попросили отправиться учителями в Моравию, они ответили согласием и тотчас приступили к работе над славянской азбукой. Это дело, как свидетельствуют авторы их «Житий», заняло совсем немного времени.

Вскоре азбука из 38 букв, на основе греческого скорописного письма, была составлена.

Покончив с этим делом, братья в 863 г. отбыли в Моравию и были приняты там с великой честью Успех миссии превзошел всякие ожидания. Проповеди Константина и Мефодия на понятном, родном языке очень полюбились славянам — они толпами стекались слушать братьев и тысячами принимали от них крещение. Вскоре Константин и Мефодий перевели на славянский язык литургию, а также отдельные части Священного Писания. (К 867 г. были переведены Евангелие, Псалтирь и некоторые церковные службы.) При миссии была основана школа Ростислав собрал в нее много отроков, которые постигали там грамоту и христианское вероучение.

Тогда же началось строительство церквей, и через год была окончена первая — в Оломуце.

Латинские и немецкие архиереи с большим неудовольствием наблюдали за деятельностью Константина и Мефодия. Жалобы и доносы на них поступали в Рим едва ли не с первых дней их служения. Особенно много нареканий вызывало практикуемое ими богослужение на славянском языке. В этом видели настоящую ересь, ибо считалось, что Бога можно славить только на трех языках: еврейском, греческом и латинском. Поскольку речь шла о всеобщем предубеждении, обвинения не казались пустыми. Братья решили заручиться поддержкой папы и в 867 г. отправились в Рим.

Еще загодя было объявлено, что они везут с собой обретенные в Крыму мощи св. Климента. Это обстоятельство не в последнюю очередь обеспечило успех всей поездки. Папа Адриан II принял греческих миссионеров с большой торжественностью и без всяких колебаний поддержал все их начинания. Жития Константина и Мефодия сообщают, что папа велел своим епископам посвящать прибывших вместе с ними учеников-славян; в церкви Св. Петра отслужили на славянском языке литургию, а в церкви Св. Павла — всенощную. Этими событиями завершилось миссионерское служение Константина. Находясь в Риме, он

заболел и, предвидя скорую кончину, принял схиму (только тогда, за несколько дней до смерти, он получил имя Кирилл, под которым вошел в историю). Умер Кирилл в феврале 869 г. и был погребен в римской церкви Св. Климента.

Похоронив брата, Мефодий один продолжил начатое ими дело. Как раз в это время паннонский князь Коцела обратился к папе с просьбой прислать ему христианских проповедников. Папа отправил в Паннонию Мефодия, предварительно посвятив его в епископы. Исполнив возложенное на него поручение, Мефодий решил ехать из Паннонии в Великую Моравию, где за три истекших года произошли значительные перемены. Князь Ростислав уже был свергнут. К власти с помощью немцев пришел его родственник Святополк. Он встретил Мефодия недружелюбно и спустя короткое время передал его в руки немецких епископов, давно добивавшихся над ним суда.

Процесс над Мефодием начался в 870 г. в Регенсбурге и проходил, как можно понять, в тайне от Рима. Прежде всего в вину греческому миссионеру поставили, что он ведет проповедь на немецких землях. Это обвинение (которое, по сути, являлось главным, ибо все остальные придумывались только для видимости) с формальной точки зрения было легко опровергнуто. «Если бы я знал, что она ваша, — отвечал Мефодий, — то перестал бы это делать, но она принадлежит св. Петру (то есть подчиняется римскому престолу)». У немецких епископов не было никаких законных оснований чинить препятствия Мефодию, который к тому же был рукоположен в епископы самим папой. Было очевидно, что неудовольствие их вызвано прежде всего политическими мотивами, в жертву которым они готовы принести даже дело обращения язычников Мефодий не замедлил упрекнуть в этом своих судей. «Если вы, — сказал он, — из-за алчности и кровожадности, вопреки канонам, переступаете старые границы и запрещаете учение Божие в этих местах, то бойтесь! Ибо, стараясь черепом из кости пробить железную гору, вы проломите его». «Раз ты говоришь так остро и зло, — сказали ему, — то поплатишься за это». «Говорю я истину перед царями, — возразил Мефодий, — и не стыжусь, а вы поступайте со мной как знаете. Я не лучше тех, кто, говоря истину, в мучениях освободились от этой жизни». Спор был очень горячий, врагов было много, но Мефодий, человек речистый и острый на язык, умел отвечать им всем. Когда король Людовик II Немецкий, присутствовавший на заседании, насмехаясь над подсудимым, заметил: «Не мучьте моего Мефодия, поелику вспотел он как у печки», Мефодий отвечал: «Так-так, господин мой, — однажды люди встретили одного философа и спросили его, почему он вспотел. А он ответил: «Спорил с дураками».

Эти дерзкие слова показывают, что Мефодий с самого начала не надеялся на справедливый приговор. И действительно, признанный виновным, он был отправлен в швабский монастырь Элвангене (или, по другим сведениям, Рейхенау). Тут он провел в строгом заключении более двух лет и претерпел много мук. По несколько дней ему не давали есть, а зимой выводили на тюремный двор босиком, с непокрытой головой и заставляли стоять на снегу. Наконец, весть о его заточении дошла до папы Иоанна VIII. Он тотчас послал гневное письмо к Германариху, епископу Пассау, как видно, главному виновнику всего дела. «Мы уверены, что нужен

целый источник слез… чтобы оплакать твое безобразие, — писал папа — Действительно, чья еще жестокость, говоря не только о епископах, а о любом светском человеке и даже тиране, или чья зверская свирепость могли сравниться с твоей дерзостью, с твоим решением подвергнуть нашего брата и епископа Мефодия заключению. Как посмел ты столь сурово и бесчеловечно наказать его?» Письмо заканчивалось угрозой отлучения. Не менее резко писал папа другому организатору несправедливого судилища фрейзингенскому епископу Анону. Только после этого Мефодий получил свободу.

Выпущенный из заключения, он во второй половине 873 г. прибыл в Моравию. К этому времени здесь произошли значительные перемены — Святополк рассорился с немецкими епископами и прогнал их от себя. Мефодия встретили с почетом и даже некоторым радушием. Автор его жития пишет: «Вместе со всеми моравanами князь Святополк принял его и доверил ему все церкви и все духовенство во всех городах.

С этого дня Божье учение стало расти, духовенство стало умножаться по всем городам, а язычники — верить в истинного Бога, отказываясь от своего заблуждения…» Среди прочих Мефодию удалось крестить чешского князя Боривоя и его жену Людмилу. Он оставался в их владениях около года и освятил первые чешские церкви в Литомышле и Левом Градце. Тогда же, по некоторым известиям, Мефодий отослал священников в Польшу, которые крестили тамошнего князя и многих поляков.

В самой Моравии Мефодий передал большую часть церквей в руки священников-славян.

Однако влияние немцев оставалось очень значительным. Их открытое или с трудом скрываемое недоброжелательство по-прежнему преследовало Мефодия. Вопрос о богослужении на славянском языке после смерти Андриана II поднялся вновь. Папа Иоанн VIII, оказавший Мефодию такую деятельную поддержку, занял в этом вопросе более осторожную позицию. Сначала он не возражал против литургии на славянском языке, но потом велел вести службу на латинском, а на славянском — только проповедь. В Рим продолжали поступать доносы на Мефодия. Его обвиняли в том, что он не только служит на славянском языке, но и извращает в своих проповедях христианское учение. В 879 г. папа вызвал его в Рим. Мефодий отправился к папе и сумел оправдаться во всех обвинениях. Вопреки ожиданиям врагов, его отношения с Иоанном VIII стали даже более сердечными. Отпуская Мефодия назад в Моравию, папа писал о нем Святополку: «Мы находим, что он истинно исповедует церковное учение и может быть полезным во всей церковной службе. Мы посылаем его к вам обратно управлять предоставленной ему Божьей церковью и приказываем принять его как вашего собственного пастыря с достойной почестью, вниманием и радостью, подтверждая повелением нашей апостольской властью его архиепископские привилегии».

По возвращении в Велеград, Мефодий перепоручил миссионерскую деятельность своим ученикам, сосредоточив все силы на переводе Ветхого Завета. Это сложное и чрезвычайно важное дело было осуществлено им и двумя его помощниками в поразительно короткий срок. Одновременно на славянский был переведен «Патерик» Иоанна Мосха и «Номоканон» —

сборник церковных правил. Современные историки с большой похвалой отзываются о достоинствах этих переводов. В самом деле, Мефодий был, по-видимому, очень талантливым переводчиком. Его славянский текст никогда не представляет рабской копии с источника; перевод точен, близок к оригиналу и обладает несомненными литературными достоинствами. Быть может, из всего сделанного Мефодием, его перевод Священного Писания стал самым значительным вкладом в сокровищницу славянской культуры.

Умер Мефодий в апреле 885 г. и был погребен в соборной церкви в Велеграде.

После себя он оставил более 200 подготовленных им священников, которых сам обучил славянской грамоте и богослужению.

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МОНАШЕСТВА

Св. Антоний Великий

Христианские аскеты существовали едва ли не с самых первых лет возникновения церкви. В III в. многие из них жили в своих семействах или, по крайней мере, в обыкновенном обществе, нисколько не думая обособляться от него. Часто христианские аскеты проживали в городах или деревнях, иногда в их окрестностях, в каком-нибудь уединенном месте, где проводили жизнь в одиночестве, но принимая участие в общей религиозной жизни. Все эти проявления аскетизма еще нельзя считать подлинным монашеством, история которого начинается только с подвига египетского святого Антония Великого. Он был первым из христианских праведников, кто не только отделился, но и в подлинном смысле ушел от обитаемого мира, всецело посвятив себя одному только Богу.

Родился Антоний в 251 г. в деревне Кома в Среднем Египте. Его отец и мать были люди благородные и не бедные, известные своим христианским благочестием. Сам Антоний еще с детства сторонился людского общества. Его, к примеру, никогда не могли заставить посещать школу, так что он всю жизнь оставался неграмотным, не писал по-гречески и не умел читать даже по-коптски. Однако чужое чтение Священного Писания он выслушивал с таким глубоким вниманием, что не забывал решительно ничего. Постепенно память стала заменять ему сами священные книги. К подвигу отшельничества Антоний был обращен, как принято считать, Самим Богом. Однажды он вошел во время богослужения в храм и услышал там слова из Евангелия: «Если хочешь быть совершенен, иди продай имение свое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и поди и следуй за мной». Слова эти произвели на Антония огромное впечатления, и при первой возможности он именно так и поступил. После смерти своих родителей (около 270 г.) он продал все свое имение, поместил в дом девственниц сестру, которая оставалась на его руках и была моложе его, и стал вести аскетическую жизнь.

В то время в Египте пустожительство еще не было распространено, но всякий, кто желал служить Христу и спасаться, упражнялся в добродетели, уединившись где-либо вблизи от своего селения. По примеру других аскетов Антоний сначала жил у ворот своего дома, потом поселился в пещере недалеко от места своего рождения. Уже в эту пору ему пришлось

выдержать упорную борьбу с бесами. Дьявол не раз смущал его сладостными мечтаниями, страхом и приведениями, шумом, голосами и воплями среди ночи. Много раз он принимал образ прекрасной женщины и всячески старался возбудить в Антонии страсть. Святой твердо противился этому искушению, и когда дьявол влагал ему нечистые помыслы, прогонял их непрерывной молитвой. Приучая себя постепенно к еще более суровой жизни, он многие чрезвычайные подвиги служения Богу сделал привычными для себя. Каждый день он постился до захода солнца и все ночи проводил в молитве. Иногда Антоний вкушал пищу лишь через два дня и только на четвертую ночь забывался сном. Питался он хлебом и солью, запивая их небольшим количеством воды; постелью ему служила рогожа или власяница, а иногда — и голая земля. Масла он вовсе не употреблял, мясо и вино — тоже.

Когда Антоний подготовил себя к более суровой жизни, он поселился среди находившихся неподалеку от селения гробниц, упросив прежде одного из знакомых, чтобы тот в известные дни приносил ему пищу. Тот запер его в одной из гробниц и ушел. В первую же ночь бесы напали на святого и избили его до полусмерти, так что он едва остался жив, однако не пожелал уйти из гробницы. В следующую ночь бесы ополчились на отшельника с новой силой. Вдруг раздался такой гром, что место это поколебалось в самом основании и стены распались. Тотчас в жилище Антония ворвалось множество демонов, явившихся в виде призраков львов, волков, ядовитых змей, скорпионов, рысей, медведей, и каждый из этих призраков обнаруживал свою ярость соответственным его виду способом: лев рычал, готовясь растерзать Антония, буйвол устрашал своим ревом и рогами, с шипением извивались змеи, стремительно бросались волки. Однако Антоний не впал в страх, сохранив бодрость и ясность ума. Как бесы ни старались, они не имели никакого успеха и сами были побеждены твердостью святого. Взглянув вверх, Антоний увидел, что свод гробницы раскрылся над ним и к нему нисходит, рассеивая тьму, светлый луч. С появлением света демоны исчезли, гробница же, которая распалась при их появлении, снова оказалась невредима. Обратив лицо к свету, Антоний спросил: «Где Ты был, милосердный Иисус? И почему не пришел Ты с самого начала?» И тут он услышал голос: «Антоний! Я был здесь, но желал видеть твое мужество. Теперь же, когда ты твердо выдержал борьбу, Я всегда буду помогать тебе».

Оправившись после побоев, Антоний решил оставить свое родное селение и жить вдали от людей, посреди пустыни. Переправившись через Нил, он нашел в горах Аравийской цепи какое-то пустое огороженное место — остатки древней крепости — полное всякого рода ядовитых гадов и змей, но с небольшим источником воды. Это было в 285 г. Антоний заложил камнями вход и остался здесь в полном одиночестве, никогда сам не выходя и никого к себе не пуская. Два раза в год друг приносил ему запас хлеба на шесть месяцев, который он принимал через кровлю. С приносившим он не говорил ни слова. Таким образом в непрерывной борьбе с бесами и вдали от людей Антоний прожил двадцать лет.

Слух об этом небывалом подвиге постепенно распространился по всему Египту. Около 305 г. у жилища Антония собралось много лиц, желавших подражать его подвижнической жизни. Поскольку он поначалу

не хотел общаться с ними, эти люди насильно разломали вход в его жилище. С этого времени преподобный Антоний поневоле сделался наставником, пастырем, учителем подвижнической жизни и вождем на пути к небу. У него явилось бесчисленное множество учеников, которых он склонил к отречению от мира и от самих себя. В течение непродолжительного времени образовалось несколько монастырей, в которых он с любовью руководил иноками. Однажды братья, собравшись, стали просить, чтобы он дал им устав иноческой жизни, но Антоний отказался, считая, что Священного Писания для этого вполне достаточно. Он, впрочем, вел много душеспасительных бесед с братией и давал полезные наставления. Некоторые из них были записаны и стали потом широко известны.

Антоний говорил, что в земной жизни цена покупаемой вещи бывает равна тому, чего она стоит, и не более того получает продавец. Но обетование вечной жизни приобретается за слишком малую цену: оно дается нам за жизнь краткую и временную. Если бы мы даже прожили, трудясь на служении Богу, восемьдесят или сто лет, все же в будущей жизни нам предстоит царствовать ни какое-либо ограниченное время, но вечно, и не землю мы получим в обладание, а небо. Поэтому отрекшиеся от мира не должны думать, что они оставляют нечто великое. Ибо по сравнению с небесными благами вся земля ничтожна и мала. Все земные богатства итак будут отняты у нас смертью, поэтому христиане не должны заботиться о том, чего, умирая, не смогут взять с собой. Гораздо лучше (и разумнее) всеми силами души стремиться к тому, что возводит нас по смерти на небо: к премудрости, к целомудрию, справедливости, добродетельной жизни, нищелюбию и твердой вере в Христа. Праведник в любой момент должен быть готовым предстать перед лицом Господа и потому всегда должен помнить о смерти. Антоний говорил: «Вставая ото сна, не будем надеяться дожить до вечера и, отходя ко сну, будем помнить, что, быть может, не доживем до утра; не будем забывать, что мера нашей жизни нам неизвестна и что мы всецело во власти Божией. Проводя так каждый день, мы не будем ни грешить, ни обольщаться какими-нибудь пагубными пожеланиями, ни собирать себе земных богатств».

Особенно подробны были наставления святого Антония относительно борьбы с демонами: «Самим Богом указано нам с неослабным вниманием следить всегда за тем, что происходит у нас в душе, потому что у нас есть очень хитрые в борьбе враги — разумею демонов — и нам, по словам апостола, предстоит непрестанная борьба с ними. Бесчисленное множество их носится в воздухе, целые полчища врагов окружают нас со всех сторон. Я не мог бы разъяснить вам все различия между ними; скажу кратко о тех известных мне способах, какими они пытаются обольщать нас. Прежде всего мы должны твердо помнить то, что Бог не виновник зла и что демоны сделались злыми не по Его воле: такая перемена в них произошла не по природе, а зависела от их собственной воли. Как созданные благим Богом, они первоначально были добрыми духами, но за самопревозношение были низвергнуты с неба на землю, где, коснея во зле, обольстили народы ложными мечтами и научили их идолопоклонству; нам же, христианам, они безмерно завидуют и непрестанно поднимают против нас всякое зло, опасаясь, что мы наследуем их прежнюю славу на небесах… Я видел от

демонов много коварных обольщений и говорю вам об этом, как детям, чтобы, имея предупреждение, вы могли сохранять себя среди таких же искушений. Велика злоба бесов против всех христиан, в особенности же — против иноков и девственниц Христовых: они всюду расставляют им в жизни соблазны, силятся развратить их сердца богопротивными и нечистыми помыслами. Но никто из вас пусть не приходит от этого в страх, так как горячими молитвами к Богу и постом бесы немедленно изгоняются…

Хитро изменяя способы борьбы, они, если не могут прельстить человека помыслами, пытаются обольстить или запугать его призраками, принимая образ то женщины, то скорпиона, то превращаясь в какого-нибудь великана высотой с храм, в целые полки воинов или в какие-либо другие призраки, которые все исчезают по первом же совершении крестного знамения… Великую силу, возлюбленные братья, имеют против дьявола чистая жизнь и непорочная вера в Бога. Поверьте моему опыту — для сатаны страшны бодрствования живущих по воле Божией людей, их молитвы и посты, кротость, добровольная нищета, скромность, смирение, любовь, сдержанность, больше же всего — их чистосердечная любовь ко Христу… Однажды они явились ко мне в весьма светлом виде и стали говорить: «Мы пришли, Антоний, чтобы дать тебе свет». Но я зажмурил свои глаза, чтобы не видеть дьявольского света, начал молиться в душе Богу, — и богопротивный свет их погас… Часто вокруг меня слышались крики, пляски и звон, но, когда я начинал петь, крики их обращались в плачевные вопли, и я прославлял Господа, уничтожившего их силу и положившего конец их неистовству… Однажды я видел дьявола в образе необычайного великана, который осмелился сказать о себе: «Я — Божия сила и премудрость». И обратился ко мне с такими словами: «Проси у меня, Антоний, чего хочешь, и дам тебе». Я же в ответ плюнул ему в уста и, вооружившись Христовым именем, всецело устремился на него, и этот великан на вид тотчас растаял и исчез у меня в руках… Бесы часто пытались прельстить меня в пустыне являвшимся вдруг призраком золота… Не скрою и того, что демоны много раз принимались бить меня. Но я терпеливо переносил побои и лишь восклицал: «Никто не может отлучить меня от любви Христовой!»

В 311 г. император Максимин подверг жестокому гонению египетских христиан. Тогда Антоний вместе со многими монахами в первый раз за много лет покинул место своего уединения и явился в Александрию. Он открыто ухаживал за мучениками, когда они были в оковах, сопровождал их на суд и на казнь, укрепляя и поддерживая в них веру. Однако никто из гонителей не осмелился поднять на него руку. Когда гонения прекратились, Антоний возвратился в свой монастырь и продолжил свои подвиги. Слава его к этому времени вышла далеко за пределы Египта. Отовсюду стекались к нему убогие и молящиеся, и многие из них получали от святого исцеление. Но постепенно Антоний стал тяготиться посетителями, так как их многочисленность препятствовала ему пребывать в излюбленном им безмолвии.

В 312 г. святой решил тайно удалиться еще дальше в пустыню. Он пристал к проходившему мимо купеческому каравану бедуинов и через три дня дошел вместе с ним до высокой горы, из-под которой вытекал источник

хорошей воды. Поблизости росло несколько диких финиковых пальм. Антонию понравилось это место, и, взяв у спутников несколько хлебов, он распростился с ними и поселился на этой горе в пещере. Братья вскоре узнали о новом месте проживания Антония и стали присылать ему хлеб. Не желая, впрочем, жить за счет труда других, он вскопал поле, засеял его, провел воду и в дальнейшем имел свой хлеб и свои овощи.

На новом месте Антонию также пришлось пережить упорную брань с бесами, которые всячески старались изгнать его. Не раз они являлись к нему в виде диких зверей и чудовищ, но Антоний всегда прогонял их молитвами и именем Христовым. Однажды ночью к нему был голос свыше: «Встань, Антоний, выйди и посмотри!» Антоний вышел и, подняв кверху свой взор, увидел кого-то страшного и настолько высокого, что голова его касалась облаков; увидел он и какие-то другие существа, как бы окрыленные, которые стремились подняться к небу. Страшный великан протягивал руки и пытался преградить им путь, причем одних он действительно схватывал и бросал вниз, другие же, минуя его, смело улетали вверх. Тут Антоний осознал, что восходящие на небо — это человеческие души, а страшный великан — это дьявол, который препятствует им, причем грешников ему удается удерживать в своей власти, на святых же сила его не распространяется.

Всю свою жизнь Антоний строго держался православия. Когда египетскую церковь стала потрясать арианская ересь, он в 338 г. во второй раз оставил место своего уединения и явился в Александрию. Здесь, при огромном стечении народа и перед александрийским епископом, он проклял ариан, назвав их предтечами Антихриста.

Таким образом, он очень многих удержал от уклонения в ересь. Утвердив православие и совершив множество чудесных исцелений, Антоний вернулся в пустыню.

О своей предстоящей кончине святой заблаговременно предупредил учеников, которые в последние годы жили неподалеку от его келий у подножия горы. Антоний дал им последние увещевания и наставления и тихо скончался в январе 356 г. на 105 году жизни. Согласно его завещанию, он был похоронен в тайном месте, так что никто не знает о месте его погребения.

Св. Пахомий Великий

Первые иноческие обители, возникшие в Египте, не были еще монастырями в современном понимании этого слова, поскольку не имели строгих, твердо установленных правил общежития. Так, к примеру, ученики Антония не были подчинены никакому уставу и никакому наставлению Обычно вновь приходившие поступали в обучение к какому-нибудь опытному старцу, который руководил их первыми шагами на пути аскетизма. Затем они устраивались по своему усмотрению и достигали святости сообразно установившимся методам, совершенствуя их по собственному желанию. Основателем монастырского монашеского общежития стал младший современник Антония Великого, Пахомий Великий.

Родился Пахомий в 292 г. в Верхнем Египте, в окрестностях Есне, к югу от Фив.

Его отец и мать, люди состоятельные, были ревностными язычниками. Своим детям они дали некоторое образование. Поэтому Пахомий, в отличие от Антония, умел читать и писать, однако он не знал ни греческого, ни латинского языков. В 315 г. его призвали в римскую армию, но отряд новобранцев, в котором он состоял, успел дойти только до Антиноя (города на правом берегу Нила), когда нужда в солдатах отпала, и всех их распустили по домам. Тем не менее в жизни Пахомия этот эпизод имел большое значение, так как именно в армии он познакомился с христианским учением. Отпущенный со службы, он тотчас крестился и решил посвятить себя аскетическим подвигам. Три года юный подвижник прожил вблизи селения Шенесит в заброшенном храме Сераписа. Средства к пропитанию он добывал упорным трудом, выращивая овощи и ухаживая за несколькими пальмами. Через три года он узнал, что на правом берегу Нила против Дендеры расположен отшельнический скит старца Паламона.

Пахомий отправился к нему и попросил Паламона стать его наставником. Суровый старец сначала постарался отговорить Пахомия от этого намерения, а потом прямо сказал, какая жизнь его ожидает: «Во всякое время мы бодрствуем половину ночи, размышляя о слове Божием; очень часто мы остаемся с вечера до утра работать своими руками, делать веревки, чтобы бороться со сном и снабжать себя тем, что нужно для поддержания нашего тела. То, что остается сверх нашей нужды, мы отдаем бедным. Что же касается того, чтобы есть масло или что-нибудь вареное, пить вино, мы не знаем, что это значит. Мы постимся всякий день до вечера в продолжении летнего времени, а зимою мы постимся по два дня подряд или по три.

Правило общих молитв — шестьдесят раз молиться днем и шестьдесят раз ночью, кроме тех молитв, которые мы творим каждое мгновение и счета которым не ведем».

Пахомий отвечал, что готов исполнить все это. Тогда Паламон принял его к себе и после трехмесячных испытаний облек в монашеские одежды. Под его руководством Пахомий стал проходить школу аскетического служения и, в частности, приучаться к ночному молитвенному бодрствованию. С вечера они заготовляли материал для работы, потом долго и усердно молились, наконец принимались за работу, стараясь не потерять молитвенное состояние духа и не поддаться сну.

Пахомий прожил с Паламоном около семи лет, проводя все время в трудах и молитве.

Однажды он оказался в Тентирском округе, среди развалин селения Тавенниси, и здесь к нему был голос: «Пахомий, подвизайся и пребывай на этом месте; построй себе обитель, и множество людей придут к тебе, чтобы сделаться монахами около тебя». Пахомий рассказал об услышанном Паламону. Тот благословил его на строительство нового монастыря и помог с обустройством келий. После этого он вернулся на место своих подвигов и вскоре умер. А обитель Пахомия стала быстро пополняться иноками. Первым пришел в Тавенниси его брат Иоанн. Потом к Пахомию присоединился инок Аполлон, по происхождению араб. Затем пришли еще трое, пожелавшие предаваться монашеским подвигам под руководством

Пахомия. Тот установил для них некоторые правила, предписав всем единообразие в пище и одежде. После этого слух о благочестии и мудрости св. Пахомия стал быстро распространяться по Египту. К нему стали являться люди, проникнутые жаждой подвигов. Пахомий сделался для них постоянным руководителем и наставником. Когда количество иноков в Тавенниси стало слишком велико, Пахомий основал неподалеку, в Пебоу, монастырь. Потом было устроено еще несколько монастырей выше или ниже по Нилу, в окрестностях Ахмина и Есне. При жизни Пахомия их число достигло девяти. Все они вели одинаковый образ жизни, подчинялись одним и тем же правилам, одной и той же администрации. Общее управление монастырями сосредоточилось в Пебоу, где поселился сам Пахомий.

С умножением иноков явилась возможность подвести их под строгие общежительные правила. С этой целью Пахомий разработал первый в истории монастырский устав, подробно регламентирующий монашескую жизнь. Все монастыри находились под управлением одного общего аввы, которому принадлежал главный надзор над всей братией. В монастырях имелись свои второстепенные начальники — настоятели и игумены, бывшие в подчинении у главного аввы и доносившие ему о состоянии своих обителей. Хозяйственной деятельностью заведовали экономы. Под предводительством своих начальников монахи должны были проводить жизнь в молитве, чтении духовных книг и трудах. Общее богослужение совершалось дважды в сутки — днем и ночью.

Монахи собирались в церковь по данному знаку, читали Священное Писание и молитвы, пели псалмы. В первый и последний дни недели они причащались Святых Тайн, причем литургия совершалась обыкновенно соседними пресвитерами, так как Пахомий, опасаясь проявления в братии духа любочестия, не допускал, чтобы кто-нибудь из них принял пресвитерский сан, как и сам не принимал его. Кроме того, иноки должны были совершать молитвы перед отходом ко сну и после сна. Чтением монахи занимались в своих келиях в свободное от молитв и работы время, получая книги из монастырской библиотеки.

Каждый монастырь был окружен замкнутой оградой, внутри находилось 3 или 4 дома, в которых помещалось по сорок монахов, сгруппированных по роду их труда. Монахи возделывали землю, разводили сады, работали на мельницах, в кузнецах, в кожевнях, плотничали, валяли сукна, плели корзины и циновки. На работы они выходили в порядке и молчании, вслед за своим настоятелем. Молчание вообще предписывалось в любое время во избежание пересудов. От всякого инока, какую бы должность в монастыре он не исполнял, требовалось полное подчинение начальнику и безусловно точное исполнение устава. Это было главным отличием обители Пахомия от жизни прежних отшельников. Без позволения начальника никто из братии не только не мог выйти из монастыря, но не мог даже начать новой работы или перейти с одного места на другое Своим трудом монахи добывали для обители все необходимое. То немногое, чего не доставало, покупали в городе, продавая для этого свои изделия (прежде всего рогожи).

До самой своей смерти Пахомий показывал братии пример подвижничества и работал наравне со всеми. Несмотря на то, что труд был

обязателен для всех, достоинства монаха определялись не только его трудолюбием. Более всего Пахомий старался об искоренении в братьях греха тщеславия. Его Житие сохранило тому много примеров.

Однажды один монах, ради того чтобы заслужить похвалу Пахомия, работал с особым рвением и сплел вместо одной рогожи две. Узнав об этом, Пахомий сказал братии: «Взгляните на этого несчастного брата! Он потерял сегодняшний труд, так как возлюбил славу от людей более, чем славу от Бога; он сам себя утомил и душу свою лишил всякого успеха и прибыли». Для уврачевания души этого инока Пахомий велел ему безвыходно сидеть в келье, приготовляя каждый день по две рогожи вместо одной, чтобы он всегда делал по обязанности то, что прежде делал по тщеславию.

При всей его любви к аскетизму, Пахомий не желал, чтобы иноки предавались строгим подвигам по принуждению, а не по собственному влечению. Однажды после долгого отсутствия он возвратился в обитель, где обычно жил. Один молодой монах при встрече пожаловался ему, что с самого дня его отъезда им не давали горячей похлебки. Пахомий отправился в поварню и застал поваров за плетением рогож. Он спросил главного повара: «С какого дня ты не готовил похлебку для братии?» Тот отвечал, что уже два месяца. «Почему ты так поступал, когда устав повелевает давать похлебку братии по субботам и воскресениям «— спросил Пахомий. Повар сказал, что братия из любви к подвигам решила больше не есть похлебки, довольствуясь небольшим количеством овощей и масла. Доставляя братии на трапезу одни маслины и овощи, повара занялись плетением рогож и приготовили их за два месяца 500 штук. Пахомий велел немедленно вынести эти самовольно приготовленные рогожи и сжечь, а поварам строго выговорил за отступление от устава.

Одежды иноки носили все одинаковые и самые простые. Нижняя одежда — хитон без рукавов — была льняная. Верхняя — кожаная. На голову одевалась волосяная шапочка — кукуль, а на ноги — сандали. Эта одежда никогда не снималась, даже во время сна. Постелей как таковых в монастырях Пахомия не существовало. Для сна служили особого рода седалища с наклоненным задником и двумя наклонными стенками; подкладывать под себя разрешалось только рогожу.

Вставали иноки задолго до рассвета. Пища их была самая простая — хлеб, маслины, сыр, овощи и плоды. Трапеза была только одна в сутки, обычно в полдень, но по субботам и по воскресениям добавлялась еще одна — вечером. Ели все вместе, в молчании, опустив на лицо покрывало.

Одним из главных обетов в правилах Пахомия была совершенная нестяжательность.

Вступающему в общину монаху не дозволялось приносить в монастырь никакого имущества; даже одежда вновь прибывшего раздавалась нищим мирянам. Монахи не должны были иметь ничего собственного. Считалось важным преступлением, если кто из братии сберегал у себя в келий деньги, хотя бы самую малую монету. Все необходимое для жизни — пищу, одежду — иноки получали из общих средств монастыря.

Умер Пахомий еще сравнительно нестарым человеком в 348 г., когда дело монашеского общежития уже получило прочное основание. В

созданных им монастырях проживало тогда до 7000 монахов. Через сто лет их насчитывалось 50 000. Это красноречиво свидетельствует о большой притягательности монашеской жизни. В монастыри уходили не только мужчины, но и женщины. Устроительницей первых женских обителей стала сестра Пахомия.

Св. Бенедикт Нурсийский

Из Египта монашество быстро распространилось по всем восточным провинциям Римской империи, а потом проникло на Запад. Однако, здесь оно поначалу не встретило такого сочувствия и долгое время пребывало в зачаточном состоянии.

Подлинным устроителем западного монашества стал св. Бенедикт Нурсийский. Он родился около 480 г. в старинном итальянском городке Нурсии в графстве Сполетском. Его родители (о которых нам ничего не известно) принадлежали к среднему классу, скорее зажиточному, чем бедному. Когда мальчик подрос, они отправили его учиться в Рим, находившийся тогда под властью остготского короля Теодориха. Но Бенедикт, до глубины души смущенный распущенностью своих товарищей, оставался здесь недолго. Его жизнеописатель, папа Григорий Двоеслов, пишет: «Желая быть угодным одному Богу, он решил все бросить и сделаться монахом».

По слухам и из книг Бенедикт узнал о святой жизни восточных отшельников и пожелал удалиться в пустыню. Было ему тогда всего 14 лет. В поисках уединения, сопровождаемый одной только своей кормилицей, он поднялся вверх по течению Анио и остановился в деревне Эффида. Здесь жили какие-то его родственники. Пробыв у них некоторое время, Бенедикт тайком покинул служанку и нашел убежище в Субиако, среди гор, неподалеку от развалин виллы Нерона. Тут ему встретился старец по имени Роман, монах близлежащего монастыря, которому он открыл свои намерения.

Роман не только облек Бенедикта в иноческий чин, но и согласился помогать ему.

Он указал юному подвижнику близ подножия горы скрытую в чаще леса пещеру и посоветовал поселиться в ней. Изредка старец навещал Бенедикта, но обычно, чтобы не нарушать его уединения, спускал ему пищу на веревке с вершины горы. Все это совершалось в полной тайне — три года Роман никому ничего не говорил о Бенедикте, но лишь скрытно во время трапезы брал для него хлеб. В первые годы своего уединения, как и все подвижники, святой много претерпел от демонов. Бес неоднократно искушал его различными плотскими вожделениями и доводил порой до полного отчаяния. Наконец Бенедикт нашел способ бороться с этим наваждением — раздевшись донага он бросался в заросли терновника и крапивы, валяясь среди них до тех пор, пока боль от ожогов и царапин не заставляла отступать скверные помыслы.

Спустя три года пещеру Бенедикта открыли пастухи, и тогда многие узнали о его подвигах. Вскоре к нему явились монахи одного из соседних монастырей, умоляя стать их наставником и пастырем. Святой долго отказывался от этой чести и говорил, что его нравы слишком суровы для

других монахов. Однако, они продолжали досаждать ему просьбами и добились своего. Сделавшись игуменом, Бенедикт установил строгий аскетический порядок в полном соответствии с образом жизни египетских святых отцов и никому не позволял его нарушать. Вскоре монахи стали раскаиваться, что избрали себе такого сурового игумена, а самые негодные из них задумали даже убить Бенедикта. Однажды во время трапезы они подали ему чашу с отравленным вином. Но после того, как святой сотворил над чашей крестное знамение, она распалась на куски словно от удара. Бенедикт тотчас догадался о злом умысле, но не разгневался, а с улыбкой сказал монахам: «О чадада! Помилует вас милосердный Господь! Зачем вы задумали сделать мне это? Поищите себе другого отца, я же не могу больше у вас оставаться».

И он вернулся в свою пещеру. Но, конечно, укрыться там Бенедикт уже не мог.

Слава о нем шла по всей стране. Многие оставляли мир, строили келий неподалеку от его пещеры и селились в них. Через несколько лет число братии так умножилось, что лес не мог ее вмещать. Бенедикт разделил всех иноков на 12 частей и устроил 12 монастырей, во главе каждого из которых поставил опытного ученика. Сам он жил на берегу озера в монастыре, посвященном святому мученику Клименту. Но оставаться здесь до смертного часа ему было не суждено Слава святого вызывала зависть. Местный пресвитер Флорентий очень не любил Бенедикта и всячески старался опорочить и извести его (однажды он послал ему даже отравленную просфору, но святой, имея дар прозорливости, разгадал его злой замысел и не стал вкушать от этой просфоры). В конце концов, тяготясь злобой Флориана, Бенедикт оставил место своих подвигов и вместе с несколькими учениками (большинство продолжало служение в основанных им монастырях) переселился в другое место — в город Касин в окрестностях Неаполя. Тут на высокой горе он нашел языческий храм, построенный, по словам Григория Двоеслова, в честь Аполлона (а на самом деле, как показали археологические раскопки, в честь Юпитера), разбил идола, сжег священную рощу и построил на месте храма две церкви — во имя св. Мартина и во имя Иоанна Крестителя. Таким образом было положено начало знаменитому в дальнейшем монастырю Монте-Кассино.

Жизнь здесь наладилась не сразу, ибо, немедленно по разрушении языческого святилища, Бенедикт и его немногочисленные спутники столкнулись с местью дьявола. Он всячески мешал постройке церкви, а однажды опрокинул на молодого монаха возведенную незадолго до того стену. Тот погиб бы, если бы Бенедикт не восстановил горячей молитвой его раздавленное тело. Именно для этой обители Бенедикт около 529 г. написал свой знаменитый устав. Образцом для него послужили установления для восточных монахов Кассиана Римлянина. Однако, зная по опыту, что аскетическая монашеская жизнь Востока трудно прививается на Западе, Бенедикт несколько смягчил их. Его правила не требовали от иноков тех лишений, которые возлагали на себя восточные пустынники, и заповедовали единственно порядок, умеренность и трудолюбие.

Тем не менее, даже в смягченном виде, устав Бенедикта многим казался слишком строгим. Имущество монахов было общим, и после

поступления в монастырь они не должны были иметь никакой личной собственности. Духовность братьев основывалась на трех добродетелях: послушании, безмолвии и смирении. Все монахи должны были, вплоть до отречения от собственной воли, находиться в безусловном подчинении у настоятеля — им вменялось в обязанность смотреть на него как на наместника Христа. Вставать они должны были в 2 часа после полуночи и ежедневно присутствовать при восьми богослужениях. На физический труд отводилось семь часов. Часть времени предназначалась для заучивания наизусть Священного Писания, для чтения житий святых и других благочестивых и назидательных книг. За трапезой должна была громко читаться книга, но никакого разговора не допускалось.

Особенно заметные отступления от восточной строгости наблюдались в правилах питания. По уставу Бенедикта, монахам предлагались два рода кушаний — одно строго вегетарианское, а другое, включавшее в себя яйца и рыбу. (Даже мясо птицы допускалось в виде исключения для больных; строгий запрет лежал только на употребление мяса «четвероногих»). Каждому монаху позволялась небольшая мера вина. Ежедневной порцией был фунт хлеба, но вообще все подробности относительно того, какие продукты и в каком количестве употреблять, Бенедикт оставлял на усмотрение аббатов. Одежда монахам полагалась грубая и простая. Они должны были спать по 10–12 человек в комнате, каждый на отдельной кровати, не снимая одежд и поясов. После вечерней молитвы не позволялось никаких разговоров. Монахи должны были жить только тем, что заработали, а лишнее отдавать нуждающимся. Сам Бенедикт строго следовал этому правилу и трудился наравне со всеми. То, что ему посылали жители соседних сел, он раздавал нищим. Чтобы достать средства для пропитания, монахи занимались обработкой полей. По уставу, в пределах каждого монастыря должны были находиться сад, мельница, колодец, пекарня и другие необходимые службы. Часть монахов могла заменять физический труд перепиской рукописей. Этот 308 пункт устава Бенедикта сыграл огромную роль в истории культуры. Следуя ему, бенедиктинцы в последующие века постоянно переписывали сочинения классической и христианской древности, многие из которых только благодаря им дошли до нашего времени. В дальнейшем правила Бенедикта распространились на всем Западе. Еще до его смерти составленный им устав был принят многими монастырями Галлии, Италии, Сицилии.

Около 544 г. монастырь Монте-Кассино посетил новый готский король Тотила. Во время разговора святой упрекнул его в жестокостях, предсказал ему, что он овладеет Римом (который в то время находился в руках византийцев) и умрет на десятый год правления. Все эти предсказания сбылись. Есть свидетельства, что после этой встречи Тотила, помня о святом Бенедикте, несколько укротил свою жестокость. Помимо прозорливости Бенедикт имел дар исцеления и даже воскрешения.

О всех свершенных им чудесах подробно рассказано в книге Григория Двоеслова, который в заключение пишет, что святой предвидел свою смерть и знал день, в который она придет. Когда наступил его последний час, Бенедикт попросил отнести его в молельню, причастился Святых Тайн и умер стоя, поддерживаемый монахами, с руками, вознесенными вверх во время молитвы. Произошло это между 550 и 560 гг.

Св. Антоний Печерский

Преподобный Антоний родился около 983 г. в русском городе Любече. Еще будучи юношей, он отправился в паломничество в Византию, посетил Константинополь, а оттуда ушел на святой Афон — в центр иноческой жизни греческого Востока. Обходя тамошние монастыри и наблюдая за их жизнью, он вскоре сам пожелал принять пострижение. Один из игуменов исполнил его желание и взял в свой монастырь.

Антоний прожил на Афоне несколько лет. Но однажды игумен позвал его к себе и сказал: «Ступай обратно на русскую землю, — и пусть живущие там через тебя преуспевают и утверждаются в христианской вере, и да будет с тобою благословение Святой горы!»

Возвратившись на Русь, Антоний не пошел в родной Любеч, а решил поселиться в окрестностях Киева. Он обошел несколько монастырей, которые устроили иноки- греки, пришедшие вместе с князем Владимиром для крещения Руси. Но ни один из них ему не понравился, так как здесь не содержали чина и устава совершенного общежития. Поэтому Антоний решил жить отдельно — стал ходить по лесам и горам и так дошел до княжеского села Берестова. Тут он нашел пещеру, когда-то выкопанную варягами, и поселился в ней.

Во время смут, которые наступили в 1015 г. после смерти князя Владимира, Антоний вновь удалился на Афон. Но после того, как в Киеве в 1019 г. утвердился великий князь Ярослав Мудрый, на Руси наступил мир. Тогда Антоний возвратился к месту своих прежних подвигов — на холм неподалеку от Берестова, покрытый вековыми лесами. Незадолго до этого тут ископал пещерку для молитв пресвитер Илларион, будущий киевский митрополит. Место это очень полюбилось Антонию; он поселился в пещере Иллариона и молил Бога о том, чтобы Он утвердил его вселение на этом месте.

Несколько лет прожил Антоний один в непрестанной молитве, вкушая сухой хлеб и удовлетворяя жажду умеренным количеством воды, да и то через день. Иногда он не вкушал ничего всю неделю, пребывая день и ночь в молитвенном бдении. Узнав о подвигах преподобного Антония, к нему стали приходить некоторые христолюбцы и просили позволения поселиться поблизости от его пещеры. Антоний всех принимал и постригал. В числе первых его учеников были блаженный Никон и блаженный Феодосии. Когда собралось 12 братьев, они общими усилиями выкопали большую пещеру, в которой устроили церковь и келий. Но едва жизнь общины наладилась, Антоний собрал монахов и сказал им: «Бог вас собрал, братья, а я вас постриг по благословению Святой горы. Да пребывает на вас благословение от Бога и от Пресвятой Богородицы. Живите одни — я поставлю вам игумена; я же хочу жить один, как привык к тому в прежние годы». Вскоре он поставил им игуменом блаженного Варлаама, а сам, избегая мятежа и молвы, сначала затворился в одной из келий здесь же в пещере, а потом переселился на другой холм, где начал копать новую пещеру. Он, впрочем, ушел туда не один, а с небольшим количеством учеников, желавших посвятить себя строгому отшельничеству.

У Антония, вследствие его святой жизни, открылся тогда дар чудотворца. Многих болящих, обращавшихся к нему за помощью, он исцелял зеленью, которой сам питался.

В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, власть в Киеве принял его сын Изяслав.

К этому времени Антоний уже прославился по всей Русской земле за свою многодобродетельную жизнь, подобно тому, как в древности прославился в Египте Антоний Великий. Сам князь Изяслав приходил к нему со своей дружиной, прося молитв и благословения. За прошедшие годы число братии так умножилось, что они уже не могли помещаться в подземной церкви. Тогда, по благословению Антония, монахи начали над пещерой постройку храма во имя Успения Пресвятой Богородицы.

Едва работа была окончена, князь Изяслав взял Варлаама игуменом в основанный им Дмитровский монастырь. Тогда Антоний, по просьбе монахов, поставил им в игумены преподобного Феодосия. При нем число черноризцев быстро умножилось до ста человек. Видя под своим началом такое большое количество монахов, Феодосии, посоветовавшись с Антонием, решил основать настоящий монастырь. Князь Изяслав по первой просьбе святого с великой радостью отдал во владение будущего монастыря гору над пещерой. Там вскоре была построена большая церковь. Вокруг нее поставили келий, а сам монастырь обнесли оградой. Не позднее 1062 г. монахи переселились сюда из пещер. Новая обитель, тем не менее, продолжала именоваться Печерскою в память о том, что черноризцы прежде жили в пещерах. Здесь был принят строгий устав, списанный с устава Студийского константинопольского монастыря (согласно ему в Печерской обители вводилось строгое 310 общежитие; монахам не позволялось иметь ничего своего, даже иголки). Антоний благословил все эти нововведения.

Под конец жизни Антонию пришлось пережить гонения. В 1067 г. князь Изяслав обманом, нарушив крестное целование, захватил в плен своего дальнего родича полоцкого князя Всеслава и держал его в заточении. За это Антоний не раз корил и обличал его. В 1068 г. киевляне, восстав против Изяслава, изгнали его и посадили киевским князем освобожденного ими Всеслава. Во время своего недолгого княжения тот несколько раз ездил к Антонию и беседовал с ним. В 1069 г. Изяслав вернул себе Киев и стал сильно злобиться на Антония как за прежние обличения, так и за близость его к Всеславу. Антонию пришлось искать убежища в соседнем Черниговском княжестве у Изяславова, брата Святослава. Тут ему полюбилось одно место на Болдинских горах. Он выкопал пещерку и жил там (потом на этом месте возник Успенский монастырь). Вскоре Изяслав раскаялся в своей горячности и стал присылать к преподобному людей с просьбой вернуться к печерской братии, что тот и сделал. Святослав Черниговский продолжал и после покровительствовать святому.

Сделавшись в 1073 г. киевским князем, он подарил Антонию поле, прилегающее к пещере. Здесь еще при его жизни было начато строительство каменной церкви Пресвятой Богородицы. Скончался Антоний уже глубоким стариком в июне 1073 г.

Св. Франциск Ассизский

Святой Франциск, основатель ордена нищенствующих монахов, родился около 1182 г. в небольшом итальянском городке Ассизи в семье купца. Его отец Пьер Бернардоне торговал мануфактурным товаром и выручал на этом хорошие доходы. Большая часть его жизни проходила в дальних путешествиях. Своему сыну он не дал серьезного образования. По крайней мере, Франциск до самой смерти писал с большим трудом.

Но он научился латыни и неплохо владел французским. В молодости Франциск вел рассеянную жизнь, любил кутежи и развлечения. Его постоянно видели на улице в окружении молодежи, причем роскошью и причудливостью своей одежды он затмевал многих дворян. Отец и мать баловали сына и не мешали ему тратить деньги направо и налево. Их самолюбию даже льстило, что Франциска постоянно окружали дети дворян, которых он привлекает своей расточительностью. Однако даже в эту пору своей распущенности Франциск оставался учтивым и любезным, воздерживаясь от всяких непристойностей. Замечали в нем также особенную щедрость к нищим, которым он зачастую раздавал все свои деньги.

По-настоящему религиозные чувства пробудились в Франциске, когда ему было около 20 лет, после долгой и тяжелой болезни, едва не закончившейся смертью. Молодой человек вдруг оставил своих прежних товарищей, стал задумчив, замкнут и проводил много времени в уединении в одной из пещер неподалеку от Ассизи. Он часто плакал, вспоминая свое распутство, и удивлялся, как мог так долго заблуждаться.

При первой возможности Франциск отправился на богомолье в Рим и здесь предпринял первую попытку нищенства: обменялся своей одеждой с одним нищим и целый день простоял голодным на паперти часовни Св. Петра.

По возвращении из Рима, проведя несколько месяцев дома, Франциск оставил свою семью и поселился поблизости от Ассизи в бедной часовне Сен-Дамиен. Эта заброшенная и пострадавшая от времени церквушка не имела никакого убранства: над голым каменным алтарем возвышалось одинокое распятие. Но она почему-то очень нравилась юноше. Однажды, когда Франциск молился здесь, ему послышался голос: «Разве ты не видишь, что обитель Моя разрушается? — поди же и восстанови ее».

Франциск воспринял эти слова как призыв к началу новой жизни. Между тем отец, недовольный переменой, произошедшей в сыне, стал добиваться его возвращения в родительский дом. В 1207 г. он подал жалобу на него в суд епископа и потребовал: пусть Франциск либо помогает ему в делах, либо отказывается от наследства. Когда епископ обратился к Франциску с вопросом, какое из двух решений он избирает, тот вышел ненадолго из зала суда, затем вернулся совершенно нагим, вручил отцу сверток со своим платьем и все, что имел при себе, а затем объявил, что отныне у него есть только один отец — Отец Небесный. Это был полный разрыв с прежней жизнью.

Одевшись в рубище отшельника, Франциск стал ходить по улицам родного города и просить у людей камни на восстановление церкви. Затем он относил их на своих плечах к часовне Сен-Дамиен. Пропитание он добывал подаянием, а жил в шалаше.

Многие горожане, проникшись сочувствием к молодому человеку, чье обращение было таким неожиданным, начали помогать ему, и к 1208 г. Франциску удалось завершить ремонт здания церкви. После этого он взялся за восстановление другой ветхой часовни Св. Марии Порци-ункулы. Когда и эта работа была окончена, он ожидал нового небесного знака, и вскоре тот последовал.

В феврале 1209 г во время обедни в часовне Св. Девы Франциск услышал из уст проповедника слова, с которыми Христос обратился к Своим ученикам в тот день, когда отправлял их для проповеди Царствия Небесного: «Ходите же, проповедуйте, что приблизилось царствие небесное. Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте, даром получили, даром давайте. Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои. Ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха. Ибо трудящийся достоин пропитания». Когда смысл изречения дошел до сознания Франциска, он воспринял его как откровение, как небесный ответ на его душевные поиски. «Вот чего я хочу! — воскликнул он. — Вот чего я искал! С нынешнего дня я буду стараться изо всех сил исполнить эти слова на деле!» Он тут же снял с себя сандалии, ременный пояс заменил веревкой, бросил 312 мешок и посох. Отныне смыслом его жизни сделалось служение одной великой идее: следовать Христу и в полном отчуждении от мира разносить в мире Его слова.

На другой день Франциск отправился в Ассизи и начал проповедовать. Слова его были так просты и сердечны, что все слушающие его были тронуты, а сила его убеждения стала быстро сообщаться другим. Первым его последователем был богатый гражданин Бернардо де Квинтавалле, по завету евангельскому продавший все, что имел, и раздавший при помощи Франциска вырученные деньги бедным. Затем к ним присоединился еще один брат, и тот день, когда их стало трое — 16 мая 1209 г. — считается днем основания францисканского ордена нищенствующих монахов. После того как число его последователей возросло до семи, Франциск счел возможным последовать примеру Христа, разославшего своих учеников проповедовать по миру.

Перед тем как расстаться, он обратился к товарищам со следующими словами. «Идите же по двое по разным областям земли, проповедуя мир людям и покаяние ради отпущения грехов. Вот в чем ваше призвание: ухаживайте за ранеными, утешайте пораженных горем, возвращайте на пути истины заблудившихся. Будьте терпеливы в горе, ни о чем не пекитесь, ибо Господь исполнит Свое обещание. Смиренно отвечайте тем, кто станет вопрошать вас; благословляйте тех, кто станет поносить вас, — и царствие Божие уготовится вам».

Духовенство отнеслось к деятельности францисканцев настороженно и неодобрительно. Епископ Ассизи Гвидон сказал Франциску, что не может одобрить проповедническую деятельность людей, не имеющих духовного звания и благословения церковных властей Он

посоветовал Франциску поступить в какой-нибудь из монашеских орденов. «Ваш образ жизни без всякой собственности, — заметил он, — представляется мне слишком суровым и трудным». «Господин, — отвечал ему Франциск — если бы у нас была собственность, нам бы потребовалось оружие для нашей защиты, ибо в ней источник раздоров и тяжб и она обыкновенно препятствует любви к Богу и ближнему, вот почему мы не желаем иметь собственность».

Реакция епископа и ответ Франциска очень показательны и отражают самое существо проблемы, породившей францисканское движение. В XIII в. в духовной жизни европейского общества произошел перелом. Никогда еще богатство и политическое могущество католической церкви не были так безмерны и никогда еще авторитет ее не падал так низко. Большинство монашеских орденов не пользовалось у верующих никаким почтением из-за распущенного (если не сказать распутного) образа жизни.

Духовенство с головой ушло в разрешение своих земных проблем. Пламя высокой духовности, озарявшее ярким светом начальную эпоху христианства, казалось, потухло навсегда. Мистическое озарение сменилось грубыми суевериями, а религиозный культ в большинстве своем ограничивался механическим выполнением религиозных церемоний и обрядов. Деградация церкви все больше и больше волновала западный христианский мир. Реакция против ее материализации выразилась прежде всего в мощном, нараставшем с каждым десятилетием движении за духовную реформацию, за возрождение простоты апостольской церкви. Вместе с тем в XIII в. появилось множество еретических сект. Движение францисканцев также было одной из форм неприятия официальной церкви. Но в отличии от тех, кто критиковал увязшую в политических интригах римскую курию и погрязших в роскоши монахов, Франциск не думал ни о преобразовании церкви, ни о восстановлении старого монашества.

Авторитет папы всегда оставался для него непререкаемым. Он тоже стремился к обновлению душ и возрождению христианства в его первобытной чистоте, но никто никогда не услышал от него ни одного слова осуждения. Святая жизнь была единственное орудие, которое он желал употребить против ослепленных грехом людей, а символическим актом богослужения для него стало нищенство в подражание Христу.

Тем самым Франциск, сознательно или бессознательно, создал совершенно новый идеал монашества, если прежние иноки вдохновлялись подвигами египетских отцов, ушедших в пустыню спасаться от мирских грехов, то целью Франциска было следовать за Христом и осуществлять евангельское совершенство непосредственно в грешном мире.

Чтобы добиться разрешения на проповедь за пределами Ассизской епархии, Франциск в 1210 г. решил отправиться в Рим к папе. Он сказал своим товарищам: «Пойдемте теперь к матери нашей, святой римской церкви, чтобы поведать святому отцу, что Господь начал через нас совершать, дабы мы, согласно Его воле, могли продолжать начатое нами дело». Вопреки ожиданиям многих, в Риме их встретили благосклонно, и Франциск был принят сами папой Иннокентием III. Тот со вниманием выслушал просьбу Франциска, но остерегся освятить своим согласием

столь необычное начинание. Он сказал: «Идите с Богом, дети мои, и когда Господь умножит вас числом и возвеличит благостью, я признаю вас достойными более важных поручений и полномочий». Он разрешил францисканцам продолжать проповеди, но потребовал, чтобы все они приняли пострижение. Франциск согласился. И действительно, одобрение, хотя и неофициальное, много способствовало расширению ордена. Если прежде сподвижники Франциска могли обращаться к народу лишь на улицах и площадях, то теперь им разрешили проповедовать в церквах.

По возвращении из Рима Франциск поселился неподалеку от Ассизи — у Риво Торто на берегу ручья, сбегавшего с горы Сабазио. Здесь стоял заброшенный домик, служивший прежде жилищем прокаженных. Поблизости находилось много пещер, которые стали келиями для остальных братьев. Монахи бенедиктинского монастыря уступили Франциску одну из своих часовен, где францисканцы сообща читали евангелие.

Пропитание они добывали тем, что помогали крестьянам в полевых работах. Но главным призванием общины оставалась проповедь мира и покаяния. Источники не дают возможности проследить, как постепенно эта проповедь, исходя из Ассизи, проникла в соседние города и охватила всю Италию. В целом францисканское движение, несмотря на отдельные неудачи, произвело очень сильное впечатление на современников. И многие после проповеди св. Франциска, раздав свое имущество, вливались в число братьев. Постепенно община, собравшаяся около него, разрослась. Возникло множество поселений францисканцев (их называли конвентами).

Во главе каждого из них стояли так называемые блюстители. Вся Италия была разбита на провинции, включавшие находившиеся в их пределах конвенты. Во главе каждой провинции стоял министр. Сам Франциск, не являясь официально главой братства, оставался его душой. Раз в год, в Троицу, все францисканцы собирались у колыбели ордена в Порциункуле. Вид этих сотен, а потом и тысяч людей всех классов общества, босоногих, с непокрытой головой, опоясанных веревками, с бодростью переносящих свою бедность, ютившихся во временных шалашах из ветвей и довольствовавшихся случайным подаянием, красноречиво свидетельствовал об обаянии идеала безусловной бедности.

Но в наивысшей степени этот идеал воплощался в самом Франциске. Его смирение и доброта не имели пределов. Пишут, что однажды народ стал восхвалять его за святость. Тогда Франциск приказал своему спутнику «во имя святого послушания» в противодействие этой хвале поносить его. Уступая принуждению, монах назвал его невежей, негодным и бездельным наемником, на что Франциск, веселый и довольный, сказал ему. «Да благословит тебя Господь, дорогой сын мой, за то, что ты говоришь мне правду: вот какие речи следует слушать сыну Бернардоне». Никогда Франциск не позволял себе унизить хоть чье-либо достоинство. Как-то его ученик Яков Простак привел в дом к братии прокаженного. Франциск выговорил ему. «Ты не должен был этого делать, ибо это не годится ни для тебя, ни для него». Но, сказав это, он тотчас почувствовал угрызения совести и сам наложил на себя следующее наказание: когда все сели обедать, Франциск сказал, что будет есть с прокаженным из одной чаши. Братья не осмелились возражать, хотя

прокаженный был весь в язвах и внушал омерзение; особенно ужасны были его скрюченные и сочившиеся кровью пальцы. Всякий раз, опуская руку в чашу, он оставлял в ней кровь и гной. Тем не менее Франциск брал овощи из той же чаши и ел.

Франциск не только проповедовал любовь, но и весь был переполнен любовью и состраданием ко всем живущим в мире. Он просто не мог спокойно видеть чужие мучения и часто раздавал нищим самое необходимое, а если у него ничего не было — отдавал им свой кафтан. Его Житие заполнено рассказами, подтверждающими это.

Один из них сообщает, что как-то раз зимой Франциск возвращался с одним братом из Сиены и встретил нищего. Он сказал спутнику «Надо возвратить этому бедняге его кафтан, который мы получили от Бога временно, до встречи с более бедным».

Спутник стал возражать, напомнив, что им самим предстоит долгий путь, если Франциск отдаст свой кафтан, то ему нечем будет прикрыть свое тело. Но Франциск все равно отдал свой кафтан и объяснил: «Я не хочу быть вором; ибо нам сочтено было бы за воровство, если бы мы не отдали кафтан более нуждающемуся». О его доброте к братьям также сохранилось множество трогательных свидетельств. Сам он вел аскетический образ жизни, но никогда не требовал того же от других монахов и разрешал им во время странствий есть все, что им ни подадут, даже мясо во время поста.

Францисканство не долго оставалось чисто итальянским явлением религиозной жизни.

Ободренный успехом своей проповеди, Франциск решил перенести ее и в соседние страны. Первые миссионеры, отправленные им в Германию и Венгрию, встретили очень плохой прием. Однако, когда в числе францисканцев оказались немцы, дело пошло на лад. Более свободно последователи Франциска чувствовали себя во Франции, где их проповедь с самого начала нашла отклик. (Этому способствовала также булла папы Гонория, изданная в 1219 г. в пользу францисканцев.)

Сам Франциск в том же 1219 г. отправился в Египет, где в это время отряд крестоносцев под предводительством папского легата осаждал укрепленный город Дамиетту. Эта поездка на мусульманский Восток является очень знаменательным событием. До Франциска монахи лишь возбуждали благочестивое рвение христиан против неверных и посылали толпы крестоносцев для их истребления. Идти к ним не с мечом, а с евангелием значило стать выше страстей своего века. Против ожидания, египетский султан принял Франциска очень любезно, несколько раз беседовал с ним, а потом отпустил, не причинив вреда. Когда потом крестоносцы решили переправиться через рукав Нила и 315 вступить с мусульманами в битву, Франциск горячо отговаривал их от этого шага и предрек, что победа будет не на их стороне. Так оно и случилось: христиане потерпели поражение, но через несколько месяцев все-таки взяли Дамиетту. Не дожидаясь окончания войны, Франциск уехал в Сирию, откуда вернулся в Италию.

На родине он занялся составлением устава для своего разросшегося братства.

Сперва в 1221 г. было составлено своего рода наставление, которое заключало в себе все любимые идеи Франциска. Прежде всего речь шла о нестяжании. Каждому вступающему в орден полагалось продать свое имущество и раздать его бедным.

Франциск писал, что его последователи должны добывать пропитание своим трудом и только в крайнем случае прибегать к подаянию. Члены братства отрекались не только от личной собственности, но и от коллективной. Им ничего не могло принадлежать, кроме орудий, необходимых для работы. Позже в своем завещании Франциск выразил эту мысль очень ясно: «Да остерегутся братья принимать церкви и дома и всякого рода постройки для них иначе, как если они вполне соответствуют святой бедности, и пусть они пребывают в них лишь как пришельцы и паломники».

При сборе милостыне францисканцам строго запрещалось принимать деньги. Франциск ненавидел их и внушал братьям словом и примером, чтоб они боялись их, как дьявола. Рассказывают, что однажды какой-то мирянин оставил в церкви Св. Девы монету. Один из братьев, подняв ее, бросил на подоконник. Узнав об этом, Франциск стал жестоко укорять его за прикосновение к монете и успокоился только тогда, когда провинившийся, сняв губами монету с подоконника, вынес ее за ограду и положил губами же на ослиный помет. В правиле 1221 г. рукой Франциска написано: «И если где-либо найдем денарий, то не станем о нем заботиться паче чем о прахе, который попираем ногами». Далее следовали другие положения — о внутреннем устройстве ордена, о миссионерской деятельности и т. п. На основе этого наставления в 1223 г. был разработан подробный устав францисканцев, утвержденный в том же году папой.

Последние годы жизни Франциска прошли в постоянных молитвах и борьбе с недугами, которые постепенно брали над ним верх. Уже в молодости у него была больная печень. Позже присоединились болезни сердца и желудка. Особенное страдание доставляла ему болезнь глаз, от которой он порой совершенно терял зрение. Папа Гонорий, обеспокоенный состоянием Франциска, прислал к нему своих докторов, но и те не смогли ему помочь. Болезни оказались очень запущенными. Вскоре началась водянка, от которой не было спасения. Пишут, что в день смерти Франциск велел снять с себя всю одежду и положить его нагим на голую землю. Так он и умер 3 октября 1226 г.

ИСЛАМ
Мухаммад

Ислам — третья, наряду с буддизмом и христианством, мировая религия — возник в начале VII в. в среде арабов, коренных жителей Аравийского полуострова. В то время они не составляли единой нации, а были группой племен, большей частью кочевых, лишенных центрального управления и организации. Большинство арабов, особенно кочевники, были язычниками. Следуя древним семитским традициям, они поклонялись солнцу и луне, различным божествам и духам, силам природы, умершим предкам. Особо почитались богини Аллат, Узза и Манат. В центральной Аравии процветал фетишизм, нашедший свое отражение в культе больших

поставленных на ребро камней. Иногда (но далеко не всегда) над этим камнем возводилось здание кубической формы — кааба (в переводе с арабского — «куб»). Крупнейшим из таких фетишей был знаменитый черный камень в святилище Кааба в Мекке. Окруженный многими меньшими камнями, символизировавшими других племенных божеств и духов (всего их насчитывалось 360), этот черный камень воспринимался всеми арабами как высший божественный символ. В самом деле, несмотря на то, что каждое племя имело своего главного бога, которого и считало своим покровителем, существовал (правда, в неотчетливой форме) культ верховного божества — Аллаха. В доисламской Аравии под этим именем почиталось божество, которого считали создателем мира, богом неба и дождя. Он воспринимался как бог, далекий от людей, и не был покровителем какого-то определенного племени. Святилищ Аллаха не существовало. (Впрочем, как считают многие исследователи, «Аллах» не есть имя собственное, а является заменой запретного имени божества и образовано из нарицательного Илах (Бог) с определенным артиклем, что буквально означает «бог по преимуществу». Но вполне возможно, что аллахами назывались все племенные боги.) Многие арабы были знакомы с иудаизмом, так как крупные иудейские общины веками существовали в некоторых арабских городах. Также хорошо было известно здесь христианство (короткое время оно являлось даже государственной религией в Йемене) и зороастризм (в конце VI в. Йемен был завоеван Ираном и превратился в его провинцию).

Такова была религиозная обстановка на полуострове, когда здесь начал свои проповеди основатель ислама пророк Мухаммад. Считается, что он родился около 570 г. в Мекке и был сыном купца Абдаллаха, происходившего из знатного мекканского рода бану Хашим племени Курайшитов. Мать Мухаммада, Амина, происходила из рода Зухра. Абдаллах умер вскоре после рождения сына то ли на обратном пути из Газы, то ли во время торговой поездки в Йасриб. По обычаю состоятельных мекканцев, мальчика отдали кормилице-бедуинке по имени Халима, у которой он прожил около пяти лет. На шестом году жизни Мухаммад лишился матери, скончавшейся в Абве на обратном пути из Йасриба, куда она ездила с сыном на могилу мужа. Сироту приютил сначала дед Абд аль-Мутталиб, а через два года, когда дед умер, — дядя Абдманаф, больше известный как Абу Талиб. Он занимался торговлей, но большого богатства не имел, семья с четырьмя детьми жила скромно, и Мухаммад, видимо, не всегда ел досыта. Лет с 15 он начал самостоятельную жизнь: какое-то время нанимался пасти овец мекканцев, а потом, вероятно, занимался снаряжением караванов. Около 590 г. Мухаммад участвовал в сражении близ Указа.

О том, насколько незавидно было положение Мухаммада в те годы, свидетельствует отказ Абу Талиба выдать за него свою дочь Фахиту, он отдал ее замуж в другой род. Когда же племянник стал упрекать его за это, Абу Талиб ответил: «Да, мы породнились с ним — благородный достоин благородного». Только около 595 г. в жизни Мухаммада произошел поворот к лучшему. По совету Абу Талиба он нанялся в качестве приказчика сопровождать в сирийском караване товары богатой вдовы Хадиджи бинт Хувайлид. Плата была не слишком велика — четыре молодых верблюда, но

главное было не в ней. Мухаммад понравился Хадидже, она дала ему это понять, он посватался, получил согласие и стал ее мужем. Это была умная и энергичная женщина, уже дважды бывавшая замужем и имевшая от последнего брака малолетнего сына. После женитьбы Мухаммад занялся торговлей кожами. Когда Абу Талиб разорился, Мухаммад взял себе на воспитание его младшего сына Али.

Мухаммаду было около сорока лет, когда ему стали являться странные сны и видения, которые внушили ему мысль, что он есть пророк Аллаха. Мучимый этими видениями, он надолго оставлял семью и в одиночестве бродил по соседним горам. В месяц рамадан 610 г. он оказался в пустынном ущелье в горах Хила, зашел в пещеру, лег и заснул. То, что произошло с ним в эту ночь в пещере, было потом разукрашено всяческими легендами. Но сам Мухаммад рассказывал об этом событии в своей жизни очень безыскусно: «Вдруг я почувствовал во сне, что Кто-то приблизился ко мне и сказал: «Читай!» Я отвечал: «Нет!» Тогда Тот сдавил меня так, что я думал, что умираю, и повторил: «Читай!» Я опять отказался, и опять Явившийся сдавил меня, и я услышал слова: «Читай во имя Господа твоего, Который созидает — созидает человека из кровяного сгустка.

Читай: Господь твой — Он милосердный — дает знать через писчую трость, дает знать человеку то, чего он не знал». Когда я это прочел, явление отступило от меня, и я проснулся. И я чувствовал, что эти слова написаны в сердце моем».

Через несколько дней, когда Мухаммад после долгого скитания в горах лег спать в садовой беседке и завернулся с головой в плащ, он с необычайной ясностью услышал обращенные к нему слова: «Ты, завернутый в плащ! Вставай! Проповедуй Господа твоего, прославляй Его! Одежды твои — очисти их! Нечистоты — избегай ее! Не будь добр из своего корыстия — и Господа твоего — крепко держись Его».

После этого второго откровения Мухаммад более не колебался признать себя посланником Божьим и принял поручение свыше — стал обличать заблуждения своих соплеменников, проповедовать им веру в Аллаха и учить их богоугодной жизни. Его ранние проповеди были близки по духу христианству. Он говорил о всемогуществе Бога, о близком конце света и о том, что спасутся лишь те, кто помогают ближним, и те, кто уверовал в Аллаха и последовал за его пророком. Мухаммад назвал их мусульманами, то есть «отдавшими себя». Сначала участниками молений Мухаммада были только члены его семьи, потом к ним присоединился Абу Бакр, богатый купец из рода Тайм, а затем еще несколько человек. Когда число мусульман достигло 30 человек, молитвенные собрания были перенесены в дом аль-Аркама. В чем же заключалась суть новой религии? Самое полное представление о ней дают речи самого пророка, записанные вскоре после его смерти и объединенные в Коран — главную священную книгу мусульман.

Прежде всего следует отметить, что все основные мифологические мотивы в учении Мухаммада в целом совпадали с библейскими. В своих проповедях Мухаммад обращался ко многим ветхозаветным сюжетам. Он говорил, что Аллах сотворил мир за шесть дней (однако седьмым днем была объявлена не еврейская суббота, а пятница), что первый человек Адам был создан из глины и явился венцом творения. Поначалу он вместе

со своей женой Хаввой (созданной из его ребра) жил в раю, но потом был изгнан за то, что, вопреки воле Аллаха, вкусил плодов от запретного дерева.

Большую роль в дальнейшей истории человечества и его взаимоотношениям с Аллахом Мухаммад отводил пророкам. В рассказах о них было много оригинального. Хотя большинство пророков, упомянутых в Коране, отождествляются с библейскими персонажами, Мухаммад часто рассказывал о них совсем не так, как древние евреи.

Вообще чувствуется, что он достаточно поверхностно знал Библию и, скорее всего, почерпнул сведения об иудейской религии из устных бесед. Обращался он также к евангелическим и талмудическим сюжетам. Так, очень близки к христианским были его идеи о скором конце света, о воскрешении мертвых и Страшном суде. Впрочем, Мухаммад никогда и не настаивал на том, что открывает что-то новое. С самого начала он объявил, что Аллах, которого он проповедует, задолго до него открылся прародителю арабов и евреев Аврааму (Ибрахиму), а после него многим другим еврейским пророкам. Так Аллах говорит ему: «Мы низвели Тору, в которой руководство и свет; судят по ней пророки, а раввины и книжники — сообразно с тем, что им дано на хранение из писания Аллаха… И отправили мы по следам их Ису (Иисуса, то есть Христа), сына Мариам (Марии), с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и даровали Мы ему Евангелие, в котором руководство и свет, и с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и руководством и увещанием для богобоязненных…»

Но и до Авраама Аллах не был скрыт от людей, ибо вера в Него была известна с глубокой древности. Мухаммад говорил: «Первоначально все люди имели одну веру.

Потом они предались религиозным спорам». Вследствие этих споров у разных народов возникли различные заблуждения и разные религии. Для возвращения заблуждающихся к истине Бог ко многим народам посылал своих пророков. Устами Мухаммада Он говорит: «Мы отправили к каждому народу посланника: «Покланяйтесь Аллаху и сторонитесь язычества». Были среди них те, кого Аллах повел прямым путем, а были те, кому оказалось суждено заблуждение». В другой раз Аллах говорит Мухаммаду, что «узаконил для вас (то есть для мусульман) в религии то, что завещал Нуху (Ною), что открыли Мы тебе и что завещали Ибрахиму (Аврааму), и Мусе (Моисею), и Исе». И еще: «Скажи: «Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам и что ниспослано Ибрахиму, и Исмаилу (Измаилу), и Исхаку (Исааку), и Иакубу (Иакову), и коленам, и в то, что было даровано Мусе и Исе, и пророкам от Господа их. Мы не различаем между кем-либо из них и Ему мы предаемся»». «Авраам не был (читаем мы в Коране) ни иудей, ни христианин — он был правоверный мусульманин, поклонник единого Бога».

Но это не означало, что Мухаммад признавал иудаизм или христианство. Откровение, данное ему, он считал совершенно независимым от прежних откровений. Оно согласно с ними и подтверждает их, но оно, так же как и прежние откровения, послано прямо с неба от единого Бога. Аллах говорит Мухаммаду: «Нет Бога, кроме Бога живого и вечного. Он послал тебе откровение, содержащее истину, чтобы подтвердить писания, бывшие прежде него. Раньше него Он ниспослал

Тору и Евангелие. Ныне он послал Просвещение». Это новое откровение потребовалось потому, что и иудеи и христиане исказили ту первоначальную истину, которая открылась им. «Мы приняли, — говорит Аллах, — христиан в Свой завет, но они забыли часть Наших заповедей».

В чем же заключалась сущность и главное содержание истинной религии? Требования Аллаха к человеку очень просты и понятны. Первым фундаментальным требованием, провозглашаемым Мухаммадом, было единобожие. Оно выражалось в формуле: «Он — Аллах — един, Аллах, вечный, не родил и не был рожден, и не был Ему равным не один!» Христианское учение о Троице и Боге-Сыне было полностью отвергнуто пророком. Он восклицает: «Небеса готовы распасться от этого, и земля разверзнуться, и горы пасть прахом от того, что они приписывают Милосердному сына». И говорит в другом месте: «Он начало и конец. Он явный и скрытый, знание Его обнимает все существующее». (Однако наряду с благим Аллахом в вероучении Мухаммада действует могущественный злой демон, именуемый либо Шайтаном, либо Иблисом. Иблис, как и в христианстве, падший ангел. Сообщается, что когда Аллах сотворил человека, он велел всем ангелам поклониться ему. Все согласились, кроме Иблиса, который за непослушание и был отринут. (Относительно этого события Аллах вкладывает в уста Мухаммада следующие слова: «И вот мы сказали ангелам: «Поклонитесь Адаму!», и они поклонились, кроме Иблиса. Сказал он: «Неужели я поклонюсь тому, кого Ты создал глиной?») Взаимоотношения между Аллахом и Иблисом примерно те же, что между ветхозаветными Яхве и Сатаной: всесильный Аллах терпит Иблиса и исходящее от него зло ради испытания человека.

Уходя от Аллаха, Иблис пригрозил, что он «погубит его (Адама) потомство, кроме немногих». На что Аллах с полным сознанием Своего могущества отвечает: «Соблазняй, кого ты можешь из них, твоим голосом и собирай против них твою конницу и пехоту, участвуй с ними в их богатствах и детях и обещай им, — поистине, обещает сатана только для обмана!..» В проповедях Мухаммада фигурируют также джины (демоны) и ангелы. Четыре ангела обладают наивысшим могуществом. Это Джабраил (Гавриил), Микаил (Михаил), Азраил и Исрафил. Но все они — даже самые могущественные — несравненно ниже Аллаха. Это Его слуги и рабы, созданные, как и люди, так что их существование не компрометирует строгий монотеизм ислама).

Аллах открылся Мухаммаду прежде всего со стороны своего бесконечного величия, как Бог силы, как всемогущий Вседержитель. Но этим не устранялись и другие понятия Божества. Очень часто Мухаммад называет Аллаха Богом истины и Милосердным. Милосердию он учит и по отношению к ближнему. Если главное дело относительно Бога есть молитва, то относительно ближнего — милостыня. Последняя, по учению Мухаммада, не столько внешнее предписание, сколько выражение истинного религиозного настроения. («Знаешь ли ты, — спрашивает Аллах, — что есть вершина добродетели?» И отвечает: «Выкупить пленного, накормить в дни голода сироту ближнего и нищего безвестного». В Коране эта тема поднимается неоднократно; например: «Он говорит: «Господь мой унизил меня!» Так нет! Вы сами не почитаете сироту и не спешите насытить бедного…»).

Много раз в откровении пророка говорится о посмертном воздаянии. Но у самого Мухаммада (так же как у Христа) это учение еще не было детально разработано, а лишь намечено в общих чертах. Так, в одной из сур Корана Аллах говорит: «А тех, которые уверовали и творили благое, Мы введем в сады, где внизу текут реки, вечно пребывающие там. Для них там — чистые супруги. И введем мы их в тень тенистую!» Для грешников уготована совсем иная судьба: «А те, которые нарушают завет с Аллахом после обещания верности и разрезают то, чему повелел Аллах быть соединенным, и распространяют нечестие на земле, для тех — проклятие и для них — злое жилище (ад)». Конец света наступит, когда в мире воцарится ложный мессия, искуситель людей, чудовищный Даджжал (Антихрист). Посланный Аллахом обновитель веры Махди (мессия) убьет его, затем воцарится Иса (Иисус). Звуки трубы архангела Исрафила поднимут лежащих в могилах. Таким образом, до судного дня пребывание душ в раю или аду оказывается временным. Лишь после того, как деяния каждого человека будут взвешены на весах, его судьба будет решена окончательно.

Таково в самых общих чертах было вероучение Мухаммада. Оно было очень просто, чуждо всяких умственных ухищрений и понятно любому бедуину. Себя самого Мухаммад считал только пророком, через которого Бог открыл людям истину. Ни на что большее он никогда не притязал. Он, к примеру, никогда не приписывал себе сверхчеловеческого достоинства и настаивал только на истине получаемых им свыше откровений. Никакими знамениями или прорицаниями он их не подтверждал и подтверждать не собирался. Мухаммад не настаивал даже на том, что ему открыта вся истина, ибо Сам Аллах однажды сказал его устами: «Мы открыли тебе часть Нашего посланничества; есть другая, относительно которой Мы оставили тебя в неведении». И в другом месте: «Скажи: «Я не говорю вам, что у меня сокровищница Аллаха, и не знаю я сокровенного, и не говорю вам, что я — ангел. Я следую только тому, что открывается мне». Или: «Скажи — «Я такой же человек, как вы. Я только получил откровение, что Бог ваш есть Бог единый». И еще: «Скажи: «Я — не новинка среди посланников, и не знаю я, что будет сделано со мною и с вами. Я лишь следую за тем, что мне велено, я только явный увещеватель».

Успехи нового вероучения поначалу были скромными. Когда слух о собраниях и проповедях в доме аль-Аркама распространился по Мекке, число учеников Мухаммада стало постепенно увеличиваться. В основном это была молодежь, притом не очень богатая Последним принял здесь ислам Умар, занимавший в Мекке высокий общественный пост, человек с большим авторитетом, несмотря на свои 30 лет, с решительный характером и мощным телосложением. Вскоре после этого (то есть около 614 г.) Мухаммад решился на открытую публичную проповедь. Он созвал жителей Мекки и объявил им со склона ас-Сафа, что является посланником Аллаха и призывает всех поклоняться единому Богу. Проповедь не имела успеха. Родной дядя, свекр двух дочерей Мухаммада, Абу Лахаб, выслушав его речь, сказал «Только ради этого ты нас созвал?» — и ушел вместе с остальными. Следующие два года к мусульманам относились хотя и настороженно, но без явной враждебности. Разрыв наступил тогда, когда

Мухаммад, обличая почтенных сограждан, стал утверждать, что их отцы и предки горят в адском пламени за свое неверие.

После этого Мухаммад стал встречать в согражданах уже явную враждебность, и проповеди опять сделались тайными. Около трех лет последователи Мухаммада жили в городе на положении отверженных. Остальные жители Мекки договорились не вступать с ними в браки, ничего им не продавать и ничего не покупать. Но бойкот не достиг цели В 619 г. один за другим умерли Абу Талиб и Хадиджа. Новым главой рода Хашим стал Абу Лахаб, давнишний враг пророка (к этому времени он заставил своих сыновей развестись с дочерьми Мухаммада). Необходимо было найти покровителей. В июне того же года Мухаммад отправился в Таифу и обратился за поддержкой к своим родичам — трем братьям из рода Умайра. Выслушав проповедь пророка, они посмеялись и сказали: «Неужто Аллах не нашел послать никого, кроме тебя?»

Никакой помощи от них Мухаммад не получил. Все кончилось тем, что он превратился в мишень для насмешек, и наглецы преследовали его, осыпая бранью и забрасывая камнями. Не достигнув ни в чем успеха, Мухаммад вернулся в Мекку и стал искать себе покровителя в другом роде, поскольку собственный отрекся от него. Несколько человек ему отказали. Наконец Мутим, глава рода Науфал, согласился взять пророка под свою защиту. Оставив своих сограждан, Мухаммад стал проповедовать среди паломников, во множестве прибывавших в Каабу. Проповедь его вскоре произвела впечатление на группу арабов из Йасриба, и они поспешили принести в родной город весть о новом учении, появившемся в Мекке.

Успех Мухаммада объяснялся, по-видимому, тем, что в оазисе Йасриб проживало несколько иудейских племен. Знакомые с идеями иудаизма здешние арабы оказались более подготовленными к восприятию новой веры, чем соплеменники Мухаммада. Уже в следующем году 12 знатных йасрибитов приняли в Мекке ислам и попросили у Мухаммада наставника. Тот отправил с ними Мусуаб ибн Умайра. А еще через два года, после того как все арабы Йасриба стали мусульманами, Мухаммада пригласили стать их вероучителем и главой.

Мухаммад прожил после этого в Мекке еще три месяца, постепенно переправляя в Йасриб своих последователей. Абу Лахаб и Курайшиты вскоре заметили исчезновение последователей Мухаммада и встревожились. Рост авторитета мусульман им очень не нравился. За Мухаммадом стали следить. Чтобы замаскировать свое бегство, пророк поехал к Абу Бекру, который уже давно держал наготове верблюдов на каком-то дальнем пастбище. Ночью они вдвоем вышли из шалаша на зад их дома и укрылись в пещере на горе Саур. Здесь они прожили трое суток, пока мекканцы безрезультатно искали их во всех возможных местах. На третью ночь, когда поиски прекратились, они отправились в путь. 24 сентября 622 г. беглецы прибыли в селение Куба, находившееся на южной окраине оазиса. Здесь Мухаммад прожил некоторое время. Затем он предоставил своей верблюдице право выбрать путь, и она привезла его в центр Йасриба, в селение племени аннаджжар, где он и остался. Первые мероприятия Мухаммада носили не столько религиозный, сколько политический характер. При его содействии все племена оазиса, до этого истощавшие силы в беспрерывной внутренней борьбе, заключили между

собой договоры об организации единой общины. Авторитет местных вождей при этом не умалялся. Мухаммад принял на себя лишь разрешение общих спорных вопросов. Все йасрибиты — без разницы, евреи и мусульмане — должны были отныне сообща выступать против внешних врагов. Особо оговаривалось, что у евреев останется своя религия.

Когда положение пророка укрепилось, он перешел к враждебным действиям против Мекки. После нескольких безуспешных попыток в начале 624 г. отряду мусульман удалось захватить у Нахлы мекканский караван. Затем, в марте того же года, Мухаммад стянул большие силы для нападения на другой караван с товарами из Газы.

В нем было более 1000 верблюдов, а весь груз оценивался в 50 000 динаров. Когда мекканцы узнали о приготовлениях Мухаммада, то немедленно собрали войско и поспешили на помощь своим соплеменникам. Случилось так, что сама причина раздора — богатый караван — сумел благополучно ускользнуть от Мухаммада, но обе враждебные армии встретились у Бадр. С Мухаммадом было около 300 человек, а у мекканцев, видимо, раза в три больше. Хотя с обоих сторон в этом сражении едва участвовало полторы тысячи человек, по понятиям того времени оно было крупным событием. Мухаммад построил своих воинов плотным строем на удобной для обороны позиции и сам наблюдал за сражением из шалаша, находившегося в отдалении.

Мекканцы, имевшие достаточно многочисленную конницу, атаковали первыми, но были отброшены и после короткого боя обратились в бегство.

Эта победа произвела большое впечатление на современников. Авторитет Мухаммада сразу колоссально возрос. Даже местопребывание его стало считаться священным.

Йасриб из обычного селения стал для мусульман столицей пророка — Мадинат ан- Наби, в просторечии Мединой, и это название с тех пор закрепилось за ним навсегда. Свое возросшее могущество Мухаммад направил прежде всего против иудейских племен, издавна проживавших в Медине. В апреле 624 г. он призвал евреев из племени бану кайнука принять ислам. Когда те отказались, мусульмане осадили их квартал города. Через две недели кайнука сдались на милость победителя и должны были уйти из Медины. При разделе имущества высланных Мухаммад впервые воспользовался провозглашенным им правилом раздела добычи («и знайте, что если вы взяли что-то в добычу, то пятая часть — Аллаху и паломникам, и родственникам, и сиротам, и беднякам, и путнику…»). Эта пятина (хумс) предназначалась на нужды общины и отныне находилась в полном распоряжении пророка. Его материальное положение сразу улучшилось.

Еще в Мекке Мухаммад женился на Сауде. Теперь он взял себе в жены еще Аишу, дочь Абу-Бакра (ей было тогда 9 лет), Хафсу, дочь Умара, а потом — вдову Зайнаб бинт Хузайму. Позднее он взял себе еще пять жен. Но некоторые свидетельства говорят о том, что пророк не удовлетворялся и таким количеством женщин. Однажды Хафса застала Мухаммада со своей служанкой и возмущенно сказала. «Эй, посланник Аллаха! Что же это — в моем доме и на моей постели!» Тот ответил. «Молчи! Клянусь Аллахом, никогда не приближусь к ней, только никому не рассказывай об этом». Но

Хафса рассказала о случившемся Аише, после чего о невоздержанности пророка узнали и другие. Мухаммад пытался развестись с Хафсой, но потом, что бы еще более не раздувать скандал, отказался от этой мысли.

Тем временем мекканцы помышляли о мести. Своим военачальником они сделали Суфайна, и тому удалось собрать войско, численность которого достигала 3000 человек. Эта армия в марте 625 г. двинулись на Медину. Мухаммад узнал о приходе врага лишь тогда, когда тот был в нескольких часах хода от оазиса, поэтому в войске мусульман едва было тысяча человек. Триста из них с Ибн Убайей ушли от пророка еще до начала сражения вскоре после того, как он покинул Медину. С остальными Мухаммад укрепился при Ухуде. В начавшемся сражении мусульмане сначала одержали верх. Они прорвали строй мекканцев и начали грабить их лагерь.

Заметив это, конница мекканцев врезалась в рассыпавшийся строй мусульман, которые, в свою очередь, обратились в бегство. Сам Мухаммад получил удар мечом по голове. Кровь из раны залила все его лицо, и на короткое время он лишился чувств. Это еще более усилило беспорядок — войско мусульман разбежалось, и мекканцы могли торжествовать полную победу.

Неудачи вне города приходилось компенсировать внутри него. Вскоре после возвращения из похода мусульмане изгнали из Медины второе еврейское племя бану надир, старейшины которого будто бы готовили покушение на пророка. Так же, как и в предыдущий раз, селение евреев было осаждено, и те сдались после трехнедельной осады. Всю захваченную землю Мухаммад разделил между своими соотечественниками-мекканцами, отправившимися за ним в изгнание (мухаджирами). Изгнанные бану надир не смирились сразу с потерей своих земель. Они начали хлопотать о соединении всех врагов Мухаммада и вскоре преуспели в этом деле. Первыми на их призыв откликнулись мекканцы, которые выставили на этот раз более 4000 воинов.

Союзниками их стали кочевые арабские племена, так что общая численность войска достигла 10 тысяч. Сборы такого большого числа воинов не могли остаться незамеченными. Мухаммад, заблаговременно обо всем узнавший, сумел собрать около 3000 человек. С наиболее доступной стороны на севере от Медины мусульмане вырыли ров длиной 6 км. На долю каждого мужчины был выделен участок в 40 локтей, причем пророк вырыл свою часть наравне со всеми. 31 марта 627 г. мекканцы подошли к Медине и приступили к ее осаде. Десять дней прошло в мелких стычках — противники нащупывали слабые места в обороне мединцев. Но те были начеку, и осаждавшие, так ничего и не добившись, отступили Мухаммад сразу после этого осадил селение третьего еврейского племени в Медине — курайза, которое вело изменнические переговоры с надира и едва не перешло на сторону врага. Через две недели те сдались. На этот раз с иудеями поступили гораздо жестче. Все мужчины были казнены, а женщины и дети обращены в рабов.

В начале весны 628 г. Мухаммаду приснился вещий сон: будто он совершил паломничество в Мекку и что ему передали ключи от Каабы. Он объявил об этом сне своим приверженцам и повелел им наряжаться в благочестивый поход. С ним вместе в паломничество отправилось более

1000 человек. Все они вместе и каждый из них в отдельности поклялись пророку, что готовы умереть за веру. Для переговоров с мекканцами Мухаммад отправил Усмана. Не известно, что больше повлияло на тех — то ли уговоры уважаемого всеми Усмана, то ли страх перед новым сражением, но мекканцы согласились заключить мир с Мухаммадом на десять лет, хотя и не разрешили ему въехать на этот раз в город. Союзники мекканцев также получили право заключать союзные договоры и с Мухаммадом. Многие из ближайших соратников пророка недоумевали что выиграли мусульмане от этого мира? Но Мухаммад всем своим видом выражал удовлетворение. Не приближаясь к Каабе, он совершил все положенные обряды, принес жертвы и вернулся в Медину. Большой победой для себя он считал уже то, что его признали равноправной стороной, а разрешение союзникам мекканцев присоединяться к любой из сторон фактически означало раскол договорной системы, на которой держалось могущество Мекки.

Через два месяца после возвращения Мухаммад объявил поход на соседний с Мединой оазис Хайбар, где также было значительное число евреев. С ним отправилось около 1400 добровольцев. Хайбарцы не выставили объединенного войска, каждое его селение защищалось самостоятельно, и, хотя сопротивление было упорным, весь оазис вскоре попал в руки мусульман. Местное население осталось на своих землях, но обязалось отдавать мусульманам половину своего урожая. Соседний оазис — Фадак — после этого сдался Мухаммаду без боя на тех же условиях уплаты половины урожая. Пророк двинулся дальше на север и после месячной осады покорил оазис Вади-л-Кура.

В марте 629 г Мухаммад вновь отправился в Мекку в сопровождении 2000 мусульман.

На этот раз он совершил положенный обряд семикратного обхода святыни, а затем на несколько часов уединился в Каабе. Это появление Мухаммада в сопровождении огромной толпы приверженцев произвело впечатление на мекканцев. Один из его давних врагов Халид аль-Валид заявил после отъезда пророка. «Теперь каждому умному человеку ясно, что Мухаммад не колдун и не прорицатель, а его речи — речи господина миров, и каждый, у кого есть соображение, должен следовать за ним». И действительно, сразу после этого он принял ислам.

В 630 г. Мухаммад, уже в сопровождении 10 тысяч человек, вновь двинулся в Мекку. Известие о наступлении такой значительной армии окончательно сломило упорство его соплеменников. По дороге он встретил многих мекканцев, переходивших на его сторону и принимавших ислам. Сил для сопротивления у противников пророка не было, и он беспрепятственно вступил в священный город. По новому договору жители Мекки признали верховную власть Мухаммада и предоставили в его распоряжение свои вооруженные силы. Большинство горожан тут же приняло ислам. Мухаммад семь раз объехал Каабу на своей верблюдице Аль-Касва, семь раз дотронулся посохом до священного камня, велел уничтожить всех идолов вокруг святилища, а потом торжественно подтвердил все права Мекки.

Но едва Мухаммаду покорилась Мекка, пришла весть о новой опасности — могущественный союз бедуинских племен аль-Хавазин, занимавший обширную территорию, простиравшуюся от соседнего с

Меккой Таивра в глубь среднеаравийской пустыни, выступил против пророка. Упорное сражение произошло в долине Хонейн и завершилось полной победой мусульман. 6 тысяч женщин и детей, 24 тысячи верблюдов, бессчетное количество овец и другое добро досталось победителям. Жен и детей Мухаммад отпустил без всякого выкупа, и этим великодушием приобрел дружбу своих бывших врагов — большая часть бедуинов приняла ислам и признала его власть. Это было последнее великое деяние пророка. В начале 632 г Мухаммад совершил свое последнее паломничество в Мекку. Через несколько месяцев после возвращения домой он почувствовал приступ горячки. От этой болезни он уже не смог оправиться и скончался в июне 632 г.

Абдаллах ибн Маймун аль-Кеддах

После смерти Мухаммада во главе мусульманской общины стояли халифы (заместители), избираемые поначалу всеми ее членами из числа близких родственников и учеников пророка. Первые четыре халифа были: Абу Бакр (правил в 632–634 гг.), Умар ибн аль-Хатаб (правил в 634–644 гг.), Усман ибн Аффаи (правил в 644–656 гг.) и Али ибн Абу Талиб (правил в 656–661 гг.). При них ислам выплеснулся далеко за пределы Аравии. Объединенные Мухаммадом арабские племена двинулись на завоевание соседних земель. Их выход на международную арену оказался настолько неожиданным, что поначалу никто не мог оказать им достойного сопротивления. Уже при Абу Бакре были совершены удачные походы в Сирию и Месопотамию. Следующий халиф Умар завоевал значительную часть сасанидского Ирана. У Византии были отвоеваны Сирия, Палестина, Египет и часть Малой Азии. В следующие десятилетия та же судьба постигла Закавказье, Среднюю Азию, Северную Африку и Испанию. Арабский халифат распространил свои пределы от берегов Атлантического океана до Индии, и большинство населения всех этих стран приняло ислам. За сто с небольшим лет новое вероучение превратилось в универсальную мировую религию, которую исповедовали десятки миллионов человек — успех поразительный, едва ли имеющий аналогии в истории и с трудом поддающийся объяснению.

Завоевательные походы проходили на фоне сильных внутренних смут в арабском обществе. С самого начала среди местных мусульман обозначились два направления.

Часть из них выступала за наследственную передачу власти в халифате прямому потомку пророка. А поскольку сыновей у Мухаммада не было, таковым считался Али — его двоюродный брат и муж его любимой дочери Фатимы. Эту часть мусульман стали вскоре называть шиитами (название пошло от выражения «шиа Али» — община Али). Их противники получили в дальнейшем название суннитов. («Сунна» — священное предание, записанное в VIII–IX вв. и состоящее из рассказов (хадисов) о жизни и деятельности пророка. Они служили чем-то вроде комментария или пояснения к Корану. Сунниты признают всю Сунну целиком, в отличие от шиитов, которые отрицают истинность многих хадис.) В 656 г. халиф Усман был убит шиитами. Власть перешла к Али, но тот правил не долго и, в свою очередь, был убит в 661 г. при выходе из мечети одним из своих

врагов. После этого управление государством перешло к халифу Муави, который стал основателем династии Омейядов. Шииты, впрочем, не теряли надежды вернуть себе господствующее положение. В 680 г. сын Али Хусейн предпринял попытку выступить против Омейядов и во главе небольшого отряда направился из Мекки в Ирак. По дороге, у города Кербелы, он был окружен войсками халифского наместника. В результате упорного сражения сам Хусейн и все его немногочисленное воинство были уничтожены.

После этого трагического события между суннитами и шиитами произошел окончательный разрыв, и вскоре последние превратились из политической партии в обособленную секту. В основе религиозных взглядов шиитов лежит доктрина об исключительном праве потомков пророка на власть над правоверными. В соответствии с ней сложилось учение о святых имамах (это слово переводится как «стоящие впереди»). Имамами мусульмане называют своих признанных и уважаемых руководителей — они есть и у суннитов, и у шиитов. Но значение имамов в учении шиизма несравнимо важнее, чем в системе суннизма (где имам всего лишь избранный людьми светский и духовный глава общины). Шииты относятся к имамам с благоговейным почитанием и считают их живыми представителями Бога на земле, полубожественными личностями, которые получают свою власть установлениями Самого Аллаха. Имамы непогрешимы, а их мнение по любому политическому вопросу или вопросу веры является авторитетным в последней инстанции. Это представление зиждется на учении о духовной преемственности имамов, основанной на эманации божественного «света Мухаммада». «Свет Мухаммада» (сущность души пророка) понимается как первое творение Аллаха, возникшее в виде светящейся точки задолго до создания человека. Первым носителем света считается Адам, за ним следовала длинная цепь избранных потомков Адама, главным образом пророков. После деда Мухаммада эманация пошла по двум линиям: одна часть «света» перешла к отцу Мухаммада и после него к самому пророку, другая — к брату отца Мухаммада, а затем к его сыну Али. От него «свет Мухаммада» стал последовательно переходить к «святым имамам», потомкам Али, возглавлявшим шиитскую общину.

Первые шесть имамов, вплоть до Джафара ас-Садика, признаются подавляющим большинством шиитов. Этот имам был крупным теологом, его труды оказали большое влияние на позднейшую богословскую мысль. Так его примечания к Корану, частично дошедшие до нас, обнаруживают исключительно глубокое проникновение в мистические явления. Джафар, например, различал четыре аспекта Корана: выраженное (то есть буквальное значение) — для обычных людей; намеки — для избранных; прикосновения благодати — для святых и, наконец, реальности — для пророков. Таким образом, была намечена иерархия правоверных, отражающая степень их внутреннего знания и имевшая большое значение для позднейшего шиизма. Но вместе с тем Джафар стал причиной крупнейшего раскола в шиитском движении — после того как он, вопреки традиции, лишил права на имамат своего старшего сына Исмаила и провозгласил наследником младшего сына Мусу Казима, часть шиитов, получивших наименование исмаилитов, сочла этот акт незаконным, что и послужило причиной образования новой секты. Поскольку Исмаил умер

раньше отца (около 760 г.) исмаилиты признали своим главой и седьмым имамом сына Исмаила Мухаммада. Он же считался у представителей этой секты последним «видимым» имамом. (В отличие от исмаилитов, большая часть шиитов почитает не семь, а двенадцать святых имамов. Двенадцатый — имам Мухаммад, родившийся в 873 г., таинственным образом исчез, когда был еще ребенком. Поскольку никто не видел его умершим, считается, что он взят Аллахом и должен появиться перед концом света в образе Махди, чтобы восстановить в мире справедливость.)

Некоторое время секта исмаилитов не имела большого влияния, а ее учение на протяжении ста лет не отличалось особой оригинальностью. Новый импульс ее деятельности дал в середине IX в. иранский проповедник Абдаллах ибн Маймун аль-Кеддах («Окулист»). Под влиянием своего отца, глазного врача, который всю жизнь с увлечением занимался алхимией, Кеддах уже в юности приобщился к тайным наукам.

По характеру он был человек ловкий и честолюбивый. Возглавив в 864 г. секту исмаилитов, Кеддах в короткий срок реформировал ее и придал ей замечательно хитрую и сложную организацию. Он же разработал принципиально новое вероучение, выделившее исмаилитов среди других течений шиитского ислама. В основе этого вероучения лежал догмат о «скрытом имаме». «Мир, — говорил Кеддах, — никогда не был лишен имама. Мир имел его во все времена. Не всегда только имам был виден людям. Он то являлся им, живя среди них, то скрывался и где-то таился до того времени, когда снова надлежало появиться среди людей. Исчезновение и появление имама в мире можно уподобить появлению и исчезновению света и тьмы в природе, то есть дню и ночи». Доктрина исмаилитов также делилась на «явную» и «скрытую». Существовала «внешняя», как бы официальная, доктрина и «внутренняя», тайная. Каждому пункту внешней доктрины соответствовал углубляющий его значение пункт внутренней. Внешняя доктрина мало чем отличалась от общего учения шиизма, кроме положения о седьмом имаме.

Внутренняя доктрина состояла из двух частей: аллегорического истолкования Корана и хака-ика — системы философии, содержащей в себе элементы иудейского и христианского вероучений, а также мистики и магии. Но, конечно, основу для хака-ика искали прежде всего в Коране. Кеддах говорил, что каждое слово Корана имеет двойной смысл — очевидный и скрытый, причем извлечение скрытого текста из явного не менее важно, чем открытие священного текста пророком.

Единым началом мироздания по внутренней доктрине исмаилитов являлся Всевышний Бог — Аллах. Он не имеет ни определенного образа, ни свойства, ни качества и вследствие этого совершенно непознаваем для людей. Молиться Ему нельзя. Аллах пребывает в состоянии вечного покоя и не может считаться непосредственным творцом мира. Процесс миротворчества, согласно учению Кеддаха, распадается на несколько этапов. Сначала Верховный Бог усилием воли выделил из Себя творящую субстанцию — Мировой Разум, Который является совершенным и обладает всеми атрибутами Бога. Этот Разум в идеальной форме содержал в себе весь план мироздания, но и он не был его творцом, а, в свою очередь, произвел из Себя вторую, низшую эманацию — Мировую Душу. Важнейший признак Души есть способность существования или жизнь. В силу этого

свойства Мировая Душа пришла в движение и, стремясь к совершенству, выделила из Себя первичную материю, пространство и время. Первичная материя пассивна и не имеет творческого начала, поэтому сотворенные из нее землю, небесные сферы и живых тварей надо считать лишь грубыми подражаниями совершенным идеям Мирового Разума.

Человек появился на земле во исполнение определенного назначения, составляющего смысл его существования, а именно: человек должен воспринять «Божественную Истину», которая приносится ему пророками. Исмаилиты верили в переселение душ и полагали, что после смерти душа либо попадает в рай (это состояние толковалось как достижение совершенного познания) или в ад (где костенела вневежестве).

Однако души находятся там только определенное время, после чего возвращаются на землю, чтобы приобрести здесь знание под руководством имама.

Пророк, или натик («говорящий»), есть отражение Мирового Разума в чувственном мире. Свое откровение он получает непосредственно от Бога. Однако проповеди пророков, изложенные в священных книгах, имеют скрытый смысл, недоступный пониманию рядового верующего. Для разъяснения тайного смысла их учения каждый пророк имеет при себе помощника самита («молчащего»), являющегося воплощением Мировой Души. Если первый раскрывает человечеству сущность волевых актов Мирового Разума, то миссия второго — разъяснять смысл слов пророка и осуществлять его заветы. Так, Моисей, Иисус, Мухаммад были натиками, а, соответственно, Аарон, апостол Петр, халиф Али — самитами. Всего Бог явил миру семь пророческих циклов, шесть из которых завершились приходом на землю шести пророков: Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса и Мухаммада. Пророк седьмого цикла — аль-Каим (то есть «Стоящий», «Возвышающийся») прибудет на землю непосредственно перед концом мира, который должен наступить, когда человечество при помощи натиков-пророков, самитов-помощников и имамов, носителей высшего знания, восходящего через пророков к Мировому Разуму, достигнет совершенного познания. Тогда зло, которое есть не что иное, как незнание, исчезнет, и мир вернется к своей первопричине — Мировому Разуму.

Но, пожалуй, главное значение Кеддаха для истории заключалось не в разработке этого вероучения. Его подлинным созданием следует считать исмаилитскую церковь — разветвленную и могущественную организацию, с помощью которой он надеялся добиться весьма амбициозной цели — объединить весь мусульманский мир, а затем и все человечество, в единое мусульманское царство, возглавляемое имамом-мессией, наполнить землю правосудием, справедливостью и установить «золотой век». Надо признать, что на первых порах успех его пропаганды был колоссальный. Выступая от имени «скрытого» имама (это был кто-то из потомков Исмаила, но кто — неизвестно), Кеддах фактически руководил всеми делами секты. Он умел с удивительной тонкостью и расчетливостью подбирать себе помощников из разных слоев общества, разных наций и разных религий. Вскоре сеть тайных, хорошо законспирированных исмаилистских организаций покрыла всю территорию халифата. В них существовала строгая вертикальная иерархия посвящений, которых было семь:

1) мустаджиб- новообращенный, не знающий о существовании тайной доктрины;

2) маазун (допущенный) — которому тайное учение сообщалось частично;

3) дай (проповедник), изучивший «внутреннее учение» и возглавляющий местную исмаилитскую организацию;

4) худджа — верховный проповедник, глава региональной сети организаций и знаток тонкостей внутренней доктрины;

5) имам — непогрешимый носитель Высшего знания, решения которого по всем вопросам подлежали беспрекословному исполнению;

6) самит;

7) натик.

Верующие первых двух степеней посвящения составляли основную массу общины. Посвященные третьей и четвертой ступеней были элитой секты.

Наконец, имам — реальный глава исмаилитов — обладал в глазах верующих божественной властью. Но кто он и где находится, фактически никто не знал.

Сам Абдаллах не успел довести свое дело до конца. После его смерти в Саламии (в Сирии) место вождя секты занял сын Ахмад. При нем она приобрела огромное политическое значение. Один из дайев, посланный в 887 г. в Ирак, обратил в исмаилизм некоего Кармата, и тот образовал особую группу исмаилитов-карматов. В 890 г. карматы захватили область Севад, а затем Бахрейн в Аравии. В конце IX в. во главе секты встал Абу Сайд, вероятно, сын Ахмада. Понимая, что пришла пора выйти из тени и «явиться» людям, он не пожелал довольствоваться ролью второго лица и прямо объявил себя имамом Убайдаллахом — одним из потомков Исмаила (можно предполагать, что к этому времени все настоящие потомки Исмаила уже были устранены Кеддахом и его сыном). Деятельность секты активизировалась. Во все концы мира высылались миссионеры, но наибольший успех проповедь исмаилитов имела в Северной Африке, где действовал выдающийся дай Абу Абдаллах. Местные берберские племена всегда были в оппозиции к арабским халифам и среди них легко распространялись различные религиозные учения, противопоставляющие себя суннизму. Главными носителями этих традиций были кутамиты — союз племен, обитавший на территории современного Туниса. Абу Абдаллаху удалось в короткий срок создать здесь обширную исмаилитскую общину и, опираясь на нее, сформировать сильную армию. В 909 г. после ряда успешных компаний под власть исмаилитов перешел весь Тунис. В том же году приехавший в Африку Убайдаллах открылся народу и был провозглашен халифом с официальным титулом аль-Махди. Новые правители получили прозвание Фатимидов (по Фатиме, жене Али и любимой дочери пророка, за потомка которых выдавал себя Убайдаллах).

Наступательный потенциал молодого исмаилитского государства оказался чрезвычайно большим. Потомки аль-Махди быстро распространили свою власть на всю Северную Африку до берегов Атлантического океана. Правнук первого халифа аль-Муизз в 969 г. овладел Египтом, а его сын ал-Азиз присоединил к владениям Фатимидов

Сирию и Хиджаз (западное побережье Аравии со священными городами Меккой и Мединой).

Исмаилитский Египет выдвинулся в число сильнейших и богатейших мусульманских государств того времени. Правда, блестящий период его истории продолжался не долго, — в 1171 г. держава Фатимидов была завоевана султаном Салах-ад-дином, сторонником правоверного суннизма. Однако история исмаилитов на этом не закончилась. После падения их власти в Египте (и даже еще раньше) исмаилиты разделились на несколько самостоятельных сект. Вплоть до середины XIII в. большим влиянием пользовались низариты, создавшие в северном Иране свое исмаилитское государство с центром в Аламуте. Эта влиятельная секта существует в Индии и по ныне и возглавляется имамом с титулом Ага-хана. Представители другой существующей по сей день секты исмаилитов — друзы — распространены в горных районах Сирии и Ливана.

Рабиа аль-Аддвиййа

Особым, мистическим течением в исламе стал суфизм. Его зарождение относят ко временам пророка, однако оформление свое он получил несколькими десятилетиями позже. Патриархом мусульманского мистицизма считается Ха-сан аль-Басри (умер в 728 г.). Он жил в эпоху великих завоеваний, когда большинство арабов было увлечено идеей накопления богатств и приобретения мирских благ. В противовес этим тенденциям аль-Басри призвал своих единоверцев подумать о будущей жизни и перестроить свое существование в соответствии с предписаниями Корана. Он говорил: «Относись к этому миру, как будто ты никогда в нем не был, а к иному миру — как будто никогда его не покинешь». Его проповеди и увещевания, произносившиеся на красивом и звучном арабском языке, оказывали влияние на многих благочестивых людей в Ираке и других местах. Последователи аль-Басри старались жить в полной свободе от мирского: кирпич мог служить им подушкой, а старая соломенная циновка — постелью. Они не заботились ни о своем внешнем виде, ни об одежде, демонстративно отказывались от богатства, вели аскетический образ жизни и соблюдали безбрачие. Современники называли этих людей захидами (отшельниками). Но потом их самоназванием стало суфии (Происхождение этого слова следует, по-видимому, отнести к арабскому «ас-суф» («шерсть»), и связано оно с тем, что суфии постоянно носили на себе шерстяные плащи-власяницы). Впрочем, жизнь этих суровых аскетов еще не была жизнью суфиев в том понимании, которое появилось впоследствии, так как она была начисто лишена важнейшего положения позднего суфизма — мистического переживания. Ведь самым характерным отличительным признаком для суфиев стал не аскетизм, а культ бескорыстной любви к Богу. Впервые это тончайшее мистическое чувство выразила суфийская поэтесса и святая Рабиа аль-Аддвиййа из Басры. Ее и следует считать подлинной зачинательницей суфийского движения.

Считается, что Рабиа родилась между 713 и 718 гг., а умерла уже глубокой старухой в 801 г. Происходила она, кажется, из очень бедной семьи. Еще в раннем детстве ее выкрали и продали в рабство. Долгое время Рабиа работала профессиональной певицей, но впоследствии была

отпущена хозяином на свободу.

После нескольких лет, проведенных в отшельничестве в пустыне, она пришла в Басру, где около нее постепенно собралась большая группа последователей. Это был первый в истории суфийский кружок. Основным чувством этой женщины была абсолютная любовь к Богу, любовь страстная, всепоглощающая, которая не оставляла места ни для каких других помыслов или другой любви. Она писала: «Так охватила меня любовь к Богу, что не осталось у меня ничего, чем я могла бы любить кого-либо, кроме Него!» И в самом деле, Рабиа так и не вышла замуж. Мир для нее ничего не значил. Весной она закрывала окна, не взглянув на цветы, и погружалась в созерцание Того, Который создал все сущее, включая цветы и весну. Она писала. «О Возлюбленный сердец, Я ни в ком не нахожу того, что есть в Тебе, Поэтому сжалься в сей день над грешницей, Которая приходит к Тебе. О моя Надежда и мой Покой и мое Блаженство, Сердце не может любить никого, кроме Тебя…»

Та же мысль многократно выражена в ее стихах, обращенных к Богу: «Я сделала Тебя спутником моего сердца, Мое тело для тех — кто ищет общения со мной. Мое тело ласково к своим гостям, Но гость души моей — Возлюбленный моего сердца».

Охваченная этой небесной любовью Рабиа как бы переставала существовать. «Я умираю для себя, — писала она, — я едина с Ним и полностью принадлежу Ему». Для нее имело значение только упование на Бога и слово хвалы Ему, которое было для нее слаще любого другого слова. Ночная молитва — одна из основ раннего аскетизма — превратилась у Рабий в сладостную любовную беседу любящей с Любимым: «О Боже, ночь прошла и забрезжил день. Как томлюсь я, не зная, Услышал ли Ты мои молитвы, или отверг их! Утешь меня, ибо только Ты Один Можешь утешить меня в моем томлении. Ты даровал мне жизнь и заботился обо мне — Хвала Тебе!

Если Ты захочешь отогнать меня от Своей двери, Я все-таки не отойду от нее — Ради любви к Тебе, которую несу в моем сердце».

Рабиа была первой, кто ясно различил два рода любви к Богу: любовь ради Его милостей и проходящего счастья и любовь к Его красе, вечной и непроходящей. За свою долгую жизнь она любила Бога по-разному. Так она признается в одном из своих стихотворений: «Двух родов была моя любовь к Тебе: Себялюбивая и такая, какая к Тебе подобает.

При себялюбивой любви радость свою нахожу я в Тебе, В то время, как ко всему и всем другим я слепа. При той любви, которая ищет Тебя достойно, Завеса снята, и могу я взглянуть на Тебя. Но слава и в этой и в той любви — не мне, И в этой и в той слава — только Тебе!»

Истинная любовь — бескорыстна. Истинный возлюбленный служит Богу не за награду, а повинуясь чувству беспредельного обожания. Рабиа писала: «О Господи! Звезды светят, сомкнулись очи людей, Закрыли цари врата свои…

Всякий влюбленный уединился со своей возлюбленной, А я теперь одна с Тобою. О Господи!

Если я служу Тебе из страха перед адом, то спали меня в нем, А если служу я Тебе в надежде на рай, изгони меня из него. Если же я служу

Тебе ради Тебя Самого, То не скрой от меня Своей вечной красы». «О мой Господин, — говорит она в другом месте, — какую бы долю этого мира Ты не пожелал даровать мне, даруй ее лучше твоим врагам, и какую бы долю мира иного Ты не уготовил мне, дай ее лучше Твоим друзьям — мне достаточно Тебя». Это изречение, выражавшее самую суть суфизма, превратилось потом в молитву мусульманских мистиков всех времен. Рабиа вновь и вновь возвращалась к теме бескорыстия. Сообщают, что однажды ее спросили, что она думает о рае. Рабиа отвечала: «Сначала сосед, потом уже дом!» (То есть не райские утехи должны быть предметом вожделения верующего, а лицезрение Бога, где бы оно не происходило.) В другой раз Рабиа обратилась к своим гостям с вопросом: «Чего ради вы служите Богу?» Каждый сказал что-нибудь в ответ. Рабиа всплеснула руками и сказала: «Этот служитель не соглашается на кару, тот — ищет награды, а я служу просто так: хочешь вези в рай, хочешь в ад, ведь все принадлежит Ему!»

Однажды, когда Рабиа была больна, ее навестили друзья. Один из них сказал: «Не искренен в своей молитве тот, кто не сносит терпеливо ударов своего Владыки!» Второй не согласился с этим высказыванием и заметил: «Не искренен в своей молитве тот, кто не наслаждается ударами своего Господа». Но Рабиа возразила: «Разве может быть искренней молитва, в которой человек, созерцая Господа, не забывает вовсе о Его ударах?» У того, кто целиком отдался радости общения с Богом, нет других желаний — он обрел подлинное счастье. Когда у Рабий спросили, как ей удается все время сохранять радостное настроение, она отвечала: «Оставив все, что не заботит меня, и радуясь Тому, Кто не исчезнет». Уже современники называли Рабиу «живущей в затворничестве святости; женщиной покрытой завесой искренности, воспламененной любовью и томлением, потерявшей себя в соединении с Богом…», а последующие поколения суфиев относились к ней, как к «второй незапятнанной Марии…».

Мощный мистический импульс, приданный Рабией суфизму, имел далеко идущие последствия. Движение это стало шириться. Утвердившись во второй половине IX в. в Багдаде, суфизм распространился затем в Северной Африке и Испании, в Средней Азии и Ираке, в Индии и, наконец, в Юго-Восточной Азии. Постепенно оформились нормы общежития суфиев и их философские доктрины. Местом проживания суфиев стали братства — своего рода мусульманские монастыри, а организационной формой движения — дервишские ордена. Во главе каждого такого ордена стоял наставник- шейх, в подчинении у которого находились ученики (мюриды). Некоторые из этих орденов приобретали с течением времени большое политическое могущество и даже объединяли под своей властью целые государства (например, Сефевиды в Иране или Сенусиды в Ливии).

В своем вероучении суфии исходили из того, что предписанные исламом обязательные обряды и узаконения (шариат) — есть лишь первая ступень приближения к Аллаху.

Для тех, кто ищет большей близости с Богом, существует вторая ступень — тарикат (от «тарик» — путь к истине). Поднявшийся на нее, должен полностью отрешиться от мирских забот и сосредоточить все свои мысли на Вечном. Если он желает совершенствоваться в своем знании, то

может подняться на третью ступень — марифат, на которой посредством особой духовной практики — зикр (то есть «воспоминанием о Боге») может достичь высшей мудрости и познать суть вещей. Но полное познание Божественной Истины возможно лишь на четвертой ступени — хакикат — доступной только святым захидам.

Путь этого духовного восхождения труден и тернист, но он совершенно необходим для тех, кто ищет Прозрения. Обычный человек не имеет истинного понятия о Боге, так как связан по рукам и ногам своими страстями и нравственно болен. Вследствие этой болезни его чувства оказываются ущербными, а мысли и восприятия — нездоровыми. В результате вера человека и его понимание Истины очень далеки от реальности. Для того чтобы найти свой путь к Богу, человеку прежде всего следует излечить болезненные мыслительные процессы, а страсти трансформировать в нравственное начало. И только тогда, когда мысли станут здоровыми, можно говорить о правильном понимании Истины. Путь гармонии состоит из духовной нищеты, преданности и постоянного самоотреченного воспоминания Бога. Только осуществляясь таким образом, человек начинает воспринимать Истину незамутненной, такой, какая она есть.

Центральная тема в жизни суфия — это свобода души. Великий персидский поэт-суфий Руми сказал однажды: «Душа на земле заключена в темницу и остается в ней до тех пор, пока пребывает на земле». Каждая душа стремится разорвать сковывающие ее путы и вырваться из плена. Поэтому конечная цель мистического пути суфия есть соединение с Божественной сущностью. Для этого верующий должен покинуть сферу своего «я» и выйти за пределы этого мира. Просто веры в Бога для этого недостаточно. Необходима всепоглощающая любовь к Нему, такая любовь, которая была в свое время воспета Рабией.

Любовь к Богу, вообще говоря, не являлась в исламе чем-то новым. О том, что Аллаха должно любить, говорил еще пророк. (Так, в одной из сур Корана читаем: «Те, кто верят, обладают великой любовью к Богу»). Но суфии придавали этому чувству совершенно исключительное значение. Они считали, что основой сотворенного мира является любовь, что любое движение, активность и свет во Вселенной берут начало в лучах любви, и в ней необходимо искать истинное совершенство сущего. (От чего и возникло представление, что суфизм — это путь к Богу через любовь.) Обычная мирская любовь, возникающая от красоты преходящих форм, сама преходящая, как и они, дает лишь отдаленное представление об истинной, или Божественной, любви, которая вся есть экстаз и полное исчезновение в Боге.

Для своих молитвенных собраний (сэма) суфии избирали специальные помещения, которые называли ханигах. Часто молитвы сопровождались чтением мистических стихов, исполнением гармоничной мелодии и определенными телодвижениями, настраивающими сердца молящихся на контакт с божественным миром. Предаваясь самоотреченному воспоминанию Бога и обратившись всеми чувствами и умом к Возлюбленному, суфии совершенно забывали о своем «я» и слышали в каждом звуке зов Всевышнего. В этом состоянии многие из них впадали в экстаз (вадж) и совершали непроизвольные движения,

напоминающие танец.

Все эти неумеренные проявления чувства казались неподобающими для непримиримых ортодоксов. Они с подозрением смотрели на суфиев и не признавали их учение правоверным. Надо сказать, их настороженность была оправданной — суфии действительно имели множество вольных, а то и просто еретических взглядов.

Например, некоторые из них вообще отрицали превосходство ислама как религиозного учения. Они говорили, что между религиями существует только внешнее различие и они подобны цвету воды, которая в зависимости от цвета сосуда становится то красной, то зеленой, то еще какой-либо, оставаясь при этом прозрачной. Суть же любого истинного вероучения состоит только в одном — в любви к Богу. На том же основании суфии отрицали необходимость мечети и говорили, что истинная мечеть — это сердце мусульманина, и если хочешь найти Бога — ищи его в своем сердце.

Ортодоксальный ислам не мог также принять снисходительное отношение суфиев к шариату. Мусульманские богословы считали, что шариат есть хакикат- истина в ее конечной инстанции. По мнению же суфиев, шариат это только «лестница» или «путь» к достижению истины, и вообще, хакикат стоит неизмеримо выше шариата. Некоторые из них шли еще дальше, утверждая, что кроме Бога-Истины, все остальное — обряды, ритуалы, соблюдение религиозного культа и прочее — не имеет никакой ценности. В связи с этим суфии не следили за чистотой, не соблюдали исламского обряда омовения и годами не снимали своих грубых шерстяных плащей.

Философия суфиев также не укладывалась в ложе исламской ортодоксии. Они учили, что вся природа, в том числе человек, поглощается Богом, что Существо Бога проникло во все вещи, и во всем видели Его частицу. Для суфия Бог был не где-то на недостижимых небесах, а рядом с ним, перед ним, в нем самом, и он всегда видел Бога перед глазами. Как следствие этого родилось представление о возможности прямого контакта человека и Бога во время молитвы. (Между тем исламская теология даже пророку отказывает в этой чести. Согласно установившемуся представлению, Мухаммад общался с Аллахом не непосредственно, а через Джабраила.) Охваченные возвышенной любовью к Богу, суфии, конечно, не признавали никаких посредников. Их поэты в прекрасных стихах описывали беседы своего духа с Божественным Духом и договаривались даже до того, что ставили знак равенства между ними. Так знаменитый суфийский поэт Халладж, писал о Боге в одном из своих стихотворений: «Я есть Он, Которого я люблю, И Он, Которого я люблю, есть я Мы два духа, обитающие в одном теле. Если ты видишь меня, ты видишь Его; И если ты видишь Его, ты видишь нас обоих…»)

Эту дерзость ему не могли простить — Халладж был осужден как еретик и принял мученическую смерть в марте 922 г. Гонения постигли также некоторых других суфиев. Отношение к суфизму изменилось только в конце XI в., когда его реформированием занялся великий мусульманский богослов Абу Хамид аль-Газали.

Абу Хамид Мухаммад ибн Мухаммад аль-Газали

Абу Хамид аль-Газали — один из величайших религиозных мыслителей мусульманского Средневековья, с именем которого связана целая эпоха в развитии ислама, — родился в 1059 г. в Табуране (Хорасанская область Ирана) в небогатой семье торговца шерстью. Он рано лишился отца и получил начальное образование под наблюдением своего опекуна суфия Ахмада Разкани. Затем аль-Газали учился у различных преподавателей в Тусе и Горгане, откуда направился в Нишапур — в то время главный культурный центр Хорасана. Пишут, что по пути на него напали разбойники и отняли все имущество, однако по его горячей просьбе вернули главную драгоценность — конспекты лекций. В Нишапуре аль-Газали стал учеником известного богослова имама аль-Харамейни, у которого обучалось тогда более 400 студентов из Ирана, Аравии и Египта. Занятия с ним продолжались до самой смерти наставника, последовавшей в 1087 г. К этому времени аль-Газали приобрел очень обширные познания и пользовался популярностью известного богослова не только в Хорасане, но и во всем Иране. После кончины аль-Харамейни, аль-Газали по рекомендации великого визиря сельджуков Низама аль-Мулька занял пост главного преподавателя богословских наук в багдадском медресе «Низами».

С этого времени началась его плодотворная литературная деятельность. Считается, что за свою жизнь аль-Газали написал более 400 произведений, большая часть из которых дошла до нашего времени. Он оставил труды по философии, логике, богословию, мусульманскому праву и суфизму. Только по богословию им написано более 70 трактатов (при том, что утерян его 40-томный комментарий к Корану). Все они были посвящены защите ортодоксальной мусульманской религии, критике различных еретических учений и составили золотой фонд исламской духовной литературы. Сам аль-Газали писал, что сделал не из желания заслужить чье-либо одобрение, а единственно в поисках истины. В своем сочинении «Избавление от заблуждения», написанном на закате дней, он подробно рассказал о своих духовных исканиях. Прежде всего аль-Газали замечает, что «различие людей по религиям и верованиям, а также различие толков внутри одного вероучения вследствие обилия партий и противоречивости методов подобно глубокому морю, в котором утонули многие и из которого выбрались лишь единицы». Тем не менее эта перспектива не испугала аль-Газали, и он пишет о себе: «В цветущие годы моей жизни — с тех пор, как я достиг зрелости (а зрелости я достиг еще до того, как мне исполнилось двадцать лет), и до настоящего времени, когда мои лета уже перевалили за пятьдесят, — я без конца бросался в пучину этого глубокого моря, бороздил как храбрец по дну его, залезая в трясину темных вопросов, бросался навстречу любой проблеме, шел напролом сквозь любые трудности, изучая догматы каждой партии и раскрывая тайны учения каждой секты, дабы отличить правого от лживого… Жажда постижения истинной природы вещей была моим свойством и повседневным желанием…

Это было инстинктом и врожденным качеством, кои были заложены в мою натуру Аллахом помимо моей воли и без всяких усилий к тому с моей

стороны…»

В 1091–1095 гг. из-под пера аль-Газали вышли две фундаментальных работы: «Намерения философии» и «Самоопровержения философов», составившие настоящую эпоху в истории философской и богословской мысли мусульманского Востока. Цель, поставленная в этих трактатах аль-Га-зали, была очень важной и трудной: дать опровержение античной греческой философии (прежде всего Аристотеля), которая стала на Востоке основой для материалистических философских систем известных мыслителей аль-Фараби и Ибн Сины (в отличие от Запада, где ее удалось успешно приспособить к нуждам христианской теологии). Влияние упомянутых философов на умы в то время было настолько велико, что мусульманские богословы уже не могли не обращать на это внимания. Следовало дать достойный ответ врагам веры и защитить религию. Сложность, однако, состояла в том, что сражение с материалистами предстояло вести на их собственном поле, то есть для опровержения философии надо было прибегнуть к аргументации и логике самой философии. Эта задача и была блестяще осуществлена аль-Газали.

Прежде всего, он должен был во всех деталях изучить сам предмет спора. О своих занятиях философией он позже писал: «Мне было хорошо известно, что судить о пороках того или иного вида наук может лишь человек, изучивший данную науку досконально — настолько, чтобы ему можно было встать вровень с наиученейшими из ее представителей, а затем, оставив их позади себя и превысив своими познаниями степень их учености, заниматься такими глубокими проблемами этой науки, о которых представитель ее не имеет даже никакого понятия…» Поставив себе целью опровергнуть философов, аль-Газали «с засученными рукавами взялся за книги и принялся усердно штудировать эту науку». При этом он опирался только на прочитанное и не прибегал к помощи каких бы то ни было наставников или учителей. «К этим занятиям, — вспоминал он, — я приступал в часы, оставшиеся от писания книг и чтения лекций по мусульманскому праву, хотя я и был очень перегружен преподавательской деятельностью, ибо мною читались лекции и давались уроки в Багдаде студентам, числом в триста душ. Аллаху, Славному и Всевышнему, угодно было, чтобы за неполные два года, благодаря одному только урывочному чтению, я овладел полным объемом философских наук, и, усвоив их, я в течение еще почти одного года беспрестанно размышлял над ними, по несколько раз пересматривая их положения, вновь и вновь вникая в их сокровенные тайны. В конце концов, я твердо разобрался в том, что в них было обманчиво и ложно, что справедливо и что призрачно».

Результатом этих усиленных занятий стал капитальный труд аль-Газали «Намерения философии», в котором были ясно изложены все современные философские системы.

Обстоятельной критике этих систем аль-Газали посвятил другой трактат — «Опровержение философов», появившийся вскоре после первого. Здесь аль-Газали показал, что все допущенные философами ошибки могут быть сведены к двадцати принципам, из которых три можно было признать противоверными, а семнадцать — еретическими. Это опровержение было настолько глубоким и очевидным, что влияние Аристотеля оказалось основательно подорванным, а увлечение его

философией на Востоке быстро пошло на убыль.

Покончив с этим делом, аль-Газали написал несколько важных трактатов, в которых опроверг самые распространенные в то время еретические учения. Прежде всего, по просьбе султана, он выступил против самых опасных противников суннитов, а именно, против исмаилитов. Аль-Газали вспоминал: «Я взялся за поиски их книг и начал собирать их высказывания…» Как и прежде, перед тем как подвергнуть исмаилитов критике, он с примерной добросовестностью и беспристрастностью изложил все их доводы и только потом опроверг их. (За эту беспристрастность он даже подвергся нападкам некоторых правоверных суннитов, которые говорили ему: «Ведь ты здесь для них стараешься. Они никогда не смогли бы сами справиться с теми недоразумениями, с которыми сталкиваются в своем учении, если бы ты не исследовал их и не привел их в такой порядок».)

Когда было покончено с опровержением ересей, аль-Газали обратился к учению суфиев, которое одно оставалось им не освоено. Поначалу он прибег к той же методе, что и в предыдущих случаях, то есть собрал трактаты представителей этого направления и погрузился в их изучение. Но вскоре он понял, что такой подход здесь невозможен. «Мне стало ясно, — пишет он, — что наиболее специфические их особенности заключались в том, что постижимо не путем обучения, но лишь благодаря испытанию, переживанию и изменению душевных качеств». И в самом деле, мироощущение суфиев невозможно свести к какой-то доктрине, его нельзя постигнуть ни с помощью бесед, ни обучением, а лишь определенным образом жизни. Аль-Газали быстро осознал это. Мистическая практика суфизма поначалу увлекла его как еще один возможный путь постижения Истины. Упорные занятия философией и богословием привели его к убеждению, что далеко не все тайны мироздания можно разгадать с помощью рассудка. Он писал: «Я изучил все, что могли дать книги. Все остальное невозможно было постичь ни изучением, ни с помощью слов». Но если Бога невозможно познать разумом, быть может его можно познать как-нибудь иначе? Это соображение и привело аль-Газали к суфизму.

Как раз в те годы в его душе произошел перелом. «Еще раньше, — пишет он, — благодаря наукам, которыми я занимался… я проникся глубокой верой во Всевышнего Аллаха, в пророчество и судный день. Эти три основы вероисповедания глубоко укоренились в душе моей не благодаря определенным, точным доказательствам, но вследствие таких причин и опытов, подробности которых передать невозможно. Мне стало ясно, что надеяться на блаженство в потусторонней жизни может только тот, кто ведет благочестивый образ жизни и сторонится мирских соблазнов, что главное во всем этом — разорвать путы, связывающие душу с дольным миром, покинуть обитель суеты, обратившись к обители бессмертия и устремив все свое внимание на Всевышнего Аллаха, и что осуществления этого может добиться лишь тот, кто отказывается от почестей и богатств, кто избегает мирских треволнений и связей. Затем я обратил свой взор на собственное положение — и оказалось, что я весь утопаю в мирских связях, опутавших меня со всех сторон.

Обратив же взор на деятельность свою — и на самое лучшее, что в ней было: на чтение лекций и преподавание, — я обнаружил, что меня занимают науки не имеющие ни значения, ни пользы для того, кто готовит себя к путешествию в потусторонний мир… Я убедился, что стою на краю пропасти и что, если не займусь исправлением своего положения, наверняка попаду в ад».

После долгих колебаний он решил порвать с прежней жизнью. А чтобы ему не помешали уехать, объявил о намерении совершить паломничество в Мекку и в 1095 г. покинул Багдад. Его отъезд походил на бегство. Для большинства современников этот шаг остался совершенно необъяснимым. И действительно, как можно было оставить крупнейшее столичное учебное заведение (быть может, самое блестящее в тогдашнем мусульманском мире), где он был признан лучшим богословом, пользовался милостями двора и получал неплохие доходы? Для объяснения его спешного отъезда придумывали различные причины (говорили, к примеру, что он спасался от мести воинствующих еретиков, учение которых подверг критике). Мало кто понимал неизбежность этого шага, продиктованного всей логикой внутреннего духовного развития: аль-Газали жаждал постичь Истину и приблизиться к Богу, и очень хорошо осознавал, что дальнейшее продвижение по этому пути без крутого изменения образа жизни для него невозможно.

Он приехал в Сирию и прожил там около двух лет, в течение которых у него не было других занятий, кроме отшельнической одинокой жизни, упражнений и подвижничества. Некоторое время он безвыходно провел в Дамасской мечети, на минарет которой забирался на целый день, запирая за собой дверь. Кроме того, он посещал суфийский ханегах шейха Мукаддаси. Он писал о себе: «Я отправился в Сирию и прожил там два года. Я хотел только одного — уединиться, преодолеть свой эгоизм, победить страсти, попытаться очистить душу…» Находясь среди нищих отшельников, он со смирением подметал мечеть и убирал мусор. Проведя два года в уединенных размышлениях, он перебрался из Дамаска в Иерусалим, где также по целым дням просиживал взаперти в часовне ас-Сахра. «После этого, — пишет аль-Газали, — во мне возникло влечение к совершению обряда паломничества и к подкреплению души своей посещением благих мест Мекки, Медины и гробницы посланника Божьего (да благословит его Аллах и приветствует). И я отправился в Хиджаз».

Возвратившись из хаджа аль-Газали, опять поселился в Сирии и вел там самую простую, если не сказать аскетическую, жизнь. Его добровольное отшельничество продолжалось десять лет. «В течение этих лет уединения, — пишет он, — передо мной раскрылись вещи, которые невозможно ни перечислить, ни разобрать. Для пользы дела я упомяну лишь вот о чем. Для меня стало совершенно достоверным, что теми, кто идет по пути всевышнего Аллаха, являются именно суфии, что их образ жизни — наилучший путь и что их нравы — наичистейшие нравы…» Приняв всем сердцем суфийские нравственные идеалы, аль-Газали вновь почувствовал тягу к перу. Истину, открытую ему Всевышним, он должен был теперь сделать всеобщим достоянием. В 1099–1102 гг. он пишет свое самое выдающееся (и глубоко выстраданное) сочинение — «Воскрешение наук о вере», которое на протяжении многих веков потом оставалось самой

читаемой из его книг.

Главное значение этого трактата в истории ислама состоит в том, что на его страницах было доказано полное соответствие суфизма букве и духу суннизма. Надо сказать, что попытки подобного обоснования предпринимались и до аль-Газали.

Такие известные деятели суфизма, как аль-Кушейри, Джунейд Багдади и другие, пытались доказать единство суфийского учения и ортодоксального ислама, но им никак не удавалось втиснуть суфизм в тесные рамки шариата. Только благодаря аль-Газали тот занял достойное место в исламской духовной культуре. Но объединение произошло не механически, а путем глубоко продуманной реформы обоих направлений. Можно сказать, что после аль-Газали суфизм стал мудрее, а правоверие — живее. Созданная им религиозная система строилась отныне как на суннитских догмах, так и на суфийских ценностях.

В теософии суфизма аль-Газали прежде всего постарался разрушить ее пантеистические построения. Идеи о том, что Аллах — это мир и что материя есть как бы одно из воплощений Бога, конечно, не могли быть им приняты. Собственная теософия аль-Газали была изложена им в нескольких сочинениях и сводилась (если говорить очень кратко) примерно к следующему. Все сущее, обладающее сейчас сложной иерархической структурой, имело своим первоначалом Аллаха, Который есть подлинный Творец мира, но Которого, однако, нельзя считать его непосредственным Создателем, так как это несовместимо с Его единством. По той же причине Он не управляет напрямую мировыми процессами. Вообще, переход Единства во множественность (то есть Единого Аллаха во множественный мир) был одним из сложных затруднений исламской теологии. Чтобы преодолеть его, аль-Газали разработал учение о амре и муте. Амр — это как бы волевое усилие Аллаха, Его Повеление. Его понимали как идеальную, близкую к Аллаху сущность, состоящую с Ним в тесном единстве, но все же отличную от Него. Персонификацией амра является мута (буквально, «тот, кому повинуются») — космическая сила, от которой зависит порядок и сохранение Вселенной.

Переход из небытия в бытие происходит благодаря Аллаху, который есть Явное Само По Себе, Явное По Определению. Только благодаря Ему становится явным и все остальное. Это положение можно иллюстрировать следующим примером: Аллах есть Свет, а небытие есть мрак, который чернее тьмы, и все, с чем соприкасается Свет, выходит из небытия в явность бытия. Миротворчество начинается с того, что Аллах своим Повелением (амр) создает Мировой Разум (во). Разуму не предшествует ни материя, ни время, ему предшествует только Повеление. (Но нельзя сказать, что Создатель предшествовал Повелению. «Слово «предшествующий», — пишет аль-Глазали в одной из своих последних работ, — будет здесь не к месту, так как «предшествование» и «последование» — слова, применяемые исключительно к сущностям, подлежащим категории относительности, между тем как именно Создатель вызывает предшествование и последование, а Сам неподвластен этим категориям».)

Вслед за Разумом появляется Мировая Душа, которая творит Природу с пространством и временем. Так как время и пространство

начинаются только с Природы, к Душе эти категории неприменимы Что касается Аллаха, то Он находится не только вне времени и вне пространства, но также вне сущностей и вне категорий, и именно поэтому Он непостижим и непознаваем разумом. (Аль-Газали писал, что определять Бога словом это все равно, что вливать океан в бутылку; Бог выше всех имен и форм.)

Мир, возникший в результате акта творения, делится на три части: мала-кут, джабарут и мулк. Малакут — это сверхчувственный, потусторонний мир, область Мирового Разума. Джабарут — это духовный мир, область Мировой Души. Мулк — это осязаемый, материальный мир, область Природы. Все три мира находятся в сложном единстве. Малакут есть высший мир идей, предметно отображенных в низшем мире мулк. Главная особенность этих миров — их зеркальность. То, что в идеальной форме, как прообраз, существует в малакуте, то пребывает в мулке во множестве несовершенных образцов. «Мир мулка, — писал аль-Газали, — это то, что представляется чувствам и создано силой Всевышнего одно из другого в буквальном смысле. Мир малакута — это то, что Всевышний создал извечным повелением, не постепенно, он остается в одном и том же состоянии…» Что касается джабарута, то аль-Газали, сообщает о нем: «Джабарут — это то, что между двумя мирами: он похож на то явное, что бывает в мулке и близок к извечной силе из мира малакута».

Исходя из этих соображений, аль-Газали категорически не соглашался с некоторыми суфиями (прежде всего Халладжем), писавшими о возможном Боговоплощении или тесном сродстве божественного и человеческого начал. Человек не может быть Богом, и Бог не может быть человеком. Подобно тому, как зеркало лишь отражает подлинный образ, земной мир является лишь дурной копией истинного мира и не может иметь божественную природу, хотя она и присутствует в нем. Известный коранический стих о том, что «Аллах создал Адама по своему подобию» аль-Газали объяснял следующим образом: «Под Его образом имеется в виду весь большой мир в целом (то есть макрокосм), а человек создан по подобию большого мира, но он его уменьшенный вариант. Если с помощью знания разделить на части большой мир и разделить Адама на его части таким же образом, то окажется, что составные части Адама подобны составным частям большого мира… Так большой мир имеет две части, одна из которых — явное, воспринимаемое чувствами, а именно мир мулка, а другая — внутреннее, воспринимаемое разумом, а именно мир малакута Человек так же делится на явное, воспринимаемое чувствами, как кости, плоть, кровь и все виды чувственно постигаемых сущностей, и на внутреннее, как дух, разум, знание, воля, сила и тому подобное». То, что соответствует миру мулка, — это чувственно постигаемые части; то что соответствует миру малакута, — это разум, сила, воля и тому подобное. То, что соответствует миру джабарута, — это душа и ощущения, находящиеся в чувствах. Другими словами, божественная составляющая человека — его дух — относится к высшему миру, психические элементы — к миру духовного, а тело является частью материального мира и подчинено его законам.

Душа человека трехчастна и включает в себя обычную человеческую («порицающую») душу, низшую животную душу —

«предопределенную ко злу» и высшую — «спокойную» душу. Животная душа — это то, «что сообщает силу гнева и желания», она объединяет в человеке все дурные признаки, и с ней необходимо бороться. Две остальные души есть проявление одного и того же высшего внутреннего начала в человеке, только «порицающая» душа — это то, что мешает животной душе, борется с ней, а «спокойная душа» — это душа «умиротворенная божественным повелением», душа, представляющая собой вершину нравственного состояния человека.

Связанный со всеми тремя мирами, человек по-разному познает их: что-то через ощущения, что-то через чувства, что-то путем логических размышлений. Но познать Того, Кто находится над всеми этими мирами, невозможно ни чувством, ни ощущением, ни разумом. Путь к Богу только один — и он лежит через душевный порыв и любовь, через то, что суфии называли заук — («вкушение»), то есть мистическое интуитивное озарение, стоящее выше разума. Заук — отличительная черта всех пророков и святых, но она в некоторой степени характерна и для обычных людей.

Цель человека в конечном счете как раз и состоит в познании Бога. В обычном, утилитарном смысле это познание означает нравственную жизнь, то есть жизнь в соответствии с божественными заповедями. Но это — не предел совершенства, а только первый шаг к нему. В высшем смысле познание Истины означает приобщение человеческой души к Божественной сущности. Впрочем, на этом пути нет мелочей.

Любовь к Аллаху ничего не значит, если исповедующий ее не соблюдает законы шариата Небрежное отношение многих суфиев к обрядам ислама аль-Газали считал совершенно недопустимым. Однако и простое, механическое исполнение обрядов, лишенное горячего мистического чувства любви к Богу, нельзя считать подлинной добродетелью. Ведь обряд как раз и есть то действие, во время которого человек интуитивно познает Божество. Это утверждение было очень важным новшеством в истории ислама. Аль-Газали был первым, кто мистифицировал, одухотворил прежде безжизненные суннитские обряды и объявил о том, что в любом обряде обязательно должно присутствовать внутреннее чувство, делающее его содержательным. Например, в молитву он включал шесть внутренних чувств, присутствие сердца, понимание, почитание, благоговение, надежду и смирение.

Главное значение своего трактата «Воскрешение наук о вере» аль-Газали видел в изложении и тщательной регламентации всех сторон жизни мусульманина. Это была настоящая энциклопедия праведного поведения. Сочинение делится не четыре «руба» (тома), каждый из которых, в свою очередь, состоит из десяти книг Первый руб посвящен обрядам (здесь идет речь о таинствах молитвы, о таинствах поста, таинствах хаджа, о правилах чтения Корана и т. п.). Во тором рубе «Обычаи» разбираются правила приема пищи, идет речь о правильном супружестве, о правилах путешествий и т. п Третий руб («Погубители») посвящен рассмотрению различных грехов и пороков, а четвертый («Спасители») — разбору добродетелей Все это изложено прекрасным языком, с великолепным знанием исламской этики и тонким пониманием мистического значения каждого, даже незначительного положения веры.

Популярность этой книги у современников и потомков аль-Газали была исключительно велика. По ней учились истинной вере и добродетельной жизни многие поколения мусульман.

Во многом благодаря ее достоинствам реформированный аль-Газали суфизм был признан ортодоксальной церковью Мусульманское вероучение обрело духовное мистическое содержание, которого было лишено прежде. Значение этого момента трудно переоценить. Недаром аль-Газали прозвали «Мухиэддином» — оживителем религии, а его биограф Субки сказал о нем: «Если бы после Мухаммада мог быть пророк, то это был бы, конечно, Газали».

О последних годах аль-Газали мы знаем мало. В 1105 г. он вернулся в Нишапур и по настоянию визиря Фахр аль-Мулька некоторое время преподавал в местном медресе. В 1111 г. он переехал в Туе и в том же году скончался.

Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб

В XVI–XVII вв. значительную часть арабских земель завоевали турки. Турецкие султаны, бывшие поначалу воинствующими суннитами, в дальнейшем отличались значительным либерализмом в вопросах веры Мусульманское духовенство, поддавшись общему духу изнеженности, в большинстве своем ушло от суровых порядков раннего ислама и не требовало с прежней строгостью соблюдения норм шариата. На территории Османской империи процветали бесчисленные суфийские ордена. Введенный ими культ святых распространился по всему исламскому миру. Также под влиянием суфиев среди мусульман получила распространение музыка, вошло в употребление спиртное, курение табака и гашиша, занятия астрологией и магией. Прежняя чистота нравов исчезла. Весьма нередки были пьянство и разврат.

Порицаемая Мухаммадом роскошь свободно процветала среди его последователей.

Категорически запрещенное исламом монашество усердно поддерживалось толпами дервишей. Пышным цветом, в особенности на окраинах империи, расцвели суеверия и почитание святых. Воспринятый многими полудикими, варварскими народами ислам постепенно изменился до неузнаваемости. Главный догмат мусульманской религии — единобожие — оказался практически забыт, а Сам Аллах был оттеснен на задний план и заслонен местными культами и культиками. На Мухаммада стали смотреть как на полубожество и воздавать ему неумеренные почести. За пророком следовала целая когорта святых, более или менее чтимых. Почти каждая мусульманская деревушка имела своего святого патрона, а каждый город имел их по несколько. В честь этих святых иногда приносили даже жертвы. Принадлежность к мусульманству стала ограничиваться лишь формальным соблюдением обрядов. Короче, ислам перестал быть исламом Мухаммада.

Как ни странно, особенно рельефно эти черты проявились на родине ислама — Аравийском полуострове. Аравийский историк конца XVIII в. Ибн Ганнам так описывал современные ему нравы: «В те времена большая часть людей погрязла в скверне… Они стали предаваться поклонению

святым и праведникам и забросили единобожие и религию. В своем неверии они превысили жителей доисламской Аравии, и многие считали, что именно эти заблуждения были настоящей религией, потому что так же верили их отцы и предки». Далее Ибн Ганнам приводит несколько примеров укоренившихся суеверий, которые граничили с идолопоклонством. Так в местечке Фида поклонялись одной из местных пальм. Женщины, которые не могли выйти замуж, стекались сюда со всей округи, молились, совершали вокруг пальмы шествия и вешали на нее украшения. В Мекке находилось множество могил святых, окруженных величайшими почестями. Жители Джидды считали, что у них находится могила Евы. На могилах святых приносились жертвы. Процветали магия и колдовство. Бедуины открыто приносили жертвы джиннам, солнцу и умершим предкам.

Такое положение вещей в конце концов вызвало протестное движение за возвращение исламу его первозданной чистоты. Основоположником его стал Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб, по имени которого оно получило название ваххабизма. Он происходил из Аяйны — одного из оазисов Неджда — области внутренней Аравии, окруженной кольцом пустынь, недоступной для захватчиков и потому сохранившей свою независимость.

Родился будущий вероучитель в 1703 или 1704 г. Его отец Абд аль-Ваххаб ибн Сулайман был мусульманским судьей (кади). Уже в детстве Мухаммад проявлял большие способности и глубоко изучил Коран. В 12 лет он достиг зрелости, начал молиться в мусульманской общине, и отец женил его. Затем Ибн Абд аль-Ваххаб совершил с разрешения отца паломничество в Мекку, два месяца пробыл в Медине и вернулся домой. В дальнейшем он много путешествовал по соседним странам, побывал несколько раз в Хиджазе (область на побережье Красного моря, где располагались священные города Мекка и Медина) и иракской Басре.

Затем он некоторое время жил в Хасе (область на побережье Персидского залива между Кувейтом и Катаром).

Свои проповеди Ибн Абд аль-Ваххаб впервые стал произносить в Басре. Именно там он обратился к правоверным с призывом вернуться к нормам «истинного единобожия» в исламе. Местные жители, возмущенные его резкостью, изгнали Ибн Абд аль-Ваххаба из города. По пути из Басры в Зубайр он едва не погиб в пустыне от жажды, но был спасен одним из местных жителей. Неудачное начало не обескуражило его.

Возвратившись на родину, Ибн Абд аль-Ваххаба поселился в Хураймиле (одном из оазисов Неджда) и с новой силой стал проповедовать свои идеи. В это время он написал «Книгу единобожия».

Суть вероучения Ибн Абд аль-Ваххаба состояла в том, что Аллах един. Он — Творец мира, его Господин и только Он дает ему законы. Из сотворенного Аллахом нет ничего и никого равного Ему. Аллах не нуждается ни в чьей помощи, как бы кто-либо не был близок к Нему. Лишь в руках Аллаха способность совершать добро и зло. За исключением Аллаха, в природе нет никого, кто был бы достоин возвеличивания или поклонения. Люди впали в величайший грех, наделяя творения Аллаха Его способностями и атрибутами. Нельзя приносить жертвы никому, кроме Аллаха, и о помощи тоже нельзя просить никого, кроме Аллаха. Ангелы,

пророки, праведники и святые не могут быть заступниками перед Богом за грехи мусульман, и потому чрезмерное почитание их есть грех. Нельзя превращать надгробия святых в идолы и строить на могилах мечети. Святым нужно воздавать уважение и почет, но не поклоняться им. Мухаммада, пророка ислама, Ибн Абд аль-Ваххаб (в полном соответствии с Кораном) считал обычным человеком, которого Аллах избрал для пророческой миссии. Его нельзя обожествлять, ему не следует поклоняться и у него нельзя ничего просить. Ибо все это есть проявления греховного многобожия. Ибн Абд аль-Ваххаб осуждал магию, колдовство, прорицателей, а также заклинания, амулеты и талисманы, пьянство, курение, наркотики и роскошные одежды. Ислам, по его мнению, имел своим источником только Коран и Сунну. Все позднейшие нововведения — это недозволенные новшества, которые должны быть отменены. (Исходя из этого краткого обзора, может показаться, что Ибн Абд аль-Ваххаб не был основателем нового вероучения, а только возрождал ислам в его первозданной чистоте. Однако это не совсем так. Современный ему суннизм, в особенности после тех новшеств, которые внес в него аль-Газали, уже очень отличался от суннизма, близкого к пророку. Поэтому для современников Ибн Абд аль-Ваххаба его учение было новым и почти что революционным. Фактически он выступил против той формы ислама, которая была официально принята в Османской империи).

В 1740–1741 г., когда умер его отец, Ибн Абд аль-Ваххаб стал кади вместо него.

Но исполнял он эту должность недолго. Местные арабы, возмущенные тем, что новый судья все время порицал их за развратную жизнь, задумали его убить. Он бежал в Аяйну и прожил там три года, неустанно продолжая свои проповеди. Будучи человеком большого мужества и страсти, он в высшей степени обладал искусством убеждать и покорять сердца. Вскоре у Ибн Абд аль-Ваххаба появились последователи. Аяйнский эмир Осман ибн Хамад полностью принял его учение, уничтожил святилища местных святых и возродил все древние нормы шариата. Но усиление влияния нового вероучения вызвало тревогу у правителя Хасы Катифа. Он добился изгнания ваххабитов. Вместе со своим наставником они перебрались в соседний оазис Дарийю, где их принял под свою защиту местный шейх Мухаммад ибн Сауд.

В то время Дарийя — столица будущего ваххабитского государства — влачила жалкое существование. Ибн Сауд не мог обеспечить питанием даже ближайших учеников Ибн Абд аль-Ваххаба, и они были вынуждены работать по ночам, чтобы иметь возможность учиться днем. Но такое положение продолжалось недолго. Вступив в союз с Ибн Абд аль-Ваххабом и его сподвижниками, Мухаммад ибн Сауд начал священную войну с соседними эмирами и шейхами, которые отказывались принимать ваххабизм. После первых же набегов на соседние племена появилась богатая добыча. Силы Саудидов стали быстро расти, а вероучение, распространяемое ими, приобретало все больше сторонников. Этому способствовало также то, что ваххабизм фактически превратился в знамя арабского национального движения против турецкого господства в Аравии.

Война за овладение Неджем продолжалась четверть века. К 1786 г. эмиры Дарийи одержали в Центральной Аравии полную победу. На месте

множества мелких враждовавших между собой княжеств образовалось сравнительно крупное теократическое государство во главе с династией Саудидов. Поначалу Ибн Абд аль-Ваххаб принимал самое активное участие в управлении: снаряжал армии, занимался внутренними и внешними делами, участвовал в разделе добычи (ему часто доверяли это щекотливое дело, так как репутация его была безупречной). Но постепенно он отошел от государственных дел и всецело посвятил себя религии. Благодаря ему была создана крепкая школа ваххабитских богословов. Во многих оазисах открылись школы, где учили грамоте и чтению Корана. В Дерийе была собрана значительная богословская библиотека. Все это способствовало искоренению суеверий и распространению правоверия (в том смысле, в каком его понимали ваххабиты). Умер Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб в 1792 г., в разгар покорения Хасы. Он был человек большой жизненной силы, имел двадцать жен и оставил после себя восемнадцать детей. Пятеро его сыновей и многочисленные внуки сделались известными богословами. Правда, в последние годы жизни он одряхлел и мог выходить на молитву только при поддержке двух сопровождающих.

Посеянные Ибн Абд аль-Ваххабом зерна дали всходы. После смерти основателя вероучения Саудиды объединили в своих руках светскую и духовную власть. Их следующим шагом стало распространение ваххабизма на весь полуостров. Эту задачу удалось осуществить внуку Мухаммада ибн Сауда эмиру Сауду II. На юго-востоке ему осмелился противостоять только султан Омана, опиравшийся на поддержку англичан.

На западе полуострова правители Таифа и Асира вскоре примкнули к ваххабизму, но шериф Мекки Галиб оказал Саудидам ожесточенное сопротивление. Только в 1803 г. тем удалось захватить Мекку, после чего здесь были истреблены все проявления фетишизма и идолопоклонства. Кааба лишилась своего богатого убранства, могилы «святых» были разрушены, а муллы, упорствовавшие в старой вере — казнены. В 1804 г. эмир Сауд овладел Мединой. К 1806 г. он присоединил к своему государству весь Хиджаз.

После этого военные действия переместились за пределы Аравии — в Сирию и Ирак.

Однако здесь ваххабиты столкнулись с упорным сопротивлением шиитского населения.

В результате им не удалось удержать за собой ни одного хоть сколько-нибудь значительного города. А вскоре ваххабитам пришлось вообще забыть о внешней агрессии. В 1811 г. против них выступил правитель Египта Мухаммад Али. Египтяне захватили порт Янбо, а затем начали продвигаться в глубь полуострова. В 1812 г. они овладели Мединой, а в 1813 г. — Меккой. Вскоре был завоеван весь Хиджаз. В 1815 г. Мухаммад Али разгромил при Басале 30-тысячную армию ваххабитов. В 1818 г. египтяне вторглись в Неджд и после пятимесячной осады взяли оплот ваххабизма — Дарийю. Город был превращен в развалины, а все его население разбежалось.

Взятого в плен эмира Абдуллаха I в том же году обезглавили в Стамбуле. Несколько десятилетий ваххабиты влачили жалкое существование. Но они не были побеждены окончательно и копили силы для новой борьбы. В 1902 г. представитель боковой ветви Саудидов Абд

аль-Азиз II восстановил ваххабитское государство с центром в Эр-Рияде и стал быстро подчинять соседние племена. Его полувековое правление стало целой эпохой в истории Аравии. Начав как бездомный изгнанник, безземельный эмир, он закончил его абсолютным монархом большого королевства Саудовская Аравия, объединившем в своих границах большую часть Аравийского полуострова.

Священные города Мекка и Медина также оказались под еговластью.

Рухолла аль-Мусави аль-Хомейни

Рухолла аль-Мусави, впоследствии известный как аятолла Хомейни, родился в сентябре 1902 г. в небольшом городке Хомейни в Центральной провинции Ирана. Его род восходил к седьмому шиитскому имаму Мусе Казе-му, а через него — к самому пророку. Отец Рухоллы сейид Мустафа Мусави был религиозным наставником жителей Хомейна. Он погиб от пули правительственного агента, когда Рухолле едва исполнилось пять месяцев. Детские и юношеские годы будущего аятоллы прошли под надзором матери Бану Хаджар, которая также происходила из образованной и благочестивой семьи. Под ее наблюдением и при помощи старшего брата Муртазы Рухолла начал изучать арабскую грамматику и смог подготовиться к поступлению в семинарию. Пишут, что с самого детства он был памятлив, серьезен и очень благочестив.

Иран, родина Хомейни, едва ли не с первых веков распространения ислама сделался крупнейшим центром шиитской оппозиции. Подавляющее большинство населения здесь (около 90 %) исповедует шиизм имамитского толка (то есть почитает всех двенадцать святых имамов, включая скрытого). С начала правления династии Сефевидов (с 1502 г.) шиизм стал в Иране официальной государственной религией.

Особенность шиизма, в отличие, к примеру, от суннизма, состоит в том, что власть светского правителя не является для верующих полностью легитимной. По представлениям имамитов подлинным правителем является скрытый имам — Махди или Вали-е-Аср (Повелитель времени). Это положение было отражено в Иранской конституции 1906 г. Волю Махди во время его отсутствия должны исполнять его доверенные лица. На эту роль с давних пор претендовало шиитское духовенство, которое в большинстве своем терпело светскую власть только как неизбежное зло. Если правомочия Сефевидов еще не оспаривались духовенством, то по отношению к последующим династиям (особенно к Каджарам и Пехлеви) религиозные лидеры шиитов все более определенно подчеркивали, что власть шаха — лишь временное правительство, существующее до прихода Махди.

Духовенство в Иране — это несколько сот тысяч человек. Среди них выделяются улемы — ученая элита, получившая образование в высших религиозных учебных заведениях. Никакой иерархии священнослужителей не существует. Все улемы считаются равными и подчиняются лишь Аллаху и скрытому имаму. Однако если духовное лицо благодаря своим знаниям и благочестию становится особенно авторитетным и имеет большое число сторонников, то с согласия лидеров шиитских богословских центров ему дается звание аятоллы («божественного знамения») или великого аятоллы.

Всеми признанный духовный лидер зовется марджа-е таклид («образец для подражания»). Все аятоллы имеют право «выносить фатву» (то есть обнародовать от своего имени декрет, постановление) по правовым и политическим вопросам. Фатва духовного лидера страны — хукм имеет значение приказа, обязательного для исполнения всеми верующими.

Светские правители должны были всегда считаться с волей иранского духовенства, которое представляет из себя очень влиятельную политическую силу. Материально оно совершенно не зависит от государства, так как с давних пор в Иране существует обычай собирать религиозные налоги — закат и хумс. Кроме того, церковь владеет в Иране значительными земельными наделами. На доходы от них содержатся улемы, муллы и студенты медресе — талибы. Последние хорошо организованы. В любой момент десятки тысяч талибов по призыву своих религиозных наставников — муджтахидов и аятолл — готовы выйти на улицы и встать на защиту интересов ислама.

Отрочество Рухоллы пришлось на годы Первой мировой войны, когда в Иране царили анархия и беззаконие. У власти тогда стояли слабые шахи из династии Каджаров, при которых страна пришла в полнейший упадок, сильно отстав в промышленном отношении от высокоразвитых государств. Власть шаха фактически никем не признавалась. Большинство иранских провинций находилось под властью своих ханов и вождей племен, которые вели друг с другом бесконечные войны. Позже Хомейни вспоминал: «Всюду царил хаос. Центральное правительство демонстрировало свое бессилие… На нас совершали налеты бандиты, а у нас у самих были винтовки…

Еще в первые годы моего сиротства мы приходили на огневые позиции и помогали отражать нападения негодяев и грабителей… У меня тоже была винтовка, хотя я и был ребенком…»

Как уже говорилось выше, изучив основы мусульманского правоведения и ислама, Рухолла продолжил образование в семинарии. В 1920 г. он начал обучение в Араке у знаменитого богослова Хаери Яхди. В 1922 г. школа Хаери Яхди переехал вместе со своим наставником в Кум, где располагалась одна из старейших иранских духовных семинарий Файзийе. Она, впрочем, переживала тогда не лучшие годы. Кум находился в запустении, а здания самой семинарии — в развалинах. Их пришлось восстанавливать силами студентов.

Но постепенно все устроилось. Для Рухоллы начались годы напряженного учения. Он изучал богословие, право, риторику, этику, арабскую и персидскую литературу, математику, астрономию, философию и еще множество других предметов, необходимых для того, чтобы стать настоящим факихом — знатоком ислама. Уже в эти годы он выделялся среди сверстников как своими обширными познаниями в правоведении и богословии, так и своим аскетизмом, ибо поставил себе за правило во всем следовать примеру пророка и праведных имамов. По окончании обучения Рухолла остался в Куме и долгие годы преподавал здесь фикх — юриспруденцию и догматику ислама, а также мистику и исламскую этику. В 1928 г. вышел его первый богословский труд — объемистый трактат на арабском языке об утренней молитве. А в следующем году Рухолла женился на дочери кумского теолога аятоллы Сакафи Техрани (в этом

браке он имел двух сыновей и трех дочерей).

Между тем политическое положение в стране постепенно менялось. В 1921 г. Реза-хан, бывший до этого командиром казачьей бригады в Казвине, совершил государственный переворот и, пройдя путь от военного министра до премьер-министра, в 1925 г. добился низложения последнего шаха Каджарской династии.

Вскоре после этого он был провозглашен новым шахом Ирана, основав династию Пехлеви. Первое, с чего он начал свою деятельность, было восстановление власти центрального правительства на всей территории Ирана. Уже в 1921–1925 гг. Рез-хану удалось подавить повстанческие движения в Азербайджане, Гиляне, Луристане и некоторых других провинциях. Военные успехи были подкреплены кардинальными реформами. К ним Реза-шах приступил сразу же после восшествия на престол. В течение трех лет были разработаны коммерческий, уголовный и гражданский кодексы, реформирована система судопроизводства. Это было неприкрытое вторжение государства в сферу прерогатив духовенства, так как все гражданские дела оказались изъяты из юриспруденции шариатских судов, а шариатские нормы были заменены нормами буржуазного права. Вслед за тем был создан централизованный аппарат управления. Вскоре силу нового правительства почувствовали иностранные державы. В 1928 г. Рез-шах расторг неравноправные договоры с европейскими странами, навязанные государям прежней династии. Тогда же был образован Национальный банк.

Приступив к преобразованиям, Реза-шах не скрывал, что намерен коренным образом изменить облик страны. Он был человеком свободных взглядов и запретил многие религиозные церемонии, казавшиеся ему архаичными. Так под его нажимом меджлис (парламент) принял закон, разрешавший женщине снять чадру.

Поощрялось ношение европейского платья. Печать пропагандировала западный образ жизни, нормы и правила поведения, ратовала за раскрепощение женщин. В стране возникла сеть колледжей и университетов, обучение в которых происходило по западным программам и учебникам. В 1935 г Реза-шах ввел в употребление паспорта, чего прежде не было. Каждый иранец тогда должен был обзавестись фамилией.

Рухолла образовал ее от названия родного города. Так и появилась фамилия Хомейни.

В 1941–1942 гг. Иран оккупировали войска антигитлировской коалиции Реза-шах, испытывавший несомненные симпатии к фашистской Германии, отрекся от престола, передал свою власть сыну Мухаммаду Реза Пехлеви и покинул страну. Новый шах также был большим поклонником западной цивилизации и западного образа жизни. С ранних лет он воспитывался английскими и немецкими гувернерами, учился в Швейцарии, а потом закончил военное училище в Ираке. Но в первые двадцать лет правления его пристрастия проявлялись еще не достаточно отчетливо.

В эти годы вся жизнь Хомейни была всецело отдана преподавательской и богословской деятельности. Один за другим выходили его трактаты на арабском языке — комментарии к преданиям, труды по этике, мистике и мусульманской юриспруденции. Но этим круг его интересов не исчерпывался. С юности Хомейни обладал недюжинным

поэтическим талантом и сочинял на фарси недурные стихи (они печатались под псевдонимом Хинди и позже составили целый том в собрании его сочинений). В конце 1950-х гг. Хомейни стал аятоллой, а в 1961 г. — великим аятоллой. В следующем году умер марджа-е таклид Боруджерди. Его преемник не был официально объявлен духовенством. Однако, на эту роль все чаще претендовал Хомейни, оторвавшийся от своих ученых изысканий и все больше втягивающийся в политику.

Причиной к этому послужил новый виток реформ, начавшихся в Иране в 1960-х гг. В 1961 г. шах распустил на неопределенный срок враждебный ему меджлис и установил в стране единоличное правление. В 1962 г. был принят закон об аграрной реформе, суть которой можно определить так: «землю в частную собственность тем, кто ее обрабатывает». То есть полновластными собственниками становились те крестьяне, которые до этого были ее арендаторами у помещиков. Вскоре было декларировано политическое равноправие женщин. Все эти нововведения не нравились Хомейни, но прямые его столкновения с правительством начались с законопроекта о создании провинциальных и уездных советов, опубликованного в октябре 1962 г. Согласно ему, «вера в ислам» теперь не являлась обязательным предварительным условием для избирателей и кандидатов на выборах, а выражение «клясться на Коране» заменялось формулой «клясться на священной книге».

Реакция на эти неслыханные новшества последовала незамедлительно. Хомейни, обменявшись мнениями с высшими улемами Кума и Тегерана, развернул активную компанию протеста против ущемления достоинства мусульман. Он отправил в адрес шаха резкую телеграмму, в которой между прочим писал. «Я еще раз советую Вам подчиниться Богу, следовать Конституции, остерегаться нарушать Коран… В противном случае вы пожнете бурю, улемы не будут воздерживаться от высказывания своего мнения в адрес Вашей персоны…» А в одном из своих выступлений по этому вопросу он заметил: «Мусульманский народ и исламские улемы живы и здоровы. Они отрубят любую руку, которая предает сущность ислама и посягает на честь и достоинство мусульман». Усилия Хомейни достигли цели. В ноябре 1962 г. правительство аннулировало этот законопроект.

Но, то была только проба сил двух противников, которые должны были вскоре сойтись в смертельной схватке. В январе 1963 г. шах обнародовал «Шесть пунктов белой революции», представлявшие из себя развернутый план масштабных реформ. Он включал в себя: уничтожение феодальной системы, земельную реформу, национализацию лесов и пастбищ, приватизацию государственных предприятий с одновременным выкупом акций рабочими, введение всеобщего избирательного права (в том числе для женщин), борьбу с неграмотностью. Программа вызвала большое возбуждение в иранском обществе. Духовенство отнеслось к ней негативно, так как увидело здесь целый ряд положений, подрывавших позиции ислама. Особенно нетерпимо оно отнеслось к аграрной реформе и к предоставлению женщинам равных прав с мужчинами. 21 марта 1963 г. Хомейни произнес речь, в которой содержалась острая критика «белой революции». По его призыву в Куме начались массовые выступления студентов, собравшихся на траурную церемонию поминовения жертв

шахского режима.

Против них пришлось применять силу — в город были двинуты войска, вспыхнули беспорядки, подавленные с большим трудом. В апреле 1963 г. Хомейни опубликовал свое знаменитое заявление под названием: «Любовь к шаху — это потворство грабежу народа». В этом заявлении, адресованном Реза-шаху, Хомейни писал «Я готов к тому, что мое сердце будет пронзено штыками Ваших агентов, но я никогда не подчинюсь Вашим несправедливым требованиям и не склонюсь перед Вашей жестокостью».

Пик антишахских выступлений этого года пришелся на июнь, (10 му-харрама по иранскому календарю) когда отмечается Ашура — день памяти величайшего шиитского мученика, третьего безгрешного имама Хусейна, павшего в бою с суннитами у местечка Кербела. Религиозные демонстрации начались в Тегеране и вскоре переросли в антиправительственные выступления. Хомейни, который к этому времени стал признанным лидером духовенства и всей оппозиции, обратился к верующим с несколькими острыми антишахскими речами. Шах отдал приказ арестовать его, что и было сделано. Весть об этом привела к настоящему восстанию. Народ из окрестных городов и деревень двинулся на Тегеран, но был остановлен войсками, открывшими огонь на поражение. В столкновениях погибли несколько тысяч человек. На фоне этих событий шла подготовка к парламентским выборам. В сентябре 1963 г. был избран новый меджлис, большинство в котором составляли сторонники реформ.

Но оппозиция еще не была побеждена. Это стало очевидно, когда начала набирать обороты компания по освобождению Хомейни. В конце концов его выпустили на свободу, и в апреле 1964 г. он вернулся в Кум. Месяцы, проведенные в тюрьме, нисколько не изменили его отношения к режиму. Напротив, выступления Хомейни стали еще более гневными и еще более непримиримыми. Шах пытался договориться с ним, но Хомейни наотрез отказался даже разговаривать с его посланниками. Тогда в ноябре 1964 г. шах приказал выслать непокорного аятоллу из страны. Хомейни доставили в машине в аэропорт Мехрабад, посадили на самолет и отправили в Анкару. Он прожил в Турции 11 месяцев и в октябре 1965 г. вместе с сыном Мустафой (также высланным из Ирана) перебрался в Ирак После паломничества в Кербелу они поселились в Неджефе, где находилась могила первого шиитского имама Али. В ноябре Хомейни начал читать курс лекций по мусульманскому праву в богословском центре при мечети Шейха Ансари. Его имя в это время уже было широко известно в мусульманском мире, и на его лекции в иные дни собиралось до 1200 слушателей, среди которых были не только студенты, но и ученые из Ирака, Пакистана, Афганистана и Индии.

Постепенно в Неджефе вокруг Хомейни образовалось ядро из верных ему людей. Средства на финансирование антишахской борьбы давали религиозные налоги, собираемые в Иране, часть которых поступала к нему как к великому аятолле. Суммы это были немалые, и фонд Хомейни доходил до 25 миллионов долларов. Даже за границей он продолжал оставаться вождем антишахского движения. Его многочисленные послания (а он откликался буквально на любое событие), несмотря на все старания полиции, быстро доставлялись в Иран и становились известны верующим.

Впрочем, накал выступлений против режима явно спал. Оппозиции оставалось копить силы для будущих выступлений. Избавившись от наиболее непримиримых противников и получив в свое распоряжение послушный парламент, шах продолжил преобразования.

Одновременно с аграрной реформой он приступил к усиленной индустриализации страны. В следующие десять лет было построено множество металлургических, машиностроительных, нефтехимических и других промышленных предприятий.

Промышленный потенциал страны рос буквально на глазах — ежегодные темпы экономического прироста достигали 17 %. Всего за десять лет из аграрного государства Иран превратился в индустриальное. Средства на это давали огромные доходы от продажи нефти, которые с 1960 по 1972 г увеличились в 8,5 раз. Только с 1974 по 1978 г. Иран получил от продажи нефти 108 миллиардов долларов (в эти годы страна имела седьмой в мире по величине бюджет). Значительно выросли частные капиталы, увеличилась зарплата рабочих и служащих. Жизненный уровень населения вырос. Но это вовсе не означало, что иранское общество развивалось гармонично.

Как всегда бывает при крупномасштабных преобразованиях, часть населения оказалась дезорганизована ломкой старых отношений. Опасным следствием шахских реформ стало появление большого количества люмпенов, стекавшихся в крупные города в надежде на заработки. Прежде всего это были выходцы из деревни, выдавленные оттуда аграрной реформой. Многие крестьяне, продав за бесценок свои наделы, уходили в поисках работы в города. Десятки тысяч бедняков жили на окраинах Тегерана в обитых жестью хибарах. Среди недовольных были также торговцы традиционного базара и мелкие ремесленники, не способные конкурировать с большими магазинами и продукцией растущих предприятий, а также с импортом дешевых товаров. Их недовольство существующим положением вещей естественно оборачивалось прежде всего против шаха, но оно шло дальше и выливалось в острую неприязнь ко всей западной цивилизации, элементы которой насильственно вносились в традиционную структуру иранского общества, разрушая и изменяя ее. Духовенство поддерживало эти настроения, постоянно указывая на то, что поток западных технологий, товаров и нравов подменяет исконные ценности и традиции ислама.

Выступления этих разнородных сил в период экономического подъема не носили масштабного характера. Огромный и хорошо организованный репрессивный аппарат монархии вполне справлялся с ними. Поэтому казалось, что выполнение программы «белой революции» не за горами. Но тут неожиданно разразился тяжелый экономический кризис. Причем винить в нем Реза-шах не мог никого, кроме самого себя. Получив в свои руки огромные средства и планируя получить в будущем еще большие, он решил значительно ускорить и без того внушительные темпы индустриального развития страны — в короткий срок ввести в строй несколько десятков крупных предприятий, атомных электростанций и современных автострад. Развивая положения «белой революции», он в середине 1970- х гг. выступил с новыми идеями. Он писал, что иранское общество должно совершить при жизни одного поколения «прыжок через

столетия», «перейти из Средневековья в ядерный век», превратить страну в «пятую индустриальную державу мира», осуществить марш-бросок к «великой цивилизации». Одновременно были начаты несколько крупномасштабных амбициозных строек. Огромные средства затрачивались на закупку промышленного оборудования. Параллельно началась крупнейшая техническая реорганизация армии. (Только на закупку современно вооружения в короткий срок было израсходовано 6 миллиардов долларов.) Последствия этих непродуманных действий оказались роковыми для режима. Наличные силы иранской экономики были не в состоянии переварить эти колоссальные вливания. Прежде всего поток грузов парализовал транспорт. Ввозимое из-за границы оборудование накапливалось в портах и на пограничных станциях. Энергетика не могла удовлетворить сильно возросшие потребности промышленности, в результате многие предприятия работали лишь на половину мощности. Огромные средства были распылены и заморожены. Темпы экономического развития резко замедлились. Государство стало перед проблемой дефицита валютных средств. Сократились закупки продовольствия за границей. Цены на продукты питания резко поползли вверх (за три года они удвоились). Материальное положение народа стало ухудшаться на глазах, и, как следствие этого, резко усилилось оппозиционное движение.

Антишахские силы (а в их число кроме шиитского духовенства входили и прокоммунистические организации и буржуазно-демократические партии) по-разному видели будущее Ирана и ориентировались на разные слои общества. Однако, наиболее последовательная и продуманная программа действий была изложена именно духовенством. За несколько лет до этого вышла книга Хомейни «Принципы правления в Исламской Республике», в основу которой лег курс его лекций «Исламское правительство», прочитанный в 1971 г. Суть его программы заключалась в том, что после свержения шаха и изгнания иностранцев, верховная власть в стране должна перейти к шиитским богословам, которые займут все высшие посты в государстве и установят в Иране «исламское правление».

Это правление коренным образом отличается от монархии и светской республики, где законы устанавливает либо монарх, либо парламент. При исламском режиме никакие другие законы, кроме божественных законов, не могут иметь силы. Переданные смертным через Коран и пророка, они должны оставаться неизменными до окончания времен. Все, кто ищут каких-то других законов или предписаний, оказываются в сетях Сатаны. Хомейни писал: «Главная трудность мусульман заключается в том, что они отложили в сторону священный Коран и собрались под чужими знаменами».

Истинное исламское правление не может терпеть западного вмешательства во внутреннюю политику мусульманского государства. Развивая эту мысль, Хомейни заявил в одном из своих интервью. «Мы ничего не хотим от Запада и его анархии…

Мы не боимся западной науки и техники. Мы боимся ваших идей и образа жизни. Мы не хотим, чтобы вы вмешивались в нашу экономику, науку и наши обычаи… Мы не против цивилизации, мы против

экспортируемой цивилизации, мы хотим цивилизации, основанной на чести и гуманизме».

Жителям Ирана незачем искать разрешения своих проблем в западном пути развития. Ничего хорошего они тут не получат. Исламские государства вообще не нуждаются ни в каких западных идеях, ибо они уже имеют самую развитую и прекрасную идеологию, самую совершенную из тех, что порождена современной цивилизацией. Ведь ислам это не только религиозные обряды, не только свод жизненных правил, это — всеобъемлющий и практический кодекс, определяющий все стороны жизни человека и общества — от уплаты налогов до вопросов личной гигиены. В ходе грядущей исламской революции все области жизни Ирана — политическая, экономическая, социальная, идеологическая и культурная — должны быть строго подчинены его законам.

Ислам есть также основа бесклассового общества, не приемлющая ни капитализма, ни социализма цель исламской экономики не в обогащении меньшинства, а в удовлетворении разумных потребностей большинства, так как исламская экономическая система зиждется не на законах рынка, не на планировании и государственном контроле экономической деятельности, а на моральных принципах и в производстве, и в обмене. Рабочие, ремесленники и крестьяне, торговцы и предприниматели — все будут жить после революции в единой мусульманской общине как братья: богач обязан будет помогать бедняку и каждый будет проявлять заботу о соседе.

Рассматривая систему центральных органов государственной власти в будущей Исламской Республике, Хомейни делил их на три группы, группу принятия решений, совещательную группу и исполнительную группу. Группа принятия решении это высший орган, состоящий исключительно из богословов, которые на основании толкования Корана и Сунны будут принимать основополагающие для жизни страны решения.

Совещательная группа это, по существу, Меджлис (парламент), избираемый народом. Его задача на основе принятых решений разрабатывать конкретные законопроекты.

Исполнительная группа — это коллегия министров (кабинет). Верховным толкователем священного закона, высшим координатором деятельности всех органов управления, духовным вождем, осуществляющим практическую власть, будет правитель из числа самых авторитетных религиозных деятелей факих. Его роль Подобна роли пророка и имамов, его задача — подготовить страну и народ ко дню пришествия шиитского мессии — 12-го имама Махди. В ожидании этого дня духовенство должно активно участвовать в политической жизни, быть стражем закона, общественной морали и социальной справедливости.

Все органы государственной власти должны быть перестроены в строгом соответствии с законами ислама. Прежде всего это касается органов правосудия. Все их представители — от министра юстиции до городского или сельского судьи обязательно должны быть богословами соответствующих званий. Функции юридического аппарата ограничиваются соблюдением законов, которые непреложна. Хомейни говорил, что, в отличие от неэффективной и дорогостоящей светской судебной системы, исламское правосудие, отправляемое специалистами в области шариата,

действует быстро и справедливо. Исламский судья, вооруженный пером и чернильницей, улаживает споры без проволочек. Его решения окончательны и обжалованию не подлежат.

Следовательно, нет нужды в адвокатах и апелляционных судах. Приговоры тут же приводятся в исполнение. Никаких смягчающих обстоятельств быть не может, ибо все наказания точно и недвусмысленно определены в шариате.

Когда Хомейни писал свою книгу, он, возможно, сам не подозревал, как близки его идеи к реальному воплощению. Прошло всего несколько лет, и выдвинутые им принципы стали ближайшими целями разразившейся иранской революции. Искрой к ее началу послужила грязная клеветническая статья, полная лживых пассажей против Хомейни, опубликованная 7 января 1978 г. официальной газетой «Эттелаат».

Возмущенные сторонники изгнанного аятоллы вышли на улицы. Протесты вылились 9 января в волнения, во время которых было убито несколько студентов-семинаристов.

Это был первый взрыв, за которым последовал обвал. На третий, седьмой и сороковой день траура, когда отмечалась смерть недавних мучеников, произошли волнения в Тебризе, Исфахане, Тегеране и других крупных городах. Они сопровождались ожесточенными схватками с армией и полицией, во время которых вновь и вновь гибли люди. На траурные церемонии, посвященные их памяти, собирались новые и новые тысячи людей, постепенно втягивающихся в революционный процесс. Несмотря на массовые убийства, карательные органы оказались не в силах погасить разгорающиеся пламя. Страстные обращения Хомейни, призывавшего покончить с «сатанинским» шахским режимом, поддерживали всеобщий энтузиазм.

Реза-шах попытался избавиться от врага, делавшегося все более опасным. Было оказано давление на иракское руководство. В октябре 1978 г. иракские власти предложили Хомейни на выбор или прекратить политическую деятельность, или покинуть страну. Он избрал второе и после некоторых раздумий перебрался во Францию. Удалившись в Европу, он не стал дальше от иранских событий. Между его резиденцией и иранской столицей была установлена прямая телефонная связь. Каждое телефонное послание Хомейни записывалось и тут же размножалось на специальном оборудовании. Уже через несколько часов кассеты с его посланиями прокручивались в десятках тысяч мечетей и на бесчисленных городских базарах, поднимая и революционизируя массы.

Для правящей иранской элиты в конце концов сделалось очевидным, что Реза-шаху не удастся сохранить свой престол. Борьба против него соединяла самые разнородные политические силы, которые при других обстоятельствах никогда бы не выступили единым фронтом. Вняв уговорам своих сторонников, шах 16 января 1979 г. сел за штурвал личного самолета «Шахин» («Сокол») и вместе с семьей покинул Иран, как оказалось, навсегда. Власть перешла к премьер-министру Бахтияру, не сумевшему, впрочем, ее удержать. Хомейни уже спешил на родину. Когда 1 февраля, специально зафрактованный лайнер авиакомпании «Эр-Франс» совершил посадку на Мехрабадском аэродроме Тегерана, великого аятоллу встречала гигантская толпа. По разным подсчетам, в аэропорту собралось в

этот день от 4 до 6 миллионов человек. Над безбрежным человеческим морем плыло ритмическое скандирование: «Аллах велик! Шах ушел, имам пришел». Было ясно, что в страну вернулся подлинный лидер.

С приездом Хомейни ход событий резко ускорился. 9 февраля началось восстание на воздушной базе Душан-теле, немедленно поддержанное жителями столицы. В первый же день горожанам удалось захватить тегеранский арсенал и военный завод. В их руках оказалось 300 тысяч единиц стрелкового оружия, а также несколько танков, самоходных орудий и ракетных установок. В столице восставшие имели громадный перевес над местным воинским гарнизоном. 10 и 11 февраля весь город был охвачен боевыми действиями. Повстанцы захватывали один объект за другим. Вскоре под их контроль перешли военные городки, здания Министерства обороны и Генерального штаба. 11 февраля, после переговоров с военными, Хомейни добился от них обещания соблюдать нейтралитет. Войска были отведены в казармы. Оставленный всеми Бахтияр бежал из Тегерана в Париж, а 12 февраля резиденцию премьер-министра занял Базарган, назначенный Хомейни.

Как всегда бывает в ходе революции, первые дни после падения старой власти царили всеобщее ликование и неразбериха, но уже вскоре, в ходе мероприятий Временного революционного правительства, стали вырисовываться черты будущей Исламской Республики. Первым делом были образованы органы правосудия. 16 февраля только что созданный Чрезвычайный исламский революционный трибунал приговорил к смертной казни четырех шахских генералов. Приговор сразу же привели в исполнение. Затем та же участь постигла два десятка других военных и политических лидеров, ответственных за репрессии и коррупцию в годы правления шаха. Стихийно возникшие на местах трибуналы не отставали от столицы и также творили скорый суд над поверженными врагами. Было конфисковано все имущество свергнутой династии, стоимость которого оценивалась в 22 миллиарда долларов.

Правительство расторгло многочисленные контракты на строительство атомных электростанций, автострад, метро и некоторых других крупных объектов, а также на поставку ультрасовременных видов вооружения и военной техники на общую сумму 38 миллиардов долларов. В ходе референдума 30–31 марта страна получила официальное наименование Исламская Республика Иран, после чего Хомейни объявил о начале «правления Аллаха». Летом 1979 г. была проведена национализация крупных промышленных предприятий, банков, строительных компаний (при этом иностранным акционерам обещали выплатить полную компенсацию). Увеличивалась зарплата, вводились пособия по безработице, было объявлено о предоставление бедноте дешевого или даже бесплатного жилья и бесплатного проезда на транспорте.

Коренной перестройке подверглось телевидение, откуда были уволены все работники прямо или косвенно служившие прежнему режиму. С экранов исчезли все западные фильмы. Из тех, что пропускала цензура, вырезались все сцены с объятиями и поцелуями. Был запрещен показ международных спортивных игр с участием женщин.

Женщина-ведущая осталась только в детской передаче. В школах вводилось раздельное обучение мальчиков и девочек. Законы шариата постепенно восстанавливали свое действие во всех сферах жизни. Хомейни, к примеру, объявил грехом продажу и потребление мороженного мяса. После этого все запасы импортируемой из Австралии и Новой Зеландии мороженной баранины на сумму 60 миллионов долларов были свезены на свалку. 1 марта, с трудом добившись некоторого успокоения Тегерана, Хомейни переехал в Кум и поселился в своем старом полутораэтажном домике, в комнате, лишенной всякой мебели (лишь постель на полу и книги). Внешне его жизнь была так же проста и скромна, как прежде: первая молитва до рассвета, чтение Корана, скудный завтрак, работа, дневной сон и т. д. Но на самом деле, конечно, положение великого аятоллы (или имама, как стали называть его иранцы) в корне изменилось.

Его дом превратился в центр управления страной. Сюда каждый четверг запросто в маленьком автобусе приезжал премьер-министр и члены кабинета, а в остальные дни — другие официальные и неофициальные лица.

В стране продолжалось революционное брожение. Действовало множество общественных и политических организаций, ассоциаций и групп (в одном Тегеране их было больше ста), придерживавшихся самых различных взглядов — от крайне правых до крайне левых. Даже в рядах духовенства, даже в ближайшем окружении Хомейни не было единства относительно вопроса о том, каким курсом вести страну. В этой сложной ситуации, когда очень легко было совершить непоправимую ошибку, Хомейни сумел не только сохранить, но и укрепить свое положение духовного лидера. Он не поддержал открыто ни одной из общественных и политических группировок (в том числе самых архиисламских), подчеркнуто поставил себя «над схваткой» и, таким образом, не только считался, но и был на самом деле подлинным «гарантом» и «арбитром». Он не вмешивался прямо в работу кабинета министров и других государственных органов, оставляя за собой право открыто критиковать их за ошибки. Это также помогло ему сохранить в глазах народа положение незапятнанного и безупречного «отца нации», уставшего от интриг, ведущихся вокруг него, но не ответственного ни за одну из них. Впрочем, его руководящее положение поддерживалось не только силой авторитета. Вскоре после революции была создана личная гвардия Хомейни — Корпус стражей исламской революции. Большую поддержку в обществе оказывала Хомейни созданная им неформальная организация «Хэзболла» («Партия Аллаха»), штаб-квартирами которой служили мечети. В августе 1979 г., опираясь на вооруженные отряды «Хезболла», сторонники Хомейни перешли в наступление на своих противников.

Верховный трибунал издал постановление о роспуске всех неисламских партий и закрытии их печатных органов.

С этого момента никакой альтернативы предначертанному Хомейни исламскому пути развития уже не существовало. 2–3 декабря 1979 г. на референдуме была принята Конституция, в которой воплотились все его идеи об исламском правлении. Так, пятая статья Конституции гласит: «Во время отсутствия Вали-е-Асра (да приблизит Аллах его явление!) в Исламской Республике Иран управление делами правоверных и имамат в

исламской умме возлагается на справедливого и набожного, обладающего широким кругозором, смелого и имеющего организаторские способности факиха…»

Эта роль, понятно, была предназначена самому Хомейни, который был провозглашен Рахбаром (Руководителем) с широчайшими полномочиями (в том числе, с правом единолично смещать всенародно избранного президента). За деятельностью меджлиса по новой Конституции должен надзирать Наблюдательный совет из 12 представителей духовенства, шесть из которых назначал лично Хомейни. Этот совет получил право отвергать любой закон, принятый меджлисом, если он не соответствует нормам ислама. После введения Конституции продолжилась интенсивная исламизация всех сторон жизни страны, в том числе в полном объеме были восстановлены шариатские нормы морали и шариатские суды.

В феврале 1980 г. 78-летний Хомейни перенес первый инфаркт. После двухмесячного лечения в Тегеранской кардиологической клинике он поселился в особняке в северном пригороде иранской столицы Джамаран. Несмотря на преклонный возраст и пошатнувшееся здоровье, он продолжал крепко удерживать в своих руках все рычаги власти. От внутренних проблем внимание Хомейни вскоре было отвлечено внешними — в сентябре 1981 г. началась разрушительная и чрезвычайно кровопролитная ирано-иракская война (по различным подсчетам, иранцы потеряли в ней от 500 тысяч до 1 миллиона человек убитыми и ранеными). Для Хомейни, который определил этот конфликт как «священную войну между исламом и богохульством», он стал новым фактором национального сплочения.

В одном из выступлений он открыто заявил: «Мы должны благодарить Аллаха за эту войну, которая объединяет нас». Начало войны было очень неудачным для Ирана, армия которого по всем параметрам, и численно и качественно, уступала иракской.

Но зато на стороне иранцев был небывалый революционный и религиозный подъем.

Охваченные воодушевлением, они толпами шли на пулеметы и танки иракской регулярной армии, гибли тысячами, но сумели остановить иракское наступление и освободить все захваченные врагом территории. После этого в течение восьми лет продолжалась позиционная война. Перемирие было заключено только в августе 1988 г. незадолго до смерти имама, который перенес в этом году два новых инфаркта.

Умер он 13 июня 1989 г.

Можно без преувеличение сказать, что Хомейни был одной из крупнейших политических и религиозных фигур прошедшего XX в. Значение его далеко выходит за границы Ирана (народ которого продолжает следовать обозначенным Хомейни курсом и сохраняет о нем благоговейную память). Уже через несколько лет после смерти имама выдвинутые им идеи исламского правления получили распространение во многих исламских странах и привели к резкому подъему исламского движения во всем мире.

Сам Хомейни, несокрушимо веривший в торжество исламских идеалов и утверждавший, что ислам есть единственная достойная

альтернатива порочному пути западной цивилизации, писал незадолго до смерти: «Мое завещание народам исламских стран заключается в следующем: не ждите, чтобы вам помогли извне для достижения цели, то есть ислама, и воплощения исламских предписаний. Вы сами должны восстать во имя этой жизненно важной идеи, которая воплотит в реальность свободу и независимость… Не позорно ли для мусульманского мира, имея столько человеческих, материальных и нравственных ресурсов, при наличии такой развитой идеологии и божественной поддержки, находиться под гнетом нескольких деспотических держав, морских пиратов и разбойников века?»

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ПРЕДТЕЧИ РЕФОРМАЦИИ

Св. Гильдебранд (папа Григорий VII)

Десятый век от Рождества Христова представляет собой одну из самых мрачных страниц в истории западной церкви: разнузданность, разврат, преступления и повальное невежество были тогда заурядными явлениями среди духовенства. Пастыри хвалились друг перед другом своими собаками, соколами, быстрыми скакунами, красивыми любовницами, думали только о вкусной еде, прекрасных винах и других житейских прелестях. Едва умея читать, но совершенно не понимая прочитанного, они нисколько не заботились о духовных нуждах прихожан, развращая их своим пагубным примером. Нередко они имели детей от своих духовных дочерей, водили в бой воинов, обагряя руки кровью, играли в кости, охотились, пьянствовали и беспутствовали. Монахи не представляли исключения: они бродили по городам и селам, не придавая никакого значения своим обетам. Но верх безобразий творился в Риме: здесь одно время знатные, замечательно красивые, но неслыханно распутные женщины возводили на папский престол своих любовников, сыновей, прижитых в разврате, и родственников, потакавших их не знавшему удержу разгулу.

Один из таких пап, Иоанн XII (955–963), превратил Латеран в настоящий вертеп; он завел целый гарем и не останавливался даже перед кровосмешением. Кощунство его не знало границ, он посвящал в епископы мальчиков, и эти церковные обряды производил в лошадиных стойлах; во время попоек пил «за здоровье дьявола»; играя в кости, взывал о помощи к Юпитеру, Венере и другим языческим богам, любовницам дарил церковные сосуды; богомолок бесчестил у самой гробницы апостолов; лиц, чем-либо вызвавших его неудовольствие, оскоплял или выкалывал им глаза. Он охотился, дрался, поджигал, убивал, нарушал клятвы, но никогда не крестился и не посещал богослужений.

Впрочем, наряду с печальными признаками разложения и упадка заметно было кое-где новое течение. Там и сям появлялись обители со строгим уставом, раздавались вдохновенные проповеди против господства грубой силы и зла в мире. С течением времени эти обители приобрели столько последователей, что в их стенах окрепла мысль об общем преобразовании погрязшего в грехах человечества и возвращении церкви к первоначальной простоте и чистоте. Во главе этого движения встали иноки основанного в 910 году Клюний-ского монастыря. Ими же была выработана

программа реформ. Прежде всего клюнийцы требовали ввести запрет на браки духовенства и уничтожения симонии (продажи церковных должностей) — в этих двух явлениях они усматривали корень зла, разъедавшего церковь и общество. «Пастырь должен стоять выше паствы, — говорили они, — а живя в браке, он всенародно признается, что и его обуревают греховные страсти и желания; устами, на которых не остыли жгучие лобзания, он взывает к Богу, проповедует целомудрие и воздержание; руками, осквернеными сладострастными прикосновениями к женским прелестям, совершает таинства, раздает благословения». Строгие отшельники не могли примириться с подобным положением вещей. Не менее жестко выступали они против заклейменной апостолами симонии, которая делала церковные должности достоянием недостойных лиц, стремившихся только к возврату затраченного и скорой наживе.

Но для осуществления такого исполинского замысла, как полное преобразование христианской Европы, сил одного монашеского братства, конечно, было недостаточно. Одно время казалось, что искоренению пороков церкви поможет светская власть. Действительно, император Оттон I, откликнувшись на зов своих сторонников, низложил в 963 г. преступного Иоанна XII и взял у римских вельмож и духовенства присягу, что они не будут избирать нового папу без согласия императора. Таким образом, он фактически принял на себя роль повелителя всей западной церкви. Господству порочной римской камарильи, навязывавшей на протяжении полутора веков всему западному миру своих недостойных первосвященников, был положен если не конец, то некоторый предел. С этого времени дело церковных преобразований хотя и медленно, но стало продвигаться вперед. Однако император находился далеко от Италии, за Альпами, и не мог постоянно заниматься тамошними делами. Между тем стоило ему хоть на мгновение упустить из виду Рим, как там опять повторялись ужасные времена Иоанна XII.

Новый путь к искоренению этого зла был указан Гильдебрандом — знаменитым папой Григорием VII, выдвинувшим на первый план идею бесконечного превосходства духовной власти над светской. Идея эта уже давно носилась в воздухе, но никто до Григория не попытался сделать ее краеугольным камнем всего мирового порядка, всех земных отношений. Его правление стало переломным моментом в истории западной церкви и на несколько столетий определило направление политики римской курии.

Усилиями Гильдебранда папство было вознесено на невиданную ранее высоту. Сам он между тем происходил из низов тогдашнего общества. Предполагают, что будущий папа родился между 1015 и 1020 гг. (точная дата неизвестна) в местечке Равоак Соанского округа на границе с Тосканой. Отец его был простым поселянином по имени Боницо; имя матери Гильдебранда неизвестно. Позже папа не любил вспоминать о своих родителях, и в его огромной переписке нет о них ни одного слова. Своим отцом он часто называл апостола Петра, а матерью — святую римскую церковь. В каком-то смысле так оно и было, ибо всем, что он имел, Гильдебранд был обязан церкви и престолу св. Петра. Семью он оставил еще в раннем детстве — его дядя по матери был аббатом монастыря Св. Марии, расположенного в Риме на Авентинском холме; к нему и отправили Гильдебранда на воспитание. Монастырь имел тесные связи со знаменитым

Клюни и служил одним из важнейших очагов просвещения и преобразовательного движения. В воспитывавшихся здесь молодых питомцах развивали самообуздание, стремление к созерцательной жизни и мистицизм. Все эти качества ярко проявились в характере Гильдебранда, сочетаясь с другими душевными свойствами — восприимчивостью, страстностью и крайней набожностью. В обители получали образование дети многих знатных вельмож. С некоторыми из них Гильдебранд еще в детстве завязал близкие, дружественные отношения, что помогло ему позже, в самом начале церковной карьеры, сразу занять достаточно высокое положение.

На папском престоле в те годы находился Бенедикт IX (1033–1046), возведенный на него путем подкупа и насилий в десятилетнем возрасте. Не довольствуясь доходами наместника апостолов, Бенедикт вовсю торговал церковными должностями и не гнушался даже разбоем: с шайкой сорванцов из римской молодежи он грабил на больших дорогах богомольцев, шедших на поклонение в Рим. В 1045 г., собираясь жениться, он продал свой понтификат за 1500 фунтов серебра другу Гильдебранда, Грациану, принявшему имя Григория VI. Новый папа назначил Гильдебранда своим капелланом и с его помощью попробовал приступить к преобразованиям. Однако из этого ничего не вышло. Сначала Григорию VI пришлось делить престол с другим папой — Сильвестром III. Затем Бенедикт раскаялся в своем поступке и также объявил себя папой. Конец непристойному препирательству трех первосвященников положил в 1046 г. император Генрих III, который низложил их всех и возвел на папский престол бамбергского епископа Свидгера, принявшего имя Климента II (1046–1047). Тот короновал Генриха императорской короной.

Возвращаясь в Германию, император забрал с собой из Рима вместе с бывшим папой Григорием VI также монаха Гильдебранда, в котором за внешней невзрачностью разглядел проницательный ум и железную волю. В 1048 г Григорий VI умер, и Гильдебранд выпросил у императора позволение вернуться в Клюни. Там он погрузился в аскетическую, созерцательную жизнь, проводя дни в молитвах и беседах со старцами. А между тем в Риме один за другим умирали папы, назначаемые Генрихом; ходили слухи, что Бенедикт ядом устраняет своих преемников, и немецкие епископы стали отклонять от себя опасную честь После долгих уговоров епископ тульский Бруно принял папский сан, но потребовал, чтобы назначение было одобрено римским клиром и народом, а в спутники ему дали Гильдебранда, чьи блестящие способности при дворе он успел оценить. В одеждах кающихся, во власяницах, с босыми ногами и посыпанными пеплом головами Бруно и Гильдебранд вошли в Рим под восторженные крики населения. Римляне были польщены их смирением и немедленно провозгласили Бруно папой под именем Льва IX (1049–1054). Гильдебранд занял при нем высокое положение — возведенный в сан иподьякона, он получил в управление обширные церковные имения. Часто он замещал папу, когда тот покидал Рим для разъездов по Европе.

Когда в 1054 г. Лев IX умер, Гильдебранду предложили занять папский престол, но он отказался в пользу епископа Гебгарда, самого могущественного лица в германской империи после Генриха. Новый папа получил имя Виктора II (1055–1057).

При нем Гильдебранд не играл руководящей роли, а был отправлен в качестве легата во Францию, где за симонию низложил многих епископов и отлучил от церкви за брачную жизнь многих священнослужителей. Во время этой поездки произошел случай, показавший его большое духовное могущество. Один епископ подкупил свидетелей и дерзко отрицал свою вину. Гильдебранд предложил ему произнести во всеуслышание. «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу». На середине фразы епископ запнулся под испытующим взором Гильдебранда, пал ниц и раскаялся в своей вине. Сторонники преобразований усмотрели в этом случае чудо, а Гильдебранд приобрел славу человека богоугодного.

Тем временем умер Генрих III, а вскоре за ним и папа Виктор II. В Риме началась борьба партий, в результате которой папами последовательно были Стефан IX (1057–1058) и Бенедикт X (1058–1059). Последнего избрали против воли Гильдебранда. Он не признал выборы и предложил в папы флорентийского епископа Гебгарда.

Германское правительство поддержало эту кандидатуру, и Гебгард стал папой под именем Николая II (1059–1061). Затем последовало кровавое столкновение между партиями, в котором Гильдебранд впервые проявил свои способности государственного деятеля. Он начал борьбу с того, что предал Бенедикта и его сторонников анафеме. Зная слабость римлян к золоту, он потратил значительное количество денег на подкуп нужных людей и, возбудив в Риме междоусобицу, занял город. Для окончательной победы Гильдебранду нужны были войска, за которыми он отправился в Южную Италию к норманнам, до этого всегда враждовавших с Римом. Сняв наложенное на них прежними папами отлучение и признав вассальные права норманнских герцогов на княжество Капуанское, Апулию, Калабрию и Сицилию (все эти земли уже принадлежали им по праву завоевания), Гильдебранд получил необходимое ему войско. Окруженный со всех сторон, Бенедикт вынужден был сдаться. На специально созванном соборе, заливаясь горькими слезами, он принес покаяние и был низложен.

Когда, спустя короткое время, Николай умер, Гильдебранд, при поддержке норманнов, объявил папой Ансельма, епископа луккского, который взошел на престо под именем Александра II (1061–1073). Это избрание произошло вопреки желаниям матери малолетнего императора Генриха IV, Агнессы, заправлявшей тогда всеми делами. Агнесса не признала Александра II и назначила новым первосвященником Кадала, епископа пармского (это был антипапа Гонорий II). Вновь разгорелась смута, потекла кровь и полилось золото. Гильдебранд, верхом на коне, лично водил ратников на врага и сумел защитить своего ставленника. Вскоре в Германии произошел переворот, в результате которого к власти пришел епископ Аннон, а Агнесса была отстранена. Аннон из своекорыстных целей покровительствовал Гильдебранду и низложил Гонория. То была важная победа римской курии, освободившейся таким образом из-под многолетней опеки империи. Кроме норманнов (чье поведение всегда было двуличным) Гильдебранд нашел в Италии верную союзницу в лице тосканской маркграфини Беатрисы и ее дочери Матильды — умнейшей и одареннейшей женщины той эпохи.

Так неустанным, кропотливым трудом Гильдебранд подготовил почву для своего собственного возвышения. Папа Александр скончался 21 апреля 1073 г. Гильдебранд предвидел его смерть и заранее принял меры для того, чтобы самому занять папский престол. Чтобы обойти соперников, он воспользовался не совсем честными способами и содействием сомнительных личностей. Со стороны духовенства его кандидатуру поддержал (очевидно, не бескорыстно) кардинал Гуго Белый, славившийся, по словам хрониста, «косыми глазами и кривыми делами». Поддержку римских баронов Гильдебранд получил, подкупив их вождя Ценция, который также был готов на все ради денег. Во всем повиновался ему и блюститель императорских интересов в Италии епископ Григорий Верчельский, отлученный еще Львом X за преступную связь со своей родственницей. Главного своего соперника на папский престол пармского клирика Виберта Гильдебранд удалил из Рима, посодействовав ему в получении важного сана епископа равеннского. Всю ночь после смерти Александра люди Гильдебранда работали не покладая рук. К утру собранная ими громадная толпа клириков и горожан ворвалась в церковь Спасителя, где у тела Александра находился Гильдебранд, подхватила его и повлекла в собор Св. Петра. Тут он, как бы по единогласной воле римлян, был возведен на апостольский престол. Новый папа принял имя Григория VII, под которым и вошел в историю.

И светские и духовные правители Европы вскоре почувствовали тяжелую руку нового папы. Его взгляды и притязания отчасти были известны уже прежде. Теперь он постарался обозначить их со всей определенностью. В изданном Григорием «кратком своде прав и преимуществ римского первосвященника» о значение папской власти и ее месте в христианском мире говорилось буквально следующее: «Сам Царь славы поставил апостола Петра, а стало быть, и его наместника, главою царств мира. Папа так превосходит императора, как солнце превосходит луну, а потому власть апостольского трона много выше могущества королевского престола. Папа — наместник Божий, судом которого разбираются светские и духовные дела. Он связывает и разрешает, где хочет и кого хочет, так как даст Богу отчет за все прегрешения людские… Церковь всюду, где есть верующие во Христа, и все отдельные церкви входят как члены в состав общей матери, церкви римской: ей подчиняются короли, князья и все светские владетели, равно как архиепископы, епископы и аббаты. Как глава римской церкви папа может низлагать и духовных и светских сановников, недостойных, по его мнению, занимаемых ими санов… Римская церковь основана самим Богом. Один только римский первосвященник имеет право называться вселенским… Он один может употреблять императорские регалии. Он имеет право освобождать подданных от присяги лицам, запятнавшим себя несправедливостью. Все князья целуют ноги папы… Ему можно низлагать императоров… Никто не смеет порицать его приговоров. Он неподсуден никому, кроме Бога… Римская церковь никогда не ошибается… Нельзя считать католиком того, кто не согласен с римской церковью…» До Григория VII ни один папа с такой поразительной откровенностью не высказывал столь непомерных притязаний.

Первые удары новый папа направил на симонию и брачную жизнь духовенства, требуя их искоренения во всей церкви. На первом же созванном им Римском соборе 10 марта 1074 г. было объявлено о лишении мест и санов «виновных» пастырей, а мирянам под страхом вечных мук запрещалось посещать богослужения, совершаемые непокорными, «чтоб нежелающие исправиться из любви к Богу и уважения святости своего сана — исправились в силу народных порицаний и стыда перед прихожанами». Если борьба с симонией вызывала сочувствие, то требование безбрачия повсеместно встретило стойкое сопротивление. На Парижском соборе епископы, аббаты и клирики отказались повиноваться приказаниям папы — ввиду их непригодности и невыполнимости. То же было в Руане, Пуатье, на Винчестерском соборе в Англии и Эрфуртском и Майнцском в Германии. Папа вынужден был снова обратиться к совести мирян. Легаты апостольского трона и толпы бродячих монахов наводнили Европу. Они проповедовали, что благословение женатых священников равносильно проклятию, а совершаемые ими таинства ведут к вечной гибели. Страсти мирян, подогреваемые посланцами папы, больше не сдерживались должным уважением к священническому сану: клириков насильно разлучали с женами, лишали средств существования и калечили самым варварским образом. В некоторых местностях духовенство, тесно связанное со знатью, отвечало насилием на насилие, но постепенно Рим одолевал. В этом вопросе папа Григорий VII действовал сообразно религиозному настроению времени и миряне сочувствовали егоначинаниям.

Следующим шагом Григория стала борьба против инвеституры духовных сановников мирянами. Речь шла о древнем порядке введения в права владения леном духовного лица, который становился таким образом как бы вассалом светского государя и должен был нести в его пользу оговоренные повинности. Этой мерой светская власть оставляла за собой верховные права на земельное имущество, подаренное в разное время церкви и занимавшее в общей сложности треть земель Запада. Помимо того, что инвеститура формально ставила государство выше церкви, она была ненавистна Григорию тем, что давала много поводов для симонии (особенно в Германии и Ломбардии, где императоры самовластно назначали епископов, имея от этого немалый доход).

Римский собор 1075 г. запретил инвеституру, предоставив только папе право назначать всех епископов. По мнению Григория, светские князья не имели никаких прав на земли, которые так или иначе, с большими или меньшими натяжками, можно было назвать землями св. Петра. «Что раз, по божьей воле и закону справедливости, — писал он, — поступило во владение церкви, пока будет существовать, не может быть отторгнуто от нее».

Это притязание в наибольшей степени задевало императора, ибо вся власть его покоилась на верховных правах над церковными землями и на союзе с епископами, которых он назначал. Столкновение Григория VII и Генриха IV было неизбежным, однако поводом для этого послужили не германские, а итальянские события.

Миланцы, находившиеся в натянутых отношениях с папой, обратились к Генриху с просьбой дать им архиепископа. Император отправил к ним клирика Тидальда, выразив тем самым полное

пренебрежение к запрещению светской инвеституры и не обратив внимания на то, что Григорий уже назначил на это место своего ставленника Атто. Вдобавок, еще до Тидальда, Генрих отдал миланскую инвеституру герцогу Готфриду. Таким образом в Милане оказалось сразу три архиепископа. Папа вышел из себя, разразился гневными посланиями и поспешил отомстить вмешательством в германские дела. Жалобы саксонских епископов на произвол императора показали Григорию, что в Германии у него есть союзники. И он решил вступить в открытую борьбу. В начале 1076 г. он отправил в Гослар своих легатов и велел Генриху в ближайший пост явиться в Рим на собор и оправдаться в преступлениях, приписываемых ему. В случае неповиновения папа грозил предать его апостольскому проклятью и отлучить от церкви. Генрих был несказанно оскорблен как самим письмом, так и его властным тоном. Верный заветам старины, он принял брошенный вызов и отдал приказ немецким епископам собраться к 24 января в Вормсе, чтобы сообща положить конец немерным притязаниям того, кто величал себя «рабом рабов Божьих».

Известие о ссоре с императором воодушевило итальянских врагов папы, во главе которых стоял уже упоминавшийся барон Ценций. В сочельник, когда Григорий отправился по обычаю совершать всенощное богослужение в церковь Св. Марии на окраине города, туда ворвалась толпа вооруженных людей. С папы сорвали ризы, нанесли удар по голове и за волосы вытащили из храма. Ценций запер Григория в своей башне и стал требовать от него богатых поместий и возвращения своего родового замка Св. Ангела. Но ни оскорбления, ни копья, направленные в грудь, не сломили презрительного спокойствия папы. Между тем по городу разнеслась весть об ужасном покушении: тишину ночи прорезал гул набата. На рассвете с криками горожане бросились на штурм баронской башни. Роли переменились — теперь уже Ценций припал к ногам Григория, моля о пощаде. Папа с величием заявил, что прощает свою личную обиду, но оскорбление святыни необходимо искупить покаянием и путешествием в Иерусалим. Освободив папу, римляне с громким ликованием понесли его на руках в ту же церковь Св. Марии, где он и закончил богослужение. Барон Ценций за это время успел скрыться, а все его имущество папа объявил церковной собственностью. Римляне увидели в происшедшем руку Божью — положение Григория в городе значительно укрепилось.

Между тем император собрал в Вормсе собор немецких епископов и с легкомысленной поспешностью приказал им отлучить своего противника от церкви. Собор ломбардских епископов, собравшийся вскоре в Пьяченце, подтвердил вормское постановление и объявил, что Ломбардия не будет признавать Григория папой. Но собравшийся в конце февраля большой и представительный собор епископов в Риме выразил Григорию полную поддержку. Епископы едва не растерзали пармского священника Роланда, который осмелился объявить волю императора о низложении папы. После этого Григорий предал анафеме самого Генриха.

Отлучение императора от церкви было потрясающим, неслыханным событием и произвело огромное впечатление на современников. Генрих узнал о нем в Утрехте, где он праздновал Пасху. В раздражении он решил противопоставить папскому отлучению формальный акт о низложении Григория, по его требованию собор епископов в Павии объявил папу

низложенным. Но Генриху хотелось, чтобы низложение было с такой же торжественностью провозглашено в Германии. Он велел немецким епископам съехаться на Троицу в Вормс, не сомневаясь, что дело будет легко доведено до конца. Но тут его ждало первое большое разочарование: к назначенному сроку собралось так мало епископов, что не было никакой возможности открыть собор. Генрих встревожился, велел отложить собор до Петрова дня и рассудил перенести его в Майнц. Он сам разослал епископам приглашения, написанные уже в форме просьбы, а не приказа. Папские легаты тем временем тоже разъезжали по стране и употребляли все средства для того, чтобы склонить на сторону Григория немецких князей. Усилия их не остались бесплодными.

Могущественные герцоги Рудольф Швабский, Вельф Баварский и Бертольд Церингенский вошли в соглашение с архиепископом Зальцбургским и епископами Вюрцбургским и Пассаусским и уклонились от всяких сношений с королем. Еще большего успеха папская пропаганда добилась в Саксонии — тамошние жители взялись за оружие, прогнали королевских сборщиков налогов, разорили имения его приверженцев и овладели королевскими замками.

Генрих с ужасом увидел, что власть ускользает из его рук. Измена присяге была освещена папой, вменена в обязанность, и прежние приверженцы покидали его. В июне на съезде в Майнце не было никого из южногерманских и саксонских князей, а те, кто приехали, повинуясь зову короля, оказались в растерянности. Было ясно, что большинство их скоро тоже его покинет. Генрих собрал, сколько мог, солдат и пошел против саксонцев, но они поднялись на него так единодушно, что он принужден был бежать в Богемию. Тем временем князья и епископы папской партии съехались на съезд в Ульме и решили, что обстоятельства требуют избрания нового короля. Они разослали приглашения всем остальным князьям и епископам, предложив им 16 октября собраться в Трибуре «для восстановления мира в церкви и государстве». Большинство приглашенных приехало в Трибур, и авторитет этого съезда был гораздо выше тех, какие удавалось собирать королю. Семь дней депутаты спорили о том, каким способом спасти государство от погибели. Генрих, находившийся в это время в Оппенгейме, на другом берегу Рейна, совершенно оробел. Он видел, что его покидают даже те люди, которых он осыпал милостями и считал своими верными приверженцами Он совершенно пал духом, отбросил прежнее высокомерие и каждый день посылал в Трибур своих уполномоченных, обещая исправиться. После долгих дебатов было принято решение обратиться к папе с просьбой, чтобы в феврале следующего года он приехал в Аугсбург и лично разобрал дело Генриха; и потом, если в течение года с него не будет снято церковное проклятие, немедленно приступить к выборам нового государя. Генрих тем временем должен был жить в Шпейере как частное лицо, в совершенном удалении от государственных дел.

Генрих принял все эти условия, сложил с себя королевские регалии и поселился в Шпейре. Однако, опасаясь весьма вероятного торжества своих врагов на соборе в Аугсбурге, он решил не дожидаться папского суда, а самому ехать в Италию. В январе 1077 г. он отправился в путь в сопровождении только жены и одного немецкого дворянина, сохранившего

ему верность. С ним не было ни денег, ни дорожных запасов, так что иногда императору приходилось просить милостыню. В это самое время папа ехал в Германию на Аугсбургский съезд для суда над Генрихом; но тут узнал о внезапном прибытии императора в Италию и свернул с дороги в укрепленный замок Каноссу, принадлежавший тосканской маркграфине Матильде.

Генрих также обратился к ней с просьбой о заступничестве перед папой. Григорий сначала отвергал все предложения императора и говорил, что дело должно решиться на предстоящем съезде. Наконец он уступил просьбам и согласился впустить Генриха в замок. В покаянной власянице босой император вошел в ворота окруженного тройной стеной замка. Ему дозволили пройти только во внутренний двор, но одному, без провожатых. Стояли жестокие морозы, но это не смягчило Григория. Он заставил Генриха трое суток подряд подолгу стоять у ворот замка, но каждый раз отказывался принимать его. Все обитатели Каноссы жалели несчастного. Маркграфиня Матильда обливалась слезами, и по ее ходатайству Генриха, наконец, впустили. На четвертый день вместе с несколькими другими отлученными императора ввели в зал, где находился папа, окруженный кардиналами и друзьями. Генрих вместе с другими бросился на колени и, проливая слезы, покаялся в грехах. Наконец Григорий поднял его, снял отлучение и допустил в церковь, где сам совершал литургию.

После этого Генрих со стыдом и досадою оставил Каноссу. Итальянцы тотчас заметили перемену в его настроении и в отношении к папе; старые приверженцы императорской власти, из которых многие до сих пор находились под церковным проклятьем, мало-помалу стали собираться к нему и побудили его провести зиму в Италии. Генрих, наделенный от природы дальновидностью, скоро заметил, что нигде основания папской власти не были так шатки, как в этой стране раздоров, и пришел к убеждению, что с помощью денег, обещаний и коварства здесь можно приобрести множество приверженцев и успешно бороться с папой. В душе его страх перед Григорием уступил место прежней решимости, и с этих пор началась борьба, которую он вел мечом и словом до самой смерти.

Тем временем враждебные Генриху князья обвинили его в нарушении данной клятвы. В марте 1077 г они собрались на съезде в Форшгейме, объявили Генриха низложенным и выбрали императором герцога Швабского Рудольфа. Но не все прежние противники Генриха поддержали этот выбор. Верность старому императору сохранили многие города, а также духовенство, опасавшееся властолюбия Григория. Немецкое национальное чувство вообще было оскорблено тем унижением, которому подвергся в Каноссе их государь. К тому же отречение с Генриха было снято, и он мог требовать от вассалов прежней покорности. Весной он вернулся в Германию.

Отовсюду к Генриху съезжались епископы и князья, уверяя его в своей преданности.

Началась упорная война с мятежниками. Григорий во время германских междоусобий старался сохранять нейтралитет, хотя всей душой сочувствовал Рудольфу. В 1080 г. произошло ожесточенное сражение в Тюрингии, близ деревни Флархгейм.

Общий исход его был неудачен для императора, и противники его торжествовали победу. Узнав о флархгеймской победе, Григорий отбросил всякие колебания и объявил, что считает Рудольфа единственным законным правителем Германии. В Риме как раз проходил церковный собор, и на одном из заседаний папа вновь объявил Генриха отлученным от церкви и лишенным королевского сана.

Однако, это второе отлучение не произвело уже того впечатления, какое имело первое. Генрих узнал о папском проклятии в Бамберге, где он праздновал Пасху.

Князья, съехавшиеся к нему на праздник, тотчас единогласно объявили, что перестают признавать Григория папой. В конце мая Генрих собрал в Майнце собор немецких епископов, объявивший папу низложенным. К ним присоединился Бриксенский собор итальянских прелатов. В июне был избран папою архиепископ равеннский Виберт, принявший имя Климента III. Рудольф, в свою очередь, был отлучен от церкви и предан проклятью. В октябре того же года в сражении у Эльстера этот претендент в императоры был смертельно ранен (ему отрубили правую руку, ту самую, которой он когда-то присягал своему государю). Воодушевленный его смертью Генрих в марте 1081 г. оставил вместо себя в Германии Фридриха Гогенштауфена, а сам отправился с войском в Италию. Вся Ломбардия, давно уже враждовавшая с Григорием, приняла его сторону. В Тоскане у него также нашлось много сторонников, недовольных властным правлением Матильды. Лукка, Пиза и Сиена открыли перед Генрихом ворота. Около Троицы немецкое войско подошло к Риму и 21 мая раскинуло свой стан на Нероновом поле близ Ватикана. Римляне остались верны папе. На помощь Григорию подошли войска из Тосканы и норманны из Южной Италии.

Натолкнувшись на упорное сопротивление, Генрих отправился опустошать владения Матильды. Зиму он провел в Равенне, а весной 1082 г. во второй раз подошел к Риму. Все попытки взять штурмом город были отбиты. Началась долгая осада Генрих понимал, что ему выгоднее помириться с папой, чем злоупотреблять своим успехом.

Поэтому он проявил в своих требованиях умеренность и просил только, чтобы Григорий снял с него отлучение и короновал императорской короной. Решение всех спорных вопросов он соглашался передать церковному собору. Многим сторонникам папы казалось, что такой исход борьбы не уронит папского величия. Говорят, что они на коленях умоляли его примириться с императором. Но Григорий требовал, чтобы Генрих, согласно церковному постановлению, сложил с себя королевский сан.

Непреклонность папы стала наконец раздражать римлян. Они вступили с императором в тайные переговоры и открыли перед ним ворота. Народ с ликованием приветствовал вступление Генриха в город, ожидая скоро окончания тяжелой войны. Однако, Григорий укрылся в неприступном замке Св. Ангела и отказывался идти на какие бы то ни было уступки. Исчерпав все средства переубедить его, император созвал 21 марта 1084 г. духовных и светских сановников своего войска в собор Св. Петра.

Собрание объявило Григория низложенным и признало папой Климента III. Через десять дней новый папа торжественно короновал

Генриха императорской короной.

Затем Генрих начал осаду замка Св. Ангела, но, узнав, что норманнский герцог Роберт Гискар спешит с большим войском на помощь папе, он в мае ушел из Рима.

После этого норманны заняли Вечный город, и жителям пришлось жестоко поплатиться за свое отступничество Рим испытал все ужасы варварского нашествия множество зданий было разрушено и сожжено, бесчисленное количество граждан перебито. Грубые шайки наемников устроили настоящую охоту на женщин и девушек, и в то время, когда они служили потехой для победителей, их отцы, мужья и братья гибли в жестоких мучениях. Тысячи римлян были проданы в рабство сарацинским купцам Григорий в полном бессилии наблюдал за разгромом своей столицы. На каждом шагу его преследовали проклятия. Понятно, что после этого папа не мог оставаться в Риме, ибо от мести жителей его спасали только норманнские копья. Как жалкий беглец Григорий последовал за Робертом и поселился в Салерно. В Риме утвердился Климент. Потрясение от этих событий оказалось слишком сильным для Григория.

Физические силы его были подорваны быстро прогрессирующим недугом, но дух до самого конца оставался непреклонным. Перед смертью он снял свое отлучение со всех своих врагов, исключая Генриха и Климента. Умер Григорий 25 мая 1085 г Последними его словами были: «Я любил справедливость и ненавидел неправду, и за это умираю в изгнании».

Джон Уиклиф

Папа Григорий VII не смог достичь цели, указанной в его «кратком своде прав и преимуществ римского первосвященника». Но он сумел сделать первые, самые трудные шаги по направлению к ней. Умирая, Григорий оставил своим преемникам один завет — продолжать его дело и добиваться ради спасения человечества господства над миром.

Наследовавшие ему папы упорно строили здание вселенской теократии, постепенно подчиняя себе светскую власть. Наконец, в начале XIII в родственный Григорию VII гений — папа Иннокентий III — завершил их труд. Некоторые монархи Европы признали над собой власть римского первосвященника, а другие если не на словах, то на деле вынуждены были подчиняться ей. Казалось, что идеалы Григория осуществились — папа повелевал королями и железной рукой пас народы. Престол св. Петра поднялся над тронами светских государей. Но это торжество церкви продолжалось совсем не долго. Недовольство духовной и политической тиранией Рима стало проникать во все уголки Европы. Брожение охватило прежде всего университетские круги. Именно здесь, еще задолго до начала Реформации, были выкованы те идеи, которые, постепенно овладевая обществом, сокрушили в конце концов папскую теократию. Начало этой борьбе было положено преподавателем Оксфордского университета, великим английским мыслителем и теологом Джоном Уиклифом.

О первой половине жизни Уиклифа нам известно очень мало. Считается, что он родился около 1320 г в деревне Ипресуол, в Йоркшире (в окрестностях Ричмонда), в семье небогатого джентльмена Роджера Уиклифа. Обстановка глухого английского севера с мрачным ландшафтом,

с болотистыми, неплодородными землями, бедными крестьянами и небогатыми рыцарями несомненно повлияла на мироощущение молодого Уиклифа и его обостренный интерес к вопросам религии. Хотя, возможно, жизненный путь Джона в не меньшей степени был определен его положением в семье как младшего сына его с рождения готовили к духовной карьере. О детстве Уиклифа нам ничего неизвестно. Предполагают, что 16-летним юношей он поступил в Оксфордский университет, переживавший тогда пору расцвета. По обычаю того времени, его учение было очень долгим. Семь лет он должен был обучаться на младшем факультете — свободных искусств. Первые четыре года посвящались изучению грамматики, риторики и логики, после чего студенту присваивалась степень бакалавра искусств. Следующие три года отводились точным наукам — арифметике, геометрии и астрономии.

Прослушавшему весь курс и успешно сдавшему экзамены присваивалась степень магистра искусств. Только после этого Уиклиф мог приступить к изучению теологии.

При этом первые три года молодой ученый слушал лекции по Священному Писанию, следующие два года изучал «Сентенции» Петра Ломбардского. Сдав экзамен на степень бакалавра теологии, он затем два года штудировал схоластику. Когда Уиклифу исполнилось 30 лет, он был, видимо, допущен к чтению самостоятельных лекций, получил право произносить проповеди и стал принимать участие в богословских диспутах. Значительно позже — около 1372 г — ему была присвоена степень доктора теологии.

Вся жизнь Уиклифа была связана с Оксфордом. Известно, что он занимал несколько университетских и внеуниверситетских должностей. Между 1356 и 1360 гг. его избирали директором Баллиолевской коллегии. В 1361 г он получил от этой коллегии приход Филлингем в Линкольншире и провел там около двух лет. Но в 1363 г Уиклиф вернулся преподавать в университете. В 1368 г он обменял Филлингем на приход Лэдгарзгол в Бэкингемшире. Так как это место находилось на расстоянии всего 15 миль от Оксфорда, Уиклиф мог в дальнейшем совмещать обязанности приходского священника с научной деятельностью. В университете он занимал очень высокое или даже исключительное положение. Это объяснялось, с одной стороны, необыкновенной, можно сказать, европейской славой его сочинений, а с другой — тесными связями с английским королевским двором, который на протяжении многих лет оказывал Уиклифу поддержку (Вполне возможно, что он даже занимал должность придворного капеллана). Уиклиф был близким человеком Джона Гентского, герцога Ланкастерского, одного из сыновей короля Эдуарда III, который имел огромное влияние на дела государства.

В начале 1374 г распоряжением Эдуарда III Уиклиф стал настоятелем прихода Лэттеруорт в Лестерском графстве. С этих пор и до конца жизни его положение не менялось — он был настоятелем, читал лекции по богословию в Оксфорде, часто посещал Лондон и говорил здесь проповеди, которые были очень популярны и собирали толпы народа.

В том, что первый предтеча Реформации появился в Англии, нет ничего удивительного. Англия официально считалась папским леном с 1213 г, когда король Иоанн Безземельный признал папу Иннокентия III своим

сеньором. С тех пор вся собственность английской церкви находилась в полном распоряжении папы. А она была не малой — английские прелаты владели огромными богатствами, их совокупный доход в три раза превышал доход английской короны.

Между тем финансовое положение страны в середине XIV в., в результате тяжелой Столетней войны и опустошительной эпидемии чумы, резко ухудшилось. Король и светские лорды, испытывавшие острую нужду в деньгах, с большим неудовольствием наблюдали за тем, как огромные суммы, минуя их, уходят из страны в Рим. К тому же папы, которым, несмотря на огромные богатства, также постоянно не хватало денег, несколько раз пробовали взыскать с английского короля, как своего вассала, дополнительные подати. Но эти попытки окончились полной неудачей — английский парламент отвечал на них резким отказом, а само обсуждение этого вопроса порождало в английском обществе сильное раздражение и антипатию к Риму.

При таком состоянии умов и началась литературная деятельность Уиклифа. Уже в ранних своих проповедях, произносимых им в стенах университета, он доказывал, что папа не имеет права взимать поборы с Англии; отстаивал права короля, доказывая превосходство светской власти над церковной, поднимал вопрос о секуляризации церковных владений. Результатом лекций, прочитанных Уиклифом в Оксфорде в 1374–1376 гг., стали два его трактата «О господстве Божьем» и «О господстве гражданском». В них был рассмотрен чрезвычайно злободневный в то время вопрос о границах власти церкви и государства, причем Уиклиф ни в одном пункте не был согласен с официальной папской доктриной. Природа власти, по его учению, имела следующий характер.

Богу, как Создателю, принадлежит все сущее. Однако, в силу Своей милости, Бог передает во временное держание, на условиях службы Ему, все, чем обладают люди Всякий человек является держателем по милости Божьей или «низшим должностным лицом Бога» — его слугой. Служба Богу состоит в «праведном поведении», которое определяется точным исполнением «Божьего закона», изложенного в Библии и обязательного для всех людей, какое бы положение в обществе они ни занимали. Если человек нарушает службу Богу, он впадает в смертный грех и, таким образом, лишается «милости» Бога и своего владения.

Поэтому каждый должен знать Библию, жить по ее заветам и подражать Христу, как своему господину и высшему идеалу. Отношения между Богом и человеком прямые и непосредственные. Каждый человек получает свою жизнь, имущество, общественное положение непосредственно от Бога. Священники напрасно приписывают себе какую-то особенную роль в этих отношениях — в их посредничестве нет никакой надобности и никаких особых преимуществ перед мирянами они не имеют. (Уиклиф находил вполне возможным представить такой общественный строй, где церковь вообще будет состоять из одних мирян.) Роль наместника Бога на земле, на которую претендуют папы, абсолютно ничем не обоснована.

Выдвинутые Уиклифом положения находились в противоречии со взглядами католических теологов, суть которых состояла в том, что Бог разделил власть на духовную и светскую, причем светскую подчинил

духовной, так что светская власть передается ее носителям только при посредстве духовной — главной власти на земле. В противоположность им Уиклиф утверждал, что король получает свою власть непосредственно от Бога и является таким же истинным наместником Бога, как папа.

Королевская власть над людьми так же священна, как и власть церкви над духовными делами. Никакого смешения между ними быть не должно. Все сословия в обществе обязаны подчиняться королю, как викарию Бога. Духовенство, которое также является одним из сословий, наравне с другими находится в юрисдикции короля и потому не должно платить Римскому Папе никаких налогов. Ибо Папа Римский есть всего лишь духовный глава церкви, никаких прав светской власти по отношению к английскому духовенству он не имеет и не может иметь.

Оба трактата Уиклифа были с пониманием и сочувствием встречены в Англии, но зато вызвали сильное неудовольствие в Риме. В мае 1377 г. папа Григорий XI издал против Уиклифа несколько булл. В трех из них, адресованных архиепископу Кентерберийскому Сэдбери и епископу лондонскому Куртенэ, папа бросал упрек всем английским епископам, обвиняя их в нерадивости и небрежении перед лицом очевидной ереси Джона Уиклифа. Папа перечислил 18 ошибочных заключений и утверждений Уиклифа, взятых из его трактатов, и предлагал провести надлежащее расследование. Специальная булла, с требованием положить конец распространению теорий Уиклифа, была направлена в Оксфорд. Папское требование поставило иерархов английской церкви в затруднительное положение. К этому времени Уиклиф был настолько популярен, что осудить его не представлялось возможным. Его поддерживали королевский двор, парламент и лондонские бюргеры. Университетские теологи также приняли сторону своего коллеги и заявили, что не находят в трактатах Уиклифа ничего еретического. Наконец, спустя почти год после получения папских булл, в марте 1378 г. обвиняемый предстал перед судом Сэдбери и Куртенэ.

По рассмотрении дела, епископы вынесли формальный приговор: «Уиклиф не должен в дальнейшем пропагандировать свои доктрины в проповедях во избежание соблазна мирян». Никакого реального значения этот приговор не имел.

Публикация папских булл ускорила работу Уиклифа над трактатом «О церкви», сыгравшем в дальнейшем большую роль в истории Реформации. В этом сочинении он показал, что современная католическая церковь нуждается в глубоком преобразовании, потому что в настоящем своем виде совсем не такова, какой должна быть: она удалилась от первоначального установления и слова Христова и совершенно извратила то положение, в каком находилась в апостольское время. К работе «О церкви» примыкает написанный позже трактат «О папе» (1380). Здесь, сравнивая Христа с современным римским первосвященником, Уинклиф показал, что они буквально во всем противоположны друг другу. Действительно, Христос нес правду людям, принципы папы — ложь. Христос отказался от светской власти, а папа высказал непомерные требования о подчинении себе всех светских правителей.

Христос презрел золото, а у папы все идет на продажу. Христос послал своих учеников в мир, как ягнят в стадо волков, а папа живет в

великолепном замке, построенном на деньги бедняков. Христос действовал во славу Господа, а папа ищет собственной славы. Таким образом, Уиклиф приходил к выводу, что папа есть настоящий Антихрист.

От вопросов взаимоотношения церкви и государства Уиклиф перешел к рассмотрению значения таинств. Около 1379 г. появилась его знаменитая работа «О евхаристии».

Здесь Уиклиф решительно разошелся с официальным католическим учением, по которому хлеб и вино, даваемые верующему во время причастия, по молитве священника (и только его!), в буквальном смысле превращаются в тело и кровь Христову (считалось, что, вкушая эти дары, верующий тем самым приобщается к Христовой жертве и спасается). Уиклиф выражал сомнение в возможности такого чуда и писал, что хлеб остается хлебом даже после произнесения всех сакраментальных слов во время мессы. Евхаристия, по его мнению, имеет не буквальный, а символический смысл и состоит в том, что через освящение хлеб делается как бы подобием пострадавшего Христа и служит напоминанием о Его муках. Этим отвергалось одно из важнейших преимуществ духовенства перед мирянами — тайна священства. Поскольку лицо, отправляющее богослужение, не совершает никаких действительных таинств, им, в принципе, может быть любой мирянин.

Свое особое мнение Уиклиф имел о Священном Писании. Выше отмечалось, что схоластики и мистики, помимо прямого смысла, находили в священных текстах скрытый аллегорический и мистический смысл, открывавшийся будто бы только посвященным. В противоположность им Уиклиф учил, что Священное Писание — это закон Божий, и, как всякий закон, он допускает лишь буквальное понимание. Еще в 1378 г. он опубликовал трактат «Об истинности Священного Писания», в котором решительно опровергал распространенное в то время мнение о том, что Библия имеет множество «темных» мест, не понятных простым верующим, что Слово Божие слишком высоко и свято для непосвященных. Уиклиф писал: Библия чрезвычайно ясна, ее истинность так очевидна, что ее без опасения можно передать в руки простого народа. Никаких особых знаний, кроме умения читать на своем родном языке, для этого не требуется. Священное Писание — есть общее достояние всех, оно открыто для каждого человека и дает все, что необходимо для спасения верующего.

Претензии католического духовенства на то, что только оно имеет необходимые познание для правильного толкования Библии — бездоказательны и самонадеянны.

Отвечая своим оппонентам, Уиклиф писал: «Если Слово Божие есть жизнь Вселенной и если каждое Слово Божие есть жизнь человеческой души, то как же смеет какой-нибудь враг Христов, перед лицом Бога, отнять его у нас, у христиан, и морочить людей голодом в заблуждении?»

За несколько лет до смерти Уиклиф приступил к полному переводу Библии с латыни на английский язык. Этот грандиозный труд был осуществлен им практически в одиночку, только начало Ветхого Завета перевел его ученик Николай Хорфорд.

Многие его последователи, откликнувшись на призыв Уиклифа, отправились проповедовать Закон Божий английскому народу на понятном ему языке. Эти проповедники получили прозвание «бедных священников».

Им было поручено взять на себя дело, о котором давно забыла занятая мирскими заботами официальная церковь — наставлять народ в правде истинного евангелия. Часто «бедные священники» не имели ни сана, ни посвящения, ибо Уиклиф не усматривал в должности священников ничего, ставившего их выше простых смертных.

Идеи Уиклифа были очень популярны во всех слоях английского общества вплоть до начала 1380-х гг. Затем сильную тень на его репутацию бросило произошедшее в 1381 г. народное восстание под руководством Уота Тайлера. Известно, что религиозные проповедники из числа «бедных священников» сыграли в нем не последнюю роль. Один из главных вожаков восстания Джон Болл во время следствия заявил, что в течение двух лет был учеником Уиклифа и «от него научился ересям, которым учил других». После этого английская знать несколько охладела к учению Уиклифа (многие положения которого действительно могли быть истолкованы в радикальном духе). В мае 1382 г. новый архиепископ Кентерберийский Куртенэ, занявший место убитого во время восстания Сэдбери, созвал в Лондон для суда над Уиклифом видных английских прелатов. Они занялись рассмотрением сочинений Уиклифа и единодушно осудили десять положений его учения как еретические, а еще четырнадцать — как ошибочные. Сам Уиклиф, впрочем, на этом судилище не присутствовал, и даже имя его не было названо. Старика оставили в покое, но зато начали преследовать его учеников. Все они были отстранены от занимаемых в университете должностей и, чтобы вернуть их, должны были публично отречься от ереси.

Папа несколько раз пытался вызвать Уиклифа на суд в Рим, но тот отказывался, ссылаясь на свои недуги. Действительно, в 1382 и 1383 гг. он был частично парализован и последние годы провел прикованным к постели. Но даже в таком состоянии он продолжал неустанно работать — жажда деятельности не покидала его до самой смерти. Писать он не уже мог, и под его диктовку писали ученики. 28 декабря 1384 г. во время мессы у Джона Уиклифа случился новый удар, и три дня спустя он скончался. Констанский собор 1415 г. (осудивший на сожжение Яна Гуса) объявил учение Уиклифа еретическим. Все его труды подлежали сожжению. Спустя двенадцать лет враги добрались и до его останков — в 1427 г. тело Уиклифа выбросили из могилы, а память его предали проклятию.

Ян Гус

Великий чешский религиозный деятель Ян Гус родился около 1369 г. в местечке Гусинец, на границе Богемии и Баварии. Родители его были, видимо, незажиточными крестьянами. Гус рано лишился отца, и воспитанием его занималась мать. Закончив находившуюся неподалеку от Гусинца Прахатицкую школу, Гус около 1390 г. отправился учиться в столицу, где записался студентом на факультет свободных искусств Пражского университета. В 1393 г. он получил степень бакалавра свободных искусств, а в 1396 г. — магистра. Вскоре после этого, около 1401 г., его рукоположили в священники и в том же году избрали деканом факультета искусств. Наконец, в октябре 1402 г. Гус был в первый раз избран на высшую академическую должность ректора университета.

Примерно в то же временя в образе жизни Гуса произошла значительная перемена. Под влиянием книг — прежде всего сочинений Уиклифа — он из веселого светского человека превратился почти что в аскета. Сохранилось много доказательств глубокого влияния на Гуса идей английского реформатора. Один из знакомых Гуса позже вспоминал, что тот однажды признался: «Книги Уиклифа открыли мне глаза, и я читал их и перечитывал». Однако преувеличивать это влияние не следует. Хотя собственные сочинения Гуса местами являются дословными извлечениями из Уиклифа, он не принимал его учение целиком. В частности, в важном вопросе о евхаристии он имел свое мнение. Если Уиклиф учил, что при пресуществлении хлеб остается хлебом и Христос присутствует в причастии только символически, а не телесно, то Гус (в полном согласии с католическим учением) считал, что Христос действительно содержится в святом причастии приблизительно так, как душа содержится в человеке — внешность хлеба покрывает Его, как тело душу. Гус не разделял и многих других радикальных взглядов Уиклифа. Он не отрицал полностью папской власти, глубоко чтил таинство священства и принимал общий взгляд католической церкви на важную посредническую роль духовенства в отношениях между Богом и мирянами. Различались их взгляды и на значение Писания. Если для Уиклифа Писание заключало в себе все христианское учение, то для Гуса оно было лишь его основой. Как и все католики, он считал, что учение продолжает развиваться правилами святых пап и постановлениями соборов. Не касаясь католических догм, Гус, однако, очень сурово бичевал пороки современной церкви. Его речи встречали живой оклик в мирянах и оказали огромное воздействие на современников.

Во времена Гуса чешское общество переживало подъем национального самосознания, сопровождавшийся оппозицией к католическому духовенству. Пражские граждане громко требовали, чтобы проповеди в церквах произносились не только по-латыни и по-немецки, но и по-чешски. Король Вацлав IV поддержал это требование, и вскоре в Праге открылась новая часовня, получившая название Вифлеемской. Здесь выступало несколько весьма красноречивых проповедники, однако ни один из них не приобрел и малой доли того значения, которое придали этой часовне выступления Гуса. Его бледное, исхудалое лицо, его задумчивые глаза поражали прихожан еще прежде, чем раздавался его голос. На фоне общего упадка нравственности духовенства, его репутация всегда была кристально чистой. Один из личных врагов Гуса позже писал о нем: «Жизнь его была сурова, поведение безупречно, бескорыстие такое, что он никогда ничего не брал за требы и не принимал никаких даров и приношений». В своих проповедях он не стремился поражать прихожан красотой слога, речь Гуса не была ни пылкою, ни блестящею, так что на слушателей действовала, главным образом, сила и искренность его убеждения. Обличения Гуса всегда бывали суровы и беспощадны он не щадил ни светских, ни духовных лиц, постоянно говорил о высокомерии духовенства, о погоне за иерархическими повышениями, о корыстолюбии и жадности. Поводов для этого было больше чем достаточно.

Состояние церкви тогда являло собой самое безотрадное зрелище. Многим верующим вообще казалось, что она из «Божьего дома» превратилась в учреждение, предназначенное исключительно для сбора денег. Папы облагали ежегодной податью весь христианский мир и брали еще сверх установленного. Папский двор открыто торговал церковными должностями. Большие доходы римской курии давала продажа индульгенций, до глубины души возмущавшая всех добропорядочных христиан. Ко всему этому прибавилось еще многолетнее двоепапство. В 1378 г на папский престол были избраны одновременно Урбан VI и Климент VII. После этого на протяжении полувека Европа видела «мерзость запустения на святом месте». Часть государств признавала римского первосвященника. Другие отдавали предпочтение его противнику, утвердившему свой двор в Авиньоне. Папы и антипапы то и дело предавали друг друга проклятию и непристойно ссорились. Расколу не было видно конца, и у добропорядочных христиан возникало сомнение, что Христос бдит свою церковь. Всем было ясно, что оба первосвященника — ложные наместники Христа, оба антихристы, и что единственным способом поправить дело было свергнуть и низложить обоих Чешская церковь также являла собой грустную картину упадка. Многие пражские священники почти открыто жили с любовницами, устраивали пиры с танцами, играли в кости, охотились и совершали другие неподобающие поступки. Монахи (в одной Праге их было более тысячи) проводили большую часть времени в праздности и предавались самым разнообразным порокам. Многих из них замечали в связях с женщинами. Но хуже всего была безудержная жажда золота, охватившая тогда всю церковь. «Последний грошик, который старушка завяжет себе в покрывало, чтобы уберечь его от вора или разбойника, этот грошик сумеет у нее выманить священник и монах… — говорил Гус — Богатство отравило и испортило церковь. Откуда войны, отлучения, ссоры между папами и епископами? Собаки грызутся из-за кости. Отнимите кость — и мир будет восстановлен. Откуда подкуп, симония, откуда наглость духовных лиц, откуда прелюбодеяния? Все от этого яда».

Резкие речи Гуса сильно задевали духовенство. В адрес пражского архиепископа Збынека стали поступать многочисленные жалобы. «У нас, — писал один из доносчиков, — раздаются возмутительные проповеди, которые терзают души набожных людей, уничтожают веру и делают духовенство ненавистным народу». Крайне раздражало многих утверждение Гуса, что священник, требующий денег за совершение таинств, особенно от бедных, виновен в «симонии и ереси». Возмущались и тем, что Гус по поводу смерти одного каноника сказал: «Я не хотел бы умереть, имея такие доходы».

Злясь на Гуса, враги долгое время не имели возможности обвинить его ни в чем серьезном. Но потом ему все чаще (и совершенно необоснованно) стали приписывать еретические заблуждения. В 1403 г в Пражском университете разгорелась полемика из-за богословского учения Уиклифа Немецкий магистр Гюбнер извлек из его трактатов 45 еретических положений, для обсуждения которых ректор Геррасер созвал всех пражских докторов и магистров. Заседание носило бурный характер.

Когда общественный нотарий прочел предосудительные параграфы, то за новые идеи встала целая фаланга магистров-чехов, видевшая в Уиклифе своего учителя. Но они не смогли добиться победы, и по окончании прений большинство постановило: «Чтоб никто не учил, не проповедовал и не утверждал, ни гласно, ни тайно, вышеупомянутых параграфов под страхом нарушения присяги». За этим постановлением поначалу не последовало никаких карательных мер. Среди придворных и коллег Гуса было много уиклифистов, да и сам он в проповедях никогда не скрывал своего расположения к английскому вероучителю. Но с годами враждебное отношение официальной церкви к идеям Уиклифа становилось все более непримиримым. В конце 1407 г. Римский Папа Григорий XII направил пражскому архиепископу буллу с требованием искоренить сектантов, проповедующих против учения о святом причастии.

После этого в 1408 г началось новое, более жестокое гонение. Опять были осуждены пресловутые 45 параграфов, идеи Уиклифа строго запрещалось преподавать и защищать.

Партия уиклифистов в Чехии терпела поражение и вскоре должна была совсем исчезнуть, но тут, к счастью для нее, между королем и архиепископом возникли серьезные трения. Причиной их стал церковный раскол: в то время как архиепископ Збынек со всем капитулом продолжал ориентироваться на Рим, король Вацлав (выступавший за низложение обоих соперников — как римского Григория XII, так и авиньонского Бенедикта XIII) потребовал от своих подданных соблюдения нейтралитета. (Предполагалось, что на Пизанском соборе, созыв которого Вацлав активно поддерживал, будет наконец избран законный папа, который положит конец многолетнему расколу.) Споры о нейтралитете имели важные последствия для Пражского университета. С самого основания он не был чисто чешским национальным учреждением, поскольку служил главным умственным центром не только для чехов, но и для немцев. Согласно уставу, штат университета — как профессора, так и студенты — разделялся на четыре нации — чешскую, польскую, баварскую и саксонскую. Во всех делах внутреннего самоуправления каждая нация имела один голос. Формально этим провозглашалось равенство наций, но фактически такая организация обеспечивала полное господство немецкой партии, ибо баварцы и саксонцы были природными немцами, а в польскую нацию записывались по преимуществу выходцы из Силезии.

Вопрос о нейтралитете, возбужденный королем, вызвал в университете раскол по национальному признаку. Немецкие профессора и высшее чешское духовенство твердо стояли за Григория, а чешская партия, возглавляемая Гусом, единодушно высказалась за нейтралитет. Разгневанный архиепископ назвал Гуса «непокорным сыном церкви» и запретил исполнять какие бы то ни было священнические обязанности. Вместе с ним были отрешены остальные сторонники нейтралитета. Но эта мера, вместо того чтобы напугать чешскую нацию, воодушевила ее. Симпатии пражского населения были всецело на их стороне. Гус предложил обратиться к королю с прошением об изменении университетского устава таким образом, чтобы при решении всех вопросов голоса немцев и чехов были уравнены. Король поначалу принял Гуса очень недружелюбно, но потом удовлетворил его пожелание. Итогом всех этих

движений стал раскол Пражского университета. Немцы, возмущенные новшеством, стали требовать восстановления своих прав. Вацлав вспылил, велел прогнать ректора, отобрать у него печать и ключи. Тогда 16 мая 1409 г. более пяти тысяч немцев — профессоров и студентов — оставили Прагу и удалились в Лейпциг, где основали новый немецкий университет.

В результате чешские последователи Уиклифа вновь усилились. Победа над немцами сделала имя Гуса необычайно популярным в Чехии, а особенно в Праге. В октябре 1409 г. прошли выборы первого после раскола ректора университета. Им вторично стал Ян Гус. Собравшийся в то же время при поддержке Вацлава собор прелатов в Пизе, избрал (в пику Григорию и Бенедикту) новым папой Александра V.

Архиепископ, после тщетной борьбы с королем, вынужден был признать этот выбор.

Но он продолжал оставаться врагом Гуса. В марте 1410 г. Збынек добился от папы буллы, осуждавшей ересь Уиклифа и дававшей ему самые широкие полномочия в ее искоренении. Спустя четыре месяца он велел публично сжечь все книги Уиклифа, которые ему удалось заполучить, а затем изрек проклятие Гусу и его сторонникам.

Но когда священники стали, согласно его распоряжению, провозглашать отлучение Гуса, народ силой воспротивился этому во всех церквях. Большинство пражских священников было так запугано, что уже не осмелилось повторять проклятие. Но кое-где сторонники архиепископа осилили. Почти целый месяц в пражских церквах продолжались беспорядки и замешательство. Наконец король строгими мерами прекратил их. В общем, в Чехии победа осталась за последователями Гуса. На его стороне всецело был университет и королевский двор, его горячо поддерживали жители Праги. Но за пределами королевства отношение к нему оставалось прямо противоположным — под влиянием папских булл здесь постепенно утверждалось мнение, что Гус настоящий еретик. Его стали требовать в Рим для разбирательства, но Гус не поехал, так как опасался расправы. Тогда в феврале 1411 г. его предали папскому проклятию. Однако Гус, не обращая внимания ни на архиепископские, ни на папские отлучения, продолжал проповедовать в своей часовне. В последние годы своей жизни он, подобно Уиклифу, много сил отдал переводу на чешский язык Библии. К этому времени уже имелись чешские переводы многих книг Священного Писания, но не все они были удовлетворительного качества, разнились по стилю и языку (единого литературного чешского языка в то время еще не существовало, бытовало несколько диалектов). Гус внимательно просмотрел все эти переводы, исправляя ошибки и огрехи, и, подобно Уиклифу, создал наконец для народа Библию, которую тот мог читать без затруднений.

Между тем гонения на Гуса усиливались. В 1412 г. папа Иоанн XXIII велел предать его новому отлучению. Проклятие должны были повторить при колокольном звоне, с зажжением и погашением свечей. В формуле проклятия говорилось, что отныне никто не должен давать Гусу ни пищи, ни питья, ни приюта, и место, на котором он стоит, подвергается интердикту. Всем верным сынам церкви вменялось в обязанность задерживать Гуса везде, где бы они его ни встретили, и отдавать в руки архиепископу или епископу. Вифлеемскую часовню, как рассадник ереси, папа велел

уничтожить. Осуществить эти угрозы в Праге, где у Гуса насчитывалось множество сторонников, не было никакой возможности. Когда однажды враги Гуса попытались сорвать богослужение в Вифлеемской часовне, мгновенно сбежались толпы народа, и устрашенные противники ушли ни с чем. Король также оставался покровителем Гуса, хотя ссора последнего с папой ему очень не нравилась — она бросала тень на репутацию Вацлава, ибо враги распространяли о нем в Европе слухи как о защитнике еретиков. В конце 1412 г. он уговорил Гуса уехать из Праги и тем положить конец смуте. Находясь за пределами столицы, тот написал свое главное сочинение «О церкви». Оно стало его завещанием для чешских реформаторов.

Осенью 1414 г. по требованию императора Сигизмунда в Констанце собрался церковный собор, который должен был покончить с затянувшемся расколом западной церкви. (Пизанский собор не смог этого сделать; фактически он даже усилил его, так как вместо двух пап оказалось три). Попутно в Констансе решались другие запутанные церковные дела. Дело Гуса было одним из них, и император отправил ему личное приглашение на собор. Сигизмунд писал, что предоставит Гусу возможность высказать свои взгляды, и обещал отпустить его на родину даже в том случае, если Гус не подчинится решению собора. Многие друзья Гуса, зная непостоянство Сигизмунда, отговаривали его от этой поездки. Однако Гус решил ехать. Ему казалось, что, явившись на собор, он оправдает себя перед обвинителями и убедит в истинности своих идей не только мирян, но и прелатов.

Когда Гус приехал в Констанс, здесь уже было шумно и многолюдно, хотя собор еще не открылся. Первое время на него не обращали внимания и казалось, никому нет до него дела. Но это была только иллюзия. Враги слишком ненавидели его, чтобы позволить вырваться из своих рук. Расправа над чешским реформатором была предрешена. Гус ожидал справедливого суда или публичного диспута и был уверен в своем успехе. Однако, судьба его решилась совсем другим способом. 28 ноября 1414 г. кардиналы, собравшись к папе Иоанну XXIII, келейно обсудили учение Гуса и решили, что он должен быть взят под стражу. В тот же день несчастного заключили в доминиканском монастыре, в мрачной сырой камере, примыкавшей к клоаке. Это произошло без ведома императора.

Поначалу Сигизмунд пришел в сильный гнев и объявил о своем намерении силой освободить узника. Но спустя некоторое время он резко сбавил тон и предоставил духовенству полную власть над судьбой своего подзащитного. Гуса перевели в замок Готтлибен, принадлежавший констанскому епископу, заковали в цепи и держали в большой строгости.

В июне 1415 г. начался публичный суд над Гусом. Всего было три заседания, но ни на одном из них Гусу не дали свободно высказаться. Чтобы придать законный вид готовившейся расправе, ему старались приписать распространение еретических положений Уиклифа. Гус искусно защищался, хотя находился в очень трудном положении — ему приходилось в одиночку противостоять целому собору враждебных епископов. Формально вина его так и не была доказана. Большинство членов собора готово было удовлетвориться пожизненным заключением обвиняемого. Но для этого требовалось, чтобы Гус признал свои

заблуждения. Он отказался наотрез. Прелатам ничего не оставалось, как объявить его упорным еретиком и приговорить к сожжению на костре. Казнь состоялась 6 июля 1415 г.

Джироламо Савонарола

Имя знаменитого итальянского проповедника и монаха Джироламо Савонаролы неразрывно связано с Флоренцией. Между тем родиной его была Феррара, а все его предки жили в Падуе. Родоначальник феррарской линии Савонарол — знаменитый врач Михаэль Савонарола — перебрался в этот город всего за несколько лет до рождения внука. Сын Михаэля, Николо Савонарола, женился на знатной мантуанке Елене Буонокорзи. Джироламо стал третьим ребенком этой четы. Он родился в сентябре 1452 г. и, как пишут хронисты, никогда не отличался ни особенной красотой, ни детской веселостью и беспечностью. Замкнутый, вдумчивый, сосредоточенный, он ничем не походил на своих старших братьев. Дед готовил Джироламо к карьере врача и лично посвящал в тайны естествознания, преподавая ему в то же время грамматику и латинский язык. Джироламо оказался очень восприимчивым и сообразительным ребенком. Все знания он схватывал буквально на лету. Позже, когда мальчик пошел в школу, он удивлял учителей своими способностями, разносторонними дарованиями и умением дискутировать. Занятия его были серьезными, интересы — глубокими. Фома Аквинский и арабские толкователи Аристотеля увлекли юношу до такой степени, что он мог читать их книги часами. В то же время он внимательно и вдумчиво читал Библию, а отдыхал за рисованием, музыкой и сочинением стихов. Несовершенство окружающего мира всегда глубоко волновало его. В одном из своих юношеских стихов Савонарола писал: «Я вижу разрушенным весь мир, безнадежно попранными добродетели и добрые нравы; нигде нет живого света и существа, стыдящегося своих пороков… Но у меня есть еще надежда, которая спасает меня от окончательного отчаяния: я знаю, что в другой жизни будет ясно тем, чья душа была благородна и высоко возносилась в своих порывах». В апреле 1475 г. Савонарола тайком от семьи ушел в Болонский монастырь Сан-Доминико. В письме родителям он объяснял свой поступок так: «Что меня побудило вступить в монастырь — это страшное ничтожество света и испорченность людей: разврат, нарушение святости брака, обман, высокомерие, нечестие, проклятия и кощунства всех родов дошли в свете уже до того, что не находишь в нем более честных людей… Ежедневно я просил Господа Иисуса Христа, чтобы он избавил меня от этой грязи…»

Став монахом, Савонарола семь лет провел в молитвах и покаянии. Он учился сам и обучал в то же время по приказанию настоятеля новичков. В 1483 г. его отправили проповедовать во Флоренцию, процветавшую в то время под управлением Лоренцо Медичи. Но это еще не был тот Савонарола, который известен нам по позднейшим временам. Можно сказать, что его первое пребывание во Флоренции осталось совершенно незамеченным, а проповеди в церкви Сан-Лоренцо не имели никакого успеха и собирали не более двух или трех десятков слушателей. Эта неудача была вполне закономерной — Савонарола говорил не очень

складно, его тщедушное телосложение и слабый, сипловатый голос также не прибавляли ему популярности в глазах горожан. Видя это, руководство доминиканского ордена перевело Савонаролу в 1484 г. в маленький городок Сан-Джеминиано, в сиенских горах. Казалось, как проповедник он не состоялся. Однако неудачи не поколебали его веру в себя.

Постепенно, упорными упражнениями, ему удалось значительно укрепить голос и избавиться от косноязычия. Дремавшие в нем до поры силы проснулись. Его проповеди день ото дня становились все более страстными. Прихожане толпами стекались на них и жадно ловили каждое слово. Когда в 1486 г. Савонарола явился в Бресчии, его духовный облик уже обрел свое завершение. На местных жителей производили огромное впечатление его пламенные проповеди на темы Апокалипсиса.

Он говорил вдохновенно и яростно, не как христианский пастырь, а как подлинный ветхозаветный пророк: грозил народу наказанием за грехи, предрекал ужасы порочным людям, призывал всех к покаянию и исправлению. Его голос, достигавший необыкновенной силы, гремел как гром и потрясал слушателей до глубины души. В городе только и говорили, что о новом проповеднике.

В январе 1490 г. привлеченный славой Савонаролы, Лоренцо Медичи призвал его во Флоренцию. Савонарола вернулся в этот город тихо и незаметно. Поначалу он выступал со своими толкованиями Апокалипсиса во дворе монастыря Сан-Марко. Но вскоре монастырский двор стал тесен — молва о Савонароле мгновенно облетела город, и число желающих слышать его многократно возрастало с каждым днем.

Пришлось перенести проповеди в храм Сан-Марко. Однако прихожан становилось все больше и больше. Начало твориться нечто новое для вечно ликующей и вечно занятой мирскими заботами Флоренции: горожане вдруг вспомнили о Боге. Савонаролу слушали с возрастающим вниманием, с тревогой, с рыданиями. Через несколько месяцев храм Сан-Марко был уже не в состоянии вместить всех желающих. В пост 1491 г. проповедь Савонаролы раздалась в соборной церкви Санта-Мария дель Фьоре. Поднявшись на кафедру, он повел речь о необходимости обновления церкви и близкой гибели нераскаявшихся грешников. Он клеймил высшее духовенство и светских правителей, призванных служить примером для низших классов, но запятнавших себя предательствами, убийствами и развратом. «Я вижу прелатов, — говорил Савонарола, — не заботящихся о своей духовной пастве, но развращающих ее своими дурными примерами. Священники разбрасывают достояние церкви; проповедники проповедуют пустое тщеславие; служители религии отдаются всяким излишествам; отцы и матери дурно воспитывают детей; князья давят народы, разжигая страсти; граждане и купцы думают только о наживе, женщины — о пустяках… Я хотел бы молчать, но я не могу; Слово Божие в моем сердце горит неугасимым огнем; если я не уступлю ему, оно сожжет мозг костей моих. Князья Италии посланы ей в наказание. Их дворцы — убежище диких зверей и земных чудовищ, то есть негодяев и развратников, потакающих их развращенным желаниям и их дурным страстям. Это действительно Вавилон, братия, город безумцев и злодеев, который хочет разрушить Господь. Ступайте в Рим! Вместо христианства прелаты там отдаются поэзии и красноречию. В их руках вы найдете

творения Горация, Вергилия или Цицерона; из этих книг они учатся управлять душами. Они изучают тайну управления церковью по созерцанию звезд, а не по размышлению о Боге. С внешней стороны она прекрасна, эта церковь их, с ее украшениями и позолотою, с блестящими церемониями, роскошными облачениями… с богатыми дароносицами… но в первоначальной церкви дароносицы были деревянные, а прелаты были золотые. Это праздники ада празднуют теперь наши прелаты; они не верят более в Бога и издеваются над его таинствами… Что ты делаешь, о Господи? Приди освободить свою церковь из рук демонов, тиранов и злых пастырей!.. Поспеши с наказанием, чтобы она поскорее возвратилась к Тебе! О Рим, готовься, твоя казнь будет ужасна!.. О, Италия, казни пойдут за казнями: бич войны сменится бичом голода; бич чумы дополнится бичом войны, казни будут и тут и там… У вас не хватит живых, чтобы хоронить мертвых… О, Флоренция! прошло время песен и праздников.

Покайтесь! Господи, Ты свидетель, что я с братьями моими старался поддерживать словом своим эту падающую руину; но я не могу больше, силы мне изменяют…»

Нельзя не подивиться верности и точности пророчеств Савонаролы. Все, о чем он говорил, свершилось отчасти уже на глазах его слушателей, остальное увидели их ближайшие потомки. Великая эпоха процветания Италии, породившая одну из самых замечательных культур в истории человеческой цивилизации, подходила к концу.

Приближалась чреда бесконечных войн, нашествий, иноземного порабощения и быстрого угасания национальных сил. Конечно, не один Савонарола предчувствовал грядущие в будущем тяжелые перемены, но никто лучше и сильнее его не выразил этого ощущения. В апреле 1492 г. умер Лоренцо Медичи (незадолго до смерти он позволил избрать Савонаролу приором монастыря Сан-Марко). В том же году в Риме скончался папа Иннокентий VIII. На их место в управлении во Флоренции вступил Пьер Медичи, а в Риме путем откровенного подкупа был избран папою Родриго Борджиа, принявший имя Александра VI. Еще через два года, в 1494 г., в Италию вторглась французская армия Карла VIII — он шел завоевывать Неаполитанское королевство. (С этого похода начались Итальянские войны, которые продолжались потом до середины XVI века, страшно разорив и опустошив страну.)

Пьер Медичи, напуганный приближением французов, поспешил сдать им город. Но флорентийцы, узнав о его предательстве, немедленно восстали. Многолетняя тирания Медичи была свергнута, и Флоренция обрела свободу.

Нечаянная победа воодушевила горожан. Но очень быстро ликование сменилось растерянностью и страхом. По старому, существовавшему еще до установления тирании обычаю, горожане избрали двадцать уполномоченных, которые должны были по своему выбору назначать людей на те или иные должности. Но работа этих уполномоченных с первых же шагов оказалась парализована несходством мнений, бесконечными спорами и интригами. Между тем подчиненные Флоренции тосканские города один за другим объявляли о своей независимости. Промышленность, торговля замерли. Началась массовая безработица. Люди слонялись без дела по улицам, жаловались на голод и

грозили бунтом. Перед правительством встал грозный призрак безденежья как раз в ту минуту, когда деньги были нужны для уплаты контрибуций, обещанных французам, и для подавления восстаний в отпавших городах. В этих затруднительных обстоятельствах взоры горожан невольно обратились на их сурового проповедника, слово которого уже давно имело над ними огромную власть. От него ждали советов, разъяснений и указаний к действию.

Так, помимо желания, Савонарола оказался втянутым в мирские дела. Теперь в его проповедях все больше и больше места стали занимать политические вопросы. Первым делом он ободрил растерявшихся граждан. Он говорил, что они свершили великое, богоугодное дело, вернув себе свободу и изгнав тирана. Теперь им надлежит устроить республику, которая есть лучшая форма государственного правления, наиболее пригодная для Флоренции. Реформы должны начаться с духовной области ибо эта область выше материальной. Мирское благо должно быть слугою нравственного и религиозного блага, от которого оно зависит. «Очистите сердца, улучшив свои стремления, предав осуждению игру, разврат и клятвы», — говорил Савонарола.

Старая форма государственного правления, существовавшая до Медичи, изжила себя.

Нужно немедленно приступить к написанию новых законов, сперва в общих чертах, а потом — в отдельных частностях. Суть их должна состоять в следующем: никто не получит должности или обязанности помимо общего собрания, которое одно создает власть и законы. Лучшая форма управления для города — Большой Совет по образцу венецианского. В Венеции нет ни беспорядков, ни заговоров с той поры, как ею правит Большой Совет. Каждое сколько-нибудь видное место должно быть выборным.

Налоги следует пересмотреть, так как они обременительны, и в то же время государство нуждается.

Эта ясная программа вызвала всеобщее воодушевление. Слова «Большой Совет на манер венецианского» — сделались лозунгом всего флорентийского народа. Закипела законодательная работа, которая, казалось, во всех мелочах руководствовалась проповедями Савонаролы. Итальянские историки говорят, что ни одна из законодательных реформ, осуществлявшихся когда-либо во Флоренции, не отличалась такой стройностью и серьезностью, как эта. Прежде всего был образован Большой Совет, заседать в котором имели право все мужчины, не моложе 29 лет, отцы, деды и прадеды которых состояли членами сеньории или занимали другие почетные должности в городском управлении. (Таких во всей Флоренции набралось около 3000 человек.) Для того чтобы этот олигархический по существу орган не замыкался в своих проблемах, Савонарола предусмотрел каждые три года избирать в него 80 граждан, не принадлежавших к городской аристократии. Так как законы города были не вполне ясны и противоречивы, было избрано известное количество граждан для их пересмотра и приведения в порядок. В то же время создали комиссию из десяти граждан для пересмотра налогов и денежных штрафов. Было издано постановление о выборе городского магистрата — сеньории, состав которой менялся каждые два месяца. (При сеньории

функционировал совещательный «совет восьмидесяти», куда избирались граждане не моложе 40 лет.) Усилиями Савонаролы в интересах неимущего населения был образован Ломбард — что-то вроде городского банка, в котором заемщики могли брать ссуды всего под 6 % (в то время евреи давали деньги только под 32 %).

Установив во Флоренции новое государственное устройство, сам Савонарола не занял ни одной официальной должности. Он только внушал горожанам в проповедях свои пожелания, не навязывая их, и они сами решали, принимать его советы или нет.

Собственно политика сама по себе никогда не занимала его, так как к личной власти он не стремился. Но зато в каждой проповеди он вновь и вновь повторял: флорентийцы должны измениться, ибо только нравственно возродившиеся люди могут спасти республику. Истинная дружба, основанная на правдивости, честности и добродетели; единодушие граждан, дающее силу обществу; любовь и милосердие — вот главные темы, с которыми он обратился к гражданам в начале 1495 г. Исхудавший, тщедушный, с горящими глазами, со страстной речью, он доводил толпу до высшей степени воодушевления. После его проповедей богатые женщины раздавали свои драгоценности бедным, вступавшие в брак давали обеты воздержания и целомудрия, молодежь порывала с разгульным образом жизни, смолкали светские песни, в праздники горожане садились за чтение Библии, церкви были полны народа, все стремились возможно чаще исповедоваться. Дело доходило до того, что купцы и банкиры раздавали нищим нечестно приобретенные деньги.

Но, разумеется, эти настроения не были всеобщими. Хотел того Савонарола или нет — он занял во Флоренции руководящее положение, и потому вскоре у него явилось множество врагов. И с каждым годом их становилось все больше и больше.

Политические волнения, застой в торговле и промышленности, уплата денег французскому королю, войны с отпавшими тосканскими городами — все это подорвало экономику Флоренции. Цены возросли многократно, начался голод. Многие с тоской вспоминали времена правления Лоренцо Медичи, когда Флоренция не имела свободы, но зато наслаждалась богатством и покоем. Однако вернуться к старому правлению при Савонароле не было никакой возможности. Не имея сил самостоятельно изгнать его из города, враги решили прибегнуть к помощи папы. В Рим стали приходить доносы о том, что Савонарола в своих проповедях позволяет себе неслыханные вольности, что он выступает как ярый противник духовенства и самого папы.

Александр VI вызвал Савонаролу для разбирательства в Рим, но тот отказался ехать. Тогда папа прислал в флорентийский монастырь Св. Креста послание с повелением препроводить в Рим «некоего Джироламо», распространяющего ложные учения. Затем явилось послание, запрещавшее Савонароле проповедовать. Но зажать таким образом ему рот не удалось. Тогда папа сменил тактику и предложил Савонароле сан кардинала, «если он изменит тон своих проповедей». Как и следовало ожидать, этой неуклюжей попыткой подкупа Александр Борджиа добился только того, что тон проповедей Савонаролы стал еще более резким. Не касаясь догматических вопросов, он обрушился на пороки и лицемерие римской

курии. Прежде всего, он ополчился на светские владения церкви.

Не отрицая прав церкви владеть имуществом, он прямо заявил, что богатство испортили церковь, что она должна отказаться от него, как отказываются мореходы от своих сокровищ во время бури, бросая все в море. Богатство влечет за собой распутство. «Они, — говорил Савонарола про духовных лиц Рима, — не спасают никого, но скорее убивают души людей своим дурным примером. Они удалились от Бога, их культ — проводить ночи в разврате… Алтарь стал для духовенства лавочкой».

В ответ на эти обличения папа отлучил Савонаролу от церкви. Тот отвечал, что «отлучение недействительно перед Богом и людьми, так как оно составлено на основаниях и обвинениях, измышленных его врагами». Так же думали друзья Савонаролы. Однако большинство граждан было смущено таким поворотом событий, а враги сразу подняли голову. Савонароле пришлось оставить свои проповеди. Теперь он занимался изданием своих сочинений, но, конечно, они не могли сравниться по воздействию с живым словом. Тем временем город переживал тяжелые дни. К голоду прибавилась эпидемия чумы. Повсюду ощущался упадок духа. По настоянию друзей в феврале 1498 г. Савонарола вновь выступил с проповедью. На этот раз обличения его были еще смелее. Говоря о римском духовенстве, он восклицал: «У них придворные, оруженосцы, лошади и собаки… похоже ли все это на церковь Божию?

Их высокомерие наполняет весь свет и не меньше того их алчность. Все делается за деньги. Они продают места, продают таинства, продают обряд крещения, продают все. И еще толкуют об отлучении!»

Хотя все это была правда, слова Савонаролы не оказали уже на флорентийцев того воздействия, какое имели раньше. Многие, в особенности богатая молодежь, почти открыто восставали против него. К тому же папа прислал флорентийской синьории письмо с угрозой отлучения всем, кто будет слушать проповеди «еретика». Сеньория потребовала, чтобы Савонарола прекратил публичные выступления. В апреле враги настолько осмелели, что решились исполнить требование Рима и арестовать ненавистного монаха. Узнав об этом, сторонники Савонаролы укрепились в монастыре Сан-Марко. Ожесточенное сражение продолжалось целый день. Доминиканские монахи с необычайной доблестью защищали своего приора всем, что попадалось им под руку.

Когда толпа штурмующих прорвалась в храм, в ход пошли деревянные и железные распятия и горящие восковые свечи. Наконец Савонарола, чтобы прекратить кровопролитие, отдался в руки слуг сеньории.

Торжествующие враги приступили к следствию, которое по обычаю того времени сопровождалось жестокими пытками. Савонаролу истязали на дыбе и мучили горячими углями. От него добивались добровольного признания в ереси. Порой, не выдерживая мук, он подписывал все, что его заставляли подписывать, но потом отказывался от своих показаний. Собравшийся вскоре суд приговорил Савонаролу и двух его ближайших сподвижников — Доминика и Сильвестра — к сожжению на костре. Казнь состоялась 23 мая 1498 г. — все трое сначала были повешены, а потом сожжены.

Томас Торквемада

Основатель испанской инквизиции Томас Торквемада родился около 1420 г. в небольшом испанском городке Торквемаде (по другим известиям — в Вальядолиде или Сеговии). Еще юношей он поступил в доминиканский монастырь Св. Павла в Вадьядолиде и спустя несколько лет, благодаря своему суровому образу жизни, непреклонному характеру, строгому благочестию и необыкновенному красноречию, приобрел широкую известность в Кастилии. Горячий обличитель ереси, Торквемада в резких выражениях клеймил тайных и явных врагов католической веры, а в своих проповедях постоянно призывал к борьбе за верность религии и за святое дело искоренения язвы безбожия. Однако своих приверженцев он подкупал не только пламенным красноречием, искренностью убеждений и глубокой верой, но также скромным характером и удивительным бескорыстием. Несмотря на многочисленные, весьма лестные и выгодные предложения занять высокий пост в духовной иерархии, Торквемада долго и упорно отказывался от всяких титулов и почестей, предпочитая оставаться простым проповедником-доминиканцем.

Лишь в 1459 г. он согласился принять звание приора в монастыре Св. Креста в Сеговии. С этого момента, собственно, и началась его карьера. Обитель Св. Креста являлась излюбленным местом паломничества всей кастильской аристократии, не исключая и королевской семьи. Сюда часто наезжала вдовствующая королева Изабелла Бежа со своей дочерью инфантой Изабеллой. Принцессе в то время подыскивали духовника и остановили выбор на Торквемаде. Это назначение оказалось очень удачным. Изабелла переживала тогда не легкие времена, так как ее брат, король Энрике IV, стараясь устранить принцессу от престолонаследия (чтобы передать трон дочери), постоянно плел против сестры интриги. Изабелла очень нуждалась в твердой опоре, в опытном советнике и в преданном друге. Таким человеком и стал для нее Торквемада, горячо защищавший притязания своей духовной дочери на королевский трон. Следуя его советам, Изабелла сумела избежать всех опасностей.

В 1468 г. она была объявлена наследницей кастильской короны, а в октябре следующего года при деятельном участии Торквемады вышла замуж за принца Фердинанда Арагонского, считавшегося наследником арагонской короны. В 1475 г., после смерти Энрике, Изабелла стала королевой Кастилии. Тот же титул был дан ее мужу Фердинанду. Таким образом, произошло объединение в единое государство двух крупнейших испанских королевств. В награду за труды Торквемаде предлагали место архиепископа Севильи, но он отказался, как ни упрашивали его король и королева.

Честолюбие всегда было чуждо Торквемаде. Однако он постоянно думал о благе государства, достоинстве религии, спокойствии народов и спасении душ. Как только Изабелла стала править Кастилией, он обратил ее внимание на печальное положение церкви: испорченность нравов и свободомыслие, заблуждения и нечестия множились с каждым днем, чему, кроме общего веяния времени, способствовало также и близкое соседство испанских христиан с евреями и маврами. Традиционными способами

борьбы с этими бедствиями, к которым издревле прибегали епископы, служили анафема и церковные наказания. Но в эпоху великих расстройств, по мнению Торквемады, необходимо было искать более сильные лекарства, и самым лучшим из них стало бы учреждение особого религиозного трибунала, «более могущественного и более строгого, чем другие». По его настоянию Изабелла и Фердинанд обратились к папе Сиксту IV с просьбой ввести в Кастилии инквизицию. Разрешение было получено вместе с буллою в ноябре 1478 г. Однако, даже после папского согласия, Изабелла не сразу решилась на применение такого радикального средства борьбы с инакомыслием. Торквемада не без труда сумел победить ее сомнения, доказав, что инквизиция угодна Богу.

Первый кастильский инквизиционный трибунал был учрежден в 1481 г. в Севилье. В течение следующих шести месяцев он приговорил к сожжению 298 мараносов — крещеных евреев, чье обращение вызывало сомнение. Жалобы на жестокости инквизиторов дошли до Рима, и папа Сикст должен был обратить внимание Фердинанда и Изабеллы на злоупотребления, которые творились в Севилье. В частности, он писал, что в темницы заключают не только еретиков, но и верных католиков, которых объявляют еретиками, подвергают мучениям и ведут на казнь с единственной целью овладеть их имуществом.

Торквемада вошел в число первых семи инквизиторов, назначенных для борьбы с неверием в Испании самим Сикстом IV. В этом качестве он обнаружил необыкновенные организаторские способности, удивительную выдержку и поразившее всех хладнокровие. Из его рук не ускользал ни один еретик, и никакой грешник не мог рассчитывать на снисхождение или мягкосердечие, когда в судебном трибунале заседал Торквемада. В 1483 г., по ходатайству Изабеллы и Фердинанда, папа утвердил его в звании Великого инквизитора Кастилии с правом назначать по своему усмотрению всех других чиновников трибунала. Спустя короткое время Торквемада был объявлен также Великим инквизитором Арагона. По его повелению суды инквизиции вскоре были введены в Кордове, Яэне и Сиудад-Реале. Высшей инстанцией для управления судилищами и судьями Испании стал Верховный совет, председателем которого являлся сам Торквемада. Непреклонный, твердый и суровый, он не хотел идти ни на какие компромиссы там, где дело касалось вопросов, входивших в круг его обязанностей. Направляемая его твердой и железной рукой, инквизиция была безжалостна в преследованиях и наказаниях вероотступников и не знала устали в деле искоренения язвы неверия.

Одной из важнейших своих задач Торквемада считал разработку общих правил, которыми должна была руководствоваться в своих действиях инквизиция. Для этой цели в ноябре 1484 г. в Севилье собралась юнта из представителей уже существовавших инквизиционных трибуналов. Ими были составлены общие правила в 28 пунктах. В начале 1485 г. к ним прибавилось 14 новых. А в 1488 г. генеральная юнта, созванная в Вальядолиде, подвела первые итоги деятельности инквизиции и дополнила прежние установления еще несколькими законами. Инквизиторам вменялось в обязанность соблюдать в процессах одну общую для всех форму и не откладывать суда над заключенными под предлогом недостаточности улик. Число узников инквизиции к этому времени было

огромным.

Трибунал не знал, куда поместить осужденных на вечное заточение, и поэтому генеральная юнта разрешила этим преступникам отбывать наказание на дому, но строго запретила выходить из этих импровизированных тюрем. Не меньше заботили юнту расходы на содержание многочисленных заключенных. Поэтому решено было ходатайствовать перед правительством об учреждении при трибуналах так называемых «домов покаяния», где осужденные могли бы заниматься ремеслом и тем оплачивать свое содержание.

К началу 1490-х гг. уже были выработаны основные методы искоренения ереси.

Обычно инквизиция действовала следующим образом. По прибытии в какую-нибудь местность с целью открыть постоянный инквизиционный трибунал или ознакомиться путем ревизии с состоянием умов ее жителей, представители инквизиции публиковали особый вероисповедательный эдикт. Все лица данной местности, знавшие что-либо о еретических мыслях, словах или поступках живших или живущих в этой местности людей, обязаны были непременно донести об этом. Недонесение каралось отлучением от церкви и считалось пособничеством вероотступничеству. Вероисповедательный эдикт наводил страх на целые округа и превращал мирных жителей в доносчиков; часто неосторожно сказанное слово влекло за собой тяжелые последствия; самые близкие люди доносили друг на друга из опасения попасть в число подозрительных.

По получении доноса, начиналось следствие. Когда собранных данных оказывалось достаточно для составления обвинительного акта, подозреваемого арестовывали.

Если его виновность не могла быть доказана сразу, прибегали к пытке с целью получения признания. Ни возраст, ни пол не служили избавлением от мук. Таким образом добивались от истязаемого признания вины и открытия имен «соумышленников». Когда формальные доказательства бывали собраны, устраивался суд, и если еретик приговаривался к смерти, казнь проводилась в день вынесения приговора. При этом нераскаявшихся еретиков сжигали живьем, а тех, кто приносил покаяние, предварительно душили, но потом все равно торжественно сжигали. О размахе преследований свидетельствует то, что только за восемь лет, с 1490 по 1498 г. (когда Торквемада сложил с себя должность Великого инквизитора), было сожжено 8800 человек, а различным покаяниям подверглось 90 000.

Но преследование еретиков не было единственной заботой Торквемады. Он считал инквизицию священным органом, призванным создать в Испании единое стадо с единым пастырем: Испания должна была принадлежать испанцам, а все испанцы должны были быть католиками. Добиться этого в условиях того времени казалось почти что невозможным. Как известно, после битвы при Хересе де-ла Фронтера, в июле 711 г., Пиренейский полуостров попал под власть арабов и африканских мавров. После этого большая часть местного населения приняла ислам. Небольшие христианские государства сохранились только на самом севере — в горах Астурии, Бискайи и Кастилии. Они и стали зернами, из которых впоследствии выросли крупные христианские королевства Кастилия и

Арагон. Ко времени Изабеллы и Фердинанда большая часть страна уже была освобождена от мусульман. Их последний оплот — Гранада — пал на глазах Торквемады в январе 1492 г. Весь полуостров перешел под власть христианских государей. Однако на отвоеванной территории продолжали проживать сотни тысяч иноверцев — мавров и евреев. Великий инквизитор не мог с этим примириться. В марте 1492 г. евреям, которые составляли значительную часть населения Гранады, было велено креститься или оставить Испанию. Евреи попробовали откупиться и предложили за отмену этого указа 600 тысяч золотых дукатов. Сумма была огромная и после тяжелой войны крайне необходимая для казны.

Фердинанд начал колебаться и уже готов был принять это предложение, но Торквемада сумел остановить его. Величественный, как ветхозаветный пророк, он пришел к королевской чете с распятием в руках и сказал: «Иуда продал Сына Божия за тридцать серебряников, ваши высочества, быть может, хотят продать его за триста тысяч. Он здесь. Вот Он, возьмите и, если хотите, продайте…» С этими словами Торквемада положил распятие перед Фердинандом и Изабеллой, а затем удалился. Указ не был отменен, и более 800 тысяч евреев должны были покинуть Испанию. Это грандиозное выселение иноверцев стало последним знаменитым деянием Торквемады, который умер в сентябре 1498 г.

РЕФОРМАЦИЯ

Мартин Лютер

Великий немецкий реформатор родился в ноябре 1483 г. в Эйслебене, главном городе тогдашнего графства Мансфельд в Саксонии. Родители его были бедные крестьяне из деревни Мера того же графства, незадолго до того переселившиеся в город, чтобы искать заработка на местных рудниках. Маленькому Мартину было шесть месяцев, когда они из Эйслебена переехали в городок Мансфельд, славившийся своими рудниками. Здесь Лютер провел первые 14 лет своей жизни. Несмотря на скудость средств, отец постарался дать своему первенцу приличное образование и, когда Мартину минуло семь лет, отдал его в Мансфельдскую школу. Позже Лютер с тяжелым сердцем вспоминал годы своего ученичества, ибо они стали сплошной чредой испытаний, унижений и наказаний. К тому же система образования была построена здесь так бестолково, что, проучившись семь лет, он, кроме чтения и письма, научился только десяти заповедям, символу веры, молитвам, грамматике и духовному пению. В 1497 г. родители отправили четырнадцатилетнего Мартина в Магдебург для поступления в тамошнюю францисканскую школу, а через год перевели его в Эйзенах.

И там и здесь Лютер жестоко бедствовал и должен был поддерживать свое существование нищенством. Он уже подумывал о том, чтобы бросить учебу и, по примеру отца, добывать хлеб, работая в рудниках, но тут судьба в первый раз улыбнулась ему. Жена богатого эйзенахского гражданина Котта, Урсула, сжалилась над несчастным подростком и взяла его в свой дом. Это обстоятельство повлияло на всю дальнейшую жизнь Лютера. По окончании эйзенахской школы, он в 1501 г поступил на философский факультет Эрфуртского университета.

Одаренный прекрасной памятью и живым восприимчивым умом, он быстро усваивал знания и скоро стал обращать на себя всеобщее внимание.

В 1503 г Лютер получил степень бакалавра и с нею право читать лекции по философии. По желанию отца он начал заниматься юриспруденцией, хотя его самого гораздо больше влекло богословие. Следуя призванию, он самостоятельно изучил труды многих отцов церкви. Однако наибольшее впечатление произвела на него Библия, на которую он случайно наткнулся в университетской библиотеке. В 1505 г Лютер получил степень магистра, но затем сразу неожиданно для всех оставил университет и ушел в монастырь. Говорят, что на такой шаг подвигла его внезапная смерть одного друга, погибшего от удара молнии. Мысль о том, что он сам может так же внезапно уйти из жизни и предстать перед Богом со множеством неискупленных грехов, до глубины души поразила Лютера.

Монахи августинского монастыря, где молодой человек начал свои подвиги, наложили на него много обязанностей, желая излечить новичка от гордости. Лютер должен был прислуживать старшим, исполнять обязанности привратника, заводить башенные часы и подметать церковь. А когда у него выдавалась свободная минута, монахи немедленно отсылали его в город собирать милостыню. Впрочем, Лютер не только исполнял все, что предписывалось ему уставом, но наложил на себя еще множество аскетических ограничений в еде, одежде и сне. Позже Лютер признавался, что хотел в те годы «приступом взять царство небесное». Через год его постригли под именем брата Августина, а в начале 1507 г он принял священство.

Монашество не положило конец его ученой карьере. В 1508 г, по рекомендации генерального викария ордена Св Августина Штаупица, саксонский курфюрст Фридрих Мудрый пригласил Лютера в незадолго до того основанный им Виттенбергский университет. Сначала Лютер преподавал здесь диалектику и физику Аристотеля, но уже в 1509 г, получив степень библейского бакалавра, был допущен к чтению лекций о Священном Писании. В 1512 г Лютер стал доктором богословия с правом толкования Библии. Чтобы лучше вникнуть в смысл Писания, он всерьез занялся греческим и еврейским языками. С 1516 г он начал проповедовать для народа в соборной Виттенбергской церкви. Именно на этом поприще необыкновенное дарование Лютера раскрылось во всей своей полноте. Успех его проповедей был громадный, и они неизменно собирали толпы народа.

Во всем, чем в то время занимался Лютер, он выступал как правоверный католик. Поэтому разрыв его с папством, последовавший в 1517 г и имевший такой колоссальный резонанс во всем католическом мире, для многих оказался полной неожиданностью. Но конечно, обращение его не было мгновенным, сомнения нарастали в Лютере постепенно, по мере изучения Священного Писания и теологии. Немаловажное значение имело и личное знакомство с нравами, которые царили при папском дворе.

Еще в 1511 г по делам ордена Лютер совершил поездку в Рим. Позже он писал, как неприятно поразили его нечестивость римлян, алчность и откровенный разврат духовенства, царившие в городе, который претендовал на звание христианской столицы мира. Однако, ни сразу по

возвращении, ни позже Лютер не выступал с критикой папства.

Поводом для разрыва послужил частный вопрос о торговле индульгенциями.

Продажа индульгенций, являвшихся как бы удостоверением об отпущении грехов, практиковалась церковью давно. Но с XIV в. папы, нуждаясь в деньгах, стали все более бессовестно эксплуатировать этот источник дохода Папа Лев X, которому нужны были деньги для того, чтобы завершить постройку грандиозной базилики Св. Петра, издал в 1517 г. буллу о всеобщем прощении грехов. Множество папских эмиссаров, торговавших индульгенциями, разъехались после этого по всей Европе.

Немалая часть их двинулась в Германию, так как набожность и простодушие здешних жителей были хорошо известны. В Лейпциге обосновался доминиканец Тецель. В пламенных речах он восхвалял народу чудодейственную силу своего товара, и торговля его шла очень бойко. (Сообщают, что у Тецеля была особая такса для каждого вида преступления 7 — червонцев за простое убийство, 10 — за убийство родителей, 9 — за святотатство и т. д.). Образованные люди негодовали против этого явного мошенничества, но никто не имел смелости выступить открыто, ибо продажа индульгенций освящалась самим папой.

Лютер тоже не сразу решился высказать свой протест. Только летом 1517 г, когда Тецель прибыл в находившийся неподалеку Ютербок и стал продавать индульгенции прихожанам Лютера, тот не выдержал. В своих проповедях он провозгласил, что отпущение грехов дается только людям, искренне раскаявшимся и живущим согласно заповедям Божиим и что лучше давать деньги нищим, чем платить за индульгенцию. Не довольствуясь этим, он 31 октября, накануне праздника Всех Святых, составил 95 тезисов против практики отпущения грехов за деньги и прибил их к воротам своей церкви. В этих знаменитых тезисах Лютер доказывал, что покаяние требует внутреннего перерождения человека и что всякий внешний акт для примирения с Богом, в виде денежной жертвы и тому подобного, недействителен, папа не имеет ни силы, ни власти отпускать таким образом грехи, он может только заступиться своими молитвами за души грешников, но услышать его или нет, зависит от Бога, всякий истинно раскаявшийся христианин получает полное отпущение грехов без всякой индульгенции благодаря единственно благодати Божией.

Тезисы не содержали в себе ничего принципиально нового. Все поднятые Лютером вопросы уже неоднократно обсуждались богословами разных стран. Но то были большей частью кабинетные споры, далекие от народа. Теперь вопрос был отдан на суд толпе, заинтересованной в его разрешении. Именно поэтому впечатление, произведенное тезисами, оказалось громадным. Первоначальный текст писался по-латыни, но вскоре появились немецкие переводы. Тезисы перепечатывали, переписывали от руки и рассылали в разные концы страны. Не прошло и двух недель, как они обошли всю Германию, а еще через две недели стали известны всему католическому миру. Везде — в хижинах бедняков, лавках купцов, кельях монахов, дворцах князей — только и было разговоров, что о знаменитых тезисах и смелости дотоле никому неизвестного виттенбергского монаха.

В апреле 1518 г. Лютер выпустил небольшое сочинение «Resolutiones», в котором развил идеи, высказанные в «Тезисах». По

поводу отпущения грехов он писал здесь, что хотя Бог и дарует его через служителя церкви, но дарует лишь через одну веру в божественную благодать, причем само прощение может быть выражено и устами простого мирянина. Из этого логически следовало, что отпущение, даваемое священником, и само таинство не приносят исповедующемуся никакой пользы, если он внутренне не проникся верой. С другой стороны, истинно верующий мог получить прощение от Бога и в том случае, если священник самовольно отказывал ему в отпущении. Так Лютер сделал спасение каждого его личным делом, независимым от воли других людей.

Исходной точкой всей догматики Лютера является учение об оправдании, связанное с христианским догматом о первородном грехе. Человеческая природа, — учит христианство, — вследствие грехопадения Адама испортилась: человек родится в грехе, с наклонностью к греху; его разум и воля не в силах возвести его на высоту, утраченную первым человеком. Для спасения человечества и явился Иисус Христос, искупивший Своей крестной смертью первородный грех и открывший таким образом человечеству возможность спасения. Но какими путями достигнуть этого спасения? В противоположность католическому учению, в котором большая роль отводилась внешней стороне религиозной жизни (добродетельному поведению, молитвам, обрядам, таинствам и т. п.), Лютер учил, что оправдание человека совершается одной верой в милосердие Божие. Соблюдение заповедей остается непременной обязанностью христианина, но само по себе, без веры, не имеет никакого значения в деле спасения. Это не значило, конечно, что Лютер отрицал необходимость добрых дел; просто он считал, что добрые дела являются естественным следствием искренней веры.

В Риме не сразу оценили серьезность германских событий. Ждали, что шум, поднятый выступлением Лютера, стихнет сам собой. Когда же этого не произошло, папа велел создать комиссию для разбора сочинений Лютера, а самого его вызвать на суд.

Саксонскому курфюрсту удалось добиться рассмотрения дела в Германии. Лютеру велели явиться в Аугсбург, где в это время заседал императорский сейм. Туда же приехал папский легат Каетан. Но эта встреча не имела никаких результатов. На сейме обсуждалось требования папы о значительных субсидиях, которые германские государи должны были выделить ему для организации похода против турок.

Требование Льва вызвало сильное недовольство князей, и легат не решился еще больше обострять положение, раздувая дело Лютера.

Между тем учение последнего завоевывало в Германии все больше сторонников. Через два года его поддерживало множество немецких ученых и богословов. Десятки типографий печатали его произведения. Каждое новое сочинение Лютера мгновенно распространялось по стране и шло нарасхват. Воодушевление нации росло. Около сотни рыцарей, во главе с известным гуманистом Ульрихом фон Гуттеном и его другом Францем фон Зиккингеном, предоставили в распоряжение Лютера свои замки, пообещав защищать его от любых посягательств. Эта поддержка была очень важна для Лютера, который боялся, что Рим поступит с ним так же, как в свое время с Гусом.

С этого времени он мог не опасаться мести папы и свободно высказывать свои взгляды. В феврале 1520 г. он писал в одном из писем: «Для меня жребий брошен. Я презираю ярость римлян, как и их благосклонность. Я не хочу во веки веков примириться с ними, ни иметь с ними что-нибудь общее. Пусть осуждают и сжигают мои книги; в возмездие за это я осуждаю и публично сожгу все папское право, эту Ларнейскую гидру ереси».

В августе 1520 г. вышло в свет знаменитое послание Лютера «Его императорскому величеству и христианскому дворянству немецкой нации», в котором были доведены до логического конца его взгляды на священство. Лютер писал, что все члены церкви — как духовные, так и миряне — являются христианами и имеют одинаковые права. Так называемое духовенство отличается от мирян лишь тем, что оно избрано «ведать в общине Слово Божие и таинства». Таким образом, все различие между теми и другими заключается только в должности, и если священник почему-либо отстранен от своей должности, он становится таким же крестьянином или бюргером, как и другие. И поскольку папа не стоит в духовных делах выше всякого другого истинного христианина, то и последний может понимать Священное Писание не хуже его. Далее Лютер в 26 параграфах перечислял недостатки современной церкви, требующие реформы. Прежде всего он энергично восставал против светской политики и роскоши пап, величающих себя наместниками Христа, хотя Господь странствовал по земле в бедности. Он протестовал против присяги епископов, из-за которой они попадают в рабскую зависимость от Рима. Далее Лютер требовал отмены безбрачия духовенства и если не уничтожения, то, по крайней мере, значительного ограничения монашества.

Воплощение этих положения в жизнь привело к настоящему перевороту в жизни священников. Многие монастыри опустели; духовные пастыри, в особенности из близкого к Лютеру круга, один за другим вступали в брак. Сам Лютер женился в 1525 г. на 26-летней Катарине фон Бора, которая также прежде была монахиней. Она оказалась нежной и внимательной супругой, окружила мужа заботой и родила ему нескольких детей, так что в дальнейшем он никогда не имел повода раскаяться в своем поступке.

«Послание» вызвало исступленный восторг во всех слоях германского общества. Все сословия находили в предлагаемом Лютером плане преобразований свои выгоды.

Высшему духовенству этот план развязывал руки, освобождая от тягостной опеки римской курии, владетельным князьям и могучим дворянам возвращал права покровительства над духовными ленами, обедневшим дворянам средней руки давал право на богатые имения, пожертвованные некогда их предками в пользу монастырей, а с низшего сословия разом слагал невыносимое бремя поборов в пользу папской казны. Лютер сделался народным героем, немецким пророком. Даже те, которые раньше отворачивались от него как от еретика, теперь были увлечены и покорены его патриотическим тоном. Сразу вслед за «Посланием» Лютер написал трактат «О вавилонском пленении церкви», в котором подверг радикальной реформе догматическую сторону католицизма. Рассмотрев все таинства, он признал только три из них —

крещение, причащение и покаяние (впоследствии он сохранил только два первых).

Папа ответил на эти сочинения буллой, в которой осуждал учение Лютера как еретическое и давал ему 60 дней сроку, чтобы одуматься и отречься от него. Но лишь немногие князья согласились опубликовать это папское послание, да и то при явном неудовольствии народа. Ввиду этого Лютер решился на неслыханный шаг: 10 декабря 1520 г. он при большом стечении студентов и профессоров торжественно сжег буллу у Эльстерских ворот Виттенберга. Этот символический акт как бы увенчал полный разрыв Лютера не только с папой, но и со всей римско-католической церковью.

Увидев, что старые методы борьбы бессильны против дерзкого еретика, Лев X обратился за поддержкой к новому императору Карлу V, избранному на место умершего Максимилиана I. В апреле 1521 г тот пригласил Лютера на имперский сейм в Вормсе. Путь отлученного еретика в этот город походил на триумфальное шествие.

Во всех городах, через которые он проезжал, народ толпами выбегал ему навстречу.

Весь состав Эрфуртского университета встречал Лютера за две мили от города. В самом Вормсе он также был встречен с бурным энтузиазмом. Император, впрочем, не разделял всеобщего ликования. Когда Лютер предстал перед князьями, ему было предложено отказаться от своих еретических заблуждений. Он отвечал вежливым, но твердым отказом. После этого, когда Лютер покинул Вормс, был принят императорский эдикт о его опале. Всякий верный подданный императора и добрый католик обязан был задержать его и передать в руки властей. Его сочинения обрекались на сожжение.

Однако к этому времени Лютер имел столь могущественных покровителей, что мог не опасаться даже императора. Саксонский курфюрст Фридрих Мудрый укрыл его в своем замке Вартбург. Здесь, в уединении, Лютер много и напряженно работал. Кроме нескольких трактатов и полемических сочинений, он написал в Вартбурге главный труд своей жизни — перевод Библии на немецкий язык. Перевод Нового Завета был закончен уже в 1523 г., но перевод Ветхого затянулся еще на десять лет. Подобно своим предшественникам в деле библейского перевода — Уиклифу и Гусу — Лютер столкнулся с огромными лингвистическими трудностями. Как такового немецкого литературного языка еще не существовало. Стараясь как можно точнее передать дух подлинника, Лютер порой приходил в отчаяние. В одном из своих писем он признается: «Милосердный Боже! Какой громадный и тяжкий труд заставить говорить по-немецки еврейских пророков, которые так противятся этому и не хотят подражать варварскому языку немцев!» Тем не менее этот труд удался Лютеру почти в совершенстве. И по сей день в Германии его перевод считается непревзойденным. Но помимо чисто литературного значения перевод Священного Писания был очень важен для дела религиозной реформы. Благодаря ему в руках народа впервые оказалось чистое учение Библии, без всяких комментариев от лица церкви. Теперь уже святые отцы не могли составлять новые догматы, а мирянам не приходилось принимать их на веру. Библия, единственный источник религиозных верований, проникла благодаря Лютеру во все слои немецкого общества и сделалась в

каждом доме настольной книгой.

В марте 1522 г. Лютер вернулся в Виттенберг и приступил к реформе богослужения.

Вся пышность католической мессы была отменена, а в центр богослужения поставлена проповедь. Вводилось духовное пение, причем Лютер сам сделал стихотворное переложение псалмов и сочинил к многим из них музыку. Эти песни, быстро распространившиеся по Германии, сослужили очень важную службу делу Реформации.

Новое учение с каждым днем обретало все больше приверженцев. Особенно в вольных имперских городах. В 1523–1524 гг. лютеранство утвердилось в Магдебурге, Франкфурте-на-Майне, Галле, Нюрнберге, Улме, Страсбурге, Бреславле, Бремене.

Многие князья также открыто выказали ему сочувствие. Первым к Реформации присоединился гроссмейстер Тевтонского ордена Альбрехт, превративший свое владение в герцогство Прусское. Многочисленные последователи появились у Лютера и в других европейских государствах, в особенности в Швейцарии.

Но вскоре Реформация приняла неожиданный для Лютера оборот. К религиозным идеям все больше стали примешиваться социальные. Среди огромного числа проповедников, разносивших по стране новое учение, оказалось немало таких, кто призывали к отмене крепостного права, земельной реформе и переделу собственности. Под их влиянием в 1525 г. вспыхнула Крестьянская война. Правда, Лютер с самого начала отмежевался от восставших. В своей брошюре «Против кровопийц и мятежников-крестьян» он призвал князей убивать непокорных бунтовщиков, как бешенных собак, обещая в награду за эти подвиги Царствие Небесное. Спустя несколько месяцев восстание было потоплено в потоках крови.

Этот роковой год, оставивший такой печальный след в истории немецкого крестьянства, нанес также огромный вред делу Лютера. Как он и опасался, католики не замедлили указать на тесную связь между церковными преобразованиями и общественным переворотом, выставив реформатора истинным виновником восстания.

Результатом было то, что во многих землях не только Южной, но и Средней Германии, государи которых до сих пор сохраняли выжидательное положение, начали усердно подавлять реформаторское учение, изгонять проповедников и даже предавать их казни. После 1526 г. лютеранство удержалось только на севере страны — в Саксонии, Гессене, Бран-денбурге, Вюртенберге и Брауншвейге. Католическая реакция торжествовала. На Шпеерском имперском сейме 1529 г. большинство имперских чинов и князей осудили учение Лютера. Поддержку ему оказали лишь 5 князей и 14 имперских городов. Они объединились в союз и составили «Протестацию», в которой выразили свое несогласие с решением сейма (с этого времени сторонников Реформации стали именовать протестантами). На следующем, Аугс-бургском сейме 1530 г. Лютер не присутствовал. Во главе протестантских теологов находился его друг Меланхтон. Составленное им исповедание веры, ввиду неблагоприятного времени, отличалось крайней умеренностью, и только непримиримая позиция католиков, добивавшихся полного искоренения

«ереси», помешала тогда примирению партий. Однако то была временная уступка. Окончательно восторжествовать над своими противниками католики уже не имели сил. В начале 1531 г. протестантские князья заключили в Шмаль-кальдене союз с целью взаимной обороны на случай нападения. Увидев, что его противники готовы с оружием в руках отстаивать свою веру, Карл V смягчил свои требования, и в 1532 г. было заключено компромиссное соглашение, по которому протестанты могли сохранять свое вероисповедание вплоть до созыва общецерковного собора. При жизни Лютера его учение распространилось помимо Северной Германии также в Скандинавии: в 1536 г. лютеранство приняла Дания (вместе с входившими в ее состав Норвегией и Исландией), а в 1544 г. — Швеция.

Впрочем, не только внешние обстоятельства повлияли на суть проводимой церковной реформы — взгляды самого Лютера после Крестьянской войны стали заметно консервативней. Присущий его ранним проповедям дух демократизма совершенно отсутствует в его позднейших работах. Так, к примеру, он отказывается от принципа всеобщего священства, когда члены местных евангелических общин могли сами выбирать своих духовных пастырей. Поначалу такое устройство новой церкви казалось Лютеру наиболее правильным. Но после 1525 г. он осознал, что сильно идеализировал немецкий народ. В дальнейшем его разочарование только возрастало. В 1527 г. по просьбе саксонского курфюрста Лютер совершил несколько «визитаций» — поездок в саксонскую «глубинку». (По сути дела, он до этого и не знал ее по-настоящему.)

Увиденное страшно поразило его. По возвращении, Лютер немедленно засел за работу над двумя катехизисами — большим (для учителей и пасторов) и малым (для народа), ставшими в дальнейшем основными вероисповедными книгами лютеранской церкви. В предисловии к катехизису Лютер писал: «Боже мой! Каких вещей не насмотрелся я! Простой народ решительно ничего не знает о христианском учении, особенно по деревням, и, однако, все называют себя христианами, все крещены и принимают св. Тайны. Ни один не знает ни молитвы Господней, ни символа веры, ни 10 заповедей, живут, как скоты бессмысленные…»

Можно ли было доверить таким людям выборы пасторов? И куда могла завести их свобода толковать по своему разумению Священное Писание? Оглядываясь вокруг, Лютер не находил в немецком обществе силы, которая была в состоянии без социальных катаклизмов провести его идеи в жизнь. Таковой силой могли стать только светские князья. С ними он и связал свою дальнейшую судьбу, отдав в их руки организацию новых евангелических общин и признав их светскими епископами подвластных им территорий. Так Реформация, которая до этого была воистину всенародным движением, стала после 1525 г. делом одних князей, то есть приняла чисто правительственный характер. Этим объясняется ее ограничительный и во многом сдержанный характер. Лютер и его сторонники сохранили большинство обрядов старой церкви, отменив только те, которые противоречили Священному Писанию.

Право толкования Библии, прежде признаваемое за каждым мирянином, было оставлено только за священниками. (Но при этом каждый

прихожанин, читая евангелие на немецком языке, мог обличать проповедника в ложном толковании Слова Божия.) В целом сохранилась церковная организация во главе с епископами (однако подчинялись они уже не папе, а светским князьям; кроме того, реформированная церковь лишилась всех своих земельных владений). Оставляя за священниками многие из принадлежавших им ранее религиозных функций, Лютер вместе с тем старался поднять религиозную сознательность народа. Он много хлопотал о повсеместном учреждении начальных школ, о развитии университетов и пересмотре программ обучения. Первым в Германии Лютер высказал мысль, что обучение должно быть обязательным, а для детей неимущих классов — даровым.

До самой кончины жизнь Лютера была заполнена самоотверженным трудом. Он продолжал читать лекции, проповедовать и очень много писал. Помимо отнимавшего много сил перевода Библии, он написал множество самых разнообразных сочинений и посланий (полное собрание его трудов составляет 22 объемистых тома). Обладая колоссальной работоспособностью, он часто за делами забывал о сне и еде. Однако в конце концов такая напряженная деятельность сокрушила его железное здоровье. У Лютера начались головокружение, обмороки и появился сильный звон в ушах. Много страданий принесла ему каменная болезнь. Еще больше мучений доставляли душевные сомнения, которые он воспринимал как искушения дьявола. «Всякую ночь, когда я просыпаюсь, — пишет Лютер в одном месте, — я чувствую присутствие дьявола. Он мучит меня вопросами: «Кто велел тебе проповедовать Евангелие так, как ни один человек не проповедовал его в течение стольких столетий? Что, если Богу это не угодно и ты понесешь наказание за осуждение стольких душ?» Последние 13 лет Лютер постоянно болел и не раз призывал смерть, называя ее избавительницей. При всем этом умер он внезапно — в феврале 1546 г. во время поездки, предпринятой к графам Мансфельд. Тело его было перевезено в Виттенберг и погребено с большой торжественностью в той самой дворцовой церкви, к воротам которой он когда-то прибивал свои знаменитые тезисы.

Томас Мюнцер

Томас Мюнцер — вождь немецкой плебейской Реформации — родился около 1490 г. в городке Штольберг. Происходил он, по слухам, из семьи уважаемого мастера, чеканщика монет. В 1503 г., когда в Штольберге не стало работы, родители Томаса переселились в лежащий неподалеку Кведлинбург, где находился местный монетный двор. О детстве и юности Мюнцера мы знаем очень мало. В 1506 г. он поступил в Лейпцигский университет, где занимался философией, теологией и медициной. В дальнейшем он получил степени магистра свободных искусств и бакалавра теологии.

Обладая блестящими способностями, Мюнцер вполне мог сделать университетскую карьеру, однако чистая наука никогда его не привлекала. Вся его жизнь прошла в скитаниях по стране и проповедях перед бедняками. Личные потребности Мюнцера всегда оставались очень скромными. Он довольствовался самой простой пищей и не думал о новой

одежде. Стараясь сэкономить на бумаге, он писал на четвертушках, на счетах — везде, где оставалось чистое место, даже между строк и на полях чужих писем. Единственная роскошь, которую он себе позволял, были книги. На них он тратил больше, чем позволяли средства, и постоянно был должен книготорговцам.

Радикальные взгляды были свойственны Мюнцеру уже в юности. Еще очень молодым человеком в 1512 г. он основал тайное общество в Галле с целью заговора против архиепископа Магдебургского. Заговор не удался, но Мюнцеру удалось скрыться.

Около 1517 г. он служил учителем в Мартинской гимназии в Брауншвейге, откуда, по словам хрониста, он должен был уйти «из-за беспокойного нрава». В 1519 г. Мюнцер поступил капелланом и духовником в монастырь бернардинок Бейтиц близ Вейсенфельса, однако через несколько месяцев получил отставку из-за того, что допускал различные нововведения в богослужении. Затем он проповедовал в Ютерборге и был изгнан воинствующими католиками. Оттуда Мюнцер отправился в Виттенберг, где встретился с Лютером. В будущем им предстояло стать непримиримыми врагами. Но в то время противоречия, разделившие их, еще не созрели Мюнцер понравился Лютеру, и тот выхлопотал для него в 1520 г. место проповедника в Цвиккау.

Это было время, когда над страной повеял освежающий ветер Реформации. Лютер уже три года вел борьбу с догматами и строем католической церкви. Все немцы ожидали скорых перемен и жадно прислушивались к речам проповедников. Старый город Цвиккау также находился в смятении и волнении. Появление здесь Мюнцера не прошло незамеченным. Уже вторая его проповедь собрала толпы народа и возбудила умы. Тон его выступлений еще не выходил за пределы общих идей Реформации церкви, обозначенных Лютером. Так, Мюнцер яростно нападал на богатых монахов из нищенствующих орденов — этих «слепых пастырей слепых овец, которые своими продолжительными молитвами пожирают жилища вдов и близ умирающих думают не о вере, а об удовлетворении своей ненасытной жадности». Хотя о том же говорили тогда многие проповедники, резкий, непримиримый тон Мюнцера вскоре начал тревожить магистрат.

Чувствовалось, что идеи его гораздо радикальнее лютеровских. Мир погряз в грехах и пороках, говорил Мюнцер. Можно ли исправить его преобразованием одной только церкви? Нет, нужен коренной, глубинный переворот, который всю жизнь общества перестроит на основании законов евангелия и всех сделает счастливыми. Городская беднота, собираясь на проповеди Мюнцера, ловила каждое его слово. В речах нового проповедника плебеи находили выражение своих смутных надежд и невольно тянулись к нему. Магистрат, встревоженный деятельностью Мюнцера и его огненными речами, велел арестовать нескольких близких к нему людей. Готовились схватить самого Мюнцера, но в ночь на 16 апреля 1521 г. он успел бежать из города. Имя его с тех пор обретало все большую известность.

В основе вероучения Мюнцера лежало понимание мира как частного, которое относится к Богу как к общему и целому. Космический порядок виделся ему в том, что все частности должны признавать полное

преобладание и господство общего начала. Именно таков идеальный Небесный мир, где царит божественная гармония совершенства. В отличие от него наш земной и плотский мир является миром творений, потерявших свое единство с Богом и потому пребывающих в изолированном состоянии. Грехопадение Адама в том и состояло, что он увлекся частными интересами во вред целому. С тех пор люди находятся во власти творений, то есть своих плотских, частных интересов, и задача христианства заключается в том, чтобы помочь им вернуться к Богу. Исходя из этого фундаментального положения, Мюнцер представлял развитие мира, как постепенное торжество нравственной идеи подчинения частных интересов общему.

Другая важная сторона вероучения Мюнцера состояла в мистическом понимании сути божественного откровения. Он не мог и не желал мириться с усиленно насаждаемым в период Реформации представлением о Священном Писании, как о единственном источнике божественной истины. Ему казалось странным и нелепым разделяемое многими положение, что Господь, сотворивший человека, устранился потом от прямого руководства им, оставив вместо Себя во многом путанную и неясную Библию.

Нет, говорил Мюнцер, Бог продолжает находиться в прямом и непрерывном общении с людьми и изрекает Свое слово прямо во внутренность их душ. Но, разумеется, не каждому дано слышать Бога. Для того чтобы Слово Божие вошло в душу, она должна воздерживаться от всякой похоти и пребывать в состоянии глубочайшей скорби, печали или сокрушения. Лишь тогда к ней приближается Бог. Именно поэтому грешники не слышат Его. «Если человек желает достичь божественных откровений, — писал Мюнцер, — он должен удалиться от всех утех и иметь мужество познать истину».

В состоянии «слияния с Богом» человек мыслит и действует в соответствии с божественной волей и потому вправе оспаривать авторитет любых церковных интерпретаций Библии. Мюнцер учил, что «пергаментная Библия» — это только внешняя Библия, которая должна постоянно получать подтверждение в настоящем Священном Писании, начертанным в человеческих сердцах «живым перстом Божьим». «Если ты даже пожрешь Библию, — говорил он, — это тебе не поможет; ты должен взять острый плуг, которым Бог вырывает плевелы из твоего сердца». Сам Мюнцер не испытывал по отношению к букве Священного Писания никакого трепета — на свой лад толковал любые тексты, перекраивал в проповедях учение пророков, часто вкладывая в их уста фразы, которых не было в Библии. Вместе с тем он безразлично относился к церковной обрядности и внешней стороне религии вообще. Значение духовенства и церкви Мюнцер никогда не ставил высоко и потому не отводил им какой-либо мистической роли в «обожествлении человека». Церковь может помогать этому, но может и мешать. Точно так же в таинствах он ценил только их духовное содержание (то, что помогает усвоению религиозной идеи), а не внешний акт, и считал, что каждый может совершать их так, как ему угодно.

Главную цель Реформации, в отличие от Лютера, Мюнцер видел не в преобразовании церкви, а в полной перестройке жизненного уклада по христианским законам.

Разразившуюся затем Крестьянскую войну он воспринял как начало времен Апокалипсиса, как всеобщее устранение злодеев и нечестивцев, которое Бог осуществляет руками народа. Устоявшееся представление о том, что в конце света, во время Страшного суда Бог Сам «отделит зерна от плевел», вызывало у него только горькую усмешку. Нет, говорил он, мировой переворот должен начаться в рамках земного мира и произойти благодаря насильственным действиям верных ревнителей дел Божьих. Антихрист будет сокрушен руками людей, которыми овладеет Дух Божий. Эта идея была центральной во всем учении Мюнцера. Освобождение мира от власти зла или его «оправдание», учил он, находится в самом мире. «Ясно как день, — писал Мюнцер, — что Бог поручает избранным совершать насилие над Его противниками…» Не Бог, а сам человек должен утвердить в мире божественный закон, который, как уже говорилось выше, заключается в господстве общего начала, обязательного для всех частей. Поскольку удовлетворение частных наклонностей в ущерб общественным есть зло противное Богу, исходной нормой человеческого поведения должно сделаться преобладание общего принципа и общей выгоды. Ибо в «общем» воплощено само божественное начало. Равным образом должны быть подавлены все те политические и социальные учреждения, которые охраняют частные привилегии и интересы в ущерб общественным. Под грядущим Царством Божьим Мюнцер понимал такой общественный порядок, в котором не будет ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества государственной власти. То есть такой строй, когда все помыслы и имущества станут общими и установится равенство. Только тогда, писал Мюнцер, «народ сделается свободным, и один только Бог будет его господином». Вследствие этого он был решительным противником частной собственности и частных интересов. Он говорил: «Согласно требованиям христианской любви никто не должен возвышаться над другим, каждый человек должен быть свободным».

Из Цвиккау Мюнцер отправился в Чехию. Он надеялся, что на родине Яна Гуса, где еще свежи были воспоминания о гуситах, его проповедь будет иметь больший успех.

Действительно, поначалу его встретили в Праге с большим воодушевлением, так как видели в нем сторонника Лютера, имя которого было у всех на устах. Но, после того как Мюнцер выступил с несколькими проповедями, радикализм его идей показался членам магистрата опасным. Власти стали чинить Мюнцеру препятствия и весной 1523 г. выслали его из Чехии. Некоторое время Мюнцер прожил в Нордхаузене. Затем ему удалось получить; место проповедника в Альштедте — небольшом городке, который лежал во владениях саксонских князей. Поселившись здесь, Мюнцер много писал, проповедовал и приобрел большое влияние на своих прихожан. Одновременно с Лютером, или даже немного раньше, он отменил все католические обряды, ввел богослужение на немецком языке и распорядился читать народу не только тексты апостольских посланий, но и всю Библию.

Тогда же Мюнцер женился на бывшей монахине Оттилии, ушедшей из монастыря. На Пасху 1524 г. она родила ему сына.

Вскоре Альштедт стал главным центром Реформации во всей Тюрингии. В своих проповедях Мюнцер призывал относиться к католическими храмам, как к идольским капищам. Вдохновленная им толпа в марте 1524 г. сожгла в Маллербахе часовню, знаменитую своей чудодейственной иконой. Дело это наделало много шума и обратило на Мюнцера общее внимание.

В июле того же года в Альштедт, чтобы послушать здешнего проповедника, прибыли саксонские курфюрсты Иоанн и Фридрих Мудрый. Мюнцер мог выбрать для проповеди нейтральную тему, но не пожелал смягчать обычный резкий тон своих речей. Он выступил перед князьями с толкованием второй главы из книги пророка Даниила, придав ее содержанию апокалиптический смысл. Современный мир, говорил он, погрязший в пороках, близок к своему концу. Развратных правителей и безбожных попов ждет кара. Если князья не хотят быть сброшенными с престола, они должны помочь народу в его освобождении. «Оставьте пустую болтовню, будто сила Божия должна сделать это без помощи вашего меча, — говорил Мюнцер — Тех, кто противиться божественному откровению, следует убивать без всякого милосердия… ибо иначе христианская церковь не сможет вернуться к своим исконным началам. С наступлением жатвы следует вырвать плевелы из вертограда Божья. Господь сказал «Не жалейте безбожников, разбейте их алтари, разбейте и сожгите идолы их, чтобы гнев Мой не обрушился на вас». Курфюрсты были немало смущены дерзостью Мюнцера.

Однако дух времени был таков, что они покорно выслушали проповедь до конца и даже разрешили ее напечатать. Только книга Лютера «Послание саксонским князьям о мятежном духе» открыла им глаза. Лютер первый почувствовал, к чему клонятся выступления Мюнцера, и писал Фридриху: «Я обращаюсь к вам только потому, что понял из его писаний, что этот сатана не ограничится словами, а намерен пустить в ход кулаки, применить силу против властей и поднять настоящий бунт».

На Мюнцера начались гонения. Его типографию закрыли. Опасаясь ареста, он в начале августа ушел из Альштедта и переселился в свободный имперский город Мюльхаузен. Тут он написал свой ответ Лютеру — памфлет «Защитительная речь», полный резких личных выпадов и ругательств. Эта книга ознаменовала его открытый разрыв с «виттенбергским папой». Между тем выступления Мюнцера становились все более непримиримыми. В своих проповедях, обращенных к горожанам, он говорил, что мюльхаузенцы не обязаны подчиняться никакой власти, не должны платить кому-либо подати и что католическое духовенство должно быть изгнано. Он призывал ввести в городе власть общины и таким образом установить принцип справедливости и общей пользы, ликвидировав всякую возможность злоупотреблений. Семя его учения вскоре дало всходы в Мюльхаузене начались погромы монастырей и церквей: плебеи разбивали статуи, рвали священные покровы, швыряли в грязь иконы. Дальше больше — появились требования отмены всех налогов и поборов, изгнания попов и передачи власти общине, которая изберет Вечный совет и будет руководствоваться в свой политике божьим словом. При виде неистовой толпы бургомистры и члены совета поспешили

скрыться. С немалым трудом магистрату удалось отстоять власть. Мюнцер был вынужден бежать.

В конце сентября вместе со своим другом бывшим монахом Пфейфером он отправился в Южную Германию. Здесь, в Южном Шварцвальде и смежных австрийских землях, уже разгорался пожар великой Крестьянской войны. Именно там сложились первые боевые отряды крестьян и был впервые выдвинут лозунг «божественной правды». Подробности пребывания здесь Мюнцера нам неизвестны. Его последователи активно действовали по всей Южной Германии, но сам он большей частью оставался в Гриссене, на шафхаузенской границе. К началу 1525 г. вся страна между Дунаем, Рейном и Лехом находилась в состоянии величайшего возбуждения. В феврале за оружие взялись верхнешвабские крестьяне, и вскоре число восставших здесь превысило 30 тысяч человек.

В середине февраля Мюнцер вернулся в Мюльхаузен, где после народного возмущения набрал большую силу его друг Пфейфер. Теперь ничего не мешало претворить в жизнь социальную программу Мюнцера. В своих проповедях он призывал ввести в городе «евангельское правление» — распустить магистрат и передать власть Вечному совету. 17 марта большинство горожан высказалось за роспуск магистрата. В тот же день был выбран Вечный совет. Мюнцер не занял никакой официальной должности. Но он присутствовал на каждом заседании совета и объявлял, насколько то или иное решение соответствует «божьему слову». Фактически он и Пфейфер управляли городом.

Повсеместно было отменено католическое богослужение, а имущество церквей продано с публичных торгов. По всей Швабии полыхали крестьянские восстания. В соседних областях — Гессене, Саксонии и районе Гарца — также шла активная подготовка ко всеобщему восстанию, к чему Мюнцер приложил немало сил. Он писал письма, рассылал во все стороны эмиссаров и гонцов и постоянно выступал с проповедями.

Обращаясь к крестьянам, он говорил, что нынешняя война начата Самим Богом и что в ней должны погибнуть все враги истины. Только таким образом мир может быть очищен от греха и несправедливости. Он провозглашал, что впредь над народом не должно быть никакой власти, ибо этого требует божье право, и призывал простолюдинов к истреблению господ. Всеми возможными способами он, словно ветхозаветный пророк, разжигал ненависть к дворянам и попам, пробуждая самые бурные страсти. Его горячие воззвания как искры разлетались по стране. В Тюрингии, в Эйхсфельде, в Гарце, в саксонских герцогствах, в Гессене, Фульде, в Верхней Франконии крестьяне повсеместно поднимали восстание, собирались в отряды, жгли замки и монастыри. Мюнцер был более или менее признанным вождем всего движения, а Мюльхаузен оставался его центром. Один из руководителей княжеской партии ландграф Филипп Гессенский писал в апреле, что «Мюльхаузен является основой и началом всех несогласий и волнений, и все мятежные действия вытекают из него, как из ключа».

Князья Тюрингии поначалу растерялись и оказались не в состоянии справиться с крестьянами. Лишь в последних числах апреля ландграфу Филиппу удалось собрать войско и начать против восставших успешную

войну. Тогда же Мюнцер совершил поход в Эйхсфельд. По пути были разрушены несколько замков и монастырей, а в Хейлигенштадте и Лангензальце установлено правление по образцу мюльхаузенского.

В начале мая Мюнцер с отрядом добровольцев двинулся на помощь восставшему Франкенхаузену. Под этим городом собрался большой крестьянский отряд, насчитывавший, по некоторым данным, 8 тысяч восставших. Впрочем, крестьяне были плохо вооружен и недисциплинированны, в их рядах насчитывалось очень мало бывших солдат и совершенно не было способных военачальников.

Едва Мюнцер встал во главе франкенхаузенского отряда, пришло известие, что приближается объединенное войско князей. Первые легкие стычки произошли 14 мая.

На другой день сражение возобновилось. Мюнцер расположился со своим отрядом на вершине горы, окружив себя укреплениями из повозок. Он знал, что сто лет назад, во время гуситских войн в Чехии, такая тактика не раз приносила крестьянам победу в сражениях с рыцарями. Но теперь было совсем другое время. Пушки князей после нескольких залпов разбили укрепления крестьян в щепы. Прорвав линию повозок, конница ландскнехтов ворвалась в крестьянский лагерь. Началась резня — из 8 тысяч восставших в короткий срок пало более 5 тысяч. В тот же день был взят Франкенхаузен. Раненный в голову Мюнцер попал в плен. После мучительных пыток его отправили в замок Хельдрунген и здесь опять пытали, убеждая отречься от своих еретических заблуждений. Не ясно, насколько палачи преуспели в этом. 27 мая 1525 г. вождь плебейской Реформации был обезглавлен. С ним вместе казнили Пфейфера и еще 25 неизвестных.

Ульрих Цвингли

Швейцарский реформатор Ульрих Цвингли родился в январе 1484 г. в высокогорной деревне Вильдгауз, расположенной в восточной части Тоггенбурга. Его семья, владевшая большим количеством скота, принадлежала к числу самых богатых и уважаемых жителей гор. Отец постарался дать Ульриху хорошее образование и в 1494 г. отправил его в Базель, в школу Св. Теодора. Тут мальчик обучался латинской грамматике, диалектике и церковной музыке, демонстрируя блестящие успехи и неизменно одерживая верх на школьных диспутах. В 1497 г. родители перевели его в бернскую школу древних языков Генриха Лупулуса. Помимо других предметов здесь уделялось большое внимание музыке, так что после двухлетнего пребывания в Берне Цвингли научился играть на всех известных тогда инструментах. Затем он три года обучался в Венском университете, а завершил свое образование в Базельском. В 1506 г. он получил степень магистра свободных искусств. Вскоре жители Гларуса, соседнего с Вильдгаузом селения, предложили Цвингли место приходского священника. Он согласился и тогда же принял духовное звание.

Следующие десять лет он добросовестно исполнял свои пастырские обязанности.

Приход его был очень велик и занимал почти треть кантона. Молодому священнику приходилось много времени проводить в разъездах.

В 1512 и 1515 гг. Цвингли в качестве полкового священника участвовал в двух походах в Италию. Во время второй кампании он оказался свидетелем страшного поражения швейцарцев в битве при Мариньяно. По возвращении на родину в 1516 г. Цвингли стал проповедником в монастыре Эйнзидельн. Здесь у него было намного больше свободного времени, и он воспользовался им для занятий в богатой монастырской библиотеке — прочел в оригинале Новый Завет, изучил произведения Оригена, Амвросия, Иеронима и других отцов церкви. Постепенно в нем росло убеждение в несостоятельности многих положений католического учения, а также в бессмысленности и вредности чисто внешнего культа, заменившего в официальной церкви всякое искреннее проявление религиозного чувства. Вскоре эти настроения стали проскальзывать в его проповедях. Приглашенный для того, чтобы своим красноречием привлекать в монастырь богомольцев, он неожиданно стал говорить о том, что Христос единственный посредник между Богом и людьми и что одна только вера может дать человеку искупление. «Перестаньте верить, — говорил он прихожанам, — что Бог присутствует в этом храме предпочтительнее, чем в другом месте. В каком бы уголке земли вы не жили, Бог всегда находится вблизи вас, он слушает вас, если ваша молитва заслуживает быть услышанной. Ни бесплодные обеты, ни далекие паломничества, ни дары, предназначенные для украшения мертвых изображений, не привлекут на вас благодати Божией. Сопротивляйтесь искушению, побеждайте свои греховные желания, избегайте несправедливости, поддерживайте несчастных и утешайте удрученных — только такими делами вы будете угодны Богу…»

В 1518 г. Цвингли пригласили занять место проповедника при большом Цюрихском кафедральном соборе. При избрании он объявил, что не намерен следовать примеру своих предшественников, читавших народу только отрывки из Евангелия, а будет излагать его в последовательном порядке, в связи со всем Священным Писанием, и притом на родном, понятном языке. Впечатление, произведенное уже первой его проповедью, было огромно. Люди жадно слушали повествование о земной жизни и учении Спасителя и чувствовали себя так, словно им открылось новое откровение.

Имя Цвингли сразу сделалось широко известным. Другие события еще больше способствовали его популярности. В 1519 г. в Цюрихе вспыхнула эпидемия чумы. В этот страшный Момент Цвингли не покинул город: он продолжал исполнять свои обязанности, навещал опасно больных и приносил им утешения религии. В конце концов он сам заразился, долго болел, но выздоровел. После этого он стал пользоваться еще большей любовью горожан.

Цвингли одним из первых в Швейцарии приветствовал выступление Лютера, в сочинениях которого находил множество близких своим суждений. Впрочем, его собственные представления о грядущей церковной реформе были гораздо радикальнее лютеровских. Оба реформатора начали свою деятельность почти одновременно. В марте 1522 г. Цвингли во время поста объявил, что запрещение известной пищи не имеет никакого основания в Священном Писании, ибо апостол Павел в Послании к римлянам говорил, что воздержание в еде есть дело личной совести.

Некоторые из ревностных прихожан стали после этого открыто употреблять мясо. Возмущение католиков не знало границ. По повелению констанцского епископа Гуго, виновные в нарушении поста были арестованы и подвергнуты наказанию. Нимало не смущаясь этим, Цвингли в июле того же года обратился к Гуго с демонстративным прошением отменить безбрачие духовенства. Это сочинение имело для него то же значение, что знаменитые «Тезисы» для Лютера — с него началась для Цвингли открытая борьба с Римом.

В конце 1522 г. он выступил с 67 тезисами, в которых изложил свою программу церковных реформ. При этом Цвингли объявил, что готов защищать свои взгляды с одним Священным Писанием против любого, кто пожелает вступить с ним в диспут.

Но никто не принял его вызова. Тогда в январе 1523 г. городской совет Цюриха поддержал программу Цвингли и объявил об отделении от констанцского епископа. Община верующих, представляемая советом, получила права, которыми раньше обладала церковь. После этого Цвингли мог приступать к заявленным реформам. Он сделал это с благоразумной осторожностью и терпимостью, исключая всякое насилие. Прежде всего он позаботился о том, чтобы латинский язык в богослужении был заменен немецким. Затем было заключено соглашение между капитулом и городским советом, по которому первый отказывался от своих светских прав и привилегий, пообещав содержать необходимое для города число проповедников. Все духовные требы должны были отныне совершаться безвозмездно.

За это каноники получили право пожизненно пользоваться своими доходами. Но после смерти членов действующего капитула их доходы не передавались их преемникам и должны были пойти на нужды образования и поддержание бедных.

Монахам и монахиням позволено было выходить из монастырей, духовенству — вступать в брак. (Сам Цвингли в апреле 1524 г. женился на вдове Анне Рейнгард.) В мае 1524 г. был издан указ об отмене мессы и изображений. Из церквей вынесли иконы, а со стен стерли фрески. Затем предали погребению мощи святых. Запрещались органная музыка и колокольный звон по умершим. Богослужение было сведено к проповеди и пению псалмов. Всем желающим разрешили причащаться обоими видами — вином и хлебом. В 1528 г. организация новой церкви завершилась учреждением синода. По форме это были периодические собрания духовенства, на которые допускались и представители общин. На них обсуждались различные вопросы церковной дисциплины, назначались и подвергались испытанию новые проповедники.

Важным моментом проводимой Цвингли реформы стала забота о деле народного образования. Он устроил много новых школ, преобразовал старые, пригласил хороших преподавателей и лично следил за ходом обучения. В 1525 г. он учредил Каролинум — духовную академию для подготовки проповедников и учителей. Это было совершенно новое по духу учебное заведение. Наряду с глубоким изучением Священного Писания здесь преподавались древние языки — еврейский, греческий и латынь. В качестве преподавателей были приглашены лучшие профессора из Швейцарии и Германии. Сам Цвингли читал лекции по теологии.

Мало-помалу созданная им академия сделалась настоящим центром просвещения для немецкой Швейцарии, а Цюрих, слывший до тех пор невежественным городом, приобрел репутацию «швейцарских Афин». Могучим средством просвещения должно было стать издание понятного для народа текста Священного Писания. В 1529 г. в сотрудничестве с Лео Юдом Цвингли закончил перевод Библии на немецкий язык.

Успех книги был колоссальный. Одно переиздание следовало за другим, книгопродавцы с трудом могли удовлетворить потребности публики. Библия, так долго скрываемая Римом от христиан, сделалась, наконец, тем, чем должна была быть — настольной книгой каждого верующего. Не менее замечательны были заботы реформатора об усилении и правильной постановке общественной благотворительности. На средства, полученные от секуляризации церковных имуществ, в Цюрихе устроили целую сеть благотворительных учреждений: запасные магазины, богадельни, гостиницы для бедных, больницы и особые чумные госпитали.

Предметом особого попечения Цвингли была общественная нравственность. В 1530 г. под его давлением в Цюрихе приняли строгий закон против чрезмерной расточительности, пьянства, азартных игр и тому подобных проступков.

Дело, начатое Цвингли, породило религиозное движение во всех частях Швейцарии.

Пример Цюриха вдохновил на реформы другие городские кантоны. В 1527 г. противники Рима победили в Берне, а немного погодя в Базеле и Констанце. В 1529 г три эти города заключили с Цюрихом христианский союз для защиты евангелического учения. В ответ четыре лесных кантона (Швиц, Ури, Унтервальден и Цуг), а также присоединившийся к ним Фрейбург заключили католический союз. В том же году между двумя союзами начались неприятельские действия. Поводом для них послужило сожжение в Швице цюрихского проповедника Якова Кайзера. Возмущенные этим неслыханным преступлением цюрихцы объявили католикам войну и немедленно двинулись в поход. Лесные кантоны, не ожидавшие от своих врагов такой стремительности, запросили мира. По его условиям католический союз подлежал самороспуску, каждый кантон мог оставаться при своем вероисповедовании, а в подвластных землях вопрос о Реформации решался общинами по большинству голосов.

Этот мир не разрядил напряженность внутри Швейцарской конфедерации. Напротив, взаимное раздражение между сторонниками и противниками Реформации только усилилось. В октябре 1531 г началась новая война. На этот раз эффект неожиданности использовали католики. В Цюрихе узнали о нападении врага лишь тогда, когда армия лесных кантонов уже подходила к Каппелю. 10 октября навстречу ей двинулся наспех собранный передовой отряд. На другой день в помощь ему отправился другой отряд с главным знаменем Цюриха. При нем в качестве священника находился Цвингли. Когда этот отряд подошел к Каппелю, там уже кипел бой.

Цюрихцы с ходу вступили в битву и сражались с большой отвагой. Однако численное преимущество было на стороне католиков, и те в конце концов одержали победу.

Цвингли получил несколько ран и после отступления своих соотечественников остался лежать на поле боя. Ночью раненого добили вражеские солдаты, отправившиеся грабить павших. Труп его, опознанный победителями только на рассвете, был сожжен, а пепел (смешанный с пеплом свиньи) развеян по ветру.

Жан Кальвин

Основоположник кальвинистской церкви родился в июне 1509 г. во французском городе Нойоне, в Пикардии. Дед его был простым бочаром, но отец сумел достичь более высокого положения: он занимал должности епископского секретаря, фискального прокурора и синдика соборного капитула. В детстве Жан был робким, необщительным мальчиком, однако он рано стал обнаруживать редкие способности.

В городской школе его считали первым учеником. В 1523 г. он продолжил образование в Париже, в коллегии Ламарш, откуда вскоре перевелся в коллегию Монтегю. В эти годы он вел тихую, уединенную жизнь, был очень религиозен и работал с усердием и усидчивостью, приводившим в изумление учителей. Но товарищи Кальвина не любили. Его сдержанность, нелюдимость, строгий, нетерпимый тон и в особенности нотации, которые он позволял себе читать им по поводу их увлечений, раздражали и вызывая к нему неприязнь.

Пока Кальвин учился в Париже, отец хлопотал об устройстве карьеры, сына и в 1527 г. добился для него прихода Мартевилль. Тут восемнадцатилетним юношей Кальвин впервые выступил в роли проповедника. Но при первой возможности он снова отправился в Париж к своим любимым занятиям. Вскоре отец, у которого испортились отношения с церковью, посоветовал Жану бросить богословие и заняться юриспруденцией. Кальвин послушно поехал в Орлеан, где занимался у известного юриста Петра Стеллы, а затем перебрался в Бурж, привлеченный славой знаменитого миланца Альциати. Благодаря своему прилежанию Кальвин и здесь, как в Париже, быстро добился успехов. Скоро молодой, серьезный не по годам пикардиец обратил на себя внимание как учителей, так и студентов. Даже биографы из католического лагеря отдают дань «его живому уму, обширной памяти, способности быстро усваивать все и особенно той поразительной ловкости, с которой он излагал на бумаге лекции и прения профессоров в изящной и подчас остроумной «форме». Уже в Орлеане он так выдвинулся из массы студентов, что на него смотрели скорее как на учителя, чем на ученика, и часто в отсутствие лектора ему случалось занимать его место.

В 1531 г. отец Кальвина умер, и тот, немедленно оставив юриспруденцию, принялся под руководством немецкого гуманиста Мельхиора Вольмара изучить греческий язык и классические древности. Вольмар, приверженец новых реформационных идей, оказал на Кальвина огромное влияние. Считается, что именно он впервые поставил перед пытливым юношей многие богословские вопросы, разрешая которые Кальвин в дальнейшем порвал с католичеством. Но это произошло не сразу. Кальвин с головой уходит в изучение Библии, читает все сочинения

реформаторов, которые можно было достать, и вскоре полностью принимает основное положение в учении Лютера — об оправдании верой. Однако в это время он еще не думал публично отстаивать свои взгляды и не предполагал посвятить свою жизнь реформированию церкви, а мечтал о карьере ученого-гуманиста. Вернувшись в Париж, он в 1532 г. выпустил в свет свое первое сочинение — комментарий к трактату Сенеки «О кротости». Книга имела успех, но Кальвин так и не вступил на научное поприще. Богословские проблемы властно завладели всем его существом, так что он уже не мог отвлекаться ни на что другое.

В отличие от Лютера, Кальвин никогда не рассказывал, каким образом произошло его обращение. Лишь в предисловии к комментарию Псалмов он упоминает о том, что истина сразу как молния озарила его. «И тогда я понял, — пишет Кальвин, — в какой бездне заблуждений, в какой глубокой тине погрязала до тех пор моя душа. И тогда, о Боже, я сделал то, что было моим долгом, и со страхом и слезами, проклиная свою прежнюю жизнь, направился по Твоему пути». В то время в Париже уже существовала небольшая евангелическая община сторонников Реформации.

Сблизившись с этими людьми, Кальвин, несмотря на свою молодость, вскоре стал их духовным лидером «Все, что было предано новому учению, — вспоминал он позже, — собиралось вокруг меня, чтобы поучиться у меня, неопытного молодого человека». Первое время протестанты ограничивались тем, что распространяли свои идеи частным образом.

Потом появилось желание публично и официально заявить о своих взглядах. Повод для такого обращения вскоре представился. В октябре 1533 г. друг Кальвина Николай Коп, избранный ректором Парижского университета, готовился произнести обычную в таком случае публичную речь. Кальвин написал для него небольшое сочинение «О христианской философии», в котором под очень прозрачным покровом проводился основной принцип Лютеровой теологии — об оправдании верой. Коп зачитал кальвиновскую речь перед большой и представительной аудиторией Этот смелый вызов, брошенный католицизму, наделал много шума и сильно навредил делу Реформации. Если до этого власти сквозь пальцы смотрели на деятельность протестантов, то теперь на них обрушились преследования. Коп бежал в Базель. Был издан указ об аресте Кальвина. Но, когда полиция пришла его арестовывать, он выскочил через окно на улицу. Покинув столицу, он под чужим именем вел скитальческую жизнь в Южной Франции и наконец нашел убежище при дворе Маргариты Наваррской. Та приняла Кальвина с большим радушием и сумела уладить дело об университетской речи. Беглец получил разрешение вернуться в Париж.

Впрочем, долго оставаться здесь оказалось опасным. В 1535 г. во Франции началась настоящая охота на протестантов. Шесть их проповедников были публично сожжены.

Кальвин решил оставить отечество и отыскать какой-нибудь уединенный уголок, где бы он мог в полной безопасности отдаться своим теологическим работам. Таковым поначалу стал для него Базель, давший приют многим французским протестантам. В Швейцарии Кальвин,

установивший связи со своими единоверцами, участвовал во французском переводе Библии, затеянном его родственником Оливетаном. Но вскоре все его внимание поглотила работа над трактатом «Наставление в христианской вере», которому суждено было стать самым прославленным и самым читаемым из его творений. Первое издание объемом в 500 страниц вышло в Базеле 1536 г.

Затем одно переиздание «Наставления» следовало за другим, и каждый раз объем книги увеличивался: Кальвин постоянно возвращался к своему любимому труду, шлифуя детали, усиливая доказательства и пополняя пропуски. «Наставление в христианской вере», бесспорно, является самым выдающимся произведением эпохи Реформации, своего рода «основой основ» всего протестантского мироощущения.

Мысль изложить в строгом порядке начала протестантизма являлась уже и до Кальвина. За эту задачу брались такие известные деятели Реформации, как Меланхтон, Цвингли и Фарель. Однако ясной, обоснованной в деталях, отчетливой формулы веры, способной противостоять создававшейся веками католической доктрине, они так и не смогли построить. Это удалось сделать только Кальвину.

Его светлый ум, его беспощадная логика позволили ему добиться успеха в том, в чем не смогли преуспеть его старшие годами предшественники.

В основе теологической системы Кальвина лежит безусловный авторитет Священного Писания. По его мнению, Бог раз и навсегда выразил Свою волю в библейских книгах, и вся жизнь человечества — не только религиозная и нравственная, но также политическая и церковная — должна быть строго согласована с буквой этого закона. Церковная традиция для него пустой звук. Отцы церкви имеют значение лишь в той степени, в какой их учение соответствует прямому смыслу Писания.

Христианство в его учении становится, таким образом, «религией книги», неизменной и неподвижной, как иудаизм, раз и навсегда заключенной в тесные рамки Священного Писания.

Положение об оправдании верой, об абсолютной невозможности для человека собственными усилиями добиться спасения — этот центральный пункт Лютеровской догматики — занимает у Кальвина также выдающееся место. Как уже говорилось, положение это возникло как протест против католического учения о добрых делах, под которыми разумели почти исключительно дела внешнего благочестия. Лютер ополчился против крайностей этой теории, приведшей к позорной торговле индульгенциями. Он доказывал, что добрых дел недостаточно, что спасти человека может только вера, одна вера в искупительный подвиг Христа. Но в то же время он полагал, что вера не является для человека предметом свободного выбора и приходит к нему только вследствие Божьей благодати (под благодатью в католической традиции понималась посылаемая людям свыше помощь Бога, даруемая независимо от человеческих заслуг). Это учение, найденное им в сочинениях св. Августина и уже заключающее зачатки предопределения, германский реформатор постарался все-таки примирить со свободной волей человека. Кальвин в данном вопросе пошел гораздо дальше. С беспощадной логикой он доказал, что если вера есть лишь действие благодати, если человек сам, без божественной помощи, не

может спастись, то из этого следует, что как спасение, так и неспасение его зависит исключительно от божественной воли, что свободы воли нет и не может быть, что допускать последнюю — значит ставить Бога в зависимость от человека.

Человек существует лишь для прославления величия Бога, который одних, для возвеличения своего милосердия, предопределяет к спасению, других — для возвеличения своей справедливости — к проклятию. Поскольку истинно верующим может быть лишь тот, кто «избран», то спасение, по большому счету, не зависит даже от веры. Бог, не обращая внимания на заслуги, руководствуясь только Своей вечною, неизменною, непостижимою для нас волей, одних назначает для спасения, а других — «еще раньше, чем они совершили что-либо хорошее или дурное» — осуждает на вечное проклятие. И при этом Он не ограничивается в отношении заранее осужденных одним только попустительством зла — Он сам, ожесточая их сердца, толкает этих обреченных ко злу. Божественная воля не знает ни перемен, ни колебаний. Кто раз был записан в книгу жизни, тот не может быть вычеркнут из нее; кто владеет божественной благодатью, тот никогда не утратит ее, несмотря на все свои заблуждения. Только для избранных имеет значение молитва, вера, страх Божий. Тот же, кто записан в книгу смерти, остается неизменным «сосудом гнева Божия», и все, даже его добрые дела, ведет его к проклятию. Его добродетели, его вера — призрачны, спасение для него невозможно.

С этим догматом предопределения Кальвин связывал свои суровые требования относительно нравственной жизни и своего рода аскетизма. На первый взгляд, одно вовсе не следовало из другого. В самом деле, из идеи безусловного предопределения, по-видимому, следовало совершенно противное, а именно, безразличный взгляд на нравственную жизнь, ибо, если изначально и безусловно верующий предопределен ко спасению, то он и получит это спасение необходимо, какова бы не было его поведение в этом мире. Вот почему еще при жизни Кальвина его теорию порицали преимущественно с практической стороны. Один из современных Кальвину богословов писал, что Бог его есть бог разврата, душегубства и всякого зла, что его доктрина годится для воров, разбойников и им подобных. «Да заградит Всевышний уста твои, сатана», — отвечал ему Кальвин и доказывал, что его догмат, напротив, в высшей степени полезен для нравственности, ибо только при его догмате предопределения и возможна истинная, бескорыстная добродетель, основанная не на ожидании наград и наказаний, а единственно на преданности Божеству. Хотя, говорил он, предначертания Бога неизвестны людям, которые бессильны изменить их своими поступками, но они могут догадываться об уготованной им участи по тому, как складывается их жизнь на земле. Если они преуспевают в своей профессиональной деятельности, если они добродетельны и набожны, трудолюбивы и покорны властям, это служит внешним показателем благоволения к ним Бога. Поэтому истинный христианин должен целиком отдаться исполнению своего долга, пренебрегать комфортом, презирать наслаждения, быть бережливым хозяином и твердо следовать по тому пути, который указал Господь в Своем законе.

Вся дальнейшая история Реформации показала правоту Кальвина и ошибочность мнения его противников. Догмат о предопределении не стал в

кальвинизме источником фатализма. Напротив, он укреплял души, закаляя их для испытаний, наполнял их героическим энтузиазмом, всячески содействуя развитию личной и частной инициативы. Вообще, это положение, став основой мироощущения нарождающейся буржуазии, сыграло в духовной, политической и экономической жизни Европы огромную и многогранную роль. Из учения Кальвина, между прочим, вытекало и то, что буржуазия должна занимать в обществе первенствующее положение, так как является наиболее преуспевающей (и потому угодной Богу) его частью. Не случайно кальвинизм послужил основой для многих теорий революционного переустройства государства во времена буржуазных революций в Голландии и Англии.

Учение о божественном предопределении составило фундамент, на котором были построены богословская система Кальвина и его представление о церкви.

Фактически, писал он, к истинной церкви принадлежат одни только избранные, но так как в этой жизни нельзя знать, кто избран, а кто нет, то видимая земная церковь включает в себя всех христиан. В ее устройстве Кальвин отвергал как церковную иерархию, так и духовенство. Церковная власть в данной местности должна принадлежать всем членам данной общины. Каждая община сама организует церковное управление и охраняет свою веру. Она же избирает из своего числа проповедников (пасторов). В реформе богослужения Кальвин шел гораздо дальше Лютера. Все, что хотя бы отдаленно напоминало старое суеверие, должно было изгоняться с беспощадной строгостью. Кальвин требовал отмены католической мессы; удаления из храмов икон, статуй, мощей святых; отмены всех церковных праздников, кроме воскресения, изгнания музыки. Его религия была религией духа, не нуждавшейся ни в каких внешних формах. В определении роли светской власти Кальвин также расходился с Лютером. Если последний однозначно подчинял церковь государству, то Кальвин старался связать их в одно целое, в котором, однако, преобладал теократический элемент. Он считал, что правительство, повелевая телами людей, не имеет власти над их совестью и не должно присваивать себе авторитет в делах веры. Однако из сказанного не следовало, что светская и духовная власть существуют совершенно отдельно друг от друга. Государство должно поддерживать деятельность церкви, проникаться ее духом и следовать ее внушениям. (Эта теократическая идея была, по существу, заимствована Кальвином из католичества.)

После выхода в свет «Наставления» Кальвин некоторое время прожил в Италии при дворе герцогини Феррарской. Затем он ненадолго съездил во Францию, чтобы уладить свои домашние дела. Отсюда он решил уехать в Базель, чтобы поселиться в нем навсегда. Однако из-за войны попасть туда обычным путем через Лотарингию оказалось невозможно. Пришлось добираться в обход через Савойю. Таким образом Кальвин проездом оказался в Женеве, которая переживала тогда не лучшие времена.

Этот город только недавно освободился от власти савойских герцогов. Новый республиканский порядок еще не успел здесь утвердиться. На фоне сильного недовольства народа царил дух враждебных партий, которые вели между собой мелочную борьбу за места в совете. В еще

большем беспорядке находилась церковь.

В 1535 г. под руководством протестантского проповедника Гильома Фареля в Женеве началась Реформация. Католическое богослужение было уничтожено, священники и монахи изгнаны, во всех церквах раздавалась евангелическая проповедь. Однако новая протестантская церковь так и не сложилась. Не было ни порядка в богослужении, ни ясной формулы веры. Народ в большинстве своем не знал евангелия. Как всегда бывает в переходные периоды, произошло резкое падение нравственности, что для Женевы, жители которой и до этого никогда не являлись образцом морали, означало подлинный разгул порока.

Кальвин, как уже говорилось, попал в Женеву проездом и рассчитывал пробыть здесь всего один день. Но случилось иначе. Фарель, узнав о его приезде, стал умолять Кальвина остаться. Он чувствовал всю шаткость своего положения и отчаянно нуждался в деятельных помощниках. Кальвин долго отказывался от этого предложения, в котором не находил для себя ничего заманчивого, но в конце концов должен был уступить. Он начал с того, что стал читать в соборе Св. Петра лекции о некоторых книгах Нового Завета и тем временем осматривался по сторонам.

Беспорядок, царивший в женевской церкви, поразил его. «Когда я впервые увидел эту церковь, — писал он впоследствии, — она представляла собой нечто бесформенное. Проповедовали — и это было все. Разыскивали идолов и сжигали их — и в этом заключалась вся Реформация. Всюду господствовал хаос». В этот хаос Кальвин решил внести порядок. Одной из первых его забот стало составление катехизиса, где в общедоступной форме излагались основные начала нового учений. С той же целью было составлено евангелическое исповедание. Но этих мер, конечно, оказалось недостаточно. Необходимо было позаботиться о том, чтобы народ не только усвоил себе истины нового учения, но и выполнял все его предписания. Кальвин и Фарель стали добиваться введения церковного отлучения как самого действенного средства для поддержания строго порядка и дисциплины в церкви. Городской совет, писали они, должен избрать из среды граждан людей богобоязненных, безупречной нравственности и поручить им надзор за разными частями города. О всех случаях безнравственного поведения они должны докладывать духовенству, которое, в случае тщетности своих увещеваний, имеет право отлучать грешников от общения с верующими. Если и это средство не приведет к исправлению виновного, его надлежит передавать для наказания властям. Городской совет в начале 1537 г. принял эти требования. Азартных игроков стали выставлять к позорному столбу с картами, привязанными к шее. Женщин, явившихся в церковь с завитыми волосами, подвергали на несколько дней тюремному заключению. Запрещалась всякая роскошь в костюмах, шумные публичные увеселения, танцы, употребление непристойных выражений, божба и т. п. Всякий, кто сохранял у себя дома иконы, четки или другие принадлежности католического культа, считался богоотступником и подвергался жестоким наказаниям.

С этого началась постепенная перестройка духовной и политической жизни Женевы.

Многочисленные проповеди, религиозное обучение детей и взрослых, строгий надзор за нравственностью жителей постепенно продвигали дело Реформации. Мало-помалу город терял свой обычный вид, вместо прежней шумной веселости в нем водворялась почти монастырская тишина. Разумеется, это нравилось далеко не всем. Многие женевцы стали опасаться, что с таким трудом обретенная свобода скоро будет подавлена тиранией проповедников. Оппозиция росла с каждым днем. В 1538 г. горожане избрали новый городской совет, не так лояльный к Кальвину и Фарелю, как прежний. Тем не менее те отказывались идти на какие-либо уступки и не пожелали, как того хотел совет, причащать прихожан на Пасху пресным хлебом (такой обычай был в Берне). Тогда возмущенные женевцы выгнали обоих из церкви, а совет предписал им в трехдневный срок покинуть город. Кальвин воспринял этот указ с полным спокойствием. «Если бы мы служили людям, — сказал он, — то были бы плохо вознаграждены, но мы служили Богу, и награда от нас не уйдет».

Из Швейцарии он отправился в Страсбург, где стал лектором при протестантской академии и проповедником во французской церкви Св. Николая. Очень скоро ему удалось сплотить всех французских протестантов, проживавших в этом городе, и провести в их общине те же преобразования, которые были начаты им в Женеве. Для восстановления нравственности Кальвин отлучил от церковного общения всех недостойных и допустил их обратно к причастию не раньше, чем они исправились.

Его лекции в академии привлекли массы слушателей из разных концов Франции. Их приезжали послушать даже англичане. В 1539 г., желая прочно осесть в Страсбурге, он принял местное гражданство, а в 1540 г. женился на небогатой вдове Иделетте Штордер. Брак этот, сложившийся скорее из рассудочных соображений, чем под влиянием чувств, оказался тем не менее очень счастливым.

Между тем положение дел в Женеве постепенно принимало благоприятный для Кальвина оборот. После отъезда сурового проповедника в городе вновь водворились моральная распущенность и беспорядок. Подняли голову тайные католики. К тому же партия, добившаяся победы в 1538 г., скомпрометировала себя позорными уступками Берну. Авторитет ее резко упал. В Женеве началось сильное брожение умов. Опасаясь беспорядков, городской совет в сентябре 1540 г. предложил Кальвину вернуться. Он отказался. В октябре к нему было отправлено официальное приглашение, составленное в самых почтительных выражениях: его просили вернуться к прежней деятельности, «так как народ этого очень желает».

Кальвин отвечал послам в довольно неопределенных выражениях, но при этом дал понять, что полномочия простого проповедника его не устраивают: если он и вернется в Женеву, то в единственной роли — восстановителя разрушенной церкви.

Горожане согласились на это условие. Но Кальвин все медлил с приездом, ссылаясь на разные дела. Он вернулся только в сентябре 1541 г.

Его возвращение напоминало триумфальное шествие навстречу ему был выслан герольд, весь народ высыпал на улицы и приветствовал его восторженными криками, городской совет выказал ему подобострастное

внимание. Кальвин вернулся настоящим победителем. На первом же заседании совета, после извинений за долгое промедление, он предложил без отлагательств приступить к наведению порядка в церкви. В тот же день была назначена комиссия из шести членов совета, которая должна была помогать Кальвину в выработке нового церковного устава. В конце ноября этот проект уже был принят советом и утвержден генеральным собранием граждан. Таким образом, были указаны общие черты будущего церковного и гражданского устройства республики. Суть их сводилась к следующему.

Кальвин разделил людей, призванных к заведованию церковными делами, на четыре категории: проповедников (пасторов), учителей, старейшин и диаконов Первенствующая роль среди них принадлежала пасторам «Проповедники, — писал Кальвин, — это слуги божественного слова; они должны учить, увещевать народ, раздавать причастие и вместе со старейшинами налагать церковные наказания».

Всякий кандидат на это звание подвергался испытанию в конгрегации (коллегии) проповедников. Если результат испытания оказывался удовлетворительным, то на него, по апостольскому обычаю, возлагали руки, и он считался избранным. После этого проповедник представлялся совету, который имел право отвергнуть выбор духовенства. Если совет не возражал, то об избрании нового проповедника возвещалось во всех церквах. Любой гражданин, имевший для того серьезные основания, мог также сделать свои возражения. Однако, когда проповедник окончательно утверждался в своей должности, сместить его можно было только за уголовное преступление или ересь. Обязанности его не ограничивались только проповедью, а распространялись на всю религиозно-нравственную жизнь общины.

Увещеваниями, предостережениями и наставлениями он должен был содействовать прославлению Бога и воспитанию богобоязненного поколения. Роль церкви в жизни города была чрезвычайно велика. Конгрегация проповедников, собиравшаяся каждую неделю под руководством самого Кальвина, обсуждала не только богословские, но и политические вопросы. Вскоре ее значение сравнялось со значением совета. Другим важным органом женевской республики стала консистория, или коллегия старейшин.

Ее членами были шесть городских проповедников и 12 мирян, избираемых из числа членов совета. Цель консистории состояла в том, чтобы «надзирать за жизнью каждого члена общины», преследуя богохульство, идолопоклонство, безнравственность и все то, что противоречило учению Реформации. По сути она представляла из себя нечто среднее между инквизиционным трибуналом и судебной инстанцией.

Параллельно с церковным переустройством Кальвин занимался гражданскими реформами. К 1543 г. возглавляемая им комиссия навела строгий порядок в государственном управлении: были определены рамки для деятельности различных государственных органов, в ясных и точных выражениях обозначены обязанности должностных лиц. В данных вопросах Кальвин не допускал никаких мелочей. Так он лично написал подробные инструкции для смотрителей за постройками, для пожарной команды и даже правила для ночных сторожей. На всех его учреждениях лежала печать суровой неумолимой законности и педантичного порядка, которые

составляли основу его личного характера.

Через несколько лет управления Кальвина никто бы не узнал в преобразованной Женеве прежнего свободного, оживленного города. Шумная жизнь сменилась мрачной сосредоточенностью. Повсюду утвердились строгая религиозность, порядок и дисциплина. Кальвин считал, что человек по своей природе склонен к злу и возмущению, поэтому над ним должна всегда тяготеть сдерживающая узда. Власть, истинно угодная Богу, должна быть непременно строга — ей чужды сострадание, милосердие и другие человеческие слабости. Этой мыслью были проникнуты и все его преобразования. Кальвин просмотрел женевское законодательство и значительно изменил его в сторону ужесточения. За многие правонарушения, к которым прежде относились достаточно снисходительно, теперь была введена смертная казнь. Так смерть полагалась богохульнику, сыну, ударившему отца, нарушителям супружеской верности и т. п. Сквернословие каралось тюремным заключением. В первые четыре года правления Кальвина было вынесено 58 смертных приговоров, а 76 человек подверглись изгнанию. Судопроизводство отличалось чрезвычайной жестокостью. К примеру, только за несколько месяцев 1545 г. от пыток во время следствия погибли 34 человека. (Не только граждане Женевы, но и приезжие попадали иногда под действие суровых законов. В 1553 г. по дороге в Италию в Женеве остановился известный врач и вольнодумец Михаил Сервет. Кальвин добился его ареста и осуждения. В октябре того же года Сервет был публично сожжен на костре.)

Кальвин был совершенно лишен чувствительности к красотам природы, к поэзии и искусству. На землю он смотрел как на юдоль плача и скорби, а на земную жизнь — как на подготовительную ступень к жизни загробной, и этот дух аскетизма он вскоре привил женевцам. Борясь с неумеренной роскошью, Кальвин разработал подробную регламентацию малейших деталей быта своей паствы. Так, были строго определены цвет и фасон костюмов, качество материи, характер причесок и даже максимальное число блюд на пирах. Малейшее отступление от этих норм каралось штрафами и тюремным заключением. Запрещены были театральные представления, игры, танцы, музыка, светские песни, шумные празднества. Все трактиры были закрыты.

Никто не имел права пребывать в праздности.

Первые десять лет деятельность Кальвина порождала оппозицию (порой даже очень сильную). Однако он с железной непреклонностью продолжал проводить свою политику. Постепенно ему удалось сокрушить всех своих врагов, тайных и явных, и заручиться безусловной поддержкой большинства населения. В 1550-х гг. женевцы окончательно смирились с ролью, назначенной им Кальвином — быть жителями образцового протестантского города, претендующего на то, чтобы стать центром всего европейского реформационного движения, его духовной столицей. Что касается самого Кальвина, то он последние двадцать лет своей жизни являлся подлинным лидером Реформации, с необычайным прилежанием выполняя все связанные с этим высоким званием обязанности. Оценивая всю проделанную им работу, нельзя не задаваться вопросом: откуда в этом тщедушном и очень болезненном человеке бралось столько сил? Несмотря

на то, что он часто и подолгу болел, работоспособность его до самой смерти оставалась невероятной. Даже краткий перечень его ежедневных дел не может не вызывать изумления. Он добровольно взял на себя все городские дела, вникая в малейшие детали управления. Совет ничего не предпринимал без его ведома. Частные лица беспрестанно обращались к нему за советами и разрешением недоразумений. Дела церкви также всецело лежали на нем. Несколько раз в неделю Кальвин выступал с проповедями и, помимо них, три раза в неделю читал лекции по богословию, на которые съезжались сотни протестантских проповедников из всех стран Европы. Он председательствовал на еженедельных заседаниях консистории и конгрегации, заведовал делами благотворительности, инспектировал госпиталя, богадельни и т. п.

Вне служебных обязанностей Кальвин также не мог считать себя свободным. Дома его ждала громадная корреспонденция из всех стран Европы: жалобы, донесения, просьбы о богословских консультациях. Он отвечал на все письма без малейшего промедления. Вместе с тем он продолжал плодотворную литературную деятельность.

За свою жизнь он написал целую библиотеку, состоящую из сочинений самого разного содержания: тут и комментарии фактически ко всем книгам Священного Писания, и полемические сочинения, и политические памфлеты и научно-богословские трактаты.

После него осталось около трех тысяч проповедей, записанных его слушателями, удивительно красноречивых и глубоких по содержанию. Все без исключения его сочинения демонстрируют глубокую образованность. Действительно, обладая феноменальной памятью, Кальвин обычно запоминал все когда-либо прочитанное или услышанное и не имел нужды рыться в книгах для того, чтобы найти нужную справку.

Но еще больше, чем природным способностям этого человека, следует дивиться силе его духа. За свою жизнь он не позволил себе ни одного проявления слабости.

Личные несчастья он переносил с поразительной невозмутимостью. Так на него, казалось, не произвела никакого впечатления смерть трех его маленьких детей, умерших в младенчестве, даже кончина его нежно любимой жены Иделетты не заставила Кальвина отступить от обычного рабочего распорядка — на другой день после ее похорон он уже заседал в совете и выступал с лекциями. В связи с этим враги не раз обвиняли Кальвина в бессердечии, что едва ли справедливо (из некоторых личных писем друзьям можно заключить, к примеру, каким тяжелым ударом стала для него смерть жены). Просто весь смысл жизни заключался для Кальвина в всепоглощающем служении Богу, в котором он видел сурового и жесткого господина, не позволяющего человеку ни личных слабостей, ни посторонних чувств. Только смерть в глазах Кальвина могла считаться законным избавлением от этого безусловного и полного служения.

Результаты его деятельности были громадны. Во многом благодаря Кальвину протестантское учение приобретало все новых и новых последователей. Уже при его жизни кальвинизм утвердился в большинстве швейцарских кантонов и в Шотландии.

Большие успехи сделала Реформация во Франции, Нидерландах и Польше. Некоторое время казалось, что Англия, где последователем

учения женевского реформатора выступил молодой английский король Эдуард VI, также должна вот-вот присоединиться к кальвинизму.

Сам Кальвин увидел только начало религиозных войн во Франции и не дожил до антииспанского (по существу, антикатолического) восстания в Нидерландах.

Беспримерный изнурительный труд подточил его слабое здоровье. В 40 лет реформатор казался уже дряхлым согбенным стариком. С 1559 г., после того как он перенес на ногах лихорадку, состояние его сильно ухудшилось. Но он продолжал работать и читать лекции до тех пор, пока в феврале 1564 г. во время одного из выступлений кровь не пошла у него горлом. После этого он окончательно слег.

Последние месяцы его прошли в ужасных страданиях. Он сносил их без жалоб и в краткие минуты облегчения вновь возвращался к работе. Умер великий реформатор 27 мая 1564 г.

Джон Нокс

Джон Нокс — основоположник шотландской пресвитерианской церкви и «некоронованный глава шотландских протестантов» — родился около 1505 г. в бедном семействе в селении Джиффорд, близ Гаддингтона. Образование он получил в шотландских университетах Глазго и Сент-Эндрюса, после чего преподавал в Сент-Эндрюсе философию. Еще до канонического возраста Нокс был рукоположен в сан священника, но карьера его в этом качестве продолжалась совсем недолго. В то время церковь представляла в Шотландии значительную политическую и экономическую силу.

Считается, что в руках духовных лиц находилось до половины всех шотландских земель. Прелаты имели перевес в парламенте и занимали важнейшие государственные должности. Однако выгоды исключительного положения были ими весьма дурно использованы. Шотландское духовенство отличалось испорченностью нравов и даже распущенностью. Многие прелаты жили вдали от своих епархий и аббатств, предавались пиршествам, охоте и без всякого стыда наделяли своих незаконных детей богатыми доходными статьями. И мирское и монастырское духовенство пребывало в варварском невежестве. Вследствие этого авторитет церкви пал чрезвычайно низко, и когда идеи Реформации стали проникать в Шотландию, они нашли здесь благоприятную почву. Признаки будущего переворота обнаружились около 1525 г. Тогда парламент под угрозой строго наказания запретил ввоз в страну лютеранских книг. Но эта мера оказалась малодейственной — пришлось прибегнуть к более крутым: арестам и казням. Первым шотландским мучеником за Реформацию стал Патрик Гамильтон, сожженный в Сент-Эндрю в 1528 г. Впрочем, его мужественная кончина только укрепила дух последователей — спустя десять лет к Реформации стало склоняться большинство дворян и горожан.

Обращение Джона Нокса произошло в ту же пору, в 1530-е гг. Убедившись в правильности протестантской доктрины, он оставил преподавательскую деятельность в Сент-Эндрюсе и нашел убежище на юге Шотландии в качестве домашнего учителя в семействе Дуглас. Следующие десять лет его жизни прошли в полной безвестности.

Если он и выступал тогда с проповедями, то лишь перед небольшими группами единоверцев. На большее он себя не считал способным и никому не навязывал своих взглядов. Понадобилось сильное внешнее воздействие, чтобы превратить никому неизвестного учителя в народного трибуна. В 1542 г. умер шотландский король Яков V, одобрявший идею реформирования церкви. После него осталась единственная наследница — малолетняя Мария Стюарт. Детство и юность она провела во Франции — на родине своей матери, урожденной герцогини де Гиз. В ее отсутствии регентом стал граф Арран. Поначалу он благосклонно относился к Реформации и даже разрешил свободную продажу Библии в шотландском переводе. Но эта пора религиозного либерализма продолжалась недолго. Во главе шотландской церкви тогда стоял умный и энергичный кардинал Яков Беатон, человек, обладавший выдающимся государственным умом, но слишком ревностный и жестокий католик. Вскоре ему удалось совершенно овладеть доверием регента и отклонить его от протестантского учения. Гонения на реформаторов возобновились. Выдающимся протестантским проповедником в то время был Джордж Визарт, отвративший от католичества многих шотландцев. Беатону удалось добиться его осуждения, и несчастный был в 1546 г. сожжен на костре под стенами кардинальского замка Сент-Эндрюс.

Эта жестокая расправа побудила протестантов на ответные действия. В следующем году 16 дворян, возглавляемые Норманом Лесли, пробравшись в замок, закололи кардинала кинжалами, а труп его повесили на стену. Сейчас же к смельчакам примкнули соседние дворяне, так что убийство Беатона послужило сигналом к настоящему восстанию. Регент с вспомогательными французскими войсками начал осаду. Среди тех, кто тогда укрепился в Сент-Эндрюсе, был и домохозяин Нокса.

Таким образом, он тоже оказался в этом замке. Здесь и проявился его дар проповедника. Однажды осажденные собрались на общую молитву. После нее проповедник сказал присутствующим, что среди них также, вероятно, найдутся люди, способные проповедовать. В нынешнее страшное время гонений, продолжал он, всякий человек с сердцем и дарованием священника должен проповедовать. «Разве один из нас, а именно Джон Нокс, не имеет такого дарования и такого сердца? — спросил проповедник, обращаясь ко всем. — В чем же заключается в таком случае его долг?»

Присутствующие ответили утвердительно: Джон Нокс настоящий проповедник, если он и дальше будет хранить молчание, то к нему следует относиться, как к трусу, в час испытаний покинувшему свой пост. Этот суровый приговор потряс Нокса. Он встал со своего места и пытался оправдаться, но не смог произнести ни слова, — слезы хлынули у него ручьем, и он бросился вон их капеллы. Несколько дней после этого Нокс испытывал крайне тяжелое состояние он чувствовал, как ничтожны были его способности по сравнению с величием новой обязанности. Но постепенно он совладал со своей слабостью и стал для гарнизона замка истинным духовным отцом.

В конце концов, стесненные превосходящими силами противника, защитники Сент-Эндрюса должны были капитулировать. Вместе с другими пленниками Нокса сослали на французские галеры, перевозившие грузы по

реке Луаре. Однажды какой-то офицер или священник поставил перед галерниками образ Богоматери и потребовал, чтобы они поклонились ему. Многие покорно исполнили это требование, но когда очередь дошла до Нокса, он воскликнул: «Матерь Божия, говорите вы? Нет, вовсе не Матерь Божия; это — кусок раскрашенного дерева, приспособленный скорее для того, чтобы плавать, чем для поклонения!» И он бросил икону в реку.

В 1548 г. по ходатайству английского короля Эдуарда VI Нокс был освобожден из плена и пробыл два года в качестве проповедника в Бервике, куда его назначило английское правительство. Он вполне мог добиться высокого положения в англиканской церкви, однако отклонял все выгодные предложения. Английская Реформация казалась ему совершенно недостаточной. Нокса возмущали бесчисленные пережитки католичества как в богослужении, так и в самом устройстве англиканской церкви. После того как престол перешел к сестре Эдуарда, Марии I, яростной католичке, Нокс в 1554 г. отправился в Женеву. Здесь он вступил в тесные сношения с Кальвином и впервые занялся систематическим изучением богословия.

Впрочем, даже кальвинизм представлялся Ноксу недостаточно чистой евангелической религией.

Между тем в Шотландии власть перешла к королеве-матери Марии Гиз. Стараясь добиться хороших отношений с протестантами, она позволила им вернуться из эмиграции. В 1555 г. Нокс возвратился в отечество и стал проповедовать кальвинизм. Бесстрашие, с которым он обличал католическое духовенство и сильных мира, казалось изумительным. В этом отношении он напоминал собой ветхозаветных пророков. Его отличали также нетерпимость и суровая приверженность к истине Господней. На всех, кто не признавал эту истину, он, подобно пророку, обрушивал беспощадный гнев. Введение Реформации Нокс начал с организации местных общин — конгрегации, где богослужение шло по кальвинистскому обряду. Каждый вступавший в общину давал обет не иметь ничего общего с римским идолопоклонством и строго соблюдать Слово Божие, хотя бы это стоило ему жизни.

Наблюдая за деятельностью Нокса, которая грозила ей полной потерей власти, Мария Гиз должна была вскоре отказаться от своей снисходительности. Гонения на протестантов возобновились. Нокс, осужденный как еретик, вынужден был во второй раз уехать из Шотландии. Обратно он вернулся только в 1559 г., когда взаимоотношения между католиками и протестантами обострились до предела. Страна стояла на грани гражданской войны. Для ее начала протестантам не хватало только вождя. С возвращением Нокса он у них появился. Этот человек был словно создан для того, чтобы проповедовать Реформацию. Он обладал железной волей, твердым характером и при всем этом был совершенно бесчувственен ко всему, что находилось вне его целей и стремлений. Отличаясь сухим и прямолинейным умом, чуждый всяким мистическим стремлениям, властный и нетерпимый, он всегда стремился только к одному — безусловному исполнению Слова Божия в том смысле, в каком он его понимал. Едва вступив на землю Шотландии, Нокс произнес в Перте страстную проповедь о грехе идолослужения. Тотчас после этой речи местные жители бросились разбивать статуи и архитектурные украшения в своем кафедральном соборе. Их примеру последовали шотландцы в

соседних городах. Реформационное движение приняло характер народной революции.

Повсюду шло разрушение монастырей и аббатств. Через несколько дней мятеж распространился на большую часть государства. Множество церквей было опустошено, около 200 монастырей разрушено, повсюду отменялась католическая месса и вводилась литургия Эдуарда VI. Затем началась война с регентшей и католической партией. Протестанты одерживали одну победу за другой и наконец вынудили сторонников королевы, осажденных в Лейте, капитулировать. В июне 1560 г. Мария Гиз умерла. Собравшийся после этого шотландский парламент, к которому перешла реальная политическая власть, объявил об отмене верховенства Римского Папы над шотландской церковью, запретил отправление католической мессы и принял протестантское «Исповедание».

В том же году состоялся съезд шотландского духовенства. Он принял в дело церковного правления обработанную Ноксом «Дисциплинарную книгу». Церковная реформа в Шотландии прошла по кальвинистскому образцу. Иерархия отменялась. Все пасторы считались равными. Управление в каждой общине переходило к выборной пресвитерии (церковному собранию), состоявшему из пасторов и мирян-старейшин.

Высшую власть в церкви должна была представлять Генеральная ассамблея, образованная на тех же началах. Орган, алтари, распятие, иконы, свечи, четки и другие символы католического богослужения безусловно отменялись. Новая церковь получила название пресвитерианской. Она заняла господствующее положение в южных и центральных графствах Шотландии. На севере страны, где Реформация свершилась скорее руками лордов, чем народа, перемены не были столь радикальными — здесь сохранились епископы, подчинившиеся в дальнейшем королевской власти.

После низвержения католичества, Ноксу было предоставлено первое проповедническое место в новой церкви — в Эдинбурге. Подобно Кальвину в Женеве, он повел упорную войну против легкости нравов в столице и всяких увеселений. Успехи его в этом направлении оказались скромнее, чем у его женевского собрата, но тому были свои причины. В 1561 г. в Шотландию после многолетнего отсутствия вернулась королева Мария Стюарт. Худшего соседства для Нокса трудно было вообразить. Мария была женщиной красивой и умной, но мелочной, чувственной и суетной. Она обожала светские удовольствия и не скрывала своих католических симпатий. Естественно, что Нокс сразу встал в оппозицию к молодой королеве. Вместо приветственной речи он встретил Марию памфлетом «Первый трубный звук против чудовищного управления царства женщин», в котором называл шотландскую королеву «новой Иезавелью».

Стараясь смягчить этого непримиримого старца, Мария пригласила его во дворец к обеденному столу. Однако Нокс отказался. «Приходите лучше в церковь послушать моих проповедей, если желаете обратиться на путь истинный», — отвечал он. Все свои проповеди Нокс отныне заканчивал одной и той же фразой, обращенной к народу: «Боже! Избави нас от тирании и блудницы!» Встречаясь с королевой, Нокс обычно обращался с ней цинично и грубо, читал ей в глаза наставления и часто

доводил ее до болезненных припадков. Он был постоянным укором для веселого и далеко не безупречного (даже по понятиям католической морали) королевского двора.

Пишут, что, возвращаясь однажды из кабинета королевы, Нокс встретил множество роскошно одетых придворных дам и сказал им: «Как вы красивы теперь, а ведь будет время, когда тела ваши станут грязью, а нежные души окажутся в когтях чертей!» Эту и ей подобные выходки сурового кальвиниста придворным приходилось безропотно сносить.

В 1567 г., после низложения Марии Стюарт и бегства ее в Англию, власть в Шотландии перешла к ее малолетнему сыну Якову VI. Отношения Нокса с придворной партией не стали после этого лучше. В конце концов враги добились его удаления из Эдинбурга. Обратно на свой пост он вернулся только в 1572 г., незадолго до смерти. Говорят, что в последнюю минуту жизни, когда он уже не мог говорить, его спросили. «Надеетесь ли вы?» (Подразумевалось: на свое избранничество и спасение). В ответ Нокс поднял палец, указал им вверх и так скончался.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И КОНТРРЕФОРМАЦИЯ

Св. Игнатий Лойола

Основатель и первый генерал ордена иезуитов, испанский дворянин Игнатий Лойола происходил из некогда знатной семьи баскских графов, потомки которых, обедневшие и утратившие титул, к середине XV в. владели только двумя небольшими замками в Пиренейских горах. В одном из них в 1491 г. и родился Игнасио Лопес, известный потом как св. Игнатий Лойола. Он был тринадцатым ребенком в семье, весьма стесненной в средствах, и потому при первой возможности родители отправили сына на воспитание в дом к его крестному отцу — отставному королевскому казначею Хуану Веласко Детство Игнасио прошло в провинциальном городке Аревало. Тут он выучился читать и писать по-кастильски. Благодаря сохранившимся связям при дворе, Веласко устроил мальчика пажом в свиту арагонского короля Фердинанда II. Праздная жизнь среди спесивых вельмож и чтение рыцарских романов сформировали юного пажа по общей мерке: это был молодой человек высокого роста, стройный, ловкий, находчивый, большой поклонник женщин, вина и воинских подвигов. Избрав для себя карьеру военного, Лопес очень скоро сыскал на полях сражений славу блестящего офицера. Обладая исключительной энергией и отвагой, он несомненно имел все шансы со временем сделаться известным военачальником. Однако судьба распорядилась иначе. В 1520 г. во время обороны важной наваррской крепости Пампелуне, комендантом которой он был, Лопес получил тяжелое ранение в обе ноги. Весь следующий год он провел прикованный к постели в своем родном замке Лойола. Кости срастались плохо и неправильно. Лопес перенес мучительную операцию и долго лежал в растяжке. В конце концов возможность ходить вернулась к нему, но на всю жизнь осталась сильная хромота. Воинские подвиги для него закончились.

Лопес мужественно перенес этот удар. Во время долгой болезни он много читал. Его внимание прежде всего привлекли жития святых, а в особенности история жизни двух основателей нищенствующих орденов: Св.

Доминика и Св. Франциска Ассизского.

Тогда, видимо, и пришла молодому дворянину мысль всецело посвятить себя служению Христу. В марте 1522 г. Лопес тайно покинул родительский замок и отправился в Манрес, где находился монастырь бенедиктинцев. Поселившись при монастырской больнице, он проводил дни в молитве и сборе подаяния, терпеливо снося насмешки детей и взрослых. Под рубищем на нем были навешаны камни и вериги. Спал Лопес на голой земле и строго постился.

Вскоре все эти подвиги казались ему уже недостаточными. На скалистом берегу реки он разыскал неприступную пещеру и поселился в ней. Здесь среди постов и молитв он написал первый, еще не совершенный вариант своих «Духовных упражнений».

В начале 1523 г. Лопес объявил монахам о своем намерении отправиться в Иерусалим и проповедовать там Слово Божие мусульманам-сарацинам. С большим трудом, перенеся множество лишений и опасностей, он в сентябре того же года добрался до Палестины и посетил все места, освященные земной жизнью Спасителя. Что касается главной цели паломничества — обращения мусульман, то от нее пришлось отказаться из-за совершенно незнания языков, мусульманского вероучения и еще многих других вещей, необходимых для этого непростого дела. Лопес двинулся в обратный путь и в январе 1524 г. добрался до Венеции. Распущенность нравов этого веселого города повергла его в ужас. Лопес решил обратить на путь истинный хотя бы местных горожан и выступил с несколькими проповедями. Увы, никто не воспринял его слова всерьез. Местные священники к тому же без труда доказали ему, что он круглый невежда в богословии.

Сознавая справедливость их упреков, Лопес решил заняться своим образованием. Он переехал в Барселону и в возрасте 33 лет поступил в тамошнюю школу. Два следующих года он вместе с детьми местных горожан упорно занимался изучением латыни. Достаточно преуспев в этом нелегком деле, он некоторое время обучался на курсах при университете Алкала де Генарес, а в 1528 г. отправился продолжать образование в Париж, в коллегии Монтегю. В число студентов он записался под фамилией Лойолы, образовав ее от названия своего родового замка. Через полтора года он перешел на философские курсы в коллегию Св. Варвары. В 1532 г. он закончил их с ученой степенью магистра искусств и поступил на богословские курсы в доминиканский монастырь на улице Св. Иакова.

Занимаясь богословием у доминиканцев, Лойола приступил к созданию духовного братства, мысль о котором родилась у него, видимо, еще во время паломничества в Палестину. Вскоре к нему присоединились шестеро молодых людей, очень религиозных и фанатично преданных католической религии. Много повидавший и испытавший на своем веку Лойола пользовался среди них непререкаемым авторитетом, и они были готовы следовать за ним туда, куда он укажет. 15 августа 1534 г., в одном из подземелий Монмартра, где, по преданию, был замучен епископ парижский св. Дионисий, все семеро дали торжественный обет целомудрия и вечной бедности. По окончании учения все они обещали ехать в Палестину или отдаться в полное распоряжение Римского Папы. Фактически в этот день родился орден иезуитов.

В январе 1537 г. Лойола вместе со своими учениками, число которых к этому времени выросло до девяти человек, приехал в Венецию, откуда они собирались плыть в Палестину. Время, когда они предприняли путешествие, отличалось особенной напряженностью. Заразительный пример Лютера вызвал появление сотни религиозных реформаторов, благодаря которым престол римского первосвященника заколебался в самом своем основании. От папы отпали Англия, Швейцария, Франкония, Гессен, Бранденбург, Дания, Швеция и Норвегия. Идеи протестантизма нашли отклик в Пьемонте, Савойе, Франции, Шотландии и Польше. Гугеноты обосновались в Наварре. В самой Италии феррарская герцогиня Рене, кузина Маргариты Наваррской, училась богословию у Кальвина. В ожидании отъезда в Палестину члены братства решили получить благословение Рима.

Ближайшие сподвижники Лайолы Лефевр и Ксавье добились аудиенции у папы Павла III. Тот благосклонно принял их, благословил на миссионерский труд и разрешил принять сан у любого епископа. 24 июня 1537 г. в Венеции состоялось торжественное рукоположение в священники самого Лойолы и его единомышленников.

Тринадцать священников, связанных между собою клятвой, были готовы ехать в землю Обетованную, но в это время вспыхнула война с турецким султаном. Поездка откладывалась на неопределенное время, и Лойола предложил членам братства рассеяться по Италии, вербуя сторонников, а потом собраться в Риме и отдаться в распоряжение папы, как они и договаривались в монмартрских катакомбах. В скором времени ученики Лойолы появились в Виченцо, Тревизо, Бассано, Падуе, Вероне и других городах, проповедуя против ересей, распущенности духовенства и вербуя новых членов в свой кружок. Сам Лойола выбрал местом проживания Альбанетту, расположенную под стенами аббатства Монте-Кассино в области Терра ди Лаворо Неаполитанского королевства. С этого времени он начинает из простого члена братства и учителя превращаться в полновластного владыку и поступать как подобает генералу будущего всемирного ордена. Оставаясь по-прежнему в обращении с людьми тихим, мягким и ласковым, при надобности Лойола обнаруживает непреклонную стойкость и пламенное красноречие, называя своих сторонников «боевой дружиной», а религиозный кружок — «Братством Иисуса».

Осенью 1538 г. Лойола отправился в Рим, получил аудиенцию папы и предоставил себя самого и своих сторонников в полное распоряжение папского престола. Павел III был польщен покорностью людей, уже снискавших себе некоторую известность.

Лойола выразил желание создать духовный орден, члены которого имели бы своей задачей обходить весь свет, поражать дурных людей словесным мечом, исправлять возникающее зло, разрушать дьявольские наваждения и всеми силами стараться возвратить католической церкви ее блеск и величие. Хотя папа был противником создания новых орденов, эта идея ему понравилась. В пост 1539 г. в Риме начались заседания будущего Духовного братства. На первом же из них Лойола сказал: «Небо закрыло нам путь в землю Обетованную с той целью, чтобы отдать нам весь мир.

Немного нас теперь для такого дела, но мы умножаемся и начинаем формировать батальон. Однако никогда отдельные члены не окрепнут в достаточной степени, если между ними не будет общей связи; поэтому нам необходимо создать устав для семьи, собранной здесь во имя Бога, и дать не только жизнь новоучреждаемому обществу, но и вечность. Помолимся же вместе, а также и каждый отдельно, чтобы воля Господня исполнилась». Когда возник вопрос о названии ордена, Лойола предложил: «Если вы мне доверяете, то мы назовем наше общество «Товариществом Иисуса».

Зимой 1539 г. Лойола составил проект устава и передал его папе. Помимо трех обычных монашеских обетов, здесь был четвертый: «Посвятить свою жизнь постоянному служению Христу и папе, исполнять военную службу под знаменем креста, служить только Иисусу и римскому первосвященнику как его земному наместнику; только настоящий папа и его преемники будут повелевать орденом…»

Павел III сразу понял, что в лице общества, основанного Лойолой, он приобретает надежного союзника в борьбе с ересями. В качестве испытания он послал некоторых его членов с поручениями в города Италии. 27 сентября 1540 г. он подписал буллу, которой учреждалось «Товарищество Иисуса», или «орден иезуитов». Наступило время избрания генерала. Понятно, что на этот пост рассматривалась только одна кандидатура — Игнатия Лойолы. Он дважды отказывался от предложенной ему чести, но в конце концов, видя в единодушии членов братства неисповедимую волю Божию, дал свое согласие. На страстной неделе, 17 апреля 1541 года, этот выбор был утвержден Павлом III.

Приняв сан генерала, Лойола избрал местом своего постоянного пребывания Рим.

Управляя многосторонней деятельностью своих последователей, он продолжал работать в созданной им небольшой школе, куда даже богатые родители охотно помещали своих детей — так велика была его известность как педагога. Кроме того, Лойола регулярно посещал еврейские кварталы, проповедуя христианство, а также рыночные площади, дома терпимости и притоны, где наставлял падших женщин. В городе были созданы два приюта, для раскаявшихся грешниц и для бедных девушек из благородных семей. Но главным делом Лойолы оставалась разработка организационной структуры ордена. Папа разрешил создание общества, основываясь только на проекте его устава. Со второй половины 1541 г. и до самой своей смерти, которая последовала 31 июля 1556 г., Лойола продолжал работать над этим документом.

Опубликован устав был уже после смерти первого генерала, по одним сведениям, в 1558 г., по другим — в 1584 г.

Анализируя печальное положение католической церкви, поколебленной отпадением нескольких миллионов верующих, Лойола точно определил, где находится корень происшедшего зла. Средство, намеченное им для исправления такого положения, было непростым, но совершенно правильным: перевоспитание современного общества должно начаться с подрастающего поколения, чтобы еще в детстве прививать людям неприятие реформаторских идей. А для этого дело образования во всем

католическом мире должно сосредоточиться в одних руках, причем в руках надежных, то есть ордена иезуитов. Иезуиты брали на себя и другие задачи, которые обычно принимали духовные ордена — благотворительность, миссионерство, разъяснение богословских истин и т. п., но все это были цели второстепенные. Главной же задачей ордена Лойола поставил воспитание молодежи.

Внутреннее устройство «Общества Иисуса», как оно сложилось уже после смерти Лойолы, было по-военному четким. Орден разделялся на шесть классов. Первый класс, самый низший, составляли новиции, то есть молодые люди, готовившиеся в специальных заведениях к поступлению в орден. Каждый, изъявивший желание стать иезуитом, должен был, согласно требованиям устава, порвать все личные связи с миром, отречься от своей личной воли, личных убеждений, наклонностей и отдать себя всецело в распоряжение ордена «так, словно он был трупом». Второй класс составляли схоластики. В него вступали те новиции, которые выдерживали испытание. Они давали первые три обета — нищеты, целомудрия, послушания — и служили в качестве помощников учителей и миссионеров. По мере того как схоластики заявляли свои способности к тому или другому роду деятельности, они переходили в разряд духовных коадъюторов — третьего класса ордена, и назначались на должности учителей, профессоров, духовников и т. п.

Четвертый класс составляли профессы, которые давали четвертый обет — безусловного повиновения папе. В этот класс назначались из духовных коадъюторов, только отличавшихся выдающимися способностями, знаниями, верностью и опытностью.

Профессам поручались важнейшие должности по ордену, а также разнообразные миссии и посольства. Во главе ордена стоял генерал, избираемый пожизненно профессами из своей среды. Он пользовался неограниченной властью в управлении орденом, и все члены ордена должны были ему безусловно повиноваться. Сам генерал кроме папы ни от кого не был зависим.

С появлением иезуитов борьба римской церкви с протестантством пошла значительно успешнее. Весь мир был разделен на провинции, которых при Лойоле насчитывалось двенадцать. Во главе каждой находился провинциал. Он курировал все дела ордена на подведомственной ему территории. Под его же управлением находилась сеть местных иезуитских коллегий — учебных заведений, равноправных, в силу папского разрешения, католическим университетам. Благодаря своей крепкой организации, уму и ловкости, а также привилегиям, иезуиты распространились с необыкновенной быстротой почти по всей Европе и проникли даже в другие части света. Везде, где только ни появлялись, они первым делом устраивали больницы, приюты, школы, коллегии, занимались проповедничеством, делались духовниками. Посредством больниц и приютов они приобретали расположение низших классов Учреждением школ и коллегий они забирали в свои руки образование и воспитывали подрастающее поколение в строгом католическом духе. Но особенно важным они считали забрать в свои руки высшие классы.

Одной из первых под влияние иезуитов попала Португалия. Когда тамошний король Жуан III обратился к папе с просьбой прислать иезуитов

для исправления веры и нравов, Лойола отправил к нему Родригеса — одного из самых ловких своих помощников. Завоевав доверие слабохарактерного короля, тот вскоре стал заправлять всеми церковными делами и основал в Коимбре первую в Европе иезуитскую коллегию. Вскоре иезуиты проникли в португальскую колонию Бразилию, ставшую их новой «провинцией». По настоянию Родригеса принцесса Мария была выдана замуж за испанского принца Филиппа. С ней вместе в Испанию приехали иезуиты. Пользуясь покровительством испанского короля Карла V, они проникли в подчиненные ему Нидерланды, а оттуда — во Францию. И повсюду, главным образом рядом со старыми университетами, основывались иезуитские коллегии. Последователи Лойолы разворачивали свою деятельность даже в протестантских странах Главным очагом Реформации была тогда Германия. Успехи иезуитов здесь первоначально были минимальными. Их коллегии в Вене, Инсбруке, Праге, Мюнхене и Ингольштадте встречали много трудностей, но со вступлением на престол нового императора Фердинанда I дела ордена получили мощную поддержку. Из Германии иезуиты проникли дальше на восток Европы — в Чехию, Венгрию, Польшу и Литву.

Корнелий Янсений

Корнелий Янсений, один из самых известных и оригинальных католических богословов XVII в., родился в 1585 г. в голландском графстве Лирдамне. Богословское образование он получил в Левене. Здесь же Янсений познакомился с молодым французом Жаном дю Верже (прославившимся впоследствии под именем аббата Сен-Сира). Молодых людей сблизили общие взгляды на положение современной им католической церкви, которая, по их мнению, находилась в состоянии глубокого кризиса и нуждалась в незамедлительных реформах. При этом друзья не одобряли ни крайностей Реформации, ни тех методов восстановления авторитета Рима, что практиковал необычайно разросшийся и усилившийся орден иезуитов. Восстановление падшего христианства, по их мнению, должно было произойти путем возвращения к нравам и учениям первых веков его истории, причем реформа должна была проводиться в рамках существующей церкви, а не в результате ее раскола.

Чтобы лучше понять дух этого первоначального христианства, Янсений и дю Верже много занимались самообразованием. Очень скоро они пришли к убеждению, что преподаваемые официальной школой сочинения схоластиков как бы отсечены от своих источников и не восходят более к «подлинной христианской древности». В 1611 г. друзья отправились в Байону и здесь в течение шести лет, пренебрегая сном и здоровьем, изучали Священное Писание, решения Вселенских соборов и труды отцов церкви, прежде всего Блаженного Августина. Этот автор сделался вскоре для Янсения путеводной звездой и прочным фундаментом в хаосе многочисленных нюансов теологических проблем, тем оружием, с помощью которого он надеялся противостоять разлагающим тенденциям, подрывавшим основы первохристианства.

Свою задачу Янсений увидел в том, чтобы, отказавшись от всех позднейших построений схоластического богословия (и прежде всего, его

главного корифея Фомы Аквинского), вновь возвести все здание католического учения, основываясь всецело на трудах Блаженного Августина. Таким образом, он надеялся исправить все позднейшие искажения, которым подверглась христианская доктрина. Поставленная им задача оказалась чрезвычайно трудной и заняла последние двадцать лет его жизни.

Между тем Янсений сделался в 1630 г. профессором в Левене, а в 1636 г. занял кафедру епископа ипернского. Своего «Августина» он закончил незадолго до кончины, но так и не увидел его напечатанным Смерть его последовала в 1638 г.

Среди многочисленных сочинений Августина Янсения особенно заинтересовали те трактаты, в которых великий богослов выступал против современной ему еретической секты пелагиан. Позже Янсений признавался, что перечитал некоторые из этих трактатов по тридцать раз. Сосредоточенность на пелагианской проблеме как бы выделяет основной нерв его собственного сочинения, острие которого оказалось направленным против многочисленных полупелагиан XVII в. и прежде всего иезуитов.

Именно в пелагианстве увидел Янсений главную болезнь современной ему церкви.

Основное положение британского монаха Пелагия (360–418) сводилось к тому, что человек не наследует первородный грех. Он рождается невинным и свободным (Пелагий говорил, что человек у Бога «не раб, а свободный», ибо ему дан великий дар — свобода воли и свобода выбора). Следовательно, каждый христианин самостоятельным усилием, одною «свободою воли» может сделаться «безгрешным святым» и получить спасение. Для этого не нужна никакая милость Божия, никакая благодать. Господь однажды показал человечеству путь к спасению, послав к нему Сына Своего. Ничего нового к этому прибавить нельзя, так что у каждого есть простой выбор: либо жить по евангелию, подражать Христу и спастись, либо нарушать заповеди Божий, грешить и погибнуть.

Ересь Пелагия, при всем своем внешнем благообразии, оказалась чрезвычайно опасной, ибо подрывала самую суть христианской религии — догмат об Искуплении.

Не даром пелагианство встретило такой суровый отпор со стороны первого богослова своего времени Блаженного Августина, а потом было осуждено несколькими соборами.

Но победа над ним оказалась чисто внешней. В своем труде Янсений постарался показать, как пелагианство, искусно маскируясь под правоверие, вновь прокралось в учение католической церкви и, незаметно примешиваясь к положениям позднейших богословов, исказило подлинную христианскую веру. С особой ясностью эта ересь проявилась в мнении иезуитов о том, что человек может выбирать между своим желанием спастись или погибнуть.

Уклонение иезуитов в пелагианство было вполне закономерным ожесточенно нападая на учения Лютера и Кальвина с их идеей предопределения, они поневоле впали в другую крайность — стали так высоко ставить свободу воли человека, что приписали ему способность творить добро силою собственного личного действия. Подробно этот взгляд был обоснован в классическом трактате иезуитского богослова Молины

«Согласование свободной воли с благодатью», вышедшем в свет в 1588 г.

Сам Янсений, развивая идеи Августина, писал, что свободный выбор был у человека только однажды — до грехопадения Адама. Только тогда человек обладал подлинной свободой, ибо свобода должна пониматься христианами как добровольная подчиненность Богу, а не как нейтральная способность выбирать между добром и злом. Адам сделал свой выбор, и он оказался роковым для всех его потомков.

Вошедшее в род человеческий греховное начало с тех пор передается по наследству и довлеет над человеческой природой: страсть узурпировала волю, богоданная человеку свобода стала несвободной; его сознание притупилось и ослабло, так что люди не в состоянии сами защитить себя от греха. Только благодать Бога может освободить человека от его теперешней так называемой «свободы», являющейся на самом деле настоящим 422 рабством. Спасение Янсений понимал как ниспосылаемую Богом любовь, которая, являясь компонентом человеческой воли, врачует ее, очищает от себялюбия, направляет к милосердию и соединяет с волей Бога.

Углубляя это положение, Янсений пришел к тому же, к чему в свое время пришел Августин (а затем, повторяя этот путь, пришли Лютер и Кальвин) — к идее предопределения. Раз Господь одним посылает Свою благодать, а других лишает ее, значит, Он заранее одних определяет к спасению, а других — к гибели. От собственной воли человека ничего не зависит. Судьба его, еще до рождения, до мелочей предначертана Всевышним. «Все человеческие поступки предопределены извечно, — писал Янсений, — а посему невозможно ни искупить своего греха, ни обрести вечное блаженство, если оно не продиктовано свыше; поэтому все попытки что-либо изменить в этом направлении не только лишены смысла, но и вредны».

Впрочем, из этого не следовало никакого фатализма. Янсений утверждал, что непременным условием спасения является внутреннее движение человека навстречу Богу. А для этого необходимы внутреннее сознание своей слабости и греховности, а также вытекающее из него стремление к нравственной чистоте и добродетели. Таким образом, подобно Кальвину, с которым он в данном пункте сходился очень близко, Янсений из закона предопределения делал вывод о необходимости распространения в обществе суровой нравственности и евангелической простоты.

Сочинение Янсения, напечатанное через два года после его смерти, возбудило всеобщее внимание и многими было встречено с сочувствием, особенно во Франции.

Здесь вскоре образовался кружок почитателей голландского богослова и противников иезуитской нравственности. Центром его стал женский монастырь Порт-Рояль вблизи Парижа. Друг Янсения аббат Сен-Сир основал в нем янсенистскую общину. Кружок постепенно расширялся, к нему присоединились многие из духовенства, ученые, представители знатных фамилий. Одним из его выдающихся членов стал знаменитый ученый и мыслитель Блез Паскаль. Члены кружка, называемые янсенистами, без всяких обетов вели аскетически-строгую монастырскую жизнь, всецело посвящая себя молитве и трудам. При монастыре

Порт-Рояль было основано даже богословское училище, сделавшееся рассадником янсенизма. Большое внимание уделялось здесь формированию нравственных и религиозных взглядов воспитанников.

Янсенизм, к великому неудовольствию иезуитов, в короткое время распространился по всей Франции и проник даже за ее пределы. В 1653 г. иезуиты добились от папы Иннокентий X осуждения янсенизма как еретического учения. В последующие годы эти осуждения неоднократно повторялись. Однако преследования начались только в 1709 г., когда Людовик XIV распорядился закрыть монастырь Порт-Рояль и училище при нем. Многие янсенисты эмигрировали тогда в Голландию, ставшую с этого времени центром движения. (Архиепископ утрехтский принял янсенистское учение еще в 1702 г.) Все попытки пап восстановить свой контроль над католической общиной Голландии окончились неудачей, и в 1724 г. Утрехтская церковь окончательно отделилась от Рима. Ее главу — архиепископа — выбирают теперь епископы гарлемский и девентерский. Церковь считает себя католической, но упорно отказывается признать буллу «Unigenitus» папы Климента XI, предающего анафеме Янсения, его учение и его последователей.

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ ПРОТЕСТАНТСКИХ СЕКТ

Джон Смит

После обособления протестантской церкви от католичества в ней практически сразу развернулась напряженная внутренняя борьба между различными реформаторскими течениями. Один из самых ранних расколов возник из-за споров о том, когда верующим следует принимать крещение. Поскольку в евангелии нигде нет упоминания о крещении младенцев (а сам Христос, как известно, крестился только в 30 лет), то почти сразу во многих местах появились секты, проповедующие крещение в зрелом возрасте, когда человек имеет возможность сознательно выбрать свою веру. При этом ссылались помимо Христа на пример Блаженного Иеронима, Блаженного Августина, Григория Богослова и других отцов церкви, принявших крещение уже взрослыми. Многие не только отказывались крестить своих младенцев, но также объявляли свое собственное крещение в детстве недействительным. С лета 1525 г. стали практиковаться вторичные крещения. Последователей этих учений стали называть анабаптистами (то есть «вновь крещенными»).

Возникнув первоначально в Цюрихе, анабаптизм быстро распространился по Европе.

Первая анабаптистская община в Германии сложилась в Цвиккау. Анабаптисты были активными участниками Крестьянской войны. Позже центр этого движения переместился в Голландию и Фрисландию (к 1546 г. за принадлежность к анабаптизму здесь было казнено около 30 тысяч человек). В 1539 г. голландский богослов Менно Симоне выпустил «Главную книгу истинной христианской веры», где впервые были систематически изложены основные положения анабаптистского вероучения. Симоне учил, что церковь — это не организация, охватывающая всех, кто родился в географических рамках какого-то прихода (как было принято считать раньше), а братство возрожденных

верующих, совершивших акт подлинного, действительного крещения. Другими словами, церковь это не какой-то внешний официальный орган, но тесное сообщество единоверцев, близких единомышленников. Отсюда вытекали главные принципы ее организации: служители церкви не могут назначаться «свыше» — они избираются лишь членами общины; никто не может предписывать им, что и как проповедовать; церковь должна быть абсолютно независимой от государства, то есть должна существовать исключительно за счет пожертвований верующих В дальнейшем последователи Симонса стали именовать себя по имени своего основоположника меннонитами. Они стали ранними предтечами баптизма.

Родиной собственно баптизма в современном понимании этого слова стала Англия, где начиная с 1534 г. король Генрих VIII проводил своей властью Реформацию, конечным итогом которой стало возникновение англиканской церкви. Из всех реформаторских церквей она наиболее близка к католической. Англикане, подобно всем протестантам, признают концепцию единоспасающей личной веры, отвергают церковное предание, учение о Чистилище, иконы, культ католических святых, мощи, обет безбрачия духовенства, учение о пресуществлении. Однако они сохранили такие свойственные католичеству черты, как представление о церкви как необходимой посреднице в деле спасения людей, деление на священство (клир) и прихожан (мир), церковную иерархию (только вместо папы она подчинена королю), епископские суды, назначение епископов через епископское рукоположение и некоторые другие.

Многие сторонники Реформации в Англии остались недовольны половинчатыми по сути церковными реформами Генриха VIII. В связи с этим во второй половине XVI в. здесь возникло несколько течений, исповедовавших более радикальные учения.

Прежде всего, это были пресвитериане (английские кальвинисты). Об особенностях их вероучения уже говорилось выше. Еще более радикальную программу отстаивали индепенденты (сепаратисты), считавшие, подобно меннонитам, что истинная церковь может быть создана лишь вне государственной системы. Они высказывались за отделение церкви от государства и считали, что каждая местная община (конгрегация) должна быть совершенно независимой в религиозных вопросах.

Индепенденты проповедовали, что в церкви могут состоять только «возрожденные», способные сознательно засвидетельствовать свою верность Христу люди, но при этом сохраняли у себя крещение младенцев.

Дальнейшее развитие и углубление принципов индепендентов привело к появлению баптистов. Вероучение последних отличали от первых только два существенных момента: баптисты требовали крещения верующих в сознательном возрасте и отстаивали полную независимость церкви от контроля светского государства. Если индепенденты, выступавшие против государственного нажима на церковь, считали, что светская власть не может снимать с себя ответственности за состояние церкви и должна оказывать ей поддержку, то баптисты в принципе отвергали право государства как-либо влиять на религиозные дела. Однако не это очень важное по существу положение, а именно требование сознательного вторичного крещения долгое время служило межевым

знаком, обозначившим отличие новой церкви от родственных ей течений. Что отразило и название, постепенно за ней закрепившееся (слово «баптизм» происходит от греческого baptizo, то есть «окунаю», «крещу в воде»).

Основоположником баптизма считается английский проповедник Джон Смит, который первый в своем историческом «Исповедании» разработал принципы крещения верующих и в значительной степени сформулировал другие положения баптистского вероучения.

Родился Смит около 1570 г. в Гейнсборо на Тренте. Около 1586 г. он поступил в колледж Христа в Кембридже, где был учеником Фрэнсиса Джонсона (впоследствии видного индепендентского лидера). В 1593 г. Смит получил степень магистра гуманитарных наук. В сентябре 1600 г. его избрали проповедником города Линкольна. Но уже в октябре 1602 г. он был неожиданно смещен с должности за то, что «… проявил себя в этом городе раскольником своими проповедями против различных добропорядочных людей». Из этого факта можно сделать вывод, что Смит был несдержан в своих критических высказываниях и в утверждении идей, которые все более приобретали сектантскую направленность.

В 1603 и 1605 гг. Смит выпустил два небольших тома речей, произнесенных им в Линкольне. В 1605 г. он жил в родном городе Гейнсборо. Он еще не индепендент, но уже мучим сомнениями относительно позиций официальной англиканской церкви. Скоро Смит вступил в конгрегационалистскую церковь и практически сразу же стал пастором гейнсборской общины индепендентов.

Преследования правительства вынудили эту общину искать убежища в Голландии. В 1607 г., возглавляемая Джоном Смитом и Гомосом Хэлвисом, она покинула Англию и обосновалась в Амстердаме. В общине насчитывалось около 80 человек. Они не присоединились ни к одной из местных протестантских церквей, существуя самостоятельно.

Последователи Смита, в частности, не присоединились к конгрегационалистской церкви Фрэнсиса Джонсона, хотя та и была очень близка ей по духу и вероисповеданию. Причиной разногласий стал вопрос о том, можно ли читать проповедь по рукописи. Смит был категорически против таких проповедей, ибо подобное, как ему представлялось, может воспрепятствовать действию Святого Духа. В подтверждение своих взглядов Смит ссылался на главу четвертую в Евангелии от Луки, где Христос, прежде чем начать проповедовать, закрывает священный свиток.

Впрочем, как показало дальнейшее, разногласия с индепендентами носили более глубокий характер. К началу 1609 г. Смит проповедовал уже анабаптистские взгляды. К этому перевороту привела его убежденность в том, что апостольская преемственность проявляется не через преемственность священства или видимых церквей, а только через истинную веру. Поскольку же, по его мнению, такая преемственность была прервана католицизмом и англиканством, то истинную церковь нужно создавать заново. Поэтому Смит стал отводить первостепенное значение крещению как «внешнему знаку прощения грехов». В подтверждение своих взглядов он ссылался на то, что: 1) в Новом Завете не существует ни указаний, ни примеров крещения младенцев Иоанном Крестителем или учениками Христа; 2) Христос повелел «вначале учить, а потом крестить».

В марте 1609 г. Смит выпустил трактат о крещении младенцев, озаглавленный «Число зверя». Вскоре после этого он крестил окроплением себя самого, а затем также окрестил Хэлвиса и других членов общины, пожелавших этого (всего 40 человек).

Однако на этом сомнения Смита не кончились, ибо он стал все больше и больше попадать под влияние секты меннонитов. Вскоре он объявил своей общине, что поспешил окрестить себя и их, ибо истинным крещением следует считать менонитское. Затем начались переговоры о вступлении общины Смита в церковь меннонитов. Но часть членов общины, во главе с Хэлвисом, не согласилась со Смитом, и в марте 1610 г. рассталась с ним. В 1611 г., отлучив Смита от церкви, маленькая группа Хэлвиса вернулась в Англию. Между тем меннониты не спешили принимать Смита в свою общину и потребовали от него письменного вероисповедания.

Тот засел за работу и составил для меннонитов обширное и обстоятельной «Исповедание», которое считается теперь первым точным изложением вероучения баптистов.

Здесь, в частности, впервые был сформулирован очень важный для баптистов принцип религиозной свободы и веротерпимости. Человек, считал Смит, за свое окончательное предназначение ответственен лишь перед Богом. Каждый может по- своему служить Богу или не верить в Него. В своем «Исповедании» он писал: «Магистрат не может в силу своего положения вмешиваться в религиозные дела или вопросы совести или заставлять людей исповедовать ту или иную форму религии или доктрины: он должен оставить христианскую религию свободной на усмотрение совести каждого человека… ибо Христос является единственным царем и законодателем для церкви и совести».

Сам Смит так и не дождался принятия в меннониты. В конце августа 1612 г. он умер от чахотки и был погребен в Нойевекерке в Амстердаме. Его последователи были приняты в число меннонитов в январе 1615 г.

Дальнейшая история баптизма связана не с ними, а с группой Хэлвиса, возвратившейся в Лондон. Основу вероучения этой секты Хэлвис изложил в нескольких книгах, вышедших в 1611–1612 гг. В основном они повторяли положения, сформулированные Смитом в его «Исповедании», но в чем-то шли дальше. Так Хэлвис активно развивал положение Смита о свободе совести и писал: «Король является смертным человеком, а не Богом. Он не имеет власти над бессмертными душами своих подданных, чтобы издавать для них законы, распоряжения и назначать над ними духовных князей». За это высказывание Хэлвис был в 1612 г. арестован и кончил свои дни в Ньюгейтской тюрьме. Общину после него возглавил торговец мехами Джон Мэртон.

Несмотря на преследования, число баптистов постепенно росло. К 1626 г. существовало уже пять общин в различных городах, объединявших до 150 человек, а в 1644 г. количество общин достигло 46. Особенно быстрое распространение баптизма началось во время Английской революции. В те годы баптисты составляли костяк армии Кромвеля и занимали высокие государственные должности. Именно поэтому после реставрации Стюартов в 1660 г. на секту начались гонения. Сотни баптистов были арестованы и брошены в тюрьмы. Однако преследования

не остановили роста их рядов. К 1689 г., когда был принят «Акт о веротерпимости», положивший в Англии конец религиозным гонениям, в стране насчитывалось 30 тысяч баптистов.

Но подлинный расцвет был уготован баптизму не в Англии, а в Америке. (Начало американского баптизма связывают с деятельностью английского проповедника Роджера Уильямса, который эмигрировал в Америку в 1631 г. и поселился в одной из колоний Массачусетса. В 1639 г. он основал первую баптистскую общину на американском континенте.) Демократизм этого вероучения и полное самоуправление общин чрезвычайно импонировала первым американским колонистам. (Баптисты резко выступают против любого разграничения между духовенством и мирянами. Толковать писание и проповедовать может любой, кто испытывает к этому влечение. Проповедники не имеют никаких священнических облачений.) В дальнейшем баптистское мышление очень способствовало развитию демократии в этой стране. К началу XX в. баптистская церковь в США превратилась в мощную организацию, имеющую четкую структуру, многочисленные ведомства, агентства, миссии, институты, сотни учебных заведений и школ, юношеских и женских организаций, журналов и издательств, зарубежных центров, штатных и добровольных миссионеров.

Из США баптизм в начале XIX в. стал быстро распространяться по всему миру. В настоящее время баптизм является наиболее многочисленным протестантским течением. В разных регионах мира насчитывается 75 миллионов его последователей. Но большая часть их — это граждане США.

Джон Уэсли

Создатель методистской церкви английский проповедник Джон Уэсли родился в июне 1703 г. в местечке Эпуорте Линкольнского округа в семье приходского священника.

Первоначальное образование он получил в 1715–1720 гг. в одной из лондонских школ. На 17-м году жизни Джон поступил в Коллегию Христовой церкви в Оксфорде, где поначалу ревностно изучал классиков, а затем обратился к богословию. В 1725 г. его посвятили в диаконы англиканской церкви. Основные черты его характера проявились уже в ранней молодости. Пишут, что в годы учебы Уэсли избегал шумного общества товарищей, был очень серьезен и строг в исполнении своего религиозного долга. Аскетизму он предавался с таким рвением, что едва не расстроил своего здоровья. Уэсли много читал, причем самыми любимыми авторами его в то время были Фома Кемпийский и Таулер, которые придали его религиозному мировоззрению яркий мистический оттенок. В 1726 г., по окончании университета, он был принят в Линкольнскую коллегию в Оксфорде и сделался лектором греческого языка (в обязанности лектора входило следить за классными диспутами студентов и руководить этими диспутами).

В 1727 г. Уэсли возвратился домой. Получив в 1728 г. рукоположение в священники, он хотел посвятить себя уединенной аскетической жизни. Но один из друзей убедил его в том, что такой выбор

едва ли угоден Богу. «Библия не знает религиозных пустынников, — сказал он Джону, — ты должен или найти себе сотрудников, или постараться создать их». Уэсли снова принялся за свои труды в Оксфорде. В 1729 г. он вернулся к преподавательской деятельности в университете и оставался там в течение шести следующих лет. В то время в Оксфорде обучался младший брат Джона Чарлз. Вскоре вокруг двух братьев Уэсли сложился небольшой кружок единомышленников, состоявший большей частью из молодых студентов. Эти благочестивые юноши считали своей обязанностью ежедневно вставать в четыре часа утра. Два часа они проводили за пением псалмов и духовных песен, а по вечерам читали классиков и Новый Завет. Жизнь они вели самую строгую и аскетическую, неизменно соблюдая посты. Позже они перешли к благотворительным делам: посещали заключенных в тюрьмах, бедных в больницах, давали уроки приютским детям. На фоне чрезвычайной распущенности тогдашней университетской молодежи кружок братьев Уэсли казался чем-то из ряда вон выходящим. Его члены вскоре получили насмешливое прозвище «методистов» (за свою привычку методично распределять время между разного рода занятиями и благочестивыми упражнениями), которое и осталось за ними навсегда. В этом обществе принято видеть зародыш будущей методистской церкви, хотя официально они оформились в таковую лишь несколько лет спустя.

В 1735 г. генерал-губернатор вновь основанной в Америке колонии Георгии предложил братьям Уэсли взять на себя духовно-нравственное руководство колонистами. Они немедленно ответили согласием. Решено было, что Джон выступит в качестве миссионера среди индейцев, а Чарлз будет проповедовать среди переселенцев. Их деятельность развернулась вблизи городка Саванна. Местные индейцы встретили Джона Уэсли достаточно дружелюбно. Но он так и не смог приступить к своей миссионерской деятельности, поскольку совершенно не знал языка индейцев. К тому же вскоре отношения между аборигенами и колонистами испортились. Уэсли поселился в Саванне и попытался вести проповедь среди ее жителей, но те остались глухи к его увещеваниям. Строгость его религиозных и моральных требований казалась им чрезмерной. А когда Джон для вразумления недостойных попробовал прибегнуть к отлучениям и наказаниям, все общество восстало и возмутилось против него. В 1738 г., потерпев полную неудачу в своих начинаниях, братья Уэсли возвратились в Англию. Понятно, что они были смущены и обескуражены полным провалом своих планов. И тут большое значение для будущего методизма сыграло хотя и непродолжительное, но очень плодотворное сближение их с немецкой сектой гернгутианских братьев.

Гернгутяане только что начали тогда свою деятельность в Лондоне. Джон Уэсли в 1738 г. свел с ними близкое знакомство. Лично для него оно имело огромное значение, ибо позволило впервые соприкоснуться с чистым германским протестантизмом. Руководитель гернгутианской общины Бел ер познакомил Уэсли с тем видом лютеровского учения об оправдании верой, которое Уэсли потом до конца жизни считал основой истинного христианства. Как уже говорилось выше, Лютер, в противовес католическому учению о том, что человек спасается молитвами, исполнением обрядов и добрыми делами, утвердил положение о том, что

единственным средством спасения следует считать одну только личную веру. То есть каковы бы ни были нравственность и благочестие данного человека, он все равно продолжает находиться в состоянии отчуждения от Бога до тех пор, пока не уверует в то, что кровь Христа, пролитая во искупление всего человечества, была пролита в том числе и за его грехи. Убеждение это, учил Белер, должно прийти к человеку путем внезапного мистического озарения, совершенно непохожего на рациональное мышление. Это сверхъестественное убеждение и есть то, что следует понимать под оправданием верою — оно нераздельно связано с безусловной уверенностью в спасении Души и полным господством над грехом. Уэсли был захвачен этим учением, в котором увидел мощное средство возрождения падшего человека. Он страстно возжаждал новой веры и действительно 24 мая 1738 г. пережил то самое мистическое озарение, о котором говорил Белер. В этот день, по его собственным словам, он почувствовал «что в спасении своем полагается на Иисуса Христа и только на Него одного». Тремя днями раньше такое же ощущение пришло к его брату Чарлзу. Чтобы лучше изучить теоретические основы гернгутианства, Уэсли отправился в Германию, в Гернгут — метрополию всего движения. Во время путешествия совершился окончательный переворот в его взглядах на оправдание и освящение человека. С тех пор он всегда ставил духовную жизнь выше всякого догматизма и церковности.

С духовного обращения начался постепенный отход Уэсли от официальной англиканской церкви. Вопреки ортодоксальному англиканству, он отказывался признавать, что человек возрождается к новой жизни одним только крещением (IX член англиканского символа веры провозглашал, что «для верующих и крещеных нет больше осуждения»). Опыт показывает, говорил он, что люди, получившие крещение, часто живут как язычники, то есть остаются по сути дела во власти первородного греха. Следовательно, возрождение происходит не в момент крещения, а только тогда, когда человек начинает жить подлинной духовной жизни. И именно к этому духовному воз рождению падших, а не к исполнению формальных обрядов должен быть направлена вся деятельность церкви.

За этим положением неизбежно шли другие новшества. Раз вере отводилось такое большое значение, следовало объяснить, что это такое. По мысли Уэсли, она представляла из себя нечто мистическое. Вера, писал он, это не просто движение мысли, то есть признание тех или иных положений. Кто только соглашается с истинами веры, но не чувствует горячего расположения к ним, тот не имеет подлинной веры, веры спасающей. Вера чужда рационализма. Она приходит как озарение. Обретая веру, человек перестает быть чадом дьявола и становится чадом Божиим, он получает оправдания и вместе с ним возрождается для новой жизни. В каком-то смысле вера есть дар Божий. Однако Уэсли не доводил это положение до той крайней формы, какое оно получило в кальвинизме. (Выше уже говорилось, что понимание веры как Божьего дара привело Кальвина к идее предопределения. Уэсли, глубоко веровавший в возможность возрождения падших, конечно, не мог принять идею предопределения и много сил потратил на ее опровержение.) Вера, учил Уэсли, не есть что-то раз и навсегда обретенное. Нельзя, уверовав

однажды в свое спасение, успокоиться на этом. Обретя веру (фактически благодать Божию), человек точно так же может однажды утратить ее, если вновь отдастся греху. Сохранение веры есть деятельное, а не пассивное состояние. Лишь те, кто заботливо, каждодневно избегают зла и ревностно совершают добрые дела, все более и более умирают для греха, оживая для Бога. Совершенство достигается только теми, кто исполняет важнейшие заповеди Христа — всем сердцем стремится к Богу и любит ближнего своего как самого себя. Человек, имеющий в себе такое стремление и такую любовь, восстанавливает в себе образ Божий — живет и мыслит подобно тому, как жил и мыслил Христос. Из этого вытекало, что одним из важнейших и необходимых условий сохранения веры и спасения служат для человека добрые дела.

Католическое и лютеранское воззрения на спасение как бы слились у методистов в одно целое.

Оглядываясь вокруг себя, Уэсли видел огромное поле для деятельности. Там и здесь проживало бесчисленное множество погибающих людей, до которых официальной церкви не было никакого дела. Указать им путь к спасению, помочь их духовному возрождению отныне стало главной его заботой. Следует сказать, что в начале XVIII в. англиканство переживало определенный кризис. Широкое распространение скептицизма в высших слоях общества привело к падению авторитета религии. Тем же пороком оказалось заражено высшее духовенство. Епископы забыли о христианских добродетелях и старались подражать в своей жизни английской аристократии.

Церковная дисциплина пала Жадность к деньгам стала причиной того, что многие стремились к приобретению нескольких приходов. Следствием этого была беспечность в исполнении пастырских обязанностей. Местное духовенство сплошь отличалось невежеством низшие классы между тем сохраняли сильное религиозное чувство, но они оставались в полном пренебрежении, так как о народе не пеклись ни власти, ни духовенство.

Грубость, невежество, пьянство, упадок нравственности, господство суеверий являлись здесь на каждом шагу.

Именно к этим, падшим, но глубоко верующим людям методисты обратили свои проповеди. С самого начала главными их слушателями стал рабочий люд Уэсли и его последователи шли в самые заброшенные захолустья Лондона и проповедовали слово о благодати Божией во Христе всем живущим в пороке и ужасном неведении божественного. Они говорили о повреждении человеческой природы, Произведенным грехом Адама, об искуплении, совершенном Иисусом Христомом необходимом для этого пробуждении и обращении человека, о его освящении и совершенстве. Все эти вопросы очень волновали народ, долгое время лишенный участия своего духовенства.

Сильной стороной методизма было то, что проповеди его последователей представляли из себя живую речь — они никогда не читали по рукописи, а обращали свое слово непосредственно к слушателям Многие проповедники начальной поры методистского движения вышли из простых мирян, то есть были каменщиками, плотниками, торговцами или солдатами. В отличие от англиканских пасторов, проповеди которых

походили на бездушные трактаты, холодно читаемые с кафедры, они обращались к своим слушателям языком обыденной жизни, языком улицы и рынка, а не языком книги. И это оказывало сильное воздействие на народные массы. Уэсли, хорошо понимавший выгоды такого положения, много работал над своей речью, чтобы приблизить ее к народной, сделать живой, образной и ясной.

Проповеди методистов нашли отклик в народе. Вскоре на них стали собираться тысячи и даже десятки тысяч человек. Постепенно деятельность методистов распространилась за пределами столицы. Начиная с 1740 г. методистские проповедники большую часть времени проводили в разъездах по стране. Сам Уэсли многие годы вел жизнь странствующего проповедника. Верхом на лошади он объехал всю Великобританию. Часто ему приходилось спать прямо на голой земле, подложив под голову камень. В 1744–1745 гг. он основал общины в Лидсе, Бирмингеме, Линкольшире и других местах. Значительные успехи сделал методизм в Уэльсе, в Ирландии и горной Шотландии. Проповедники методизма отправились за океан, начали распространять свое учение в Америке, проникли в другие английские колонии.

Этот успех наконец стал беспокоить англиканское духовенство. Вскоре методистам было запрещено проповедовать в храмах. Тогда они перенесли свои проповеди в частные дома, в собрания религиозных обществ, в тюрьмы, а то и просто на улицу.

К последнему средству приходилось прибегать также из-за того, что никакие церкви не могли вместить толпы народа; собиравшиеся на их проповеди. Вместе с тем методисты озаботились постройкой собственных храмов. Один из первых был сооружен Уэсли в Бристоле во второй половине 1739 г. (Позже кафедральным собором методистов стал огромный храм в Сити-Роад, построенный в 1778 г).

Все вступающие в методистские общины должны были вести строгую нравственную жизнь. Безусловно осуждались пьянство, распущенность, азартные игры, мотовство, танцы, слушание музыки и т п.) Каждая община делилась на несколько мелких обществ, или классов, по 5–10 человек. В руководители классов избирались самые достойные и способные из них. В их обязанности входило направлять религиозно-нравственную жизнью своих подопечных и следить за их внешним поведением. Обо всех нарушениях нравственной жизни классный руководитель должен был сообщать проповеднику общины. Раз в неделю происходили классные собрания. Кроме того, все классы методистской общины раз в неделю сходились для общей молитвы и слушанияпроповеди.

Начиная с 1744 г. стали происходить регулярные конференции методистов. Раз в год их проповедники собирались в каком-нибудь городе (чаще всего в Лондоне) и решали все накопившиеся к этому времени вопросы Конференции, объединявшие в себе законодательную и исполнительную власть, сделались высшим административным учреждением для всего движения. Долгое время методисты считали себя особым течением в англиканской церкви. Разрыв с ней произошел только тогда, когда англиканские пасторы наотрез отказались совершать таинства над членами методистских общин. Тогда Уэсли был вынужден посвящать собственных священников и епископов. Окончательно отделившись от

официальной церкви, методисты внесли некоторые изменения в церковную службу Их богослужение (до того, как методисты обзавелись собственными храмами) имело следующий вид. До появления проповедника прихожане пели какой-нибудь духовный гимн из сборника, составленного Джоном Уэсли (они были весьма тщательно отобраны из большого числа духовных стихов, написанных поэтами-методистами; пальма первенства принадлежала здесь Чарлзу Уэсли, обладавшему поэтическим даром; иногда его даже называют «бардом методизма»). Затем проповедник брал в руки Библию и начинал изъяснение какого-нибудь места из Священного Писания. Как правило, акцент проповеди обращался на отношение Бога к человеку. По окончании объяснения Слова Божьего следовало пение гимна. Затем производили сбор пожертвований и читали благодарственную молитву. В дальнейшем Уэсли переработал весь богослужебный чин, во многом упростив и сократив его, по сравнению с англиканским. Благотворительность с самого начала была одной из важнейших сфер деятельности методистов. Обычно после каждой проповеди устраивался сбор средств на какое-либо благотворительное дело, а поскольку слушателей бывало много, то и средства собирались немалые. Они расходовались прежде всего на устройство школ для бедных, на пожертвования больницам, помощь заключенным и неимущим.

Уэсли прожил очень долгую жизнь и мог наблюдать успехи основанного им движения по всему миру До самой кончины он вел очень простой и аскетический образ жизни.

Умер он уже глубоким стариком в 1791 г. К этому времени методизм исповедовало 120 тысяч человек. В последующие годы их количество постоянно увеличивалось, и в настоящее время во всем мире насчитывается 35 миллионов методистов. Главным образом они проживают в США и Великобритании.

Уильям Миллер

Американский проповедник Уильям Миллер, основоположник адвентистской церкви, родился в феврале 1782 г в Питтсфильде, штат Массачусетс, в 432 семье фермера. В 1786 г. Миллеры переселились в Лоу Хэмптон, штат Нью-Йорк, — пустынное место, где было лишь небольшое количество ферм, расположенных на расстоянии нескольких миль друг от друга. Получить здесь хорошее образование было трудно. Уильям впервые переступил порог школы, когда ему исполнилось девять лет и сумел закончить только шесть классов. Этим завершилось его формальное обучение. Все остальные свои знания Миллер приобрел самостоятельным чтением. В июне 1803 г. он женился на молоденькой девушке Люси Смит, с которой прожил потом в счастливом браке до самой своей смерти. Сразу после свадьбы молодые переехали в город Полтни, штат Вермонт, — родной город Люси. Тут имелась хорошая публичная библиотека, позволившая Миллеру значительно расширить свой кругозор. Книги Вольтера, Юма, Томаса Пейна и других скептиков породили в нем религиозные сомнения. В конце концов он стал исповедовать деистское учение. (Деисты, как известно, утверждают, что Бог, сотворив мир, больше не заботится о нем и потому не оказывает влияния на события

человеческой жизни; они не верят ни в посмертное воздаяние, ни в бессмертие души.)

С 1809 г. Миллер стал участвовать в общественной жизни — сначала как констебль, а затем как выборный шериф. Вскоре он был назначен лейтенантом милиции штата Вермонт. Когда в 1812 г. началась война с Англией, Миллер был принят лейтенантом в армию США и участвовал в боевых действиях у озера Шамплейн. В январе 1814 г. его произвели в капитаны. После подписания мира, в июне 1815 г., он уволился из армии и вместе с семьей переехал обратно в Лоу Хэмптон, где располагалась перешедшая ему по наследству отцовская ферма. Здесь Миллер построил небольшой двухэтажный домик, превратившийся вскоре в центр общественной жизни всей округи.

Все эти годы он продолжал оставаться деистом, хотя религиозные сомнения никогда не покидали его. Позже он так описывал свое состояние: «Мысль о том, что расплатой за грехи является мое полное исчезновение, вызывала во мне холодный ужас. Небеса словно медь над моей головой, а земля как железо под стопами ног моих. Вечность — что это? И почему смерть… Я пытался пресечь эти мысли, но был не властен над ними. Я был искренне сокрушен, но не понимал причины этого… Я знал, что зло существует, но не видел, как и где найти добро».

Тесть Миллера был баптистским проповедником. Миллер часто присутствовал на проповедях в его церкви, хотя сам не принадлежал к баптисткой общине. Однажды (это случилось, как отмечал позже сам Миллер, 1 сентября 1816 г.) он оказался на проповеди, которая читалась на стих «Иди скорее, скажи этому юноше» из второй главы книги пророка Захарии. Она произвела на Миллера очень сильное впечатление. «Внезапно, — вспоминал он позже, — в моей голове со всей ясностью возник характер Спасителя. Казалось, что Тот, кто настолько благ и сострадателен, что Собой искупил наши прегрешения, а потому спас нас от страдания, от наказания за грех, — должен существовать. Я тотчас же почувствовал, каким любящим Он должен быть, и почувствовал, что могу предать себя в Его руки и довериться милости такого, как Он». Миллер стал размышлять, как можно доказать существование такой личности. Его внимание, естественно, привлекла Библия. Он стал читать ее и был поражен открывшейся перед ним истиной. «Я вынужден был признать, — вспоминал он, — что Писание — это откровения от Бога. Они стали моей радостью, а во Христе я обрел для себя друга… Писания, которые прежде казались мне темными и противоречивыми, теперь стали светильником ноге моей и светом стезе моей. Теперь Библия стала моим главным занятием и, честно скажу, я исследовал ее с великой радостью, я обнаружил, что мне никогда не рассказывали и половины ее. Я спрашивал себя: как это я раньше не видел ее красоты и славы, и удивлялся, что когда-то мог отвергать ее. Передо мной открылось все то, чего только желало мое сердце, и лекарство от всякой болезни души. Я утратил всякий интерес к другим книгам и положил в сердце своем обрести мудрость от Бога». Так состоялось его обращение. Миллер немедленно вступил в баптистскую общину и установил в своем доме семейные богослужения. Он также начал щедро поддерживать церковь своими пожертвованиями.

Следующие два года (1816–1818) Миллер посвятил доскональному изучению Библии. «Я начал с книги Бытия, — вспоминал он, — и читал стих за стихом. В своем исследовании я продвигался дальше только после того, как прочитанное становилось настолько ясным, что не оставляло никаких сомнений». В результате этих упорных штудий он пришел к убеждению, что Библия является системой открытых Богом истин, настолько ясных и простых, что их может понять любой человек. «Я обнаружил, — писал он, — что, сравнивая Писание с историей, можно было увидеть, что все исполнившиеся пророчества исполнились буквально, что все разнообразные цифры в Библии… объяснялись непосредственно при их употреблении или… в иных частях Слова». Что касается тех пророчеств, которые не исполнились, то у Миллера не было в отношении них никаких сомнений — они должны исполниться в будущем.

Вскоре его внимание привлекла восьмая глава Книги пророка Даниила, в которой содержалось пророчество о 2300 днях. (Даниил описывает здесь одно из своих видений, касающееся будущих времен. Прежде всего он увидел могучего овна (символ Персидской державы), овладевшего всей землей. Потом явился огромный козел и сокрушил его (символ Македонской державы). Сначала этот козел имел один рог, потом на его месте выросли четыре (символическое изображение распада империи Александра Македонского на отдельные царства). «От одного из них, — пишет далее Даниил, — вышел небольшой рог, который чрезвычайно разросся., и вознесся до воинства небесного, и низринул на землю часть сего воинства и звезд, и попрал их, и даже вознесся на Вождя воинства сего, и отнята была у Него ежедневная жертва… И услышал я одного святого говорящего, и сказал этот святой кому-то, вопрошавшему, «на сколько времени простирается это видение… об опустошительном нечестии, когда святыни и воинства будут попираемы?» И сказал мне: «на две тысячи триста вечеров и утр: и тогда святилище очистится…» Затем Даниилу явился Гавриил, который сказал пророку: «Знай, сын человеческий, что видение относится к концу времени!») Миллер решил выяснить, к какому году можно отнести это важное событие. Для этого он применил широко известное соотношение, согласно которому символический день, упоминаемый в книге пророков, соответствует физическому году (то есть 2300 дней являются 2300 реальными годами). Тщательно изучив все доступные ему книги по истории, он пришел к выводу, что датой отсчета пророчества Даниила является 457 г. до Р.Х. Из этого подсчета следовало, что конец света и второе пришествие Христа состоятся приблизительно в 1843 г. Мысль о сделанном открытии с тех пор не покидала Миллера ни на минуту, но прошло 7 лет, прежде чем он набрался смелости объявить о нем обществу.

В 1821 г. Миллер был избран мировым судьей Лоу Хэмптона. Исполнение этой должности отнимало много сил и времени. Ферма также требовала его постоянно присутствия. Но какая-то сила не давала ему с головой уйти в повседневные дела.

Внутренний голос, казалось, постоянно твердил ему: «Пойди и расскажи миру о грядущей опасности». Но его ли дело было предрекать миру скорую кончину? Когда Миллер задавал себе этот вопрос, ему неизменно приходили в голову слова Господа, обращенные к пророку

Иезекиилю: «Когда… ты не будешь ничего говорить, чтобы предостеречь беззаконника от пути его, то беззаконник тот умрет за грех свой, но кровь его взыщу на руке твоей». Миллер стал рассказывать об открывшейся истине своим родственникам и друзьям. Постепенно его взгляды стали известны всей округе, породив много споров и пересудов.

К своему служению Миллер был призван в 1831 г., как ему казалось, Самим Богом.

Произошло это следующим образом. Однажды, в субботу утром после завтрака, он отправился в свой кабинет читать Библию. Среди занятий он вдруг услышал как бы чей-то голос, обращенный к нему: «Иди и расскажи об этом всему миру». Позже Миллер вспоминал об этом: «Впечатление было таким внезапным и таким сильным, что я в растерянности сел на стул, говоря: «Не могу я пойти, Господи». «Почему не можешь?» — казалось, прозвучало в ответ. И тогда в моем мозгу возникли все прежние отговорки: отсутствие у меня способностей и так далее. Но мое переживание стало настолько великим, что я решил заключить с Богом прочный завет: если Он откроет передо мной путь, я пойду и исполню свой долг перед миром. «Что ты имеешь в виду, что это значит — открыть путь?» — казалось прозвучало у меня в ушах. «Ну как же, — сказал я, — если мне придет приглашение выступить публично, то я «пойду и расскажу в любом месте о том, что я обнаружил в Библии относительно пришествия Господа». В тот же миг как будто тяжелый груз спал с моих плеч, и я обрадовался, что, вероятно, меня никогда не позовут, потому что меня никто никогда не приглашал…»

Однако спустя примерно полчаса с того момента — Миллер еще не успел покинуть комнату — к нему пришел его шестнадцатилетний племянник и сообщил, что у них в Дрездене (так назывался городок, располагавшийся в 16 милях от фермы Миллеров) нет проповедника для завтрашнего богослужения и его просят выступить с проповедью о том, что ему известно о близком пришествии Господа… Это был явный знак воли Божией, и Миллер подчинился ему. На другой день он в первый раз выступил с публичной проповедью о своем открытии. Она произвела сильное впечатление на собравшихся. Миллера попросили остаться еще на некоторое время в Дрездене. На следующую проповедь съехались уже многие семейства из соседних городков. Поскольку желающих послушать ее не смог вместить ни один дом, Миллер читал проповедь в церкви. После этого приглашения посыпались со всех сторон. Вскоре проповеди Миллера собирали уже толпы народа. Конечно, не все принимали его весть о близком конце света, но много было и таких, кто сразу и безоговорочно поверили ему. Этому в немалой степени способствовал и неожиданно обнаружившийся у него дар проповедника. Основной темой его проповедей оставалось Второе пришествие, но часто она отходила на второй план, когда Миллер обращался с призывом к слушателям посвятить свою жизнь Христу. Поскольку каждое его выступление приводило к зримому духовному пробуждению, нравственному преображению людей и возрождению веры, пасторы часто просили Миллера проповедовать в их церквах. В 1833 г. баптистская община Хэмптона выдала Миллеру лицензию на право проповедовать. С 1834 г., оставив все другие дела, он всецело посвятил себя проповедничеству, переезжая из одного города в

другой. В следующие пять лет он читал в среднем по четыре лекции каждую неделю.

В 1839 г., когда Миллеру стал помогать пастор Хаймс, он начал предпринимать поездки в отдаленные штаты США. Так он в течение пяти дней с большим успехом выступал в Портсмуте (штат Нью-Гэмпшир). Возбуждение не улеглось и после его отъезда. Один из портсмутских пасторов писал об эффекте, произведенном проповедями Миллера: «На протяжении нескольких недель, под звон колоколов, с ежедневными встречами, наш город превратился в непрерывную Субботу… Сейчас уже трудно установить точное число новообращенных в нашем городе; по разным оценкам, их количество составляет от пятисот до семисот душ». Такой же эффект имели выступления Миллера в других городах.

В марте 1840 г. Хаймсу удалось наладить издание газеты «Знамение времени» — сначала она была ежемесячной, потом — еженедельной, а с 1843 г. — ежедневной. В ноябре 1842 г. в Нью-Йорке стала выходить другая газета — «Полночный крик». Чем ближе становилась дата объявленного пришествия, тем больше народу собирали проповеди Миллера. Сначала это были сотни, а потом тысячи людей. Сам он уже не мог поспеть во все места, куда его приглашали, поэтому пришлось прибегнуть к помощи других лекторов. В 1844 г., в пору наиболее напряженных ожиданий пришествия, Миллеру помогали 200 служителей и 500 добровольных помощников. Но ими круг последователей Миллера не ограничивался. В 1840 г. прошла первая конференция адвентистов (от латинского слова adventus, то есть пришествие), принявших его весть. Затем такие конференции стали регулярно повторяться. Вскоре адвентисты начали оформляться в особое религиозное течение и стали устраивать совместные богослужения, на которых большое значение играло пение гимнов (тексты гимнов подобрал и издал в 1842 г. сам Миллер).

С приближением назначенного времени Второго пришествия Христа адвентисты (которые были выходцами из самых разных христианских общин) все реже и реже общались с традиционными церквами. Постепенно среди них утвердилось убеждение, что все эти церкви не истинные, а падшие. Некоторые адвентисты стали проповедовать, что истинно верующие (под ними понимались все те, кто принял весть о Втором пришествии) должны выйти из Вавилона (то есть из традиционных конфессий). Требования подобного рода исходили не от Миллера и даже против его воли. Он писал: «Осень 1843 г. некоторые из моих братьев стали называть существующие церкви Вавилоном и настаивать на том, что адвентисты обязаны выйти из них. При сем я сильно скорбел, ибо плачевны были не только последствия — сама идея была в моих глазах извращением слова Божьего, истолкованием Писаний в свою пользу… С этого времени церкви, как и следовало ожидать, закрыли перед нами все двери».

В 1842 г. появилось много пророков, которые «по божественному внушению» называли точную дату Второго пришествия (многие были уверены, что оно произойдет 22 октября). Сам Миллер был осторожнее в своих прогнозах и поначалу считал, что пришествия следует ждать между 21 марта 1843 г. и 21 марта 1844 г. (позже, под давлением своих сторонников, он принял окончательную дату — 22 октября 1844 г.).

Однако, к великому разочарованию адвентистов, Иисус так и не пришел. 1 августа 1844 г. Миллер записал в своем дневнике: «Время шло, прошло и 21 марта 1844 г., а мы так и не увидели явления Господа. Разочарование наше было великим, и многие отошли от нас». Но отошли далеко не все, и, обращаясь к своим последователям, Миллер писал: «… Я признаю свою ошибку и признаюсь в своем разочаровании. Тем не менее, я верю, что день Господень близок, у дверей, и умоляю вас, братья мои, быть внимательными и не позволить этому дню застать вас врасплох…» Это положение стало основой для формирования церкви адвентистов. В конце августа того же года главный помощник Миллера Хаймс обнародовал обращение ко всем адвентистам: «Мы согласны, — писал он, — на немедленное и окончательное отделение от тех, кто противится доктрине о скором пришествии и Царстве Божьем.

Мы считаем, что это вопрос жизни и смерти. Смертельно опасно оставаться там, где об этом говорят легкомысленно или вообще не верят в пришествие Господа. Поэтому ныне мы обращаемся ко всем, кто каким-либо образом запутался в ярме рабства. «Выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь». По этому призыву официальную церковь покинули около 50 тысяч человек.

Окончательное оформление адвентистской церкви произошло фактически уже после смерти Миллера, который ненадолго пережил свое разочарование. В январе 1848 г. он тяжело заболел и ослеп. Кончина его последовала в декабре 1849 г. К этому времени более половины из тех, что принял весть Миллера, покинули движение. Но те, кто остались, образовали в 1846 г. адвентиссткую церковь (число ее последователей в настоящее время составляет около 25 тысяч человек) Очень скоро от нее откололась небольшая группа во главе с проповедниками Джеймсом Уайтом и Джозефом Бейтсом. От них ведет свое начало, образованная провидицей и проповедницей Еленой Уайт, Церковь адвентистов седьмого дня. Суть ее учения сводится к тому, что 22 октября 1844 г. Христос (как это и следует из буквального смысла пророчества Даниила) только приступил к «очищению святилища», то есть к подготовке Своего Суда. Второе пришествие должно вскоре наступить, но задерживается до нужного времени. (Свое название последователи Елены Уайт получили из-за того, что ввели у себя празднование Субботы, считавшейся у иудеев седьмым днем недели). Адвентисты седьмого дня отрицают бессмертие души, которая, по их мнению, умирает вместе с телом, но должна воскреснуть после Страшного суда и либо окончательно погибнуть, либо обрести вечное блаженство. Всего в мире сейчас насчитывается около 6 миллионов последователей этой секты, главным образом в США и Канаде.

Джозеф Смит

Основоположник секты мормонов американский проповедник Джозеф Смит, уроженец штата Вермонт, родился в 1805 г. в семье бедного ремесленника. Уже в 14-летнем возрасте он в чудесном видении узнал о предназначенной ему роли пророка и миссионера. Однако свой путь в жизни Джозеф нашел не сразу. Первое время он добывал средства к существованию тем, что выдавал себя за колдуна и открывателя кладов.

Но потом новое вмешательство небесных сил кардинально изменило его жизнь. 21 сентября 1823 г. во время ночной молитвы ему было второе видение. «В то время, как я взывал к Богу, — вспоминал позже Смит, — я заметил, что в моей комнате появился свет, который увеличивался, пока в комнате не стало светлее, чем в полдень, и тут внезапно у моей постели появился человек, который стоял в воздухе, так как ноги его не касались земли. Он был обличен в мантию чрезвычайной белизны, подобной которой я никогда не видел на земле… Он назвал меня по имени, сказав, что он вестник, посланный ко мне от лица Бога, и что имя его — Морони, что Бог имеет до меня дело, требующее исполнения». Затем пришелец поведал изумленному Смиту о некой «Золотой книге», содержащей в себе древнюю историю восточной части Северной Америки и неизвестные миру религиозные откровения. Завладеть этой книгой Смит смог лишь четыре года спустя. В 1827 г. тот же Морони во второй раз явился к Джозефу и проводил его на вершину горы Кюмора (в штате Нью-Йорк). Здесь в одной из пещер юный пророк действительно нашел тонкие золотые листы, уложенные в каменный ящик и исписанные неведомыми письменами. При рукописи находились таинственные оптические инструменты. По словам ангела, это были Урим и Туммим — прорицательные снаряды древних еврейских священников, помогавшие видеть далекое прошлое. С помощью этих магических кристаллов, а также благодаря подсказкам ангела Смиту удалось успешно перевести найденную книгу на английский язык. Полный перевод ее был издан в 1830 г. в Пальмире (штат Нью-Йорк).

Это сочинение, известное теперь как «Книга Мормона», представляет чрезвычайно любопытный документ. И по языку и по форме изложения оно напоминает Библию и содержит в себе более 300 цитат из нее. «Книга Мормона» рассказывает о том, как за шесть столетий до Рождества Христова в Америку, после долгих скитаний, переправилась часть «иерусалимских израильтян», возглавляемая Лехи. Здесь переселенцы, назвавшие себя нефитами, создали высокоразвитое цветущее государство. Господь продолжал печься о Своем народе, оказавшемся, волею судьбы, в Новом Свете. После Своего Вознесения Христос вновь явился в Америке и совершил здесь, специально для нефитов, те же чудеса, которые описаны в Евангелии. Но потом пришли тяжелые времена, и государство нефитов погибло в войне с кровожадными ламанитами — предками современных индейцев. В этот период угасания и кризиса их цивилизации, один из нефитов по имени Мормон записал на золотых скрижалях историю своего народа. Вскоре все нефиты погибли. Спасся только сын Мормона Морони, который в 420 г. закопал золотые скрижали в пещере на горе Кюмора, после чего превратился в ангела. На свет Божий писания Мормона оказались извлечены лишь по прошествии пятнадцати веков. Произошло это, конечно, не случайно, а по велению Бога, предназначившего Америке невиданное процветание и огромное влияние на судьбы человечества. Причем важнейшим элементом этого влияния должна стать «возрожденная христианская религия» нефитов, пророком и распространителем которой и стал избранник неба Джозеф Смит.

Уже в первый год проповедей Смита его учение подверглось нападкам с неожиданной для него стороны. Стало известно, что некий

Соломон Сполдинг, проповедник одной из протестантских сект, около 1812 г. написал фантастический роман в библейском стиле под названием «Найденная рукопись». В нем будто бы рассказывалась история двух еврейских колоний, основанных в Америке в древнейшие времена и оставивших вырожденное потомство в виде краснокожих племен. Это сочинение не было напечатано. Однако списки его ходили по рукам. Едва «Книга Мормона» вышла в свет, многие лица, знакомые с сочинением Сполдинга, заявили, что она представляет из себя не что иное, как точное воспроизведение его романа.

Впрочем, доказать свое обвинение в плагиате родственники Сполдинга так и не смогли, поскольку не сумели предоставить ни одной рукописи романа — все они таинственным образом исчезли (по их словам, были украдены) Сам Смит находился не в лучшем положении — подлинника «Книги Мормона» у него не оказалось (сразу после перевода тот будто бы был унесен ангелом). Смит, правда, ссылался на свидетелей, которые «своими глазами» видели золотые скрижали, но оказалось, что часть этих свидетелей были родственниками пророка, а часть — люди с темным и даже уголовным прошлым. Так что вопрос о подлинности «Книги Мормона» по сей день остается открытым.

Но, как показали дальнейшие события, многие люди и не нуждались ни в каких доказательствах. Едва «Книга Мормона» вышла в свет, тысячи американцев уверовали в каждое ее слово и безоговорочно признали Смита посланником Божьим, призванным собрать новый американский Израиль и приготовить его к тысячелетнему царству.

Уже в апреле 1830 г. основанная Смитом Церковь Иисуса Христа Святых последнего дня получила официальный статус. Ее сторонников в просторечии стали называть мормонами. К 1831 г. большинство последователей Смита сосредоточилось в местечке Индепенденс, в штате Миссури. Окрестное население вскоре было возмущено высокомерием пришельцев, признававших только себя истинными христианами и взиравших на всех остальных жителей как на закоренелых грешников. Дело дошло до того, что в 1838 г. губернатор штата Миссури призвал своих сограждан обращаться с мормонами как с заклятыми врагами: «Мы должны либо уничтожить их, либо навсегда изгнать из штата», — заявил он. Мормонам пришлось избирать одно из двух зол, и они предпочли переселение. В том же году Смит и его последователи перебрались в захолустное местечко Коммерс, в штате Иллинойс. Местные власти, заинтересованные в притоке колонистов, заключили с мормонами договор, предоставлявший им значительную внутреннюю автономию. Через пять лет Коммерс превратился в цветущий город с 40-тысячным населением. Но потом между мормонами и местными жителями вновь возникли сильные трения. Обстановка накалялась год от года. Все шло к стихийному возмущению. Последней каплей, переполнившей чашу терпения иллинойсцев, стало введение у мормонов полигамии. В 1843 г. Смит объявил своим последователям, что Господь повел им иметь как можно больше жен, чтобы быстрее увеличить свое число. Вскоре многие мормоны уже имели по несколько жен. У самого Смита их было 33. С подобным положением власти, конечно, не могли смириться. Летом 1844 г. Джозеф Смит и его брат были арестованы по обвинению в многоженстве и

помещены в тюрьму. Но справедливого суда они не дождались. 27 июня возбужденная против мормонов толпа ворвалась в тюрьму и линчевала обоих.

Преемником Смита стал один из его ближайших сподвижников Брайам Янг(1844–1877).

В 1846 г. мормоны под его предводительством оставили Иллинойс и отправились на запад искать землю, которая могла бы их приютить. Тяжелое путешествие почти через весь континент продолжалось два года. В 1848 г. переселенцы добрались до долины Большого Соленого озера на индейской территории Юта. Это была настоящая пустыня, считавшаяся совершенно непригодной для жизни человека. Но Янг, повинуясь небесному внушению, велел строить здесь город, которому суждено было отныне сделаться столицей мормонов. Официально он носил гордое название Новый Иерусалим, однако прижилось другое, принятое в просторечии — Солт-Лейк-Сити (Город Соляного озера). Мормоны были деятельными и умелыми работниками.

Благодаря их трудам безжизненная пустыня всего через несколько лет превратилась в цветущий оазис. Проведя воду из гор, они вызвали к жизни роскошные нивы, луга и сады. Население колонии быстро росло (выполняя завет Джозефа Смита, мормоны считали плодовитость одной из главных человеческих добродетелей. В среднем, каждая женщина имела здесь 6–8 детей, но часто встречались семьи, в которых было по 12–14 детей). В короткий срок на различном расстоянии от Солт-Лейк-Сити выросли десятки новых мормонских городов и поселений. Территорию Юты охватила сеть сложных ирригационных сооружений, во все стороны протянулись каналы, выросли дамбы Для удобства сообщения прокладывались дороги. За постоянными заботами о хлебе насущном не забывали и о духовной пище. Центром религиозной жизни общины стал огромный храм в центре Солт-Лейк-Сити. Большое внимание уделялось обучению подрастающего поколения. Уже в середине XIX в. здесь была создана всеохватывающая система образования — одна из лучших в тогдашней Америке: было открыто множество школ, колледжей, коллегий и академий. В 1850 г.

Янг основал местный университет. Все учебные учреждения были прекрасно оснащены всем необходимым, имели хороших преподавателей и великолепные библиотеки.

Фактически в долине Большого Соляного озера возникло независимое и своеобразное государство. Общественный строй мормонов определяют как теократию. Во главе общины стоял пользующийся неограниченной властью пророк или провидец, получающий непосредственные откровения от Божества. При обсуждении дел ему помогал Верховный совет Трех, имевший, впрочем, только совещательные функции. Орудием пророка в управлении и распространении секты служили две коллегии: Двенадцати апостолов и Семидесяти учеников. Все остальные должности оставались выборными. Служба проводилась мирянами (профессионального священства у мормонов нет). Каждый член общины должен был выплачивать церкви-государству десятину со всех своих доходов.

Это содействовало образованию богатого фонда, шедшего на покрытие общих издержек и выдачу денежной помощи нуждающимся. При преемнике Янга, Джоне Тейлоре (1877–1887), вновь стали обостряться отношения с федеральными властями. В 1882 г.

Конгресс США издал закон, запрещавший полигамию. Его острие было направлено против мормонов. Те вновь оказались перед выбором: либо принять главенство федеральных законов, либо отправиться на поиск нового убежища. Но последнее в конце XIX в. едва ли было осуществимо. Наследник Тейлора Вильфорд Вудрафф решил пойти на уступки и в 1890 г. объявил о переходе своих единоверцев к единобрачию.

В 1896 г территория расселения мормонов вошла в состав США в качестве штата Юта.

В настоящее время «Мекка мормонов» — Солт-Лейк-Сити — преуспевающий американский город, имеющий более миллиона жителей. Процент состоятельных людей на душу населения здесь один из самых высоких в США.

Учение мормонов, кроме «Книги Мормона», изложено в «Книге учения и заветов» Джозефа Смита, а также в сборнике его откровений (всего их было 112). В Солт-Лейк-Сити это вероучение развернулось в тщательно разработанную систему.

Согласно концепции мормонов, в основе мироустройства лежит закон прогресса, то есть всеобщего развития всех форм от простого к сложному. Огромная и важная роль во Вселенной отводится богам. Их много, они могущественны и бессмертны, но не всемогущи и не извечны, ибо вечна одна только материя. Все, что «нематериально», с точки зрения мормонов не существует, и «чистый дух» есть чистое ничто. Формы матери многообразны, и то, что называется духовным или божественным, есть на самом деле особое состояние утонченной материи. Реальность направляется богами и в то же время находится под контролем законов природы. Мормоны отрицают чудеса и все то, что недоступно человеческому разуму. Их религия отличается строгой верой в его всесилие. «Все можно познать, — утверждают они, — и пути Бога объяснимы разумом». Эта вера идет от самого Джозефа Смита, который считал, что разум и интеллект человека могут быть в известном смысле приравнены к разуму и интеллекту бога.

Одним из итогов сложного развития материи стало появление Верховного Божества нашей Вселенной, пребывающего в центре мира на светиле Колоб. Как и все материальное, Он существует во времени и пространстве и является совершеннейшим из всех существ, но не Сущим как таковым. Это Божество последовательно породило всех прочих богов и богинь, управляющих звездами и планетами. Тот Бог, Которому поклоняются мормоны, не есть Верховное Божество, а только особый Бог планеты Земля. Он также существо материальное — телесный организм, существующий в пространстве и времени и подверженный душевным страстям. Хотя в кратких символах веры мормоны употребляют христианскую формулу Троицы, но в вероучительных книгах разъясняется, что действительно существуют в Боге Земли только два божественных лица — Отец и Сын (Христос), а третье лицо (Дух) есть лишь безразличная энергия, исходящая из обоих. У Бога Земли от сочетания Его с богиней

планеты Венеры есть еще другой сын Люцифер, но он потерял свое божественное достоинство и стал злым духом. Когда Бог Отец решил населить Свою планету Землю людьми, Он стал совещаться со Своими двумя сыновьями. Люцифер сказал тогда: «Воздай мне честь, пошли меня, чтобы научать и исправлять людей, чтобы ни одна душа не пропала», а Христос сказал Отцу: «Да будет воля Твоя, и Тебе слава вовеки». Бог поручил дело спасения Христу, что вызвало восстание со стороны завистливого Люцифера, увлекшего за собой третью часть всех богов и богинь. Родоначальником человеческого рода стал бог Михаил, прозванный в своем воплощении Адамом. Дальнейшая священная история Ветхого и Нового Завета принимается мормонами без существенных изменений, а будущие судьбы мира излагаются с дополнениями, вытекающими из особой роли мормонов и Америки.

Важное значение в их доктрине играет теория ангелов и духов, которых не следует смешивать с богами. Духи — это предшествующие люди, собирающиеся воплотиться на земле, а ангелы — это души тех умерших людей, которые, имея правую веру и проводя добродетельную жизнь, не исполнили главного назначения человека: иметь жен и детей, чтобы содействовать воплощению возможно большего числа духов, будущих богов. (Одинокие люди не воскреснут в настоящих материальных телах, а останутся эфемерными ангелами, и хотя войдут в будущее царство Божие, но лишь в качестве домашней прислуги при святых.) Мормоны признают, что человек состоит из души и тела, но не считают их чем-то принципиально отличным. Душа так же материальна, как и тело, но она имеет настолько совершенную организацию, что продолжает свое существование и после распада тела.

Современная мормонская церковь организована строго иерархически. Во главе ее стоит президент, признаваемый пророком, и два помощника, которые входят в президентский совет. В настоящее время Церковь Иисуса Христа Святых последнего дня владеет значительными финансовыми средствами. Ей принадлежат почти все здания в центральной деловой части современного Солт-Лейк-Сити, телестудии, швейные фабрики, торговые центры, издательства, отели, земельные участки. Свои капиталы она помещает в крупные предприятия в Америке и за рубежом. Экономисты неизменно включают ее в число 50 крупнейших корпораций США. Это позволяет успешно распространять вероучение Джозефа Смита. Мормоны имеют свои общины более чем в ста странах. Сегодня их число приближается к 7 миллионам и продолжает быстро увеличиваться. Миссионерская работа организована на самом высоком уровне, и ежегодно 28 тысяч мормонов разносят идеи своей религии по всему миру.

Чарлз Рассел

Чарлз Рассел — человек, которому обязана своим основанием секта Свидетелей Иеговы, родился в 1852 г. в Питсбурге, штат Пенсильвания, в пресвитерианской семье. Родители его были сильно стеснены в средствах, и в детстве Чарлз смог окончить только несколько классов школы. Однако он много читал, упорно занимался самообразованием и приобрел

достаточно широкие познания по разным предметам.

Кроме того, юноша оказался способным предпринимателем — унаследовав от отца небольшую платяную лавочку, он, спустя несколько лет, сумел организовать дело на широкую ногу, так что торговля стала приносить ему хорошие доходы.

Впрочем, религия всегда интересовала его больше, чем коммерция. В 16 лет Рассел познакомился с учением адвентистов и попал под сильное их влияние. Переломным в его судьбе стал 1876 г., когда в одном из небольших адвентистских журналов «Глашатай утра» он прочитал пророчество о том, что Христос (пришествия Которого с нетерпением ожидали адвентисты) уже незримо сошел на землю и теперь, никому неизвестный, наблюдает за жизнью людей. Что касается Второго пришествия, то его, согласно этому пророчеству, следовало ожидать в 1878 г. Рассел был так поражен прочитанным, что решил кардинально изменить свою жизнь. Он свернул торговлю и все деньги отдал на поддержку упомянутого журнала. Издатель, довольный его рвением, назначил молодого коммерсанта своим помощником. Это был период самых тесных контактов Рассела с адвентистами. Но когда наступил 1878 г., а ожидаемое пришествие в очередной раз не состоялось, Рассел охладел к их вероучению. В следующем году он основал свой собственный журнал «Сторожевая Башня Сиона». (По сей день это издание остается главным печатным органом иеговистов и выходит два раза в месяц тиражом 13 миллионов экземпляров на 67 языках.)

Решив самостоятельно вычислить дату Второго пришествия, Рассел обратился к той части книги пророка Даниила, где говорится о семи периодах безумия вавилонского царя Навуходоносора. Эти семь периодов Рассел истолковал как семь пророческих лет по 360 дней. Таким образом он получил период в 2520 дней. Их, подобно Миллеру, он перевел в годы и вывел срок, отделяющий пророчество Даниила от Второго пришествия. Считая, что начало пророчества относится к 607 г. до Р.Х., он вычислил дату конца света — 1914 год. «Окончательное завершение царства этого мира и полное установление Царства Божия будет завершено к концу 1914 г., — писал он. — 1914 год увидит Царство воздвигнутым или прочно установленным на Земле, на руинах современных учреждений». Самостоятельные исследования Священного Писания привели Рассела к некоторым другим выводам, весьма сильно разнившимся с традиционным протестантизмом. Так он отказался от веры в Св. Троицу и стал отрицать божественность Иисуса Христа. Итогом его многолетних библейских штудий стали семитомные «Исследования Писаний». (Первый том вышел в 1886 г., а последний, уже после смерти автора, в 1917 г.) Эти книги имели огромный успех, их общий тираж при жизни Рассела составил 13 миллионов экземпляров.

Уже в раннюю пору его деятельности вокруг Рассела сложился кружок восторженных последователей (как человек он был очень обаятелен и умел заражать своей верой).

С 1872 г. он считался «пастором» независимой группы по изучению Библии в городке Аллегейн, штат Пенсильвания. Были у него единомышленники и в других штатах. В 1879 г., после окончательного разрыва с движением адвентистов, Рассел решил создать собственную

организацию, прежде всего для реализации издаваемого им журнала. Он обратился за поддержкой к своим последователям, и вскоре несколько сотен добровольцев взяли на себя распространение его изданий по домам. По мере того как росла популярность его книг пророческого и разъяснительного характера, тут и там возникали группы последователей, которые собирались для изучения Библии и пользовались книгами Рассела как учебными пособиями. Формально не являясь единой конфессией, эти маленькие собрания расселистов имели общую цель — поделиться с окружающими истинами, открывшимися им через общего учителя. Вскоре к Расселу стали относить известное пророчество о «бедном и благоразумном рабе» из 24-й главы Евангелия от Матфея, которого перед самым концом света Бог изберет для восстановления утерянных истин первоначального христианства. В 1881 г. Рассел образовал (а в 1884 г. зарегистрировал) «Общество Сионской сторожевой Башни и трактатов», переименованное 1896 г. в «Общество сторожевой башни Библии и трактатов». Оно и стало зародышем Церкви Свидетелей Иеговы. А так как Рассел продолжал накапливать последователей, общество вскоре начало функционировать не просто в качестве издательского агентства, но и как инструмент управления этой растущей общиной единоверцев. В 1909 г. для организации и расширения проповеднической деятельности в различных странах мира главный отдел общества перевели из Пенсильвании в Нью-Йорк, где он и пребывает по сей день (так называемый «Бруклинский центр»).

После смерти Рассела в 1916 г. его поклонники образовали несколько независимых движений, но большая часть членов Общества пошла за официальным преемником основателя секты Руттерфордом. Чтобы отличить своих последователей от других расселистов, тот назвал их в 1931 г. «Свидетелями Иеговы». Это название очень точно отразило самую суть вероучения секты, которое состоит в том, что имя Бога есть Иегова и именно так следует обращаясь к Нему. (Под этим именем (Яхве) Господь, как известно, впервые открылся Моисею). Само название секты взято из 10 стиха 43-й главы книги пророка Исайи: «А Мои свидетели, говорит Господь, вы и раб Мой, которого Я избрал».

Преемникам Рассела пришлось кое в чем подкорректировать его учение. Прежде всего это относилось к его главному пророчеству о Втором пришествии в 1914 г. В 1930 г. руководство секты признало: «Весь народ Господа ожидал 1914 год с радостными надеждами. Когда же этот год наступил и прошел, было много разочарования, огорчения и слез, и народ Господа подвергся большому осуждению… потому что много говорил о 1914 годе и о том, что должно было случиться, а пророчества не сбылись». В конце концов было объявлено, что в 1914 г. произошло только незримое возращение Христа, который с этого времени воцарился в Царстве Небесном и начал подготовку к Страшному суду. Однако в основе своей мироощущение современных Свидетелей Иеговы восходит к Расселу. Истинным они считают только такое учение, которое основано непосредственно на Библии. Вследствие этого они отвергают догмат о Троице, принятый Никейским собором. Св. Дух, по их представлениям, это не личность, а сила, исходящая от Иеговы. Поэтому нет никаких оснований представлять его особой ипостасью или лицом Бога. В учении о Боге-Сыне

иеговисты в основном следуют общим христианским представлениям, однако категорически отвергают божественность Иисуса Христа. Впрочем, они не считают его и обычным человеком. Жизнь Христа, говорят они, можно разделить на четыре периода: 1. Его пребывание на небе в качестве духовного существа — единородного Сына Бога, «рожденного прежде всякой твари». 2. Его земная жизнь в качестве человека, продолжавшаяся 33 года; в это время Он не был Богом, но только совершенным человеком (смерть Христа на кресте была подлинной физической смертью, а воскресение — только духовным). 3. Его жизнь после Воскресения из мертвых, когда Он воссел по правую руку от Своего Отца в ожидании времени, когда Иегова даст ему царскую власть на небе. 4. Начиная с 1914 г., когда Иисус воистину воцарился в Царстве Небесном. С тех пор Сатана и его демоны сброшены в пределы земли и становятся виновниками все возрастающего горя людей, а Иисус руководит всемирным делом проповеди благой вести о царстве Бога. И ему надлежит царствовать таким образом до тех пор, пока Он «низложит всех врагов под ноги Свои». Затем Он передаст царство Иегове.

Таким образом, Свидетели Иеговы верят, что мы живем в эпоху, когда на небе уже нет Сатаны и его демонов. Там безраздельно царствуют Христос и Иегова, но на земле с усиленной яростью властвует дьявол. В Апокалипсисе это время характеризуется следующими словами: «Веселитесь небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел дьявол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени». Современная эпоха — это «последние дни» человеческой истории, в течение которых на земле происходит отделение одних людей от других. Свое назначение Свидетели Иеговы видят в том, чтобы нести об этом весть всем живущим. Ибо те, кто примут весть о царстве Бога, войдут в Божий новый мир и будут жить вечно.

По учению Рассела, полное спасение получат лишь 144 тысячи верных, которые и составят в Царстве Божьем «небесное правительство»; все остальные после своего воскресения и тысячелетней жизни будут подвергнуты Искусителем новому испытанию, и лишь те, кто его выдержит, обретет вечную жизнь; остальные, вместе с Сатаной, будут уничтожены.

Свидетели Иеговы считают ложным принятое подавляющим большинством христиан учение о бессмертной душе и отвергают молитву за усопших. Объясняется это тем, что Бог, по Своей благости, не может подвергнуть людей вечному мучению. Никаких адских мук нет и не будет. Просто есть люди, которые в день Окончательного суда спасутся и обретут вечную жизнь, и есть такие, которые исчезнут и перестанут существовать. Подобно многим другим протестантским церквам, Свидетели Иеговы отвергают поклонение иконам, изображению святых и кресту. Из всех праздников отмечается только один — поминовение смерти Христа. В настоящее время число последователей этого учения превысило 5 миллионов и продолжает быстро расти. Самая многочисленная община иеговистов в США.

Сан-Мен Мун

Основатель всемирной Церкви Унификации Мун Ян Ме (таково настоящее имя Сан-Мен Муна) родился в январе 1919 г. (по другим данным, в феврале 1920 г.) в маленькой деревне Пенан Пукдо на северо-западе Кореи, которая тогда находилась под властью Японии. Его отец и мать были зажиточными крестьянами. Когда мальчику исполнилось десять (или, по другим данным, четырнадцать) лет, родители приняли христианство (пресвитерианство). До 15 лет Мун обучался в традиционной школе, изучая китайские иероглифы и учение Конфуция. Детство его ничем не отличалось от детства тысяч других маленьких корейцев из не очень богатых семей. Однако все изменилось 17 апреля 1935 г. В тот день ему во время молитвы неожиданно явился Иисус Христос. Тогда-то юный кореец, совсем недавно познакомившийся с христианским учением, узнал о возложенной на него важной вселенской миссии. Христос сообщил, что дело, ради которого Он две тысячи лет назад приходил в Иудею, не была выполнено до конца.

Ибо цель Его заключалась совсем не в том, чтобы принять смерть на кресте, а в построении Царства Божьего на земле. Она, как известно, так и не была достигнута, и долгое время для такого построения не существовало возможностей, но теперь они появились. Волею неба Муну предназначено завершить миссию Христа.

Как свидетельствует мунитское предание, Мун долго отказывался от этой чести, хорошо понимая, какая долгая и неблагодарная работа ему предстоит. Однако, Христос настаивал, и в конце концов юноше пришлось уступить. Так началось его мессианское служение.

Внешне жизнь Муна ничуть не изменилась. Овладев началами образования, он отправился в Сеул и поступил в тамошнюю техническую школу, чтобы выучиться на инженера-электротехника, а потом продолжил обучение в университете Васэда в Японии на факультете электромашиностроения. Все эти годы он упорно изучал Библию, стараясь понять законы, с помощью которых Бог восстанавливает мир. Часто бессонными ночами его посещали откровения, и тогда ему вдруг становилась ясной та или иная область Божественного Принципа (так стало позже именоваться учение преподобного Муна). Завеса заблуждений, скрывающая истину, разрывалась постепенно, так что осознание Принципа пришло к Муну только после тяжелой духовной борьбы.

Университет он, видимо, не закончил и по возвращении в Корею работал электриком на разных стройках. В октябре 1944 г. оккупационные власти арестовали Муна за антияпонскую деятельность. Так он в первый раз побывал в тюрьме, но вскоре вышел на свободу (то ли проступок его был ничтожным, то ли арест вообще являлся ошибкой). В августе 1945 г., вскоре после освобождения страны, Мун целиком посвятил себя проповеднической деятельности. Тогда же он в первый раз вступил в брак, женившись на девушке по имени Цой Сун Кил. Его первые выступления на юге страны не возбудили ни в ком любопытства. В 1946 г. Муну было новое откровение — Христос велел ему идти в Пхеньян, находившийся под властью коммунистов, и создать там свою общину. Северокорейская столица переживала в то время период духовного подъема. Интерес к религиозным вопросам был очень велик. Наряду с традиционными христианскими вероисповеданиями процветали новые учения. Мунизм стал

одним из них. Мун был весьма красноречивым проповедником, хорошо знавшим Священное Писание. Его проповеди собирали много народа, и вскоре ему удалось создать общину своих последователей в 20 или 30 человек.

В окончательном виде учение Божественного Принципа было сформулировано лишь двадцать лет спустя — в середине 1960-х гг., но основы его Мун заложил уже в своих пхеньянских проповедях. Наряду с христианской догматикой большую роль играют в нем традиционные, заимствованные из китайской философии представления о двух парах противоположных вселенских принципов: ян-сон (положительное, мужское начало) — ым-сон (отрицательное, женское начало) и сон-сан (внутренняя природа, субъект) — хен-сан (внешняя форма, объект). До акта творения Бог существовал только как внутреннее, мужское начало, и потому Ему необходимо было создать Вселенную как Свою внешнюю форму. Она стала Его объектом и женским началом. Целью творения, таким образом, было достижение гармоничного единства всех четырех принципов, вследствие чего Бог обрел благость и счастье.

Венцом всего миротворчества стал человек — суммарное воплощение всего существующего во Вселенной, центр гармонического взаимодействия между материальным и духовным мирами. Предполагалось, что по достижении совершенства Адам будет господином всех субъектов, а Ева — госпожой всех объектов.

Соединившись в одно целое, как муж и жена, они стали бы центром, осуществляющим владычество над миром творения. Бог дал им три благословения: плодиться и размножаться, наполнять Землю и обладать ею. Если бы первые люди выполнили данный им Богом наказ, они бы создали Царство Небесное на земле, гармонически охватывающее все элементы творения. Однако — этого не случилось вследствие грехопадения.

Мун учил, что человек пал, вступив в недозволенные сексуальные отношения с отпавшим от Бога ангелом по имени Сатана, который символически назван в Библии «змием». Когда в Книге Бытия говорится, что Ева вкусила плода от дерева познания добра и зла, то подразумевается, что в своих отношениях с Сатаной она познала его любовь, в результате чего их стали связывать кровные узы. При этом произошло духовное грехопадение, а когда в сексуальные отношения вступили Адам и Ева, произошло физическое грехопадение (здесь грех состоял в том, что соединение произошло слишком рано, когда ни Адам, ни Ева еще не были готовы к рождению совершенного потомства). Из-за грехопадения человек перестал быть божьим храмом, а стал обиталищем Сатаны. Имея в себе злое начало, люди дали жизнь детям зла и создали семьи, общества и мир зла. Наш мир — это ад на земле, в котором до сих пор принуждено жить падшее человечество. (Недаром Иисус говорит иудеям: «Ваш отец дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего».) Подчинив себе человека, созданного для владычества над миром творения, Сатана одновременно подчинил себе и весь этот мир. По этой причине он и назван апостолом Иоанном «князем мира сего», а апостолом Павлом «богом века сего».

Спасти падшего человека — значит вернуть его в изначальное безгрешное состояние.

Грехопадение, считал Мун, стало для Адама и Евы смертью, но не физической (ибо, как свидетельствует Библия, Адам прожил еще 930 лет, рождая сыновей и дочерей), а духовной. (Физически человек и не должен быть бессмертным, так как главное в нем — это его душа, о которой Бог заботится в первую очередь; тело же только временная оболочка — прах.) Духовно мертвыми людьми были все потомки Адама и Евы, попадавшие после физической смерти в ад. Но так не должно быть, ведь из-за греховности человека творение не завершено и Бог не может обрести полной благости и счастья. Поправить последствия падения первых людей — такова была Его всегдашняя цель. Собственно, вся история человечества — это история провидения восстановления, в результате которого должно возникнуть так и не появившееся по вине Адама и Евы Царство Небесное на земле.

Эту цель и провозгласил в начале Своей миссии Иисус Христос — идеальный человек, рожденный при посредстве Бога. (В своих христологических взглядах Мун исходил из того, что Иисус был только совершенным человеком, но ни в коей мере не являлся Богом; Бог соотносился с Ним как ум с телом; Иисус ничем не отличался от людей, но не имел в Себе первородного греха; посмертное Воскресение Его являлось чисто духовным, а не телесным.) Но достиг ли Христос Своей цели? Очевидные реалии нашей жизни, говорил Мун, свидетельствуют, что не достиг. Царство Небесное на земле по сей день не построено. Продолжается власть первородного греха. Значит, спасение через Распятие не было достигнуто, окончательное восстановление изначальной природы не произошло. В самом деле, Иисус должен был принести спасение как человеческому духу, так и человеческому телу. Если бы падшие люди поверили в Него и стали едины с Христом как духом, так и телом, они обрели бы и духовное и физическое спасение. Но Иисус был распят, тело Его подверглось нападению Сатаны. Поэтому верующие в Христа обрели одно только духовное, но не физическое спасение.

Недаром в Послании к римлянам Павел сетует: «Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего, делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих… Итак, тот же самый я умом (моим) служу закону Божию, а плотию — закону греха». В этих словах Мун видел выражение радости обретения духовного спасения и плач по неосуществленному физическому спасению.

Распятие Христа ни в коей мере не было волей Бога и произошло из-за неверия людей. Согласно предсказаниям пророков, Иисус должен был взойти на трон Давида и создать Царство, которому не будет конца.

О том же свидетельствует Новый Завет. Ангел, явившийся Марии во время Благовестия, говорит: «И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя Иисус; Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и царству Его не будет конца».

Царство Небесное, о котором неоднократно говорит в своих проповедях Иисус, по словам Муна, есть некая область духовного мира, где

пребывают идеальные, божественные духи. Если бы Иисус полностью осуществил цель Своего прихода как Мессии, то еще при Его жизни должно было возникнуть Царство Небесное на земле. И когда совершенные люди из Царства Небесного на земле пришли бы после смерти в духовный мир божественных духов, должно было возникнуть Царство Небесное на небе. Однако Иисуса распяли, и Царство Небесное на земле не возникло. Мир так и не увидел появления людей, достигших уровня божественного духа. И по сей день никто после смерти не попал в Царство Небесное, оно остается необитаемым, а его создание незавершенным.

Не случайно, уже будучи распятым, Иисус обещает уверовавшему в Него разбойнику не Царство Небесное, а только рай. Раем Мун называл ту область духовного мира, где ныне находятся души уверовавших в Иисуса людей, еще при жизни на земле достигшие уровня духовной жизни. Там они пребывают в ожидании, когда откроются врата, ведущие в Царство Небесное.

Но чего же не успел сделать Иисус? Мун учил, что Тот пришел как второй Адам, истинный отец всего человечества. Значит, должна была появиться и истинная мать человечества — вторая Ева. Миссия Христа состояла в том, чтобы вступить в брак с идеальной женщиной и произвести на свет совершенных, очищенных от греха детей.

Этого не произошло по вине иудеев, и Христос в конце концов смог обрести только духовную невесту — Св. Духа. Воскресший Христос и Св. Дух — духовные родители человечества, составляющие с Богом Отцом духовную Троицу. Через Их взаимную любовь происходит духовное рождение всех истинно верующих. Но этого, к сожалению, недостаточно для полного восстановления человека. Развитие, как и воскрешение духовного Я, возможно только через физическое тело. Поэтому духи тех людей, которые отошли в мир иной, не достигнув совершенства в течение жизни на земле, во время Второго пришествия вновь получат тела, чтобы, вернувшись на землю, исполнить до конца свое предназначение. Что касается ныне живущих, то исправление их физической природы возложено на плечи Муна — божьего избранника (и, возможно, даже нового мессии). В высшем понимании Мун есть как бы отец всего человечества. Он — третий, последний Адам, которому предназначено если и не построить Царство Небесное на Земле, то, по крайней мере, положить ему основание. Таково в кратких словах учение Божественного Принципа.

Для исполнения своего предназначения Мун должен был жениться. Поэтому вскоре по приезде в Пхеньяне он вступил во второй брак с некой мадам Ким, при том что первый его брак остался не расторгнутым. Это обстоятельство послужило одной из причин его преследования. В феврале 1948 г. он был арестован коммунистическими властями, которые обвинили Муна в супружеской неверности и разврате. Другие статьи обвинения гласили, что, овладев умами и душами своих прихожан, он принуждал их к крупным пожертвованиям и к нарушению общественного порядка.

История этого ареста по сей день хранит в себе много неясного. Конечно, позже последователи преподобного Муна писали, что обвинения против него были не более чем удобным предлогом, прикрывающим факт преследования за религиозные убеждения.

Тем не менее, полностью обелить своего учителя им не удалось. «Один из элементов теологии Муна, — свидетельствовал проповедовавший с ним по соседству пастор Джон Ким, — состоял в том, что обращенные им женщины могут окончательно очиститься, лишь побывав в его постели». Нельзя отрицать, что «теология Муна» действительно дает повод для таких обвинений. Правда, Уон-Пил Ким, один из ближайших учеников и последователей Муна, в своих записках объявляет подобные «домыслы» чистым недоразумением. Однако и он не смог уйти в своем рассказе от темы секса. По его словам, многие прихожанки после проповедей преподобного Муна отказывали своим мужьям в любовных отношениях. Это будто бы и стало причиной сильной ненависти последних к Муну, в результате чего возникали различные неприятные эксцессы, действительно нарушавшие общественный порядок. Возможно, так оно и было, но подозрения, что на ранних этапах своей проповеднической деятельности Мун практиковал ритуальный секс, остались по сей день. По крайней мере суд нашел выдвинутые против него обвинения основательными и приговорил Муна к пяти годам тюремного заключения.

Отбывать срок Муну пришлось в концлагере в Хыннаме. Поблизости находились целые горы сульфата аммония, оставшиеся после японцев. Заключенные засыпали удобрения в мешки и грузили их в вагоны. Мешок весил 40 кг, а дневная норма на человека составляла 130 мешков. Работа была тупой и изматывающей. Между тем каждый заключенный получал в день всего три горсточки риса. От недоедания, а также от постоянного контакта с ядовитым удобрением они через год-полтора превращались в живые скелеты. Любое нарушение или невыполнение нормы наказывалось урезанием порции в два раза. Заболеть и не выйти на работу означало остаться без еды и подписать себе тем смертный приговор. Постоянно испытывая жестокие муки голода, большинство заключенных не могло думать ни о чем другом, кроме еды. Фактически люди за несколько месяцев превращались в Хыннаме в скотов, готовых ради пищи на что угодно.

Остаться человеком в этом аду и сохранить достоинство было нелегким делом. В одном из своих выступлений, много позже, Мун рассказывал, как ему это удалось.

Первым делом он постарался побороть в себе страх голода. В течение трех месяцев он съедал только половину своей порции, приучая себя смотреть на другую половину как на дар Бога. Когда установленный им срок прошел, Мун разрешил себе съедать весь рис и таким образом притупил чувство голода. Другая опасность таилась в самом характере работы. Большинство заключенных относилось к ней как к надсадной и непосильной. Они вставали утром с мрачным настроением, исполняли свою норму без всякой радости, вечером с трудом добирались до нар и проваливались в тяжелый сон. Впереди они видели лишь бесконечную вереницу таких же безрадостных трудных дней. Единственной светлой минутой для них было время кормежки, но именно потому, что они так страстно желали ее, она проходила слишком быстро. Эта унылая беспросветность, это постоянное угнетение духа были очень пагубны для здоровья.

Осознав это, Мун поставил перед собой задачу — работать с такой самоотдачей, как будто эта работа поручена ему самим Богом. После того как ему удалось соединить в своем сознании выполнение нормы со служением Богу, работа стала доставлять ему удовольствие. Он трудился с таким воодушевлением, что практически сохранил свои силы, несмотря на большую потерю в весе. Все порученные ему задания Мун исполнял с прилежанием, на совесть, и никогда не нарушал тюремных законов. Он был настолько примерным заключенным, что даже фанатичные коммунисты-тюремщики в конце концов стали его уважать. Так, находясь в неволе, Мун благодаря большой силе духа сумел сохранить внутреннюю свободу и не сломаться.

Из положенного ему срока он отсидел немногим больше полутора лет. Вскоре между Северной и Южной Кореей началась ожесточенная война. Выступавшие на стороне южан американские войска во второй половине 1950 г. овладели Хыннамом и освободили всех заключенных. Мун вернулся в Пхеньян, но через несколько месяцев положение на фронте изменилось. В Корею вошли отряды китайских добровольцев, наступление южнокорейских войск захлебнулось. Вскоре началось их отступление. Вместе с толпами беженцев Мун покинул Пхеньян. Тяжелый путь на юг он проделал в сопровождении двух членов его прежней общины. Чон-Фа Паком и Уон-Пил Кимом. У Пака была сломана нога. Ким и Мун везли его на велосипеде. Стоял уже декабрь месяц, постоянно шли холодные дожди и снег. Если дорога не позволяла ехать, Мун взваливал Пака на спину и подолгу нес на себе. (Ким тащил велосипед.) Часть пути проходила вдоль гор. В одном месте, в Инчоне, надо было переправляться на остров Ен-мэ через пролив шириной 5 км (перейти его вброд можно было только во время отлива). Но когда беглецы добрались до острова, оказалось, что последний паром ушел и свободных лодок не осталось. Муну с Паком на спине пришлось вернуться обратно и пройти со своей тяжелой ношей по пояс в ледяной воде еще 5 км. Позже он говорил, что это испытание было ниспослано ему Богом. «Если бы мне не удалось перенести господина Пака на остров, — объяснил он, — я не справился бы с ответственностью за восстановление Вселенной».

В январе 1951 г. едва живые от усталости беглецы добрались до Пусана. Город был наводнен беженцами. Невозможно было найти ни жилья, ни работы. Муну и Киму удалось снять крошечную комнату, где с трудом, тесно прижавшись друг к другу, могли спать три человека. Преданный Ким стал зарабатывать рисованием портретов и таким образом некоторое время содержал Муна. Весной тот также сумел устроиться докером в порт. Если не считать месяцев, проведенных в Хыннаме, этот был самый трудный период в жизни Муна. Чтобы сэкономить на жилье, учитель и ученик построили на одном из холмов за городом небольшую хижину из коробок от армейского провианта и прожили в ней почти два года. В свободное время Мун продолжал проповедовать свое учение, однако, без особого успеха.

Положение стало поправляться только в 1953 г., когда Мун перебрался в Сеул и завел знакомства с представителями столичной интеллигенции. Здесь его дела пошли намного лучше, и круг последователей стал быстро расти. В мае 1954 г. община была официально

зарегистрирована под названием Ассоциация Святого Духа за Объединение Мирового Христианства (в просторечии — «Церковь Унификации», или просто «Церковь Муна»). В начале 1955 г. к Муну примкнули шесть профессоров и 15 студентов сеульского университета Эвха — одного из главных оплотов корейского протестантизма. Этот случай произвел настоящую сенсацию в обществе, о нем писали многие сеульские газеты. Тогда впервые имя Муна стало широко известно. За этим скандалом последовал другой — в июле 1955 г Мун был арестован южнокорейскими властями и оказались в тюрьме. Однако, ни одно обвинение, выдвинутое против него (в их числе называют аморальное поведение, уклонение от военной службы, «незаконное удержание лиц»), не было поддержано судом. В октябре его оправдали и отпустили на свободу.

В 1957 г. произошло новое важное событие — вышел в свет первый вариант вероучения Муна — «Объяснение Божественного Принципа». (Более полная редакция появилась в 1966 г., когда вышло «Изложение Божественного Принципа».) Работа была исполнена Хе Ван Ю на основе заметок и набросков самого Муна. Таким образом, сложилась концепция нового вероучения, действующая поныне. Человеческая история, считают муниты, прошла два периода: «век Ветхого Завета» (от Адама до Христа) и «век Нового Завета» (от Христа до Муна). Третий период — «Завершенного Завета» (то есть «Божественного Принципа»), начался в 1960 г., когда Мун вступил в четвертый брак, женившись на Хан Пак Я — дочери своей прежней домработницы.

Итогом переживаемой сейчас эпохи должно стать построение Царства Небесного на земле, Второе пришествие и конец человеческой истории. Спастись во время Страшного суда смогут лишь те люди, которые преодолели в себе как духовные, так и физические последствия грехопадения. В духовном плане это происходит принятием христианства, в физическом — искоренением в себе «сатанинского начала».

Последнее доступно только тем, кто ведут свое происхождение от «безгрешных родителей» — Муна (третьего Адама) и его жены (третьей Евы).

Через приобщение к их семье должно возродиться остальное человечество. Все муниты считаются детьми Муна и его жены. Их «усыновление» и «удочерение» происходит через специальную церемонию. Во время нее вновь обращенные пьют коктейль, одним из компонентов которого служит кровь Муна и его жены. Так происходит очищение их собственной крови. Поскольку целью и образцом Церкви Унификации служит обращенная к Богу семья, преклоняющаяся перед Муном и его женой, одной из важнейших составляющих деятельности мунитов с 1960-х гг. стали массовые бракосочетания. Первая подобная брачная церемония произошла в Сеуле в 1960 г. (Тогда в первый раз в коктейль новобрачных и были подмешаны капли крови безгрешных Мунов.) С первых лет существования своей церкви Мун столкнулся с острой враждебностью других протестантских церквей (многие из них вообще не считают Церковь Унификации христианской). Но это не помешало успешному распространению его вероучения. В конце 1959 г в Южной Корее действовало уже 30 центров Церкви Унификации. Тогда же началась

широкая миссионерская деятельность в США и Японии. По мере роста числа последователей (среди которых многие были состоятельными людьми) материальное положение церкви значительно улучшилось.

Пора бедности для Муна миновала навсегда. Впрочем, одних только пожертвований для достижения грандиозной цели обновления мира под началом его религии оказалось явно недостаточным. Мун хорошо понимал, что его дело потребует особой экономической базы и инфраструктуры. И он приступил в конце 1950-х гг. к их созданию, проявив на этом поприще незаурядные организаторские и предпринимательские таланты. В 1959 г. он основал в Южной Корее свое первое коммерческое предприятие «Яхве Шотган» — небольшую фабрику по производству пневматических ружей. Она стала первенцем корпорации «Тон Иль». Когда началась вьетнамская война, завод Муна наладил успешное производство американских винтовок М-16, а потом и пулеметов «Вулкан». Торговля оружием принесла большие доходы. Однако Мун не стал замыкаться в этой сфере. В 1966 г. появилось предприятие по изготовлению деталей для автомобилей. В следующие годы «Тон Иль» приобрела станкостроительный завод и заводы по производству автомобильных литых и кованных деталей. Масштабы ее деятельности постоянно расширялись. Только в период с 1972 по 1975 г. «Тон Иль» в десять раз увеличила свой годовой оборот, а с 1975 по 1985 г. еще в 100 раз. Теперь это одна из крупнейших в мире транснациональных корпораций. Филиалы фирмы функционируют практически во всех странах Азии, в США, Японии, Канаде, Австралии, Великобритании, Франции, Италии, Египте, Аргентине. В настоящий момент в империю Муна входит порядка 20 крупных, оснащенных по последнему слову техники заводов. Помимо оружия и автомобильных деталей они производят станки с цифровым и электронным управлением, компьютеры и другую продукцию. Мун владеет фармацевтическими предприятиями, большой рыболовной флотилией, судостроительными верфями, рыбозаводами, а также развивает гостиничный бизнес во многих странах мира. «Тон Иль» принадлежит несколько газет, и в их числе такая крупная американская газета, как «Вашингтон Тайме».

Так что Церковь Унификации представляет собой богатейшую финансовую империю. Это позволяет ей вкладывать огромные средства в образование и заниматься благотворительностью, особенно в развивающихся и неблагополучных странах (например, в России), укрепляя тем самым свое влияние.

В 1973 г. пророк перебрался в США. В то время Церковь Унификации, несмотря на более чем десятилетнюю миссионерскую деятельность, имела здесь совсем немного приверженцев. Приступив к завоеванию Америки, Мун разбил страну на десять зон во главе со своими штабами. Со всего мира для ведения миссионерской работы в США съехались около тысячи мунитов. Сам Мун также трудился не покладая рук и в 1973–1974 гг. провел три громогласных турне, побывав со своими проповедями во всех американских штатах. Значительно увеличив здесь число своих последователей, он в конце 1970-х гг. укрепился в Латинской Америке, а с середины 1980-х гг. переместил центр миссионерской деятельности в Европу. Сейчас у Муна здесь также много почитателей.

Хотя утверждение мунизма на Западе проходит все же не без проблем. Уже не раз Церковь Унификации подвергалась в различных странах судебным преследованиям. В 1984 г. за сокрытие доходов и неуплату налогов Мун был арестован и провел 13 месяцев в американской тюрьме.

Ярый антикоммунист, Мун потратил десятки миллионов долларов на борьбу с социалистической системой (в его учении коммунизм прямо связывается с Сатаной) и приложил немало усилий для ее развала. В апреле 1989 г. Мун посетил Москву и был принят на самом высшем уровне — тогдашним президентом СССР М. С. Горбачевым. С тех пор Церковь Унификации прочно обосновалась в России. С начала 1990-х гг. основной упор муниты делают на пропаганде здоровой семейной жизни. Продолжается организация массовых брачных церемоний, принимающих все более грандиозный характер. Так, 25 августа 1995 г. по мунискому ритуалу одновременно во всем мире заключили брачный союз 360 тысяч пар.

Правда, враги Муна выражают сомнение, что назначенная цифра действительно была достигнута. К примеру, в Южной Корее, где влияние Муна наиболее сильно, в брак тогда вступило не более 20 тысяч пар.

В 1997 г. Церковь Унификации даже сменила свое название и стала официально именоваться «Всемирной ассоциацией семей за мир во всем мире и объединение».

Считается, что церковь Муна имеет сейчас 2 миллиона последователей. Однако активных членов гораздо меньше. Большинство мунитов проживает в Японии и Южной Корее.

В последней, по некоторым сведениям, муниты на сегодняшний день вообще составляют самую крупную христианскую общину.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
Патриарх Никон и протопоп Аввакум Петров

Патриарх Никон, один из самых известных и могучих деятелей русской церкви, родился в мае 1605 г. в селе Вельеманове близ Нижнего Новгорода в семье крестьянина Мины и был наречен при крещении Никитою. Мать его вскоре умерла, и отец женился во второй раз. Злонравная мачеха превратила жизнь мальчика в настоящий ад морила его голодом, колотила почем зря и несколько раз даже пыталась извести его. Когда Никита подрос, отец отдал его учиться грамоте. Выучившись читать, тот захотел изведать всю мудрость божественного писания, которое, по тогдашнему строю понятий, было важнейшим предметом, привлекавшим любознательную натуру. Он удалился в монастырь Макария Желтоводского, нашел какого-то ученого старца и прилежно занялся чтением священных книг. Вскоре один за другим умерли его мачеха, отец и бабка. Оставшись единственным хозяином в доме, Никита женился, но его неудержимо влекли к себе церковь и богослужение. Будучи человеком грамотным и начитанным, он начал искать себе места и вскоре был посвящен в приходские священники одного села. Ему тогда было не более 20 лет от роду. От жены он имел троих детей, но все они умерли один за другим еще в малолетстве. Это обстоятельство сильно потрясло

впечатлительного Никиту. Он принял смерть детей за небесное указание, повелевающее ему отрешиться от мира, и решил удалиться в монастырь. Жену он уговорил принять постриг в московском Алексеевском монастыре, дал за нею вклад, оставил ей денег на содержание, а сам ушел на Белое море и постригся в Анзерском ските под именем Никона. Произошло это в 1635 г.

Житие в ските было трудное. Братия, которой насчитывалось не более двенадцати человек, жила в отдельных избах, раскинутых по острову, и только по субботам вечером сходилась в церковь. Богослужение продолжалось целую ночь; сидя в церкви, монахи выслушивали весь псалтырь; с наступлением дня совершалась литургия, потом все расходились по своим избам. Над всеми был начальный старец по имени Елеазар.

Некоторое время Никон покорно подчинялся ему, но потом между ними начались ссоры и несогласия. Тогда Никон перебрался в Кожеозерскую пустынь, находившуюся на островах Кожеозера, и по бедности отдал в монастырь, — туда не принимали без вклада, — свои последние богослужебные книги. Никон не любил жить с братиею, а предпочитал свободное уединение. Он поселился на особом острове и занимался там рыбной ловлей. Спустя немного времени тамошние монахи избрали его своим игуменом.

На третий год после своего поставления, именно в 1646 г, Никон отправился по делам в Москву и здесь явился с поклоном к молодому царю Алексею Михайловичу, как вообще в то время являлись с поклонами к царям настоятели всех монастырей.

Алексею до такой степени понравился кожеозерский игумен, что он велел ему остаться в Москве, и, по царскому желанию, патриарх Иосиф посвятил его в сан архимандрита Новоспасского монастыря. Здесь находилась родовая усыпальница Романовых; набожный царь часто приезжал молиться за упокой своих предков и делал в монастырь щедрые вклады. Во время каждой из таких поездок Алексей подолгу беседовал с Никоном и чувствовал к нему все большее расположение. Известно, что Алексей Михайлович принадлежал к разряду таких сердечных людей, которые не могут жить без дружбы, и легко привязывался к людям. Он велел Никону каждую пятницу ездить к нему во дворец. Беседы с архимандритом западали ему в душу. Никон, пользуясь хорошим отношением государя, стал просить его за утесненных и за обиженных. Алексей Михайлович дал ему поручение принимать просьбы от всех тех, которые искали царского милосердия и управы на нечестных судей. Никон отнесся к этому поручению очень серьезно, с большим тщанием исследовал все жалобы и вскоре приобрел славу Доброго защитника и всеобщую любовь в Москве.

В 1648 г. скончался новгородский митрополит Афанасий. Царь, избирая ему преемника, всем другим предпочел своего любимца, и бывший тогда в Москве иерусалимский патриарх Паисий по царскому желанию рукоположил Новоспасского архимандрита в сан новгородского митрополита. Это место было вторым по значению в русской иерархии после патриаршества. Сделавшись новгородским владыкою, Никон впервые показал свой суровый властолюбивый нрав. Тогда же он сделал

первые шаги к исправлению богослужения, поскольку в то время оно отправлялось на Руси нелепо: духовные, боясь пропустить что-нибудь из установленного ритуала, для скорости разом читали и пели в два-три голоса (этот порядок получил название «многоголосия»): дьячок читал, дьякон говорил ектению, а священник возгласы, так что слушающим ничего нельзя было понять. Многие, впрочем, к этому и не стремились. Пишут, что молящиеся в те годы зачастую держали себя в церкви как на базаре: стояли в шапках, громко разговаривали и сквернословили. Понимание богослужения как своего рода мистического общения человеческой души с Богом было чуждо не только большинству мирян, но и многим духовным. Новый митрополит велел прекратить эти обычаи и повел упорную борьбу с многоголосием, невзирая на то, что его распоряжения не понравилось ни духовным, ни мирянам. Для придания службе большего благочиния Никон заимствовал киевское пение. Каждую зиму он приезжал в Москву со своими певчими, от которых царь был в восторге. В 1650 г. во время новгородского бунта горожане показали сильную нелюбовь к своему митрополиту: когда он вышел уговаривать мятежников, его принялись бить и кидать в него камнями, так что едва не забили до смерти. Никон, однако, просил царя не гневаться на виновных.

В 1652 г., после смерти патриарха Иосифа, духовный собор в угоду царю избрал Никона на его место. Он упорно отказывался от этой чести до тех пор, пока сам царь в Успенском соборе на виду бояр и народа не поклонился Никону в ноги и не умолил его со слезами принять патриарший сан. Но и тогда он посчитал нужным обговорить свое согласие особым условием. «Будут ли меня почитать как архипастыря и отца верховного и дадут ли мне устроить церковь?» — спросил Никон.

Царь, а за ним власти духовные и бояре поклялись в этом. Только после этого Никон согласился принять сан. Просьба Никона не была пустой формальностью. Он занял патриарший престол, имея в голове сложившуюся систему взглядов на церковь и государство и с твердым намерением придать русскому православию новое, невиданное прежде значение. Вопреки явно обозначившейся с середины XVII в. тенденции к расширению прерогатив государственной власти за счет церковной (что должно было в конце концов привести к поглощению церкви государством), Никон являлся горячим проповедником симфонии властей. В его представлении светская и духовная сферы жизни должны были сохранять полную самостоятельность. Патриарх в религиозных и церковных вопросах, по его мнению, был таким же неограниченным властителем, как царь в мирских. В предисловии к Служебнику 1655 г. Никон писал, что Россия получила от Бога «два великих дара» — царя и патриарха, которыми все строится как в церкви, так и в государстве. Впрочем, и на светскую власть он смотрел через призму духовной, отводя ей только второе место. Архиерейство он сравнивал с солнцем, а царство — с месяцем и пояснял это тем, что церковная власть светит душам, а царская — телу. Царь, по его понятиям, был призван от Бога удержать царство от грядущего антихриста и для этого ему надлежало снискать Божию благодать. Никон, как патриарх, должен был стать учителем и наставником царя, ибо, по его мысли, государство не могло пребывать без высших, регулирующих его деятельность церковных идей.

Вследствие всех этих соображений Никон без малейшего смущения, как должное, принял огромную власть, которую Алексей Михайлович охотно предоставил ему в первые годы его патриаршества. Сила и влияние Никона в это время были огромны.

Отправляясь в 1654 г. на войну в Малороссию, Алексей Михайлович доверил патриарху свою семью, свою столицу и поручил ему наблюдение за правосудием и ходом дел в приказах. Во время двухлетнего отсутствия царя Никон, официально принявший титул великого государя, единолично управлял всеми государственными делами, причем знатнейшие бояре, ведавшие различными приказами, должны были ежедневно являться к нему с докладами. Нередко Никон заставлял бояр долго ждать приема на крыльце, даже если в это время был сильный холод, и затем, допустив к себе, требовал докладывать стоя, сделать ему земной поклон. Все боялись патриарха — ничего важного не предпринималось без его совета и благословения.

В церковных делах Никон явил себя таким же неограниченным властителем, как в государственных. В соответствии со своими представлениями о значении церкви в жизни общества, патриарх принимал строгие меры для укрепления дисциплины духовенства. Он всерьез хотел сделать из Москвы религиозную столицу, подлинный Третий Рим для всех православных народов. Но чтобы русская церковь отвечала своему назначению, она должна была стать просвещенной. Никон заботился о повышении культурного уровня духовенства: завел библиотеку с сочинениями греческих и римских классиков, устраивал типографии, выписывал киевских ученых для перевода книг, учреждал школы иконописи и образовательные и наряду с этим заботился о благолепии богослужения. Вместе с тем он стремился привести русскую церковную службу в полное соответствие с греческой, уничтожив все обрядовые отличия первой от второй. Это была застарелая проблема — о ней уже несколько десятилетий вели разговоры, но никак не могли приступить к ее разрешению. Дело на самом деле было очень сложным. Испокон веков русские православные пребывали в полной уверенности, что сохраняют христианское богослужение в полной и первозданной чистоте точно таким, каким оно было установлено отцами церкви.

Однако восточные иерархи, все чаще наезжавшие в Москву в XVII в., стали укоризненно указывать русским церковным пастырям на многочисленные отклонения русского богослужения от греческого как на недопустимые, могущие расстроить согласие между поместными православными церквами. В русских богослужебных книгах они замечали многочисленные разночтения с греческими. Отсюда возникала мысль о вкравшихся в эти книги ошибках и о необходимости найти и узаконить единообразный правильный текст.

В 1653 г. Никон собрал с этой целью духовный собор русских иерархов, архимандритов, игуменов и протопопов. Царь со своими боярами присутствовал на его заседаниях. Обратившись к собравшимся, Никон прежде всего привел грамоты вселенских патриархов на учреждение московского патриаршества (как известно, это произошло при царе Федоре Ивановиче в самом конце XVI в). Патриархи указывали в этих грамотах на

некоторые отклонения в русском богослужении от тех норм, что установились в Греции и других восточных православных странах. После этого Никон сказал: «Надлежит нам исправить как можно лучше все нововведения в церковных чинах, расходящиеся с древними славянскими книгами. Я прошу решения, как поступать: последовать ли новым московским печатным книгам, в которых от неискусных переводчиков и переписчиков находятся разные несходства и несогласия с древними греческими и славянскими списками, а прямее сказать, ошибки, — или же руководствоваться древним, греческим и славянским текстом, так как они оба представляют один и тот же чин и устав?» На этот вопрос собор дал ответ: «Достойно и праведно исправлять, сообразно старым харатейным и греческим спискам».

Никон поручил исправление книг киевскому монаху-книжнику Епифанию Славицкому и греку Арсению. Всем монастырям было дано указание собирать старые харатейные списки и присылать их в Москву. Отправленный патриархом в Грецию Арсений Суханов привез с Афона пятьсот рукописей, в том числе и очень древние. Вскоре собрали новый собор, на котором было постановлено, что отныне следует креститься тремя, а не двумя перстами. А тем, кто будет креститься двумя перстами, пригрозили проклятием. Это решение привело в смущение многих священников. Особое неудовольствие вызвало оно в кружке «ревнителей благочестия», который сложился в Москве еще до патриаршества Никона. Возглавляли его царский постельничий боярин Федор Ртищев, царский духовник Стефан Вонифатьев и протопоп Казанского собора Иван Неронов. Затем все большее значение стал играть в нем протопоп Аввакум Петров.

* * *

Аввакум родился в 1621 г. в селе Григорово Нижегородского уезда в семье попа.

Отец его сильно пил и умер, когда мальчику едва исполнилось 15 лет. Мать Аввакума, Мария, была, как он сам о ней пишет, «молитвенница и постница». Во многом под ее влиянием Аввакум пристрастился к чтению духовных книг и приобрел в этой области глубокие познания. Он вообще был юноша очень способный — имел дар слова и исключительную память. Его церковная карьера (к которой он был предназначен во многом уже своим рождением в семье священника) развивалась успешно. В 21 год Аввакума рукоположили в дьяконы, в 23 года избрали попом, а в 31 год — протопопом (старое название протоиерея). Повсюду, где довелось служить Аввакуму (вначале это было село Лопащи, а потом город Юрьевец-Повольский), молодой священник требовал от паствы безусловного благочестия и боролся с многоголосием.

Он смело уличал в мздоимстве местных «начальников», унимал от «блудни» баб и налагал на провинившихся прихожан строгие наказания. Возмущенные его непомерной строгостью жители Лопащи несколько раз избивала Аввакума батожьем прямо посреди улицы, а юрьевцы изгнали его из своего города.

Лишившись своего прихода, Аввакум в 1651 г. перебрался в Москву и стал помощником Неронова — заменял его во время отлучек, читал народу священные книги и поучения и вскоре приобрел известность как замечательный проповедник Неронов ввел приезжего протопопа в кружок «ревнителей благочестия», а потом представил его царю Алексею Михайловичу. Вместе со своими друзьями Аввакум поддержал возведение Никона на патриарший престол. От нового патриарха «ревнители» ожидали восстановления древнего порядка в богослужении. Отчасти их ожидания оправдались.

Но затем никоновские реформы приняли такой оборот, какой эти поборники русской старины никак не могли одобрить. В феврале 1653 г. патриарх велел московским попам креститься тремя перстами, а земные поклоны во время службы заменить поясными. Иван Неронов отказался подчиниться этому указу, за что в августе его лишили сана и сослали в Спасо-Каменный Вологодский монастырь. Аввакум сопровождал несчастного часть пути, тепло простился с ним, а по возвращении в Москву прочел на паперти для прихожан собственное «поучение», в котором (по свидетельству доносчика Ивана Данилова) «.. лишние слова говорил, что и не подобает говорить».

Реакция последовала незамедлительно — Аввакума также взяли под стражу и посадили на цепь в Андроньевом монастыре. Архимандрит с братиею пытались выговаривать ему за непокорство. В ответ Аввакум обвинил патриарха в ереси и отлучил его «от писания». Через несколько месяцев по царскому указу его вместе с женой и детьми «за ево много безчинство» сослали в далекий Тобольск.

Тамошний архиепископ Симеон встретил Аввакума с сочувствием и дал ему приход. По своему обыкновению протопоп зорко следил за нравственностью и правоверием своей паствы. Его благочестие вскоре принесло ему известность. Не только горожане, но и жители окрестных сел приходили к нему за поучением и советом в вопросах веры.

Но, с другой стороны, из-за резких проповедей и непримиримого характера Аввакум нажил много врагов. На протопопа пошли жалобы. Наконец слухи о его энергичных выступлениях против реформы дошли до Никона. Из Москвы был прислан указ — ехать Аввакуму дальше в ссылку на Лену. Всего он провел в Тобольске около полутора лет. В 1655 г. Петровы добрались до Енисейска, где их застал другой указ — следовать Аввакуму в качестве полкового священника на восток в Даурию с отправлявшимся туда под начальством воеводы Афанасия Пашкова отрядом и быть там Аввакуму полковым священником. Во время этого похода Аввакуму и его семье пришлось пережить много страданий. Пашков оказался невежественным, грубым и жестоким самодуром. Казни, плети, кнуты и пытки служили у него обыкновенными средствами поддержания дисциплины среди подчиненных. Аввакум попытался внушениями обуздать его жестокость, за что был нещадно бит кнутом. Впрочем, сломить этим

истязанием волю мятежного протопопа Пашкову не удалось. Не помогло и другое, более строгое наказание — осенью 1656 г. он на шесть недель посадил Аввакума в Братский острог (все это время протопоп провел в «студеной башне», где, как он писал, «коли покормят, коли нет»). Из заточения он вышел таким же неуступчивым, каким был прежде. Пашкову пришлось смириться с его непокорностью, но он не переставал истязать Аввакума.

Путь в Даурию был очень тяжелым. Два лета экспедиция брела по берегам рек, а зимами «волочилась за волоки, чрез хрепты». Протопоп Аввакум с двумя сыновьями- подростками тащил нарты, а жена с младенцем и дочь шли пешком. Позже Аввакум писал: «… робята — те изнемогут и на снег повалятся, а мать по кусочку пряничка им даст, и оне, съедши, опять лямку потянут». Переправившись через Байкал, отряд двинулся вверх по Хилке. Продовольствие кончилось. Казаки терпели жестокий голод. Семья протопопа питалась травами и сосновой корой, ела павших лошадей и найденные по дороге трупы животных, зарезанных волками. Два его маленьких сына, не вынеся трудностей, умерли. Но сам Аввакум стойко переносил лишения и старался облегчить страдания другим несчастным. В дороге к нему приводили многих больных и убогих. Он же «по обычаю сам постился и им не давал есть, молебствовл и маслом мазал». Некоторые больные получили выздоровление, особенно те, кто мучились «от бесов». Тяжелейшая экспедиция продолжалась пять лет. Только в 1661 г. из Москвы пришел указ, разрешавший Аввакуму возвратиться в столицу.

* * *

Первая ссылка Аввакума совпала с годами наивысшего могущества Никона. Задавив оппозицию, он продолжил свои реформы. Вскоре появился Служебник с исправленным текстом, тщательно сверенный с греческим. В апреле 1656 г. специально созванный собор утвердил все внесенные в него изменения. Но когда новые богослужебные книги вместе со строгим приказом креститься тремя перстами дошли до местных священников, поднялся всеобщий ропот. Оказалось, что все богослужебные чины стали короче, причем были выброшены многие песнопения и формулы, которым придавался особенный магический смысл. Литургия вся была переделана, хождение на крестных ходах установлено против солнца. Имя Исус исправлено в Иисус. Подвергся правке даже текст символа веры. По понятиям того времени подобные перемены не могли казаться пустым делом. Многие рядовые монахи и попы пришли к убеждению, что прежнюю православную веру пытаются заменить другой. Присланные из Москвы книги отказывались принимать и служили по старым. Соловецкий монастырь одним из первых воспротивился

нововведению. Его пример придал воодушевления другим противникам Никона.

Патриарх обрушил на ослушников жестокие репрессии. В ответ со всех сторон к царю пошли жалобы на своеволие и лютость патриарха, его гордыню и своекорыстие. В самом деле, поведение патриарха давало много поводов для нареканий. Он мог, например, потребовать со всех церквей Московского государства 500 голов лошадей и преспокойно разослать их по своим вотчинам; он повысил патриаршую пошлину до такой степени, что один челобитчик написал — «татарским абызам жить гораздо лучше». Помимо этого Никон требовал экстренных взносов на затеянное им строительство Нового Иерусалима и других монастырей. Рассказывали о его высокомерном и жестоком обращении с клириками, приезжавшими в Москву, ему ничего не стоило посадить священника на цепь за какую-нибудь незначительную небрежность в исполнении своих обязанностей, мучить его в тюрьме или сослать куда-нибудь на нищенскую жизнь.

Возле Алексея Михайловича также нашлось много бояр — недругов Никона. Они негодовали на патриарха за то, что он постоянно вмешивался в мирские дела, и твердили в один голос, что царской власти не слыхать, что посланцев патриарших бояться больше, чем царских, что патриарх не довольствуется уже равенством власти с великим государем и стремится превысить ее, вмешивается во все дела, приказы от себя посылает, дела всякие без воли государя из приказов берет, многих людей обижает. Усилия никоновых недоброжелателей не остались тщетными: не ссорясь открыто с Никоном, Алексей Михайлович начал постепенно отдаляться от патриарха. По мягкости характера он долго не решался на прямое объяснение, однако на место прежней дружбы пришли натянутость и холодность.

Летом 1658 г. произошел явный разрыв — царь несколько раз не пригласил патриарха на придворные праздники и сам не присутствовал на его богослужениях. Потом он послал к нему своего спальника князя Ромодановского с повелением, чтоб Никон больше не писался великим государем. Уязвленный этим Никон отрекся от патриаршей кафедры, вероятно, рассчитывая, что кроткий и набожный царь испугается и поспешит примириться с первосвятителем. Отслужив 11 июля литургию в Успенском соборе, он снял с себя мантию и ушел пешком на подворье Воскресенского монастыря. Там он пробыл два дня, быть может, ожидая, что царь позовет его или захочет с ним объясниться, но Алексей хранил молчание. Тогда Никон, будто забыв о патриаршестве, деятельно занялся каменным строительством в Воскресенском монастыре: копал пруды, разводил рыбу, сооружал мельницы, разбивал сады и расчищал леса, во всем показывая пример рабочим и трудясь наравне с ними.

С отъездом Никона в русской церкви наступила смута. Следовало избрать нового патриарха. Но поведение Никона не допускало этого. По прошествии некоторого времени он уже раскаивался в своем поспешном удалении и опять стал предъявлять претензии на патриаршество. «Я оставил святейший престол в Москве своею волею, — говорил он, — московским не зовусь и никогда зваться не буду; но патриаршества я не оставлял, и благодать Св. Духа от меня не отнята». Эти заявления Никона

сильно смутили царя и должны были смутить многих, даже и не врагов Никона: теперь нельзя было приступить к избранию нового патриарха, не решив вопроса, в каком отношении он будет находиться к старому? Для рассмотрения этой проблемы в 1660 г. был созван собор русского духовенства. Большинство архиереев было против Никона и постановило лишить его сана, но меньшинство доказывало, что поместный собор не имеет такой власти над патриархом. Царь Алексей согласился с доводами меньшинства, и Никон сохранил сан. Но это так запутало дело, что оно могло быть разрешено только международным советом.

* * *

Протопоп Аввакум вернулся в Москву в начале 1663 г, когда распря между царем и патриархом достигла апогея. Но теперь он уже не был простым малоизвестным священником — его сопровождал ореол мученичества, дорогой ценой добытый в Тобольске и Даурии и привлекавший к нему внимание даже тех, кто не хотел знаться с ним раньше. Враги Никона встретили Аввакума с великой радостью. Сам царь обрадовался его приезду и принял протопопа очень милостиво. Казалось, настала благоприятная пора для отмены никоновских нововведений.

Аввакум подал Алексею Михайловичу пространную челобитную против еретических новшеств опального патриарха. Царь отвечал ему уклончиво. Обходя молчанием просьбу Аввакума, он постарался склонить его к уступчивости путем льгот и пожалований. Алексей предложил ему сперва место своего духовника, а потом справщика на Печатном дворе. Сулили ему также деньги, и за все это просили только, чтоб он воздержался от своих обличений, по крайней мере до собора, который обсудит реформу. Аввакум поначалу как будто успокоился и в ожидании того времени, когда ему будет поручено исправление богослужебных книг, прекратил публичные выступления.

В Москве он жил в доме своей духовной дочери боярыни Федосьи Морозовой, которая вскоре стала одной из самых ревностных его последовательниц. Однако долго сдерживать себя Аввакум не смог. Его слава проповедника старой веры и мученика за нее сделала его в глазах ревнителей старины предводителем раскола. К нему со всех сторон обращались за советами и разъяснениями в делах веры, у него искали утешения в минуту сомнения и колебания. В своих посланиях и речах Аввакум обвинял Никона и всех, принявших исправленные при нем книги, в ереси. Он писал, что в тех храмах, где служба происходит по исправленным книгам, нет настоящего богослужения, а использующие их священники — не истинные пастыри. Эти проповеди и писания Аввакума имели большой успех среди населения Москвы и многих отторгли от церкви. Московское духовенство стало жаловаться на него царю. Алесей Михайлович и сам

увидел, что примирение с Аввакумом невозможно. В августе 1664 г. он послал ему сказать: «Власти на тебя жалуются церкви-де ты запустошил; поедь в ссылку опять». Местом проживания протопопу сначала назначили Пустозерский острог, но потом наказание смягчили и отправили Аввакума к Белому морю, в городок Мезень.

Здесь он прожил два года, пользуясь некоторыми удобствами и не подвергаясь особым стеснениям.

* * *

В начале 1666 г. в Москве собрался великий собор, на котором присутствовали два греческих патриарха (Александрийский и Антиохийский) и 30 архиереев, русских и греческих, от всех главных церквей православного востока. Именно этот собор окончательно решил и судьбу Никона, и судьбу Аввакума. Дело Никона рассматривалось первым. Суд над ним длился более полугода. Собор сначала ознакомился с делом в его отсутствие. Затем призвали самого патриарха, чтобы выслушать его объяснения и оправдания. Никон долго не хотел являться на судилище, не признавая над собой власти александрийского и антиохийского патриархов, потом, в декабре 1666 г., все же приехал в Москву, но держал себя гордо и непреклонно: вступал в споры с обвинителями и самим царем, который в слезах и волнении жаловался собору на многолетние провинности патриарха. В конце концов архиереи единогласно осудили Никона, лишили его патриаршего сана и священства. Обращенный в простого инока, он был сослан в Ферапонтов монастырь близ Белого озера. Здесь несколько лет Никона содержали с большой строгостью, почти как узника, но в 1671 г. Алексей велел снять стражу и позволил ему жить без всякого стеснения. Тогда Никон отчасти примирился со своей судьбой, начал принимать от царя деньги на содержание и подарки, завел собственное хозяйство, читал книги и лечил больных. С годами он стал постепенно слабеть умом и телом, его начали занимать мелкие дрязги, он ссорился с монахами, постоянно был недоволен, ругался без толку и писал царю доносы. После смерти в 1676 г. Алексея Михайловича положение Никона ухудшилось — его перевели в Кирилло-Белозерский монастырь под надзор двух старцев, которые должны были постоянно жить с ним в кельи и никого к нему не пускать. Только в 1681 г., уже тяжело больного и дряхлого, Никона выпустили из заточения. По дороге в Москву на берегу Которости он умер. Тело его привезли в Воскресенский монастырь и там похоронили. Царь Федор Алексеевич присутствовал при этом.

* * *

Если для Никона собор 1666–1667 гг. был концом всех его деяний, то для вождей раскола он, напротив, стал началом их великого пастырского служения. Правда, некоторые из них отступились от своих убеждений, но другие остались безоговорочно верны им. Когда Аввакума привезли в Москву, церковные власти увещеваниями попытались склонить его к примирению с церковью, однако это не дало никаких результатов. 13 мая Аввакум предстал перед архиереями собора. Но и тут, говоря словами официального акта, он «покаяния и повиновения не принес, а во всем упорствовал, еще же и освященный собор укорял и неправославным называл».

Тогда архиереи постановили лишить его сана — Аввакум был расстрижен и предан проклятию как еретик. 17 июля 1667 г. его вновь доставили на собор, где вселенские патриархи снова долго увещевали его, но не смогли его разубедить.

Наконец, 5 августа Аввакуму предложили три вопроса, ответы на которые должны были окончательно решить его судьбу православна ли русская церковь, православен ли государь Алексей Михайлович и православны ли вселенские патриархи? Аввакум ответил: «Церковь православная, а догматы церковные от Никона еретика, бывшего патриарха, искажены новоизданными книгами… А государь наш Алексей Михайлович православен, но токмо простою своею душою принял от Никона… книги, чая их православны, не рассмотря плевел еретических…» О патриархах он написал, что сомневается в их православии. Когда эти ответы были представлены собору, тот подтвердил свое отлучение и объявил, что осужденного подобает наказать и «градскими казнями». Те не заставили себя ждать: в конце августа Аввакум вместе с другими вождями раскола — монахом Епифанием, попом Лазарем и дьяконом Федором, — был сослан в Пустозерск на реку Печору. Всем ссыльным, кроме Аввакума, вырезали языки и отрубили пальцы на правой руке, чтобы не крестились двоеперстно и не писали. Аввакум избежал этой казни, так как за него заступилась царица Мария Ильинична и сестра царя, Ирина Михайловна. Во всем остальном судьба вождей раскола была общей. В Пустозерске каждый из «соузников» был заключен в отдельной «земляной тюрьме», о которой Аввакум писал «… покой большой и у меня, и у старца (Епифания), где пьем и едим, тут и лайно (кал) испражняем, да складше на лопату, и в окошко! Мне видится и у царя того, Алексея Михайловича, нет такого покоя». «Соузники» общались по ночам, вылезая из темниц через окна. Все они, несмотря на изувеченные руки, стали писателями, продолжая отстаивать свои убеждения.

Несмотря на принятые меры предосторожности, четыре старообрядческих учителя не были так изолированы от массы своих последователей, как бы этого хотелось правительству. Из писаний Аввакума видно, что сами стрельцы, охранявшие подземные тюрьмы,

помогали узникам сноситься с их единомышленниками на свободе.

Письма из Пустозерска пересылались в Мезень, там переписывались и развозились по всей стране стрельцами, юродивыми, монахами. В конце 1660-х и начале 1670-х гг. (до ссылки и смерти боярыни Морозовой) связи пустозерцев с Москвой были настолько прочными, что протопоп посылал целые бочки освященной им воды своим духовным детям, получал от них деньги, одежду, еду и даже малину, до которой был большой охотник. Позднее рукописи прятались в кедровые кресты, которые изготовлял старец Епифаний. В своих посланиях Аввакум писал о том, как еще «до страшного суда» покарает своих главных врагов: «Я еще, даст Бог, прежде суда тово Христова, взявши Никона, разобью ему рыло. Да и глаза-те ему выколупою, да и толкну его взашей». «А царя Алексея велю Христу на суде поставить. Тово мне надобно плетьми медяными попарить». Его вера в правоту своего дела и, быть может, в скорое торжество над своими противниками была безгранична. Нередко в его нравоучениях и советах звучала уверенность ветхозаветных пророков, а не обычное сознание духовником обязанности руководить религиозной жизнью своих детей. «От имени Господни повелеваю тебе», «не я, но тако глаголет Дух Святый», «я небесные таны вещаю, мне дано!» — писал Аввакум с убежденностью, что он отражает волю Господню, а не свое мнение. С такой же уверенностью управлял он и своей паствой, раздавая в своих посланиях советы «старолюбцам».

Исходным пунктом вероучения Аввакума, которое имело потом непререкаемый авторитет в глазах его последователей, послужила реформа Никона, вовлекшая, по его мнению, русскую церковь в ересь. Наиболее мерзким нововведением Аввакум считал замену двоеперстия «печатью антихристовою» — троеперстием. Все никоновские изменения обрядности он понимал как уклонение «в латинство» и восклицал: «Ох, ох, бедная Русь! Чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев?» Современному человеку может показаться странной и фанатичной такая мелочная приверженность обрядам. Однако надо помнить, что строгое благочестие сводилось тогда почти исключительно к обрядовой стороне, поэтому даже малейшее отступление в этой сфере от «святой старины» выглядело в глазах единомышленников Аввакума кощунством и подлинным отречением от православия. Стараясь осознать причину этого чудовищного события — падение православия на Руси, — они находили для него только одно объяснение — скорый приход антихриста, за которым должен был последовать конец света. С этим ощущением связан яростный дух аскетизма первых старообрядцев, переходящий в почти полное отречение от мира. Отрешение от всякого плотского наслаждения и любых внецерковных радостей Аввакум проповедовал во всех его посланиях. Согласно его советам, вся жизнь, как церковная, так и общественная и частная, должна регламентироваться религией.

Однако в ожидании кончины мира руководителям раскола надо было определить возможные отношения с официальной «никонианской» церковью. В этом смысле Аввакум занимал строгую и последовательную позицию. «Не водитесь с никонияны, — писал он в одном из писем, — не водитесь с еретиками; враги они Богу и мучители христианам, кровососы, душегубцы». Он советовал избегать не только мирных и дружеских

сношений с никонианами, но и всяких прений о вере. «Беги от еретика и не говори ему ничего о правоверии, — предписывал он, — токмо плюй на него».

Идеалом для него являлось полное отчуждение от никониан, распространяющееся как на церковную, так и на частную жизнь. Такая строгая изоляция рождала много проблем. Поскольку духовенство в большинстве своем приняло реформу, раскольники оказались без верховных пастырей и не могли получать таинств. Аввакум с товарищами много думал над тем, как помочь этому горю. В конце концов было решено, что младенца, крещеного попом-«новиком» (нового рукоположения, после 1666 г.), можно не перекрещивать, но следовало прочесть над ним дополнительные молитвы. Исповедоваться за неимением священника-старолюбца Аввакум советовал у благочестивых и сведущих в церковных делах мирян. «Исповедайте друг другу согрешения, по Апостолу, и молитеся друг о друге яко исцелите» — добавлял он, давая этим понять, что такая исповедь полностью заменяет исповедь у священника.

Даже причащаться он разрешал у иноков и «простцов», не имевших священства. Впрочем, совершенно обходиться без священников он не считал возможным. Учение его в этом важном пункте оставалось не до конца проясненным и как бы заключало в себе зародыши двух главных толков позднейшего старообрядчества: поповцев и беспоповцев. Аввакум несомненно понимал, что вводит в жизнь своей заочной паствы весьма необычные в православной жизни нравы и обряды, которые, по существу, были гораздо большим отступлением от устава, чем сами «никониянские» новшества, но он советовал их лишь как временное исключение, ввиду «нынешнево огнеопального времени».

Между тем раскол в стране набирал силу Собор 1666–1667 гг. определил жестокие меры наказания для тех, кто упорно придерживался старых порядков. Страх перед возможной казнью, ссылкой в монастырь и лишением всего имущества заставлял людей покидать обжитые места и строить свои «скиты» в труднодоступных лесных районах.

С 1668 г. многие крестьяне, забросив свои поля, стали готовиться ко второму пришествию, делая себе гробы и служа друг над другом заупокойные службы. Исход в скиты приобрел массовый характер, в них строились амбары, поварни и всякие тайники на случай прихода слуг антихриста. Так как не всегда в скиту были попы, религиозный культ оказался здесь до крайности упрощен. Практиковались самосожжения, которые превратились для «старолюбцев» как бы во второе, неосквернённое крещение, дающее мученический венец. У протопопа Аввакума было достаточно авторитета, чтобы осудить и остановить самоубийственные смерти, но он увидел в них доказательство преданности старой вере, стояние против «соблазнов никонианства» и сам деятельно возбуждал на мученичество своих единоверцев. «Само Царство Небесное валится в рот, — писал он, — а ты откладываешь, говоря: дети малы, жена молода, разориться не хочется. «Получив первые известия о самосожжении раскольников, Аввакум всецело одобрил их, величая умерших «самовольными мучениками». «Вечная память им во веки веков! — пишет он в одном из писем. — Добро дело содеяли — надобно так. Рассуждали мы между собой и блажим кончину их» «Добро почитати

сожженных за правоверие отец и братии наших», — восторгается духовным бесстрашием своих единоверцев.

Пустозерские узники готовы были сами в любой момент принять мученическую смерть за веру, но при этом никогда не теряли надежды на освобождение. Однако их ожидания, что после смерти царя Алексея Михайловича никоновские нововведения будут отменены, не оправдались. Узнав о восшествии на престол Алексеева сына Федора, Аввакум в 1676 г. отправил ему письмо с призывом вернуться к старой вере. Послание осталось без ответа. А пять лет спустя, в 1681 г., в Пустозерск пришел указ о казни «соузников» через сожжение. Неизвестно, кто отдал его, но инициатором казни несомненно являлся патриарх Иоаким, бывший в царствование болезненного юноши-царя одним из самых влиятельных придворных и государственных деятелей. Проведенный Иоакимом в 1681–1682 гг. церковный собор создал особый «отдел постановлений» против раскольников, которым запрещалось собираться на молитвы. Царская грамота того же года давала епископату новые, расширенные полномочия по борьбе с расколом. Видимо, в связи с этими постановлениями Аввакум и его пустозерские единомышленники 14 апреля 1682 г. погибли на костре.

Старец Паисий Величковский

Институт старчества — очень древнее явление в жизни Восточной церкви. Обычно старцами называли старших монахов, прошедший тяжелый путь самоотречения и взявших под свое руководство молодых иноков и мирян, для которых они становились духовными отцами и наставниками. В связи с этим старцы в монастырях, как правило, не занимали никаких должностей, а были духовными вождями и советниками.

На Руси старчество получило распространение довольно поздно. Мы не находим его следов в эпоху Киевской Руси. Точно так же нет никаких намеков на этот обычай в житийной литературе времен св. Сергия Радонежского. Впервые старчество становится известным у нас в конце XV в. благодаря аскетическим и мистическим творениям Нила Сорского и его учеников — заволжских старцев.

Преподобный Нил Сорский начал свое монашеское служение в Кирилло-Белозерском монастыре. Но его богато одаренная и мистически настроенная душа не находила удовлетворения в обычной монастырской жизни. Поэтому он предпринял паломничество на Афон — в этот духовный центр православной церкви. На Святой горе он посетил многие монастыри. Бывал он также в келиях и пещерах старцев, под чьим духовным руководством сложилось его представление о сущности аскетической жизни.

Переполненный глубокими впечатлениями, Нил возвратился на родину и поселился на берегу речки Соры в чаще девственного леса, неподалеку от Кирилло-Белозерского монастыря. Из его «Устава» и «Предания о жизни скитской» видно, что Нил Сорский очень хорошо представлял суть старчества. Умер он после долгой и святой жизни в мае 1508 г.

Нил имел много учеников, некоторые из которых старче-ствовали в своих скитах.

Однако в силу многих причин обычай этот тогда не прижился. Упадок старчества на Руси начался уже в конце XVI столетия и был связан с общим поражением движения нестяжателей. XVII–XVIII вв. вообще не оставили нам о нем сведений. Великий раскол XVII в. и церковные реформы Петра I нанесли глубокие раны религиозной жизни в России. За два эти столетия монастыри и скиты претерпели сильное обмирщвление. Многие из них вообще опустели, а монашество потеряло в глазах народа всякий авторитет. Новый расцвет монастырской жизни и старчества в последней четверти XVIII в. тесно связан с пламенным ревнителем аскетического иночества преподобным Паисием Величковским.

Мирское имя Паисия было Петр. Он родился в декабре 1722 г. в Полтаве в семье священника. Его детские годы прошли в кругу семьи, где хранилось благочестие и строго соблюдались все церковные правила и уставы. Петр был тихим, молчаливым ребенком, любителем чтения. Он самостоятельно изучил Часослов и Псалтирь, очень любил читать жития святых. В 13 лет его приняли в Киевскую духовную школу. За четыре года пребывания здесь он показал себя прилежным и одаренным учеником, но не получил внутреннего удовлетворения. Мать хотела, чтобы ее младший сын, как все его предки, как отец и старший брат, стал священником и унаследовал приход брата. Однако у Петра уже в ранней юности возникло сильное желание уйти в монастырь. С годами оно становилось все сильнее. Однажды ночью Петр тайком убежал из школы, покинул Киев и отправился в Любечский монастырь. Настоятель радушно принял его, благословил остаться в обители и даже выделил келью. Но спустя несколько месяцев этого настоятеля сменил новый — своевольный грубиян в монашеской рясе, мало заботившийся о подвижническом житии иноков. Однажды, рассердившись на Петра за то, что он подал ему не то кушанье, настоятель ударил его по щеке. После этого инцидента Величковский оставил Любеч и отправился дальше на юг. Судьба привела его в турецкую Молдавию. В ту пору в здешних монастырях и скитах монашеское житие было особенно строгим. Старчество, как средство воспитания иноков, было широко распространено, и очень многие монахи пребывали под началом у старцев. Петр пришел в обитель Св. Николая, расположенную посреди острова на реке Тясмин. Его приняли послушником, а когда ему минуло 19 лет постригли под именем Платона. Но вскоре на православных начались гонения со стороны униатов. Обитель Св. Николая закрыли, а монахов изгнали.

Платон вернулся в Киев и поступил в Печерскую лавру. Он был грамотный, поэтому ему дали послушание в лаврской типографии и поручили гравировать иконы на меди.

Однако молодой инок желал жить в совершенном уединении под руководством опытного монаха. Спустя короткое время он вместе с двумя другими монахами отправился в новое странствование, мечтая добраться до святой Афонской горы. По пути паломники оказались в скиту Трейстены. Подобно насельникам древних палестинских лавр, часть монахов жила тут по общежительному уставу, а другие, пожилые и опытные иноки, спасались в хижинах, расположенных вокруг скита, и подвизались

по уставу особножительному. Прожив здесь некоторое время, Платон перешел в Кыркульский скит. Только спустя три года — в 1746 г. ему открылась возможность отправиться на Афонскую гору. После трудного путешествия сушей и морем Платон добрался до святой горы и поселился там в одинокой келий неподалеку от лавры преподобного Афанасия. Вокруг нее в совершенной бедности и безмолвии, отрешившись от мира, спасалось много старцев. Платон хотел поступить под начало какого-нибудь из них, однако никто не захотел взять его себе в послушники. В течение трех лет он совершал свои подвиги в одиночестве. «Кто бы мог описать всю его борьбу, — сказано в житии преподобного, — когда он один перед единым Богом в пылающем усердии своей души стремится к совершенству! Он возложил на себя нужду, лишения, пост, жажду, сокрушение и покаяние. Сколько вздохов и молитв исторглось из глубины его сердца. Какая борьба с искушениями гнева, блуда и гордости, которую понять может только тот, кто обращается к Богу!» Около 1750 г. на Афон прибыл прежний наставник Платона — старец Василий из Молдавии. Поговорив с молодым подвижником, он нашел его духовно возмужавшим и постриг в малую схиму с наречением имени Паисий. После этого еще три или четыре года Паисий оставался в одиночестве и занимался самоусовершенствованием. Потом к нему пришло несколько юных иноков, и хотя сам он был еще молод годами, попросили принять их в послушники. По их настоятельной просьбе Паисий был рукоположен в священники и стал иеромонахом.

Так он вступил во второй период своей жизни и отныне не только вел духовную брань ради собственного совершенствования, но и как настоятель и старец духовно руководил другими иноками. Немногочисленная поначалу братия, собравшаяся вокруг него, постепенно росла. От прота Афонской горы ему удалось получить полуразрушенную обитель Св. пророка Илии, поблизости от монастыря Пантократора.

Вместе с братией Паисий построил здесь церковь, трапезную и 60 келий. Новый монастырь сперва терпел большую нужду, однако братия множилась день ото дня.

Монастырские помещения вскоре стали тесны. Быстрый рост новой славянской обители вызвал у греков афонских монастырей недружелюбные чувства. Турецкие власти также чинили ей всякого рода препятствия. Тогда Паисий решил возвратиться в Молдавию, чтобы там, среди гор и лесов, основать новый монастырь.

В 1763 г. вместе с 60 монахами и послушниками он отправился в путь. В Яссах от митрополита Молдавии Паисию удалось получить в свое распоряжение Драгомирнский монастырь в честь Сошествия Святого Духа, где он ввел общежитие и богослужебный устав Афонской горы. Никто из братии не смел называть что-либо «своим», все было общее, как Богом данное. Пища принималась совместно. Все работы в монастыре выполнялись монахами. Первейшими добродетелями считались послушание, смирение, терпение, доброе отношение к другим. День проходил в молитвах и работах. Паисий был примером во всех аскетических добродетелях. Часто он сам участвовал в общих монастырских делах, а по вечерам, когда братия собиралась с горящими свечами в трапезную, читал ей что-нибудь вслух из святых отцов. Именно

тут впервые расцвел его старческий дар. В 1774 г. та часть Молдавии, где располагался Драгомирнский монастырь, отошла к Австрии. Опасаясь за будущее своей обители, Паисий вместе с братией перебрался на турецкую территорию в опустевший Секульский монастырь.

Через несколько лет он получил в свое распоряжение также находившийся неподалеку Нямецкий монастырь (в год его кончины в двух этих монастырях числилось 500 монахов).

Хотя управление двумя большими монастырями отнимало у преподобного много сил, он старался распространять дух истинного монашества и за их стенами. Долгими осенними и зимними ночами Паисий с помощью двух монахов переводил с греческого на молдавский и церковнославянский языки творения святых отцов. Часто видели его сидящим на ложе при горящих свечах, согбенным и окруженным горами книг на различных языках. Порой за работой у него проходила вся ночь. Так появились переводы «Наставлений» св. Иоанна Сирина, «Вопросов и ответов» преподобного Максима Исповедника, «Поучений» Феодора Студита и другие сочинения, получившие потом широкое распространение на Украине и в России. К 1793 г. был закончен перевод «Добролюбия» монаха Никодима.

Земная жизнь Паисия завершилась в ноябре 1794 г. К этому времени он прославился как старец, имевший особый дар духовного окормления, в сопредельных православных странах, особенно в России, откуда родом были многие монахи его обителей. Одним из первых русских учеников его стал иеромонах Клеопа, который затем перенес основы старчества в Островскую Введенскую пустынь Владимирской епархии. Он стал одним из первых насадников подлинного монашеского жития в Российской империи и первоначальником старчества в возрожденной им пустыни. В начале XIX в. русские ученики Паисия, странствуя из монастыря в монастырь, из пустыни в пустынь, разнесли по всей России весть о «благочестивом и чудном отце Паисий». Однако в основном они селились в бедных пустынях южной Великороссии — в губерниях Калужской, Орловской и Курской. Здесь возникали и быстро крепли новые центры духовной жизни. Один из учеников Паисия, Феодосии Маслов († 1802 г.), провел последние годы в Софрониевой пустыни, где ввел общежительный устав Афонской горы. Другой его ученик Афанасий Захаров († 1823 г.) обосновался в Площанской пустыни (Орловской епархии). Самым младшим учеником Паисия был старец Филарет († 1841 г.), который сделался потом преобразователем Глинской пустыни.

От этих старцев пошло возрождение русского старчества. Учеником Клеопы был старец Макарий († 1811 г.), ставший в дальнейшем архимандритом Песношского монастыря. С именем ученика Макария, старцем Авраамием († 1824 г.) связано возобновление древней, но пришедшей в полный упадок Оптиной пустыни. Учеником этого Авраамия был старец Моисей Путилов († 1862 г.), при котором Оптина пустынь впервые стала привлекать множество паломников. В это время старчество выходит из монастырского укрытия и делается благословением для всех людей, ищущих духовной помощи и совета. Одним из самых известных старцев этой эпохи был Леонид († 1841 г.), заложивший, по словам церковного историка Смолима, «краеугольный камень старчества» в

Оптиной пустыни. Его традиции продолжал старец Макарий Иванов († 1860 г.), который до этого 13 лет находился в послушании у старца Афанасия Захарова Учеником Макария был самый знаменитый оптинский старец Амвросий († 1892 г). Его гостями и собеседниками каждый день становились десятки людей, искавших духовного наставления. Среди них было много известных деятелей культуры, в том числе великие русские писатели и мыслители Владимир Соловьев, Лев Толстой и Федор Достоевский.

Последний вывел Амвросия в образе старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы». Достоевский вообще с необычайным вниманием наблюдал за возрождением русской духовной жизни в южных пустынях и однажды сказал «От монахов кротких и жаждущих уединенной молитвы выйдет, может быть, еще раз спасение земли русской».

Амвросий вел большую переписку, которая помогла значительно расширить и усилить влияние Оптиной на мир Ученики Амвросия старцы Варсонофий († 1913 г.), Иосиф († 1911 г.), Нектарий († 1928 г.) и Анатолий († 1922 г.) составили последнее поколение великих оптинских старцев, деятельность которых на высоком взлете была насильственно прекращена вскоре после Октябрьской революции.

Патриарх Сергий и митрополит Александр Введенский

Иван Старогородский, которому суждено было в конце жизни стать патриархом Сергием, родился в январе 1867 г в Арзамасе, в семье священника. Он получил обычное для детей духовенства образование — окончил приходское духовное училище, а затем Нижегородскую семинарию. В 1886 г Иван поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию и еще до ее окончания, в январе 1890 г, принял монашество с именем Сергия. В том же году он был выпущен из академии. По уставу Сергий мог оставаться при ней в качестве стипендиата для подготовки к защите магистерской диссертации, но он избрал иной путь — миссионерское служение в далекой и тогда практически неизвестной для европейцев Японии. Зимой 1891/92 гг. иеромонах Сергий был назначен судовым священником на военный крейсер «Память Азова», на котором посетил многие сопредельные с Японией страны. Впечатления от увиденного он изложил в «Письмах русского миссионера», вызвавших большой интерес в обществе.

Жестокая простуда заставила Сергия весной 1893 г вернуться в Россию. Короткое время он выполнял обязанности доцента в Санкт-Петербургской академии и инспектора — в Московской семинарии. Осенью 1894 г его назначили настоятелем при церкви русского посольства в Греции, где он пробыл до 1897 г, а затем вновь отправился в Японию в должности помощника начальника миссии. Не отрываясь от исполнения своих обязанностей, Сергий в 1895 г защитил диссертацию на тему «Православное учение о спасении» и получил степень магистра богословия. В 1899 г. Сергий вернулся в Санкт-Петербургскую духовную академию, где занял должность ректора. В 1901 г он был посвящен в сан епископа ямбургского, а в октябре 1905 г стал архиепископом финляндским и выборгским. С этого времени он стал широко известен как член

Святейшего Синода.

После Февральской революции 1917 г в истории Русской православной церкви началась новая эпоха. Пришедшее к власти Временное правительство объявило о намерении провести реформы в вероисповедательной области Предполагалось объявить амнистию по всем религиозным делам, снять ограничения на деятельность католических, униатских и других религиозных организаций и т. п.

Синод глухо сопротивлялся всем этим нововведениям. В апреле он был распущен, после чего собрался в новом составе Сергий оказался единственным из прежнего состава, кто вошел в новый Синод. В этот сложный период он проявил себя как человек, способный уживаться с представителями различных политических течений, «законопослушный» и вместе с тем умеющий отстаивать свои убеждения. Одну из главных своих задач Сергий видел в то время в созыве поместного собора. Незадолго до его начала он сменил свою финляндскую епархию на владимирскую.

Первый Всероссийский поместный собор открылся 15 августа 1917 г. Важнейшим его деянием стало восстановление в России отмененного в царствование Петра I патриаршества. 11 ноября 1917 г на патриарший престол был избран московский митрополит Тихон. (Тогда же Сергия возвели в сан митрополита. Однако во Владимир из-за начавшейся Гражданской войны он не поехал и продолжал трудиться в Москве как член сформированного Поместьым собором Священного Синода и один из помощников Тихона). С самого начала патриарх встал в резкую оппозицию к советской власти. Во враждебном тоне было выдержано уже его крещенское воззвание в январе 1918 г. Предав анафеме большевиков, он вместе с тем послал просфору и свое благословение в Екатеринбург отрекшемуся от престола императору Николаю II.

В первую годовщину Октябрьской революции Тихон отправил письмо Ленину с требованием всеобщей амнистии. Но особенно неприязненными стали отношения между церковью и советским государством осенью 1921 г., когда возник вопрос об изъятии церковных ценностей и распродажи их в пользу голодающих Поволжья. Тихон категорически отказался признавать этот декрет и в феврале 1922 г выпустил послание с призывом скрывать ценности. Эта политика привела к печальным последствиям как для самого патриарха так и для всей Русской православной церкви.

С 1922 г она оказалась втянута в острейший конфликт с государством, продолжавшийся более двадцати лет. Одним из его последствий явился обновленческий раскол.

* * *

Будущий лидер и идеолог обновленчества Александр Иванович Введенский родился в августе 1889 г в Витебске в семье учителя латинского языка, вскоре ставшего директором гимназии. С ранних лет он отличался большой религиозностью каждый день перед гимназией Александр посещал раннюю обедню, во время литургии приходил в экстаз, молился с необыкновенным жаром и плакал. Пишут также о его разносторонних способностях Введенский слыл, к примеру, талантливым пианистом (в детстве его считали даже вундеркиндом), обучаясь в университете, по три-четыре часа в день проводил за фортепиано. Новинки науки, техники, искусства и политики всегда живо занимали его. Но более всего Александра Ивановича интересовали религиозные вопросы. В 1911 г, когда Введенский обучался на историко-филологическом факультете Петербургского университета, в журнале «Странник» вышла его знаменательная статья «Причины неверия русской интеллигенции». В ней, проанализировав большое количество анкет, он пришел к выводу, что в основе массового распространения неверия лежат два факта: кажущееся несоответствие религиозных догматов и прогресса науки и глубокая испорченность духовенства. Отсюда следовал вывод о двух направлениях, в которых должно идти обновление церкви апологическое примирение религии с наукой и кардинальная реформа церковной жизни.

В 1912 г. Введенский женился по страстной любви на дочери предводителя харьковского дворянства Болдыревой. Однако брак этот оказался неудачным и в дальнейшем принес ему много разочарований. В 1913 г, только что закончив университет, Введенский экстерном сдал экзамен за курс Петербургской духовной академии. Перед самой войной, в июне 1914 г, его рукоположили в пресвитерский сан и назначили священником в один из полков, стоявших под Гродно. Два следующих года он прослужил полковым священником, а в 1916 г был переведен в Петроград в аристократическую церковь Николаевского кавалерийского училища. В 1919 г ее закрыли Введенский остался без прихода и в течение нескольких месяцев перебивался случайными заработками (одно время даже торговал газетами). Он использовал нежданный досуг в том числе для самообразования и в короткое время умудрился сдать экстерном экзамены за курс нескольких высших учебных заведений. (Всего он имел восемь дипломов, в том числе юриста, биолога и физика). Наконец Введенскому удалось добиться места настоятеля церкви Захария и Елизаветы на Захарьевской улице в Петрограде. В 1921 г он был возведен в сан протоирея. Имя стало приобретать известность из-за частых выступлений на разных публичных диспутах, которые тогда как раз входили в моду и собирали толпы народа. Введенский имел все данные для того, чтобы стяжать лавры на этом поприще. Его отличала огромная эрудиция (Как видно из его конспектов, Введенский был в курсе всех новинок европейской и отечественной науки — в течение жизни он подробно проштудировал более двух тысяч фундаментальных работ по всем отраслям знания, изданных к этому времени на четырех языках). Он был прекрасным полемистом, имел великолепную память, за словом в карман не лез, отвечал точно и метко. Частые диспуты, во время которых ему приходилось неоднократно вступать в словесную дуэль с маститыми материалистами и атеистами (например, с наркомом просвещения

Луначарским), еще более отточили его красноречие.

За всеми этими делами Введенский ни на минуту не оставлял планы церковной реформы. Но реальные возможности для нее появились только после окончательного разрыва большевистского правительства с церковью. В отличие от Тихона, Введенский сразу признал новую власть и начал проповедовать то, что можно назвать «христианским социализмом». Вопреки прямому запрещению патриарха, он одним из первых сдал драгоценные предметы из своего храма на нужды голодающих. Когда советское правительство обратилось к гражданам с призывом о помощи, Введенский произнес перед своими прихожанами горячую проповедь о муках голодающего народа и первый положил свой серебряный наперстный крест на блюдо «Помгола». Позицию Введенского разделяли многие священники. В марте 1922 г в Петрограде сложилась «Группа прогрессивного духовенства», первым программным документом которой стала декларация о помощи голодающим. Вскоре она превратилась в штаб обновленческого движения. В мае центр ее деятельности переместился в Москву. Как раз в это время патриарх Тихон был помещен под домашний арест. Этот момент показался подходящим для смены церковного руководства.

Правительство, для которого патриарх являлся крайне неудобной фигурой, готово было помочь в перевороте. Ночью 2 мая Введенский с двумя своими единомышленниками Красницким и Белковым в сопровождении двух сотрудников ОГПУ пришли на квартиру к патриарху Тихону в Троицком подворье. Обвинив его в непродуманной и опасной политике, вследствие чего церковь оказалась вовлечена в конфликт с государством, они потребовали, чтобы Тихон на время ареста отказался от своих полномочий. После некоторого раздумья патриарх подписал резолюцию о временной передаче церковной власти одному из высших иерархов (16 мая полномочия патриарха временно принял на себя митрополит ярославский Агафангел).

Вскоре сторонники реформ образовали организацию «Живая церковь» во главе с Красницким 13 мая они опубликовали воззвание «Верующим сынам Православной церкви России» — своего рода программный манифест. 18 мая было сформировано новое Высшее церковное управление (ВЦУ), сплошь состоявшее из сторонников обновления. Первым его руководителем стал епископ Антонин Грановский, возведенный для большего авторитета самими обновленцами в сан московского митрополита. На следующий день власти перевезли патриарха из Троицкого подворья в Донской монастырь и там заключили под строжайшей охраной в полной изоляции от внешнего мира. Однако положение нового ВЦУ и после этого оставалось очень непростым. Большинство архиереев встретило его крайне недоброжелательно и недоверчиво. Если бы не скрытая поддержка советских властей (подвергших аресту многих противников обновленцев), их успехи вообще были бы минимальными. Очень важно было добиться лояльности со стороны иерархов старой столицы. В конце мая 1922 г Введенский лично отправился в Петроград с тем, чтобы постараться склонить на сторону обновленцев петроградского митрополита Вениамина (в начале своей священнической карьеры он был очень близок с Вениамином и многим ему

обязан). Однако митрополит наотрез отказался признавать ВЦУ. Вскоре он был арестован и расстрелян. Перед арестом он успел отлучить Введенского от церкви, но по настоянию ОГПУ это отлучение немедленно снял преемник Вениамина Алексий (будущий патриарх).

Постепенно Высшее церковное управление признало около 40 архиереев старого поставления. Один из первых (еще в июне) поддержал платформу «Живой церкви» Сергий, в то время митрополит владимирский.

В каком же направлении лидеры обновленческого раскола собирались проводить свои реформы? Лучше всего их идеи раскрыты в статьях Введенского, считавшего, что живое христианское движение — явление более широкое и важное, чем церковь, его обслуживающая. Оно развивается согласно своим внутренним законам и не может сковываться церковными цепями. Церковь не должна подавлять новые явления в христианской жизни, она должна найти в себе силы к обновлению, чтобы вырваться из косных рамок школьной мудрости и войти в мир. К этой любимой идее Введенский потом возвращался неоднократно. Например, в опубликованной позже (в 1925 г.) программной статье «О пастырстве» он писал о сильном влиянии современного атеистического окружения на верующую душу. Церковь, считал он, только тогда с успехом сможет противостоять ему, когда поймет дух эпохи. Поэтому современный пастырь не должен замыкаться в рамках одних только религиозных проблем, он должен овладеть всеми сокровищами общечеловеческой культуры, живо интересоваться наукой и искусством, общественными проблемами. «Мы должны утвердить в сознании, — продолжал Введенский, — что весь мир есть обнаруживание Божественного принципа, что, приобщаясь к миру, проявлению мирской жизни, мы приобщаемся Божеству в Его творческом явлении». Церкви следует совершить поворот от «религиозной мифологии» к научно-философскому осмыслению мира. Наряду с творческой Божией волей необходимо признать участие «производительных сил природы», то есть действие научных законов материального мира. Страшный суд, рай и ад Введенский предлагал воспринимать как понятия нравственные и в Боге видеть прежде всего не карающее начало, а источник правды.

В этике декларировалось совмещение христианских идей с идеями социализма и возможность спасение души не только в монастыре, но и в мирских условиях. В области литургии Введенский считал целесообразным провести упрощение и сокращение богослужения, освободить его от «языческих» наслоений. Он был сторонником введения григорианского стиля, перехода с церковно-славянского на русский язык, вовлечения мирян в богослужение. Все наносное и формальное следует убрать из церковной жизни. Напротив, внутреннее понимание религии должно углубится. Наконец Введенский настаивал на ликвидации монашества, на введении женатого епископата, на разрешении духовенству вступать во второй брак.

Священство даже внешне должно приблизиться к народу. С этой целью он предлагал допустить выборы духовенства прихожанами, разрешить священнослужителям носить светское платье, бриться, стричь волосы и т. п.

Некоторым обновленцам программа Введенского казалась чересчур радикальной.

Особенно много споров вызвали вопросы о женатом епископате и отмене монашества.

В августе 1922 г. в Москве собрался I Всероссийский съезд белого духовенства «Живой церкви». Большинство делегатов согласилось, что иерархические должности должны перейти от черного духовенства к белому. После съезда от Живой церкви откололся Антонин Грановский, ратовавший за сохранение монашества. Он образовал группу «Церковное Возрождение». Осенью 1922 г. Введенский также покинул «Живую церковь» из-за несогласия с Красницким и возглавил конфессиональную группу «Союз общин древнеапостольской церкви». Впрочем, разногласия между тремя этими обновленческими обществами носили частный характер, и они выступали единым фронтом против «тихоновцев», то есть сторонников традиционной церкви.

В апреле — мае 1923 г. прошел второй поместный собор Русской православной церкви. Три четверти его делегатов составляли обновленцы. Собор объявил о низложении патриарха Тихона и ликвидации патриаршества, принял постановление о женатом епископате, допуске второбрачия духовенства, переходе на новый стиль.

Избранный на соборе Высший духовный совет в августе был преобразован в Священный Синод. Его председателем избрали московского митрополита Евдокима, но фактически руководителем и духовным вождем обновленческой церкви оставался Александр Введенский. Соборное постановление о женатом епископате позволило ему стать епископом Крутицким. (Торжественная хиротония протоирея Введенского в архиепископы Крутицкие состоялась 6 мая 1923 г. в храме Христа Спасителя.) Казалось, что с «тихоновской» необновленческой церковью покончено навсегда. Но тут неожиданное возвращение патриарха к руководству церковными делами смешало обновленцам все карты. В начале июня 1923 г. тот обратился в Верховный суд РСФСР с раскаянием, а затем через газету «Известие» призвал духовенство и верующих «являть примеры повиновения существующей гражданской власти в соответствии с заповедями Божиими». Это означало, что церковь отказывается от политики конфронтации с властями. 27 июня 1923 г. Верховный Суд РСФСР объявил об освобождении патриарха из-под ареста.

* * *

Переход митрополита Сергия в обновленчество смутил и соблазнил многих приверженцев патриарха, так что присоединение некоторых других епископов к лагерю раскольников часто связывали с его примером. В 1923 г. Сергия дважды арестовывали советские власти. Во время собора он также находился в заключении, и это избавило его от необходимости

высказывать свое отношение к низложению Тихона. Второй Поместный собор стал временем наивысшего могущества обновленцев, когда они контролировали большинство российских епархий. Но едва патриарх оказался на свободе, как сразу началось их быстрое ослабление. Первым делом Тихон отменил все решения второго Поместного собора, а самих обновленцев, как раскольников, предал проклятию и отлучению. Большинство церковных иерархов поспешило тогда вернуться под его власть.

В августе 1923 г. Сергий, после 14-месячного пребывания в обновленческом расколе, также принес покаяние патриарху. Возвращение его в лоно православия стало заметным событием. Если покаяние других иерархов Тихон принимал в своей келье, то Сергия он заставил принести покаяние публично, что тот и сделал 27 августа 1923 г. В этот день праздновалось Успения Пречистой Богоматери. Сергий в простом монашеском клобуке вошел в церковь Донского монастыря, смиренно склонился перед патриархом, восседавшем на кафедре, и дрожащим от волнения голосом принес покаяние. Тихон принял Сергия милостиво и только слегка попенял за отступничество. «Ну, пускай другие отходят, тебе-то как не стыдно отходить от церкви и от меня», — сказал он и тут же троекратно с ним облобызался, надел на него архиерейский крест и панагию. После этого Сергий вместе с патриархом принял участие в божественной литургии. Спустя некоторое время он был назначен на кафедру в Нижний Новгород и включен в состав Синода.

Примеру Сергия последовали многие другие руководители раскола. Отошли от управления обновленческой церковью Красницкий и Антонин Грановский. Но многие священники, особенно среди белого духовенства, сохранили верность идеям, провозглашенным на втором Поместном соборе. В 1924 г. Введенский, сделавшийся фактическим главой раскольников, был возведен в сан митрополита и стал настоятелем храма Христа Спасителя — главного кафедральный собор обновленцев. Это было время его наивысшей если не популярности, то известности. Храм Христа Спасителя посещало много народа, его настоятель находился всегда на виду. О его манере вести службу сохранились противоречивые воспоминания, как благоприятные, так и негативные. Все отмечают, что Введенский был очень не равнодушен к почестям и больше походил на человека богемы, чем иерарха церкви. В его манерах, голосе, речах, образе жизни было много такого, что не укладывалось в привычный образ православного священника. Он брился и стригся, имел модный квадратик усов, мефистофельскую бородку, торчащие вверх черные волосы, отрывистый говор, резкие движения. Он мог позволить себе явиться на службу в футболке, поверх которой в притворе набрасывал рясу и архиерейскую мантию. При всем том, что он несомненно был человек очень умный, ему очень вредила какая-то фальшивая театральность поведения и постоянная рисовка. Из ризницы храма Христа Спасителя он взял удивительные по красоте и ценности облачения. Любимый его парчовый саккос был расшит иконами, драгоценная митра имела опушку, принятую у древнейших архиереев. Вместо одного креста он носил два. Ездил он в автомобиле иностранной марки. Эта парадная роскошь находилась в явном противоречии с провозглашаемыми им идеями о необходимости возврата к

простоте первоначального христианства. Между тем в храме Христа Спасителя и в самом богослужении начисто отсутствовало всякое благолепие. На полу не просыхали лужи от влаги, стекавшей со стен. Хоровое пение оставалось примитивным. Натура эстетическая, экспансивная, Введенский был человеком минуты, легко поддающимся настроению. Служба его была порывистой и эмоциональной. Во время богослужения он порой впадал в театральное неистовство и бросался ниц на пол, а когда его поднимали, некоторое время не мог прийти в себя и обводил собравшихся мутным взором. Его эрудиция, очень полезная на религиозных диспутах, в церкви была явно неуместна. Но он постоянно забывал об этом, вследствие чего его проповеди больше напоминали лекции, он то и дело пускался в богословские дебри, сыпал именами ученых, ссылался на зарубежные научные журналы, рекомендовал литературу на иностранных языках. Повседневная жизнь его отличалась светскостью. В своем доме в Сокольниках он создал своего рода модный салон, который посещали многие знаменитости тех лет и прежде всего актеры. Введенский вел с гостями непринужденные разговоры, любил музицировать на пианино. Он был остроумным, разговорчивым и любезным хозяином, способным поддерживать беседу буквально на любую тему. Часто, даже во время поста, его можно было встретить на концертах и вечерах в Колонном зале Дома Союзов, в Консерватории, Доме ученых.

Митрополит любил общество дам и галантно целовал им руки. В 1935 г. он вступил во второй брак.

Уже в 1923 г стало ясно, что широкие массы верующих не пошли за обновленцами. Ни одно из церковных новшеств, предложенных Введенским, не было принято народом.

Обновленческие священники, в силу своей подчеркнутой светскости и отсутствия в них благостности, не имели никакого духовного авторитета. Фактически с обновленцами осталась только немногочисленная, модернистки настроенная интеллигенция. Сложилась поразительная ситуация: обновленцы занимали официальные руководящие посты, им принадлежало значительное число приходов, однако храмы их оставались пустыми, а их руководящие органы фактически ничего не возглавляли. С другой стороны, Русская православная церковь, являвшаяся подлинной носительницей духовности, не имела легальной организации. Единственной объединяющей фигурой ее оставался патриарх. Но 7 апреля 1925 г. Тихон умер. С его смертью наступила пора смут.

Для выборов нового патриарха следовало созвать архиерейский собор, но власти не давали на это разрешения. Управление церковью перешло к патриаршему местоблюстителю, которым стал митрополит крутицкий Петр. Он занимал по отношению к обновленцам еще более непримиримую позицию, чем сам покойный патриарх. В июне 1925 г., когда обновленческое руководство активно готовило новый Поместный собор, Петр категорически запретил участвовать в нем последователям патриаршей церкви. Вследствие этого собор, состоявшийся в октябре того же года, представлял только обновленческую церковь. Несмотря на потери, понесенные в два предшествующих года, она все еще представляла из себя достаточно мощную организацию, включавшую 92 епархии. В ее ведении находилось 1650 церквей и несколько тысяч священников.

Районами, где обновленчество сохранило сильные позиции, оставалась Средняя Азии, Северный Кавказ и Кубань. В России, наоборот, обновленческие храмы попадались лишь изредка (в Москве их было всего 7, в Ленинграде — 2), а в Сибири их не осталось вовсе. Многие обновленческие священники, лишившись своей паствы, которая предпочитала храмы традиционной церкви, бедствовали.

* * *

Впрочем, патриаршая церковь тоже переживала далеко не лучшие времена.

Агрессивная атеистическая пропаганда начинала давать свои плоды. Советские люди, прежде всего молодежь, порывали с религией. Государственная власть продолжала смотреть на церковь как на своего главного идеологического противника внутри страны и наносила по церкви все новые и новые удары. Осенью 1925 г. стали сгущаться тучи над головой патриаршего местоблюстителя Петра. Его несговорчивость очень не нравилась партийным чиновникам. 15 декабря он был арестован и провел остаток жизни в ссылке. Незадолго до ареста он объявил своим заместителем нижегородского митрополита Сергия, который и стал с этого времени фактическим главой Русской православной церкви. Но тотчас приступить к своим обязанностям Сергий не мог, так как ОГПУ задержало его в Нижнем Новгороде под домашним арестом. Вообще, первое время казалось, что ему суждено в скором времени разделить судьбу своего предшественника. Только в первой половине 1926 г. Сергий дважды оказывался в заключении. В декабре 1926 г. он вновь был арестован и провел в тюрьме более трех месяцев. Вместе с тем авторитет его в глазах церковных иерархов не равнялся авторитету Петра. Некоторые из них выступили против заместителя местоблюстителя, считая его неправомочным. Это стало причиной быстрого разрастания смуты. Многие епархии объявили себя автокефальными (в их числе оказались не только украинская и белорусская церкви, имевшие на это право, но также пензенская, царицинская, тамбовская, рыбинская, иркутская, красноярская и некоторые другие). В центральном управлении царил полный разброд. Съезжаясь между собой, епископы объявляли главой церкви то того, то другого иерарха. Одно время в стране существовало 13 патриарших местоблюстителей и их заместителей. Власти в конце концов были вынуждены вмешаться в эту ситуацию. Они не были заинтересованы в полном развале церкви, так как это сильно затруднило бы контроль за ней. Здраво оценив ситуацию, партийное руководство пришло к выводу, что один только Сергий имеет достаточно влияния для того, чтобы объединить церковь и обеспечить ее лояльность советскому режиму. С ним вступили в переговоры, требуя публичной декларации в выгодном для властей духе.

Сергий оказался перед сложным выбором. С одной стороны, он понимал, что безоговорочное признание советской власти оттолкнет от него многих иерархов, прежде всего зарубежных. Но, с другой стороны, он ясно сознавал, что бороться в настоящих условиях с мощной государственной машиной церковь не в состоянии. Спасти Русскую православную церковь со всем ее богослужебным укладом, местными и центральными органами управления, спасти от поглощения обновленчеством и тем дать ей надежду на благоприятное будущее могло только одно — урегулирование отношений с советским государством. В этом положении Сергий, как и ранее патриарх Тихон, не уклонился от тяжелого жребия, посланного ему судьбой. Он согласился выступить от лица церкви со своего рода покаянным заявлением, то есть сделал шаг навстречу власти, шаг, который лично ему не мог принести ни славы, ни почета. 30 марта 1927 г. Сергия выпустили на свободу, а 29 июля в печати появилось его историческое послание. Признавая, что церковь в минувшие годы часто оказывалась на стороне врагов советской власти, Сергий объявлял о полном и безусловном принятии сложившихся в стране после 1917 г. отношений. «Нам нужно, — писал он, — не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные его приверженцы, для которых оно дорого как истина и жизнь, со всеми его догмами и преданиями, со всем его каноническим богослужебным укладом… Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которого — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». Декларация произвела эффект настоящего взрыва. С ее опубликованием Сергий и члены Синода не только вступали на путь полной лояльности к советской власти, но и (объявив, что радости и неудачи Советского государства отныне будут радостями и неудачами самой Русской церкви) как бы включили себя в самый организм нового государства.

Это был если не совсем новый, то во всяком случае неожиданный курс церковной политики. Большинство зарубежных епископов отказалось признать послание Сергия.

Иерархи в Советском Союзе также реагировали на него неоднозначно. К 1930 г. около 37 архиереев отказались от административного подчинения митрополиту Сергию, выступив против компромиссов с властью. Местоблюститель митрополит Петр, проживавший тогда в поселке Хэ Тобольского округа, в целом поддержал декларацию, сказав, что она продиктована временем. Но иначе отнеслись к посланию и политике Сергия те епископы, что отбывали заключение в Соловецком лагере. На своем соборе они одобрили самый факт обращения Высшего церковного учреждения к правительству с заявлением о лояльности, но однозначно не поддержали политику тесного сближения церкви с государством. В частности, они считали, что церковь не может взять на себя перед государством обязательства считать все его радости и успехи своими. Тем более такого государства, которое провозгласило своей целью полное искоренение религии. Приходское духовенство в большинстве своем отнеслось к декларации Сергия отрицательно.

Особенно возмущал многих самый тон покаяния в его послании. Получалось, что церковь (признав, что поддерживала контрреволюцию) перед всем миром взяла на себя всю вину за предшествовавшие столкновения с советским государством. На самом деле, конечно, все было гораздо сложнее, и многочисленные аресты тех представителей духовенства, которые никогда и никаким боком не имели отношения к политике, говорили о том, что в СССР имеет место ничем не прикрытое преследование граждан за их религиозные убеждения. Теперь эти невинно пострадавшие оказались поставлены в один ряд с завзятыми контрреволюционерами.

Все эти обвинения казались справедливы, и Сергию тяжело было слышать их.

Публикуя свое послание, он надеялся (возможно, ему даже прямо обещали это) на то, что положение Русской православной церкви изменится к лучшему. Но, увы, его ожидания не оправдались. Церковь как целое оставалась нелегальной (регистрацию у местных властей получали только отдельные приходы). Она не имела статуса юридического лица и вообще никакого органа, который представлял бы ее юридически.

* * *

В 1929 г. положение церкви еще более ухудшилось. В этом году начались массовые закрытия и сносы храмов, аресты духовенства, развернулась гражданская кампания по снятию и изъятию колоколов (большая часть их пошла в переплавку и была использована для чеканки мелкой разменной монеты). Как правило, закрытию храма предшествовал арест священника. Многие из них больше никогда не вернулись в свои семьи, навеки канув в сталинских концлагерях. (Всего в 1930-е гг. было репрессировано от 80 до 85 % всех священников.) Сергию приходилось своим авторитетом покрывать эти преступления. В феврале 1930 г. на пресс-конференции перед многочисленными советскими и иностранными корреспондентами он, вопреки действительности, заявил, что в СССР нет никаких гонений на церковь. Эту ложь ему потом пришлось неоднократно повторять. Между тем 1930-е гг. для Русской православной церкви оказались наиболее тяжелыми во всей ее многовековой истории.

Только среди иерархов в 1931–1937 гг. за «контрреволюционную деятельность» карательные органы арестовали 116 человек. От высшего духовенства старого поставления в предвоенные годы осталось всего 4 человека: два епископа и два митрополита. Во всех городах началось массовое разрушение культовых зданий. Так в Ленинграде разрушили Троицкий собор 1711 г., почти все церкви архитектора Тона, а также Сергиевский всей артиллерии собор. В Москве шло тотальное разрушение церквей в центральной части города. Так были уничтожены храмы Чудова и

Вознесенского монастырей, почти все церкви Китай-города, большинство зданий Симонова монастыря, часовня Иверской Божьей матери у Красной площади. К концу 1930-х гг. в целом по стране закрылось 95 % церквей, действовавших в 1920-е гг.

Прекратило свое существование монашество.

В 1938 г. на всей территории СССР не функционировало ни одного православного монастыря; только после присоединения Восточной Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Бесарабии их стало 64. В 1935–1936 гг. приостановилась деятельность Синода Русской православной церкви, закрылся «Журнал Московской патриархии». Незапрещенная официально, церковь фактически превратилась в нелегальную организацию. Однако положение самого Сергия в церковной среде в эти годы упрочнилось, и вокруг него постепенно объединились все те, кто еще недавно состоял в расколах. В апреле 1934 г. Синод провозгласил его митрополитом московским и коломенским. В декабре 1936 г., когда появилось известие о кончине митрополита Петра, к Сергию по единодушному согласию всех еще оставшихся на свободе иерархов, перешли права и обязанности патриаршего местоблюстителя.

Положение в обновленческой церкви в эти годы было ничуть ни лучше, чем в патриаршей, поскольку карательные органы не делали между ними никакой разницы.

Массовые аресты обновленческого духовенства начались в 1934 г. К концу десятилетия были истреблены все наиболее видные лидеры этого движения. Тогда же были закрыты обновленческие духовные учебные заведения в Москве, Ленинграде и Киеве. Прекратился выпуск периодических изданий. В 1935 г. был упразднен обновленческий Синод, а к 1938 г. прекратили существование большинство обновленческих епархий. Хотя самого Введенского гонения не коснулись, его положение с каждым годом ухудшалось. В 1931 г. был взорван храм Христа Спасителя. До 1934 г. Введенский служил в храме Св. апостолов Петра и Павла на Басманной улице, а после его закрытия перебрался в Никольскую церковь на Большой Долгоруковской улице. В 1936 г. ему пришлось перейти в церковь Спаса на Большой Спасской улице. Наконец, в 1938 г. он получил Старо-Пименовский храм в Нововоротниковском переулке, где и оставался до самой смерти. В 1936 г. ему было запрещено говорить проповеди, помимо тех, что являются «неотъемлемой частью богослужения», после чего Введенского навсегда покинуло его красноречие. В последующие годы он опустился, стал полнеть и быстро стариться. Круг его последователей редел. Управление остатками обновленческих приходов с 1935 г. сосредоточил в своих руках его однофамилец, митрополит тульский Виталий Введенский, принявший титул первоиерарха восточных церквей. В 1940 г. он ушел на покой, и звание первоиерарха перешло к Александру Введенскому.

* * *

Окончательную точку в истории второго русского раскола поставила война. Именно тогда стало ясно, кто из двух митрополитов является для народа подлинным духовным лидером. Уже 22 июня 1941 г., раньше самого Сталина, митрополит Сергий обратился к верующим с посланием «Пастырям и пасомым Христианской Православной церкви» и призвал их встать на защиту Родины. «Православная наша Церковь, — писал он, — всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она переживала как его испытания, так и его успехи. Не оставит она своего народа и теперь.

Благословляет она небесным благословением и предстоящий народный подвиг». После этого в годы войны Сергий обращался к верующим с патриотическими воззваниями более 20 раз, и каждый раз они рождали патриотический подъем. Помогала церковь государству и материально. Ее взносы в Фонд обороны в годы войны составили более 300 миллионов рублей. В декабре 1942 г. Сергий призвал духовенство и верующих к сбору средств на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского. Тогда же он обратился с письмом к Сталину с просьбой позволить церкви иметь свой банковский счет (до этого Русская православная церковь, не считавшаяся юридическим лицом, такого счета не имела). Сталин дал согласие. В короткий срок было собрано более 8 миллионов рублей. Передача Красной армии колонны имени Дмитрия Донского из 40 танков Т-34 произошла в марте 1944 г.

Конечно, Введенский также обращался к верующим с патриотическими воззваниями, но они мало кем были услышаны.

Внешние обстоятельства жизни двух первоиерархов в три первых военных года имели много общего. В октябре 1941 г Московская патриархия и руководство обновленческой церкви были эвакуированы в Ульяновск. (По иронии военного времени им пришлось добираться до этого города в одном вагоне). В ту пору в Ульяновске оставалась только одна действующая церковь. В срочном порядке специально для Сергия переоборудовали в православный храм бывший католический костел, а Александру Введенскому передали давно превращенную в склад церковь Неопалимой Купины. Но на этом совпадения в их судьбе закончились.

Когда летом 1943 г. Сергий вернулся в Москву, его ждало известие о том, что Сталин желает встретиться с ним и другими высшими иерархами Русской православной церкви. Эта историческая встреча состоялась в ночь с 4 на 5 сентября. Кроме Сергия на ней присутствовал митрополит ленинградский и новгородский Алексий, а также митрополит киевский и галицкий Николай. Сталин начал беседу с того, что высоко отозвался о патриотической деятельности православной церкви, а затем поинтересовался ее проблемами. Сергий отвечал, что главная проблема — это вопрос о патриархе, которого не могут избрать вот уже 18 лет, потому что не удается получить разрешения на созыв архиерейский собор. Сталин отвечал, что не видит к этому никаких препятствий. Затем Сергий поднял вопрос о подготовке священнослужителей, которых катастрофически не хватало для обслуживания даже тех немногих церквей, что еще

продолжали действовать. Сталин отвечал, что он не возражает против открытия семинарий и академии, издания ежемесячного журнала и даже против открытия новых приходов.

Сохранился известный анекдот об этой встрече, подлинность которого теперь уже нельзя проверить. Когда зашел разговор о том, что у церкви отсутствуют кадры, Сталин будто бы спросил: «А почему у вас нет кадров? Куда они делись?» Задавая этот вопрос, он, разумеется, был прекрасно осведомлен, что тысячи священнослужителей томятся в концлагерях, но ждал, как ответит на него патриарший местоблюститель. Сергий быстро нашелся и сказал, намекая на семинаристское прошлое своего собеседника: «Кадров у нас нет по разным причинам… мы готовим священника, а он становится Маршалом Советского Союза». «Да как же, — отвечал Сталин, — я тоже был семинаристом. Слышал тогда и о Вас…» В конце беседы (то есть в три часа утра) престарелый митрополит почувствовал сильное утомление. Сталин, взяв его за руку, осторожно, как настоящий иподиакон, свел его по лестнице вниз и сказал на прощание: «Владыка! Это все, что я в настоящее время могу для Вас сделать».

Так закончился период жесткой конфронтации между советским государством и Русской православной церковью. Конечно, ни о каком примирении не было и речи.

Допуская в стране некоторое возрождение религиозной жизни, Сталин и дальше собирался держать церковь под строжайшим контролем. Но, как бы то ни было, послабление, сделанное для нее по сравнению с 1930-ми гг., было очень существенным. Уже через несколько дней московская патриархия получила в свое распоряжение хорошее здание — бывшую резиденцию германского посла. Начался процесс открытия храмов в селах и городах страны.

Вновь стал выходить «Журнал Московской патриархии», открылись семинарии. 8 сентября 1943 г. в Москве собрался архиерейский собор в составе 19 иерархов (3 митрополитов, 11 архиепископов и 5 епископов). На нем, как и ожидалось, Сергий был единогласно избран Патриархом Московским и всея Руси.

В то время как Русская православная церковь начала медленно возрождаться, обновленческая церковь доживала свои последние дни. После восстановления патриаршества об Александре Введенском больше не вспоминали. В октябре 1943 г. начался массовый переход обновленческого духовенства на сторону патриаршей церкви. В Москве у раскольников были отобраны все их храмы, за исключением Пименовского. Вскоре Введенский узнал, что вся Среднеазиатская епархия (главная цитадель обновленчества) признала патриарха. Вслед за ней под власть Сергия перешли Кубань и Северный Кавказ. Таким образом, в течение каких-нибудь десяти дней обновленческая церковь прекратила существование. Патриарху принесли покаяние 25 архиереев старого поставления, в том числе Виталий Введенский (он лишился митропольчьего клобука, но в сане архиепископа Тульского и Белевского возглавил миссионерский совет при Священном Синоде). Покаялись и 13 архиереев нового постановления (в том числе очень популярный среди верующих женатый епископ Андрей Расторгуев). Введенский остался один. Он тоже сделал несколько попыток примириться с православной церковью, однако

его соглашались принять только мирянином в качестве рядового сотрудника «Журнала Московской патриархии», и он не согласился.

Сергий был патриархом совсем недолго — 15 мая 1944 г. он внезапно умер от кровоизлияния в мозг. Хотя Введенский был гораздо моложе своего противника, он пережил Сергия всего на два года — скончался он в июне 1946 г. За несколько месяцев до этого — в декабре 1945 г — его разбил паралич.

НАДКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВЕРОУЧИТЕЛИ

Баха-Улла

Иранский богослов Хусейн Али Нури, известный позже под именем Баха-Улла, родился в ноябре 1817 г в очень знатной и состоятельной семье. Его отец, мирза Аббас Нури, пользовался большим почетом в годы правления Фатх Али-шаха (1797–1834).

Впоследствии он был губернатором Боруджерда и Лурестана, но за участие в 1837 г в военных действиях против Мухаммад-шаха (1834–1848), преемника своего прежнего повелителя и благодетеля, лишился всех постов и значительной доли своего огромного состояния. Хусейн Али, который с детства отличался незаурядными способностями, получил прекрасное домашнее образование, достигнув особенных успехов в юриспруденции и богословии Повзрослев, он предпочел карьере правительственного чиновника благотворительную деятельность и приобрел на этом поприще широкую известность (его даже называли «Отцом бедных»).

Переломным в судьбе Хусейна Али (как и в судьбах десятков тысяч других иранцев) стал 1844 г., когда страна оказалась охвачена бабидским движением. Первая половина XIX в. во многих странах проходила под знаком ожидания Мессии. Но наиболее драматичным это ожидание исторического переворота оказалось в Иране. С древних времен здесь существовала достаточно влиятельная секта шейхитов. В начале столетия среди ее последователей распространилось учение о скором приходе в мир Махди — последнего имама и воплощения Бога. На это указывали многочисленные знамения времени, состояние мира в целом и пророческие даты Пришествия Спасителя с нетерпением ожидали во всех уголках страны люди разных сословий.

И явление состоялось! Правда, явился не сам Мессия, но только пророк, предвещавший его скорый приход. Им оказался молодой 25-летний купец Али Муаммад Ширази, который ничем особенным до этого не отличался. 23 мая 1844 г. он объявил себя Бабом — «Вратами» для изъявления воли скрытого имама Махди и возвестил, что День Божий близок и что он есть тот обетованный, который предсказан Священным Писанием ислама. Человечество, провозглашал Баб, стоит на пороге эпохи, когда произойдут преобразования всех сторон жизни. Господь призывает весь род человеческий безраздельно принять эту перемену, преобразовав свою моральную и духовную жизнь. Миссия самого Баба заключалась в том, чтобы подготовить людей к событию, составляющему сердцевину этих преобразований, — пришествию всемирного Посланника Божьего. Семя его проповедей упало на хорошо подготовленную почву.

Вскоре у Баба явилось 17 учеников. Он разослал их в разные уголки Ирана и ближайшие страны, чтобы они донесли до людей его учение. Эта весть вызвала повсеместное брожение. Последовали Баба — бабиды — объявили себя свободными от исполнения сложнейших религиозных обязанностей шиизма до тех пор, пока не воцарится царство Баба. В этом лозунге каждая социальная группа увидела свое. В то время как более умеренные слои населения вели речь о реформах, бедняки стремились к уничтожению существующих общественных отношений и переделу собственности. Одни желали достичь своих целей мирным путем, другие взялись за оружие. Спустя короткое время в некоторых провинциях Ирана уже полыхали бабидские восстания. Правительственные войска топили их в крови. Баба схватили и содержали сначала в крепости Мака, а потом в Чехрике и Тебризе. Находясь в заключении, он создал свое главное произведение — книгу законов «Байан», почитавшуюся его последователями выше Корана.

Среди первых последователей Баба, сразу принявшими его учение и много сил отдавших его распространению, были два сына мирзы Аббаса Нури — Хусейн Али и его младший брат Собхе Азаль. При этом Хусейну Али так и не довелось лично познакомиться с пророком, хотя он и состоял с ним в оживленной переписке, а юный Собх-е Азаль не только долгое время жил рядом с Бабом, но и стал его любимым учеником. В «Байане» Баб неоднократно говорит о новом откровении, которое должен в скором времени дать миру грядущий за ним пророк (Баб называл его «тот, кого Бог проявит»). У ближайших сподвижников Баба не было сомнений, что под этими словами он разумел Собхе Азаля. И действительно, предчувствуя скорую кончину, Баб объявил последнего своим преемником. В июле 1850 г Баба расстреляли.

Правительство обрушило на бабидов жестокие репрессии. Многие тысячи их были казнены после скорого суда, других бросили в тюрьмы. Среди арестованных оказался и Хусейн Али, схваченный в 1852 г после подавления Тегеранского восстания (к которому он, впрочем, не имел никакого отношения, так как всегда оставался сторонником мирных способов борьбы). Вместе с некоторыми другими защитниками дела Баба его, закованного в цепи, поместили в страшную тюрьму Сиях-Чаль («Черная Яма») — кишащее крысами и насекомыми подземелье, бывшее прежде одной из клоак столицы. Позже он вспоминал: «Мы были заключены в течение четырех месяцев в месте, мерзость которого не поддается описанию. Тюрьма была окутана густым мраком, а число заключенных вместе с нами приближалось к ста пятидесяти — то были воры, убийцы, грабители. Несмотря на всю тесноту, здесь отсутствовали отверстия, кроме той двери, в которую мы вошли. Ни одному перу не под силу описать то место и ни одним устам не дано передать мерзостный смрад его. У большинства заключенных не было ни одежды, ни постелей, чтобы лечь. Одному Господу ведомо, что выпало на нашу долю в этом исполненном тьмы и смрада месте».

В этой обстановке, оказавшись перед угрозой скорой смерти, Хусейн Али получил первое предзнаменование своей великой миссии «Однажды ночью, во сне, — вспоминал он, — слышны стали мне

доносящиеся со всех сторон возвышенные слова «Воистину, Мы даруем тебе победу силою твоего собственного пера. Не печалься о том, что постигло тебя, и не тревожься, ибо ты в безопасности. Близок час, когда Господь воздвигнет сокровища земли — тех, кто придет на помощь тебе силою твоей и именем твоим, которым Господь оживит сердца тех, кто распознал Его». С этого времени Хусейн Али почувствовал в себе присутствие Высшей силы. Он писал позже: «На протяжении тех дней, что провел я в тюрьме Тегерана, хотя саднящая тяжесть цепей и зловонный дух едва давали уснуть, все же в редкие минуты дремоты мне казалось, будто с темени моего и моей груди стекает нечто, подобное могучему потоку, стремительно низвергающемуся на землю с вершины высочайшей горы. От этого все мое тело словно воспламенялось. В такие минуты мои уста изрекали то, что не под силу выслушать ни одному из людей».

Предчувствия не обманули Хусейна. Спустя четыре месяца его неожиданно выпустили из тюрьмы и затем сразу выслали из Ирана. Больше на родину он никогда не вернулся.

Все его имущество было конфисковано. После недолго размышления он решил поселиться на территории Османской империи, в Багдаде, где тогда нашли убежище многие бабиды. Будучи человеком широко образованным, красноречивым и деятельным, он вскоре сделался заметной фигурой в среде эмигрантов. Часть бабидов уже тогда признала его лидерство, но в то же время против Хусейна Али сложилась сильная оппозиция во главе с официальным наследником Баба Собх-е Азалем.

Отношения с братом становились все напряженнее. Наконец, в апреле 1854 г Хусейн покинул Багдад и в поисках покоя отправился в горный Курдистан. Тут в крайней бедности он прожил два счастливых года, весь погрузившись в размышления о вверенной ему благой вести. «Наедине общались мы с духом нашим, предав забвению мир и все, что в нем», — писал он позже. Наконец отчаянные призывы бабидов заставили его вернуться. Он возвратился в Багдад в марте 1856 г, когда популярность его брата сошла на нет. (Человек молодой, плохо образованный, лишенный каких бы то ни было талантов, Собх-е Азаль совершенно не годился на роль, предназначенную ему Бабом). С этого времени Хусейн Али стал всеми признанным духовным лидером бабидского движения. В 1863 г Хусейн решил, что настало время рассказать некоторым из своих сподвижников о миссии, которой он был обличен в тюрьме Сиях-Чаль. Накануне своего отъезда в Стамбул (куда по просьбе шаха его заставили переехать турецкие власти) он вызвал к себе нескольких приближенных друзей и в саду Наджиб-паши открыл им, что он и есть тот самый Баха-Улла («Свет Божества»), о котором, как о своем высшем перевоплощении, сказал в одном из своих пророчеств Баб. Известие об этом распространилось среди бабидов. Переехав в Стамбул, Баха-Улла приступил к детальной разработке своего вероучения. Вытекая из бабизма, бахаизм имел много своих оригинальных черт. Если первый можно рассматривать как сектантское течение в рамках ислама, то второй обладал уже всеми признаками самостоятельной религии.

В своем учении Баха-Улла исходил из того, что земной мир лишь один из многих в беспредельном и бесконечно разнообразном космосе «Знайте же истину, что миры Господни неисчислимы и беспредельны, —

писал он — Никто не может сосчитать и достигнуть их, кроме Бога Всезнающего, Всемудрого.

Созидание Бога охватывает все миры вне этого мира, и все созданное отличается друг от друга. В каждом из этих миров Он предопределил вещи, которые никто, кроме Него Самого, Всевидящего и Всемогущего, не может отыскать. «Развитие всей Вселенной и каждого отдельного мира движется к одной, назначенной Господом цели. Он направляет и поддерживает это движение силой Своих Откровений.

Переходя к истории человечества, Баха-Улла подчеркивал в ней особое значение сменяющих друг друга пророков или явителей божественной воли. Пророк приходит в назначенное ему время и свидетельствует о Боге, отражая Его волю точно так же, как чистейшее зеркало отражает солнечный свет. Он — путь, соединяющий человека с Богом («Я есмь путь, и истина, и жизнь, — говорил Иисус, — никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего» То же самое, считал Баха-Улла, мог сказать о себе любой из великих пророков, будь то Мухаммад или Будда). Каждый Явитель заключает в себе как бы три составляющих. Прежде всего, как и у всех людей, это бренное тело, которое рождается и умирает, и бессмертная душа. Но, помимо них, все пророки имеют в себе также святой дух — некую божественную субстанцию или энергию Бога. Пророк материализует эту энергию в слова, в учение, которое затем передается людям.

Сообщаемые явителями божественные откровения и есть движущая сила любой цивилизации. Когда откровение проявляет себя, писал Баха-Улла, его преобразующее влияние на умы и сердца откликнувшихся на него людей находит свое повторение в новом обществе, постепенно обретающим форму на основе духовного опыта. Сначала появляется новый центр притяжения, способный увлечь представителей самых разных культур; музыка и искусство обращаются к новым символам; происходит разительное переосмысление понятий правильного и неверного, что дает возможность сформулировать кодексы закона и морали. Как следствие вырастают новые государственные и общественные институты, выражающие новые принципы их устройства. По мере того как новая культура прорастает в цивилизацию, она вбирает в себя достижения и прозрения предыдущих эпох, порождая множество новых, невиданных доселе метаморфоз. Те элементы прошлых культур, что не могут органически вписаться в эту цивилизацию, отмирают. Так Слово Божие, возвещенное пророком, создает новые возможности как для индивидуального сознания, так и для человеческих взаимоотношений. («Каждое слово, слетающее с уст Господа, — писал Баха-Улла, — наделено такой силой, что может вдохнуть новую жизнь в каждую плоть человеческую…»). Однако истина, возвещенная любым явителем, не есть истина абсолютная и вечная, она имеет ограниченный предел временного влияния. По мере того как непрерывно развивающаяся цивилизация исчерпывает свой духовный источник, неизбежно начинается процесс разложения, подобно тому как это происходит с физической реальностью. Тогда общество вступает в эпоху кризиса, ослабевает жизненная сила морали, распадаются социальные связи, религия теряет свою уместность, поиски нового становятся все более фрагментарными, углубляется

общественный раскол. И тогда наступает пришествие нового Явителя божественной воли, несущего следующую долю божественного вдохновения для новой стадии пробуждения и просвещения человечества.

Последовательное развертывание Божественных Откровений, учил Баха-Улла, есть «процесс, не имеющий начала и не имеющий конца». Миссия каждого пророка ни в коей мере не обособлена от других миссий и является неразрывной составной частью непрерывного поступательного процесса раскрытия божественной власти и воли. «Каждый из них, — писал Баха-Улла, — нес свою особенную Весть и каждому из них вверена была Богоявленная Книга… Мера откровения, отпущенная каждому из них, была незыблемо предопределена… «Каждый следующий пророк не отвергает, а лишь дополняет предыдущего, ибо задача у них одна — объединение. Так Авраам объединил племя, Моисей — народ, Мухаммад — нацию, Иисус — многие народы и нации. Задача его, Баха-Уллы, как одного из многих в бесконечной цепочке пророков, заключается в том, чтобы возвестить миру следующую часть Божественного Откровения — учение о единстве всего человеческого рода. Ибо целью чреды явителей Божественной воли должна стать подготовка общественного сознания к объединению рас в единое человечество, подобное единому организму, способному принять на себя ответственность за свое будущее. «Самая высокая ступень, — писал он, — в том, чтобы понять великие слова: все живые существа — плоды одного дерева, листья одной ветки, капли одного моря… Мир один и для всех отечество… Господь ваш милосердный уповает увидеть род человеческий подобным единой душе и единой плоти. Благоденствие человечества, его мир и спокойствие недостижимы до тех пор, пока не упрочится незыблемо его единство». Существует лишь одна человеческая раса, подчеркивал Баха-Улла, а унаследованные из прошлого утверждения о том или ином превосходстве определенной расовой или этнической группы над остальным человечеством лишены основания.

Баха-Улла писал: «О противоборствующие народы и племена земные! Обратите лица свои к единению, и да озарит вас сияние света его. Соберитесь же воедино и ради Господа решитесь искоренить то, что служит причиной раздоров между вами… Не может быть и тени сомнения в том, что народы мира всех рас и религий черпают вдохновение из одного божественного источника и подвластны единому Господу.

Различия законов, которым они подчиняются, надлежит приписать разнообразию требований и нужд тех эпох, когда они были явлены. Все они, за исключением лишь тех немногих, что являлись следствием человеческой извращенности, предначертаны Господом и отражают волю и промысел Его. Восстаньте же и, вооружившись мощью веры, разбейте идолов тщетного воображения вашего, сеятелей раздоров между вами…» Он предвидел, что объединение народов будет сложным и многогранным, охватывающим все сферы бытия и духа, то есть будет происходить не только в религиозном, но и в политическом, экономическом, культурном и других направлениях. Некоторые элементы этого объединения были им предсказаны. «Неизбежно настанет время, когда настоятельная необходимость созыва величайшего, всеобъемлющего собрания представителей человечества будет повсеместно осознана, — писал Баха-Улла. — Правители и цари земные непременно должны войти в него

и, участвуя в обсуждениях, рассмотреть пути и средства для закладки фундамента Вечного мира среди людей… Приближается тот день, когда все народы мира примут один всеобщий язык и единую письменность. Когда это будет достигнуто, то в какой бы город не прибыл путник, везде будет так, как будто входит он в собственный дом. Тот лишь истинно человек, кто во дни эти посвятил себя служению всему роду людскому… Не стоит гордиться любовью к своей стране, но должно гордиться любовью ко всему миру. Земля — единая страна, и все человечество — граждане ее».

Единство человечества, считал Баха-Улла, есть лейтмотив зарождающейся сейчас новой эры, то мерило, с которым надлежит соизмерять каждое предложение об усовершенствовании человеческого общества. Впервые в своей истории, пусть смутно, человечество осознало собственное единство, и то, что Земля — его единое отечество. Это пробуждение открывает возможность новой взаимосвязи между Богом и человечеством, результатом которого должно стать возникновение «новой расы людей», строящих единую мировую цивилизацию.

Учение Баха-Уллы вскоре нашло последователей в некоторых мусульманских странах.

Прежде других приняли его бабиды, многие из которых стали бахай. К 1868 г. бахаитские общины появились на Кавказе, в Сирии, Иране, Турции и Египте. В том же году под нажимом иранских властей Бах-Улла был сначала перевезен из Стамбула в Эдирне, а спустя короткое время под конвоем доставлен в палестинский город- крепость Акку. В то время она служила колонией, куда ссылали преступников со всех концов Османской империи. Из-за сырого климата, дефицита воды в Эдирне было трудно жить. Однако здесь Баха-Уллу суждено было провести остаток своей жизни.

Поначалу его заключение было достаточно суровым. Согласно султанскому указу, он должен был постоянно находиться под домашним арестом, общаясь исключительно с членами своей семьи. Его поместили в пустующие солдатские казармы и содержали очень строго. Но постепенно, по мере распространения его учения (в самой Турции почитателями бахаизма стали многие чиновники, офицеры и деятели культуры), контроль за ним смягчался. В 1870 г. Баха-Аллаха переселили в один из городских домов. В июне 1877 г. ему позволили переехать в Мазраи — небольшую усадьбу в нескольких километрах к северу от города, а в 1879 г. он перебрался в Бахджи — большой особняк, окруженный садами, который снял для него сын Абдул-Баха. Здесь он умер в мае 1892 г.

Последние годы Баха-Улла посвятил работе над своими сочинениями и приему многочисленных паломников. В 1873 г. был окончен его главный труд — «Священнейшая книга», сделавшийся «библией» всех бахай. К этому времени бахаизм уже проник во многие мусульманские страны. Последователями новой религии становились не только мусульмане, но также многие иудеи, парсы и буддисты.

Общины бахай возникли в Индии, Бирме и Средней Азии. Баха-Улла написал подробный свод законов для руководства жизнью своих последователей. Власть в каждой общине принадлежала собраниям, демократическим путем избираемым всеми членами общины.

Все решения должны были приниматься только коллективно. Никакого профессионального священства не предусматривалось. Трудолюбие было возведено в ранг богослужения. «О люди Баха, — писал Баха-Улла, — каждому из вас обязательно занятие каким-либо делом или ремеслом, или промышленным и тому подобным. В этих ваших занятиях мы видим суть служения Богу-Истине». Многие бахай по призыву своего вероучителя занялись торговлей и разбогатели. Каждый из них должен был отдавать 19 % общего дохода в пользу общины. Поэтому, по мере роста благосостояния отдельных бахай, быстро стало расти богатство их церкви.

После смерти Баха-Уллы, движение возглавил его сын Абдул-Баха. Он также подвергался репрессиям со стороны турецких властей и был освобожден по амнистии только в 1910 г. Дополняя учение отца, Абдул-Баха упразднил для бахай многоженство, введя строгую моногамию. Ему наследовал внук Аббас-Эфенди, который перед смертью не назначил себе преемника, считая, что время единоличного руководства церковью прошло. В настоящее время последователи бахаизма живут демократическими общинами, управляемыми Советами верующих. Кроме единого Бога бахай поклоняются девяти Его величайшим пророкам (в их числе Иисус Христос, Будда, Кришна). В каждом их храме девять входов — по числу пророков. Обрядность в бахаизме сведена к минимуму и включает в себя моление, медитацию, чтение священных книг бахаизма и других религий. Священников в храмах (Домах преклонения) нет, ежедневная молитва творится в одиночестве. Нет также учения о дьяволе и других темных силах. Бахаизм — единственная религия, признающая условную истинность своих догматов. Вечность души понимается бахай как вечное движение к непостижимой тайне Бога, Рай — как символ восходящего послесмертия, приближения к Богу, Ад — как символ послесмертия нисходящего, удаления от Бога.

Последователи бахаизма выступают за одинаковые права для мужчин и женщин, за отмену границ, за единое мировое правительство, единообразные и обязательные обучение и воспитание, против национальных культур и языков. Сами они используют английский язык (первоначально роль международного языка предназначалась эсперанто, который длительное время преподавался в бахаистских школах и служил языком переписки между бахай разных стран).

Начало широкому распространению бахаизма положил Аббас-Эфенди. Он проехал по всем странам мира и организационно оформил международную проповедь бахаизма. Сейчас практически невозможно найти ни одного района мира, где не начал бы укореняться образ жизни, которому учил Баха-Улла. Его учение имеет около 4 миллионов последователей в 166 государствах. Штаб-квартира бахаитов и главный храм (Всемирный Дом Справедливости) находятся в городе Хайфа (Израиль) На нужды церкви работают 25 крупных издательств, публикующих религиозную литературу более чем на 800 языках и диалектах. Храмы бахай построены во многих крупных городах планеты, но в некоторых мусульманских странах (например, в Иране) их церковь под запретом. В Европе и США учение бахай достаточно популярно среди творческой интеллигенции и молодежи.

Шри Рамакришна

Великий индуистский святой Шри Рамакришна родился 20 февраля 1833 г. в небольшой деревеньке Камаркапур, в 32 милях от Бурдвана. Его отец, человек очень бедный, принадлежал к касте брахманов и свято соблюдал все положенные ритуалы и обычаи.

В детстве Рамакришна был очень привлекательным ребенком, и родители в нем души не чаяли. К тому же он с ранних лет отличался удивительными способностями.

Память его была такова, что он с первого раза запоминал целые куски драматических религиозных представлений вместе с музыкой и словами. Он имел прекрасный музыкальный слух и очень любил музыку, а кроме того, хорошо рисовал и лепил изображения богов. Шести лет от роду Рамакришна был уже очень хорошо начитан в Пуранах, а также в «Рамаяне», «Махабхарате» и «Шримад-Бхагаватаме».

Отец Рамакришны умер, когда мальчику было семь лет. Семья, оставшаяся без средств, пережила тяжелые годы. Тогда старший брат Рамкумар переселился в Калькутту и открыл там школу. Одна богатая женщина построила неподалеку от города, в Дакшинесваре, большой храм в честь Великой Матери богини Кали.

Рамкумар несколько лет был в нем храмовым жрецом, но потом по болезни должен был отказаться от этой должности. В 1853 г. юный Рамакришна заступил на его место. С этого времени началась его яркая, очень насыщенная религиозная жизнь. Индийская традиция знает множество путей богопознания, но все они могут быть сведены к двум основным: к пути бхакти и пути джайнинов. Первый путь — путь любви — через любовный экстаз (садхану) ведет к слиянию с личным Божеством. Второй путь — путь сурового аскетизма и глубокой внутренней сосредоточенности — через отсечение всего внешнего и иллюзорного ведет к постижению безличного Абсолюта (Брахмана).

Рамакришна был одним из немногих, сумевших освоить оба пути. Однако опыт богообщения пришел к нему далеко не сразу и эта наука едва не стоила ему рассудка.

Сделавшись жрецом в Дакшинесваре, он вскоре стал горячим почитателем Кали и проводил подле ее изображения целые часы в совершении обрядов, пении гимнов и молитвах. Даже ночью он находился в постоянном общении с любимой Матерью. Ее изображение он воспринимал как живое существо. Позднее Рамакришна описывал, как это было: «Я прикладывал ладонь к ее ноздрям и чувствовал, что она дышит. Я внимательно всматривался, но по ночам, когда горел светильник, и не мог увидеть ее тень на храмовой стене. Из моей комнаты я слышал, как Мать взбегает по лестнице, по-детски весело звеня браслетами на ногах…» Случалось, он впадал в такое исступление, что заливался горькими безудержными слезами. Вся его жизнь проходила среди грез и видений. «Я… не заботился о сохранении своего тела, — вспоминал он позже, — мои волосы вырастали настолько, что можно было заплетать в них косы, и я ничего не знал об этом. Племянник мой, Хридайя, приносил мне каждый

день пищу, но иногда ему удавалось заставить меня проглотить несколько глотков, а иногда нет, и я не имел об этом никакого представления. Иногда я шел в отхожее место для прислуги и вычищал там все своими руками и молился: «О, Мать, разрушь во мне всякое представление о том, что я велик, что я брамин, что они низкой касты, что они парии, ибо кто они, как не ты, в другой только форме?»… Все это время я чувствовал в теле какое-то жгучее ощущение. Я целый день стоял погруженным в Ганг по самое горло и с мокрым полотенцем на голове, так как ощущение это было невыносимо».

Страстное религиозное чувство Рамакришны оказалось таким сильным, что быстро разрушало его рассудок и тело. Он уже был близок к сумасшествию, когда богиня в одном из видений сообщила, что посылает в Дакшинесвар женщину, которая поможет ему достичь совершенства. И действительно, около 1858 г. на берег Ганга, в место, где совершал свои подвиги Рамакришна, пришла прекрасная женщина. Никто не знал, как ее зовут, но все, кто вступал с нею в общение, бывали поражены ее необычайными познаниями. Она была очень начитана в философии и мифологии Индии и могла цитировать наизусть целые книги. У нее был прекрасный голос и она очень хорошо знала музыку. Но более всего она была искусна в йоге. Явившись в храм, она заявила, что ищет человека, отмеченного Богом, о существовании которого ей известно от божественного Духа: на нее возложена миссия его просвещения.

Рамакришна отдался в ее власть, и она приступила к его религиозному образованию.

Первым делом незнакомка излечила молодого жреца от снедавшего его внутреннего жара. «Она покрыло мое тело пастой сандального дерева, — вспоминал он, — и возложила гирлянду на мою шею, и боль прошла в три дня». Затем, хорошо знакомая с трудным и опасным делом богопознания, сама проделавшая все требуемые религиозные упражнения, она систематически, по правилам, предписываемым священными книгами, повела его по всем путям садханы. С ее помощью Рамакришна освоил множество аскетических упражнений, которые делают человека господином своего тела, подчиняют его страсти разуму и производят полное и глубокое сосредоточение его мысли. Когда он овладел всеми способами слияния с Богом через любовь, авторитетные теологи, созванные его наставницей в Дакшинесваре, признали в Рамакришне нового аватара — воплощение Божества. После этого его популярность стала быстро расти. Все стремившиеся к Богу тем или иным путем — монахи, аскеты, ученые — приходили к нему за советом и вдохновением.

Когда это обучение завершилось, у Рамакришны в 1864 г. появился другой наставник — Тота-пури («Нагой человек»). Суровый джайн, всю жизнь предававшийся аскетизму, великий знаток Веданты, он заинтересовался Рамакришной и остановился на несколько месяцев в Дакшинесваре, что бы объяснить ему сущность Брахмана, единого и неделимого. Тота-пури поведал Рамакришне про путь самадхи, состоящий в полном отключении сознания и погружении в свое «я», ради осуществления слияния с Брахманом. Обычно самадхи достигали после многолетней упорной тренировки, но Рамакришна сумел прийти к ней уже через несколько дней. Потом он так рассказывал о 489 своем первом опыте

самадхи: «Тота-пури приказал мне отвлечь мой ум от предметов и погрузиться в лоно Ат-мана. Но, несмотря на все мои усилия, я не мог миновать царство имен и форм и привести свой дух в состояние «безусловности». Мне не стоило никакого труда отвлечь свой ум от всех предметов, за исключением одного: это был слишком близкий мне образ моей лучезарной возлюбленной Матери (Кали), сосредоточие чистого познания, являвшийся мне как живая реальность. Он преграждал мне дорогу к потустороннему. В отчаянии я сказал Тота-пури: «Это невозможно. Мне не удается поднять свой дух до состояния «безусловности», чтобы оказаться с глазу на глаз с Атманом. Он строго возразил мне: «Как ты не можешь? Ты должен». Оглядевшись вокруг себя, он нашел кусок стекла, взял его и вонзил кончик мне в переносицу и сказал: «Сосредоточь свой ум на этом острие». Я напряг все мои мысленные способности, и лишь только передо мной возник прелестный образ божественной Матери, я воспользовался способностью размышления и, действуя как мечом, рассек этот образ надвое. Тогда исчезло последнее препятствие, и мой ум тотчас же вознесся за пределы «условных» вещей. Я растворился в самадхе… Вселенная померкла. Исчезло само пространство. Вначале мысли-тени колыхались на темных волнах сознания. Только слабое осознание моего «я» повторялось с монотонным однообразием… Вскоре и это прекратилось. Осталось одно лишь Существование. Душа потонула в своем «я». Всякая действительность исчезла. Пространство конечное и пространство бесконечное слились в одно. За пределами слова, за пределами мысли я достиг Брахмана…»

Достижение самадхи позволило Рамакришне обобщить и углубить свой религиозный опыт. Соприкоснувшись с безликим Абсолютом, он не отверг Матери и всего того конкретного мира, который стоял за ней. Для Тота-пури окружающий мир являлся не более чем иллюзией — майей, то есть пустотой, ложью, которую достаточно раскрыть, чтобы избавиться от нее навсегда. Он не понимал, что любовь также может быть одним из путей, ведущих к Богу, презирал громкие молитвы, внешние проявления благочестия, музыку, пение, религиозные танцы. Но Рамакришне чувственный мир природы не казался иллюзией, он также был Богом, ибо Бог, в его понимании, был всем. Он осознал, что Мать Кали есть то же самое, что Брахман, тот же Абсолют, но только входящий в соприкосновение с людьми, безличное, которое становится личным Божеством. Она — начало всех воплощений, божественная посредница между бесконечным и конечным. Он объяснял после своим последователям: «Кали есть первоначальная энергия. Когда она бездеятельна, мы называем ее Брахманом. Но когда она проявляет себя в созидающей, сохраняющей, разрушающей деятельности, мы называем ее Шакти (или Майя) или Кали… Брахман и Кали нисколько не отличны друг от друга, так же как огонь не от горения. Когда думаешь об одном, нельзя не думать о другом. Принять Кали — значит принять Брахмана. Принять Брахмана — значит принять Кали, Брахман и его власть тождественны». В конце концов Тота-пури согласился с этой точкой зрения.

Он покинул Дакшинесвар в конце 1865 г., а Рамакришна полностью отдался самадхе. «Целые полгода, — вспоминал он позже, — я оставался в этом совершенном состоянии, которого люди редко достигают, а если

иногда и достигают, то они не могут уже потом вернуться к своему индивидуальному сознанию. В те дни я совершенно не осознавал внешнего мира. Мое тело умерло бы от недостатка пищи, если бы не саду — религиозный аскет, достигший высоких степеней совершенства, который в те дни пришел ко мне… Он… позаботился сохранять мое тело в то время, как я даже не сознавал самого существования этого тела. Он имел обыкновение приносить мне пищу каждый день и, когда видел, что все его способности возвратить меня к сознанию не достигают цели, он даже бил меня тяжелой палкой, чтобы боль привела меня в себя. Иногда ему удавалось пробудить во мне нечто вроде частичного сознания и он старался поскорее воспользоваться этими короткими мгновениями, чтобы заставить сделать несколько глотков пищи…

Однажды, несмотря на сильные удары палкой, ему не удалось совсем пробудить меня, и он был он очень огорчен».

После шести месяцев такой жизни тело, наконец, не выдержало, и Рамакришна тяжело заболел дизентерией. Эта болезнь, вспоминал он, помогла ему постепенно, в течение одного или двух месяцев, возвратиться к полному сознанию. Но он не жалел, что подверг себя такому испытанию. Полугодовая самадха принесла ему осознание, что все люди — дети одной матери, что надо любить Бога во всем разнообразии созданных им людей, во всех формах мысли, а прежде всего надо любить людей во всех их богах. Именно тогда он понял, что все религии различными путями ведут к одному и тому же Богу, и решил исследовать все эти пути. Первая религия, к которой он обратился тотчас после выздоровления, был ислам. Рамакришна начал изучать его в конце 1866 г. Его обращение в мусульманство было полным. К великому изумлению и ужасу единоверцев, он не только перестал поклоняться индуистским богам, но даже не думал о них. Все его помышления и речи были только об Аллахе. Рамакришна одевался на магометанский манер, пять раз в день совершал намаз и простер свое усердие до того, что готов был отведать мяса священной коровы. (Впрочем, его друзья и родственники не допустили такого, кощунства.) Через несколько месяцев напряженных религиозных исканий к Рамакришне явился Мухаммад. Тогда он решил, что полностью воспринял! мусульманское богословие и обратился к другим религиям: буддизму и кришнаизму. Чтобы достичь великой любви к Кришне, он в течение нескольких дней одевался в женские наряды, представляя себя гопи, и наконец достиг желаемой цели ему явился прекрасный образ Кришны. Таким образом он постепенно осуществил на деле высокие идеалы всех индийских религий. Путь его познания того или иного вероучения обычно был одинаков: Рамакришна находил какого-нибудь ученого и доброго человека, исповедующего интересующую его религию, и просил его стать для него наставником. Тот приходил в Дакшинесвар и поучал его, как следует достигать искомого идеала. В последние годы своей жизни Рамакришна стал деятельно изучать и осуществлять христианское учение. Искания завершились явлением светоносного Иисуса. Это видение было настолько сильным, что в течение трех дней потом Рамакришна не мог говорить ни о чем другом, как только о Христе и Его любви. Во всех открывшихся ему богоявлениях отличительной чертой было то, что он поначалу видел их вне себя, а потом они исчезали, как бы входя в него. Так

было с Рамой, Сивой, Кали, Кришной, Иисусом и всеми другими богами и пророками. После всех этих видений и осуществления многих религий, Рамакришна пришел к заключению, что все религии истинны, хотя каждая из них берет только одну сторону неделимого и вечного бытия, знания и блаженства. Он говорил позже ученикам. «Я исповедовал все религии: индуизм, ислам, христианство и следовал по пути различных сект индуизма. И я понял, что все они различными дорогами приближаются к одному и тому же Богу… И вам следует приобщиться ко всем этим верованиям и пройти по этим путям. Я вижу, что все люди враждуют во имя религии: индусы, магометане, брахманисты, вайшнавы и т. д. И они не понимают, что тот, кого зовут Кришна, зовется также Шива, или Первоначальная Энергия, или Иисус, или Аллах — Единый Рама, обладающий тысячами имен… Все ищут одну и ту же Сущность, меняется только климат, темперамент и имя… Пусть каждый следует своей дорогой. Если он искренне, страстно желает познать Бога, пусть не тревожится. Он достигнет Его…»

Свои проповеди Рамакришна начал в 1879 г., когда у него появились ученики.

Одними из первых пришли к нему Ракхалчандра Гоша (известный позже как Брахмананда) и Нарендранат Датта (получивший всемирную известность под именем Вивекананды). Свои откровения Рамакришна не стремился облечь в систему каких- либо догматов. Он никогда не выдавал себя за основателя новой религии и считал себя всего лишь проповедником древнего вероучения Индии, основанного на Ведах и Упанишадах. Рамакришна говорил ученикам: «Мы должны строить на других основах, чем создатели религии. Мы должны жить интенсивной внутренней жизнью, чтобы она сама стала Существом. Существо даст начало неисчерпаемым светочам правды. Реки низвергаются оттого, что породившая их гора остается неподвижной… Воздвигнем же посредине человечества гору Господню. Неважно, где и когда она будет воздвигнута, от нее потекут реки света и сочувствия на всех людей и на все времена».

Его миссия, считал он, состоит в том, чтобы нести людям весть об истинности всех религиозных истин, порожденных искренним чувством верующих. Однако примирение религий являлось для него лишь одним из факторов великой гармонии. Рамакришна хотел бесконечно большего- он хотел, чтобы человек весь целиком понял, почувствовал и полюбил человека в целом, чтобы он слился с существом всего человечества. Так как божественное начало, считал он, присуще всякому существу, всякая жизнь была для него (и должна была стать для всех) своего рода религией.

Он считал, что чем сильнее мы любим человека, — человека самого несходного с нами — тем ближе мы к Богу («Вы ищите Бога? — спрашивал Рамакришна. — Ну, так ищите Его в человеке! Божественное проявляется в человеке больше, чем в чем-либо другом».) Нет необходимости идти для обращения к Богу в храм, призывать Его Для чудес и откровений. Он здесь, повсюду и ежечасно, мы видим Его, касаемся Его, Он — наш брат, наша вера, Он — это мы. «Милосердие, — говорил Рамакришна, — это любовь, которая распространяется на всех и которая не ограничивается собою, своей семьей, своей сектой, своей страной». Истинное милосердие — это любовь к Богу во всех людях. Нельзя по-настоящему любить человека, если

не любишь в нем Бога. И наоборот, нельзя хорошо познать Бога, пока не увидишь Его в каждом человеке. (Вместе с тем его ясный дух видел и другую сторону бытия, находившуюся по ту сторону добра и зла. Он говорил ученикам: «Абсолют не связан ни с добром, ни со злом. Он таков, как свет лампы. Вы можете благодаря ему читать Священное Писание, но можете также при этом же свете подделывать подписи… Каков бы не был грех, зло или страдание, которые мы находим в жизни, они являются страданием, злом и грехом только по отношению к нам. Абсолют ими не затронут. Он над ними и вне их. Его солнце одинаково сияет над Злом и над Добром… Я боюсь, что вы должны принять события, совершающиеся во Вселенной, такими, какие они есть. Человеку не дано познать с ясностью пути Господни…»)

Мироощущение Рамакришны вело к распространению вокруг него ауры благодати.

Пишут, что в конце жизни у него открылись многие чудесные способности, как, например, чтение мыслей, способность предсказывать будущее, ясновидение, дар излечивать болезни простым волевым усилием. Он имел огромную силу внушения и мог менять внутреннюю установку человека одним только прикосновением к нему.

Например, люди, находящиеся под властью телесных желаний, чувствовали после общения с ним, что мысли их больше не возвращаются к телесным наслаждениям, скряга вдруг открывал, что любовь к золоту оставила его, и т. п. Многие серьезные люди всех вер и сект стекались к Рамакришне, чтобы получить поучение и напиться воды жизни. Число его почитателей и учеников быстро росло. Одним из таких восторженных поклонников Рамакришны в 1876 г. стал Сен Кешобчондро (смотри о нем выше в жизнеописании Раммохана Рая). Книги Сена о Рамакришне вызвали большой интерес к нему в самых широких кругах Индии, после чего поток паломников в Дакшинесвар многократно увеличился. Рамакришна никому не отказывал в беседе и духовном наставлении, отдавая общению со страждущими все свое время. Когда ученики говорили ему, чтобы он отдохнул, Рамакришна отвечал: «Я готов выносить с охотой всевозможные страдания тела тысячи раз, если только этим я приведу к свободе и спасению хоть одну душу». «Те, кто его не знал, — вспоминал позже ученик Рамакришны Свами Шивананда, — не могут себе представить, как много сил и времени этот отрешившийся от земных дел человек отдавал людям, выслушивая их мирские печали и облегчая их…» (Сила его сострадания была огромна. Сообщают, что однажды он увидел человека, жестоко иссеченного плетью, и был так потрясен, что на его собственной спине появились характерные багровые полосы, словно он сам прошел через это наказание.) Величайшее напряжение в конце концов подорвало его организм. В начале 1885 г. Рамакришна заболел горловой болезнью, которая развилась в рак. Его состояние ухудшалось с каждым днем. 16 августа 1886 г. он погрузился в самадху, из которого уже не вышел.

После смерти Рамакришны, его ученики во главе с Вивеканандой сначала устроили монастырь на берегу Ганга в Баранагоре, а затем перебрались в Алумбазар. В 1897 г. Вивекананда основал своего рода религиозный орден, получивший название «Миссия Рамакришны». Его целью было объявлено проповедовать истины, которые Рамакришна

высказывал и осуществлял в действительности «для установления братства между приверженцами различных религий, помня, что все они — лишь различные формы единой вечной религии». Отталкиваясь от идей учителя, Вивекананда стал разрабатывать вероучение, охватывающее не только все религии, но и всю мораль, и вообще все духовное начало в мире. Миссия начала учреждать монастыри вместе с центрами по социальному развитию, включая больницы, амбулатории, колледжи, сельскохозяйственные и профессиональные училища, библиотеки и издательства. В XX в. она заметно усилила свою деятельность: сейчас, кроме 90 отделений в Индии, миссия представлена 50 филиалами во многих странах мира.

Елена Блаватская

Елена Петровна Блаватская (в девичестве Ган) родилась в июле 1831 г. в аристократической семье. Ее отец, конно-артиллерийский полковник, постоянно переезжал со своей батареей из одного города в другой. Семья жила то в Одессе, то в Туле, то в Петербурге, то в Полтаве, то в Гадяче. С детства Елена была ребенком очень впечатлительным, восприимчивым ко всему необычному и открытым к явлениям потустороннего мира. Как она позже признавалась, голоса и видения стали преследовать ее с 11 лет. После смерти в 1842 г. матери, Елена и ее младшая сестра Вера воспитывались в Саратове у дедушки и бабушки. В их доме оказалась большая, хорошая библиотека, где девочка нашла множество книг по оккультным наукам, алхимии, магии и т. п. Все это было жадно прочитано Еленой еще в отроческом возрасте. В 1847 г., когда ее дедушку Андрея Михайловича Фадеева назначили управляющим государственными землями в Закавказье, вся семья переехала в Тифлис.

В юности Елена Петровна отличалась взбалмошным и своенравным характером.

Необычная история ее раннего замужества яркий тому пример. Пишут, что однажды гувернантка, обиженная какой-то из ее выходок, предрекла, что ей никогда не выйти замуж. Задетая этим, Елена Петровна сделала все, чтобы вскружить голову генералу Блаватскому, который был втрое старше ее, а когда тот попросил ее руки, немедленно дала согласие. Как и следовало ожидать, этот скоропалительный брак оказался неудачным. Поженившись в июле 1849 г., супруги прожили вместе всего три месяца и (как писала позже сама Блаватская) ни разу не были близки. В сентябре Елена Петровна бежала из Еревана (где служил генерал Блаватский) к бабушке в Тифлис и объявила, что покончит с собой, если ее попытаются вернуть к мужу.

Родные решили отправить ее к отцу в Одессу. Однако в Поти Блаватская села на другой корабль — английский парусник, который шел в Стамбул, — и тайно покинула Россию. С этого времени начались ее многолетние скитания по миру.

В Стамбуле у Блаватской быстро закончились деньги. Чтобы сводить концы с концами, она пошла работать наездницей в цирк, но однажды упала с лошади и сильно разбилась. Вскоре она повстречала свою знакомую графиню Киселеву, которая пригласила ее попутешествовать

вместе с собой. (Выполняя желание графини, Блаватская весь путь проделала в мужском костюме.) Прежде всего они отправились в Египет, потом посетили Ливан, Ирак, Сирию, побывали в Греции, Германии и Франции. В начале 1851 г. Блаватская вместе с другим старинным другом семьи и своей крестной — графиней Багратион — поехала в Лондон. Здесь произошло таинственное и необыкновенное событие, перевернувшее всю ее жизнь, она встретила своего Учителя — великого Махатму по имени Мория. (Махатмы, согласно теософскому учению, это полные воплощения выходцев с Венеры — солнечных людей. Махатмы являются тайными благодетелями человечества, исподволь направляющими его развитие, и хранителями знаний древнейших допотопных цивилизаций. Во времена Блаватской их местопребывание находилось севернее Гималаев, вероятно, в Тибете.) Об этой встрече сохранилось очень мало известий. В 1851 г. в английской столице проходила Всемирная выставка. Желающие посетить ее съезжались со всего света. Неожиданно в одной из индийских делегаций Блаватская увидела странного индуса — точно такого, какой незадолго до этого привиделся ей во сне. Произошло это 31 июля в день ее двадцатилетия. Индус (Учитель, как потом всегда называла его Елена Петровна) также тотчас узнал в Блаватской ту женщину, с которой должен был встретиться в Англии. На другой день они сошлись в Гайд-парке и Учитель рассказал ей о том, что он и его сподвижники собираются открыть европейцам частицу древних тайных знаний Востока, и Блаватская должна помочь им в этом деле. Но прежде она должна подготовиться к своей трудной миссии и провести три года в Тибете и Индии.

Следующие семь лет являются самыми таинственными в жизни Блаватской, когда она совершенно исчезла из поля зрения своих родных и знакомых. Сама она очень мало рассказывала об этом периоде. Каких-либо писем или воспоминаний, относящихся к нему, также не осталось. Биографы Блаватской оказались в трудном положении и вынуждены, заполняя промежуток между 1851 и 1858 гг., пользоваться всякого рода непроверенными данными, отрывочными свидетельствами случайных людей и поздними полупризнаниями самой Блаватской. Сильвия Крэнстон, автор наиболее апологетического (можно сказать, официального) жизнеописания основательницы Теософского общества, представляет это время как одно бесконечное путешествие: Блаватская переезжает из одной страны в другую и, с легкостью пересекая океаны, кочует из Старого Света в Новый.

Княгиня Багратион скончалась в том же 1851 г., оставив своей крестнице небольшое наследство. Приобретя таким образом материальную независимость, Блаватская отправилась в Канаду, желая, по свидетельству Крэнстон, изучать верования североамериканских индейцев. Опыт оказался не очень успешным, индейцы, с которыми она познакомилась в Квебеке, скрылись через некоторое время, захватив часть ее вещей. Тогда Блаватская обратила свой взор на Южную Америку Она приехала в Новый Орлеан, через Техас добралась до Мексики, а потом отправилась дальше на юг. Крэнстон пишет, что ее интересовало все, что было связано с древнейшими индейскими цивилизациями, и она посетила руины многих городов доколумбовой Америки. В 1852 г., удовлетворив отчасти свое любопытство, Блаватская отплыла в Индию. Спутниками ее были какой-то

англичанин, с которым она познакомилась в Германии, и какой-то индус, встреченный ею в Гондурасе.

Втроем они через мыс Доброй Надежды добрались до Цейлона, а оттуда на паруснике — до Бомбея. Об этом своем первом посещении Индии Блаватская позже писала в письме князю Дондукову-Корсакову: «В Англии я видела его (своего Учителя) всего дважды, и при нашем последнем разговоре он сказал мне: «Индия предназначена тебе, но позже, лет через 28–30. Поезжай туда и посмотри страну». Я поехала — сама не зная зачем! Я была как во сне. Провела там около двух лет, путешествуя и каждый месяц получая деньги, понятия не имея от кого они и добросовестно следуя по указанному пути. Я получала письма от этого индуса, но за эти два года не видела его ни разу». Добравшись наконец до Гималаев, Блаватская хотела через Непал ехать дальше в Тибет, но британские власти не пустили ее. Учитель в одном из писем велел ей возвращаться в Европу. По пути она побывала на Яве и в Сингапуре. У мыса Доброй Надежды корабль, на котором она плыла, потерпел крушение, но все пассажиры спаслись.

В начале 1854 г. Елена Петровна прибыла в Лондон и вновь увиделась с Учителем. «Мы встретились с ним в чужом доме, в Англии, куда он приезжал с одним туземным развенчанным принцем, — вспоминала она позже, — наша встреча ограничилась двумя разговорами, которые хотя тогда и произвели на меня сильное впечатление своею неожиданной странностью, даже суровостью, но, как и многое другое, все это кануло с годами в Лету…» Из Англии она опять поплыла в Америку — на этот раз в США, пожила некоторое время в Нью-Йорке, потом переехала в Чикаго. Здесь она присоединилась к каравану переселенцев и вместе с ними пересекла весь Северо-Американский континет до Сан-Франциско. (По пути она сделала остановку в Солт-Лейк-Сити, столице мормонов, учение которых ее будто бы очень занимало.). В 1855 г из Сан-Франциско Блаватская отправилась в новое плавание через Тихий океан в Индию, побывав по пути в Японии и Сингапуре. В начале 1856 г. она добралась до Калькутты. Это второе индийское путешествие проходило уже под непосредственным руководством Учителя. Позже в своей «Разоблаченной Изиде» Блаватская вспоминала: «Когда много лет тому назад мы… путешествовали по Востоку, исследуя тайники его покинутых святилищ, два мучительных и постоянно приходящих на ум вопроса угнетали мой ум: «Где, Кто и Что есть Бог? Кто видел когда-нибудь бессмертный дух человеческий и смог убедиться в бессмертии человека?» Стремясь изо всех сил разрешить эти ставящие в тупик вопросы, мы именно тогда и соприкоснулись с некоторыми людьми, наделенными таинственными силами и такими глубокими познаниями, что поистине мы можем назвать их Мудрецами Востока. Они показали нам, что при объединении науки с религией существование Бога и бессмертного человеческого духа могут быть доказаны так же, как теорема Евклида…». В следующие два года Блаватская объездила вдоль и поперек всю страну. Свои впечатления она описала двадцать лет спустя в увлекательной книге очерков «Из пещер и дебрей Индостана», опубликованной на русском языке под псевдонимом Радда-Бай. Тогда же через Кашмир, в сопровождении одного татарского шамана, она совершила небольшое путешествие в Тибет. В 1857 г., незадолго до того, как Индию охватило восстание сипаев, Учитель велел

Блаватской возвращаться в Европу. Через Яву, Францию и Германию Блаватская в конце 1858 г., после десятилетнего отсутствия, приехала в Россию.

Описанная Сильвией Крэнстон одиссея не может не вызывать изумления. По силам ли было совершить все это юной девушке, которой едва исполнилось двадцать лет и лишенной к тому же каких-либо источников материального обеспечения? Враги Блаватской (а их всегда было немало) писали позже, что она вообще в эти семь лет не покидала пределов Европы, а, переезжая из одного города в другой, вела сомнительную жизнь дамы полусвета, то с одним, то с другим своим «покровителем». Однако подтвердить эти обвинения хоть сколько-нибудь серьезными свидетельствами они не смогли. Блаватская любила и умела окружать себя таинственностью, и, скорее всего, ясного ответа на вопрос: как и где прожила она эти семь лет, никогда не будет дано. Сенкевич, автор одного из жизнеописаний Блаватской, допускает, что она все-таки совершила в эти годы путешествие на Восток и, возможно, побывала в Индии. Что касается странствий по Америке, то это, по-видимому, легенда. Следующие восемь лет жизни Блаватской, которые она безвыездно провела в России, изучены достаточно подробно. Однако и этот период имеет свои тайны. Остановившись инкогнито в Петербурге, она прежде постаралась через родных выведать о планах своего мужа (она все еще боялась, что тот принудит ее возобновить супружескую жизнь). Генерал Блаватский ответил коротким письмом, в котором давал честное слово не преследовать жену и предоставить ее своей собственной судьбе. Успокоившись на этот счет, Блаватская поехала в Псков, где тогда жили ее отец и младшая сестра Вера. Возвращение «блудной дочери» и ее водворение в лоне семьи прошли на удивление буднично. Ни внешностью (в те годы она уже начинала полнеть), ни манерами Елена Петровна совсем не походила на человека, дважды путешествовавшего вокруг света. Впрочем, что-то необычное в ней все-таки было. Позже сестра вспоминала, что Блаватская «была окружена таинственной атмосферой явлений, видимых и слышимых, и ощутительных для всех ее окружавших, но совершенно ненормальных и непонятных».

Стоило Блаватской войти в дом, как отовсюду начинали раздаваться странные звуки, предметы сами собой сдвигались с места, являлись призраки и т. п. (Описывают, к примеру, такой случай. Однажды, когда ее попросили продемонстрировать свои способности, Елена Петровна устремила взгляд на небольшой шахматный столик и попросила желающих приподнять его; однако никто из мужчин не смог даже сдвинуть его с места. Когда же она отвела глаза, столик вновь обрел подвижность.) 1859 г. Блаватская провела отчасти в Петербурге, отчасти в имении сестры Ругодево. В 1860 г. сестры отправились в Тифлис, к бабушке и дедушке. Здесь Елена Петровна прожила до 1866 г. К тифлисскому периоду ее жизни относят роман с эстляндским бароном Николаем Мейендорфом, от которого она в 1862 г. будто бы родила сына Юрия. Этот эпизод не ясен. Сильвия Крэнстон ни словом о нем не упоминает. По свидетельству Сенкевича, родные, чтобы избежать огласки, отослали Елену Петровну в дальний гарнизон, в Мингрелию. Якобы тамошнему военному врачу пришлось принимать у Блаватской роды. Будучи совершенно неопытным в

акушерском искусстве, он причинил новорожденному сильные увечья — мальчик появился на свет тяжело больным уродом. В дальнейшем Блаватская упорно отказывалась от материнства, утверждая, что воспитывает чужого ребенка. В последние годы жизни она неоднократно писала о своей девственности и даже предъявляла справку от врачей, свидетельствовавшую, что она не способна к любовным отношениям.

Разумеется, враги Блаватской никогда не верили этому документу. Но следует признать, что ее отношения с мужчинами всегда были несколько отстраненными и совершенно лишенными какого-либо эротического привкуса. К своему внешнему облику и вообще к тому, как она выглядит в чужих глазах, Елена Петровна относилась с совершенным равнодушием. Она вечно появлялась перед гостями в старых, немодных платьях, постоянно курила маленькие сигаретки и, не смущаясь, употребляла в разговорах крепкие выражения. Эксцентричность ее манер многих шокировала и отталкивала. Хотя в двадцатилетнем возрасте она была стройной и достаточно миловидной девушкой, спустя десять лет ее полную, мешковатую фигуру едва ли можно было назвать красивой. Однако сказать, что Блаватская вовсе не нравилась мужчинам, все же нельзя. Ее яркой особенностью были огромные, бездонно-голубые, загадочные глаза (это отмечали все, кто писал или хотя бы вскользь упоминал о Елене Петровне).

Конец оседлой жизни наступил в 1866 г., когда Блаватская покинула Россию столь же неожиданно, как в нее вернулась. По словам Крэнстон, ее толкнула на это скука обывательского существования. Чтобы развеяться, Елена Петровна будто бы вновь отправилась в дальнее путешествие: побывала в Греции, Египте, Сирии, Ливане и Персии, а потом поселилась в Италии. Сенкевич, не склонный слишком романтизировать Блаватскую, видит причину отъезда в другом. Как раз в это время в Тифлис приехал известный оперный певец Агарди Митрович, с которым Блаватская познакомилась еще во время своего первого пребывания в Стамбуле. Он предложил Елене Петровне ехать вместе с сыном вслед за ним в Италию, что она и сделала.

Осенью 1867 г. Юра умер, что стало для Блаватской тяжелым ударом (неизвестно, был ли это ее родной сын или приемный, но она относилась к нему с подлинно материнской нежностью). Крэнстон (в жизнеописании которой мотив материнства Блаватской совершенно отсутствует) пишет, что по приезде в Италию, та каким-то образом оказалась в отряде Гарибальди и была довольно серьезно ранена в сражении под Ментаной. Об участии Блаватской в походе гарибальдистов писали некоторые газеты. Сама она относилась к этим сообщениям достаточно иронично, но, по своему обыкновению, ничего не опровергала (некоторым она даже показывала на своем теле следы от четырех или пяти ран, полученных в том бою).

В описании дальнейших событий у разных авторов опять нет единства. Крэнстон сообщает, что оправившись от ранений, Блаватская поспешила в Грецию. Здесь она получила повеление от Учителя ехать в Стамбул, а оттуда вновь плыть в Индию. Так началось третье, самое таинственное, пребывание Блаватской в этой стране. В анналах Теософского общества не сохранилось о нем практических никаких

сведений.

Из многих намеков, рассеянных по сочинениям Блаватской, можно заключить, что то были годы напряженной учебы под руководством Махатмы Мориа и других Учителей.

Переправившись через Гималаи, Блаватская некоторое время провела в «штаб- квартире Братства совершенных адептов», постигая эзотерические буддийские учения. Потом, отправившись в Тибет, она долгое время жила в столице Панчен-ламы Ташилумпо, совершенствуясь под наблюдением опытных наставников в тайных науках Востока. Доверие Учителей к Блаватской было столь велико, что они обучили ее тайному жреческому языку и позволили ознакомиться с несколькими манускриптами, освещающими события глубокой, допотопной древности. В конце 1870 г., когда обучение завершилось, Блаватская через Суэцкий канал вернулась в Европу.

Совсем иначе описаны эти годы в книге Сенкевича. По его словам, после смерти Юры Блаватская и Агарди Митрович некоторое время прожили в Киеве, откуда переехали в Одессу. Здесь они ужасно бедствовали. Бывали дни, когда им буквально нечего было есть Чтоб хоть как-то добыть денег, Елена Петровна пробовала заниматься коммерцией. Она преуспела во всяких рукоделиях, и одно время у нее была мастерская по изготовлению искусственных цветов. Когда это дело себя не оправдало, она изобрела какой-то дешевый способ производства чернил и пыталась наладить их выпуск, но также безуспешно. Начало 1871 г., казалось, принесло надежды на лучшее будущее — Агарди Митрович получил приглашение в каирскую оперу. Блаватская и ее друг спешно отплыли в Египет. Пароход, на котором они совершали путешествие, вез в трюмах большой груз пороха и фейерверков. 4 июня 1871 г., когда судно находился вблизи острова Спеце, на нем начался пожар, закончившийся взрывом. Вместе с многими другими пассажирами во время этой катастрофы погиб Митрович. Блаватская чудом спаслась, но осталась без всяких средств (все ее вещи утонули). Зиму 1871/72 гг. она провела в Каире, перебиваясь с хлеба на воду, а весной 1872 г. вернулась в Одессу. (В книге Сильвии Крэнстон события поданы под другим углом. Здесь сообщается, что, возвратившись в 1871 г. из Индии, Блаватская поселилась на Кипре. В июне она села на пароход, шедший в Египет, и пережила описанное выше кораблекрушение. Затем какое-то время она провела в Александрии и Каире, а в начале 1872 г. отправилась в новое путешествие по Ближнему Востоку посетила Сирию, Палестину, Ливан, Анатолию Из Стамбула она приплыла в Одессу и провела там девять месяцев). Это был ее прощальный визит на историческую родину. Осенью 1872 г. Блаватская навсегда покинула Россию.

Заехав по дороге в Бухарест, она прибыла в Париж, откуда в декабре 1872 г отправила любопытное письмо начальнику жандармского управления города Одессы. В своем послании Блаватская сообщала, что готова по заданию российского правительства исполнять за рубежом обязанности тайного агента. Жандармское управление не пожелало воспользоваться ее услугами, однако за границей каким-то образом стала известна эта сторона интересов Елены Петровны, и репутация «русской шпионки» удерживалась за ней еще в течение многих лет (особенно

подозрительно в дальнейшем относились к Блаватской британские колониальные власти в Индии).

Во французской столице Блаватская жила совсем не долго. В июне 1873 г. она уже плыла через океан к берегам своей новой родины — в Соединенные Штаты Америки.

Едва прибыв в Нью-Йорк, Елена Петровна стала хлопотать о получении американского гражданства. Между тем ее жизнь в Америке начиналась не легко. Как раз в это время умер ее отец. Денежные переводы из России прекратились, и Блаватская сильно нуждалась. В целях экономии она поселилась в многоквартирном доме на Медисон-стрит — в одном из самых бедных районов Нью-Йорка. На жизнь ей пришлось зарабатывать изготовлением рекламных карточек, искусственных цветов и галстуков для одного еврея-лавочника. Она также пыталась делать украшения из кожи, но они не пользовались спросом. В октябре 1873 г., после того как Блаватская получила свою часть отцовского наследства, ее материальное положение значительно улучшилось.

Теперь она могла обратиться к тому, ради чего отправилась за океан. В то время Соединенные Штаты переживали период увлечения спиритуализмом. Все необыкновенное, имеющее привкус потустороннего, было в моде и находилось в центре общественного внимания. Блаватская, которая имела способности сильного медиума, предполагала заинтересовать ими американских спиритуалистов. В октябре 1874 г произошла ее знаменательная встреча с корреспондентом влиятельной газеты «Нью-Йорк дейли грэфик», бывшим полковником американской армии Генри Стилом Олкоттом. Олкотт приобрел известность своими репортажами о разного рода таинственных явлениях. Блаватская, читая их, проницательно угадала в авторе родственную душу и постаралась завоевать его дружбу Знакомство будущих основателей Теософского общества состоялось за обедом на ферме Эдди (весьма таинственном месте, где ежедневно являлись призраки, звучали голоса, двигались предметы и творились другие необычные вещи). Полковник галантно поднес огонь к сигаретке своей соседки, после чего завязался оживленный разговор. Вскоре Олкотт был совершенно очарован самой Блаватской, ее рассказами о далеких путешествиях, ее познаниями в области оккультных наук, мистицизма и восточных религий, а также ее даром медиума. Он открыл Блаватской путь в редакцию «Грэфик», и вскоре там стали появляться ее статьи, сразу обратившие на себя внимание. К лету следующего года вокруг Олкотта и Блаватской сложился небольшой кружок нью-йоркских оккультистов, видную роль в котором играл 24-летний ирландец Уильям Джадж. В сентябре 1875 г. они образовали Теософское общество, объединившее первоначально около двух десятков человек. Полковник Олкотт был избран его председателем, Джадж — секретарем. Согласно уставу, общество имело три цели 1) создание ядра всеобщего братства человечества, без различия расы, вероисповедания, пола или цвета кожи; 2) изучение древних и современных религий, философий и наук и объяснение необходимости такого изучения; 3) исследование необъясненных законов природы и психических сил, скрытых в человеке.

Теософское общество следует считать подлинным детищем Блаватской. Хотя официально Елена Петровна занимала в нем достаточно скромную должность секретаря- корреспондента, ее роль, конечно, была много значительнее. Без нее Теософское общество никогда не обрело бы такого влияния, какое имело в дальнейшем, прежде всего потому, что самой теософии как таковой в момент его возникновения еще не существовало. О рождении этого учения стало можно говорить лишь после выхода в свет «Разоблаченной Изиды» — первого фундаментального сочинения, в котором Блаватская попыталась синтезировать философию и науку, историю и предания.

Работать над этой книгой Елена Петровна начала летом 1875 г и вскоре ушла в нее с головой. Она не выходила из дома, проводя целые дни в постели (утром она любила писать лежа в кровати) и за письменным столом, выкуривая бессчетное количество сигарет. В иные дни Елена Петровна проводила за работой до 18 часов. Несмотря на большой объем (более тысячи печатных страниц), книга была закончена сравнительно быстро и вышла в свет осенью 1877 г. Успех ее был необычайным. Первый тираж в 1000 экземпляров разошелся всего за десять дней. Также быстро раскупили несколько следующих переизданий. (Успех Блаватской тем более знаменателен, что ей пришлось писать книгу на английском языке, который она никогда всерьез не изучала.)

Читатели были поражены широтой поставленной проблемы и разнообразием затронутых Блаватской вопросов. Речь в «Разоблаченной Изиде» идет и о сектах ранних христиан, и о тайнах каббалы, о Ведах и о Библии, о дьяволе и эзотерических доктринах буддизма и еще о многом другом. Впервые была сделана попытка новыми глазами взглянуть на привычную всем христианскую веру, соединить элементы восточных и западных культур в целостное учение представления древнеиндийского брахманизма и буддизма со средневековым западным оккультизмом.

Успех книги привлек интерес к Теософскому обществу. Число его членов стало быстро расти. Возникла идея об организации заграничных отделений. С целью пропаганды своих идей Олкотт и Блаватская решили плыть в Индию. В июле 1878 г.

Елена Петровна получила американское гражданство, а уже в декабре навсегда покинула свою новую родину. Проведя около двух недель в Лондоне, Блаватская и Олкотт продолжили путешествие на Восток. В феврале 1879 г. они уже были в Бомбее. Местная индийская интеллигенция, группировавшаяся вокруг религиозной организации «Арья Самадж», устроила им восторженный прием. (Возможно, нигде в мире идеи Теософского общества не были так популярны, как в Индии. И ни в какой другой стране роль, сыгранная теософами, не была так велика. Одной из своих целей общество провозгласило «возрождение исконных индуистских и буддийских традиций в Индии и на Цейлоне». И ему действительно много удалось сделать для этого. Оценивая деятельность теософов, выдающийся индийский философ Сарва-палли Радхакришна позже писал: «В то время, когда мы (индийцы), вследствие своих политических провалов и экономических неурядиц, начали сомневаться в ценностях нашей культуры и в ее жизнеспособности, когда все вокруг нас, в том числе и светское образование, казалось, воспитывало в нас пренебрежение к индийской

культуре, теософское движение оказало индусам великую услугу, возвращая им их же духовные ценности. Влияние теософского движения на индийское общество в целом трудно переоценить». Об огромной роли Теософского общества в пробуждении индийского самосознания не раз писал лидер национально-освободительного движения в этой стране М. Ганди.)

В Бомбее Блаватская и Олкотт поселились в индийской части города на Гиргаум-Бэкроуд. На ближайшие два года их дом стал штаб-квартирой Теософского общества.

В октябре 1879 г. был налажен выпуск журнала «Теософ», имевший в Индии значительное число подписчиков. Первые шесть лет Блаватская оставалась его бессменным редактором и написала для журнала множество статей (в ее собрании сочинений они занимают пять томов). Она часто совершала поездки по стране. Так, в мае 1880 г. Олкотт и Блаватская провели три месяца на Цейлоне. Осенью 1881 г. в Лахоре Елена Петровна встретилась с Учителем. Затем, следуя его указаниям, объездила всю Северную Индию. Весной 1882 г. она отправилась в Калькутту и учредила там бенгальское отделение Теософского общества. Вслед за тем было учреждено мадрасское отделение. В ноябре того же года Олкотт купил поместье в пригороде Мадраса Адьяре Вскоре в него переместилась штаб-квартира общества.

Между тем жаркий климат Индии оказался губительным для Блаватской В 1882 г. у нее обнаружились первые признаки брайтовой болезни почек, доставившей потом Елене Петровне множество страданий и отравившей все последние годы ее жизни. К началу 1884 г. ее здоровье оказалось настолько подорванным, что врачи предупредили: если она не сменит климат, то проживет не более трех месяцев. В феврале 1884 г. Блаватская и Олкотт были вынуждены покинуть Индию. В марте они прибыли в Марсель. Их пребывание в Европе продолжалось семь месяцев и было целиком посвящено устройству европейских отделений Теософского общества. Своей первой целью Олкотт и Блаватская избрали Париж. Появление здесь Елены Петровны стало заметным событием. О ней писали в газетах, она получила множество приглашений. Летом Блаватская съездила в Лондон, где существовало отделение общества, затем провела 6 недель в Германии.

Дела Теософского общества шли очень хорошо, число его отделений в различных регионах мира увеличивалось с каждым годом. И тут совершенно неожиданно в Индии разразился грандиозный скандал, сильно подорвавший репутацию Блаватской. Виной всему были необычные феномены Елены Петровны, которые она охотно демонстрировала во многих городах: вызывала духов, читала запечатанные письма, перемещала взглядом предметы, отгадывала чужие мысли, общалась на расстоянии с некоторыми из своих знакомых, находившимися где-нибудь на другом конце света, и даже получала от них маленькие посылки. Против этих талантов Блаватской и направили удар ее враги. Супруги Куломбы, которым Елена Петровна очень доверяла и от которых не имела секретов, неожиданно выступили в индийской прессе с сенсационными разоблачениями, объявив все ее феномены шарлатанскими трюками и фокусами. В качестве доказательства они представили целую пачку писем

Блаватской с рассуждениями о том, каким образом устроить демонстрацию того или иного феномена. Обвинения Куломбов, перепечатанные многими европейскими и американскими газетами, наделали много шума. Вскоре последовало новое разоблачение — в печати появился отчет Ходжсона, представителя Общества психических исследований, специально ездившего в Индию для изучения феноменов Блаватской и ее Учителей. Ходжсон подтвердил, что все примеры проявления необыкновенных способностей Блаватской не деле оказались только ловким мошенничество. Он объявил также, что, по его мнению, никаких Махатмов в природе не существует, а все письма, якобы полученные от них, написаны самой Блаватской.

Это был удар в самое сердце. Одно время Елене Петровне казалось, что от нее отвернулся весь мир. Действительно, некоторые члены в эти дни со скандалом покинули Теософское общество. Однако тех, кто остались, было гораздо больше. Со всех концов света Блаватской шли письма поддержки. Большинство американских отделений и почти все индийские безусловно были на ее стороне. Когда стало ясно, что положение не так плохо, Блаватская решила срочно плыть в Индию и привлечь Куломбов к суду по обвинению в клевете. Но, когда в декабре 1884 г она прибыла в Мадрас, оказалось, что большинство ее друзей считает неблагоразумным дальнейшее раздувание скандала, к чему неизбежно привела бы судебная тяжба Блаватская должна была уступить. Вся эта история имела для ее здоровья самые пагубные последствия. В конце января 1885 г. у Елены Петровны случился новый тяжелый приступ болезни. Она чудом осталась жива и в марте навсегда покинула Индию.

По приезде в Европу Блаватская поселилась в Вюрцбурге и сразу погрузилась в работу над своим главным трудом — «Тайной Доктриной». Ее здоровье становилось все хуже: донимала водянка, ноги сильно отекали, колени были поражены артритом, так что каждый шаг давался с огромным трудом. «Мне хорошо, только когда я сижу и пишу, — читаем в одном из ее писем этой поры, — не могу ни ходить, ни стоять больше минуты». Несмотря на недуги, работоспособность Елены Петровны не только не уменьшилась, но, наоборот, увеличилась. Последние семь лет ее жизни — самый плодотворный период. Кроме трех объемистых томов «Тайной Доктрины» (два первых вышли в 1888 г., а третий — посмертно), она опубликовала такие свои шедевры, как «Голос Молчания» и «Ключ теософии», а также много статей для своего нового журнала «Люцифер». С 1887 г. Блаватская практически безвыездно жила в Лондоне.

Здесь она и скончалась 8 мая 1891 г. На ее смерть откликнулись газеты во многих странах мира. Одна из них — индийская «Индиан миррор» — в некрологе писала. «Елены Петровны Блаватской нет больше в земной сфере… она не принадлежала к какой-то одной нации. Весь простор земли был ее домом, все человечество — ее братьями… Вся жизнь ее была необычной. Нет человеческих мерок, которые можно было бы приложить к ней. Она всегда оставалась единственной в своем роде…»

Дальнейшие события показали значимость ее фигуры. Можно без преувеличения сказать, что Блаватская сыграла выдающуюся роль в великом диалоге двух цивилизаций — Западной и Восточной. Ознакомив своих современников с эзотерическим индуизмом и буддизмом, Блаватская

проторила путь, по которому пришли на Запад трансцендентальная медитация, дзэн-буддизм, движение Сознания Кришны и йога. О важном влиянии теософии на возрождение духовности в Индии уже говорилось выше. Интерес к творчеству Блаватской не только не упал с годами, но продолжает расти — ее труды регулярно переиздаются как в подлиннике (то есть на английском), так и в переводах (в том числе на русском) и по-прежнему будоражат творческую мысль многих ученых и философов. Продолжает свою деятельность созданное ею Теософское общество, которое в настоящее время насчитывает в своих рядах около 100 тысяч членов.

Что касается учения Блаватской, то в своем законченном виде оно изложено в двух первых томах «Тайной Доктрины. Книга эта является очень подробным комментарием к небольшому сакральному тексту под названием «Строфы Дзиан», с которым Блаватская познакомилась в одном из подземных гималайских монастырей.

Первый том — «Космогенезис» — рассматривает общие закономерности развития Вселенной. Второй — «Антропогенезис» — посвящен формированию человека.

С точки зрения «Тайной Доктрины», в основе всего лежит Нечто Несказуемое и Неощутимое — Непознаваемое НеБытие, некая Таинственная, не имеющая никаких качеств Абсолютная Тьма, которая фактически не существует и потому находится вне времени и вне пространства. Эта Тьма (собственно, ее с неменьшим основанием можно считать также и Абсолютным Светом) является как бы Материнской Утробой, в которой вечно чередуются циклы Бытия. Наша Вселенная, представляющаяся нам такой необозримо-огромной, на самом деле есть лишь один из многих крохотных пузырьков в беспредельном океане Не-Бытия. Она — Живое Существо, имя Которому Парабраман. Ее существование есть вечная смена циклов Жизни — Манвантар и Не-Жизни — Пралап. Каждая Манвантара — это жизнь отдельного индивидуального Космоса-Брамы. Число земных лет, ее составляющих, измеряется пятнадцатизначным числом.

За это время Брама успевает развиться из предельно-малой точки, заключающей в себе все идеальные формы Бытия, до колоссального (с человеческой точки зрения, конечно) по своему объему материального мира с бесчисленным количеством галактик, звезд и планет. Достигнув своих предельных размеров, Брама затем начинает сжиматься, постепенно теряя свою материальность, и вновь в конце Манвантары возвращается к состоянию точки, символизирующей Его смерть. Время и Пространство сворачиваются в Ничто, заключающее в Себе Вечность и Бесконечность.

Парабраман как бы исчезает, с тем чтобы по окончании Пралайи (по продолжительности она равна Манвантаре) опять развиться в нового Браму. Однако ни одна из Манвантар не является точной копией предыдущих, ибо новорожденный Брама использует в своей Вселенной опыт всех предшествующих Брам. Таким образом Вечно Сущий Парабраман как бы познает Сам Себя через Свои бесчисленные малые «я».

Каждый Брама Триедин. Он есть в одно и то же время Отец, Мать и Сын. Или, выражаясь языком христиан, Отец, Сын и Святой Дух. Ибо, с точки зрения «Тайной Доктрины», Святой Дух это и есть Мать или Кали —

космическая Матерь мира, рождающая Сына, то есть проявленный Космос-Браму. Можно воспринимать эту Триаду также в духе античных философов, как Теос, Хаос и Космос, где Теос есть чистая Мысль, то есть Бог-Демиург, Хаос — неоформленная Мать-Материя, а Космос — рожденный ими Брама. В самом общем смысле в этом Триединстве следует видеть единство Мысли, Духа и Материи, причем это единство не абстрактное, а самое непосредственное. Космос-Брама — это своего рода мыслящая духоматерия. Он духовен, материален и разумен в каждой своей части и в каждом своем проявлении.

Дух и материя вообще неразделимы как два полюса магнита Часто один преобладает над другим (и тогда говорят о материи или о духе), но полное их разъединение невозможно. Все видимые нам материальные предметы и объекты в своей глубине духовны, а все (даже самые высокие) проявления духа все же материальны. В этом — одна из сторон единства мира. Другая прослеживается в его единообразии. Подобно тому, как осколки разбитого зеркала остаются зеркалами (только менее совершенными, чем целое), так и мириады мириад атомов, на которые разбивается изначально единый Брама, все являются бесконечно малыми брамами, миниатюрными космосами. Каждое существо во Вселенной (и прежде всего человек) — это тоже своего рода космос-брама, проживающий свою маленькую манвантару.

Что касается Мысли, то она пронизывает все бесчисленные формы духо-материи, сказываясь где больше, где меньше, но присутствуя безусловно во всем. Мысль — это прежде всего праобраз всякого проявления Бытия. Все сущее в самом себе несет идеальные образы своего будущего существования (точно так же, как семя несет в себе образ дерева), благодаря чему имеет возможность саморазвития «Тайная Доктрина» учит, что цель и план каждой Вселенной закладывается в предшествующей Манвантаре. В самый момент рождения Брамы в Нем просыпается Мысль, таящая в себе до мельчайших деталей весь грандиозный Образ грядущего Космоса, вследствие чего Вселенная развивается сама из себя без всякого внешнего воздействия. (Но не следует думать, что этот План идеальным образом отделен от духоматерии и сосредоточен в каком-то особенном месте; нет — он «растворен» во всем ее объеме каждый атом, каждое растение, каждое существо несет в себе частицу этого Плана и потому способно к саморазвитию.) Чем более сложную форму обретает духоматерия, тем более высокие формы мышления ей присущи: от совершенно бессознательного (автоматического) существования минерального мира (как на интересный пример такой «осмысленной жизни» «неживой» материи Блаватская указывала на развитие кристаллов) к полусознательному существованию животных; от самосознания отдельных людей к сверхсознанию планетарных и космических разумов. Высшей формой Мышления должен считаться Мыслящий, Себя Осознающий Космос. Надо помнить также, что Мысль — это не просто идеальный Образ Грядущего, но такой Образ, который в самом себе несет энергию, необходимую для самовоплощения. Эту, если можно так выразиться, «энергетическую составляющую» Мысли называют Фохат. По большому счету Фохат — это сама Жизнь, пробуждаемая Мыслью в каждой частице Мироздания.

Каждый космический цикл слагается из двух частей эманации, когда Высшее проецирует Себя на низшее, как бы самоупрощаясь, и эволюции, когда процесс идет в обратном порядке от более простого к сложному Эманация на определенном этапе переходит в эволюцию, а эволюция (уже в следующей Манвантаре) — в эманацию. Таким образом, существование каждого нового Брамы начинается с добровольного падения с вершины Сверхсознания в пропасть Бессознания. Рождаясь в Бытии, Он как бы разбивается на множество более примитивных разумов и изолированных тел и при этом перестает осознавать Себя. Лишь потом, поднимаясь вновь к вершинам Сверхсознания, словно выныривая из глубин Бессознания, Он начинает постепенно осознавать и ощущать Себя как Единое. Образно выражаясь, пробуждение Вселенной к Жизни это не столько Воскресение из Пралайи, сколько добровольное Самораспятие Бога, погружающегося в ходе эманации в бездны материи, это Его вечная Жертва во имя Самого Себя. Не было бы этой Жертвы, не было бы Саморазвития, ведь только в вечном падении в низшее и возвращении из него (как бы умирании и воскресении) происходит процесс Самопознания Единого, Которое объединяет в Себе все, кроме знания о Себе Общая закономерность каждого отдельного цикла сводится к тому, что на нисходящей дуге Манвантары материя постепенно берет вверх над духом, затемняя его и скрывая внутри себя, а на восходящей — дух вновь начинает преобладать над материей. (Это постепенное проявление духа из материи в ходе эволюции мы наблюдаем в развитии от неживого — к живому, от неразумного — к разумному).

Однако описанный выше процесс не следует понимать в том смысле, что вся духоматерия одновременно в определенный момент оказывается материализованной, овеществленной Космос-Брама имеет очень сложную организацию. Его Жизнь разворачивается одновременно в нескольких планах бытия, так что видимый нами материальный мир — лишь одно из многих Его проявлений. Наряду с чувственным, существуют сверхчувственные планы с чрезвычайно высокой степенью организации духоматерии. Причем эти миры не изолированы друг от друга, каждый из них играет свою роль в Жизни Космоса. А в своей совокупности они образуют единый живой Организм Брамы. Подобно тому, как в своем материальном проявлении Брама дробиться на атомы, в сверхчувственном плане он распадается на мыслящие, чувствующие и осознающие себя монады. Каждая такая монада триедина и заключает в себе волю — атман, душу — буддхи и индивидуальный разум — манас Монады — это как бы бессмертные атомы тонкого мира. Многократно воплощаясь в телесных оболочках людей (и не только людей, ибо на других планетах также существуют формы разумной жизни, внешне отличные от нашей), накапливая их опыт, они развиваются, становятся все более усовершенствованными, образуют все более сложные структуры, пока не сливаются в Единый Вселенский Разум — Махат и Единую Вселенскую Душу — Буддхи. В них обобщается опыт всех отдельных монад, благодаря чему и оказывается возможным сотворить в будущей Манвантаре более совершенную Вселенную. (Заметим в скобках, что хотя монада неразделима по сути, каждая из трех ее составляющих пребывает в своем

особом мире. Причем если атман — это порождение чистого духа, то буддхи принадлежит к более низшему и сравнительно более плотному миру, а манас — к еще более плотному. Это сложное взаимопроникновение миров сохраняется и на глобальном уровне как манас нерасторжим с буддхи, так и Махат составляет неразрывное целое с Духовной Душой всего Космоса). Монады можно считать наиболее простой, элементарной формой самоосознающей духоматерии. Но из них могут образовываться несравнимо более сложные и высокоорганизованные духовные существа. Их называют обычно Ангелами, или Бодхисаттвами, а в «Тайной Доктрине» именуют Дхьян-Коганами. Каждый из них представляет из себя как бы поток объединенного сознания родственных монад и играет важную роль в процессе развития Вселенной.

Центральное место в книге Блаватской отводится истории возникновения человека и его месту в системе мира. Как уже говорилось, человек — это Космос в миниатюре.

И, подобно Космосу, он существует одновременно на нескольких планах бытия.

Каждый из нас имеет в себе семь тел: три духовных и четыре материальных, каждое из которых живет в своем собственном мире. Духовная, бессмертная триада это: атман (дух духовного тела или воля), буддхи (душа духовного тела) и манас (разум духовного тела). Атман — самое тонкое из тел — не есть человеческий принцип. Это непостижимая умом искра Прабрамана или Абсолюта. В вещественном мире атман оказывается лишь потому, что заключен как в своем проводнике в более плотном духовном теле — буддхи. Буддхи — также не человеческое, а божественное сознание — частица Вселенской Души. С физическими телами оно связано через манас — самое плотное из духовных тел, которое есть эманация Вселенского Разума — Махата.

Через свой манас высокодуховные люди с обостренной интуицией могут обращаться непосредственно к Мировому Разуму, обретая таким образом сверхзнание. Но у большинства людей духовный разум очень крепко спит и никак не сказывается в их земной жизни. Его развитие — дело последующей эволюции. В своей совокупности духовная триада составляет бессмертную монаду, отдельную клеточку Мировой Души, в которой сосредоточен весь опыт наших прежних воплощений. Этот скрытый в каждом индивидууме совершенный внутренний человек есть как бы наш внутренний бог.

Четыре плотных материальных тела составляют: кама-манас (физический ум, или ментальное тело), линга шарира (сосредоточие страстей и желаний, или астральное тело), прана (жизненность, или эфирное тело) и стхула шарира (собственно физическое тело, как футляр заключающее в себе остальные шесть более тонких тел).

Эти четыре низших тела есть наша временная личность Из них три последних являют животную природу в человеке. Только кама-манас (ментальное тело) олицетворяет нашу человечность и служит единственным посредником между животным и нашим внутренним богом.

После смерти человека каждое из его тел имеет свою собственную судьбу. Физическое тело становится трупом. Эфирное тело разлагается почти тотчас после смерти (собственно, его уничтожение и есть смерть).

Астральное и ментальное тела, напротив, могут существовать достаточно долго (особенно у чувственных, страстных людей), но они также рассеиваются — каждое в своем мире. С исчезновением ментального тела, заключенная в нас божественная монада, вобравшая опыт, а также лучшие, высшие устремления физической природы, выработанные человеком в период земной жизни, устремляется в духовные миры, чтобы воссоединиться с Вселенским Разумом и Вселенской Душой. Так, умирая в Плотном мире, человек одновременно рождается в более высоком Тонком (чем-то напоминающем христианский рай). Он словно проносится через «туннель», соединяющий физический и нефизический планы бытия (земной и неземной, видимый и невидимый).

Воплощение человека, как и всякая жизнь во Вселенной, начинается не снизу, не со сложения физического тела, а наоборот — сверху, путем спуска духовного прообраза будущего человека в более низшие материальные миры. Спуск высшего в низшее происходит в различных телах, которые, по мере приближения ко дну материи, все более уплотняются. Прежде всего монада облекается в ментальное тело, потом — в астральное. После чего карма двигает прообраз человека к той женщине, от которой должен родиться животный ребенок. Воссоединение высших тел с эфирным и физическим происходит в тот момент, когда в зародыше начинают формироваться нервные и мозговые каналы. Так монада получает возможность существования на дне океана материи в новой личности. Когда она умирает, все повторяется вновь.

Перевоплощения продолжаются до тех пор, пока не закончится эволюция человечества на данной планете и все люди не освободятся от оков материи. Тогда отдельные монады могут продолжить свое совершенствование в высших сферах в качестве полубогов и богов. Но некоторые Высшие Духи вновь становятся людьми другой планеты. Тяжело, мучительно воплощаться почти в животных на низшей планете. На такую жертву идут лишь самые сострадательные, которые хотят ускорить эволюцию разума, преобразование бессознательного в мыслящее и сознательное.

Процесс антропогенеза, согласно «Тайной Доктрине», тесно связан с эволюцией планеты. Любая планета от рождения до смерти проходит через семь полных циклов, или планетарных кругов. Формирование ее начинается в высоких, тонких мирах и продолжается на протяжении четырех полных циклов. В конце каждого из них планета гибнет в своем мире и вновь формируется в другом — более плотном из иного состояния материи и в другом пространственно-временном измерении. В течение трех последующих полных циклов процесс повторяется в обратном порядке, то есть, погибнув в более плотном мире, планета возрождается в более тонком. Каждый полный цикл включает в себе семь малых кругов, каждый из которых заканчивается своим концом света. (Так что в общей сложности планета должна пережить 49 малых и больших рождений и столько же малых и больших катастроф, сначала уплотняясь и материализуясь, а потом вновь становясь все более тонкой и духовной.) Многие миллиарды лет, пока идет формирование планеты, ее сознание спит. Но когда она оказывается подготовлена к последующей фазе развития — появлению жизни — из Беспредельности на Землю является Космическая Мать Земли

— Душа Планеты, ее Природа-Мать. В настоящий момент мы живем на четвертом малом круге Земли № 4. Ее первый малый круг, согласно «Тайной Доктрине», был «огнен, холоден и лучист».

Такими же были и его эфироподобные призрачные люди и животные. Во втором круге Земля № 4 была еще (в нашем понимании) нематериальной. В следующем — как бы полуматериальной. И лишь в нынешнем, четвертом круге планета стала твердокаменной. Четвертый малый круг ознаменовался также появлением мыслящего человека.

Разумный человек лишь отчасти является продуктом неосознанной эволюции земной природы. Эволюция привела к возникновению звероподобных людей с физическими и эфирными телами, способными воспринять искру духовного разума-сознания — частицу Вселенского Разума. Однако не в меньшей степени, чем Земля, матерью человечества, согласно «Тайной Доктрине», может считаться Луна. Ее собственная эволюция оказалась прерванной, и жители Луны, в то время уже духовные, а не материальные, переселились на Землю и передали людям свою астральную сущность. Что касается ментальных тел, то они были привнесены на Землю выходцами с Венеры, так называемыми солнечными людьми.

Так что антропогенез человечества с полным основанием можно назвать космическим процессом.

Согласно «Тайной Доктрине», внутри переживаемого сейчас нами малого круга должно смениться семь человеческих рас. История каждой из них связана со своим собственным континентом. Материк, на котором развилась первая раса, носил название Несокрушимой Священной страны. Местоположение его загадочно.

Формирование второй человеческой расы происходило в Гиперборее, находившейся на месте современного Северного Ледовитого океана. (Остатки этого материка — Гренландия и Северная Сибирь.) Как первая, так и вторая расы еще не были собственно людьми. Первую расу нельзя назвать даже подлинно материальной — то были астральные люди, происходившие с Луны. Вторая раса имела более плотные тела. Ее представители как бы включили внутрь себя тела людей первой расы. Они уже не были чистыми астралами, но еще не стали до конца физическими людьми.

Человек, в современном понимании этого слова, зародился только на третьем материке — в Лемурии, который находился на месте современного Тихого и Индийского океанов, доходя своими южными границами до Антарктиды. Его остатки — Австралия, Мадагаскар и Индостан. Именно в Лемурии произошло окончательное слияние всех человеческих тел: физического земного, астрального лунного и ментального венерианского. Этот процесс завершился где-то на среднем этапе истории лемурийцев. До прихода на землю солнечных людей они были гигантскими, не осознающими себя звероподобными обезьянами. То была эпоха Золотого века, или Земного рая, когда неразумный человек находился в полном слиянии с природой.

Связь между духовным и материальным была еще очень жива, а духовный потенциал лемурийцев так велик, что они черпали знания непосредственно от Мирового Разума. (То есть обо всем имели врожденные

знания, при всем том, что оставались неразумными). Положение изменилось с приходом на Землю около 18 миллионов лет назад солнечных людей. Некоторые из них воплотились в наших предках полностью.

Но в большинство людей пришельцы внесли лишь искру своего существа — отдельные кама-манасы (ментальные тела или физические умы). С этого момента только и стало возможным нисхождение на Землю бессмертных монад — человек обрел все свои семь тел.

На смену лемурийцам после гибели их континента пришла четвертая раса атлантов, создавшая около 5 миллионов лет назад первую великую земную цивилизацию. Их материк — Атлантида — располагался на месте Атлантического океана. Процветание атлантов продолжалось несколько миллионов лет. Однако увлечение черной магией привело их к постепенной деградации и вызвало великие природные катаклизмы.

Около 900 тысяч лет назад большая часть Атлантиды погрузилась в пучины океана.

После этого центром земной цивилизации стал пятый материк — Евразия — место зарождения нынешней арийской расы.

Главная задача современного человечества состоит в том, чтобы провести духовность через материю, то есть через всю материальную культуру своей цивилизации. Этому помогают Великие Учителя, из среды которых людям являются вероучители. Величайшие из них это Кришна, Будда и Христос, учение которых, очищенное от наслоений и искажений, одинаково. Следствием принятия, правильного понимания и распространения проповедуемых ими истин должно стать общее торжество духовности. Шестая раса, которая через миллионы лет придет на смену нынешней, уже не будет чисто физической, а (наподобие 3-й расы) — уплотненно-астральной. Седьмая раса будет уже (как 1-я) чисто астральной (но в отличие от неразумных и бессознательных 1-й и 2-й рас, 6-я и 7-я будут высоко разумными и сверхсознательными). В трех последующих циклах планетарного круга Земли № 4 одухотворение постепенно распространится на весь окружающий нас мир. А Земля № 5, которая придет на смену нынешней, будет уже не-физической планетой, расцветающей под не-физическим солнцем. Это будет время полубожественных буддоподобных и христоподобных людей, живущих духовным разумом. Конец земной эволюции, как уже говорилось, «Тайная Доктрина» видит в том, что, после рассеяния Земли № 7, люди, ставшие чисто духовными существами, превратятся в богов и сольются с Космическим Разумом.

Рудольф Штейнер

Австрийский философ, основоположник антропософии Рудольф Йозеф Штейнер родился в феврале 1861 г. в Кральевеце в бедной семье железнодорожного телеграфиста.

Детство его прошло в постоянных разъездах, так как отца постоянно переводили с места на место. Тем не менее родители, не считаясь ни с какими затратами, дали сыну хорошее образование. Рудольф окончил школу в Винер-Нойштадте, а в 1879 г. поступил в Венский политехнический институт. Помимо математики, физики и естественных наук он с

увлечением изучал философию, психологию (в особенности интересуясь только что возникшим в то время психоанализом) и литературу. Одним из его страстных увлечений было творчество Гете, повлиявшее в конечном итоге на выбор жизненного пути.

Все началось с того, что в 1882 г. издатель Йозеф Кюршнер, выпускавший монументальную серию «Немецкая национальная литература», поручил 22-летнему Штейнеру готовить к изданию том естественнонаучных сочинений Гете. Работая над вступлением, многочисленными примечаниями и ссылками, Штейнер изучил горы литературы. Книга вышла в свет в 1884 г. и была с восторгом встречена в научном мире. Сам Штейнер связывал с ней мечты о научной карьере. В 1883 г., не закончив учебы, он оставил институт. Однако его надежды сбылись не сразу. Чтобы зарабатывать на жизнь, он в июне 1884 г. стал домашним учителем в доме коммерсанта Ладислава Шпехта. С этого времени Штейнер увлекся педагогикой.

Из четырех вверенных его попечению детей самый младший отличался крайне своенравным и неуравновешенным характером. Родители боялись, что он даже не совсем нормален.

Штейнеру удалось снискать симпатии мальчика, после чего он начал осторожно обучать и воспитывать его. Позже он писал: «Эта работа была для меня богатым источником опыта. Мне открылась связь между духовно-душевным и телесным в человеке. Здесь я прошел подлинную школу в физиологии и психологии. Я понял, что воспитание и преподавание должны быть искусством, опирающимся на подлинное познание человека…» Его упорные занятия увенчались успехом — он смог подготовить мальчика к поступлению в гимназию, и в дальнейшем тот успешно продолжал учебу.

Штейнер продолжал питать глубокий интерес к естественнонаучным взглядам Гете. В 1889 г. он принял предложение участвовать в «Веймарском издании» трудов Гете и следующие семь лет проработал архивариусом в архиве Шиллера и Гете в Веймаре.

Здесь он познакомился с вдовой Анной Ойнике, которая в 1899 г. стала его женой. В декабре 1914 г., после ее смерти, Штейнер вступил во второй брак — с Марией фон Сивере.

Работая в архиве, Штейнер написал свои первые философские труды и в 1891 г., после защиты диссертации, получил степень доктора философии. В 1893 г. вышел в свет его фундаментальный труд «Философия свободы». А в 1897 г. Штейнер выпустил книгу «Миросозерцание Гете», которая подытожила его многолетнее увлечение творчеством великого немецкого мыслителя и поэта. Закончив работу в веймарском архиве, он перебрался в Берлин, где в течение трех лет (с 1897 по 1900 г.) являлся редактором «Литературного журнала». Одновременно в 1899–1905 гг. он преподавал историю в берлинской школе для рабочих.

Во многом переломным для Штейнера был 1900 г. Начало нового века явилось для него началом новой жизни. Прелюдией к ней стало его выступление с докладом о Ницше в теософской библиотеке графа и графини фон Брокдорф. Еще со времен своей венской жизни Штейнер скептически относился к учению Блаватской, а в 1897 г. даже опубликовал в своем журнале статью, в которой утверждал, что от людей, якобы

озаренных этим учением, не услышишь ничего, «кроме речей, позаимствованных из восточных рукописей. В них нет и тени смысла». Но теперь, три года спустя, многое изменилось в его мироощущении. Доклад, прочитанный в теософской библиотеке, вызвал большой интерес. Его стали приглашать вновь и вновь, и вскоре Штейнер понял, что обрел в лице теософов тех единомышленников, в которых давно нуждался. Обращение его к теософии было вполне закономерным. В 1900-е гг. главным предметом интересов Штейнера стал человек и его место в мире.

Собственно, он и прежде много размышлял над проблемой индивидуального постижения реальности и переживания ее духовного содержания во внутреннем мире человека.

Новым стал только путь ее решения. Уже в ранних своих философских работах, написанных в 1890-е гг., Штейнер пришел к выводу, что мир невозможно постигнуть посредством одних только чувств, ибо чувства открывают человеку лишь внешнюю сторону вещей, а их суть остается от него скрытой. Вместо того чтобы направлять свои усилия на постижение внешних форм, человек должен обратить внимание на ту способность познания, которой обладает его душа — его внутреннее Я. Очистив и усилив эту способность, он может развить в себе умение как бы внутренним, «душевным» зрением постигать сущность любой вещи. Теперь, вобрав в себя опыт теософии, Штейнер смог значительно развить свои взгляды.

В 1901 г. он пишет книгу «Мистика на заре современной духовной жизни Нового времени», в которой доказывает, что мистический способ постижения мира ни в коей мере не противоречит современным знаниям о природе, а, напротив, значительно дополняет их.

В октябре 1902 г., по предложению графа и графини Брокдорф, Штейнер стал во главе немецкого отделения Теософского общества. Много времени он проводил в поездках, объезжая за год около сорока немецких городов, в которых действовали теософские кружки. В некоторые Штейнер ездил по несколько раз. Как правило, при этом он читал лекции, собиравшие все больше и больше народа.

Надо отметить, что именно в лекционных курсах, в живом общении со слушателями Штейнер нашел наилучшую для себя форму самовыражения. За свою жизнь он прочел бесчисленное количество лекций на самые разные темы, разъясняя и углубляя свое учение. С каждым годом оно становилось все более универсальным, вбирая в себя все новые и новые направления. Кажется, нет таких вопросов, каких бы он не коснулся в своих курсах будь то проблемы религии, современного политического положения, социологии, космологии, мифологии, искусства, философии, медицины, педагогики, сельского хозяйства и т. д. Поначалу Штейнер не придавал своим докладам большого значения. Но когда выяснилось, что конспекты его лекций вызывают большой интерес в обществе, переписываются и ходят по рукам, его последователи стали приглашать стенографистов. Расшифровки стенограмм потом просматривались Штейнером и издавались отдельными книгами. Благодаря этим курсам наследие Штейнера и оказалось столь значительно — 500 полновесных томов!

Теософское движение обрело в лице Штейнера яркого и оригинального мыслителя, обладавшего к тому же энциклопедическими познаниями в области естественных наук, философии и психологии. Он сам писал позже: «Годы с 1901 по 1907 или 1908 были для меня временем, когда все силы моей души были поглощены впечатлениями фактов и сущностей духовного мира». В короткое время в своих докладах, книгах и статьях Штейнер сумел развить, поправить и уточнить многие положения, высказанные Блаватской и ее последователями. В 1904 г. появилось фундаментальное исследование Штейнера «Теософия», в котором он обобщает и развивает ортодоксальное теософское учение о человеке. Однако выход в 1910 г. «Очерка тайноведения» (задуманного как учебник для развития новых форм мышления) ознаменовал собой начало новой эпохи как в мировом теософском движении, так и в мировоззрении самого Штейнера. С этого момента берет начало его собственное учение, получившее вскоре название антропософии. Многие его выводы и положения расходились с ортодоксальной теософией. Идейные разногласия привели в конце концов и к организационному обособлению. Не разделяя некоторые идеи Блаватской, Штейнер был часто не согласен и с той политикой, которую проводило руководство общества. В 1907 г., после смерти первого президента полковника Олкотта, во главе Теософского общества встали Анни Безант и Чарлз Ледбитер. Они считали, что задача теософского движения заключается не в тех принципах, что были провозглашены при его создании, а в подготовке человечества к приходу нового мирового Учителя и Спасителя. В 1909 г. в Адьяре, где находилась штаб-квартира общества, Лебдитер обнаружил индусского мальчика Кришнамурти, которого в 1910 г. провозгласил новым Христом для Запада и Буддой Майтрейей для Востока. Штейнер осудил эту затею, предвидя, что она принесет обществу одни неприятности. Большинство немецких теософов, находившихся под его влиянием, разделяли эту точку зрения.

Отношения с Анни Безант становились все более натянутыми. Наконец, в начале 1913 г произошел полный разрыв. Немецкую секцию исключили из Теософского общества, и вскоре она практически целиком вошла в основанное Штейнером Антропософское общество. Его штаб-квартирой стал построенный в швейцарском Дорнахе по проекту самого Штейнера Гетенаум — величественное здание, имевшее в своем комплексе театр.

Этот первый Гетенаум сгорел дотла в новогоднюю ночь 1922/23 гг., но потом был отстроен заново.

Учение Штейнера комплексно и чрезвычайно интересно. Его отдельные части находятся в сложном многоуровневом единстве, так что, к примеру, физиология человека оказывается тесно увязана с космологией, а педагогика — с мифологией.

Поэтому написать краткий очерк об антропософии практически невозможно — это неизбежно ведет к вульгарным упрощениям, выхолащивающим самую ее суть. Но можно попытаться дать о ней хотя бы общее представление. Сам Штейнер писал, что антропософия — это «осознание человеком своей человечности». Он считал, что решающим для поведения человека, его самооценки и мироощущения является способ,

каким он определяет себя через свое сознание. Ибо только тогда, когда человек знает кто он, он может правильно формировать себя. А оценивал человека Штейнер очень высоко, ставя его в центре всего мироздания. Вот некоторые из его высказываний: «Человек есть идеал богов и цель богов… они хотели в некоем единстве (человеке) создать то, чем являются они в совокупности…» «Смысл жизни заключается во мне, — так может сказать человек Боги поставили цели. Но им нужна была арена, на которой их цели могут быть достигнуты. Этой ареной является человеческая душа…» «Мир как целое есть загадка, и сам человек, опять-таки как целое, есть ее решение»… «Отражение духовного мира — это физический мир вовне в его единстве. Отражение душевного мира — это душевный мир человека в его многообразии. Весь большой внешний мир становится в каждой человеческой душе особым малым миром, а выступая в мыслях изо всех человеческих душ, он становится вновь большим целым. Так идет путь из Космоса через микрокосм, чтобы из всех микрокосмов выступил новый, более совершенный Космос»… «Весь Космос некоторым образом втягивается душевно-духовно, становится человеком; то, что здесь становится человеком, снова выдыхается душевно-духовно и распространяется в Космос, пока не достигает его периферии, чтобы затем снова вернуться назад и образовать человека. В человеке можно видеть отображение мира, а в мире — тонко растворенное человеческое существо. Так что объемлющее человека и мир познание можно выразить в изречении: «Человек, ты являешься стянутым образом мира. Мир, ты есть вдаль излитое существо человека…»

Человек — гражданин трех миров. Телесно он существует в физическом мире, который и воспринимает своим телом; душой он строит себе свой собственный мир; через его дух перед ним раскрывается духовный мир, который выше двух первых миров. Из трех основных составляющих человека физическое тело получает свой облик благодаря законам наследственности, определенным его кармой «Это временное тело, — писал Штейнер, — становится носителем бессмертного духа, который повторяет прежнюю жизнь в новом образе. Между обоими находится душа, ведущая замкнутую в себе свою собственную жизнь… Ощущая, душа воспринимает впечатления внешнего мира она передает их духу, чтобы он извлек из них плоды для вечности… Тело формирует ее впечатления, она преобразует их в ощущения, сохраняет их в памяти как представления и передает их духу, чтобы он пронес их через вечности.

Собственно говоря, душа есть то, чем человек принадлежит своей земной жизни.

Своим телом он принадлежит к физическому человеческому роду. Через него он является слепком этого рода. Своим духом он живет в высшем мире. Душа временно связует вместе оба мира».

Каждая из трех составляющих человека, в свою очередь, делится на несколько частей. Так, телесность состоит из физического тела, эфирного тела и астрального тела — тела ощущений. Эфирное, жизненное, тело есть сущность, в которой в каждое мгновение в течение жизни физическое тело сохраняется от распада. Через него человек приобщается к животворящей энергии Космоса. «Эфирный поток, идущий из Космоса, — писал Штейнер, — … постоянно циркулирует в человеческом теле…»

Последнее, астральное, тело есть как бы тело нашей души. Оно является тем, что дает импульс движению.

Душа также триедина. «Как тело состоит из физического тела, эфирного тела и астрального тела, — учил Штейнер, — так душа состоит из души ощущающей, рассудочной и сознательной». В самой низшей, ощущающей, душе действуют страсти и пульсируют вожделения. В душе рассудочной мы мыслим, но эти мысли не абстрактные, а эмоционально окрашенные. Поэтому ее можно назвать душой характера, или характером. Рассудочная душа пронизывает душу ощущающую. Если она еще запутана в ощущениях, порывах, аффектах, то душа сознательная свободна от всего этого. Тут желания, страсти, волевые импульсы и интеллектуальные суждения обрабатываются логическим мышлением, в результате чего образуются наши мнения, так что в сознательной душе человеческое Я познает себя в непосредственной связи с духовным миром. Все три души в своей совокупности охватывают и формируют сложный эмоционально-чувственный мир человека. «Ощущение вещей извне схватывается душой ощущающей, — писал Штейнер. — А то, что мы называем чувствами, чувством любви, ненависти, желания, то есть симпатии и антипатии, схватывается душой рассудочной… Под душой сознательной мы разумеем ядро человеческого сознания, то есть душу в душе».

Путем самоосознания каждый из нас определяет себя как самостоятельное, от всего другого отдельное существо, как Я. В Я человек собирает воедино все то, что он переживает как телесное и душевное существо. Как физическое тело имеет свой центр в мозгу, так душа имеет свой центр в Я. Тело и душа отдаются Я, чтобы служить ему; Я, в свою очередь, отдается духу, чтобы он наполнил его. Я живет в теле и душе; дух же живет в Я. «Дух излучается в Я и живет в нем как в своей «оболочке», — объяснял Штейнер, — подобно тому как Я живет в теле и душе как в своих «оболочках». Дух образует Я изнутри наружу, минеральный (физический) мир — извне вовнутрь. Этот образующий Я и живущий как Я дух пусть будет назван «самодухом», так как он является как Я или «сам» (самость) в человеке». По своей сути человек един. Все его составляющие выступают как целое. Душа, образующая опосредующий член между телом и духом, пронизывает третий член тела — душевное (астральное) тело способностью к ощущениям и первый член духа, самодух, как душа сознательная. Поэтому в течение жизни душа сопричастна как телу, так и духу.

Вообще, по учению Штейнера, духовное существо человека распадается на три части: на духочеловека (в нем Я осознает себя как физического человека), жизнедух (в котором Я осознает себя как живое) и самодух (где Я осознает себя собственно как «самость»). Их соединение рождает совокупное, бессмертное Я, отражающее весь опыт прожитой нами жизни. Надо помнить также, что наше самоосознание включает в себя лишь то, что относится к нынешней, проживаемой нами жизни. Информация о прежних воплощениях скрыта в подсознательных, недоступных сознанию областях Я.) Важнейшей задачей антропософии как раз и было показать, каким образом Я, человеческая душа, астральное и

эфирное тела принимают участие в жизни физического тела, и объяснить их взаимное влияние. Во многих своих лекциях Штейнер подробнейшим образом рассматривает связь тонких тел с физическими органами и процессами их жизнедеятельности, останавливаясь на различных физиологических расстройствах и болезнях (трактуемых им как результат влияний душевной или духовной составляющих человека).

Человек и Космос, согласно учению антропософии, глубоко взаимосвязаны.

Окружающий нас мир не является чем-то безразлично-объективным, проявляющим свою сущность независимо от человека, но представляет собой выражение некой сущности, в которой человек реально деятелен не менее, чем в собственном теле. Все его составляющие имеют свои соответствия в различных уровнях Космоса. «Следует подчеркнуть, — пишет Штейнер, — что, в сущности говоря, в мироздании нет ничего другого, кроме сознаний…» Все остальное- майя, великая иллюзия. Различные состояния сознания называются планами (или мирами): обозреваемое физическим сознанием называется физическим планом, обозреваемое первым сверхсознанием — астральным планом, вторым сверхсознанием — нижним Девахаком, третьим сверхсознанием — высшим Девахаком. (Существуют и более высокие планы: пасивного сознания — Буддхи, ментального сознания — Нирвана, актуального сознания — Паринирвана и творящего активного сознания — Маха-Паринирвана, но о них мы здесь говорить не будем.) Иерархии миров соответствует иерархия духовных существ.

Самую нижнюю ступень в ней занимают элементарные, не осознающие себя, духи, затем идет человек. Над ними — более развитые и высокоорганизованные члены Духовной иерархии.

Между физическим телесным миром и миром астральным расположен эфир — морально действующая субстанция, всюду пронизанная моральными импульсами. Самый тонкий эфир образует жизнь — прану — элемент, воодушевляющий нас. Эфир состоит из сонма элементарных духов. «Окружающий нас эфир, — сообщает Штейнер, — есть некоего рода живое существо, он живой и живет разнообразно. Среди этих духовных существ важнейшую роль играют духи природы духи различных минералов, духи огня и воды, духи смерти и рождения, групповые духи растений и животных (согласно всем теософским учениям, ни растения, ни животные не имеют индивидуальных душ, но зато в растительном и животном мире существуют так называемые коллективные души: например, душа соснового леса, душа стада антилоп или стаи волков и т. п., представляющие собой коллективную ауру всех входящих в то или иное объединение особей). Однако главенствуют в эфире не элементарные духи, а духовные существа Третьей иерархии (к ним относятся ангелы, архангелы, архаи). Все они так или иначе проявляют себя в восприятиях чувств.

Человек не только открыт различным проявлениям эфирного, астрального или духовного миров, но также сам является мощным духовным источником, причем испускаемая им душевная или духовная энергия проявляется как в низших, так и в высших планах бытия. Прежде всего здесь действуют духи человеческих качеств (например, доброты,

красоты или уродства). На уровне Девахана проявляются духи человеческой мысли, где все они обретают тела и ведут вне нас самостоятельную жизнь как элементарные существа. Возвращаясь обратно к человеку, испускаемые им импульсы приносят с собой информацию об окружающих мирах, поэтому душевное, духовное (мистическое) познание мира служит важным дополнением к чувственному его познанию. «Человек постоянно рождает вокруг себя большую ауру, — писал Штейнер, — … вы вызываете возбуждение и излучаете его. А когда вы его получаете обратно, то оно приходит, испытав определенное влияние, с ним имели дело определенные элементарные существа. И когда вы получаете это возбуждение назад, то вы получаете… и действие элементарных существ. Благодаря тому, что человек распространяет духовную атмосферу, он приходит во взаимодействие с элементарными существами…». Постоянный взаимообмен духовной энергией между человеком и Космосом имеет другое важное значение: именно так формируется человеческая судьба и человеческая карма. В самом деле, если, условно говоря, человек испускает в окружающие его тонкие миры отрицательные импульсы, он тем самым питает и усиливает враждебные духи, которые сами начинают оказывать на него влияние. «В построении нашей судьбы, — писал Штейнер, — действуют такие элементарные существа, которые чувствуют себя притянутыми к нам нашей природой… воздействуют на нас, действуют с нами».

Особенно сильно наши эмоции сказываются в следующем за эфирным астральном мире, который есть мир душевный или мир желаний. Антропософия утверждает, что есть два астральных мира: добрый и злой. Добрый астральный мир лежит над физическим, злой — под физическим. В оба эти мира идут добрые и злые проявления людей. К злому астральному миру принадлежит находящаяся внутри Земли Камалока. Штейнер различал в ней сферы Люцифера и Аримана. Два этих могущественных духа, выражающие собой два облика зла, имеют важное значение в его учении. Образ Ариман лучше всего виден в гетевском Мефистофеле. «Ариман, — писал Штейнер, — стремится сделать из нас просто временных людей, стремится оторвать нашу земную жизнь от нашего космического прошлого»; законсервировать человека земного. Его главная цель состоит в том, чтобы убить в человеке сознание его духовности, его божественности, подменив их представлением, что он, собственно, всего лишь совершенное животное. Ариман, по словам Штейнера, большой учитель материалистического, атеистического дарвинизма. Он также является учителем всей той технической и практической деятельности в земном развитии, которая не хочет служить ничему иному, как только внешней чувственной человеческой жизни, хочет быть техникой, направленной на удовлетворение потребностей в еде, питье и сытом комфорте.

Люцифер — существо совсем другого полета, во многом противоположное Ариману (его образ лучше всего показан Байроном). Плотское, физическое Люциферу глубоко чуждо. Зато он стремится исказить и увлечь в сферу демонического высокие проявления человеческого духа. «Все чувственное, душевное в физически-чувственном мире является сферой господства Люцифера, — писал

Штейнер. — И он имеет тенденцию это душевно-чувственное отторгнуть, исключить из физически- чувственного, одухотворить и отправить на отдельный, можно бы сказать, изолированный остров духовного бытия люциферического царства со всем тем, что он может схватить, захватить из душевно-чувственного в чувственном мире… Свое особое царство Люцифер противопоставляет всеобщему мировому порядку как царство изолированное, родственное его природе». Люциферическое в человеческой душе представляет все то, благодаря чему человек желает вырваться вверх, выйти из себя. Благодаря этому он попадает в туманно-мистическое, в то, что в религиозном исповедании обращается аскетическим презрением к Земле. «Нигде в наши чувства Люцифер не вмешивается так, — писал Штейнер, — как там, где, исходя из своих страстей и вожделений, мы стремимся к божественному, не осветив этого божественного лучами сознания».

В верхнем астральном мире распоряжаются духовные существа, принадлежащие ко Второй иерархии (это господства, силы и власти; все они проявляют себя в дыхании и другой ритмической деятельности человека). Это планетарные духи, обязанность которых состоит в распределении работы элементарных духов. Они составляют астральное тело Земли. Над астральным миром находится Девахан — мир духов или праобразов — царство Первой иерархии (серафимов, херувимов и престолов).

Праобразы — творящие существа. Они творцы всего того, что видимо в физическом и душевном мирах. Их формы быстро меняются, и в каждом праобразе таится возможность принимать бесчисленные облики. Они как бы порождают их из себя, и едва порожден один, как праобраз вновь стремится к тому, чтобы излить из себя следующий. Праобразы не действуют обособлено. Для своего творчества один требует другого. Часто неисчислимые праобразы действуют сообща для того, чтобы возникло то или иное существо в душевном или физическом мире. Именно сюда, отбросив эфирное и астральные тела, уходит после смерти наше Я. Пребывание на Девахане используется им для того, чтобы выработать праобраз своего ближайшего воплощения, формируемого из плодов предшествующей жизни. «В следующей жизни, — писал Штейнер, — из хороших привычек образуются прекрасное, хорошо сложенное физическое тело. Плохие привычки ведут к болезням или создают к ним предпосылки в следующей жизни». Любовь в одной жизни позволяет долго оставаться юным (физически) в другой жизни. Ненависть же, напротив, ведет к быстрому старению.

Из теософии в антропософию перешло учение о Махатмах — великих Учителях человечества. Штейнер писал, что семеро из них воплощены в людях, а пятеро пребывают в духовном состоянии. Когда один умирает, воплощается другой. Махатмами были Мани, Будда, Заратуштра, Гермес Трисмегист, Моисей и многие другие вероучители. Что касается Христа, то Штейнер считал его внеземным духовным существом высшего порядка, воплотившимся в человеке. В Его Распятии он видел одну из величайших мистерий мировой истории, своего рода духовный импульс огромной силы, ниспосланный Космосом. «В человеке Иисусе из Назарета, — писал он, — жило высшее Я Земли… и после исполнения мистерии

Голгофы пребывает как действенный импульс в земной жизни. Земная жизнь благодаря ей получила свое высшее Я… Существо Христа, жившее в человеке Иисусе из Назарета, ранее никогда не было на Земле, но пришло из духовных, из космических высей и соединилось с земной эволюцией». И в другом месте: «В дуализме Христа Иисуса находится то, что необходимо понять. В Христе необходимо видеть космически-духовное; в Иисусе следует видеть того, через кого это космически-духовное вступило в историческое развитие и так соединилось с человечеством…» Импульс Христа изменил всю ауру Земли. «В образе Христа, — писал Штейнер, — дан идеал, противодействующий всякому обособлению… Христианство стало идеалом всеобъемлющего братства. Выше и помимо всех отдельных интересов и вся- 516 кого отдельного родства появилось чувство, что наивнутреннейшее Я всех людей имеет одно общее происхождение…» Именно христианству суждено уравновесить и преодолеть влияние ариманического и люциферического в человеческих душах. Это импульс очень длительного действия, и люди еще не смогли оценить всей его силы. «Мы находимся в самом начале христианского развития, — писал Штейнер. — Будущее этого развития состоит в том, что во всей Земле увидим мы тело Христа…» Эти слова надо понимать в том смысле, что духовное начало, привнесенное на Землю Христом, в будущую нематериальную эпоху станет великим духовным существом планетарных масштабов. Ибо человек развивается из природы, а из человека развивается его внутренний человечески-божественный мир. Природа в будущем распылится, человек расширится на весь мир, а то, что сейчас находится в нем, станет его внешним окружением, само станет природой. «Где находятся те боги, которых мы должны называть творящими?» — спрашивал Штейнер. И отвечал. «Внутри человеческой кожи, в человеческих органах пребывают, собственно говоря, творящие боги. Люди в своей сути являются носителями божественно-духовного. В будущем не будет этих облаков, минералов, растений и даже животных. Ни будет ничего, что живет вне человеческой кожи в природе, но развиваться далее станет то, что человеческую организацию внутренне одухотворяет и одушевляет. Это останется в будущем».

Штейнер не раз говорил, что антропософия не есть сухая теория, а искусство духовно-душевной жизни, или, вернее, сама эта жизнь. Как основное содержание, как внутренняя суть антропософия может выражаться в других учениях, науках и искусствах. Примеры такого развития давал сам Штейнер. В 1910–1913 гг. он написал и поставил четыре драмы-мистерии, посвященные тем душевным и духовным процессам, которые переживает человек, стремящийся к духовосприятию и духознанию. Помимо мистерий большое духовное влияние он придавал музыке и эвритмии — придуманному им самим искусству движения, которое он называл «видимой речью».

Штейнер называл говорение самой дифференцированной формой движения, но не единственной. Движение может быть распространено на весь организм, «особенно выразительны руки и кисти рук. Благодаря этому создается возможность увидеть то, что мы слышим в пении и речи». Первые эвритмические спектакли ставились в Дорнахе (за годы войны Штейнер поставил всего «Фауста»). В 1919 г. они появились и на публичной

сцене.

Однако самым успешным приложением антропософии следует считать разработанную Штейнером особую педагогическую систему, получившую название валъдорфской. В 1919 г. он основал свободную школу в Штутгарте, методика образования и воспитания в которой строилась на антропософских идеях и принципах. В восьми больших лекционных курсах, прочитанных Штейнером перед учителями, были подробно изложены его взгляды на преподавание. Один из важнейших принципов Штейнера состоял в том, что учитель — творческий человек. В каждом отдельном случае он должен руководствоваться сущностью отдельного ребенка, а не общими догмами. Что касается ученика, то и он должен быть активным соучастником процесс обучения, а не пассивным «потребителем знаний». Штейнеру удалось собрать под своим началом сильный педагогический коллектив, который с энтузиазмом воспринял его идеи и с успехом воплотил их на практике. Несмотря на большую загруженность, Штейнер сам часто посещал уроки. Каждую неделю под его руководством проходили конференции, посвященные обсуждению отдельных учеников. Все так называемые «трудные дети» находились под его пристальным вниманием. Уровень обучения в штутгартской школе был очень высок. Слава ее росла. В 1924 г. в ней обучалось уже 784 ученика.

Помимо педагогики и искусства, антропософия имела некоторое влияние на медицину.

Еще в 1905 г. Штейнер писал: «Совершенно необходимо, чтобы медицинские исследования были проникнуты теософским духом. Ибо все дело в том, чтобы теософское воззрение стало наукой». Первый опытом на этом пути стал курс лекций «Оккультная физиология», прочитанный в 1911 г. В 1921 г. последователи Штейнера создали два клинико-терапевтических института — в Арлесхайме и Штутгарте. Первый из них, возглавляемый Итой Бегман, особенно успешно использовал в лечении больных антропософское учение. Некоторое влияние антропософия имела также на религию. В 1922 г. несколько теологов, проникнутых идеями Штейнера, положили начало «Христианской общине» — самостоятельному религиозному движению, стоявшему на антропософских позициях.

В 1923 г. Международное антропософское общество (фактически распавшееся во время Первой мировой войны на отдельные группы) вновь восстановилось под председательством Штейнера. Но ему не суждено было долго руководить им — в марте 1925 г. Штейнер умер.

Елена Рерих

Елена Ивановна Рерих (до замужества Шапошникова) родилась в феврале 1879 г. в семье архитектора. С детских лет она проявляла разносторонние дарования: легко овладела несколькими иностранными языками, была очень музыкальна, хорошо рисовала. Окончив с золотой медалью Мариинскую гимназию, Елена Ивановна поступила в одной из санкт-петербургских музыкальных школ. Ее считали одаренной пианисткой и пророчили большое музыкальное будущее. Пишут также о ее красоте и обаянии, о тонких благородных чертах ее лица, о проникновенном взгляде и лучистых, миндалевидных темно-карих глазах. Живя в столице, Елена

Ивановна вела светский образ жизни, имела много поклонников, претендовавших на ее руку. Но всем им она предпочла молодого талантливого художника и археолога Николая Константиновича Рериха. Впервые со своим будущим мужем Елена Ивановна встретилась летом 1899 г., когда гостила у своей тетки в Новгородской губернии в усадьбе близ станции Балогое. Эта встреча решила всю ее дальнейшую судьбу. Они поженились осенью 1901 г. и с тех пор были неразлучны. В первые годы их совместной жизни Елена Ивановна объехала вместе с мужем десятки старинных русских городов, участвуя во всех его археологических раскопках (в одной из таких экспедиций осенью 1902 г. родился их первенец Юрий, а спустя два года в семье появился второй сын — Святослав).

После революции 1917 г. и отделения Финляндии, Рерихи, которые с 1916 г. жили в финском городе Сердобле, неожиданно для себя оказались за границей. Наступила десятилетняя пора их кочевой жизни. Вместе с выставкой картин Николая Константиновича они посетили столицы скандинавских стран, а затем отправились в Англию. 24 марта 1920 г. в Лондоне произошла их знаменательная встреча с одним из Великих Учителей — Морией. Точно так же, как в свое время Махатмы изменили судьбу Блаватской, они преобразили всю жизнь Рерихов. С этой встречи началась их подвижническая миссия по передаче человечеству древнего Духовного Учения, которое Елена Ивановна назвала Живой Этикой, или Агни Йогой.

По указанию Учителей Елена Ивановна и Николай Константинович отправились сначала в США, где в декабре 1920 г. были впервые показаны картины Рериха. Выставка имела огромный успех (за два с половиной года она побывала в 28 американских городах). Параллельно Рерих выступал с циклами лекций об искусстве. В ноябре 1923 г. в Нью-Йорке открылся его постоянно действующий музей. В том же году исполнилась давняя мечта Николая Константиновича и Елены Ивановны — они отправились в Индию. Добравшись в декабре 1923 г. до Бомбея, Рерихи стали готовиться к большой экспедиции по малоисследованным районам Юго-Восточной и Южной Азии. «Целью поездки было проникнуть в таинственные области Азии, в тайны философии и культуры безбрежного материка», — писал позже Рерих. Он мечтал найти во время этих странствий Шамбалу — духовный центр планеты, место, где земной мир соприкасается с космосом. Изучая мифы и предания многих народов, Николай Константинович встречал множество упоминаний об этой сказочной стране и был глубоко уверен, что Шамбала расположена где-то в труднодоступных районах Гималаев или Тибета.

Путешествие распалось как бы на две части: сначала путь лежал на северо-восток из Индии к Алтаю, а потом снова на юго-запад к Индии через нагорья Тибета. За четыре года исследовали преодолели огромное расстояние — более 25 тысяч километров, передвигаясь в основном верхом на конях и верблюдах. Им пришлось перейти 35 высокогорных перевалов, поднимаясь иногда на высоту свыше 7 километров. В первые годы странствий они побывали в Сиккиме, Кашмире, Ладаке, Каракоруме, Тянь-Шане. Где-то на пути (точное местоположение не указывается) Рерихи посетили заповедную страну Махатм. В записях Николая

Константиновича можно найти сообщение о беседах с Великими Учителями, но информация о ней крайне скупа. Он сообщает только, что здесь «все догадки получили основу, все сказки стали былью». В июне 1926 г. Рерихи добрались до советской Средней Азии и отсюда совершили поездку в Москву. Они с воодушевлением относились к идеям строительства нового общества, провозглашенным руководством СССР, и очень надеялись, что духовная мудрость Востока окажется полезной в этом начинании.

Среди многих других материалов и картин Рерихи передали советскому правительству послание Махатмов и ларец со священной гималайской землей. Из Москвы экспедиция отправилась на Алтай, а затем через Бурятию в Монголию. В Урге Рерихи задержались, готовясь ко второй части путешествия — через Тибетское нагорье. Это была особенно трудная часть пути. Рерихи прошли местами, совершенно неведомыми мировой науке и собрали уникальный материал: ценнейшие образцы древней культуры, искусства, богатейшие коллекции — археологическую, геологическую, ботаническую.

Елена Ивановна разделила с мужем и сыновьями все трудности. Николай Константинович позже писал: «На коне вместе с нами Елена Ивановна проехала всю Азию, замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая давала пример бодрости всему каравану. И чем больше была опасность, тем бодрее, готовнее и радостнее была она… Никто никогда не замечал у нее упадка духа или отчаяния. А ведь к тому было немало поводов самого различного характера». В 1928 г. Рерихи возвратились в Индию и поселились в живописной долине Кулу, среди могучих гор над стремительной речкой Биас. Для обработки огромного количества собранных материалов здесь был основан научно-исследовательский Гималайский институт.

В Кулу Елена Ивановна продолжила начатую еще до экспедиции работу над 14-томной серией книг «Живой Этики, или Агни Йоги», созданной на основе бесед и телепатических контактов с Великими Гималайскими Учителями.

Агни — на санскрите значит Огонь. Он символизирует духовную, психическую энергию сознания, мышления, импульс жизни, творчества, устремления, тончайшие духовные проявления, утверждающие лучшие человеческие действия. Йога означает единение с тончайшими энергиями, высшими сферами космического жизнетворчества.

Елена Рерих называла этот грандиозный труд синтезом всех религий и всех йог, необходимым для настоящего времени. Она писала: «Учение дано не для пыльных книжных полок, но для применения в жизни каждого дня». Первая книга серии «Зов» вышла в Америке в 1924 г. Вместе с двумя следующими — «Озарение» (1925) и «Община» (1927) она служит как бы введением к остальным томам. Изложение здесь идет в виде притч, афоризмов и стихов. Само учение систематически изложено в книгах: «Агни Йога» (1929), «Беспредельность» (1930), «Иерархия» (1931), «Сердце» (1932), «Мир огненный» (1933–1935), «Аум» (1936), «Братство» (1937), «Надземное» (осталась неопубликованной). По мере появления тома Живой Этики выходили на русском языке в Париже, Риге и Улан-Баторе. Однако в Советском Союзе они при жизни Рерихов не издавались.

Цикл Агни Йоги продолжает и уточняет учение Блаватской. В каком-то смысле его можно назвать этикой теософии, так как именно на этических вопросах было сосредоточено основное внимание Елены Рерих. Что касается космологии и космогонии Агни Йоги, то они в общем достаточно близки к тому, что нам открывает «Тайная Доктрина». Елена Ивановна писала, что каждое из семи состояний космической духоматерии образует свой план бытия или мир. Этих миров семь: божественный, монадический, атмический (или нирвана), буддхический, ментальный (или огненный), астральный и физический. Между высшей точкой нашей Вселенной — Триединым Богом и человеком существует неразрывная цепь различных степеней и иерархий невидимых существ. Высочайшие из них — это семь Духов Господних, семь Огней или Пламеней. Каждый из них стоит во главе обширных сонмов разумных существ, которые разделяют Его природу и действуют под Его управлением. Эти семь великих сонмов невидимых существ создают миры и правят ими.

Люди — существа огненные. Излучаемая духом человека эманация и развиваемая им духовная энергия есть энергия огненная — высшее проявление Космического Огня (Агни). Западному понятию души в Агни Йоге соответствуют два психических тела: астральное (тело чувств) и ментальное (тело мыслей). Вместе с физическим телом они составляют конкретную личность. Личность — это как бы житель данного воплощения, она не знает о вечном и заботится только о личном.

Бессмертная часть человека, сосредоточенная в триединой монаде атман-буддхи- манас, соответствует западному понятию духа (атман — это воля, буддхи — чувствознание или духовный ум, манас — интеллект) Они составляют индивидуальность — бессмертное, подлинное Я человека. После кончины человека оно возносится в высшие миры, а потом в соответствии с законами кармы воплощается в новую личность. Однако закон кармы не является чем-то безусловно определенным. Он регулируется и управляется законом свободной воли. Благодаря этому каждый человек может изменить свою судьбу в лучшую или худшую сторону.

Елена Рерих писала: «Энергия и воля — властители кармы Отрешившийся от себя, устремленный к общему благу, преданный в битве, радостный в труде приобретает на мгновение озарение архата, делающего его владыкою своей кармы». Одно из главных качеств здесь — это умение противостоять злу без зла. («Не делайте врагов — завет вам, — говорится в Агни Йоге. — Знайте врагов, берегитесь от них, пресекайте их действия, но злобу не имейте»). Надо помнить также, что карма в основном создается не внешней, а внутренней жизнью человека — его мыслями и чувствами.

Основополагающая тема Елены Рерих — борьба со злом. Олицетворением космической природы зла, согласно Агни Йоге, является Люцифер — один из восьми Махатм, воплотившихся на Земле 18 миллионов лет назад. Поначалу он участвовал в развитии сознания человека. Но после того, как ему пришлось воплотиться в плотные земные оболочки, дух Люцифера не удержался на прежней высоте — сорвался и пал. И тогда он начал борьбу против своих Великих Собратьев, прервал их связь с космической Иерархией и самого себя поставил в центр мира. Эта

изоляция от высших духовных сил, замыкание внутри физического мира чрезвычайно опасны. По космическому закону, когда человечество нашей планеты закончит эволюцию на Земле, оно должно оставить ее и уйти на другую планету. Ведь человечество — это ветви гигантского дерева, стволом которого является Иерархия света. Из-за Люцифера люди почти забыли об этом.

Победа над злом требует напряжения всех духовных сил. За долгое время своего отступничества Люцифер приобрел на Земле многих последователей, образовавших тайную «Черную ложу». Она противостоит ложе Белых Братьев — Махатм и их последователей. Главными центрами темных сил в физическом мире служат многомиллионные города-мегаполисы. Но основная масса сил Тьмы сосредоточена в незримом психическом (астральном) мире. Именно оттуда они воздействуют на наши чувства и мысли. Сподвижники Люцифера стремятся подавить все духовное, подменяя его мертвящим материализмом. Они насаждают массовую культуру, пропагандирующую насилие, эротику, взращивающую низменные инстинкты. В настоящее время борьба Белых Братьев с Люцифером достигла небывалой остроты. С особой яростью она идет в невидимом астральном мире, но отображается на Земле расстройством жизни, социальными и межнациональными конфликтами, природными катастрофами и бедствиями.

Подавляя человека, зло находит опору в его физической природе. Самым жестоким внутренним врагом человека является «самость», связанная с концентрацией внимания на своей временной личности в ущерб бессмертному духовному Я. «Ум человека ушел далеко вперед, создал чудеса техники, а сердце человека застыло на уровне каменного века — оно осталось каменным», — говорится в Агни Йоге. Чтобы лишить темные силы возможности действовать на себя, человек должен очистить свои чувства и мысли от всего плохого и злого, настроить их на светлое и духовное. «Не физические средства дадут упорство перед злом, — писала Елена Рерих, — но дух и огонь сердца создают доспех перед ухищрениями зла».

Общаясь с высшими мирами, человек укрепляет свой дух. Обычно это происходит во время молитвы. В Агни Йоге молитве уделено очень много внимания. «Не нужно заклинаний, не нужно выпрашиваний, не нужно пыли смирения, не нужно угроз, — говорится там. — Молитва есть осознание вечности». В широком смысле — это жизнь духа, ибо человеческий дух есть проводник высших энергий. Искренняя молитва не требует особого места и времени. Для нее не обязательно ходить в храм, выполнять обряды и соблюдать ритуалы. «Существует мнение, что молитва есть нечто отличное от обихода: между тем она есть основа жизни», — писала Елена Рерих. Люди, исполняющие назначенный им судьбой долг, служат не только людям, но и Богу. По большому счету не важно, к какому Богу обращается человек. Молиться надо тому, кому веришь, ибо все религии в конечном итоге ведут к одному и тому же — пробуждению духа.

Помимо многотомной Агни Йоги перу Елены Ивановны принадлежат такие замечательные книги, как «Криптограммы Востока», «Основы буддизма», «Преподобный Сергий Радонежский» Очень много работала она как переводчик. На этом поприще прежде всего следует отметить

такие фундаментальные труды, как полный перевод на русский язык «Тайной Доктрины» Блаватской и издание на русском языке в книге «Чаша Востока» избранных писем Махатмов. Елена Ивановна считала, что эта духовная литература крайне необходима советским людям. До самой смерти Рерихи надеялись возвратиться в Россию, но внешние обстоятельства помещали этому. В декабре 1947 г. умер Николай Константинович. После его смерти Елена Ивановна покинула Кулу и переехала в индийский город Калимпонг. Здесь она и умерла в октябре 1955 г. Прошло почти сорок лет, прежде чем ее духовное наследие стало доступно русским людям. Хотя сейчас совсем другая эпоха, оно ничуть не потеряло своей актуальности и, по-видимому, еще долго не потеряет. Не случайно Хейдок, близкий друг Рерихов, писал: «Елена Ивановна — провозвестница нового цикла в человеческой эволюции и соответствующего этому циклу нового мышления и поведения людей. Она — звено, соединяющее человечество с Иерархией света, пребывающей в Шамбале». Последователи Рерихов считают, что Елена Ивановна была Великим Духом, посланным на Землю из Белого Братства, чтобы выполнить миссию передачи людям учения Живой Этики в критический момент жизни нашей планеты. Не случайно Учителя называли ее Урусвати, что значит Свет Утренней Звезды.

Рон Хаббард

Основоположник саентологии, американский писатель Лафайет Рональд Хаббард родился в марте 1911 г. в Тилдене, штат Небраска, в семье морского офицера.

Первые годы он воспитывался в доме своего деда — деревенского ветеринара. В 1923 г. семья переехала в Вашингтон. В 1930 г. Хаббард поступил в университет Джорджа Вашингтона, но вскоре после того, как был опубликован его первый рассказ «Тах», оставил учебу ради карьеры профессионального литератора. В течение следующих десяти лет он выступает как плодовитый автор, работающий в приключенческом жанре: пишет вестерны, детективы, фантастику, мистику, романтические новеллы. В 1937 г. появился его первый роман «Батальоны в оленьих шкурах». В 1938 г. были написаны роман «Последнее Затмение» и повесть «Страх», принесшие Хаббарду известность. Его творчеством заинтересовался Голливуд. (В 1937 г. по роману Хаббарда «Убийство в пиратском замке» ставят фильм. Для «Колумбии пикчерс» он пишет сценарий по своему роману «Тайна острова сокровищ»).

Всего за эти десять лет Хаббард написал под разными псевдонимами 21 роман и более сотни повестей и рассказов. Основными потребителями его произведений были дешевые бульварные журналы, распространявшиеся огромными тиражами. Впрочем, уровень их был далеко не примитивный. Среди тех, кто начинал в этих журналах, называют таких известных потом классиков приключенческого жанра, как Чандлер, Хэммет, Берроуз и Хайнлайн. Литературная слава Хаббарда также является фактом.

В 1950–1980-е гг. он с успехом и неоднократно переиздавал свои ранние сочинения. Незадолго до смерти, уже будучи всемирно известным

творцом дианетики и саентологии, он вернулся в литературу, опубликовав фантастический роман «Поле битвы — Земля» (1982) и 10-томную эпопею «Миссия — Земля» (первый том — 1985 г., последующие девять томов вышли уже после смерти автора. Все эти книги имели и по сей день имеют успех у читателей разных стран. Общий тираж художественных произведений Хаббарда составил к началу 1990-х гг. 38 миллионов экземпляров.

Писательская карьера Хаббарда была прервана войной. В 1941 г. в чине лейтенанта он начал службу в военно-морском флоте. Одно время он командовал небольшим противолодочным кораблем, но потом был снят со своего поста из-за несоответствия занимаемой должности. (В рапорте контр-адмирала Брайсета в частности говорилось: «… Данного офицера отличает полное отсутствие таких необходимых качеств, как оценка окружающей обстановки, лидерство и способность к совместным действиям. Он не задумывается о возможных последствиях своих поступков»). До конца войны Хаббард служил военным цензором. Участия в военных действиях он не принимал. В 1946 г., после демобилизации из армии, он оказался на лечении в госпитале Оук Нол в Окленде, штат Калифорния, с целым букетом болезней (в их числе называют резкое ухудшение зрения, язву двенадцатиперстной кишки, сильную травму бедра и др.). Здесь и были в основном разработаны основы «науки душевного здоровья», получившей позже название дианетика. Согласно официальным жизнеописаниям Хаббарда, интерес к психологии, психиатрии и психоанализу проявился у него еще в отроческом возрасте, а первые наброски будущей книги сделаны до войны. В самом общем виде суть дианетики заключается в следующем. Хаббард считал, что в человеческом мозгу есть области, содержащие в форме умственных образов-картинок записи прошлых потерь, неудач, страданий и различных бессознательных комплексов. В своей совокупности они образуют то, что называется реактивным умом, которые является источником всех духовных невзгод человека, его нежеланий, страхов, психоматических болезней. Как тяжкий груз он давит на человека, мешая его полноценному развитию, причем не только умственному и духовному, но также, в немалой степени, и физическому, поскольку служит причиной многих заболеваний. Хаббард считал, что для восстановления основополагающей духовности, творческого гения, силы воли и характера человека нужно отыскивать в его памяти следы прежних духовных травм и «стирать» их. Дианетика как раз и предлагала достаточно простую методику такого «поиска» и «стирания» — одитинг. В результате дианетических процедур человек избавлялся от комплексов и отклонений — становился клиром, то есть личностью совершенно адекватной действительности. Противники дианетики (и среди них авторитетные психологи и психиатры) очень критично оценивают «открытие» Хаббарда, отказывая ему в какой бы то ни было научности и состоятельности. Неоднократно указывалось также, что главная идея этого учения заимствована им у раннего Фрейда.

Первые опыты дианетического лечения Хаббард провел еще в госпитале. При этом (как свидетельствует его официальное жизнеописание) он не только вылечился сам, но и сумел помочь еще десяти или двенадцати другим больным. Выписавшись из госпиталя, Хаббард одно

время был очень близок с руководителем тайной сатанисткой секты Алистером Кроули. Согласно официальной версии, он внедрился в эту секту по заданию ФБР. Однако, скорее всего, с Кроули его связывали дружеские отношения. Хаббард еще до войны очень интересовался оккультизмом и какое-то время был членом ложи розенкрейцеров.

В 1946 г. Хаббард поселился в Лос-Анджелесе и стал заниматься одитингом с голливудскими актерами. Пишут, что успех его превзошел всякие ожидания. В 1948 г. он отправился в Саванну и опробовал свою методику в больницах и психиатрических лечебницах. В этом году на свет появилось само слово дианетика.

А в мае 1950 г. Хаббард опубликовал книгу «Дианетика: современная наука душевного здоровья». Она имела огромный успех. Первые 30 тысяч экземпляров разошлись за несколько дней. Следующие 26 недель «Дианетика» оставалась в списке бестселлеров. Не упал к ней интерес и в дальнейшем. В настоящий момент суммарный тираж «Дианетики» составил уже 11 миллионов экземпляров. Она переведена на 17 языков, включая русский. В течение нескольких лет Америка переживала всеобщее увлечение дианетикой. В различных городах США появилось более 750 дианетических групп. В конце лета 1950 г. читатели в буквальном смысле устроили лагерь перед домом Хаббарда в надежде, что он согласится лично обучать их. Чтобы удовлетворить этот массовый интерес, в том же году в городе Элизабет, штат Нью-Джерси, был открыт Дианетический исследовательский центр Хаббарда. Там он прочел первый курс профессионального одитора. Затем были открыты еще пять филиалов. В 1951 г. Хаббард выпустил шесть новых книг по дианетике, в том числе «Науку выживания», «Самоанализ», «Детскую дианетику» и др. Успех книг Хаббарда объясняют довольно просто. В 1950-е гг. психоанализ был в моде, и каждый богатый человек имел своего психоаналитика. Но это было очень дорогое удовольствие.

Дианетика Хаббарда сделала психоанализ доступным для средних слоев населения. Дианетика послужила основой для другого детища Хаббарда — его саентологии. Как свидетельствует официальная легенда, осенью 1951 г., наблюдая за многими последователями дианетики, Хаббард обнаружил общность их переживаний и феноменов глубокого духовного свойства — соприкосновение с опытом прошлых жизней. Тогда он, будто бы, задался вопросом: если дианетика является четким и определенным объяснением человеческого разума, то что именно этим разумом пользуется?

Размышляя над этой проблемой, Хаббард пришел к выводу, что человек по сути своей есть бессмертный дух и что доступный ему жизненный опыт гораздо обширнее тех знаний, которые используются в данной жизни. Зимой 1951 г. он ввел на своих семинарах новый предмет — саентологию. В 1952 г. была учреждена «Международная Ассоциация саентологов Хаббарда», а в 1954 г. он изложил основы своего вероучения в книге «Аксиомы саентологии».

Суть новой религии очень проста и незатейлива. Хаббард пишет, что помимо физической Вселенной, состоящей из материи, энергии, пространства времени (сокращенно эта тетрада именуется в саентологической литературе МЭСТ), существует некая жизненная сила,

которая одушевляет все живые существа Хаббард назвал ее тэта. Тэта во всем противоположна МЭСТ, то есть она не имеет массы, собственной длины волны, местоположения в пространстве и времени. Комбинация тэты и МЭСТ создает жизнь, их разделение — смерть. Индивидуальными, самосознающими частицами тэты являются тэтаны. Это бесплотные духи, не имеющие массы, временных и пространственных границ, всеведущие, всемогущие, неразрушимые, бессмертные, способные к творению. Третьей составляющей мира Хаббард называл Верховное Существо. Саентология не дает никаких Его догматических определений, считая, что в ходе самосовершенствования каждый человек приходит к собственному пониманию Бога. Вселенная возникла вследствие деятельности Верховного Существа и тэтанов. Но процесс созидания оказался сложным и противоречивым. Пытаясь покорить МЭСТ, многие тэтаны попали в плен материи и увязли в своих созданиях (особенно в человеке). Таким образом, они утратили свое могущество и всезнание, оказались привязанными к человеческим сущностям и вовлеченными в бесконечную череду перерождений. Сегодня тэтаны забыли о своем духовном естестве и полагают, что они являются людьми. Эта потеря осознания своей подлинной сущности делает человека несчастным и порочным.

Саентология как религия как раз и имеет своей задачей, перенести человека к состоянию первоначального тэтана и положить конец непрерывному ряду перерождений. Теоретически это достигается путем расширения своего самосознания, когда человек осознает себя частью все более полного целого и соответственно меняет стимулы своей жизни (выживания). Самый элементарный уровень сознания, когда человек осознает себя просто как «я». На более высоких уровнях он последовательно видит себя частью семьи, группы (группой может быть клуб, друзья, община, учреждение, социальный слой, государство, народ, раса), человечества, биосферы, Вселенной. На высших ступенях самосознания человек отождествляет себя с Духом (тэтой) и Бесконечностью (Самим Верховным Существом). Чем выше самосознание, тем больше интерес к другим областям жизни и чувство ответственности за них. Этическим считается такое поведение, которое способствует росту всех уровней самосознания.

Практически данный идеал реализуется повседневным участием в жизни саентологической церкви.

Начало этой церкви было положено в том же 1954 г., когда группа саентологов из Лос-Анджелеса образовала первую саентологическую общину. В следующие годы Хаббард, объехав весь мир, основал саентологические центры и церкви во многих других городах. Сегодня саентологическое движение (в котором, по данным самих саентологов, участвует до 8 миллионов человек) опирается на мощную и разветвленную церковную организацию — 3000 местных церквей более чем в 100 странах мира. Центр Церкви Саентологии («мекка» саентологии) находится в городе Клируотер во Флориде. Церковь имеет свою символику, свои каноны богослужения.

Следует, однако, знать, что отношение к саентологии по сей день остается, мягко говоря, неоднозначным. Во многих справочниках саентологическая церковь определяется как тоталитарная и даже

сатанинская секта. Неоднократно против этой церкви и лично против Хаббарда возбуждались уголовные преследования. Активная борьба против саентологии ведется в Германии, которая в этом отношении лидерствует. При правительствах немецких земель созданы специальные рабочие группы по саентологии, которые стремятся ограничить деятельность сторонников Хаббарда.

Немецкий суд признал Церковь Саентологии не религиозной, а коммерческой организацией. В 1997 г деятельность саентологов в Германии была официально поставлена под гласный надзор полиции. В США было самое большое количество процессов против саентологов, но, как правило, последним удалось их выиграть.

Во всех саентологических церквях проходят службы, читаются проповеди, проводятся различные церемонии (именования, бракосочетания, похороны и т. п.). Однако основными, самыми важными видами религиозной деятельности считается не служба, а одитинг и обучение. Одитинг — конкретная форма духовного совета между саентологом-священником и прихожанином. По сути, одитинг в саентологии ничем не отличается от одитинга в дианетике: священник-одитор путем расспросов устанавливает области духовных травм и помогает изжить («стереть») их. Таким образом удаляются все те наслоения опыта, которые мешают духовному совершенству.

Разница только в том, что дианетика стремится привести человека в состояние клира, а саентология обещает даровать более высокую степень духовного совершенства — «оперирующий тэтан». Обучение заключается в изучении аксиом и священных писаний саентологии. Это достаточно обширный материал, изложенный в трех энциклопедических книгах, общим объемом 18 томов.

Совокупный тираж книг Хаббарда по саентологии составляет 70 миллионов экземпляров. К ним надо добавить 40 миллионов кассет с записью курсов его лекций.

На создание всемирной саентологической церкви у Хаббарда ушло около десяти лет напряженного труда. С середины 1960-х гг. он начинает работу над серией прикладных программ, позволяющих использовать принципы дианетики и саентологии для решения тех или иных конкретных задач. В 1964 г. под его именем вышло несколько книг, разрабатывающих технологию обучения. В 1969 г. он предложил свой метод излечения наркомании. (В середине 1970-х гг. возникла международная сеть реабилитационных центров Хаббарда «Нарконон», которые функционируют сейчас в 70 странах.) В начале 1970-х гг. он обратился к вопросам управления и выпустил многотомный справочник «Курс руководителя организации» с подробным описанием теории и практики всех аспектов управления. (Подготовкой управленцев занимается сеть Хаббард-Колледжей.) В 1976 г. Хаббард запатентовал свою систему очищения организма. (Суть ее в специальном режиме и упражнениях, приеме большого количества витаминов и продолжительном пребывании в сауне). Эти вопросы освещены в серии его книг «Чистое тело, чистый разум». 1979 г. Хаббард выпустил курс «Ключ к жизни», помогающий понять значение слов и структуру языка. Потом появился его учебник «Определение коротких общеупотребительных слов», адресованный

школьникам и имеющий то же назначение — дать учащимся возможность более полно понимать значение текстов. Наконец, в 1980 г. он опубликовал книгу «Дорога к счастью», в которой поставил целью разработать современный моральный кодекс, препятствующий дегуманизации и саморазрушению земной цивилизации. На ее основе была создана программа исправления правонарушителей, реализацией которой занимается Хаббардовская организация «Криминон».

Умер Рон Хаббард в январе 1986 г. К концу жизни его доходы многократно возросли, так что каждую неделю на его счета поступало не менее миллиона долларов, а его личное состояние превысило 640 миллионов долларов. Но едва ли эти деньги принесли ему счастье. Пишут, что последний год жизни Хаббард провел в инвалидной коляске, мучимый паранойей и истериками. Согласно завещанию, тело его было сожжено, а прах развеян над Тихим океаном.

Карлос Кастанеда

Имя Карлоса Кастанеды стало широко известно в 1968 г., когда издательство Калифорнийского университета выпустило небольшим тиражом его книгу «Учение дона Хуана». Труд этот представлял из себя непритязательные полевые записки, сделанные автором в 1965 г. Речь в них шла о занятиях со старым шаманом из индейского племени яки по имени дон Хуан, который взялся обучать Кастанеду своему искусству Встреча их произошла совершенно случайно. Как следовало из самой книги, в 1960 г. Кастанеда, тогда еще студент-антрополог Калифорнийского университета, выбирая тему своей дипломной работы, решил осветить в ней недостаточно изученную наукой проблему — использование индейскими шаманами в своих обрядах растений-галлюциногенов (таких как кактус-пейот и др.). Для этого ему нужно было найти какого-нибудь знающего индейца-шамана. И вот однажды, когда он с одним своим другом ожидал на остановке в Ногалисе автобуса до Лос-Анджелеса, друг познакомил Кастанеду с пожилым индейцем по имени дон Хуан, который был большим знатоком галлюциногенных растений. Разговор между ними продолжался около 15 минут, затем подошел автобус, и они расстались. Однако встреча произвела на Кастанеду впечатление. Какое-то время спустя он уже самостоятельно разыскал индейца в Соноре. Между ними завязались дружеские отношения. Кастанеда продолжал расспрашивать шамана о пейоте. Дон Хуан долго уходил от этой темы, но однажды он предложил Кастанеде нечто большее, взять его в ученики и посвятить в тайное учение тольтеков — индейских магов. Как вспоминал позже Кастанеда, он принял это предложение не без колебаний. Однако ему надо было писать дипломную работу, и он дал согласие, полностью отдав себя в руки своему учителю.

Так началось захватывающе-интересное погружение по-европейски и рационально мыслящего молодого человека в совершенно иррациональный и нелогичный мир, открываемый перед ним индейским магом. Одно за другим дон Хуан сокрушал представления Кастанеды об окружающей реальности, постепенно разворачивая перед ним совершенно иную, ни на что непохожую, жутковатую реальность потустороннего.

В результате, пройдя курс посвящения, Кастанеда расстался со своим учителем совершенно другим человеком — ошеломленным и растерянным. Написание дипломной работы, которое должно было стать лишь небольшим эпизодом в карьере ученого, сделалось для него переломной эпохой, совершенно изменившей всю его дальнейшую жизнь. Таково вкратце содержание «Учения дона Хуана». Несмотря на подчеркнуто научный характер издания (а может быть, как раз именно благодаря этому), книга сразу была замечена широкой читающей публикой и, в короткий срок стала национальным бестселлером. Одно переиздание следовало за другим. За год разошлось 300 тысяч экземпляров Кастанеда и его герой, таинственный дон Хуан, стали культовыми личностями. Читатели с нетерпением ожидали продолжения, поскольку в «Учении» дверь в неведомое только приоткрылась. И Кастанеда не обманул их надежд. В следующие двадцать шесть лет вышли еще восемь его книг: «Отдельная реальность» (1971), «Путешествие в Икстлан» (1972), «Сказка о силе» (1974), «Второе кольцо силы» (1977), «Дар Орла» (1981), «Огонь изнутри» (1984), «Сила безмолвия» (1987) и «Искусство сновидения» (1994). Все они без исключения также стали бестселлерами. В настоящее время суммарный тираж книг Кастанеды, переведенных на 17 языков, приблизился к 10 миллионам. И не видно, чтобы интерес к его творчеству падал. Это позволяет говорить о Кастанеде как о крупном явлении общественного сознания, значительно выходящем за рамки чистой антропологии. По сути, его книги заложили основу нового мироощущения и нового мировоззрения, в корне отличного от того, что были выработаны западной половиной человечества, в ходе его долгой истории.

Наиболее важный элемент знания тольтеков — представления о тонале и нагуале. Тональ, по объяснению дона Хуана, — это описание мира, которое доступно нашему восприятию и внутри которого мы можем действовать; это все, для чего у человека есть слово, все, что встречает глаз и адаптирует сознание посредством внутреннего диалога. Тональ приводит хаос мира в порядок, он — организатор, упорядоченное отражение неописуемого неизвестного. Тональ неоднороден и условно может быть разделен на два компонента: внешнюю сторону, связанную с действием, и внутреннюю сторону, более хаотичную, а именно — решения и суждения. Человек начинает создавать мир тоналя с момента своего рождения и живет в нем всю жизнь. Глаза, приученные тоналем, цепляются за смысл и видят только то, что предлагает тональ.

Кроме этого привычного нам мира существует бесконечность других миров — нагуаль.

Нагуаль — это то, для чего у нас нет описания, нет слов, нет названия, нет осмысленных чувств, нет рационального знания. Можно быть только свидетелем нагуаля, но о нем нельзя высказаться. Проявления нагуаля можно наблюдать только телом, но не разумом. Описать его нельзя. Человеческое существо разделено надвое. Его правая сторона (левое полушарие мозга) — тональ. Она схватывает все, что может воспринять интеллект. Левая сторона (правое полушарие мозга) — нагуаль. Это царство, черты которого неописуемы, мир, который невозможно заключить в слова. Таким образом, тональ и нагуаль поделены и находятся

внутри человека, и вместе с тем человек является частью тоналя, который входит в бесконечный нагуаль. И только внутренний нагуаль способен вывести человека за пределы тоналя — привычной картины мира.

Что же представляет собой нагуаль, который, по сути, и есть подлинная реальность? Тольтеки учат, что основой всего сущего является Высшая Всеначальная Сила, источником которой они условно назвали Орлом. Орел безмерен, бесконечен, неисчерпаем, неописуем и устрашающ. Он включает в себя все, и то, что можно назвать «человеческим», есть лишь малая его часть. Силы Орла не поддаются контролю и находятся за пределами всех определений. Увидеть его может лишь самый совершенный тольтек-нагуаль, и взору он представляется как огромная чернота, уходящая в бесконечность. Вся Вселенная — суть эманации Орла, представляющиеся в виде бесчисленного количества заполняющих все пространство светящихся нитей, бегущих во всех направлениях и переплетающихся немыслимым образом. Эманации несут в себе импульсы и структуры жизни, материи и всех других явлений. Из них построена вся материальная Вселенная, доступная нам как тональ, то есть как некая поддающаяся осмыслению ее часть. Но и мы сами, существа, обладающие сознанием, также состоим из полос, в которые собраны нити — эманации Орла, скрученные в какие-то узлы и окруженные светящимся коконом. Так что в иной реальности нагуаля человек предстает не в своем обычном виде, а как яйцо из светящихся волокон.

У каждого «светящегося существа», то есть существа, обладающего сознанием и, стало быть, своим энергетическим коконом, на этом коконе имеется некое небольшое, ярко светящееся пятно. Оно играет чрезвычайно важную роль в нашей жизни, ибо те мировые линии эманации Орла, что входят в кокон через это пятно, как раз и образуют мир, который воспринимается обладателем кокона как реальный, тот, где он живет. Данное пятно было названо «древними видящими» «точкой сборки», поскольку она «собирает» для существа, обладающего сознанием, его мир, его тональ. Этот мир создается не индивидуально каждым, а возникает вследствие совместных усилий группы существ с одинаковыми светящимися коконами и совпадающим расположением на них «точки сборки». Каждый человек получает определенный тональ от рождения, а затем поддерживает его своей энергией.

Воспитание создает наше мировоззрение — основную силу в формировании восприятия.

Пребывая в рамках определенного мировоззрения, мы постоянно сонастраи-ваем наши энергии с миром. И в результате мы активно настраиваемся на то, что можем и не можем воспринять. Но мировоззрение — не истина; это техника. Внутри энергетического тела существует бесконечное множество всевозможных восприятий, и наш обычный мир является лишь одним из множества существующих миров. Тренированный тольтек-нагуаль усилием воли может сдвигать свою «точку сборки» и таким образом менять тот набор эманации Орла, через который она проходит. Тем самым он изменяет мир, в котором находится.

Благодаря своему искусству тольтек способен выйти из мира иллюзорного тоналя и обрести подлинную жизнь в мире нагуаля. Все существа, обладающие сознанием — смертны Когда человек умирает, его

энергетический кокон разрушается. При этом осознание высвобождается и с неудержимой силой втягивается Орлом. Как говорил дон Хуан, «Орел питается осознанием умерших». Он для того и «выталкивает» существа с осознанием в мир, порожденный его же эманациями, чтобы потом, когда их осознание обогатится впечатлениями о мире, «съесть» их. Однако тренированный учитель-нагуаль может избежать общей судьбы, если будет соответствующим образом готовить себя. Одним из важных элементов такой подготовки служит практика «перепросмотра». Суть ее заключается в том, что ученик должен вспомнить и как бы заново пережить все яркие эмоциональные события своей жизни. Вследствие этого восстанавливается утраченная когда-то энергия жизни. Затем, если «видящие» собираются в группу с определенной внутренней структурой и возглавляемую тольтеком-нагуалем, они могут в известный момент времени, продиктованный «силой», разом «сжечь» свои коконы (то есть умереть в нашем мире) и «проскочить мимо Орла». В момент перехода вместо подлинной энергии сознания они передают Орлу энергию своих переживаний (ее суррогат) и уходят из-под его власти — начинают существование в других мирах. Людей для такого перехода тольтек-нагуаль собирает из группы предыдущего поколения. Члены старшей группы обучают «видению» членов младшей группы (как это сделал дон Хуан с Карлосом Кастанедой). Причем каждого — в соответствии с его способностями и местом в структуре группы. Затем, через много лет совместного бытия, старшая группа «уходит», а бывшая младшая начинает набирать и обучать следующую. Таким образом, сохраняется преемственность и наследственность древнего тайного учения.

В этом, если говорить очень кратко, состоит суть учения Дона Хуана, изложенного в девятитомной эпопее Кастанеды. Миллионы читателей были покорены его безыскусным рассказом. Они ожидали каждой следующей его книги как евангелия и с жадностью прочитывали их от корки до корки. Понятно, что все они хотели побольше узнать об авторе и его учителе. Едва вышла первая книга Кастанеды, десятки журналистов бросились разыскивать дона Хуана, однако поиски их оказались тщетными — не было обнаружено даже следов существования такого человека. Точно так же по сей день не удалось подтвердить из независимого источника реальность проповедуемого им учения. Многие антропологи с мировым именем в течение многих лет изучали верования индейцев, однако никогда не слышали ничего подобного тому, что поведал миру студент Кастанеда. Но не мог же он все это придумать! В самом деле, описания его книг так живы и так реальны, а набросанная им картина мироздания настолько оригинальна и настолько ни на что не похожа, что трудно поверить в подделку. «Но если даже дон Хуан миф, то уж Кастанеда-то, по крайней мере, существует!» — говорили некоторые из его поклонников и с нетерпением искали хоть каких-нибудь подробностей о его жизни. Но и здесь их ждало разочарование. Прежде всего оказалось, что нежданно свалившаяся мировая слава совсем не вскружила ему голову. Кастанеда не искал встреч с журналистами и крайне редко давал интервью, а если и давал, то говорил о себе очень скупо. Он строго запрещал себя фотографировать, так что по сей день, по-видимому, не имеется ни одного его изображения, в подлинности которого не возникает сомнений.

Журналистам, сумевшим в конце концов к нему пробиться, он сообщил, что Карлос Кастанеда — не настоящее его имя, а факты его биографии вещь настолько призрачная и нереальная, что не стоит придавать им какое-то значение. Он предупредил, что, рассказывая о себе, будет менять имена, даты и точное название мест, то есть поведает им совсем не то, что было на самом деле. По словам Кастанеды, он появился на свет в Рождество 1935 г. в Сан-Паулу в Бразилии. Его отцу было тогда 17 лет, а матери — всего 15. Первые годы он воспитывался у дедушки и бабушки, которые содержали ферму по выращиванию кур. В шесть лет родители забрали сына к себе, погрузив его в пучину навязчивой ласки и внимания. «То был ужасный год, — признавался Кастанеда. — Я жил в обществе двух детей».

Вскоре его мать умерла. Об отце, сделавшемся в дальнейшем профессором литературы, он не любил вспоминать. (В книгах о нем говорится с чувством сострадания и презрения; подлинным отцом для Кастанеды стал дон Хуан.) После смерти матери Кастанеда до пятнадцати лет учился в одной из школ Буэнос-Айреса, а в 1951 г. переехал в США и поступил в среднюю школу в Голливуде. Окончив ее в 1953 г., он некоторое время посещал курсы пластического изобразительного искусства при Академии изящных искусств в Милане, но потом бросил их, поняв, что художника из него не выйдет. Он вернулся в Лос-Анджелес и в 1955–1959 гг. занимался на курсах по литературе, журналистике и психологии в Сити-Колледже. В 1959 г., получая американское гражданство, он принял фамилию Кастанеда и в том же году поступил в Калифорнийский университет, сначала на отделение социологии, а потом антропологии.

Такова официальная биография Кастанеды. В этом образе он хотел бы сохраниться в памяти потомков. Но в XX в человеку трудно дожить до зрелых лет, не оставив после себя никаких следов (тем более, если он менял гражданство и учился в нескольких учебных заведениях). Дотошным журналистам удалось в конце концов раздобыть об авторе «Учения дона Хуана» кое-какие сведения. Прежде всего оказалось, что его на самом деле зовут Карлос Кастанеда, но родился он не в Бразилии, а в перуанском городе Кахамарка на Рождество 1925 г. Отец его не имел никакого отношения к литературе, а был часовщиком, золотых дел мастером. В 1948 г. семья переехала в Лиму и открыла ювелирный магазин. Здесь же Кастанеда закончил Национальный колледж Св. Девы Марии Гваделупской. Потом он изучал живопись и культуру, но не в Милане, а в Перуанской Национальной школе изящных искусств. В 1949 г., после смерти матери (то есть ему было тогда не 6, а 24 года), Кастанеда переехал в США и вскоре был зачислен в Лос-Анджелесский городской колледж, где прослушал два курса — творческого письма и журналистики.

Таковы факты неофициальной биографии Кастанеды, подлинность которой, он, впрочем, никогда не признавал.

О другой половине его жизни также известно очень мало. Учеником дона Хуана Кастанеда был в 1960–1966 гг. В 1962 г. он окончил Калифорнийский университет, получив степень бакалавра гуманитарных наук по антропологии. После этого он оставался при университете вплоть до 1971 г. За свою первую книгу Кастанеда получил в 1968 г. степень

магистра, а за третью в 1973 г. — степень доктора философии в области антропологии. В том же году дон Хуан умер. После смерти наставника Кастанеда постарался осуществить один из его заветов: «стер свою личную историю». Он отказался от окружения людей, хорошо его знавших, и постепенно отдалился от всех своих прежних знакомых. «Я должен был на время исчезнуть, не оставив никакого следа», — сообщил он в одном из своих поздних интервью. Пропав из поля зрения друзей, сменив место жительства и, по-видимому, действительно поменяв имя, он постепенно возвел вокруг себя неприступную стену тумана и превратился в почти легендарную фигуру. Порой проходило несколько лет, в течение которых никто не знал, где он живет и чем занимается. Потом Кастанеда вновь неожиданно «объявлялся», чтобы опять, короткое время спустя, исчезнуть. Последнее такое возвращение Кастанеды было в начале 1998 г., когда поклонники во всем мире отмечали 30-летие со дня выхода его первой книги. Тогда были записаны несколько новых интервью. Но летом того же 1998 г. неожиданно появилось краткое сообщение о том, что Карлос Кастанеда скончался от рака печени.

ЛИТЕРАТУРА

Абу Хамид аль-Газали. Воскрешение науки о вере. М., 1980.

Абу Хамид аль-Газали. Избавление от заблуждения. — В кн.: Григорян С. Н. Из истории философии Средней Азии и Ирана (VII–XII вв.). М., 1960.

Августин Блаженный. Исповедь. — В кн: Блаженный Августин. Творения; Т.1. СПб., 1998.

Агаев С. Л. Иран: рождение республики. М, 1984.

Агаев С. Л. Рухолла Мусави Хомейни. // ВИ; 1986; № 6.

Алимарин С, Барабашев А. «Путь воина». Карлос Кастанеда и его учение. // Наука и религия 1988 № 10.

Алимов И. А. Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая М., 1998.

Андросов В. П. Вклад Нагарджуны в концепцию ниришвара. — В кн.: Древняя Индия.

Язык. Культура. Текст. М., 1985.

Андросов В. П. Нагарджуна и его учение. М, 1990.

Ансари Х. Имам Хомейни. Политическая борьба от рождения до кончины М, 1999. ANTHROPOS Опыт энциклопедического изложения Духовной науки Рудольфа Штайнера М. — СПб., 1999.

БаджУ. Египетская религия Египетская магия. М., 1996.

Бадж У. Легенды о египетских богах. М., 1997.

Базиленко И. В. Бахаизм: история вероучения (середина XIX — начало XX в.). М., 1994.

Барро М. Торквемада, его жизнь и деятельность в связи с историей инквизиции. — В кн.: Жизнь замечат. людей. Биогр. б-ка Ф. Павленкова; Т. 5. Челябинск, 2000.

Баха-Улла. Краткий очерк жизни и трудов. М., 1992. 532.

Беляев Е. А. Мусульманское сектантство. М., 1957.

Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий. М., 1984.

Бертельс Е. А. Происхождение суфизма и зарождение суфийской литературы. — В кн.:

Е. А. Бертельс. Избранные труды; Т. 3. М., 1965.
Бертельс Е. А. Основные моменты в развитии суфийской поэзии. — Там же.
Бессмертный-Анзимиров А. «Господин Второго пришествия»? //Наука и религия. 1993. № 9.
Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М.,1999.
Богомолова Е. К. Беседы о «Живой Этике». Екатеринбург, 1992.
Божественный Принцип. М., 1998.
Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. М., 1987.
Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. М., 1994.
Большаков О. Г. История халифата. Т. 1. М., 1989.
Бонгард-Левин Г. М., Герасимов А. В. Мудрецы и философы древней Индии. М., 1975.
Боргош Ю. Фома Аквинский. М., 1975.
Борисоглебский Л. Святые из Солт-Лейк-Сити. // Наука и религия. 1982. № 3.
Брихничев И. Апостолы Реформации. М., 1912.
Брушлинская О. Остался нераскаянным… (О А. И. Введенском). // Наука и религия. 1988. № 6.
Будон Ринчендуб История буддизма. СПб., 1999.
Буайе Ж. Ф. Империя Муна. М., 1990.
Булгаков А. Очерки истории методизма. Киев, 1887.
Бхактиведанта Свами Прабхупада. Учение Шри Чаитанйи. Вильнюс, 1989.
Быков А. А. Игнатий Лойола, его жизнь и общественная деятельность. — В кн.: Жизнь замечат. людей. Биогр. б-ка Ф. Павленкова; Т. 5. Челябинск, 2000.
Быков А. А. Патриарх Никон. — В кн.: Жизнь замечат. людей. Биогр. б-ка Ф.
Павленкова; Т. 12. Челябинск, 1998.
Васильев А. М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Сауди-дов в Аравии (1744/45–1818). М, 1967.
Васильев А. М. История Саудовской Аравии. (1745–1973). М., 1982.
Васильев В. П. Буддизм, его догматы, история и литература. СПб.,1857.
Васильев К. В. Истоки Китайской цивилизации. М., 1998.
Васильев Л. С. История религий Востока. М., 1999.
Васильева О. Ю. Русская православная церковь в 1927–1943 годах. //Вопросы истории. 1994 № 4.
Вивекананда Раджа-йога. Афоризмы Йоги Патанджали. //Сарасвати. Вестник общества Вивекананды. Вып. I. М., 1992.
Визягин А. С. Григорий VII, его жизнь и общественная деятельность. — В кн.: Жизнь замечат. людей. Биогр. б-ка Ф. Павленкова; Т. 5. Челябинск, 2000.
Вогюе А. де Святой Бенедикт. Человек БожийчМ., 1995.
Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. СПб., 1993.
Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. М., 1998.

Герье В. И. Франциск, апостол нищеты и любви. М., 1908.
Герье В. И. Блаженный Августин. М., 1910.
Геттэ В. История Церкви от Рождества Господа нашего Иисуса Христа до наших дней.
СПб., 1873–1875.
Геттэ В. История иезуитов. М., 1911–1912. 533.
Гордон П. Вестник полночного крика. Уильям Миллер и движение 1844 г. Заокский, 1996.
Гордун С. Русская православная церковь при святейших патриархах Сергии и Алексии. // Вестник русского христианского движения. 1990. № 158.
Грант М. История древнего Израиля. М, 1998.
Григорян С. Н. Из истории философии народов Средней Азии и Ирана в VII–XII вв М., 1960.
Грюнебаум Г. Э. фон Классический ислам. М., 1986.
Гуру Нанак. К 500-летию со дня рождения поэта и гуманиста Индии. М., 1972.
Далай-лама. Мир тибетского буддизма СПб., 1996.
Даранта. История буддизма. СПб. 1869.
Даров И. Бехаизм. Л., 1936.
Дворкин А. Л. Введение в сектоведение Нижний Новгород, 1998.
Девина И. В. Мормоны: философия, религия, культура. М., 1994.
Диесперов А. Блаженный Иероним и его век М., 1916.
Динеков П. Славянский просветитель Мефодий София, 1985.
Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1998.
Дмитриева Л. П. «Тайная доктрина» Елены Блаватской в некоторых понятиях и символах. Магнитогорск, 1992.
Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М., 1998.
Дремова Г. Тайна золотых листов. //Наука и религия. 1991. № 8.
Дубнов СМ. Краткая история евреев. М., 1996.
Дубнов СМ. Хасидизм. — В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Т. 73.
М., 1993.
Дубнов СМ. Возникновение хасидизма. Жизнь и деятельность Израиля Бешта. — В кн.:
Евреи в Российской империи XVIII–XIX вв. М., 1995.
Дьяконов Н. М. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.
Дюмулен Г. История Дзэн-буддизма. Индия и Китай. СПб., 1994.
Дюшен Л. История древней церкви М., 1912–1914.
Евсевий Памфил Церковная история М., 1993.
Ершова Г. Индейское учение дона Хуана //Волшебная гора. 1994. №2.
Живая Этика- Избранное/ Сост. М Ю. Ключниковой. М., 1992.
Жильсон Э. Томизм. Введение в философию ев Фомы Аквинского. М. — СПб., 1999.
Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Ми-ней св.

Дмитрия Ростовского. М., 1906–1911.
Жуков Д. А. Имам Хомейни. Очерк политической биографии. М.,1999.
Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.
Зайчик Ц. Р. Великие мыслители. М., 1994.
Закон Божий для семьи и школы. Джорданвиль, 1967.
Зеленев З. И. Египет: Средние века и новое время. СПб., 1999.
Зубков К. А. Св. Патрик: Биография. По материалам «Исповеди». — В кн.: Зеркало истории: Личность в истории. Вып. 2. М., 1995.
Иваненко СИ. О людях, никогда не расстающихся с Библией. М.,1999.
Изречения, афоризмы и наставления великого вождя Исламской революции Его Светлости имама Хомейни. Тегеран, 1995. 534.
Илларионова Е. В. Жизнь и литературная деятельность Джона Виклефа. — В кн.: Из истории западноевропейского средневековья. М., 1972. Ильин Г. Ф. Религии древней Индии. М., 1959. Инайят-хан Учение суфиев. М., 1998.
Иоанн Аксайский. История Вселенских соборов. Новочеркасск, 1893. История баптизма. Одесса, 1996.
История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые шаги рабовладельческой цивилизации. М., 1983–1988.
Ишервуд К. Рамакришна и его ученики. М., 1997.
Каграманова Г. Побег лозы Христовой. // Истина и жизнь. 1997, № 8.
Карлейль Т. Герои и героическое в истории. СПб., 1898.
Карсавин Л. П. Святые отцы и учители церкви. М., 1994.
Карягин К. М. Сакиа-Муни (Будда): Его жизнь и философская деятельность. — В кн.:
Жизнь замечат. людей. Биогр. б-ка Ф. Павленкова. Т. 3. Челябинск, 1997.
Кассиан. Христос и первое христианское поколение. М., 2001.
Кастанеда К. Лекции и интервью. Киев, 2000–2001.
Кен Орлиное Перо. Тропа толтеков. Киев, 1996.
Керимов Г. М. Аль-Газали и суфизм Баку, 1969.
Книга Мормона. Солт-Лейк-Сити, 1998.
Козаржевский А. Ч А. И. Введенский и обновленческий раскол в Москве. // Вестник МГУ. Серия История. 1989. № 1.
Комаров Э. Н. Рам Мохан Рай — просветитель и провозвестник национального движения в Индии. — В кн.: Общественно-политическая и философская мысль Индии. М., 1962.
Коран. Перевод и комментарий И. Ю. Крачковского. М., 1990.
Кочетов А. Н. Ламаизм. М., 1973.
Крывелев И. А. История религий М., 1988.
Крымский А. Е. Очерки развития суфизма до конца III века гижры. — В кн..
Древности Восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского Археологического Общества; Т 2; вып. I. М., 1896.
Крымский А. Е Исмаилиты. — В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Т. 13. СПб., 1894.
Крэнстон С. Е. П. Блаватская- Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. Рига-М., 1996.

Кулаков А. Е. Религии мира. М., 1997.
Кутасова И. М. Философия Нагарджуны. — В кн.: Общественно-политическая и философская мысль Индии. М., 1962.
Лебедев А. П. Вселенские соборы IV и V веков. Сергиев-Посад, 1896.
Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996.
Линденберг К. Рудольф Штейнер. М., 1995.
Логутова М. Г. Движение «Нового благочестия» и книга «О подражании Христу». СПб., 1997.
Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании. СПб., 1914.
Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., 1992.
Л. Рон Хаббард. Страницы жизни. Копенгаген, 1995.
Луконин В. Г. Картир и Мани. // ВДИ; 1966; № 3.
Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969.
Лукьянов А. Е. Лаоцзы. (Философия раннего даосизма.) М., 1991.
Максвелл М. Тайна жизни. СПб., 1995.
Малявин В. В. Конфуций. М., 1992.
Массе А. Ислам. Очерк истории. М., 1961.
Матье М. Э. Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М., 1996.
Маяцкий Ф. С. Каббала и хасидизм. — В кн.: Некоторые вопросы философии.
Межвузовский философский сборник № 4. Кишинев, 1964.
Мензис А. История религий. СПб., 1899.
Мень А. История религии. М., 1991–1992.
Мережковский Д. С. Реформаторы. Лютер, Кальвин, Паскаль. Томск, 1999.
Милль Р. де Записки о доне Хуане. Киев, 1996.
Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность. СПб, 1997.
Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. М., 1992.
Мюллер М. Шри Рамакришна Парамагамза, его жизнь и учение. М.,1913.
Мякотин В. А. Протопоп Аввакум, его жизнь и деятельность. — В кн.: Жизнь замечат. людей. Биогр. б-ка Ф. Павленкова; Т.5 Челябинск, 2000.
Наумкин В. В. Трактат Газали «Воскрешение науки о вере». — В кн.: Абу Хамид ал-
Газали. Воскрешение науки о вере. М., 1980.
Никольский Н. Реформа Никона и происхождение раскола. — В кн.: Три века. Т. 2.
М., 1991.
Нурбахш Д. Таверна среди руин: Семь эссе о суфизме. М., 1992.
Одинцова М. И. Крестный путь патриарха Сергия. // Отечественные архивы. 1994. № 2.
Орманиан М. Армянская церковь, ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее. М., 1913.
Очерки истории западного протестантизма. М., 1995.
Паевская Е В. Рам Мохам Рой — предшественник буржуазного национального движения в Бенгалии. — В кн.: Ученые записки Тихоокеанского института. Т.П. М. — Л., 1949.

Папюс. Первоначальные сведения по оккультизму. Киев, 1993.
Папюс. Каббала или наука о Боге, вселенной и человеке. СПб., 1910.
Петр Сицилийский. Правдивая история. — В кн.: Бартикян Р. М. Источники для изучения павликианского движения. Ереван, 1961.
Патриарх Никон — протопоп Аввакум. М., 1997.
Певницкий В. Ф. Св. Григорий Двоеслов — его проповеди и гомилетические правила.
Киев, 1871.
Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.
Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
Переферкович Н. А. Талмуд. — В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Т. 64. М., 1993.
Петрушевский Д. М. Джон Уиклифф. — В кн.: Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей под редакцией профессора П. Г.
Виноградова. Вып. IV М., 1899.
Пименова Э. К. Франциск Ассизский. Его жизнь и общественная деятельность. — В кн.: Жизнь замечат. людей. Биогр. б-ка Ф. Павленкова; Т. 3. Челябинск, 1997.
Попов И. Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения. Казань, 1898. 536.
Поснов М. Э История христианской церкви (до разделения Церквей -1054 г.). Киев, 1991.
Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.,1995.
Прозоровская Б Д. Мартин Лютер, его жизнь и реформаторская деятельность. — В кн.: Жизнь замечат людей. Биогр. б-ка Ф. Павленкова; Т. 12. Челябинск, 1998.
Прозоровская Б. Д. Ульрих Цвингли, его жизнь и реформаторская деятельность. — Там же.
Прозоровская Б. Д. Жан Кальвин, его жизнь и реформаторская деятельность. — Там же.
Путь первопроходца. Очерки из жизни Сан-Мен Муна. М., 1995
«Раби Шимон». Фрагменты из трактата «Зогар». М., 1994.
Раппорт Н. Я. В краю, где снимаются вестерны. // Человек. 2000. №2.
Рейнак С. Орфей. Всеобщая история религий. М., 1919.
Религия сикхов. Ростов-на-Дону, 1997.
Ренан Э. Апостолы. М., 1991.
Ренан Э. Апостол Павел. М., 1991.
Ренан Э. Христианская церковь: Царствование Андриана и Антонина Бла-1 гочестивого (117–161 гг.). М., 1991.
Рид Дэвид А. За кулисами Сторожевой Башни. Разоблачение организации «Свидетели Иеговы». СПб., 1998.
Робертсон Д. С, Герцог И. И. История христианской церкви от апостольского века до наших дней Спб., 1890–1891.
Рожков В. Очерки по истории Римско-католической церкви. М.,1998.
Розенов Э. Томас Мюнцер М., 1905.

Роллан Р. Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды. М., 1991.
Рубин В. А. Личность и власть в Древнем Китае. М., 1999.
Рыбаков Р. Б. Буржуазная реформация индуизма. М., 1981.
Рыжов К. В. Сказания православных христиан. Ступино, 1991.
Сабатье П. Жизнь Франциска Ассизского. М., 1895.
Саентология. Теория и практика современной религии. Копенгаген, 1998.1.
Сатсварупа дас Госвами Прабхупада. Человек. Святой. Его жизнь. Его наследие. СПб., 1993.
Святые Кирилл и Мефодий, вероучители славян. М., 1907.
Семенова Л. А Из истории Фатимидского Египта. М., 1974.
Сенкевич А. Н. Елена Блаватская М., 1999.
Серебряный С. Д Раммохан Рай: религия и разум. — В кн.: Рационалистическая традиция и современная Индия. М., 1988.
Скляров Л. Е. Иран 60–80 гг.: Традиционализм против современности. М., 1993.
Скотт В История Шотландии. СПб., 1831.
Скребцова М. Освобожденная мудрость. М., 1992.
Скумин В. А., Ауновская О. К. Светоносцы. Новочебоксарск, 1995.
Смирин М. М Народная реформация Томаса Мюнцера и великая Крестьянская война. М, 1955.
Смолич И. К. Русское монашество 980–1917 гг. Жизнь и учение старцев. М., 1997.
Снычев И. Состояние Русской Церкви при Сергии, в период его заместительства, местоблюстительства и патриаршества. // Христианское чтение. 1991. № 3.
Сократ Схоластик. Церковная история М., 1996.
Соловьев В. С. Манихейство. — В кн.» Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Т. 36. М., 1991.
Соловьев В. С. Каббала. — В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Т.26. М., 1991.
Соловьев В. С. Магомет, его жизнь и религиозное учение. — В кн.: Жизнь замечательных людей. Биогр. б-ка Ф. Павленкова; Т. 3. Челябинск, 1997.
Соловьев В. С. Современная жрица Изиды. Мое знакомство с Е. В. Блават-ской и «Теософским обществом». М., 1994.
Сопрыкин Ю. М. Взгляды Джона Уиклифа на общность имущества и равенство. — В кн.: Средние века. Вып. 34. М, 1971.
Спирина Н. Д. Урусвати — Свет Утренней Звезды. Новосибирск,1998.
Стульчинский СВ. Введение в Агни Йогу Новосибирск, 1997.
Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 6 М., 1972–1996.
Такер Р. От Иерусалима до края земли (Биографические истории о христианских миссионерах.) СПб., 1998.
Тальберг Н. История христианской церкви. М., 1991.
Тарасов Б. Н. Паскаль. М., 1982.
Терновский Ф. А. Греко-восточная церковь в период Вселенских соборов. Киев, 1883.
Тимошин Л. «Мессия должен быть богаче всех». // Наука и религия. 1982. № 11.

Торчинов Е. А. Даосизм: опыт историко-религиозного описания. СПб., 1998.
Тьерри А. Несторий и Евтихий, ересиархи V века. Киев, 1880.
Уманец СИ. Очерк развития религиозно-философской мысли в исламе. СПб., 1890.
Фаликов Б. З. Теософия: очерк истории Теософского общества и его учения. — В кн.: Религии мира. История и современность. Ежегодник. 1989–1990. М., 1993.
Филиппов М. М. Ян Гус, его жизнь и реформаторская деятельность. — В кн.: Жизнь замечат. людей. Биогр. б-ка Ф Павленкова; Т. 12. Челябинск, 1998.
Флайшганс В. Ян Гус. М., 1916.
Флоровский Г. В Восточные отцы IV-го века. Париж, 1990.
Флоровский Г. В. Восточные отцы V–VIII вв. Париж, 1990.
Фома Кемпийский О подражании Христу. М. — Минск, 1993.
Функ Ф. С История христианской церкви от времен апостольских до наших дней. М., 1911.
Хрисанф. Религии древнего мира в их отношении к христианству. СПб., 1873–1878.
Хрисанф. Характер протестантства и его историческое развитие. СПб., 1871.
Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993.
Челлини К. Г. Проблема «истинной» и «ложной» веры в творчестве Джона Нокса. — В кн.: Общественное сознание в кризисные и переходные эпохи. М., 1996.
Черносвитов П. Ю. «Проскочить мимо клюва Орла». (Читая Кастанеду.) // Человек. 1996. № 1.
Честернон Г. К. Святой Фома Аквинский. — В кн.: Вечный Человек. М., 1991.
Что такое саентология? Всесторонний справочник по самой быстрорастущей религии в мире. Копенгаген, 1998. 538.
Шантепи-де-ля-Соссей Д. П. Иллюстрированная история религии. М., 1899.
Шах И. Суфизм. М., 1994.
Шеллер А. К. Савонарола, его жизнь и общественная деятельность. — В кн.: Жизнь замечат. людей. Биогр. б-ка Ф. Павленкова; Т. 5. Челябинск, 2000.
Шиммель А. Мир исламского мистицизма. М., 1999.
Шифман И. Ш. Ветхий Завет и его мир. М., 1987.
Штайнер Р. Краткий очерк Антропософии. М., 1994.
Штекли А. Э. Томас Мюнцер. М., 1961.
Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. Калуга, 1914; М.,1990.
Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — В кн.: Маркс К., Энгельс Ф.
Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 3. М., 1985
Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М. — Л., 1950.